

Владимир
Овчинников

СВЯТОЙ АДМИРАЛ
УШАКОВ

1745-1817

В. Д. ОВЧИННИКОВ

АДМИРАЛ УШАКОВ
И ЕГО ВРЕМЯ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА БИОГРАФИЮ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ВОИНА

Москва

2003

ББК 63.3 (2) 46

О35 **Овчинников В.Д.**

Адмирал Ушаков и его время. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – ___ с.: ил.

Книга о прославленном русском флотоводце, адмирале Федоре Федоровиче Ушакове (1745–1817), в 2001 году причисленного Русской Православной Церковью к лику святых.

© Владимир Овчинников, 2003

© ОЛМА-ПРЕСС, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волга... Она берет начало из небольшого ручья и несет свои воды, питаясь такими же ручейками, большими и малыми реками, собирая их в могучий поток. Глядя на его степенное течение, невольно думаешь о том, что вот так же и народ наш российский издревле собирался из дальних уголков в могучую силу для отпора иноземному врагу. Многих славных сынов – защитников земли Русской – дала нам Ярославская земля. Среди них: святой благоверный князь Александр Невский, адмирал Григорий Спиридов, маршалы Василий Блюхер и Федор Толбухин, генералы Павел Батов и Федор Харитонов, адмиралы Иван Кольшкин и Алексей Матушкин, создатель знаменитого танка Т-34 Михаил Кошкин, первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. Отсюда начали свой освободительный поход Минин и Пожарский. Здесь, на Верхней Волге, был исток и Федора Федоровича Ушакова.

Попущением Божиим до конца XX столетия никто не знал, где и когда он родился. Подавляющее большинство биографов и исследователей жизни флотоводца считали его уроженцем Тамбовской деревни Алексеевка. Дата же рождения указывалась везде лишь приблизительно: 1744–1745 годы. Но нет ничего тайного, что бы не стало бы явным. Ответ был найден автором в архиве Ростова Великого.

Покровом неизвестности были окутаны и многие другие события и факты биографии флотоводца, его личная жизнь, мысли, чувства, переживания. Все это порождало и порождает всевозможные легенды и небывлицы. Дело осложняется и тем, что Федор Федорович не оставил нам своих воспоминаний и каких-либо военно-теоретических разработок. За редким исключением, не дошла до нас и его частная переписка. В этой связи, отдельные моменты жизни Ф. Ф. Ушакова автору пришлось реконструировать на основании косвенных данных и тех реальных исторических событий, действующим лицом в которых был сам адмирал.

К счастью, сохранились многочисленные материалы служебной деятельности флотоводца, начиная с 1783 года. Это, прежде всего, приказы, ордера, рекомендации по обучению и воспитанию личного состава, по ведению боевых действий; обширная переписка со многими известными государственными и военными деятелями того времени. Большой массив этих материалов автору удалось почерпнуть в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном архиве древних актов.

Для более полного восприятия читателями той атмосферы, в которой жил и творил Ушаков, тех грандиозных задач, в решении которых он принимал непосредственное участие, большое место в книге уделяется описанию этих событий. Прежде всего, это касается мало исследованных и даже неизвестных страниц истории нашего Отечества, таких как, например, присоединение Крыма к Российской империи, создание Черноморского флота и многих других.

До последнего времени мы зачастую изучали историю борьбы России за обладание Черным морем и укрепление своих позиций в Европе только с одной стороны – российской. Поэтому особое место автор отводит описанию хитросплетений дипломатической борьбы Российского кабинета с Оттоманской Портой и европейскими Дворами за достижение намеченных целей. Это позволило ярко и убедительно показать причины, механизм и скрытые пружины ведения русско-турецких войн и коалиционной войны против Франции конца XVIII века, их реальные результаты, роль и место в них Черноморского флота и его командующего.

Затронут и мощный пласт духовно-нравственного наследия непобедимого адмирала, стяжавшего за свою праведную жизнь венец святости.

1. УШАКОВЫ

Ушаковы были известны на Руси с давних времен. Они приходились сродни именитым русским фамилиям: Долгоруким, Голицыным, Волконским, Трубецким, Репниным, Вяземским и многим другим. Свое начало род Ушаковых вел от косоцкого князя Редиги, которого сразил в поединке храбрый тмутараканский князь Мстислав Владимирович – сын крестителя Руси святого равноапостольного князя Владимира. Взяв к себе сыновей Редигиных, Мстислав крестил их и дал при крещении первому имя Юрий, а второму – Роман. За Романа отдал Мстислав Владимирович свою дочь, имел от них внука Василия. Родоначальник фамилии Ушаковых – Павел, по прозвищу Ушак, был потомком Василия Романовича в шестом колене.

Из рода Ушаковых впоследствии многие служили Всероссийскому престолу в разных чинах и жалованы были от государей вотчинами. Немир Юрьевич Ушakov в 1577 году оставлен был в немецком городе Болзуне воеводой, родной брат его Никон в 1578 году был наместником в Алисте, а потом в Ленаварде. Правнук Немира Юрьевича – Дмитрий Калиныч Ушakov по разряду был написан в дворянских списках, и за ним значились поместья в Романовском уезде, в сельце Бурнакове с деревнями¹.

Во второй половине XVII века Бурнаково по наследству досталось Василию Дмитриевичу Ушакову, а после него – его сыну Игнатию, определенному по высочайшему повелению к соляным сборам в Ярославской провинции. Несмотря на важность своей должности, владельцем он был не слишком богатым, хотя жил в полном достатке. Дом в его имении стоял на возвышении, на добротном каменном фундаменте. Еще до 50-х годов XX столетия дом сохранялся одноэтажным, но старожилы говаривали, что был и второй этаж. Вокруг дома росли вековые деревья, а в усадьбе был разбит яблоневый сад. Со всех сторон Бурнаково окружал великолепный хвойный лес с разбросанными в нем островками полей и лугов. И до сегодняшних дней необыкновенной красоты еловый лес за околицей Бурнакова среди местных жителей носит название «Ушаково поле».

Отсюда ушли служить в Преображенскую гвардию сыновья Игнатия Васильевича – Сила, Федор и Иван. Служба в гвардии для мелкопоместного дворянина считалась

почетной, ибо по указу Петра Великого от 7 марта* 1721 года в гвардию определяли только недорослей знатного шляхетства, а прочих – в другие полки².

Первым поступил в гвардию старший из сыновей – Сила, зачисленный в 1724 году солдатом в 8-ю роту. Следом за ним, 27 июня 1727 года, в 9-ю роту был определен мушкетером Федор. Мы не знаем, как он выглядел, но документ сохранил для нас любопытные сведения о том, что рост его составлял 2 аршина 7 $\frac{3}{4}$ вершка (174,7 см). 15 июня 1735 года в бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка был принят Иван. Он был ростом 2 аршина 7 вершков (173,5 см)³. А на следующий год в полк прибыл старший сын Силы Игнатьевича – Алексей.

К этому времени Сила Игнатьевич имел чин прапорщика. Через два года, 27 апреля 1737 года, он был пожалован подпоручиком. Будучи старшим и по возрасту, и по чину, Сила Игнатьевич опекал младших братьев и сына. Федор и Иван, со своей стороны, уважали старшего брата и старались во всем его слушаться.

В пору их службы Россия переживала не самые лучшие времена. Императрица Анна Иоанновна, в 1730 году, по воле случая, вступив на Всероссийский престол была не тем историческим персонажем, в ком нуждалась тогда Россия. Она никогда не готовилась и, соответственно, была совершенно не готова к роли правительницы гигантской страны. Порвав подписанные с Верховным тайным советом «кондиции» и захватив самодержавную власть, Анна Иоанновна более предавалась праздным развлечениям с устройством всевозможных экзотических маскарадов, отдав государственные дела на откуп своему фавориту Э. И. Бирону. При этом вся кипучая энергия верхушки российского дворянства была направлена не на созидание в Государстве Российском, а на борьбу с засильем иностранцев при дворе императрицы. Хотя, справедливости ради, стоит сказать, что к тому времени иностранцев в России было не более, чем во времена царя-преобразователя, и они, в общем и целом, продолжали его начинания. Лозунг же борьбы с иноземством, выдвинутый российской знатью, был не более чем удобным поводом, чтобы заявить о своих претензиях на монаршие милости и иметь возможность оказывать влияние на императрицу.

Со своей стороны, Анна Иоанновна для борьбы с явными и мнимыми противниками в 1731 году восстановила Тайную розыскных дел канцелярию и вверила ее небезызвестному Андрею Ивановичу Ушакову, приходившемуся, кстати, дальним родственником гвардейцам Ушаковым. Большой знаток фискальной службы и «загадочной» русской души, Андрей Иванович был, поистине, карающим мечом императрицы. А посему попасть в его ведомство

* Все даты указаны по старому стилю. Международные акты и договоры, а также другие события европейской истории приводятся в двойной датировке.

никто не стремился, тем не менее, «на приеме» у него побывало не мало народу и даже из числа знатных особ.

Созданная Петром гвардия, в которой проходили службу братья Ушаковы, находилась под влиянием природных российских дворян и была не в милости императрицы. Не доверяя ей, Анна Иоанновна в 1730 году учредила Измайловский полк, укомплектованный в основном единоверцами с Юга и иностранными офицерами. Это, в свою очередь, вызвало ропот среди гвардейцев Преображенского и Семеновского полков.

Недовольство военного сословия вызывала также продолжительная, практически пожизненная, военная служба, приведшая к упадку дворянских хозяйств. Это вынудило Анну Иоанновну в последний день 1736 года подписать высочайший указ о сокращении срока службы до двадцати пяти лет. Желających воспользоваться новой привилегией и поскорее уехать из столицы в свои имения оказалось более чем достаточно. В 1738 году решили побывать дома и братья Ушаковы, для чего каждый из них написал соответствующее прошение на отпуск.

Любопытно заметить, что при прошении Иван Игнатьевич показал, что за отцом его в Московской губернии в Романовском уезде состоит в подушном окладе «50 душ, а за ним ничего не имеется». Федор Игнатьевич, в свою очередь, также пояснил в канцелярии, «что за отцом его в Романовском уезде в сельце Бурнакове в подушном окладе и подушные деньги платит отец его, сколько мужеска полу душ, он сказать не упомнит, жены его Ушакова (Параскевы Никитичны. – Авт.) приданные в Ярославском уезде в сельце [Большом увозе ?] в деревне [...] 30 душ в подушном окладе написаны за тестем его, а подушные деньги платит он Ушаков»⁴.

Однако ввиду продолжавшейся войны с Турцией и участия в военной кампании значительной части Преображенского полка поездку в отпуск братьям Ушаковым не разрешили. Возможность побывать дома представилась лишь через два года. В сентябре 1740 года первым подал прошение Сила Игнатьевич, объясняя свое желание собственной болезнью, а также болезнью отца и расстроеным хозяйством в имении. Но императрица, имея богатый опыт по части «болезней» своих гвардейцев, решила отправить его сначала к марциальным водам, подписав 12 октября соответствующий указ. Через пять дней она скончалась, но ее решение осталось в силе, и Сила Игнатьевич отправился на лечение. Оставшиеся в полку Федор и Иван Ушаковы участвовали в церемонии погребения Анны Иоанновны, после чего, в январе 1741 года, были отпущены в годовой отпуск⁵.

Вскоре братья добрались до отчего дома. А на Пасху в Бурнаково приехал и Сила Игнатьевич. Впервые за много лет все большое семейство Ушаковых собралось вместе.

Вместе пошли и на пасхальное богослужение в церковь Богоявления-на-Острове, расположенную в трех верстах от Бурнакова на живописном левом берегу Волги в одноименном селе Богоявленском (ныне деревня Хопылево).

Церковь состояла при мужском Островском Богоявленском монастыре, который находился здесь с незапамятных времен. В архиве местного помещика А. Н. Меркурова из близлежащего сельца Алексеевского в середине XIX века были найдены документы, простирающие сведения о монастыре до начала XVII века. Среди документов значилась и грамота царя Василия Шуйского, выданная монастырю 16 июня 1606 года⁶.

Все вокруг было торжественно и благопристойно. Белокаменный храм с шатровой колокольней, возведенной искусными ярославскими мастерами в 1701 году, поражал великолепием. На колокольне было два старинных колокола, один из которых в 1672 году вылил специально для Островского монастыря известный ярославский мастер Федор Дмитриевич Маторин, сын и внук которого, Иван и Михаил, в 1735 году отлили в Москве знаменитый Царь-колокол. И сейчас, глядя на то, что осталось от Богоявленского храма, думаешь о том, что были когда-то на Руси мастера, способные достичь небывалых высот, что и вдали от стольных городов создавались истинные жемчужины церковного зодчества.

На подходе к церкви отчетливо различались кресты монастырского погоста с множеством могил разных времен, где лежали и предки Ушаковых. На погосте была чистота и опрятность. Поклонившись праху сородичей, Ушаковы зашли в храм. Об этом посещении в Исповедальных ведомостях церкви за 1741 год осталась запись:

<i>«Сельца Бурнакова</i>	<i>Лета</i>	
	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>
<i>Подпоручик Сила Игнатъев сын Ушаков</i>	<i>40</i>	
<i>Жена его Мавра Яковлева</i>		<i>39</i>
<i>Дворянин Игнатий Васильев сын Ушаков</i>	<i>71</i>	
<i>Жена его Параскева Иванова</i>		<i>46</i>
<i>дети их</i>		
<i>Федор</i>	<i>...</i>	
<i>Иван холост</i>	<i>23</i>	
<i>Марфа</i>		<i>12</i>
<i>Иван</i>	<i>7</i>	
<i>Федорова жена Параскева Никитина</i>		<i>...»⁷</i>

Спустя девять месяцев после приезда в Бурнаково у Силы и Федора родились сыновья – соответственно Александр и Гаврила. После этого братья вернулись в полк.

К этому времени Швеция, будучи не довольна условиями Ништадтского мира, решила взять реванш за поражение в Северной войне 1700–1721 годов, и 24 июля объявила войну России, формально выступив защитницей прав на Всероссийский престол цесаревны Елизаветы, с которой с конца 1740 года велись тайные переговоры.

К немалому удивлению для шведов, в начале сентября русские войска под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, перехватив инициативу, вступили в Финляндию и развернули там наступление. 24 ноября по указу правительницы, Анны Леопольдовны, гвардия должна была выступить к Выборгу. Это лишало дочь Петра реальной поддержки и побудило ее к решительным действиям в борьбе за престол. В ночь на 25 ноября она при помощи гренадеров Преображенского полка арестовала правительницу и провозгласила себя императрицей. Однако новая императрица не пошла ни на какие территориальные уступки шведам и войны не прекратила.

С приходом к власти истинно русской царицы гвардейцы надеялись на возрождение петровских традиций. За неоценимую услугу, оказанную Елизавете, гренадерская рота Преображенского полка получила наименование лейб-компаний. Все остальные офицеры и солдаты гвардии были повышены в чинах и получили иные награды и привилегии.

После всех этих бурных событий особым образом сложилась судьба Ивана Игнатьевича Ушакова. Выросший и воспитанный при Богоявленском монастыре, он тяготился праздной гвардейской жизнью.

Во время обычного шумного собрания товарищей-гвардейцев один из его сослуживцев, будучи до того совершенно здоровым, внезапно упал замертво. Увидев умершего без покаяния товарища, Иван, словно очнувшись от обаяния мирских соблазнов, внезапно осознал всю непрочность того, что люди называют счастьем. Тотчас решил он оставить все: военную карьеру, друзей, родителей и всю красоту этого мира и тайно бежать в пустынь, желая стяжать звание воина Царя Небесного.

Вняв, таким образом, всем существом своим гласу Божию, Иван, наскоро собравшись, спешно выехал из столицы с одним слугой, как бы в родительский дом. Отъехав несколько верст от Петербурга, он отпустил слугу, а сам переоделся в нищенскую одежду и пошел на берега Двины в поморские леса.

На дороге близ Ярославля неожиданно встретился ему родной дядя, ехавший в богатой карете со слугами. Желая приветствовать родственника, Иван поклонился ему, но тот, не признав в оборванце племянника, не обратил на него внимания. Сильное смущение

возмутило душу молодого подвижника. Вспомнил он свою прежнюю безбедную жизнь, которую проводил в довольстве и покое. С молитвою, осенив себя крестным знамением, юноша превозмог минутное сомнение и с новыми силами направился к поморским лесам, ставшим для него началом пути к спасению.

Вскоре, неуклонно преодолевая борения и соблазны, Иван, едва переступивший порог двадцатилетия, достиг лесов на берегах Двины. Углубившись в лесные дебри, молодой подвижник нашел в чаще опустевшую келию и жил в ней один более трех лет, лишь Богу работая в сокрушении сердца, подвизаясь в посте, молитве и терпении скорбей. Пищу и все немногое, необходимое для жизни, ему приносили боголюбивые жители окрестных селений.

Вскоре местное начальство усилило гонения на селившихся в северных лесах раскольников, а при случае теснило и уединившихся там православных пустынников, проживавших без документов. Начали притеснять и Ивана, подозревая в нем раскольника. Он же терпеливо сносил все оскорбления и даже побои. Но нечестивцы настолько распалились ненавистью к Ивану, что с побоями поволокли его в ближайший город Архангельск для суда и расправы. Скорбя о таком падении собратьев, Иван умолял их отпустить его и обещал совершенно покинуть поморские леса. Не подействовало. Но вскоре сильная усталость овладела нечестивцами, и они, вняв, наконец, усердным молениям пустытника, как бы нехотя отпустили его. Иван вынужден был спешно перейти из своей уединенной келии в Пощанскую пустынь, что в Орловской губернии.

Придя в Пощанскую пустынь, Иван при встрече с настоятелем обители назвался церковнослужителем. Старец-игумен долго не соглашался принять пришедшего без вида (паспорта) юношу, остерегаясь раскольников и беглых преступников. Лишь уступая настойчивой и усиленной просьбе, настоятель поставил Ивана читать в церкви богослужбное последование и из его чтения сразу понял, что перед ним не церковник, а какой-нибудь дворянский сын. Опасаясь, как бы из-за него не было в обители неприятностей, настоятель поселил Ивана в одной из отдаленных келий в лесу, устроенных прежде жившими там подвижниками.

Но недолго пожил любитель безмолвия в пустыни. По высочайшему повелению послана была сыскная команда для выявления всех, укрывающихся в лесах от закона, и для разорения их тайных жилищ. Взят был и Иван как «не имеющий вида». На допросе он признался, что тайком ушел со службы в гвардии, а потому сразу был доставлен в Санкт-Петербург к императрице Елизавете Петровне.

Случись такое на несколько лет раньше, в царствование суровой Анны Иоанновны, несдобровать бы Ушакову. Но Елизавета Петровна была

милостива, набожна, чтит монахов и покровительствовала настоящим пустынникам.

Приведенный во дворец, Иван, в ожидании приема у государыни, был поставлен под царским крыльцом. А так как прежде ухода из мира он был известен многим как природный дворянин, то в Петербурге, а особенно в гвардейских полках, стало известно, что капрал Ушаков сыскан. Многие, допущенные ко Двору, собрались посмотреть на молодого подвижника, смиренно стоявшего у крыльца. За прошедшие шесть лет Иван сильно изменился. В изможденном постом и молитвенными трудами человеке трудно было узнать бравого гвардейца, веселого товарища по столичным забавам и развлечениям. От великого воздержания Иван стал сух и бледен лицом. Одет он был в скудную власяницу, подпоясанную простым ремнем. Но особенно всех поражала лежавшая на нем печать глубокого смирения и послушания воле Божией. Видя это, многие умилялись и возымели в своем сердце намерение оставить мир и следовать путем, подобно Ивану, в Царство Небесное.

После доклада Ивана провели к Императрице. Увидев его, Елизавета Петровна по-матерински милостиво спросила:

– Зачем ты тайно ушел из моего полка?

– Для спасения души, Ваше Величество, – отвечал Ушаков.

– Прощаю тебя, – сказала императрица, – и жалую прежним чином.

– Ваше Величество, я желаю до конца своего иночествовать и не хочу прежней мирской жизни и прежнего чина. Молодого человека не уволили бы, не поверив, что он способен стать монахом, потому я и ушел тайно. Теперь же испытал себя и одного прошу у Вашего Величества – дать мне умереть монахом.

Императрица уважила просьбу Ивана и определила в Александро-Невский монастырь.

После трехлетнего испытания Иван Ушаков 13 августа 1748 года по высочайшему повелению и в присутствии самой императрицы был пострижен в монахи с именем Феодора (в честь покровителя земли Ярославской – Ростовского чудотворца благоверного князя Феодора).

Елизавета Петровна продолжала милостиво относиться к иноку и, бывая в лавре, спрашивала, хорошо ли он живет, не терпит ли какую обиду. Даже наследник ее, Петр Федорович, не любивший ни Православие, ни Россию, и тот говаривал, что в Невском монастыре есть необыкновенный монах Ушаков, которого он уважает за благоговение и

скромную жизнь. Многие из петербургских жителей всех сословий обращались к нему за духовными наставлениями.

Все это время Федор Игнатьевич Ушаков, пользуясь благосклонным отношением императрицы к гвардейским полкам, ежегодно бывал дома, приурочивая приезды к крестинам своего очередного дитя. Зимой 1745 года в его семье вновь ожидалось прибавление, и бывалый преображенец приехал из Петербурга в Бурнаково, чтобы поспеть к родам⁸.

13 февраля Параскева Никитична разродилась младенцем. Об этом знаменательном событии в метрической книге церкви Богоявления-на-Острове, в разделе «о родившихся», появилась запись:

«В феврале... Числа 13. Лейб-гвардии Семеновскаго* полку у солдата Федора Игнатьева сына Ушакова сельца Бурнакова сын Феодор»⁹.

Так пришел в мир человек, которому впоследствии суждено было стать выдающимся флотоводцем России и за свою праведность стяжавшим венец святости.

День его рождения пришелся между празднованием памяти двух воинов-великомучеников: Феодора Стратилата и Феодора Тирона (8 и 17 февраля). Возможно, в связи с этим младенец и был наречен Федором.

Есть, однако, и другая версия. Один Богу известный насельник Санаксарского монастыря обратил внимание на то обстоятельство, что в XIX веке родственники адмирала Ф. Ф. Ушакова ежегодно заказывали панихиду его памяти 23 мая. На первый взгляд дата никакого отношения к нему не имеет. Но достаточно взглянуть в церковный календарь, как все становится понятным. 23 мая – Собор Ростово-Ярославских святых, в том числе и благоверного князя Феодора, именем которого в монашестве был наречен Иван Игнатьевич. Это же имя носил и отец адмирала.

Святые мощи благоверного князя Феодора Черного с чадами Давидом и Константином в дивном нетлении и благоухании и поныне почивают в кафедральном соборе града Ярославля. А их образы имеются практически в каждом храме Ярославского края. Может быть, в честь именно этого наиболее почитаемого в тех местах святого и был назван будущий адмирал?

Вскоре после этого знаменательного события обремененный тяжелыми болезнями и многочисленным семейством Федор Игнатьевич Ушаков подал прошение об отставке. Проходив почти двадцать лет рядовым, карьеры он не сделал. 20 февраля 1747 года

* В тексте допущена ошибка, характерная для такого рода документов: Федор Игнатьевич служил в Преображенском полку.

последовал «изусный» указ Елизаветы Петровны о том, что «9-й роты мушкетер Федор Игнатьев сын Ушаков уволен от службы на свое пропитание» с награждением сержантским чином лейб-гвардии¹⁰.

Получив таким образом «пашпорт» от генерал-аншефа лейб-гвардии подполковника, графа Александра Ивановича Румянцева (отца знаменитого полководца П. А. Румянцева-Задунайского), он вернулся в родное сельцо, сменив царскую службу на хозяйские хлопоты и воспитание детей: Гаврилы, Степана и Федора. Позднее родились еще Дарья и Иван. Были, правда, еще Василий и Андрей, но они прожили совсем немного, умерли в младенчестве.

Как и положено дворянским недорослям, Ушаковы-младшие жили весело и беззаботно. Вместе трудились, вместе бегали на Волгу, ходили в лес и играли. А когда для игр не хватало ребят, брали с собой своих сверстников – детей дворового мужика Тимофея – Афанасия, Васятку и Михайлу. Знались они и с соседними дворянскими детьми. К тому же добрая половина дворян Романовской округи были родственниками. Почти в каждой шестой деревне жили Ушаковы, ко многим из которых частенько наезжали в гости.

Федор Игнатьевич держал детей в строгости, спуску не было никому. Каждый знал: перейдешь грань дозволенного – розги не избежать. Но отцовскую науку сносили безропотно, с осознанием содеянного.

Радостным для детей событием становились поездки на Романовскую ярмарку, которая проводилась два раза в год: большая – в июне, малая – в сентябре. Путь был неблизок – 18 верст вниз по Волге, но дальняя дорога оправдывала ожидания ребят. Старинный русский город, изобилие ярмарочных прилавков вносили в размеренность сельского быта своеобразное оживление и всякий раз поражали воображение ребятни. Все, что производилось на местных фабриках и кузнях, что выращивалось на здешней земле, – непременно было на ярмарке.

Романов того времени мало чем отличался от других уездных городков России. В нем было несколько заводешек да фабрик. Тем не менее, слава о романовских товарах гремела далеко за пределами Ярославской провинции (с 1764 года – губернии).

Кто ни слышал о романовской овце? Именно местные жители вывели эту знаменитую на весь мир породу. Громкой славой пользовались и романовские кузнецы. Со времен Петра Великого поставляли они гвозди для российского флота. Существовала здесь и равендучная фабрика, продукцию которой часто подделывали голландские и английские купцы, чтобы товар на рынке лучше шел. Но в основном романовский равендук (род парусины) шел для нужд флота и местных парусных ладей, преимущества которых неоднократно отмечал

Петр I, запрещая, чтобы «под жестоким штрафом... старым маниром (со скобами. – Авт.) судов не делали, а делали б эверсы или новым маниром романовки...»¹¹.

С высокого берега Волги ребятам хорошо было видно, как между Романовым и Борисоглебской слободой, расположенной на правом берегу, сновали белокрылые лодки. И, как знать, может, именно они пробудили тогда у Федора любовь к морю и кораблям.

2. В МОРСКОМ КОРПУСЕ

Еще Указом Петра I от 12 января 1722 года, вместо ранее существовавшего Разряда, для ведения всех дворянских дел была образована Герольдия. Первому герольдмейстеру Колычеву инструкцией вменялось в обязанность «ведать дворянство всего государства, высших и низших, прежних и вновь установленных военных, гражданских и придворных чинов». Для этих целей были составлены списки трех родов:

- 1) генеральные, именные и порознь по чинам;
- 2) кто из дворян к делам годится, кто в какой должности находится;
- 3) сколько у кого детей и каких лет.

По этим спискам герольдмейстер обязан был следить за тем, чтобы дворяне не укрывались от службы под страхом лишения имений и «живота»¹². Поэтому все дворянские недоросли по достижении определенного возраста должны были являться в герольдмейстерские конторы Сената для смотра, о чем в Указе Петра I от 7 марта 1723 года значилось: «Записавшихся в герольдмейстерской конторе всяких чинов шляхетства недорослей, которые в службу годны, тех отсылать в военную коллегию, а которые малолетние и в службу еще не успели, тех отсылать в дома... до указа»¹³.

Как видно, выбор жизненного пути дворянских детей определялся государственной необходимостью. Поэтому в назначенное время и Федор Игнатьевич Ушаков представил на первый смотр своего сына Федора, а вместе с ним и старшего Степана в герольдмейстерскую контору. После смотра дети были отправлены домой для продолжения учебы.

Грамоте и счету обучались они, скорее всего, в Богоявленском островском монастыре, ибо еще в 1714 году Петр I повелел во всех губерниях при архиерейских домах и знатных монастырях создать школы для дворянских, приказного чина дьячих и подьячих детей от десяти до пятнадцати лет¹⁴. И, что любопытно, генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину указано было, в каждую губернию, к тем школам, направить по два человека, понимающих географию и геометрию¹⁵. Сами же школы были подчинены директору Морской академии Г. Г. Скорнякову-Писареву. Особое внимание уделялось созданию таких школ в Москве, Ярославле, Костроме,

Пскове и Новгороде. Не случайно в Морскую академию назначались преимущественно дворяне новгородские, псковские, ярославские и костромские, «яко живущие у водных сообщений». Все это явственно свидетельствовало о стремлении царя-реформатора создать мощный военный флот и с помощью его вывести Россию в число ведущих морских держав.

Скоро настало время детям Федора Игнатьевича определяться в жизни. Гаврила поступил на военную службу, в Ревельский драгунский полк. Степан оказался слаб здоровьем и для военной службы признан негодным, после чего и стал именоваться «отставным недорослем». А Федор 7 февраля 1761 года был представлен на второй смотр, где и показал, что «российской грамоте и писать обучен... желает де он, Федор, в Морской кадетский корпус в кадеты»¹⁶. Детство закончилось. Впереди распахнулась широкая дорога в большую жизнь.

Через неделю после второго смотра, 15 февраля, Федор Ушаков был принят в Морской шляхетный кадетский корпус. Корпус был образован императрицей Елизаветой Петровной в 1752 году, но свое летоисчисление вел от Навигатской школы, созданной Петром I в Москве в 1701 году.

За полвека своего существования Школа претерпела ряд преобразований. 1 октября 1715 года на базе старших классов Навигатской школы в Санкт-Петербурге была создана Морская академия (Академия морской гвардии), которая разместилась в доме Кикина (на месте нынешнего Зимнего дворца). В 1743 году Академия переехала в двухэтажный каменный дом фельдмаршала Миниха, на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. Здесь же, преобразованный из Морской академии, располагался Морской шляхетный кадетский корпус.

В наборе 1761 года оказался и друг детства Иван Берсенева, живший в семи верстах от Бурнакова, в сельце Рыково. Отец Ивана – Алексей Симонович до 1739 года служил при Канцелярии генерал-аншефа Андрея Ивановича Ушакова¹⁷. Впервые оторвавшись от отчего дома, Федору и Ивану вдвоем легче было осваиваться в новых стенах.

Среди кадетов, поступивших в том же году, был еще один известный впоследствии человек – Петр Карцов. В марте 1761 года о принятии Петра в Корпус просил штурман прапорщичьего ранга Семен Овсов, показывая в прошении, что Петр есть сын Кондратия Карцова, подпрапорщика Семеновского полка. Но поскольку к прошению не были приложены доказательства о его дворянском происхождении, то Коллегия в прошении отказала. И лишь 30 апреля, уже по прошению Ф. С. Милославского – вновь назначенного директора Морского корпуса – Петр Карцов все же был принят¹⁸.

И все же в то время дворяне без особой охоты отдавали своих детей в морскую службу. Более престижной считалась служба сухопутная, о чем в докладе комиссии по

утверждению новых штатов для флота в 1733 году отмечалось: «Шляхетство от морской службы уклоняется, понеже они в Армии скорее случай имеют выслужиться, нежели при Флоте»¹⁹.

Прибыв в Петербург, Федор сожалел, что не мог увидаться со своим дядей Иваном Игнатьевичем, принявшим постриг. Его в столице уже не было. Богоугодная служба Феодора в монашеском чине вызвала зависть у других насельников Александро-Невского монастыря. Начались наговоры и доносы. Тогда в 1757 году он попросился вместе со своими учениками и ученицами переехать в Саровскую пустынь, откуда в 1759 году перебрался уже в Санаксар, который застал в полном упадке и запустении. За короткое время отец Федор возродил обитель и 13 декабря 1762 года по желанию епископа был рукоположен в иеромонахи с назначением настоятелем Санаксарского монастыря.

Ко времени поступления Федора Ушакова в Корпус последний пребывал как бы в переходном состоянии. Биограф Ушакова отмечал: «Это была не бурса, но немного не доставало для того, чтобы вполне походить на нее, там можно было приобрести познания, необходимые для морского офицера, но трудно было не усвоить себе также, более или менее, сурового обращения, грубых привычек, недостатка общежития... Каждый юноша – а их полагалось тогда иметь в корпусе до 360 – почти совершенно предоставлен был своему произволу внеклассного времени, мышцы были в постоянном упражнении для водворения прав сильного над слабым, дурные наклонности одного прививались другому»²⁰. Многие гардемарины достигли уже двадцати пяти – тридцати лет и держали в негласном подчинении всю молодежь, при этом выказывая явное неповиновение начальству. Порядок наводился таким же грубым способом, так как офицерам позволено было сечь кадет розгами.

Началась учеба в большом и незнакомом для Федора городе. Отец немало рассказывал о Петербурге, но все же после раздольной деревенской жизни было неуютно обживаться в незнакомых стенах. Однако немало было и приятного: свобода от родительского ока и гордость от сознания, что наконец-то попал на государеву службу.

Федору, как и всем его сверстникам, очень нравилась парадная форма, которую по табельным дням надевали старшие воспитанники. Она состояла из зеленого суконного кафтана с белым воротником и обшлагами, белого суконного камзола, зеленых штанов, белых штиблет, башмаков с медными пряжками и шляпы, обшитой узким позументом. Но парадная форма была недостижима для молодых кадет. К всеобщему неудовольствию всех воспитанников, к этой красивой форме приходилось носить косу и пудрить голову.

Учебная программа была насыщенной, хотя должной системы в преподавании отдельных наук и не было. Больше внимание уделялось изучению точных дисциплин: арифметике, геометрии, астрономии и навигации. Преподавались также география, история,

артиллерия, фортификация и корабельная архитектура. Обязательны были упражнения в фехтовании и танцах.

Федор Ушаков со свойственным ему прилежанием постигал науки, особую склонность проявляя к арифметике, навигации, истории. Хуже давались языки «заморские», которые практически не преподавались. Может, поэтому впоследствии в общении с иностранцами он прибегал к помощи переводчиков.

Учеба Федора проходила в сложную для России пору. 25 декабря 1761 года умерла Елизавета Петровна и на Российский престол взошел ее племянник Петр Федорович, ставший императором Петром III. Потомок двух великих императоров – Петра I и Карла XII, он, тем не менее, воспитывался в прусских традициях. Предметом его особого обожания был император Фридрих II. Приверженность нового монарха к прусской военной школе сказалась и на порядках, заводимых в Морском корпусе. Красота строя и умение маршировать были для него превыше всего. И вот Указом от 24 апреля 1762 года он повелел соединить Сухопутный и Морской кадетские корпуса и Инженерное училище под одну главную дирекцию графа И. И. Шувалова. Царствование Петра III, к счастью для России, оказалось недолгим: 6 июля того же года при помощи тех же преображенских гвардейцев престолом овладела его супруга Екатерина.

Эпоха дворцовых переворотов оставила Екатерине II тяжелое наследство. По ее же словам, к тому времени «флот был в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались, на штатс-конторе было 17 миллионов долгу». Оценив сложившееся положение дел, вектор государственной политики был ею резко изменен.

Важнейшей составной частью общегосударственной политики стала морская политика, основы которой были заложены еще Петром I, а главным ее направлением – возрождение российской морской силы. Помощниками Екатерины II в этих делах стали заслуженный адмирал Семен Иванович Мордвинов и граф Иван Григорьевич Чернышев. Желая поднять значение флота, Екатерина возвела в звание генерал-адмирала (главнокомандующего флотом) наследника престола Павла Петровича и вывела из подчинения Сената Адмиралтейств-коллегию.

Начиная реализацию задуманных преобразований на флоте, 17 ноября 1763 года состоялось учреждение «Морской российских флотов и адмиралтейств правления Комиссии для приведения оной знатной части к обороне государства в настоящий постоянный, добрый порядок», которой были предоставлены широкие полномочия в проведении реформ. Главным направлением работы комиссии стало составление новых штатов флоту и разработка программы кораблестроения. Решая эту задачу, Комиссия, по согласованию с

Коллегией иностранных дел, определила содержать флот не только равносильный каждому из флотов бассейна Балтийского моря, прежде всего шведскому и датскому, но и превосходящий их.

Оживились дела и Морском кадетском корпусе, вновь получившим свою самостоятельность. Директорствовать над ним был поставлен капитан 2 ранга Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Родился он в 1729 году в семье гардемарина и обучался в Сухопутном корпусе. Но затем, как новгородского дворянина, которым полагалось служить на флоте, его перевели в Морскую академию. Иван Логинович в свое время получил прекрасное воспитание, в совершенстве владел французским и немецким языками, любил и хорошо знал русскую словесность. По окончании академии служил на Балтике, ходил до Архангельска. В 1761 году по состоянию здоровья был переведен в Морской корпус.

С назначением его директором жизнь в Корпусе заметно изменилась. Толково было составлено учебное расписание. Занятия стали проводиться с 7 до 11 часов утра и с 2 до 6 часов вечера, с таким расчетом, чтобы воспитанники могли в классах же повторить все пройденное за три или четыре дня. Точные дисциплины, иностранные языки преподавались утром, а более легкие, так называемые «словесные» – вечером.

Любовь директора к литературе сыграла свою роль в том, что позднее при Корпусе был создан театр, в котором играли флота капитан Алексей Григорьевич Спиридов – сын адмирала Григория Андреевича Спиридова, директорская свояченица, жена Михаила Илларионовича Кутузова – Екатерина Ильинична Бибикина, сын директора Павел Иванович и будущий флаг-капитан Федора Федоровича Ушакова – Петр Алексеевич Данилов. Пьесы для театра писал в то время корпуса капитан Александр Семенович Шишков – будущий адмирал, писатель, министр народного образования. Но самое главное, в 1764 году он закончил перевод на русский язык, издал и ввел в учебный процесс книгу профессора математики Королевского училища в Тулоне Павла Госта «Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях», впервые изданную в Лионе в 1697 году.

В годы борьбы с космополитизмом в СССР только ленивый историк, что называется, не «пнул» Госта за то, что он, якобы, установил жесткие каноны в морской тактике, за нарушение которых, флотоводцев чуть ли не вешали на реях. Разумеется, ничего конкретного об упоминаемых канонах никто из «радетелей» российского приоритета в развитии военно-морского искусства сказать не мог, потому как, скорее всего, даже в глаза не видел книгу Госта.

В действительности же, это была чрезвычайно полезная и нужная для того времени книга. Она была необходима любому, кто решил посвятить себя флотской службе. Главное

ее достоинство как раз в том и заключалось, что Гост не устанавливал каких-либо жестких рамок в действиях флотоводцев, а показывал им лишь возможные варианты действий, говоря при этом: «Я не сомневаюсь, что мои читатели найдут другие, не сходные с моими эволюциями, кои им покажутся лучше, да и советую им употреблять в практике по рассмотрению соединенных с ними обстоятельств, по представленным здесь основаниям»²¹.

Суть тактики парусного флота заключалась в том, что флот строился в линию баталии или в линию кильватерной колонны. Это построение было названо линейным и дало название тактике парусных кораблей – линейная. Такое построение было вызвано особенностью размещения артиллерии на парусных кораблях. Оно было бортовое, и потому орудия могли стрелять только по траверзу. А для того, чтобы парусным кораблям сражаться всем вместе, им надо было построиться в линию кильватерной колонны, тогда они могли вести дружный артиллерийский огонь.

Служа священником на флагманском корабле адмирала французского королевского флота А.-И. Турвиля, Гост взял на себя труд обобщить тактические правила, выработанные в период англо-голландских и англо-французских войн XVII века такими известными адмиралами, как Блэйк, Монк, герцог Йоргский, Рюйтер, Турвиль и другие. Он систематизировал морские термины, дал определения различным построениям флота, вместе с тем дал и конкретные рекомендации для построения того или иного ордера.

Основу труда Госта составляли рассуждения о том, какое положение флота было наиболее выгодно: наветренное или подветренное. Исходя из этого, давались рекомендации о том, вступать в сражение или уклониться от него; как заставить противника принять бой; как его окружить и т.п.

К слову сказать, для англичан и флотоводцев других стран правила Госта не являлись обязательными. Британские флотоводцы, по праву считавшие свой флот одним из самых старых флотов мира, восприняли бы за оскорбление использовать тактические разработки своего извечного противника*. Более того, даже если они и что-то знали о рекомендациях Госта, то применяли свои знания только для того, чтобы попытаться разгадать возможные маневры французских флагманов.

Позднее, когда уже в XVIII веке во многих флотах были выработаны свои тактические правила, в них стал проявляться так называемый ложный методизм, т.е. формализм в тактике. Так в 1731 году в Англии был утвержден Королевский регламент, в котором было расписано, как должен адмирал строить свой флот и нападать на противника. Большое

* Первый линейный корабль «Грэт-Герри» англичане построили еще в 1488 году, который прослужил в английском флоте 65 лет.

внимание уделялось выравниванию линии баталии, занятию наветренного положения относительно флота противника. Строго расписывалось, какие сигналы должен сделать флагман, чтобы вступить в сражение с противником. При чем, этот Регламент никак не соотносился с правилами Госта.

Британский Королевский регламент оказались для флотоводцев нетворческого склада своеобразным капканом. Ярким примером такого «капкана» явилось Тулонское морское сражение 1744 года. Тогда английский адмирал Метьюс должен был перехватить франко-испанский флот. Союзники построились в линию баталии при восточном ветре. Англичане заняли наветренное положение. Но из-за разногласия с командиром своего авангарда вице-адмиралом Лестоком Метьюсу не удалось ввести свой флот в сражение. Сам он вышел из линии, атаковал испанцев, повредил корабль испанского адмирала. При этом командир только одного английского корабля поддержал своего флагмана, а остальной флот продолжал идти в кильватерном строю далеко от французов и не последовал его примеру, т.к. Метьюс не поднял положенных сигналов. Потом, когда состоялся суд, правым признали Лестока, который не получил конкретных указаний, как ему следует вступать в бой, а Метьюс, который личным примером пытался к этому его побудить, был приговорен к лишению чинов и исключению со службы.

Ошибкам Метьюса пытался избежать другой английский адмирал – Бинг, которого в 1756 году его английская родина послала на помощь английскому гарнизону острова Менорка, блокируемого французскими войсками маршала Ришелье и эскадрой адмирал Галиссоньера. Французы старались беречь свои корабли, т.к. их флот был меньше английского. Они не стремились к решительному бою и, пользуясь тактическими указаниями Госта, постоянно уходили под ветер от англичан. В этом сражении проявилась та же осторожная тактика. Бинг, со своей стороны, помня об инструкциях и о суде над Метьюсом, двое суток потратил на маневрирование для занятия наветренного положения. 9 (20) мая он подровнял свою линию и дал приказание вступить в сражение. При этом командир его авангарда неправильно понял сигнал, но храбро бросился на врага и вступил с французами в бой. В это время на одном из английских кораблей сбило фор-стенгу и он столкнулся с другим кораблем. Образовалось замешательство, в результате которого Бинг, помня о том, что Метьюс не смог одновременно ввести в сражение весь флот, начал выравнивать линию и не подошел вовремя на помощь к командиру своего авангарда. За это время английский авангард понес большие потери. Бинг решил не продолжать бой и ушел в Гибралтар. После этого сражения он был осужден и расстрелян, но не за нарушение Регламента, как пишут наши некоторые историки, а за невыполнение поставленной задачи.

И все это должны были знать воспитанники Морского шляхетного кадетского корпуса, чтобы надежно держать в руках штурвалы боевых кораблей и вновь вывести Россию в число ведущих морских держав. Поэтому можно себе представить, с каким интересом и вниманием, открывая книгу Госта, Федор Ушаков читал: «Имеющие хотя малое знание о морских делах не будут сомневаться, что служащим на кораблях искусство морских эволюций необходимо нужно: потому что они есть способ к учреждению всех движений морского воинства. Без сего искусства флот подобен флоту варваров, которые, нимало не имея правильного знания о войне, все действия свои располагают на удачу...»²².

Недремлющим оком взирала на дела в Морском корпусе и сама императрица, которая говаривала: «Что флотская служба знатна и хороша, то всем известно, но на супротив того столь же трудна и опасна, почему более Монаршую Нашу милость и попечение заслуживает»²³.

Ежегодно старшие воспитанники участвовали в практических плаваниях по Финскому заливу и Балтийскому морю. С 1763 года принимает в них участие и гардемарин Федор Ушаков. Во время плавания гардемарин несли ходовую вахту под парусами вахтенными командирами, учились определять место корабля, вели шканечные журналы. Их обучали снастям и правилам использования парусного вооружения.

Первые морские плавания давались, как правило, нелегко. Радость долгожданной встречи с морем омрачалась утомительной качкой, выворачивающей наизнанку всю душу. Казалось, что к этому совершенно нельзя привыкнуть. Но нашлись умники, которые научили глотать на ниточке кусочек ветчины, а затем вытаскивать его обратно. После этой довольно неприятной процедуры головокружение и рвота, как бы это ни показалось странным, проходили.

Годы учебы, а с ними и юношеская пора, промчались веселыми чайками над головами кадетов, и наступил 1766 год. В конце апреля в Корпусе состоялись выпускные экзамены. Как и всегда в этот день вся округа была наводнена сверканием ярких парадных мундиров офицеров флота. На экзамен пожаловали высшие чины Адмиралтейств-коллегии, флагманы и капитаны Российского флота, которым и надлежало экзаменовывать выпускников «в науках и в поведении». После экзаменов началось распределение по кампаниям, знаниям и поведению. И, наконец, наступил самый долгожданный и волнующий день. 1 мая состоялось производство в офицеры и приведение к присяге. Над плацем гордо и проникновенно звучали слова клятвенного обещания:

– Аз, Федор Ушаков, обещаюся и клянуся Всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ моей

всемиловитейшей Государыне ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА любезнейшему Сыну Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному всероссийского престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!

Одним из лучших (четвертым из 58 воспитанников) окончил Федор Ушаков Морской шляхетный кадетский корпус. В этот же день в чин мичмана были произведены и два его однокашника, с которыми надолго свяжет его судьба, скрепленная крепкой мужской дружбой и просоленная морской стихией. Это Гаврила Голенкин и Павел Пустошкин. Долгая дружба и честная служба объединяли этих людей. А тогда они были всего лишь молодыми офицерами, в лица которых уже дул свежий морской ветер будущей славы и беспримерных подвигов во имя России.

ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

1. ПОХОД В АРХАНГЕЛЬСК

По окончании Морского корпуса Федора Ушакова направили на флот Балтийского моря для прохождения дальнейшей службы. И практически сразу же молодой моряк оказался в длительном вояже вокруг Скандинавии до Архангельска на небольшом транспортном судне – пинке «Наргин» под командованием капитан-лейтенанта П. И. Глотова. Это плавание было неслучайным. На основании только что вышедшего Регламента Екатерины II «О управлении адмиралтейств и флотов» Адмиралтейств-коллегии предписывалось иметь «крепкое смотрение» за состоянием флота, чтобы тот всегда был готов к действию, а служители не забывали своей практики. Для этих целей и было определено «посылать ежегодно к городу Архангельскому по два судна, которые без выгрузки в тамошний порт входить могут, и там им зимовать, а на другой год другие туда посылать, а те суда, которые там зимовать будут, возвращать»²⁴.

После проведенного «депутатского» смотра «Наргин» 28 мая снялся с якоря и от Кронштадтского рейда взял курс на Зунд Балтийского моря. За полторы недели пинк дошел до Копенгагена и после недельной стоянки в его порту продолжил свой путь на русский Север.

Выйдя в Северное море, моряки попали в густой туман и на некоторое время были лишены возможности счислять место корабля по звездам. Но опасность ситуации заключалась

не столько в навигационной сложности, сколько в опасном для здоровья сыром (как точно и метко говорилось в те времена – «гнилом») климате. При бессилии флотской медицины у моряков в этих краях в массовом масштабе появлялись так называемые «гнилые» болезни. Не одну сотню жизней унесла здесь цинга. Вероятность вспышки эпидемии сохранялась и на пинке «Наргин», поэтому капитан Готов для профилактики команды применял введенное еще в 1740-х годах вице-адмиралом П. П. Бредалем средство против цинги – порция вина, настоянная на сосновых шишках с трефолью.

30 июля, выйдя из полосы тумана, русские моряки приблизились к Норд-Капу, где, поймав свежий ветер, за неделю дошли до мыса Святой Нос. Беломорье встретило их ясной погодой. Через двое суток «Наргин» уже шел по Двинскому заливу, поражавшего взор мореплавателей буйной зеленью и всевозможной водоплавающей живностью. 12 августа пинк уже стоял на Соломбальском рейде, откуда Федор Ушаков, преисполненный чувства гордости, сошел на берег.

Плавание пинка «Наргин» на Севере совпало по времени с так называемой «секретной» высокоширотной полярной экспедицией трех фрегатов под командованием капитана бригадирского ранга В. Я. Чичагова, проводимой по «Проекту плавания Северным океаном», М. В. Ломоносова, сочиненного им еще в 1755 году²⁵.

Цель экспедиции Чичагова заключалась в том, чтобы кратчайшим путем через остров Шпицберген, Гренландию и Берингов пролив пройти на Камчатку и далее в Южную Азию, тем самым открыть путь между севером и югом Сибири. Автор проекта и ее организаторы граф И. Г. Чернышев и А. И. Нагаев были настолько уверены в успехе предприятия, что для встречи Чичагова на Камчатку была параллельно направлена экспедиция капитана П. К. Креницына. Да и у других участников морского перехода сомнений на этот счет не возникало. Поэтому обоим капитанам на случай запланированной встречи были даны секретные инструкции. К сожалению, обе попытки, предпринятые В. Я. Чичаговым в 1765 и 1766 годах по прорыву через паковые льды за Шпицбергеном, оказались неудачными. В результате он вынужден был прекратить экспедицию, что, впрочем, не уменьшило значения этого беспримерного похода.

12 сентября корабли «секретной» экспедиции, названные именами их командиров, «Чичагов», «Панов» и «Бабаев», ошвартовались у Соломбальской пристани рядом с пинком «Наргин». Побывав на них и встретившись с самим Василием Яковлевичем, Федор Ушаков со своими товарищами смогли узнать о всех коллизиях экспедиции, что называется, из первых рук.

Зима прошла на Соломбальской верфи, где строились корабли для Балтийского флота и Архангельской эскадры, учрежденной вместе с Архангельским военным портом 15 марта 1733 года решением Военной морской комиссией. Есть основания полагать, что команда и офицеры с «Наргина» были определены на строительство двух пинков, заложенных там по указу Адмиралтейств-коллегии от 9 августа 1766 года. Их мнение и рекомендации о мореходных качествах подобного рода судов были как нельзя кстати для местных корабелов.

По весне вся команда вновь собралась на «Наргине», который самым тщательным образом стали готовить к дальнему переходу. Вместе с ним к работы по подготовке к выходу в море начались и на фрегате «Чичагов». 9 июня, после положенного «депутатского» смотра, с разницей в один день суда покинули Соломбальский рейд и потянулись к выходу в Белое море. Встречный ветер на некоторое время заставил мореплавателей встать на якорь недалеко от входа в Кольский залив, спрятавшись от непогоды за островом Кильдин. Дальнейшее плавание судов проходило самостоятельно.

Пройдя полосу сплошного тумана в Северном море, 10 августа пинк «Наргин» вошел на Копегагенский рейд. Через пять дней к нему присоединился и «Чичагов». Пополнив запасы, оба судна 22 августа снялись с якоря и 3 сентября были уже на Кронштадтском рейде, о чем через три дня главным командиром Кронштадтского порта было доложено Адмиралтейств-коллегии.

Для Федора Ушакова поход стал хорошей морской школой. Суровые северные ветра закалили его характер. Теперь он вполне уверенно стоял на мостике корабля. Надо ли говорить о том, что в душе молодого офицера, вышедшего из российской глубинки, осталась масса неизгладимых впечатлений от всего увиденного и услышанного.

Отменные морские качества молодого мичмана были замечены. Вскоре он был переведен на лучший в Кронштадтской эскадре опытный 66-пушечный линейный корабль «Три Иерарха», спущенный со стапеля 13 июня 1766 года в присутствии самой императрицы. Назначение на линейный корабль было пределом мечтания для любого молодого офицера. Корабль находился под командованием капитана 1 ранга Самуила Карловича Грейга.

Особенность корабля заключалась в том, что командиром корабля для увеличения скорости хода были предложены и применены несколько другие пропорции мачтового и парусного вооружения. Испытания корабля в кампанию 1767 года действительно показали преимущество нововведения, о чем вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов, командовавший эскадрой, направил свое заключение в Адмиралтейств-коллегию. В заключении, в частности, отмечалось, что «от прибавочных парусов и уменьшения блоков

полезность есть, и г[осподин] капитан Грейг, мне думается, по своему трудолюбию в сыскании лучшего хода корабля заслуживает похвалу»²⁶.

В кампанию 1768 года «Три Иерарха» вновь снаряжался в практическое плавание в составе Кронштадтской эскадры. На этот раз эскадра находилась под флагом контр-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, 5 июня поднявшего свой флаг на корабле «Евстафий», командиром которого был А. И. Круз. Командирами еще двух кораблей были Ф. А. Клокачев и Я. Ф. Сухотин.

Находясь на рейде, А. Н. Сенявин учинил на эскадре артиллерийское учение. С трех часов пополудни до позднего вечера Кронштадт сотрясало от пушечной пальбы. Для Федора Ушакова это было первое столь масштабное учение. Он был преисполнен чувства гордости от участия в настоящем деле.

Через два дня, после депутатского смотра, проведенного вице-адмиралом Спиридовым, эскадра вышла в море, производя эволюции, артиллерийские и ружейные экзерциции. Вечером 15 июля, к великому удивлению моряков эскадры, на горизонте в сопровождении трех судов показалась императорская яхта.

На следующий день все было готово к встрече императрицы. Под барабанную дробь и звуки труб Екатерина II возшла на борт флагманского корабля, где допустила к руке командиров кораблей, прибывших по такому случаю на «Евстафий». При этом на всех эскадре матросы были расставлены по вантам и реям. Федор Ушаков находился в это время на своем корабле, наблюдая за высочайшим смотром флагманского корабля в подзорную трубу. А при отбытии свиты на яхту, при прохождении баркаса с императорским штандартом у борта «Трех Иерархов», преисполненный радости он, вместе со своими матросами, от души одиннадцать раз прокричал «Виват!»

После высочайшего смотра эскадра разделилась на две равные части и на глазах императрицы провела «примерное сражение» по всем правилам линейной тактики: корабль на корабль.

К тому времени Русский флот еще не имел опыта крупных сражений в открытом море. Единственный бой у о. Эзель, произошедший 24 мая 1719 года, в котором русской эскадрой командовал отец А. Н. Сенявина – Наум Акимович Синявин – велось в простой обстановке и при подавляющем превосходстве сил над противником. Но, как видно из этого примера, флот напряженно готовился к грядущим схваткам. Он рос численно и набирал силу. А вместе с взрослением Русского флота росли знания, и формировался характер будущего флотоводца.

Все, что происходило вокруг, а события были неординарными, впитывалось в сознание и сердце Федора Ушакова. В результате пылливый ум молодого офицера и природная смекалка быстро выдвинули его вперед своих сверстников.

2. НА АЗОВСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Самой судьбой России предначертано было иметь выход к Черному морю. Через него проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Русские ладьи в IX – X веках имели на нем полное господство, оттого и называлось оно Русским. Здесь, у стен древнего Херсонеса, принял святое крещение великий князь Киевский Владимир, осенив Русь светом истинной веры, указавшей людям путь в жизнь вечную.

Позднее Русь была оттеснена от Черного моря, которое с XVI века стало внутренним морем грозной Османской империи, прибравшей к рукам весь Балканский полуостров, Сербию, Болгарию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Армению и Грузию. Под протекторатом Турции оказался и Крым.

В конце XVII – начале XVIII века в ходе экономического развития и политического самоутверждения Российского государства на первый план вновь выдвинулась идея возвращения побережья Черного моря. Благодаря неустанной деятельности Петра Великого, гением которого был рожден Российский военный флот, цели удалось достигнуть. Но после неудачного Прутского похода 1711 года от Черного моря в очередной раз пришлось отойти.

Не решила черноморскую проблему и русско-турецкая война 1736–1739 годов. Ситуация оставалась неизменной до вступления на престол Екатерины II, при которой наметился заметный прогресс в государственных и военных делах. Однако очередь Турции еще не пришла, поэтому кабинет императрицы в отношениях с этой державой вел себя достаточно осторожно. Более остро стоял польский вопрос, именно на его разрешение были направлены все усилия Коллегии иностранных дел.

В 1763 году умер польский король Август III, после чего в Польше начались волнения. Новым королем Польши стал Станислав Понятовский, для защиты престола которого в польские пределы были введены российские войска.

Видя неспособность проигравшей партии противостоять России, Франция, стараясь ослабить позиции русского двора в Европе, обратила взоры в сторону Турции, чтобы с ее помощью добиться своей цели. Подстрекательства Франции увенчались успехом: Османская Порта стала искать повод к войне. И вскоре он был найден. События

разворачивались настолько стремительно, что привели в полное замешательство кабинет Екатерины II.

3 июля 1768 года Порта представила российскому резиденту в Константинополе* Алексею Михайловичу Обрескову сообщение. В этом документе утверждалось, что один «знатный детамент» (отряд) российских казаков, преследуя польских мятежников, вошел в село Балта, принадлежавшее крымскому, где якобы истребил часть татарского и молдавского населения, а также убил нескольких турок, находившихся там «по купеческому промыслу» и далее «шел» в преследование по восточному берегу Днестра, где также творил бесчинства²⁷.

Как оказалось позднее, провокация была организована гайдамаками, к действиям которых российское правительство никакого отношения не имело. Но Порту и нового верховного визиря это уже не интересовало. Российский посланник и одиннадцать человек посольства были арестованы и посажены в Семибашенный замок Едикуль²⁸. Вслед за этим последовал разрыв «вечного мира» с Россией. Так началась первая русско-турецкая война в царствование Екатерины II.

Подлинные же причины войны крылись в том, что Турции за «освобождение» поляков были предложены Подолия и вся «польская» Украина. Предвкушая приобретения, Оттоманская Порта деятельно принялась готовить войска к будущей кампании. Ее планами намечалось собрать все свои войска (около 200 тысяч человек) к 10 марта 1769 года в Адрианополе. Главную армию двинуть к Хотину, другую – к Бендерам, а третью (25–30 тысяч) – в Очаков. Из Трапезунской и Синопской провинций предполагалось перевести в Крым до 20 тысяч человек. Капудан-паше (главнокомандующий турецким флотом) было дано повеление готовить флот к выходу в Черное море, куда планировалось послать три линейных корабля, четыре галеры и около 250 канчебасов, дуббель-шлюпок, скампавей и сайек. Флот должен был разделиться на две части. Первой надлежало идти в Азовское море, второй – в Очаковский залив и далее вверх по Днепру²⁹.

В октябре началось выдвижение турецких войск к границам. Военная машина Турции заработала, и остановить ее уже было невозможно. Чудовищный механизм привел в движение новый верховный визирь. 10 октября он был смещен «по причине затмения памяти и разума». Новым верховным визирем стал Нисанжи-паша, бывший когда-то реиз-эфенди, человек умный и в делах сведущий. Как замечал А. М. Обресков: «Ежели бы он прежде на сие место заступил, то бы, конечно, дела до такой крайности не дошли».

* Название города сохранено во всех исторических документах, хотя с момента захвата его турками в 1453 году он назывался Стамбул.

8 ноября Российский императорский двор обратился с декларацией ко всем европейским державам в связи с арестом российского министра в Константинополе. В заявлении говорилось: «Слава и собственное Ее Императорского Величества достоинство, также де и почтение от всех к империи Ея, предписывает оному принять такие меры, какие приличествуют в надежде справедливости поступка его, дает он (двор. – Авт.) знать всем дворам христианским, в каком он обстоит случае противу общего ненавистника имени христианского... Ее Величество будет иметь щастие присоединить к Божией помощи справедливое от приятелей своих спомоществование, також де и желании всего христианства»³⁰.

18 ноября был обнародован манифест Екатерины II об объявлении войны с Оттоманской Портой, заканчивающийся словами: «К испытанной храбрости и мужеству о обывших к победам войск наших имеем мы полную надежду, что они в сей новой и праведной войне противу вероломного неприятеля и врага имени Христианского углубят приобретенную поныне славу новыми подвигами и новыми победами».

В январе 1769 года 100-тысячное татарское войско вторглось в Елизаветградскую провинцию. Но генерал-губернатор Малороссии генерал-аншеф П. А. Румянцев благодаря донесениям из Турции сумел подготовиться к встрече неприятеля и заставил татар убраться в свои пределы.

Активные военные действия между Россией и Турцией начались весной, когда российское правительство первым двинуло свои войска через турецкую границу. При российском дворе было принято решение вести войну наступательную, чтобы «подпалить Турцию с четырех углов». Для этого русская армия направились на Кубань, вторая – на Днестр, а третья – на Украину.

Генерал-аншеф А. Г. Орлов предложил план Архипелагской экспедиции. Несколько лет до этого он жил в Италии, где завязал контакты с православными подданными Османской империи, и по приезде в Петербург убедил Екатерину II в том, что греки готовы к всенародному восстанию против турецкого ига, для этого, по его мнению, нужен только «запал». Таковым должно было стать появление русского флота в Средиземном море. 18 июля 1769 года в невиданный доселе вояж вокруг Европы отправилась Балтийская эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова.

А на юге с началом войны высочайше было повелено восстановить Тавровскую, Павловскую и Икорецкую корабельные верфи на Дону, основанные еще Петром Великим для его знаменитого Азовского флота. Кроме того, вновь следовало выстроить

Новопавловскую и Новохоперскую верфи. Высочайшим указом от 9 ноября 1768 года командование флотилией было поручено контр-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину.

Решая организационные вопросы, перед отбытием на место, Алексей Наумович, 7 января нового 1769 года, подал рапорт на высочайшее имя о комплектовании экипажей на пять прамов и 60 лодок³¹. В число офицеров, направляемых в «Донскую Экспедицию», Сенявин включил и Федора Ушакова. Скорее всего, А. Н. Сенявин, лично знал Ф. Ф. Ушакова, хорошо зарекомендовавшего себя в практическом плавании прошедшей кампании, ибо, в противном случае, последний остался бы на «Трех Иерархах» и позднее отправился в Средиземное море.

15 января вместе с командующим Ушаков отбыл из Петербурга и уже 27 января прибыл в Воронеж. В губернском городе мичман не задержался и сразу же был направлен за 70 верст в Икорец для принятия команды над достраивающимся прамом № 5. Здесь-то и пригодилась плотницкая наука дворового мужика Тимофея, бывшего у отца за первого лодочного мастера. Он научил Федора держать в руках топор, конопатить, смолить лодку, ходить под парусом. Помолившись и добрым словом вспомнив своего первого флотского учителя, Федор с присущей ему настойчивостью взялся за работу.

В воскресенье, 5 апреля, в день максимального уровня воды в реке, причастившись в местном храме Святых Христовых Таин, он первым спустил на воду свой прам. Следом за ним сошел со стапеля прам № 4. А на следующее утро за ними последовали прамы № 3, 2 и 1. Наблюдавший за торжественной церемонией командующий флотилией контр-адмирал Сенявин был преисполнен чувства гордости от того, что Андреевский флаг вновь реял над Доном.

Из спущенных на воду прамов для отражения возможного нападения турецких кораблей со стороны Азовского моря был сформирован отряд. Командование отрядом было поручено капитану 1 ранга П. И. Пущину, занимавшемуся до этого строительством речных судов на Волге, включая те, которые были использованы для путешествия Екатерины II в 1767 году.

Не теряя времени, прамы один за другим пошли вниз по реке. Последними через неделю отошли от причала прамы № 1 и № 5. Эта задержка оказалась для них роковой. Из-за стремительного спада воды им не удалось дойти до места назначения: 5 мая они застряли среди мелей в 89 верстах от Павловска, где решено было строить специальные «новоизобретенные» корабли, способные по мелководью проходить в Азовское море. Вскоре сел на мель и прам № 4. Несмотря на полную разгрузку судов, им так и не удалось выйти на чистую воду до будущей навигации.

В это же время, перед отправкой Балтийской экспедиционной эскадры в Средиземное море, Адмиралтейств-коллегия в соответствии с высочайшим указом провела производство группы офицеров в следующие чины. В их числе оказался и Федор Ушаков, один из немногих выпускников 1766 года, получивший 30 июля чин лейтенанта.

С началом навигации 1770 года командующий флотилией А. Н. Сенявин, получивший в июне прошлого года чин вице-адмирала, решил вместо безликих номеров дать всем судам собственные имена, что вызвало одобрение вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева и самой императрицы. Таким образом, прам № 1 стал называться «Гектором», № 2 – «Парис», № 3 – «Дефеб», № 4 – «Елен» и № 5 – «Троил». При этом Сенявин решил произвести и некоторую перестановку среди командиров, которая, впрочем, мало что меняла. Так лейтенант Федор Ушаков был назначен командиром на «Гектор», а мичман Алексей Тимашев – на «Троил»³².

По приказанию командующего Ушаков вместе с Тимашевым на вверенных им прамах направились в Новопавловск, где по весне были спущены на воду десять новых судов, которые незамедлительно были направлены в крепость Св. Дмитрия Ростовского. У причалов остались только два плоскодонных судна и камели (понтон), а также артиллерия, матчевое вооружение и такелаж.

14 июня оба прам благополучно прибыли на место. Какие были их дальнейшие действия в кампанию 1770 года окончательно еще не исследовано. Хотя, если судить по Послужному списку Ф. Ф. Ушакова, то в этом же году он на праме «Дефеб» находился еще в устье реки Кутюрьмы.

В этот период на Азовской флотилии было относительно спокойно. Ее действия ограничивались курсированием возле устья Дона и по Азовскому морю. Именно тогда в недрах военного ведомства созрел план овладения Крымом, в котором наиважнейшая роль отводилась Азовской флотилии.

Расчеты показали, что флотилия, состоящая из восьми «новоизобретенных кораблей», трех бомбардирских судов, дуббель-шлюпки, палубного бота, трех транспортных судов и 40 лодок, может взять на борт только 1 900 человек сухопутного войска, а этого было явно недостаточно для высадки десанта в Крыму. Главная ставка в планируемой операции делалась на внезапность. В плане так и говорилось: «Чтоб меры предприятия нашего на Еникуль с всех сил ответственных препятствий поставлены и заранее так устроены были, дабы скоростию и внезапностию исполнения своего могли предварить самое ожидание неприятеля, постигая его в событии прежде, нежели образумится еще от первого изумления»

Военные действия по реализации плана начались в кампанию 1771 года. Пока же основные события разворачивались на Средиземном море и в Южной армии графа П. А. Румянцева.

С выходом балтийской эскадры в Средиземное море туда же «сухим путем» отправился и ее главный начальник Алексей Орлов. Вместе с ним для организации восстания в Черногории, Далмации и Греции направились эмиссары – преимущественно из греков. Однако распалить пламень народной войны им так и не удалось. Несмотря на это, русский флот сумел одержать две блистательные победы в Хиосском и Чесменском морских сражениях (24 и 26 июня 1770 года). Турецкий флот был сожжен и над Константинополем нависла прямая угроза захвата его Русским флотом.

Успешными были и действия Русской армии. В том же году П. А. Румянец разгромил турецкую армию и татарскую конницу при Рябой Могиле (17 июня), Ларге (7 июля) и Кагуле (21 июля). Это создало благоприятные условия к овладению Крымом, находившимся под протекторатом Турции и вместе с ней участвовавшим в войне против России.

Азовской флотилии в Крымском походе 1771 года поручено было поддерживать направленную туда вторую армию генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова. По этому поводу Румянец писал Сенявину: «Операции вашей флотилии весьма бы способствовали военным нашим действиям, если вы пройдете со своими судами в Черное море и отрежете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме, которые потому и были бы уже в руках наших»³⁴.

12 июня князь Долгоруков подошел к Перекопу и через два дня завладел им. 57-тысячная армия крымского хана Селим-Гирея была вынуждена ретироваться в глубь полуострова.

Как и было предусмотрено «Планом военных действий к покорению Крыма», для отвлечения внимания неприятеля армию разделили на две части. От основных сил генерал-аншефа Долгорукова был отделен отряд под командованием генерал-майора князя Ф. Ф. Щербатова, которому вместе с Азовской флотилией вице-адмирала Сенявина надлежало войти в Крым через Арабатскую стрелку, как это сделал в прошлую войну с турками генерал-фельдмаршал П. П. Ласси.

В день, когда В. М. Долгоруков подошел к Перекопу, Щербатов, не дожидаясь сооружения понтонного моста, вплавь переправил на Арабатскую косу два полка. А 14 июня к месту высадки прибыла флотилия в составе восьми «новоизобретенных» 16-пушечных кораблей, бомбардирского корабля, 34 канонерских лодок и трех транспортов

под командованием вице-адмирала Сенявина. На судах переправилась оставшаяся часть войск, после чего 18 июня отряд Щербатова занял Арабат, а 3 июля Еникале и Керчь. Азовская флотилия блокировала Керченский пролив, не пустив турецкий флот в Азовское море. «Зунд» Азовского моря оказался в руках русских моряков.

Успешные действия армии под командованием князя Долгорукова, доставившими ему титул «Крымский», а полуостров полностью перешел под контроль его войск. Суда же Азовской флотилии вышли в Черное море. Столь знатная победа подтолкнула кабинет Екатерины II выдвинуть идею преобразования Крымского ханства в независимое государство под покровительством России.

Победы Долгорукова были закреплены замечательными победами генерала О. А. Вейсмана. Переправившись через Дунай, он овладел турецкими крепостями: Тульчей, Искачей, Бабадагом и Мачиным. После этого турки никакой активности не проявляли и выразили готовность пойти на мирные переговоры, которые затянулись на весь 1772 год.

На переговорах в Фокшанах и Бухаресте Россия требовала независимости Крыма, уступки Керчи и Еникале, а также права свободного плавания русских судов в Черном море. Однако вследствие эпидемии чумы в Русской армии и возможности разрыва отношений России со Швецией Порта, при поддержке Франции и Австрии, отвергла российские требования. В результате переговоры ни к чему не привели.

И все же России удалось одержать одну важную дипломатическую победу. 1 ноября между Россией и Крымом был подписан договор, а в декабре крымский хан Сагиб-Гирей подписал декларацию о независимости Крыма³⁵.

Федор Ушаков не участвовал в экспедиции флотилии 1771 года. С началом навигации как опытный офицер, хорошо знающий все отмели в русле Дона, он находился при проводке фрегата «Первый». 12 июля фрегат был благополучно доставлен к крепости Св. Дмитрия, а Ушакова вновь направили в верхнее течение реки, поручив ему командование над четырьмя транспортными судами, доставлявшими из Новохоперской верфи в Таганрог мачтовое вооружение, такелаж и лес для достройки фрегата. Однако, как и в 1769 году, из-за обмеления реки каравану не удалось дойти до места назначения, и ему пришлось встать на зимовку в непригодном месте. Затертые льдами транспорты получили повреждения и по весне 1772 года начали тонуть. Ушакову все же удалось снять с них грузы и отправить на наемных подводках в Таганрог. После этого «усердием и искусством» ему удалось поднять и сами транспорты.

Поступок лейтенанта был оценен. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев впоследствии писал капитану Таганрогского порта капитану Николаю Горяинову:

«За всем тем коллегия за доброе ваше распоряжение в доставлении тех припасов, как и лейтенанту Ушакову, за усердие и исправность, изъявляет свое удовольствие и представляет иметь себе в памяти»³⁶. Вскоре он получил под свою команду палубный бот «Курьер», на котором вместе с фрегатом «Первый» охранял Крымское побережье.

В марте 1773 года военные действия возобновились. В это время на Азовской флотилии остро стала ощущаться нехватка опытных флагманов, способных не только управлять судами, но и руководить в бою эскадрой. Их поиск активно велся в том числе и за границей.

Так, в поле зрения вице-президента Военной коллегии З. Г. Чернышева попал один из офицеров голландской службы Иоганн Генрих фон Кинсберген. В своем письме Екатерине II от 1 июня 1773 года Чернышев писал: «Сегодня получил с курьером пакет от вице-адмирала Сенявина на высочайшее имя Вашего Императорского Величества и партикулярное его ко мне письмо. Упомянутого в последнем капитана Кинсбергена рекомендовал ему к употреблению командующим эскадры, для того что он лишь обещал сделать какое-нибудь важное предприятие... А на его искусство положиться, кажется, можно»³⁷.

Капитан 2 ранга Кинсберген, прибыв 18 апреля к А. Н. Сенявину, был отправлен в Крым, где получил под свою команду первую эскадру, состоящую из двух «новоизобретенных» кораблей и фрегата. Кроме того, ему же был придан и палубный бот «Курьер» под командованием лейтенанта Федора Ушакова, которому было чему поучиться у своего нового начальника³⁸.

Первоначально Кинсбергену предписывалось осуществлять крейсерство от Керченского пролива до Кафы (Феодосии), но с выходом в море второй эскадры под командованием контр-адмирала Алексея Баранова*, ему определили район от Кафы до Балаклавы.

Живой ум и деятельная натура голландца сразу же проявились в реальных делах и весьма разумных предложениях по ведению активных действий на море, в портах и на коммуникациях противника. Так 18 июня в письме графу И. Г. Чернышеву он писал: «Оборонительною войною, какую мы ведем около берегов, мы даем неприятелю время приготовиться, исправить свои ошибки и, может быть, пользоваться теми или другими обстоятельствами. Болезни и чума, между тем, истребляют наши храбрые войска, и мы ежедневно теряем людей, не видя неприятеля»³⁹. Для перехода к активным действиям он, в

* После А. Баранова, скоропостижно скончавшегося 19 мая 1773 года, командование второй эскадрой принял капитан 1 ранга Я. Ф. Сухотин.

частности, предложил провести рейд на Синоп. К сожалению, командование не поддержало тогда смелых замыслов храброго офицера. Но примечательным здесь является то, что в следующую войну с Турцией эти планы будут с блеском реализованы подчиненным И. Г. Кинсбергеном – Ф. Ф. Ушаковым.

22 июня капитан 2 ранга Кинсберген получил доклад с наблюдательных постов Балаклавы о том, что на горизонте показались турецкие корабли. Не теряя времени, Кинсберген срочно вышел в море с двумя 16-пушечными «новоизобретенными» кораблями. Как выяснилось, силы противника состояли из трех 52-пушечных кораблей и 24-пушечной шебеки.

На следующий день Кинсберген смело вступил в бой и метким огнем причинил неприятелю значительные повреждения, заставив его спасаться бегством. За свой подвиг он был пожалован кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса.

22 августа, находясь у абхазских берегов, Кинсберген обнаружил уже 18 неприятельских судов (три линейных корабля, четыре фрегата, три шебеки и восемь транспортов), идущих к крымским берегам. Но и на этот раз он не отступил. 23 августа значительные силы противника приблизились к русскому отряду, состоявшему всего из трех 16-пушечных кораблей, фрегата, палубного бота и брандера. Следует заметить, что название бота в документах не обозначено. А так как первоначально отряду Кинсбергеном был придан бот «Курьер» и его замена нигде по документам не проходит, следовательно, с большой долей вероятности можно предполагать, что в этот бою принимал участие и Федор Ушаков!

Кинсберген, будучи на ветре, решительно пошел на сближение и, подойдя на дистанцию pistolетного выстрела, атаковал турок. Лишь перемена ветра спасла их от разгрома и дала возможность укрыться в Суджук-Кале (будущий Новороссийск). За этот подвиг капитан 2 ранга Кинсберген был удостоен ордена Св. Георгия 3-го класса.

В начале следующей войны с Турцией, когда встанет вопрос о назначении флагмана Черноморского флота, о Кинсбергеном вновь вспомнят. Но тогда, претендуя на средиземноморскую эскадру, он откажется корабельной эскадрой на Черном море, и после недолгого командования ею М. И. Войновича, по представлению Потемкина, флагманом станет Ф. Ф. Ушаков, который уже тогда отметил для себя преимущество ближнего боя и смелого маневра.

В сентябре 1773 года Федор Ушаков был назначен командиром «новоизобретенного» корабля «Морея», а затем командиром такого же корабля «Модон», состоящий опять-таки в эскадре И. Г. Кинсбергеном. По решению командования «Модон» должен был перейти в

Тагарог, но, по своей ветхости, из-за изъеденной морскими червями обшивки, ему пришлось остаться на зимовку в Балаклаве.

Зима 1773–1774 годов прошла относительно спокойно, а к лету турки вновь активизировали свои действия, пытаясь высадить десант в Крым. В июле прибывшему еще по осени с Балтики контр-адмиралу В. Я. Чичагову удалось предотвратить высадку десанта на полуостров. Но другому неприятельскому отряду все же удалось проникнуть на Крымское побережье и возмутить местных татар. К счастью, вскоре пришло известие о заключении 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

По Кючук-Кайнарджийскому миру России отошли Керчь, Еникале, Кинбурн, междуречье Буга и Днестра (исключая крепость Очаков), часть земель до реки Кубань. Турецкая сторона отказывалась от своих притязаний на Крым, признав его независимым ни от одной из двух держав, а русские торговые суда получили право свободного плавания по Черному морю и прохода черноморскими проливами в Средиземноморье.

После заключения мира балаклавский отряд кораблей, в том числе и корабль лейтенанта Федора Ушакова, возвратился в Таганрог. Но этим для Ф. Ф. Ушакова борьба с турками не закончилась. Через девять лет он снова вернется на эти берега, а через четырнадцать турки узнают и его имя, которое будет приводить их в трепет.

ОТ БАЛТИКИ ДО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

1. «ТОРГОВАЯ» ЭКСПЕДИЦИЯ

С Черного моря лейтенант Федор Ушаков был переведен в Петербургскую корабельную команду. По пути в столицу Федор Федорович заехал в Бурнаково в положенный ему трехмесячный «домовой» отпуск.

Дома встретили моряка отец и брат Иван. Федор Игнатьевич и все домашние несказанно обрадовались приезду Федора. Дом Ушаковых наполнился радостной суетой. Все были озабочены, где посадить и чем угостить дорогого гостя. За трапезой Федор Игнатьевич рассказал сыну о своем житье-бытье, о том, как в день знаменитого Чесменского сражения 25 июня 1770 года умерла его мать. От отца Федор Федорович узнал о бурных событиях, происходивших в Романовском уезде в 1774 году, в связи с наступлением «государственного вора и злодея» Емельяна Пугачева.

Три месяца пролетели незаметно. Федор Федорович засобирался в дорогу. Перед отъездом вместе с отцом пошли в храм взять благословение у батюшки на дальнюю дорогу и еще раз поклониться могилке матери у церковных стен.

Выйдя за околицу Бурнакова, Ушаковы оказались у небольшой лесной речушки Жидогости. На середине мостков Федор-младший остановился и, облокотясь на перила, засмотрелся на убаюкивающее и, вместе с тем, завораживающее течение воды. После бурных морей в ее журчании было что-то сказочное, от чего невозможно было оторвать глаз. Прозрачные потоки воды весело бежали к Волге, а непуганая рыба степенно плыла вверх по течению. Не сдержался Федор Федорович, сбегал с мостков, расстегивая на ходу мундир, припал к воде и, всласть напившись, с наслаждением опустил лицо в прохладный поток...

Жаркое солнышко быстро иссушило влагу. Сойдя с тропинки, оба Федора вышли на торную дорогу, которая вскоре привела их к Волге. Когда до берега оставалось лишь четверть версты, старый гвардеец и флота лейтенант снова остановились. Молча присели на траву. Отец отдыхал, а сын все не мог налюбоваться родными просторами. С этого места Волга была видна верст на семь в обе стороны. Красота необычайная. Теплый ветерок доносил с берега озорной ребячий смех. А с другого конца долетали отголоски бурлацкого пения, заглушаемого колокольным звоном Богоявленской церкви. Все вокруг было наполнено жизнью, размеренный ход которой, казалось, ничем нельзя нарушить. Покой и умиротворение наполнили душу моряка. Взирая на эту красоту, Федор на миг забыл, что где-то кипят страсти, идут войны.

Глядя на сына, залюбовался Волгой и Федор Игнатьевич. Вдруг вспомнилось ему, как 9 мая 1767 года весь этот берег был буквально усыпан людьми, пришедшими приветствовать матушку-императрицу Екатерину Алексеевну, совершавшую свой знаменитый вояж по Волге. Все только и говорили, что о ее остановке в Рыбной слободе и в селе Тихвинском, у помещика Тишина. Сказывали, что женщины поверх белого холста, высланного для шествия царицы, расстилали шелковые платки, после чего целовали оставшиеся на них монаршие следы. Все были уверены, что государыня непременно остановится и у знаменитого Богоявленского храма. Загодя приготовили в дар императрице большую закопченную стерлядь.

Около четырех часов пополудни на горизонте показался царский караван, состоящий из восьми больших галер («Волга», «Тверь», «Углич», «Ярославль», «Кострома», «Нижний Новгород», «Казань», «Симбирск») и 18 судов сопровождения. Радости верноподданных не было границ. Императрицу приветствовали колокольным звоном и громкими

восклицаниями. Но караван, не останавливаясь, проплыл мимо. Лишь некоторые богатые помещики смогли разглядеть в подзорную трубу царственную путешественницу...

К храму, утопавшему в зелени молодых лип, Ушаковы подходили молча. По крутой каменной лестнице поднялись в верхнюю его часть. После причастия, подходя к кресту, воин Федор получил сугубые наставления отца настоятеля на продолжение ратного служения.

Федору Федоровичу приятно было получить благословение батюшки, который помнил его с детских лет. Знал священник и о духовном подвижничестве его родного дяди – иеромонаха Федора Ушакова – восстановителя Санаксарской обители, по навету недоброжелателей отправленного на Соловки.

Поклонившись кресту на могиле Прасковьи Никитичны, Ушаковы повернули к дому. По пути отец заговорил с сыном об имениях в Ярославском и Белозерском наместничествах, которые покойная жена его, мать Федора, так и не успела выхлопотать в свою пользу после смерти двоюродного брата Гаврилы Аксеновича Доводчикова⁴⁰.

– Ты, сынок, поедешь в столицу и ближе нас будешь ко двору, так походитуй за всех нас пред императрицей о деле сем.

Вскоре Федор Федорович прибыл в Петербург. 20 августа 1775 года он был пожалован чином капитан-лейтенанта. Памятуя отцовский наказ, в ноябре того же года он написал прошение на высочайшее имя (но подписался почему-то лейтенантом. – Авт.)⁴¹. В нем он просил отписать в пользу своего отца, себя и братьев имения, причитавшиеся покойной матери и «неправедным образом» конфискованных Вотчинной коллегией в казну.

Однако дожидаться решения императрицы ему не привелось. События в Крыму требовали значительного усиления морских сил на юге России. Одновременно с указом о строительстве судов на Дону и отыскании удобного места под верфи на Днепре, решено было перевести с Балтийского и Средиземного морей несколько фрегатов на Черное море.

Так как трактат 1774 года исключал возможность прохода российских военных судов черноморскими проливами, то возникла идея провести фрегаты под видом торговых судов с коммерческими грузами. В начале июня 1776 года был подписан рескрипт императрицы о снаряжении к переходу на Черное море пяти фрегатов: «Павел», «Наталия», «Григорий», «Констанца» и «Св. Павел». Первым трем судам в сопровождении 40-пушечного фрегата «Северный Орел» сначала надлежало перейти из Кронштадта в Средиземное море. 26-пушечный фрегат «Св. Павел» и 24-пушечный фрегат «Констанца», оставленные в Средиземном море после Архипелагской экспедиции под надзором генерал-майора И. А. Ганнибала, находились в порту Ливорно.

Командование фрегатом «Северный Орел» и всем отрядом было поручено капитану 2 ранга Тимофею Гавриловичу Козлянинову. Командирами «закамуфлированных» фрегатов назначены Николай Скуратов, Федор Мосолов и Остафий Одинцов. Их назначение было неслучайным. Это были самые опытные офицеры, хорошо знавшие район плавания. Еще до русско-турецкой войны Козлянинов, Скуратов и Мосолов находились в практических плаваниях на мальтийских галерах и достаточно хорошо изучили планы портов, подробно знали конструкции средиземноморских галер и кораблей. Команды так же подбирались с особым тщанием. Третью часть экипажей составляли матросы, участвовавшие в знаменитой Архипелагской экспедиции Русского флота 1770–1774 годов.

На переход в Средиземное море Адмиралтейств-коллегией 7 июня капитану 2 ранга Т. Г. Козлянинову была дана специальная инструкция из 22 пунктов. В соответствии с инструкцией ему надлежало: с первым попутным ветром выйти из Кронштадта и безостановочно следовать до Копенгагена; в порты не заходить, исключая случаи поломок, назначенных рандеву и для укрытия от штормов; положенным образом производить салютацию со встречными военными судами; в Копенгагене поменять воду и следовать далее; в Средиземном море пиратов не атаковать, во французские, испанские и неаполитанские порты не входить; по прибытии в Ливорно снестись с российским дипломатическим представителем⁴².

В дополнение к инструкции 10 июня вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев предписывал командиру отряда для комплектования экипажей фрегатов, находящихся в Ливорно, взять в качестве командира «Св. Павла» капитан-лейтенанта Федора Ушакова и вместе с ним двух лейтенантов, трех мичманов и 73 человека нижних чинов. Командира на «Констанцу» он должен был назначить по своему усмотрению, направив туда и часть своей команды⁴³.

Перед отходом на трех означенных 32-пушечных фрегатах были сняты орудия, кроме восьми, оставленных для обороны, разобраны орудийные станки, заколочены орудийные порты и подняты коммерческие флаги. Сняв пушки, их аккуратно уложили в трюме и засыпали песком. Большая часть экипажа, предназначенного для комплектования «Св. Павла», была посажена на «Северный Орел», стоявший под Андреевским флагом в полном вооружении.

Так Федор Федорович Ушаков оказался на командирском фрегате. На него же были определены и офицеры Морского кадетского корпуса: Александр Семенович

Шишков, Василий Павлович Тимирязев, Григорий Алексеевич Долгоруков и Василий Шубин.

15 июня 1776 года отряд отправился в дальний путь. Попутным ветром скоро миновали острова Наргин, Гогланд, Борнгольм и прибыли в Копенгаген. Остановка была недолгой. После замены воды отряд двинулся дальше. Пройдя Зунд, Каттегат, Скагеррак и Дуврский (Па-де-Кале) проливы, фрегаты оказались в Английском канале (проливе Ла-Манш) и встали на якорь в 15 милях от Портсмута.

Вскоре на «Северный Орел» прибыл бывший некогда на русской службе контр-адмирал Джон Эльфинстон, командовавший в 1770 году Второй средиземноморской эскадрой в знаменитой Архипелагской экспедиции Русского флота. Зная непреклонный характер русских командиров, и стараясь уберечь их от возможного конфликта с англичанами, он сообщил Козлянинову:

– Из Портсмутской гавани скоро выйдут три корабля. Как Вам известно, в водах Его Величества, им надлежит салютовать при спущенном вымпеле. По сему не лучше ли будет Вам удалиться в сторону от предлежащего им пути?

– Сэр Джон, но ведь и Вам известно, что, по нашим узаконениям, делать сего не позволено.

– Господин Козлянинов, я лишь считал своим долгом предупредить Вас, чтоб из сей распри не вышло сражения.

Козлянинов, внимательно выслушав британского адмирала, с места все же не сошел. Однако, чтобы и впрямь не довести дело до конфликта, он велел заранее опустить грот-брам-стенгу (верхнюю часть средней мачты) якобы для ремонта, а на самом деле, чтобы находившийся на ней вымпел был не столь приметен. Англичане, со своей стороны, также не стали испытывать судьбу, поэтому прошли на заметном удалении от русских фрегатов. Инцидента, таким образом, удалось избежать.

Через день фрегаты вновь вступили под паруса. Но не успели дойти до Гибралтара, как из Константинополя в Петербург пришло тревожное сообщение: чрезвычайный поверенный и полномочный министр А. С. Стахиев писал, что турки отказываются пропустить русские суда в Черное море.

Прочитав послание Стахиева, глава внешнеполитического ведомства граф Н. И. Панин сожалеючи произнес:

– Не в нашей уже воле остановить явление сих судов в Константинополь...

Надо было действовать. Российскому посланнику в Константинополе была составлена срочная депеша, помеченная 4-м июля. В ней говорилось: «Должны вы употребить

возможные старания и домогательства к извлечению от Порты свободного прохода в Черное море по крайней мере тем пяти судам, кои в образе торговых придут в Константинополь с действительными коммерческими грузами, если уже нельзя будет исходатайствовать равной свободы прикрывающему их военному фрегату, которому в случае упорного отказа можно возвратиться сюда первым его путем».

Александр Стухиевичу были предложены на его выбор два способа достижения поставленной цели: «1-е, чтоб употребить коррупцию, израсходовав на сей предмет довольно знатную сумму казенных денег... Другим пособием представляется здесь ясное и откровенное изъяснение самого дела министерству турецкому».

Панин понимал, что у турок возникнут вопросы по поводу размеров судов и того, что команда состоит из военных моряков. Поэтому Никита Иванович рекомендовал Стухиеву отвечать примерно так: «Ее Императорское Величество соизволила пожаловать некоторым коммерсантам пять судов из своего флота, да и снабдить оные на первой случай экипажами своей службы, но не в таком количестве, каковое требовалось бы в военном их снаряде... Сии экипажи, употребляясь теперь в партикулярной навигации, получают от оной настоящее свое содержание, почему теперь и не могут иначе почитаемы быть, как партикулярными же мореходами... Таким образом сии суда превратились совершенно из военных в торговые, следовательно же, принадлежа теперь частным людям и будучи нагружены их собственными в Константинополе и других турецких пристанях на продажу назначенными товарами, не могут никак по справедливости исключены быть от свободного прохода в Черное море»⁴⁴.

Глава Коллегии иностранных дел так уверенно диктовал все это министерскому писарю, что, очевидно, и сам считал те суда торговыми. А потому с видимым раздражением произнес:

– Разве не властна Россия уступить подданным своим для торговли не нужные ей для военной службы суда?..

Но провести турок оказалось не так то просто.

– Порты знает различность между военными и купеческими кораблями, какое бы старание приложено не было к уподоблению первых последними, – резонно заметил реизэфенди.

Между тем во второй половине августа фрегаты миновали Гибралтар и прибыли в Порт-Магон. Участник событий А. С. Шишков, находившийся вместе с Ф. Ф. Ушаковым на фрегате «Северный Орел», так описывал свои ощущения после многодневного и утомительного перехода вокруг Европы:

«Не можно себе представить всех удовольствий, какие после долговременного плавания, пришед в спокойное пристанище, вкушает мореплаватель! Мы перестали бороться с ветрами и волнами; беспрестанное колыхание фрегата, столько нам надоевшее, утихло; вместо покрытой седыми скачущими буграми беспредельной равнины, взоры наши увеселились одетыми лесом и зеленью холмами и долинами; вместо единообразия синеющей воды представились очам различные зрелища: высокие здания, дома, сады, горы, луга с обитающими в них людьми, зверями, птицами; появилась свежая пища, плоды, молоко и тысячи таких вещей, которых человек на море иметь не может; словом, страх наш переменился в безопасность, заточение – в свободу, уединение – в сообщество, скука – в веселье, сухоядие – в лакомство»⁴⁵.

Прибытие русских фрегатов весьма удивило местных жителей. Русские коммерческие флаги они приняли за голландские и никак, поэтому, не могли понять, почему три «голландца» гонятся за одним русским фрегатом? Русские «купцы» радушно были приняты губернатором.

Федор Ушаков с удовольствием и нескрываемым удивлением ходил по острову, с любопытством разглядывая диковинную природу. Особенно непривычными оказались для него здешние ночи – темные, но очень теплые. Высокие берега, освещенные луной, представляли величественное зрелище. Чистая вода бухты, приведенная в движение проходящей шлюпкой, переливалась наподобие усыпанной серебряными искрами широкой ленты.

Не менее интересной стала встреча алжирскими пиратами. Их «зверские лица» да и весь внешний вид внушал ужас. Высокорослые усачи, вооруженные кинжалами и пистолетами, с крепкими, обнаженными по плечи руками и покрытой обильной растительностью грудью, вызывали стремление зарядить и направить в их сторону ружья и пушки.

Проведя на острове две недели, устранив повреждения, отряд Козлянинова снова вышел в море.

12 сентября «Северный Орел» и «Павел» подошли к порту Ливорно, а «Григорий» и «Наталья», как предписывала инструкция Адмиралтейств-коллегии, еще из района Корсики, по приказанию командира отряда, направились к острову Эльба, где им назначено было рандеву с «Северным Орлом».

«Северный Орел» и «Павел», бросив якорь в трех милях от гавани, вскоре были окружены лодками с местными музыкантами и певцами, которые, за умеренную плату приветствовали русских моряков. На другой день, съехав на берег, командование и офицеры,

переодетые в партикулярные платья, были поочередно приняты русским консулом Камалая, губернатором, а потом и английским консулом. В последующие несколько дней русские моряки являлись неперенными участниками балов и почетными зрителями театральных представлений. При этом Т. Г. Козлянинов, что называется, положил глаз на старшую дочь российского консула.

Согласно предписанию капитан-лейтенант Федор Федорович Ушаков вступил в командование фрегатом «Св. Павел». «Констанцию», по приказанию Козлянинова, принял капитан-лейтенант Владимир Матвеевич Ржевский. Ну, а поскольку для придания этим фрегатам вида торговых судов, требовалось время и немалое, капитан 2 ранга Козлянинов принял решение, не дожидаясь их, следовать с «Григорием» и «Наталией» в Константинополь, оставив в Ливорно и «Павла».

Перед отходом Козлянинова два офицера Морского кадетского корпуса – Александр Шишков и Василий Тимирязев, – желая подольше побыть в Ливорно, обратились к капитану 2 ранга с просьбой приписать их к остающимся фрегатам. Тимофей Гаврилович внял их увещаниям и направил Шишкова на «Павел» к Скуратову, а Тимирязева – на «Св. Павел» к Ушакову.

Не имея иных обязанностей на корабле, кроме несения вахты во время похода, они съехали на берег и поселились в одном из трактиров, дабы не ездить всякий раз ночевать на фрегаты, проводя время в казино, кофейнях и театрах, а также в поездках по историческим достопримечательностям Италии. Александр Шишков, кроме того, накопил книг, нанял учителя и принялся осваивать итальянский язык. Но Скуратов и Ушаков, привыкшие к ежедневному упорному труду и не терпевшие у себя на борту бездельников, с нарочитой твердостью напоминали Шишкову и Тимирязеву об офицерском долге.

Вскоре на этой почве окончательно испортились отношения Скуратова и Шишкова. Александр Семенович впоследствии вспоминал: «Беспокойный нрав и сварливость моего начальника наводили мне много скуки и огорчения; не было никакой возможности с ним ужиться; никакая осторожность не помогала; никакого терпения не доставало»⁴⁶.

В 20-х числах ноября, когда фрегаты «Григорий» и «Наталия» были уже у входа в Царьградский пролив, «Св. Павел» и «Констанца» все еще продолжали готовиться к выходу в море. Для их сопровождения капитан 2 ранга Козлянинов развернул «Северный Орел» и взял курс обратно к Италии. «Григорий» и «Наталия» направились в столицу оттоманов.

Входу русских судов в Дарданеллы предшествовала упорная дипломатическая подготовка. И, кажется, Порта начала более снисходительно относиться к их проходу в Черное море. 10 декабря советник российского посольства встретился наедине с известным

султанским лекарем Гобисом. Блюсти государственные интересы Турции Гобису было не с руки, а потому за определенную плату он с удовольствием поделился имевшимися у него сведениями. Убедившись, что никто из турок его не видит и не слышит, он торопливо сказал, что капудан-паша не возражает относительно пропуска фрегатов в Черное море, полагая, что дальность пути извиняет их большие размеры.

Сообщение Гобиса подтвердилось письмом самого капудан-паши Газы Джезаирли Гассан-паши, который писал Стахиеву, что русские суда пойдут в канал «один за одним», но «по прибытии в Константинополь будут осмотрены: точно ль купеческие?»⁴⁷.

14 декабря фрегат «Григорий» вошел на Константинопольский рейд, о чем переводчик Пизаний официально уведомил реиз-эфенди. Тот, в свою очередь, немедленно направился с докладом к верховному визирю, уведомляя его, что названный фрегат меньше, чем прибывшие с ним французский и венецианский купеческие корабли. Но, посоветовавшись, турки решили, что «поздно оным фрегатам на Черное море следовать», а потому посчитали возможным нанять их для хлебного перевоза. Идею поддержал и верховный визирь, Дервиш Мегмет-паша:

– Таким способом скорее и удобнее всего истребитися подозрение у нашего безрассудного народа, и он, привыкнув единожды к их зрению, избавит министерство свое от всяких хлопот и опасности⁴⁸.

Через два с половиной месяца стоянки в Ливорно вышли в море фрегаты «Павел», «Св. Павел» и «Констанца», взяв курс на Мессину. При слабых ветрах потребовалось две недели, чтобы дойти до Сицилии. На подходе к Мессинскому проливу с отрядом наших фрегатов произошла необыкновенная история. На идущем впереди фрегате «Павел» вахтенный начальник и рулевой в ночной темноте неожиданно заметили яркую вспышку прямо по курсу. Капитан-лейтенант Скуратов, дабы не испытывать судьбу, приказал убрать паруса и до утра лечь в дрейф. Наутро же оказалось, что фрегаты шли прямо на вулканический остров Стромболи, огненные вспышки с которого были настолько редки, что даже не все местные жители на своем веку их видели. Как бы то ни было, но только Небесный Промысел спас наших моряков, трое из которых впоследствии станут известными адмиралами, а один из пассажиров – генерал-фельдмаршалом.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, раненый в бою с турецким десантом в районе Алушты летом 1774 года, находился на излечении в Европе. В указе Екатерины II по этому поводу говорилось: «Уволить его для излечения ран к теплым водам, считая с 1 января будущего 1776 года, на год без вычета жалованья»⁴⁹. Срок отпуска подходил к концу, и надо было возвращаться на родину. А тут подвернулась оказия – фрегаты, следующие, как все

думали, в Крым. Так и попал будущий прославленный полководец на корабль, которым командовал Федор Ушаков – в будущем не менее прославленный флотоводец...

В Мессине наши суда пополнились запасами свежей воды, продовольствием и только что сорванными с деревьев фруктами. Офицеры, сойдя на берег, с удовольствием осматривали город, бывали в театре, ужинали, как правило у одного купца, жена которого недурно играла на клавинодах и пела. Однако наслаждаться спокойной стоянкой оставалось недолго. Вскоре в бухте ошвартовался и «Северный Орел».

На пути к Константинополю фрегат «Констанца» сначала отстал от отряда, а потом, не появившись в точке встречи, ушел вперед. В ожидании его три фрегата встали на якорь в предместьях Афин. Пользуясь уникальной возможностью, Федор Федорович вместе с другими офицерами часто сходил на берег и любовался памятниками древней Эллады, о которых лишь читал в книгах и представить себе не мог, что когда-нибудь увидит всю эту дивную красоту воочию.

Однако, увидев следы надругательства над православными святынями, причем не турков, а «просвещенных» французов, Ф. Ф. Ушаков пришел в подавленное состояние. Его попутчик А. С. Шишков вспоминал: «Мы видели также несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочеству безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтоб не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных подписей. Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они отупели в безверии, но зачем же вероисповедание других, подобных себе христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной какой язык читается в сих гнусных надписях, как только французский? За то мы видим и плоды от того прекрасные!»⁵⁰.

13 января 1777 года фрегаты снялись с якоря и в сопровождении целого стада дельфинов, летящих гагар и чаек продолжили свой путь к турецкой столице. 22 января в 10 часов пополудни они втянулись на Константинопольский рейд. Взору мореплавателей предстали окутанные туманом высокие минареты и толстые мечети, окруженные великим множеством мелких домов, разбросанных на семи изгибистых холмах.

По приказанию капудан-паши на русские фрегаты тотчас же явились досмотрщики с длинными железными шестами, которыми начали прощупывать днища: нет ли там пушек? Хотя звук железа о железо явственно прослушивался сквозь песчаную толщу, но звук подаренного им золота заглушил звук меди и чугуна.

На «Св. Павле» «оглохшей» таможенной командой было зафиксировано: «Кирпичу красного двадцать тысяч, свинцу семьдесят две штуки, серы горючей сорок бочек, бумаги пищей тридцать восемь тюков, дробь – шестнадцать бочонков и, наконец, двадцать сосновых досок»⁵¹.

Как и положено, капитан-лейтенант Федор Ушаков подал рапорт российскому посланнику о том, сколько на вверенном ему фрегате «состоит разных чинов служителей и имеется в наличии морского провианта и какие погружены для ввозу в Константинополь товары»⁵².

На фрегате Федора Ушакова оказался еще один офицер с тем же именем и фамилией, что и его командир, – поручик морских солдатских батальонов Федор Ушаков. Генерал-майор И. А. Ганнибал направил его морским путем из Ливорно в Крым, чтобы уже оттуда он следовал в Санкт-Петербург. Но, похоже, тезка Федора Федоровича выбрал не самый короткий путь...

Немногим ранее в Константинополь прибыл ушедший вперед фрегат «Констанца». А «Григорий» стоял уже выгруженным и готовился к выходу в Мраморное море за хлебными припасами*. Фрегат «Северный Орел» из-за категорических возражений капудан-паши был остановлен у входа в Дарданеллы в порте острова Тенедос, совершенно непригодном для зимней стоянки.

Через день А. С. Стахийев прислал на фрегаты срочное уведомление о том, что пройсками французских дипломатов Порты настроена против пропуска русских судов в Черное море. Еще до прихода русских фрегатов они внушили туркам подозрение в том, что наши суда нагружены пушками, порохом и прочими боеприпасами и что под видом торговых судов русские хотят провести через проливы военные корабли. На основании этой информации турки еще в Ливорно подослали на фрегаты своего лазутчика, хорошо говорящего по-русски. Тот сказал, что бежал из алжирского плена, а теперь просит убежища на русских судах. Он был принят, но сразу по прибытии в Константинополь бежал и, явившись в Диван показал, что русские суда начинены порохом и что все находящиеся на них матросы осуждены на смерть и посланы в Черное море для того, чтобы получить прощение за свои преступления; при чем, в случае воспреещения прохода, им будто бы велено сжечь оттоманскую столицу. Турецкое правительство, напуганное ужасным известием, сначала решило напасть на наши суда, снять с них рули, а экипажи арестовать и посадить в башню.

* Фрегат «Григорий» прибыл в Дарданеллы 13 декабря, а «Наталия» – 16 декабря 1776 года.

Сообщение посланника встревожило и русских моряков. На всех российских фрегатах было не более 30 пушек и около 400 человек команды. Никто не знал, что делать. «С одной стороны, – вспоминал А. С. Шишков, – столь малые силы посреди толь многолюдной столицы представляли невозможность обороняться, а с другой, народная гордость и стыд покориться без всякого сопротивления такому народу, который мы всегда побеждать привыкли, казалось, покроет нас вечным срамом и укоризнами»⁵³.

Слух о готовящемся нападении на русские суда мгновенно распространился по городу. Иностранцы любопытствовали, будут ли русские обороняться? Поскольку не было никакого указания от российского дипломатического представителя, капитаны вольны были поступать по своему усмотрению. Некоторые предпочитали лучше умереть, чем сдаться без боя, другие, напротив, считали неблагоразумным устраивать шум и давать туркам лишний повод к войне: обстановка из-за ввода русских войск на Перекоп и без того была накалена.

Ночью капитан-лейтенант Федор Ушаков, находясь на палубе, заметил вблизи султанского дворца, необычную суету. Множество людей бегало вокруг, размахивая фонарями и крича. Он решил, что турки начинают нападение, и дал оповещение на остальные суда. На фрегате «Наталия» по команде капитан-лейтенанта Мосолова тотчас подняли якорь, обрубали чалки, зарядили пушки картечью. Фрегат начал отходить на середину канала, в готовности к отражению нападения.

Но, как оказалось, в городе всего лишь произошел очередной пожар, на который, по обыкновению, приехал сам султан. Поэтому все обошлось без кровопролития. Более того, вскоре турки стали более лояльно относиться к присутствию русских судов у себя в проливе. Трудно судить, что могло быть причиной смягчения позиции Порты: может, рассказы турецкого лазутчика о том, что русские моряки – люди отчаянные и что, скорее, погибнут сами, но при этом, разнесут в щепки и султанский дворец с прилегающими к нему строениями. Как бы там ни было, но вскоре все успокоилось. Более того, русским морякам было дозволено свободно ходить по городу и посещать храмы.

В одну из таких прогулок случился невероятный случай, после которого, очевидно, турки еще более утвердились в мыли об отчаянности русских моряков.

Произошло же вот что. По древнему обычаю турки с закатом солнца заперли улицы города, а ключи отнесли в комендатуру. Один матрос со «Св. Павла» не сумел попасть на корабль. «Не ведая о сих басурманских порядках», служивый решил было разнести закрытые ворота. Однако в этом ему воспрепятствовал турецкий военный патруль, состоявший из офицера и двенадцати воинов. Офицер хотел объяснить моряку, что тот должен пройти с ними к коменданту за ключи, но матрос его не понял. Патрульные решили отвести его в

комендатуру, но не тут-то было. Матрос подумал, что нечестивые хотят его «потурчить» (обратить в мусульманство), и, сжав кулаки, тяжелыми ударами уложил наземь добрую половину своих обидчиков, включая офицера. Однако силы были неравными: морячка связали и доставили к коменданту.

На следующее утро о ночном происшествии доложили самому султану, который повелел отвести матроса на корабль и требовать от капитана его публичной казни. На счастье бедолаги наказание оказалось не столь суровым: его всего лишь высекли кошками (веревками). При этом Ушаков объяснил турецкому чиновнику, что за подобный проступок в русском флоте это самое тяжкое наказание.

Прибытие российских судов в Константинополь совпало с очередными перестановками в правящих кругах Турции. Еще при встрече с российским советником лекарь Гобис по секрету сообщил, что «визирь давно бы свергнут был, если бы его банкир Сканави не был должен трех тысяч мешков (300 рублей. – Авт.) султанской сестре, которые тот банкир по большей части употребил на визиря потребности». Как оказалось, Гобис располагал достоверной информацией: 24 декабря Дервиш Мегмет-паша был смнен и отправлен в ссылку в Галиполь, а на его место заступил кегая-бей Деренделы Мегмет-ага.

9 февраля 1777 года А. С. Стахив вместе со своей свитой и офицерами с российских судов сделал первое церемониальное посещение нового верховного визиря.

Выйдя из дома, посланник сел на свою 14-велельную баржу и в сопровождении восьми шлюпок с русских фрегатов и пяти наемных турецких лодок переправился на противоположный берег. При прохождении фрегатов матросы, расставленные по рядам, дружно приветствовали российского посланника троекратным громогласным «Ура!»

На пути к Порте российский кортеж растянулся на полусотню шагов. Его порядок был следующим:

«1. Калауз чауш.

2. Шесть янычар в своем парадном платье.

3. Двенадцать чегодарей в своем парадном платье.

4. За италмейстера актуариус Яковлев, а за ним

5. три заводные лошади в турецких богатых уборах, вехенные тремя чегодарями.

6. Три заводных лошади в европейских богатых уборах, тремя чегодарями вехенные.

7. Швейцаров, а за ним

8. двенадцать лакеев в парадной ливрее по два в ряд.

9. *Четыре камердинера в парадном платье и между ними*

10. *Дворецкий.*

11. *Четыре унтер-офицера, а именно: толмач Зверев, Мольенинов, Горчинский и Петров.*

12. *Два баратера: армянский купец Иванес и жид Измаиль.*

13. *Актуариусы и студенты по два в ряд:*

<i>Мельников</i>	<i>Милюков</i>
<i>Болкунов</i>	<i>Шмит</i>
<i>Дандрый</i>	<i>Равич</i>
<i>Пиний</i>	<i>Форман</i>

14. *Морские кадетские офицеры:*

<i>Василий Тимирязев</i>	<i>Александр Шишков</i>
<i>Князь Григорий Долгоруков</i>	<i>Василий Шубин</i>

15. *Переводчики:*

<i>Дандрый</i>	<i>Мельников</i>
<i>Крута</i>	<i>Пизаний</i>

16. *Посланник верхом.*

17. *Сын его верхом же с некоторою уступкою на левой стороне*

18. *За тем:*

<i>Иван Северин</i>	<i>Николай Скуратов</i>
<i>Федор Мосолов</i>	<i>Федор Ушаков</i>
<i>Владимир Ржевский</i>	<i>Никита Баскаков</i>
<i>Илья Левицкий</i>	<i>Иван Мясоедов</i>
<i>Иван Абдулов</i>	<i>Федор Ушаков</i>
<i>Алексей Мясоедов</i>	<i>Михайла Голенищев-Кутузов</i>
<i>Корней Поппе</i>	<i>Граф Таронитий</i>
<i>Дмитрий Чернокапцоев</i>	<i>Лампер Николаев</i>

19. *Купцы:*

<i>Синдеев</i>	<i>Джамес</i>
<i>Литинин</i>	<i>Нотара</i>
<i>Аракелов</i>	<i>Отто</i>
<i>Струков</i>	<i>Сотири»⁵⁴.</i>

Церемония приема была обставлена с восточной пышностью. По прибытии в султанский дворец на его крыльце посланника встретил переводчик Порты.

Церемониймейстер проводил Стахиева в специальную комнату, а через несколько минут – в аудиенц-зал, наполненный множеством народа. После некоторого ожидания отворились двери, и в зале в сопровождении двух приближенных появился верховный визирь, окутанный богатыми шубами. Турки троекратно приветствовали визиря здравицами, и он сел на свое место, поставив по правую руку кегай-бея, а по левую рэис-эфенди и других чиновников Порты. Российскому посланнику визирь предложил сесть напротив него. Слуги подали кофе, кальян и разные угощения.

Справившись о здоровье посланника, визирь выслушал его приветствие, прочитанное драгоманом на турецком языке, после чего велел своему драгоману зачитать ответ на русском языке. Обе речи наполнены были уверениями в дружбе и желанием сохранять мир. Четверть часа продолжалась любезная беседа, в конце которой А. С. Стахиеву и его сыну по турецкому обычаю были поднесены платки. Вскоре визирь покинул присутствующих, и русская делегация тем же порядком направилась в обратный путь.

С этого времени отношение турок к русским морякам стало более доверительным. Особенно приятно было слышать добрые воспоминания бывших пленных, которые с удовольствием рассказывали о своем пребывании в России. Завидев русского моряка, некоторые из них кричали по-русски: «Русский человек, куда идешь? Здорово брат!» А бывало, даже запевали русскую песню.

Но одним из самых сильных впечатлений у Федора Ушакова осталось от посещения мечети, бывшей некогда величественным православным храмом Святой Софии. С восхищением он взирал на знакомую архитектуру, угадывая места, где некогда был алтарь и приделы, и думал, что «праведно обратить назад то, что с великою неправдою было отнято».

Наступил март. К этому времени турки обещали пропустить русские фрегаты в Черное море. Однако ввод российских войск в Крым и смена там хана, произошедшая 29 марта, осложнили положение русских моряков в Константинополе. Оно усугублялось еще и тем, что корабли дали течь, а офицеры за неимением денег терпели крайнюю нужду. В этих обстоятельствах местная чернь вновь начала поговаривать о войне.

На требования российского посланника принять решение о пропуске фрегатов Порты уклончиво заявляла, что не отказывает в пропуске, но просит еще немного подождать. Между тем, капудан-паша получил приказание о вооружении турецкого флота и об отправлении его в Черное море.

7 сентября 1777 года в Петербурге был подписан и на следующий день отправлен Стахиеву указ. В нем говорилось о необходимости принять меры для подготовки фрегатов к

возвращению и о подаче Порте мемориала с протестом против нежелания турок пропустить суда в Черное море⁵⁵.

Близился октябрь, а Порта упорно стояла на своем. Она выдвинула новое условие для прохода русских судов в Черное море: вывести войска из Крыма и отказаться от поддержки крымского хана Шагин-Гирея.

Подобные условия вызвали протест с российской стороны, и А. С. Стахийев немедленно подал второй мемориал, тем более что пора к отправлению фрегатов на Черное море миновала. Оставаться в здешних водах также было небезопасно «по усугублению с некоторого времени вероломных и смутных обстоятельств, от которых, по всем соображениям и заключениям пожилых здесь людей, надобно напоследок или внутреннего в здешней столице бунта, или же военных предприятий, на что народ теперь от ненавистников мирной тишины неусыпно поджигается разными клеветами как на всевысочайший двор, так и на крымскаго хана»⁵⁶.

Вскоре вышел султанский фирман, разрешавший русским фрегатам выйти в Средиземное море. Однако выпустить сразу все русские суда турки не решились. Первым вышел к Дарданеллам фрегат «Наталия», за ним – «Павел», а потом – «Григорий».

Ранним утром 22 октября при благоприятном ветре отдал приказ сниматься с якоря и Федор Ушаков. Через некоторое время, наполнив паруса, «Св. Павел» и фрегат «Констанца» направились в Мраморное море. В районе острова Тенедос, где некогда находилась древняя Троя, они встретились с сопровождавшим их фрегатом «Северный Орел». Федор Федорович не заметил даже и малейших следов далекой цивилизации, но в воображении представлял описанные Гомером картины битвы Ахиллеса с Гектором и, конечно, исполинского троянского коня.

24 декабря российские фрегаты пошли далее в Средиземное море, в порт Ливорно. А Порта торжествовала. Придав огласке российский мемориал, турки заговорили о том, что наконец-то российский двор «ощутил неправость своего прежнего настояния о пропуске оных фрегатов на Черное море»⁵⁷.

14 января 1778 года фрегаты пришли в Мессину, однако сойти на берег русским морякам не позволили по причине объявленного им карантина. Через десять дней после выхода из Мессины фрегаты подошли к Ливорно, где «Северному Орлу» надлежало выстоять в карантине 21 день, остальным фрегатам под торговыми флагами – 40. Лишь по особым договоренностям была разрешена встреча с русскими дипломатическими представителями в специальном карантинном доме. Однако, даже находясь в одном помещении и дыша одним воздухом, присутствующим категорически воспрещалось касаться

друг друга. Можно себе представить, какая тоска напала на наших моряков. Но выхода не было, приходилось терпеть.

Наконец фрегаты вошли в порт и команды смогли сойти на берег. Офицеры собрались в гостеприимном доме российского консула Камалая. Дом этот на время стал что-то вроде кают-компаний. Особенно частым гостем там стал командир отряда капитан 2 ранга Т. Г. Козлянинов, которому была явно небезразлична старшая дочь консула – Жанина.

В это же время в Ливорно находился марокканский посланник, которого Козлянинов, без высочайшего на то изволения, решил доставить в Гибралтар. Для этих целей был снаряжен фрегат «Павел» под командованием капитан-лейтенанта Скуратова, которому был придан и небольшой фрегат «Констанца». Уже после отправки фрегатов Козлянинов получил уведомление от графа И. Г. Чернышева с повелением немедленно возвращаться в Россию. Выполнить этого требования, не дождавшись своих фрегатов, Козлянинов не мог. К тому же у Тимофея Гавриловича была и личная причина не спешить с отбытием: он посватался за дочь Камалая. Консул не отказал кавторангу, однако ж, поставил условие, что непременно должен дождаться ответа от графа Чернышева с его мнением об отправке фрегатов с марокканским посланником.

С тревогой ожидал командир отряда ответа из Петербурга. Получив долгожданный пакет, вскрыл его с нескрываемым волнением, но опасения оказались напрасными: его действия были одобрены. При этом повелевалось немедленно возвращаться в Россию. Капитан 2 ранга Козлянинов принял решение следовать к Гибралтару в надежде встретиться по пути с фрегатами, отправленными в Африку.

Оставив порт Ливорно, 6 августа отряд русских фрегатов направился к Гибралтару и через десять дней попутным ветром дошел до места. Но «Павла» и «Констанцы» там не застал. За несколько дней до прихода отряда они ушли обратно в Ливорно. Зато, к своему немалому удивлению, русские моряки встретили в Гибралтаре небольшую голландскую эскадру под командованием вице-адмирала И. Г. Кинсбергена, отличившегося на русской службе в первую русско-турецкую войну. Голландскому адмиралу не пришлось объяснять, почему на фрегатах оказались коммерческие флаги: он хорошо знал обстановку на Черном море. Большим сюрпризом была для него лишь встреча со своим недавним подчиненным Федором Ушаковым.

В Гибралтаре русским офицерам был оказан теплый прием. Они были непременно гостями на всех приемах у местного губернатора – генерал-лейтенанта инженерной службы Джорджа Эллиота. В свою очередь и губернатор не преминул побывать на русских фрегатах, где его встречали с надлежащими почестями: артиллерийским салютом и музыкой. По его

распоряжению к русским морякам были приставлены британские офицеры для объяснения всего ими увиденного и показа того, чего они пожелают.

Меж тем, военно-политическая обстановка вокруг Гибралтара накалялась день ото дня. Полуостров соединялся узким перешейком с Испанией, с которой Англия находилась в состоянии войны. Не оставалась в стороне и Франция, для которой Гибралтар служил своеобразными воротами в Атлантический океан и Средиземное море. Однако французов явно не устраивало, что ключ от этих ворот находился в руках англичан.

На протяжении всей своей многовековой истории Гибралтар, отделяющий Европу от Африки, имел важное стратегическое значение, а поэтому всегда был яблоком раздора. Впервые Гибралтар завоевали мавры, переправившиеся из Африки в 700 году. Они укрепили его и владели им почти шесть веков. В 1309 году он перешел в руки кастильянцев. В продолжение последующих полутора столетий Гибралтар переходил из рук в руки, пока в 1461 году окончательно не попал под власть испанцев. В 1607 году его пытались осаждать голландцы, а в 1693 году – знаменитый французский адмирал А.-И. де Турвиль. Однако ни одна из экспедиций не имела успеха.

Борьба за Гибралтар продолжилась и в XVIII веке. В 1704 году, во время войны за испанское наследство, англо-голландский флот в составе 22 линейных кораблей со 3 100 орудиями и 19 000 матросов и солдат внезапно напал на крепость и овладел ею. С тех пор англичане прочно удерживали в своих руках «ключи» от Средиземного моря⁵⁸. По условиям Утрехтского мирного договора, заключенного 13 июля 1713 года, Гибралтар окончательно был закреплен за Англией.

После каждой очередной осады крепостные сооружения Гибралтара еще более усиливались, в результате крепость, прикрываемая со стороны гавани флотом, стала неприступной.

При осмотре галерей крепости англичане оказывали русским офицерам знаки почтения. Офицеры и прислуга становились во фронт и отдавали воинскую честь. Удивлению русских офицеров не было предела. Перед их глазами простились картины воистину поражающие воображение. Они стояли на месте, которое в древности Геракл принял за край света. С высоких скал, как на ладони, им были одновременно видны Атлантический океан и Средиземное море.

К 10 сентября в Гибралтар вернулись «Павел» и «Констанца». Однако выйти в Атлантический океан Козлянинов не решился по причине «худого состояния» вверенных ему фрегатов. 12-го числа он собрал всех капитанов и, посоветовавшись, принял решение

зимовать в Средиземном море. На следующий же день отряд русских фрегатов, отошел от причалов и взял курс в Ливорно, где простоял до 11 марта следующего года.

Получив указ о возвращении на Балтику, фрегаты наполнили паруса и попутным ветром, точно на крыльях, понеслись к дому. Уже 20 марта они были в Гибралтаре. Пополнив запасы, через три дня русские моряки вышли в Атлантический океан. Еще через две недели они подошли к Английскому каналу (Ламаншу). 21 апреля, оставив Дильский рейд, фрегаты продолжили свой путь. 4 мая на горизонте показался Копенгаген, а там до дома осталось рукой подать. Через два дня вступили в родную Балтику и 14 мая были уже на Кронштадтском рейде. Выдержав положенный десятидневный карантин, фрегаты вошли в гавань. Закончилась эта беспрецедентная по времени экспедиция, продолжавшаяся без малого три года. Фрегаты вернулись домой.

За кормой остались более 20 тысяч миль. И хотя экспедиция, как она задумывалась, оказалась неудачной, был приобретен богатейший опыт длительного плавания, более детально изучен морской театр, проведена демонстрация российского флага на Средиземном море и налажено взаимодействие с флотами других держав. Осталась и масса незабываемых впечатлений и воспоминаний о не виданных дотоле землях и странах.

По возвращении отряда в Кронштадт Федор Федорович Ушаков был назначен командиром 66-пушечного корабля «Георгий Победоносец». Случай по тем временам был достаточно редким, так как командирами больших кораблей назначались, как правило, старшие офицеры – капитаны второго и первого ранга. Но период командования им оказался не долгим: через несколько месяцев он переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду.

В Петербурге Федор Федорович узнал, что никакого решения по поводу имений, причитавшихся его матери, не принято, и в июне он повторно обратился к императрице. Однако и на этот раз возникли препоны. Из высочайшей канцелярии капитан-лейтенанту ответили, что он неправомочен обращаться с подобным прошением, не имея при этом доверенности от всех остальных наследников. Пришлось срочно отправлять письмо к отцу в Бурнаково.

Ответ не заставил себя долго ждать. Доверенность («Верящее письмо») от отца, подписанное и двумя его братьями, Иваном и Степаном, были получены, и Федор Ушаков вновь обратился к императрице. Его настойчивость и здесь дала положительный результат. Императрица взамен взятых в казну имений вознаградила просителей тремя тысячами рублей. Взамен капитан-лейтенант Ушаков отказался от всяких претензий на упомянутые имения⁵⁹.

2. В РЫБИНСК ЗА ЛЕСОМ

В декабре 1779 года Федор Федорович Ушаков по поручению Адмиралтейств-коллегии был направлен в Рыбинск вместо тяжело заболевшего и вскоре умершего там капитан-лейтенанта А. П. Милюкова. Ушакову надлежало принять командование над караваном корабельного леса, еще летом приведенного с низовьев Волги в Рыбинск, и в предстоящую навигацию доставить его по Вышневолоцкой водной системе в Санкт-Петербург.

Рыбинск, получивший статус города в 1777 году, являлся важным перевалочным пунктом на Верхней Волге. Прибывающие из Ярославля суда с хлебом, мануфактурой и другими припасами перегружались на плоскодонные барки и двигались далее вверх при помощи бурлаков и конной тяги. Уездная газета того времени «Уединенный пошехонец» так писала о «столице бурлаков»: «Город Рыбинск лежит под 57-м градусом северной широты при реке Волге, по течению ея на правой стороне, называемой нагорной. Расстоянием от губернского города Ярославля 79, от ближайшего уездного города Романова 49 верст»⁶⁰. Следует лишь добавить, что Рыбинск являлся одним из главных узлов, соединяющих Волжско-Каспийский бассейн с Санкт-Петербургом.

Федор Федорович не был здесь четыре с половиной года. Без малого тридцать верст отделяли его от отчего дома. И по скованной льдом Волге на санях он вскорости добрался до Бурнакова. Как и весной 1775 года встретил сына престарелый отец. На следующее утро приехали и братья. Иван, у которого недавно родилась дочь, перебрался с семейством в сельцо Дергалово. Степан, приехавший домой в отпуск, жил с женой и сыном Алексеем в сельце Петрово.

Побыв немного дома, Федор Федорович уехал в Рыбинск. Караван с дубовым корабельным и сосновым мачтовым лесом надлежало отправить через Тверь и Вышний Волчок до Санкт-Петербурга, для чего еще 24 июля прошлого 1779 года тогдашним начальником каравана Милюковым был заключен подряд с рыбинскими и мологскими купцами и мещанами на проводку каравана до Вышнего Волочка.

34 барки с мачтовым лесом под командованием лейтенанта К. Е. Обольянинова в том же году перевели в Тверь, где они и зимовали на реке Тверце. А суда с дубовым лесом, оставшиеся в Рыбинске, сковал лед на Шексне. Оставалось ждать, когда река освободится ото льда и откроется навигация, или, как говорили в здешних краях, «водоходство».

Может показаться странным, что флотские офицеры занимались, на первый взгляд, совершенно несвойственным им делом – заготовкой и доставкой леса на строительство кораблей. Но в том был глубокий смысл. Строительство флота являлось важнейшим пунктом морской политики России. Создание флота требовало значительных материальных и, прежде всего, лесных ресурсов. Поэтому еще Петр I смотрел на леса, как на хранилища строительных материалов, необходимых для строительства флота. При нем была создана жесткая система контроля за лесными ресурсами.

Леса, включая частные владения, были поставлены на строгий государственный учет. В 50 верстах от больших рек и в 20-ти от малых создавались заповедники для выращивания корабельного леса. Присматривать за ними назначались специальные надзиратели из «добрых людей», которым для учета и клеймения деревьев выдавались «пятны» с губернским гербом. Рубить клейменный лес, «к корабельному и хоромному строению годный», без специального на то разрешения Адмиралтейств-коллегии под страхом штрафа и телесных наказаний категорически запрещалось.

Красноречивым в этом отношении являлся указ Петра I от 31 января 1718 года, который гласил: «Преслушников указу, которые дубовый лес рубили и впредь рубить будут, также кто рубить прикажет помещик или прикащик, и тех самых, вырезав ноздри и учиня наказание, посылать в каторжную работу (За умышленный поджег леса предусматривалась смертная казнь. – Авт.). А для рубки на полозье, на оси, на колеса и на обручи и на другие нужды велеть рубить из негодного дуба, который к корабельному строению негоден»⁶¹.

К концу его царствования строгость в использовании лесов дошла до того, что усопших запрещалось хоронить в дубовых гробах, а священникам их отпевать.

Более чем двадцатилетний опыт кораблестроения позволил сформировать в России стройную систему, при которой весь процесс строительства флота, включая заготовку леса, находился под контролем одного ведомства – Адмиралтейств-коллегии. Именно благодаря строительству флота в Российской империи было организационно завершено устройство лесной части, закрепленное указом от 3 декабря 1723 года. Этим указом была утверждена инструкция обер-вальдмейстеру (управляющему лесами) и определен порядок выращивания, сохранения и заготовки корабельного леса⁶².

В 1724 году экспедицией под руководством унтер-лейтенанта С. И. Мордвинова (впоследствии известного адмирала и отца адмирала Н. С. Мордвинова) было установлено, что наиболее пригодными для строительства кораблей являются леса, растущие по берегам Волги и Камы⁶³. И когда в первое описание лесов, проводившееся в 1730–1732 годах, обнаружилось, что по всей России в больших объемах производится самовольная вырубка

заповедных лесов, то указано было из волжских лесов строить корабли только первого ранга, а прочие, 60-пушечные и менее, у города Архангельска из леса, росшего по Двине и впадающим в нее рекам⁶⁴.

По результатам описи лесов императрицей Анной Иоанновной были изданы два указа. Первый – от 11 мая 1732 года, которым еще раз было подтверждено, что вся лесная часть оставалась в подчинении Адмиралтейств-коллегии. И второй – от 21 августа, которым при Адмиралтейств-коллегии вместо Валдейстерской конторы дела по лесной части были переданы в Обер-сарваерскую контору, заведующую до этого только верфями и кораблестроением⁶⁵. Кроме того, последним указом надзор за лесами возлагался на воевод, губернаторов и адмиралтейских командиров.

Государственная политика относительно сохранности и применения лесов практически не претерпела изменений до царствования Екатерины II. В 1767 году ее указом в ведении Адмиралтейств-коллегии были оставлены лишь корабельные леса. При этом надзор за корабельным лесом как растущим, так и заготовленным, осуществлялся Экспедицией генерал-интенданта. Она же отвечала и за доставку леса в адмиралтейства. Остальные казенные леса были обращены в заведование директоров Государственной экономии или Государственного домоводства⁶⁶.

Не случайно поэтому для доставления лесов ежегодно отправлялись флотские офицеры. В такую экспедицию и попал Ф. Ф. Ушаков. А направление его в Рыбинск, конечно же, состоялось потому, что сам он был родом из этих мест и лучше других мог знать и людей, и водный путь.

По прибытии в Рыбинск Федор Федорович встретился в городском магистрате с рыбинскими и мOLOGскими купцами, заключившими подряд с капитан-лейтенантом Милюковым на проводку означенного каравана от Рыбинска до Вышнего Волочка своими лоцманами и коноводами.

– Господа купцы и почтеннейшие мещане, – обратился к собравшимся Ушаков, – по поручению Государственной Адмиралтейской коллегии прибыл я, чтоб заменить покойного капитан-лейтенанта Милюкова, чтоб с Божией и вашей помощью благополучно привести означенный караван с лесом до Санкт-Петербурга сообразно с подрядом, подписанному вами. Ныне же ознакомился я со всеми бумагами капитан-лейтенанта Милюкова и направил их копии в Адмиралтейств-коллегию.

В зале началось оживление. Купцы испытующе смотрели на нового начальника каравана, догадываясь, что этот на расходы лишней государственной копейки не даст. Тем не

менее, один из них все же попытался поднять цену за предлагаемые услуги, на что Ушаков резонно заметил:

– Я почитаю, господа купцы, что сто двадцать рублей за барку цена весьма сходная и подвергать оную сумлению не считаю возможным. Теперь же уповаю я, что при проводке каравана будете иметь за оным крепкое смотрение, дабы не понести урону и закончить дело надлежащим образом и полюбовно.

На том и расстались.

В ожидании ответа из Адмиралтейств-коллегии Федор Федорович продолжал заниматься бумагами, ежедневно бывал на барках, нагруженных лесом, непременно посещал службы в церкви Казанской иконы Божьей Матери, с удовольствием общался с земляками.

20 марта 1780 года резолюцией на отправленные в Адмиралтейств-коллегию бумаги Ф. Ф. Ушаков получил новый указ о препровождении рыбинского каравана до Санкт-Петербурга по контракту, заключенному капитан-лейтенантом Милюковым, ответственность за который должны нести рыбинские купцы Афанасий и Федор Ильины вместе с Никитой Роговиковским. Ушакову надлежало обязать подпискою купцов довести караван с лесом, находившийся в Твери до Вышнего Волочка, что и было им неукоснительно исполнено 6 апреля.

Сборы были недолгими, и в середине апреля 1780 года рыбинский караван тронулся в путь. Но он не дошел и до Твери, как к Ушакову прибыл лейтенант Обольянинов и, едва перескочив через борт своей ладьи на палубу барки начальника, с негодованием на рыбинских купцов стал рапортовать о том, что подрядчики не явились для доставки лесов до Вышнего Волочка, а вместо себя прислали своего поверенного, который заявил, что за неимением на то доставление денег, лоцманов и коноводов поставить он не в состоянии, что лишь вмешательство тверского губернатора спасло положение. Он распорядился доставить те леса до Вышнего Волочка за казенный счет с тем, чтобы взыскать означенную сумму 1 734 рубля за вычетом выплаченных им 1 020 рублей с тех подрядчиков. Но подрядчики и туда не явились.

– Подводят земляки, – заметил Федор Федорович и сел писать срочное сообщение в Рыбинский городской магистрат, в котором после обстоятельного изложения сути вопроса заявил: «Требую, дабы соблаговолено было оных рыбинских купцов и мещан для зделания с ними надлежащего расчета и для внесения в казну денег в самое скорейшее время прислать их ко мне в Тверь или в Вышний Волчок или где я находиться буду при доставлении реками тех лесов; а о не исполнении по тому данному оным договору и обязательству и о причинении ими в упущении времени казне убытка и замешательств

имею представить в государственную Адмиралтейскую коллегию. А в указе Коллегии предписано мне, чтоб оба сии каравана непременно в нынешнее лето, в настоящее время к Санкт-Петербургскому адмиралтейству стараться доставить. А как в проезде моем ныне рекою усмотрено мною, что последняго каравана барки, состоящие на подряде у купцов Афанасия и Федора Ильиных и Никиты Роговиковскаго, следуют без всякаго у них присмотра и старания, весьма неспешно и припасами неисправны, в чем имеет великие остановки. Вода же в реках уже весьма убывла, посему предвижу, быть в доставлении нынешним летом остановке. К отвращению сего, предупреждая, требую, чтоб благоволено было им купцам Афанасия и Федора Ильиных в самое скорейшее время выслать к тому доставлению лесов и велеть явиться ко мне или, в случае моего убытия, к определенному у меня при том афицеру. В случае же какого-либо в оном замедлении предвижу непременно в том доставлении остановку и леса в свое время доставлены быть не могут.

Мая 3 дня 1780 года.

Капитан-лейтенант Федор Ушаков»⁶⁷.

24 мая Ушаков вторично потребовал явки купцов. Но окончательный расчет был произведен лишь в конце августа. А караван с лесом благополучно прибыл в столицу в середине июня.

После доставки в Петербург крупной партии леса Адмиралтейств-коллегия назначила ревизию скопившейся на складах древесины. Для этого была организована комиссия, в которую попал и командир императорских яхт П. И. Шишкин. На его же место временно определили капитан-лейтенанта Федора Ушакова». 12 августа Ф. Ф. Ушаков вступил в должность. В это время императрица находилась в Царском Селе, поэтому флотилия стояла без употребления.

В сентябре Ушаков получил предписание Адмиралтейств-коллегии: «Яхты ввестъ в галерную гавань и разоружить, и как командиров, так и прочих офицеров и нижних чинов служителей определить в прежние команды». По сдаче придворных судов, Федора Ушакова вновь хотели отправить на заготовку корабельного леса, но тот обратился непосредственно к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву с просьбой об отмене этого распоряжения и назначении на боевой корабль. В ответном письме от 11 ноября 1780 года вице-президент писал Ф. Ф. Ушакову: «Коллегия, найдя просьбу вашу справедливою, сделать так и определила»⁶⁸. Капитан-лейтенант Федор Ушаков был переведен в Кронштадт, в корабельную эскадру.

В начале следующего года Федор Федорович получил печальное известие из дома: 22 января 1781 года на 71-м году жизни скончался отец. «Перед кончиною исповедан и святого причастия сподобен» и погребен при церкви Богоявления-на-Острове⁶⁹.

За раздел имений после смерти Федора Игнатьевича взялся младший из братьев – Иван. А для подписания раздельной записи позднее приехали Степан и Федор. Гаврила же, находившийся «в службе Ея Императорскаго Величества в заграничной армии», прибыть не смог.

Споров между ними никаких не возникло. Раздел произошел «полюбовно» и каждому досталась равная часть «с такими в раздельных записях кондициями, естли из доставшихся на части какой-нибудь от кого выбудет, то учинить на то выбыль на равнение»⁷⁰.

Федору Федоровичу, хотя он и не являлся старшим сыном, достались родовое имение село Бурнаково, село Дымовское и деревня Кузино⁷¹. Очевидно, на то была последняя воля отца. И, поклонившись его праху, Федор Федорович вернулся в Петербург. Его вновь ждал океан.

3. «ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»

С давних времен европейские дворы пытались оградить свою торговлю на море от покушений воюющих между собою держав. Существовавшие торговые трактаты, определявшие, что считать контрабандным грузом, нарушались при первом удобном случае и, в таких делах, были мало эффективными. Торговые же суда без поддержки военных кораблей все чаще становились добычей той или иной противоборствующей стороны, которая, захватывая незадачливого негодянта, объявляла груз контрабандным и, естественно, конфисковывала, зачастую, вместе с судном.

Особенно острой, в этом отношении, стала обстановка во время войны североамериканских колоний за свою независимость. Так в 1778 году американские корсары, появившиеся в северных морях, значительно повредили российской торговле через Архангельский порт. Екатерина II, совместно с нейтральными северными странами, Данией и Швецией, наметили тогда ряд мер для ограждения своих торговых судов от нападения корсаров. В кампанию 1779 года ими решено было направить в Северное море для защиты судоходства равное количество боевых кораблей, предупредив о том воюющие державы.

В соответствующем указе русской императрицы своей Адмиралтейств-коллегии от 26 января 1779 года по этому поводу отмечалось: «Сим повелеваем из находящихся в Архангельском порте судов как можно скорее снарядить, вооружить и снабдить всем

потребным два военных корабля и два фрегата к выступлению в море, предписывая определяемому на них командиру: 1-е, чтоб он, по открытии весною навигации, вышел в Северное море и чрез все лето крейсировал там от Белого моря до Кап Норда и в окружности оною, составляя из эскадры своей такую цель, дабы без ведома его ни одно судно прокрасться не могло. 2-е, чтоб он, таким образом, стережа и карауля, доколе время позволять будет, безопасность общей навигации, если встретит какой либо иностранный капер с патентом своего Правительства, пристойно объявля офицерам и экипажу оною, что пребывание их в тамошних водах ни дозволяемо, ни терпимо быть не может, чтоб они поэтому ехали назад, куда им угодно... в случае безрассудного их упорства, а наипаче действительного в ремесле своем покушения, не возможет он обойтись без употребления противу их самой силы, оставляя уже на их собственный счет все из того неприятные последствия»⁷².

Тогда же было высказано соображение о заключении по этому поводу специальной конвенции. Но события стали разворачиваться гораздо быстрее, чем решались дела на переговорах.

В начале 1780 года испанскими военными кораблями были захвачены два российских торговых судна, на что Россия «в сильных выражениях» сделала представление мадридскому двору, требуя «строжайшего запрещения прикасаться торговли и навигации российской на Средиземном море».

Вскоре, 27 февраля 1780 года, Россия выступила со знаменитой Декларацией воюющим державам, в которой объявила Англии, Франции и Испании о защите свободы судоходства и торговли на море как для своих судов, так и для судов других нейтральных государств. Поддержавшие Россию Дания, Швеция, Голландия, Португалия, Пруссия, Австрия и Королевство обеих Сицилий создали своеобразный союз, вошедший в историю под названием «Вооруженного нейтралитета»⁷³.

В Декларации воюющим державам было предъявлено пять пунктов, признания которых требовала русская императрица:

- «1. нейтральные корабли могут свободно ходить из порта в порт и приставать к берегам даже воюющих стран, кроме мест, состоящих в блокаде;
2. товары воюющих народов, находящиеся на нейтральных кораблях, должны быть неприкасаемые, т.е. флаг прикрывает груз, за исключением военной контрабанды;
3. контрабандою признаются одни военные снаряды и оружие;

4. гавань считается в блокаде только в том случае, когда вход в нее действительно заперт неприятельскими кораблями;
5. из предъявленных положений уже очевидно, что законным призом должно признавать одну контрабанду»⁷⁴.

Таким образом, соблюдая нейтралитет в войне, Екатерина II почла «за обязательство, с достоинством Ея сходствующее, защищать от кого бы то ни было из воюющих держав честь флага своего и безопасность торга и плавания Ея подданных»⁷⁵.

Еще до объявления Декларации, 8 февраля последовал императорский указ Адмиралтейств-коллегии, в котором говорилось: «Сверх отправленных и в нынешнем году по примеру прошедшего двух кораблей и двух фрегатов в Северное море для ограждения свободного мореплавания и торговли к портам Нашим, признали Мы за благо вооружить из флота Нашего при Кронштадте пятнадцать кораблей, приуготовя для них все потребные припасы, провиант и морскую провизию на полгода, повелеваем вследствие того Нашей Адмиралтейской Коллегии стараться исполнить сие так, чтоб помянутое количество кораблей со всем для них потребным, по совершенном вскрытии вод здешних, в крайней готовности было и по первым Нашим повелениям тотчас в плавание пуститься могло»⁷⁶.

На основании этого указа, Адмиралтейств-коллегия приступила к подготовке трех эскадр для отправки их в Средиземное море⁷⁷. Командирами эскадр были назначены контр-адмирал Борисов, контр-адмирал Круз и капитан бригадирского ранга Палибин. В качестве руководства Адмиралтейств-коллегией для них была разработана специальная инструкция, которой предусматривалось: «В случае нападения на препровожаемое купеческое судно или суда... под каким бы флагом ни было, защищать оныя всеми силами, исполняя должность храброго и искусного мореплавателя и сохраняя честь флага до последней крайности... поступать в защищении сего, себя и флага, как долг, честь и присяга велит»⁷⁸.

Появление на Средиземном море российских военных кораблей значительно укрепило авторитет России. Первые лица Коллегии иностранных дел – Н. И. Панин и И. А. Остерман еще до выхода эскадры писали императрице: «Сие обстоятельство послужит без сомнения... к приобретению доверенности нашему торговому флагу, а по оной и к вящему его употреблению, от чего натурально последовать долженствует размножение у нас мореходных судов и мореходцев»⁷⁹.

Исполнив долг по защите морского судоходства и торговли на Средиземном море в кампанию 1780 года, эскадры Борисова и Палибина вернулись в Кронштадт. А в мае 1781 года для этих же целей туда отправилась эскадра из пяти кораблей и двух фрегатов под

командованием контр-адмирала Я. Ф. Сухотина, в состав которой входил и 66-пушечный линейный корабль «Виктор», которым командовал капитан-лейтенант Ф. Ф. Ушаков.

Назначение Федора Федоровича состоялось в самый последний момент. Случилось так, что заболел прежний командира «Виктора», и должность неожиданно для всех оказалась вакантной. Выбор пал на капитан-лейтенанта, стоявшего первым в списке получения чина старшего офицера – Федора Ушакова. Несомненную роль в назначении сыграло его участие в Средиземноморском походе 1776–1779 годов, и, конечно же, личное желание. Он принял корабль 11 мая, когда уже вся эскадра сутки стояла на Кронштадтском рейде, готовясь к депутатскому смотру. Времени до отхода оставалось совсем немного, и Ушакову потребовалось больших усилий, чтобы подготовить корабль к выходу в море.

20 мая императрице доложили, что назначенная в поход эскадра стоит в готовности, и «не повелено ли будет оную отправить в путь». На поднесенной бумаге Екатерина II изящно начертала: «Отправить». 25 мая по высочайшему поведению эскадра снялись с якоря и взяла курс на Зунд. Ее командующий – контр-адмирал Я. Ф. Сухотин – поднял свой флаг на «Пантелеймоне», которым командовал капитан 1 ранга Амандус Берх. Остальными кораблями эскадры командовали штаб-офицеры (старшие офицеры): «Не тронь меня» – Михаил Мельников, «Европой» – товарищ Федора Ушакова по прошлому Средиземноморскому походу – Николай Скуратов, «Памятью Евстафия» – Илларион Повалишин. Фрегатами: «Воином» – капитан-лейтенант Василий Шубин, «Марией» – капитан-лейтенант Андрей Крусанов.

11 и 12 июня, следуя в проливе к Копенгагену, флагманский корабль «Пантелеймон», по бестолковости лоцманов, трижды садился на мель, что вызвало нервность на всей эскадре. Ситуация и без того была достаточно сложной: началась цинга. В столице Дании капитан-лейтенант Ушаков приказал снести на берег первого умершего матроса. А на выходе из Зунда эпидемия начала уже ежедневно уносить жизни моряков. 29 июля при проходе Гибралтара на корабле Ушакова умер судовой лекарь К. Миленберн, так что пришлось Федору Федоровичу быть и командиром, и лекарем одновременно.

Основным пунктом пребывания русских кораблей на Средиземном море стал порт Ливорно, куда 15 августа, наконец, пришла эскадра Сухотина. Несмотря на все трудности похода, во время которого на корабле «Виктор» скончалось 47 человек, Ф. Ф. Ушаков с волнением заводил свой корабль в знакомый ему порт⁸⁰. С разрешения и с помощью местных властей на берегу оборудовали временный лазарет, куда свезли с кораблей большую часть больных. В донесении Сухотина от 3 сентября отмечалось, что в лазарете находилось до 800 человек больных. «По сей причине, – сообщал Сухотин в Петербург, – не имею надежды,

чтоб мог от Ливорны отправиться»⁸¹. Поэтому, командующий принял решение остаться на зимовку. К середине декабря в лазарете находилось 111 больных, и 28 человек похоронили.

Для Ушакова это была уже вторая зима в этом порту. Прибывший в начале следующего 1782 года курьер из Петербурга доставил указ от 1 января о производстве в чины. Как и ожидалось, он получил штаб-офицерский чин капитана 2 ранга. Для него это событие было достаточно значимым. Повышение обеспечивало Федору Федоровичу, живущему практически только на казенный счет, существенную прибавку к жалованью и выводило его на качественно новый уровень в военной иерархии.

В последний день января Адмиралтейств-коллегия отправила в Италию указ контр-адмиралу Сухотину о возвращении эскадры в Кронштадт. Во исполнении высочайшей воли 2 мая эскадра вышла в обратный путь. По хорошо знакомому маршруту русские корабли шли домой.

16 мая на подходе к Гибралтару эскадра была приведена в полную боевую готовность: предстояло не просто проходить пролив, а, по существу, форсировать район военных действий. По этому поводу волнение не покидало командиров и команды русских кораблей. Причины этого волнения заключались в том, что почти три года назад, 21 июня 1779 года, Франция и Испания, заключив между собою союз, осадили Гибралтар, занятый английскими войсками. Началась так называемая «Великая осада». Весной 1782 года правительства Испании и Франции после безуспешной длительной блокады крепости решили предпринять самые энергичные меры к ее захвату. Поэтому в момент прохода русской эскадры вокруг Гибралтара шли интенсивные военные приготовления.

Надо себе представить, что чувствовал Ф. Ф. Ушаков при проходе мимо франко-испанского флота. О чем думал он, вглядываясь в подзорную труду, рассматривая бастионы крепости, по которым три года назад он ходил, хорошо знал их защитников, в том числе и коменданта крепости генерала Джорджа Эллиота...

За две недели дошли до Англии. Затем, практически без остановок, дошли до Копенгагена. Простояв там десять дней, исправляя повреждения и пополняя запасы, 23 июня эскадра Сухотина вышла в Балтийское море, где через четыре дня встретила эскадру вице-адмирала В. Я. Чичагова, следовавшую по тому же маршруту в Средиземное море. Став на якорь, моряки сутки общались друг с другом, делясь опытом и впечатлениями. Там-то и познакомился Федор Федорович с молодым и очень важным командиром флагманского корабля «Константин» – Николаем Семеновичем Мордвиновым. Он на девять лет был младше Ушакова, но чин капитана 2 ранга получил на год раньше. Ушакову, как и многим другим офицерам, было ясно, что большая должность и высокий чин в столь раннем

возрасте, являлись следствием заслуг его отца – адмирала Семена Ивановича Мордвинова, так как никаких собственных заслуг, кроме знатного происхождения, Николай Семенович к тому времени не имел.

Придя 2 июля на Кронштадтский рейд, корабли эскадры Сухотина были построены в линию для встречи императрицы, которая на следующий день намеревалась посетить главную базу флота. С раннего утра на горизонте показалась императорская яхта «Нева». Не долго ей командовал Федор Ушаков, но все же ему приятно было вновь увидеть этот небольшой, богато украшенный парусник. Волнительной была и торжественность момента: не каждый раз из похода тебя встречает сама императрица!

Пробыв два часа в городе, Екатерина II, взойдя на яхту, направилась на рейд в сторону эскадры, которая приветствовала свою государыню орудийным салютом. Как и четырнадцать лет назад Федор Федорович с восторгом смотрел на нее. Но теперь он был уже не молодой мичман, а старший офицер – командир грозного линейного корабля.

Наградой доблестным офицерам флота стала встреча с Родиной, по которой они изрядно стосковались. Хотя, как вскоре выяснилось, командир императорской яхты за переход от Кронштадта до Петергофа получил из рук императрицы бриллиантовый перстень, а его офицеры – золотые табакерки и часы...

Таким образом, завершилась эта непростая экспедиция. И хотя за время этого похода не было отмечено ни одного случая, когда бы русским военным кораблям пришлось применять оружие, сама экспедиция, равно как и экспедиции Борисова, Палибина и Чичагова, явила собой важный прецедент в мировой политике. Флот стал действенным инструментом внешней политики России. Екатерина II заставила признавать свои интересы на морях и уважать Андреевский флаг.

Политика вооруженного нейтралитета, впервые провозглашенная русской императрицей, имела далеко идущие последствия. Ее основные положения о праве нейтральных государств на свободную торговлю впоследствии составили стержень международного морского права.

С уходом эскадры Сухотина из Средиземного моря между воюющими державами началось ожесточенное сражение за Гибралтар. Для штурма приморской крепости атакующая сторона решила применить плавучие батареи французского инженера де Арсона. Их особенность заключалась в том, что орудия на них располагались с одной стороны, а с другой для удержания судна на ровном киле укладывались мешки с песком. Необычной была и обшивка борта, расположенного под углом 45 градусов для рикошета ядер противника. Толщина обшивки составляла 3 фута (0,92 м). На эти плавучие батареи союзники возлагали

особые надежды. Однако кроме плавбатарей перед Гибралтаром они держали до 350 судов с 4 900 орудиями, около 200 осадных пушек и 33-тысячный корпус войск.

Для усиления обороны крепости генерал Д. Эллиот приступил к постройке знаменитой галереи, высеченной прямо в скале, увеличил число плавучих батарей и заграждений, установил рогатки в местах, удобных для высадки десанта. В результате этих мер союзникам так и не удалось овладеть крепостью. Знаменитый штурм, начавшийся 13 сентября 1782 года окончился для франко-испанских сил неудачей: все 10 плавбатарей были взорваны и потоплены, что, в конечном счете, привело к снятию блокады⁸².

Неудача франко-испанской экспедиции против Гибралтара в значительной степени повлияла на взгляды военных теоретиков и флотоводцев. С того времени в европейских военно-морских кругах стало утверждаться мнение о нецелесообразности штурма приморских крепостей силами флота.

Впоследствии это мнение с блеском будет опровергнуто Федором Федоровичем Ушаковым – живым свидетелем описываемых событий. И, конечно же, опыт обеих противоборствующих сторон пригодится ему в 1798–1799 годах при принятии решений о блокаде и штурме крепости Корфу.

По возвращении в Кронштадт капитан 2 ранга Федор Ушакова, в отличие от большинства других офицеров, разъехавшихся по домам, получил новое назначение, и оно косвенно было связано с только что закончившимся длительным плаванием. Походы русских эскадр в Средиземное море, и стоянки наших кораблей в южных портах выявили дотоле почти не известное отечественным мореплавателям зло – морского червя.

В иностранных флотах для защиты подводной части корпусов от разрушающего действия червя применяли обшивку из медных листов. Так первым английским кораблем, обшитым медью в 1761 году стал 32-пушечный фрегат «Алерт». Но стоимость меди была высокой, поэтому Адмиралтейств-коллегия решила попытаться использовать для этой цели белый металл, бывший, по ее мнению, «столь же способным, но дешевле».

Чтобы сравнить качество обшивок были выстроены два совершенно одинаковых фрегата «Проворный» и «Св. Марк». Командиром первого фрегата, обшитого белым металлом, 29 июля был назначен капитан 2 ранга Федор Ушаков, «дабы оную пробу произвести надежнее и с большою точностью»⁸³. Вторым опытным фрегатом такой же конструкции, но обшитым медью, командовал капитан-лейтенант Козьма Обольянинов – соратника Ушакова по рыбинской экспедиции. Для объективности к ним определили капитана 1 ранга П. И. Ханькова. Перед командирами фрегатов и старшим на борту была поставлена задача произвести сравнительные испытания «при всяких ветрах.., поворотах и

лежании на якоре».

15 августа оба фрегата вышли из галерной гавани Петербурга и встали на рейд Невы, где еще раз сравнили нагрузку, наклон мачт и выровняли деферент. Через неделю они перешли в Кронштадт и 25 августа вышли в море, взяв курс на Ревель. На этом переходе П. И. Ханьков находился на «Св. Марке», а обратно 6 сентября он пересел на фрегат Ушакова. Как оказалось, разницы между фрегатами не было, практически, никакой при незначительном преимуществе «Св. Марка», о чем капитан 1 ранга Ханьков 15 сентября доложил Адмиралтейств-коллегии⁸⁴.

Результаты испытаний послужили основанием для практического внедрения медной обшивки в Российском флоте. Она стала постепенно вводиться на кораблях балтийской постройки. На остальных же судах, прежде всего черноморских, вплоть до начала XIX века единственным средством от обрастания днища служила дополнительная обшивка толщиной в полдюйма.

По окончании кампании Федор Ушаков сдал фрегат и, скорее всего, был отпущен в «домовой» отпуск.

Подводя итог его семилетней службы на Балтике, можно с уверенностью говорить, что он стал опытным моряком. За это время Ф. Ф. Ушаков дважды побывал на Средиземном море, еще не зная, что в будущем оно станет полем его ратной славы.

«НОГОЮ ТВЕРДОЙ ВСТАТЬ ПРИ МОРЕ»

1. БОРЬБА ЗА КРЫМ

Приближаясь к описанию деяний выдающегося русского флотоводца, коими он прославил наше Отечество, и обессмертил свое имя, важно понять, что происходило тогда в далеком «Полуденном крае»; какие силы скрестили шпаги, и каков был главный противник России, кого, в конечном итоге, одолел святой праведный воин Федор Ушаков.

Со времени первой русско-турецкой войны времен Екатерины II основным соперником России продолжала оставаться Османская империя. Она представляла собой политическую общность, включавшую в себя более шестидесяти народов, в том числе славянских, многие из которых были насильно включены в состав этого образования. Эти народы существенно различались между собой как по уровню социально-экономического и политического развития, так и по своей этноконфессиональной принадлежности. Поэтому

государственное единство Турции обеспечивалось исключительно аппаратом насилия. Отсутствие устойчивых экономических связей между отдельными районами империи, языковые и культурно-бытовые преграды, религиозная рознь – все это серьезно ухудшало перспективы сохранения османского государства как исторически единого организма и, в конце концов, привело к глобальному кризису.

В сложившихся обстоятельствах нарастало стремление наиболее развитых стран Европы, прежде всего Англии, Австрии и Франции, усилить свое экономическое и политическое влияние на Востоке. Россия, имея свои интересы в этом регионе, также не могла оставаться в стороне. В результате переплетения интересов в Черноморско-Средиземноморском регионе между ними образовался тугой узел противоречий, вошедший в последствии в историю дипломатии под названием «восточного вопроса». Разрешение восточного вопроса на том этапе стало одной из основных задач внешней политики России, а ее приоритетными направлениями – Юг и Юго-Запад. Главная цель – собирание русских земель в исторических границах.

Памятуя о том, что турки никогда «не ставили себе в стыд» отказываться от своих собственных слов и постановлений, трактуя их по своему усмотрению, русская императрица, резонно рассудила, что «снисхождение турков отнюдь не убеждает» и что «полезнее всегда было, когда говорили с ними сильным тоном»⁸⁵.

Противоречия между Россией и Турцией начались сразу после заключения мира. Яблоком раздора вновь стал Крым. После объявления татарской независимости в 1772 году в Крыму не прекращались брожения, в результате которых (не без участия Порты) татары избрали себе нового хана – Девлет-Гирея, правление которого усилило противостояние между двумя державами. Турция пыталась вновь поставить Крым под свою зависимость, что, в свою очередь, вызвало противодействие со стороны России, которая в 1776 году «нашла себя вынужденной необходимостью, предохраняя высочайшее свое достоинство и желая возвратить императорскому своему двору разрушенное ныне равенство в трактатном положении обеих империй, обратиться к взаимству и указать, следуя примеру Блистательной Порты, ввести свои войска в Перекоп, как место третьей, ни той, ни другой стороне не принадлежащей области, о чем 3 декабря специальной декларацией было объявлено Порте»⁸⁶.

Решительные действия российского кабинета охладили пыл турок. В тех обстоятельствах «как по недостатку денег, так и по робости войска» турки были не в состоянии противодействовать России. К тому же в этот период Турция вела войну с

Персией, а потому ограничилась лишь ответом на декларацию, наполненную обидами и упреками в адрес российской стороны.

Екатерина II, воспользовавшись таким обстоятельством, не замедлила предпринять меры к укреплению своих позиций в Крыму. 17 декабря 1776 года туда прибыл генерал-поручик А. В. Суворов и вступил во временное исполнение обязанностей командующего корпусом вместо генерала А. А. Прозоровского.

Правильность решений русской императрицы подтвердило и шифрованное сообщение из Константинополя от А. С. Стахиева, в котором говорилось: «...движение победоносных наших войск Порту приводит в изумление и что она нимало не готова отсюда дать подпору Девлет-Гирею, да и не примечаю еще никаких действительных к тому здесь приготовлений, хотя в публике тем и громко угрожают. Мои каналы постоянно продолжают уверять, что она нимало не в состоянии с нами в войну вступить, пока она с персиянами продолжается; но притом опасаются здесь народного бунта, есть ли здешние партизаны из Крыма сюда прогнаны будут»⁸⁷.

Нерешительность Турции, а также нестабильная ситуация в Крыму и на Кубани подтолкнули российскую сторону к еще более энергичным действиям. Четко отслеживая настроения в татарской среде, Екатерина II решила поддержать выдвижение одного из татарских лидеров – Шагин-Гирея, человека, «душевно познающего цену дарованной Отечеству его вольности». В январе 1777 года она писала: «Вместе с занятием Перекопа сочли Мы за нужно приняться и за непосредственное между татарами установление особого благонамеренного общества, по сей причине и надобно было подвинуться известному калге Шагин-Гирей султану во внутрь Кубани при отряде войск наших под командою бригадира (И. Ф.– Авт.) Бринка. Сие движение произвело два действия: первое, калга султан от Едичкульской орды и несколько других родов с радостию принят и торжественно объявлен уже самодержавным и ни от кого не зависимым ханом, в котором качестве он, быв от нас признан, имеет скоро вступить в Крым, где есть много ему преданных людей, для установления там своей власти и изгнания по возможности прежнего хана Девлет-Гирея, чем вольность и независимость татар сами собою могли бы установиться и утвердиться по силе и словам мирного трактата»⁸⁸.

О действиях россиян незамедлительно стало известно верховному визирю через письмо Девлет-Гирея, в котором тот сообщал, «что в Крыму разнесся слух, якобы великое число российского войска, по предъявлению одних двадцать тысяч человек, а других без означения количества, идет противу Крыма и всех татарских областей... что несколько сот человек оного войска показались как на кубанской стороне, так и у Перекопа и что Шагин-

Гирей, подкрепляем бригадиром Бринком с некоторым числом войска, показался на кубанской границе, объявляя, что он сделан татарским ханом по взаимному установлению между обеими империями, почему и принуждает татар себе покориться, препровождая своею декларациею»⁸⁹.

Ознакомившись с донесением Девлет-Гирея, верховный визирь пришел в ярость и велел отписать в Крым: «Вашей светлости, почтительнейшим султанам, начальникам и каждому истинному татарину известно да будет: что таковые Шагин-Гиреевы речи содержат явную ложь и клевету. Блистательная Порта издавна не перестает пререгать все, что подлежит к духовному повиновению крымцев и татар... В таких обстоятельствах возможно ли думать, чтоб Блистательная Порта могла опробовать такой развратный Шагин-Гиреев поступок, которого и самой подлейший человек не может сделать и который при том противен трактатным постановлениям»⁹⁰. Но это было все, на что оказалась способна некогда грозная Османская империя.

10 марта 1777 года А. В. Суворов одним маневром своих войск рассеял неорганизованное воинство Девлет-Гирея, что позволило Шагин-Гирею войти в Крым, где 29 марта он был провозглашен ханом.

С радостным известием из Крыма были посланы депутаты к обоим высоким дворам, представив им священные максары (грамоты), в которых сообщалось: «Божиею всесильною помощью... избрали и приняли мы в ханы щастливейшего Шагин-Гирей хана и подчинили себя его власти, возведя на ханский трон»⁹¹.

Русская императрица с почтением приняла посланцев из Крыма и в своем поздравлении Шагин-Гирею отписала: «Мы, будучи уверены, что татарская область возможет под вашим бодрым и благоразумным управлением, скоро и прочно утвердиться на будущие времена в присвоенных ей драгоценнейших преимуществах вольности и независимости гражданской и политической, которыя Мы с своей стороны всегда и всячески могуществом Нашим покровительством охранять и защищать будем...»⁹².

Турецкая сторона обошлась с крымскими депутатами менее снисходительно: их арестовали и отправили на остров Родос в ссылку. А российскому посланнику объявили, что Шагин-Гирей, возведенный на ханство при помощи российских войск, никогда не будет признан Портой в своем достоинстве, и выдвинули новые обвинения в нарушении мирного трактата.

Узнав об этом, Екатерина II резонно заметила: «Избрание Шагин-Гирея на ханство учинено не в присутствии, а в близости войск наших, но сие обстоятельство в тогдашнем положении дел на Крымском полуострове не только не было предосудительно вольности

избирающих голосов, но паче и даровало еще оную татарам... Пребывание же Наших войск в Крыму есть вынужденное самою Портою, как то ей в свое время письменною Декларациею объявлено было... Сами татары просили нас публичным макзаром об оставлении войск Наших на некоторое время в Крыму для утверждения и обеспечения вольности их, из развалин пособием Нашим восстановленной. Но доколе турки не признают торжественно пред светом Шагин-Гирея законным и самодержавным ханом, а татар всех вообще областью от империи Оттоманской совсем отделенною, вольною и независимою, до тех пор не дозволит Нам благоразумие вывести войска Наши из Крыма и Мы не поступим на то, несмотря ни на какия вопреки усилия»⁹³.

Стало очевидно, что за усиление своего влияния в Крыму предстоит упорная борьба, к которой готовились с обеих сторон. Порта, умудренная в коварстве, решила взорвать ситуацию изнутри. В Крым были посланы лазутчики, подстрекавшие единоверцев к возмущению. Злые семена раздора падали на благодатную почву. «Сего народа вероломство, шаткость, на всякие пакости склонность», как всегда, сыграли свою решающую роль. 5 октября взбунтовались бишлеи – личная гвардия хана, которых он хотел переодеть в прусские мундиры и организовать по европейскому типу. Бахчисарай был захвачен племянником хана Селим-Гиреем, а к турецкому султану отправлены депутаты с просьбой о помощи.

24 декабря на генеральном совете при Порте решено было поддержать бунтовщиков и начать военные действия против Шагин-Гирея. При этом капудан-паша Джезаирли Газы Гассан-паша – будущий главный противник Ушакова, осердясь на миролюбивую партию, начал громко заявлять о необходимости ведения войны против самой России. Боясь «неприятных следствий», совет был «скоропостижно» прерван, и во дворце созвали собрание, на котором высшее мусульманское духовенство подало султану письменное представление. Произнеся хвалу всевышнему и его наместнику на земле, муфтий зачитал текст документа, поднесенного Абдул-Гамиду.

В переводе это звучало так: «Вследствие при Кайнарджи заключенного мирного трактата Крым совершенно должен остаться независимым: а как Шагин-Гирей хан недостойный своего имени, с помощью российского войска войдя в Крым, нарек себя ханом и от стороны своих сообщников с депутатами прислал сюда печатями утвержденные макзары, чиня между тем насильствия и убиения бедным мусульманам, пекущимся о благе своего Отечества, кои, предавая к подножию престола Его Султанова Величества, просят по единоверию его помощи, которую по закону они имеют право требовать»⁹⁴.

На совете духовенством была выдана фетва (письменное заключение по юридическим вопросам, вынесенное на основе Шариата муфтием) следующего содержания: «Шагин-Гирей, отторгнувшись от правоверия, противу желания верных мусульман пронырством своим имяновал себя ханом и следует на истребление оных и закона, о чем неоднократно чинены были представления; чего ради и издана сия фетва в народ, чтоб каждый мусульманин для искоренения бунтовщика и отступника веры с совершенною своею ревностью крови своей не щадил»⁹⁵.

Вышенаписанное одобрил анатолийский кадилескер (высший духовный судья в Анатолии) в разговоре со своим румелийским коллегой.

Таким образом, Порта развязала себе руки и начала интенсивные военные приготовления. Для поддержки крымских мятежников решено было направить туда восемь кораблей под командованием Гаджи Мегмет-аги, названного крымским сераскиром и 20 тысяч человек сухопутного войска. А для комплектования флота указано привести в Константинополь до четырех тысяч дульциниотов, так как служивших на флоте азиатских матросов признали к такой службе неспособными.

Янычарскому аге приказано было с 36 ортами янычар (36 тысяч человек) идти в поход к Днестру и Дунаю. На соседнем с Кинбурном острове Березань велено сделать укрепления. Был объявлен набор и в сухопутную армию, которой уже предстоящей весной надлежало быть у Измаила.

Турецкая военная машина была запущена, но ее «гнилой» механизм постоянно давал сбои. Турецкое войско то разбегалось от несносного снабжения, то устраивало погромы, грабежи и насилия. Дело дошло до того, что Порте пришлось отдать повеление женщинам не выходить на улицы во время прохода войск, а войскам не задерживаться в населенных пунктах. Между морскими и сухопутными турецкими начальниками Гассан-пашою и Джаныклы Али-пашою (или Гаджи Али Джаныклы-паша) начались разногласия. А войска тем временем не хотели переправляться в Крым.

В трудной ситуации Шагин-Гирей сумел организовать своих сторонников и в письме к генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому аргументировано дал отпор оттоманским измышлениям о происходящих в Крыму событиях.

«Вся причина их тяжбы, – писал он, – выходит единственно из злобствования, что в самое то время, когда Порта имела всю лучшую уже удобность совершенно поработить и завладеть татарскою областью подобным образом, как учинила она с прочими державами, тогда врожденным Ее Императорскаго Величества человеколюбием и споспешествованием подвигов вельмож российских народ татарский получил от ига ее (Порты. – Авт.) совершенное

избавление, а потому и не отстаёт она стараться в надеянии, что успеет временем в своих внутренних скрытых намерениях, или же, подобным настоящему возмущению, доведёт татарскую область до крайнего падения и тем исполнит свое мщение, ибо есть ли все те державы, кои суть магометанской религии и не есть в подданстве Порты, грешат против своего закона, то великому множеству мусульман должно быть злоключиму.

...Впрочем, всему свету известно, что татарские султаны предались в подданство Порты отнюдь не по убеждению религии и закона, но единственно избегая опасности от соседних сильных держав и в надеянии на защиту сил оттоманских»⁹⁶.

В 20-х числах декабря российские войска наголову разбили крымских бунтовщиков под предводительством Селим-Гирея в районе урочища Сары-Абыз и загнали их в горы. Из пяти отправленных на Черное море турецких фрегатов и не нашедших способа подойти к Суджуку, три в Кызыл-Таше были взяты Шагин-Гиреем в плен, а четвертый разбило штормом у мыса Такла, недалеко от Керченского пролива.

Несмотря на неудачи, в начале следующего 1778 года турки продолжали наращивать свои военные усилия против сторонников Шагин-Гирея и одновременно попытались предпринять дипломатические шаги для оправдания своих действий и обвинения российского двора в нарушении мирных договоренностей. Так, 29 января реиз-эфенди разослал английскому, австрийскому, французскому и неаполитанскому посланникам сообщения о том, что российский двор своими поступками в Крыму выводит Порту из терпения.

Но, как видно, реиз-эфенди оказался недальновидным политиком, потому как английский посол тотчас уведомил Стахиева о поданной записке и конфиденциально сообщил, что, по его надежным сведениям, Порты намерена будущею весною вывести в Черное море до 36 кораблей, чтобы захватить Кинбурн.

– Оные бесстыдные наветы Порты и очевидная поспешность в ополчениях, – ответил откровенностью на откровенность Александр Стахиевич, – по моему скудоумному понятию, ясно доказывают, что злонамеренная партия ослепила султана тем, что если Порты усилит ополчение и продолжит неприятельские поиски под предлогом вспомогания единоверцам, может усугубить требование уступок в трактате.

Походив в раздумье по комнате, Стахиев добавил:

– Чем далее, тем осязательнее проникаю я, что Порты не думала никогда с нами мир утверждать по Кючук-Кайнарджийскому трактату, почитая оный себе несносным, а особливо третий и одиннадцатый артикулы, и, пока могла, волочила его исполнение до собирания сил. А теперь ее министерство, не видя более к тому препятствий, старается

только объяснить народу свои злые замыслы с оборонительной стороны для ограждения себя от возмущений в случае неудачи⁹⁷.

В начале 1778 года из Синопа в Крым были направлены восемь судов с сухопутным войском под командованием двух сыновей Джаньклы Али-паши. Но, подойдя к крымскому берегу, они были встречены артиллерией и «приведены в такой беспорядок, что не токмо к берегу пристать не могли, но и между собою так запутались, что одно утоплено, а у другого руль отбит, остальные же шесть с великим уроном одно за другим в Синоп возвратились и уверяют, что в Крыму ни одного из бунтовщиков не осталось, но все разбежались, покинув Селим-Гирея»⁹⁸. Столь печальное известие привело в ярость Али-пашу, и он, не вдаваясь в долгие разбирательства, велел повесить первых двух капитанов. Висеть бы на рее и третьему, по имени Хаммамджи Оглу, но он оказался хитрее своих собратьев и вовремя сбежал.

Вскоре Джаньклы Али-паша получил письмо от Селим-Гирея, в котором тот сообщал, что находится на мысе Ахтиар и может продержаться там не более 15 дней, после чего помощь ему уже вряд ли понадобится, и он вынужден будет оттуда удалиться⁹⁹.

При поддержке российских войск Шагин-Гирей восстановил свою власть от Еникальского (Керченского) пролива через Кафу до Бахчисарая. А остатки бунтовщиков были загнаны вместе с семьями на гору Аюдаг (Медвежья гора). Шагин-Гирей потребовал от них прекращения сопротивления, на что те и согласились. К марту 1778 года с мятежом в Крыму было покончено. Бывшие мятежники обратились к Шагин-Гирею с раскаянием.

Российский резидент в Крыму А. Д. Константинов с удовлетворением доносил А. В. Суворову на Кубань: «Имею честь возвестить Вашему высокопревосходительству об окончании настоящего в Крыму мятежа, в котором раскаялись татары, потерявшие многое число народа и бесчисленное количество скота и имений. Теперь пали они к ногам своего законного властителя, прося единственно пощады и прощения в их незаконном заблуждении, предают себя в непосредственную власть и волю Шагин-Гирея-хана и, отдав в руки его все свое оружие, отдают к наказанию и начальных возмутителей, отрекаются от прошений, посланных к Порте, кои сочинены единственным насилием и наглостию означенных зачинщиков бунта»¹⁰⁰.

Доволен был и сам крымский хан. Пригласив к себе Константинова на кофе, Шагин-Гирей, с легким акцентом говоря по-русски, отметил:

– Пособием Ее Императорского Величества татарские народы пришли в прежнее нам повиновение.

– То матушка-императрица почла за долг свой вступиться за сохранение независимости татарской, – учтиво ответил Константинов.

– Однако, – продолжал Шагин-Гирей, – начальные виновники разврату и столь мерзостным деяниям нагрузили на корабли награбленное и сами на оных уехали, так что казна татарская пуста.

Выдержав паузу, крымский хан спросил:

– Не соблаговолит ли Ее Величество оказать финансовую помощь в подкреплении завоеваний независимости ханства Крымского?

Андрей Дмитриевич заверил хана в благосклонности российского двора к его персоне и пообещал содействовать в финансовой поддержке.

А тем временем Порты продолжала военные приготовления, лицемерно заявляя о своем «искреннем» желании сохранения мира. Распалив свое воображение скорым возвращением Крыма, она уже не могла остановиться. Для уточнения состояния российских морских и сухопутных морских сил капудан-паша 15 февраля отправил в Крым на 18-весельном канчебасе пять чаушей с двумя своими людьми, знающими русский язык.

К Джаныклы Али-паше был послан капуджи-баша с султанским указом о немедленной переправке его войск в Крым. В самом же Крыму Порты намеревалась поднять восстание под предводительством Девлет-Гирея, которому также было послано повеление отправиться в Очаков и оттуда тайно пробираться на Крымский полуостров. Для поддержки Али-паши и Девлет-Гирея к 20-м числам марта в Черное море было отправлено 22 судна, шесть из которых были линейными кораблями¹⁰¹.

В Константинополь продолжали стекаться войска, которые добавляли хлопот властям и местным жителям. Так привезенные из Смирны на торговом французском судне 400 солдат и матросов учинили в городе «превеликие озорничества»: одному англичанину отрубили руку, голландцу переломили спину, а четырех греков застрелили. Продолжая бесчинства, они убили янычарского офицера и с ним двух янычар. Для усмирения воинов ислама пришлось четырех зачинщиков задавить. Но ни погромы новобранцев, ни их нежелание воевать не убавили желания у Порты силой возвратить себе Крым.

17 марта султан призвал к себе духовенство, кегея Порты, реиз-эфенди и капудан-пашу на приватное собрание, где намеревался обсудить план действия относительно Крыма.

Начиная беседу, один из представителей духовенства предложил:

– Что если через третью персону, исключая русских, объявить Шагин-Гирею, что Порты снисходит на крымскую независимость и по халифскому закону взять с него и всех первенствующих лиц предложенное обязательство, что будут они иметь к Порте некоторое

законное уничтожение и покорность без всякого о том сообщения российскому двору и что никогда не будут они просить помощи русских.

Капудан-паша, обращаясь к султану, истово возразил:

– Подло иметь дело с тем, кто отрекся от Закона и погубил столько мусульман. Должно его, варвара, наказать оружием Вашего Величества! Войска у нас теперь все в готовности и правоверные мусульмане за Закон не преминут оказать свою храбрость.

Представители духовенства, со своей стороны, заметили адмиралу:

– Капудан-паша! Коли так, то Вам и должно идти предводителем войска.

– Капудан-пашу из столицы не отпущу. – Вмешался в спор сам султан. – Для некоторых обстоятельств он нужен мне здесь.

Испрося разрешения султана, духовенство вновь вступило в разговор:

– Если капудан-паша не может оставить столицу, кто ж тогда возглавит войско?

– Храбрее Джаныклы Али-паши, который только ожидает повеления Его Величества, нам не сыскать. – Заметил адмирал. – Мне кажется, что для таких войск, как татары он весьма способен. Разве вы его не почитаете добрым слугой Отечества?

– Не с одними татарами должно иметь дело. – Вновь возразили служители Аллаха. – Кроме того, в народе разгласили, что помянутый Джаныклы Али-паша якобы состоит в переписке с Шагин-Гиреем, в связи с чем может ли наше войско ему подчиняться?

– Приведение войска в послушание зависит лишь от командира. – Резонно заметил капудан-паша¹⁰².

Споры, не по существу дела, увели участников совещания в сторону, в результате разговор окончился ничем.

В двадцатых числах марта у Порты состоялся очередной совет, на котором наконец-то было определено, «собрав возможное число войска, учинить новое нападение на Крым с балаклавской стороны и стараться хана Шагин-Гирея отдалить от российских войск, а если оныя за того вступятся и станут его защищать, в таком случае и оных, наравне с ними почитая, производить противу их военные действия»¹⁰³.

Кроме того, было также определено послать в Измаил и другие пограничные города повеления о том, что если вопреки ожиданиям российские войска станут покушаться на турецкие области, то необходимо препятствовать им вооруженною рукою, так как Порты в таком случае не может быть обвинена «зачинщицею неприятельств».

Турки более интенсивно стали чинить свои военные приготовления. В Синопе концентрировались войска, а в Константинополе капудан-паша деятельно готовил флот, состоящий из 11 линейных кораблей и семи галер, к выходу в Черное море. В конце апреля

он приказал служителям погрузить на корабли свои постели, из чего явственно следовало, что он сам собирается идти в поход. Это предположение подтверждал и тот факт, что накануне он отправил своих жен в деревню Бейкоз, лежащую на канале, дабы уберечь их во время своего отсутствия от «моровой заразы», которая день ото дня становилась в Константинополе все сильнее¹⁰⁴.

25 апреля у муфтия состоялся большой совет, на котором Порта окончательно решила послать свой флот в Крым под командованием самого капудан-паши, который по пути должен был зайти в Синоп и взять на борт 40-тысячный корпус под предводительством именитого Джаныклы Али-паши. На том же совете Джаныклы был сделан сераскиром, а сын его произведен в трехбунчужные паши с обязанностью исполнять губернаторскую должность на время отсутствия отца. Как сухопутному, так и морскому начальникам во время экспедиции было приказано не чинить никаких неприятельских действий, если они не будут атакованы и если им удастся высадить на берег свое войско без сопротивления с российской стороны; тогда они могут объявить, что прибыли туда для приведения себя в равенство с российской стороной; а если с российской стороны на них будет совершено нападение, то тогда объявив, что Россия нарушила мир, начать и продолжать военные действия «без всякой пощады и уважения»¹⁰⁵.

Не осталось никаких сомнений, что Порта не отступится от своих коварных планов, принудя российский двор воспрепятствовать высадке турецкого войска на таврический берег и представив всему свету свои действия как оборонительные. При этом Порта тешила себя и надеждой на то, что в условиях обострения противоречий между Францией и Англией, а особенно между Австрией и Пруссией, Россия также будет втянута в них, и, естественно, значительно ослабеет. Уповала она и на возмущения в Польше. Но российский кабинет вел достаточно умную политическую игру, лишив тем самым турок дополнительных козырей.

Со своей стороны Россия предпринимала шаги к признанию Портой Шагин-Гирея как независимого государя. В начале апреля российский посланник А. С. Стахийев направил к реиз-эфенди переводчика с сообщением о том, что бывшие в Крыму мятежники принесли Шагин-Гирею искреннее раскаяние и спокойно возвратились в свои жилища, что в Крыму стоит совершенная тишина и что турецкие фрегаты покинули крымские берега. Однако реакция реиз-эфенди была на редкость бурной и негодующей. Нервно расхаживая по комнате, он разразился длинной тирадой. А драгоман (переводчик) Порты язвительно заметил:

– Надобно думать, что посланник или почитает министров Порты глупыми, или же насмехаться хочет через возвешение таких непристойностей. А что касается до присланного от Шагин-Гирея пакета, то Порты никогда не признавала, да и не будет признавать его ханом¹⁰⁶.

26 апреля турецкая эскадра, состоящая из 11 линейных кораблей, четырех галер, 14 весельных полугалер и 20 дульциньотских шлюпок под командованием самого капудан-паши начала выдвигаться из Босфора в Черное море. Выйдя из канала, суда вынуждены были встать на якорь из-за наступившего безветрия¹⁰⁷.

На турецких кораблях оказалось много греческих матросов, которые были весьма недовольны своим жребием. Меж собою они говорили о том, что если бы наперед знали о цели экспедиции, то вместе с семьями ушли бы на Мальту. Теперь же, оказавшись в руках «своих варваров», принуждены были им повиноваться для спасения оставшейся дома родни. В таких удручающих обстоятельствах один из греков, Франческо, тайно прибыл к титулярному советнику Сиверину с прошением от своих товарищей, чтобы в случае военных предприятий в Крыму российские войска отличали греков от турок и не трогали их. А греки будут искать случая к побегу на российскую сторону¹⁰⁸.

А. С. Стахив по своим тайным каналам выяснил, что весь флот, вместе с уже вышедшими в Черное море судами, будет состоять из 33 линейных кораблей и фрегатов, шести галер и 40 полугалер. Он должен разделиться на три эскадры, первая из которых пойдет к Очакову, вторая – к Козлову (Гезлеву; совр. Евпатория), а третья – к Кубанским берегам. Первой эскадре под командованием капудан-паши надлежало атаковать Кинбурнскую крепость, высадив на берег десант сухопутного войска под предводительством измаильского сераскира Абдулаг-паши, которому было послано повеление выдвинуться со своим войском к границам¹⁰⁹.

Добытые Стахивым сведения подтверждались и тем, что на Константинопольской верфи интенсивно велось приготовление к походу построенного французским мастером Дюсеном (Тусеном) и спущенного 28 апреля на воду 22-пушечного бомбардирского корабля.

Бывший тогда в Константинополе командир бота «Хопер» лейтенант Андрей Пустошкин умудрился побывать на этом корабле, сделать его подробное описание и поговорить с арнаутом, которого лично капудан-паша признал самым «знающим в искусстве действовать из мортир и бросать бомбы». Из разговора Пустошкин узнал, что недавно в присутствии капудан-паши и строителя корабля производилась пробная стрельба из мортир, причем не совсем удачно, и что «оной арнаут нашелся не более знающим, как зарядить мортиру, и то без пропорции и без всяких регул, а выстрелы производить на щастие»¹¹⁰.

В ожидании прибытия флота в Синоп Джаныклы Али-паша отправил в Крым часть своего войска. Но высадившийся на таврическом берегу в районе Кафы десант был встречен Шагин-Гиреем. 300 человек были убиты, а остальные бежали к находившимся у берега сайкам. От большой скученности турки давили друг друга. Уцелевшие сумели переправиться в азиатский порт Платона¹¹¹.

В это же время в Ахтиарской бухте находились семь турецких фрегатов, пришедших туда еще в начале апреля. Шагин-Гирей направил капудан-паше письмо, которым просил турецкого адмирала увести фрегаты от Крымского берега «как для успокоения тамошних жителей, так и для отвлечения подозрения со стороны командующих там российских войск, оставя только один фрегат для установления доброго порядка в его областях»¹¹².

Гассан-паша проигнорировал прошение крымского хана. Но, со своей стороны, не предпринял никаких мер к снабжению этого отряда. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой командиры турецких фрегатов не знали, что им делать и чем кормить команды. Не прошло и месяца, как на фрегатах начался голодный бунт. Командовавший отрядом Арнаут-Сулеймен-Мерли и капитан Гиганеирли-Али были убиты, а 500 янычар сошли на берег, запросив покровительства у Шагин-Гирея¹¹³. При этом они заявили, что лучше им умереть здесь, нежели на родине, ибо Порта никогда не простит их. Впоследствии Шагин-Гирею с трудом удалось отправить турок в Очаков. Многим же оставшимся на кораблях для своего пропитания пришлось продавать даже личное оружие¹¹⁴.

Голод был и в самой Турции, а скудость казны увеличивала дороговизну. Внутренняя ситуация значительно осложнилась еще и начавшейся в столице эпидемией «моровой заразы» (чумы). Однако Порта и не собиралась отказываться от своих приготовлений. Зная это, Шагин-Гирей и командующий русскими войсками в Крыму генерал-поручик А. В. Суворов начали приведение побережья к надлежащей обороне. Для контроля за побережьем, его разделили на четыре сектора, в каждый из которых направили по бригаде войск. Внутри самих секторов Суворов лично выбрал участки, по его мнению, наиболее удобные для высадки войск противника, где оборудовали специальные укрепленные пункты. При этом главным пунктом обороны был определен Ахтиар, где должна была сосредоточиться 2-я бригада, состоящая из трех полков, трех гренадерских батальонов, егерского батальона и двух казачьих полков. В целях обороны побережья со стороны моря осуществлялось крейсерство силами Азовской флотилии¹¹⁵.

Генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский 8 мая направил решительное письмо к верховному визирю, на которое 23 мая последовал ультимативный ответ Мегмет-визиря. В приложенном к нему переводу говорилось: «Порта за нужно сочла назначить к

отправлению в Крым с флотом своим и армию регулярных войск славного визиря Гази Гассан-пашу, теперешнего великого адмирала, в качестве генералиссимуса на море, щедрого Гаджи Али пашу эрзерумского и требизондского губернатора в качестве генералиссимуса над сухопутными войсками. Они имеют совершенную полную мочь утвердить постановленный уже мир и привести дела в твердое положение, если российский двор из любви к миру освободит Крым от своих войск, приложит старание изобрести средство, которое бы выводило татар из опасности, и покажет таким образом доброе и искреннее свое расположение к сохранению мирной тишины... Если российский двор искренно желает покоя, то не может найти лучше сего случая к утверждению того...

Блистательная Порта ни на шаг не уступала Черного моря ни России, ни татарам, будучи оною ее область и собственность, почему и в трактате постановлено, что, кроме купеческих судов, никакой военной корабль, какого бы он качества ни был, не может по оному морю плавать, почему и поручено обоим помянутым визирям, если они усмотрят на оном море, кроме купеческих суден, какое другое военное вопреки капитуляции, не почитая оное российским, но просто иностранным, сперва дружеским образом принуждать из того моря выйти, и в случае упрямства старались бы всеми своими силами оное выгнать и удалить, постановляя то наблюдением наисущественнейшего артикула»¹¹⁶.

Не осталось сомнений, что теперь только силой можно было отстоять Крым, не допуская высадки турецких войск на полуостров. При этом, кажется, сама природа защищала Таврию: уже месяц на море стоял полный штиль. Наступил июнь, а турецкий флот так и не смог сдвинуться с места. Взятые на шесть месяцев продукты на треть были съедены, а пополнить провиант не было возможности, так как Порта собрала наперед со своих подданных трехгодовой оброк.

На торговом судне, прибывшем из Синопа, адмиралтейский чауш (чиновник) привез донесение Джаныклы Али-паши о том, что и там настает крайняя нужда в хлебных припасах и что если капудан-паша еще месяц промедлит с выходом в море, то его войско или с голоду вымрет, или разбежится.

Длительное бездеятельное стояние и эпидемия чумы, перекинувшаяся из Константинополя на корабли, угнетающе действовали на экипажи и десантные войска, находившиеся на кораблях. Начались брожения, участились случаи неповиновения командирам. На одном из кораблей во время очередного бунта капитану пришлось для своего спасения даже выпрыгнуть из окна каюты и прибегнуть к защите самого капудан-паши. Но и офицеры с ужасом говорили о предстоящем походе, ругая свое министерство за то, что довело дела до такой крайности. Янычары при наряде их в поход старались от него

укрыться, заявляя, что не собираются жертвовать собой за таких непостоянных единоверцев, как татары. По свидетельству очевидца, деморализованное турецкое войско более походило на нищих и изнуренных скитальцев, нежели на доблестных воинов Аллаха¹¹⁷.

Наконец 9 июня 1778 года, пользуясь малым благоприятным ветром, капудан-паша с флотом, состоявшим из семи линейных кораблей (один корабль через 30 миль пути из-за поломки пришлось вернуть обратно) и вновь построенного бомбардирского корабля при помощи заводов (буксиров) вытянулся из канала в Черное море¹¹⁸. В руках капудан-паши, таким образом, оказалась судьба мира, заключенного в Кючук-Кайнарджи.

Крым стал местом пересечения не только российских и турецких, но и европейских интересов. А позиция, которую занимали европейские державы, как лакмусовая бумага, высвечивала их подлинные политические цели.

Франции, во что бы то ни стало, необходимо было занять свободный проход ее кораблей в Черное море. А потому не удивительно, что французский двор не признал избрание Шагин-Гирея. Более того, французский посланник в Турции Леба в частной беседе со Стахиевым заметил, что завершение распрей в Крыму невозможно без предварительного вывода оттуда российских войск.

Австрия же более осторожно относилась к происходящему, имея к туркам свои претензии. Венский посол Тассара уверял российского посланника, что «все теперешние вооружения чинятся более для закрытия слабости турок и возбуждения у всевысочайшего двора податливости к здешним (турецким. – Авт.) требованиям, нежели для какого существительного предприятия»¹¹⁹. С этим можно было согласиться, если бы капудан-паша с флотом и многочисленными десантными судами не вышел бы в море, имея повеление топить российские военные корабли.

Узнав о выходе турецкого флота, Шагин-Гирей предъявил стоящим в Ахтиарской бухте турецким фрегатам требование немедленно удалиться от крымского берега. Но это требование не возымело действия. Тогда в сопровождении А. В. Суворова Шагин-Гирей прибыл к бухте, где за ночь по обеим сторонам были устроены батареи.

На рассвете, увидев себя под дулами русских пушек, капитаны фрегатов срочно собрались на совет, на котором решили немедленно удалиться в Константинополь, предварительно испросив на то разрешения у находившегося здесь же Селим-Гирея.

Селим-Гирей также не собирался испытывать судьбу, тем более, что во всех письмах от Порты ему не было позволения «вступать с россиянами в драку». В результате 17 июня при «противной погоде» туркам пришлось буксировать свои суда из Ахтиарской бухты, увозя с собой несостоявшегося крымского хана Селим-Гирея.

Русский резидент в Крыму Андрей Константинов доносил графу Румянцеву-Задунайскому об уходе из Ахтиара турецких судов: «С отбытием их исчезли и все интриги, в которых, толь долго упражняясь, не могли они более успеть в своих мстительных к татарской нации зложеланиях»¹²⁰.

«За вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани и от крымских берегов» императрица пожаловала А. В. Суворову золотую табакерку, богато украшенную бриллиантами, со своим портретом.

Но основная угроза Крыму только надвигалась со стороны Синопа, куда 18 июня прибыл флот капудан-паши. Взяв на борт десантное войско Джаньклы Али-паши, он направился в Самсон, где в начале июля к нему присоединились фрегаты, покинувшие Ахтиарскую бухту. А далее его курс лежал через Суджук прямо на Крым.

Капудан-паша с нарочным направил письмо А. В. Суворову с жестким требованием прекратить плавание русских военных судов в Черном море, угрожая в противном случае обстреливать и топить их. Отвечая на столь суровый ультиматум, Суворов и крымское правительство твердо предупредили турецкого адмирала о его ответственности за нарушение мирного договора и последующие за этим действия, а равно и о своей готовности защищать полуостров¹²¹.

Божиим провидением 15 августа на пути к Крымским берегам турецкий флот попал в жесточайший шторм, разметавший все суда. Хранитель капудан-пашинской печати Мегмет-ага в своем письме к Селахору Гассан-аге так описывал происходящее: «Превеликий шторм жестокостию своею весь флот разметал по морю. У иного корабля якоря совсем оторваны, у иного не удержались на грунте и волочились за оным. Многие расшатались от ударов волн и пустили в себя воду, однако остались безвредны. Но попущением Божиим корабль Гассан-паши, называемый Морской змей, сорвясь с якорей, несколько сажений тянул их за собою. Потом открылись внизу превеликие щели; все севшие на том корабле старались выливать натекшую воду, но не успевали за умножением от часу на час. По сигналу съехались со всего флота капитаны и одиннадцатью машинами тянули воду, но и то ничего не пособило; посылали нырцов, чтоб снизу законопатить щели, – бесполезно. Семь дней и восемь ночей сряду сие продолжали без всякого успеху. Пороховые снаряды все превратились в грязь. Паша держал консилиум со всеми капитанами морскими и, не найдя способу к спасению одного корабля, паша с превеликим сожалением вышел с него вон, потом пушки и все припасы свезли на другие корабли, а пустое судно предали волнам на волю. Капитан-паша пересел на корабль, называемой «Капитания»¹²². Уцелевшие же корабли были сильно

повреждены: у кого вдребезги разбило руль, у кого сломаны мачты и поврежден такелаж. Почти все имели течь*.

Флот с трудом смог собраться опять в Суджук. После бури он представлял собой жалкое зрелище, Гассан-реиз уведомлял своего хозяина Хаджи Мустафу, что «судно его, нагруженное пушками и лафетами, беспрестанно натекает водой. Притом не осталось из людей ни одного живого человека. Припасы растеряны, разобраны и провианта нет». На кораблях вспыхнула эпидемия дизентерии. Один из капитанов писал: «Смертным поносом многие страдают и ...весьма много померло. Кто с вечера заболел, то до утра умирает... Войск много, провианта нет. При Суджук одной водой питаются. Войско голодное и нагое денно и ночью помышляет о побеге, притом болезнь весьма усилилась, мертвых тел выносить уже некуда»¹²³.

Турки стали сомневаться в благополучном окончании вояжа и просили Аллаха о скорейшей возможности вернуться в Константинополь. Однако Порте удалось укрепить свой флот. К тому же у турок появился еще один предлог вторгнуться в крымские пределы: князь Потемкин, под прикрытием российских войск начал переселение из Крыма христиан.

7 сентября турецкий флот из 170 больших и малых судов окружил крымские берега. Основная его часть вошла в Кафинский порт, откуда капудан-паша направил генерал-поручику Суворову письмо с требованием указать ему место высадки войск и заправки пресной водой¹²⁴. Суворов под предлогом соблюдения карантина не разрешил высадку и отдал войскам приказ занять места, удобные для десантирования неприятеля. Капудан-паша, не желая открытого вооруженного конфликта с российскими войсками, 10 сентября увел свой флот в море¹²⁵. А к концу сентября была снята и блокада Крыма.

А. Д. Константинов, подытоживая события, писал: «Турецкие демонстрации... своим вояжем ясно показали публике свое бессилие... По возвращении флота к берегам анадольским войски распущены тотчас по домам, коих, однако, не больше третьей доли остались в живых. Гассан-паша сказался больным, лежа на якоре, не выходя с корабля»¹²⁶.

Тогда спор за Крым был решен в пользу России. 10 марта 1779 года была заключена Изяснительная конвенция, подтверждавшая и уточнявшая основные положения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года, что способствовало утверждению России на берегах Черного моря.

В 1782 году Турция вновь вознамерилась разыграть крымскую карту, введя свои войска в Тамань, чтобы затем переправить их в Крым, где снова вспыхнул мятеж. По этому поводу граф А. А. Безбородко в своем письме от 25 августа к вице-канцлеру графу И. А. Остерману отмечал: «Поведение Порты Оттоманской от самого заключения мира

* Тексты писем приводятся в оригинальном переводе XVIII века.

доказывает ее худую веру и желание препятствовать нам в выгодах, приобретенных трактатом в Кайнарджи 10 июля 1774 года заключенным...»¹²⁷.

Обострение противоречий по крымскому вопросу заставило российский кабинет искать пути и способы их разрешения. В Зимнем дворце зрел план присоединения Крыма к России, явившийся составной частью куда более грандиозного плана.

Еще в 1777–1778 годах Г. А. Потемкиным был разработан так называемый «Греческий прожект», суть которого заключалась в том, чтобы вытеснить турок из Европы и на территории дунайских княжеств (Молдавии, Валахии и Бесарабии) в качестве своеобразного буфера между Европой и Азией создать государство Дакия во главе с христианским государем (в дальнейшем на это место прочили самого Г. А. Потемкина), независимое ни от России, ни от Австрии¹²⁸.

«Греческий прожект» был поддержан Екатериной II, решившей для его реализации войти в союз с Австрией. В секретной переписке с австрийским императором Иосифом II она изложила основные его положения. Именно он лег в основу оборонительного союзного договора, заключенного между Россией и Австрией 9 октября 1781 года¹²⁹.

Однако идея создания Дакии была для Екатерины II лишь прелюдией к более глобальному проекту – ликвидации Османской империи и возрождение великого греческого государства, во главе которого она решила поставить своего внука Константина. В письме к Иосифу II от 10 сентября 1782 года она писала: «...если бы успехи наши в предстоящей войне дали возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя, Ваше Императорское Величество не откажете мне в Вашем содействии для восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего, на прежнем месте оногo варварского владычества»¹³⁰.

В результате претворения в жизнь этого проекта Россия получала бы значительные преимущества:

- 1) уязвимая южная граница была бы надежно прикрыта союзным христианским государством;
- 2) благодаря обладанию проливной зоной Россия становилась в полной мере великой морской державой;
- 3) образование греческого государства во главе с Романовыми позволило бы в значительной мере усилить влияние России в Европе;
- 4) обладание центром православия – Константинополем – давало бы России большие преимущества в «нравственном» отношении.

8 сентября 1782 года российскому посланнику в Вене Д. М. Голицыну был отправлен секретный рескрипт, в котором сообщалось: «Вам уже небезынтересно, что в Крыму произошли новые замешательства... что сие замешательство произведено ухищрением и игрою Порты. Такое новое ею содеянное зло преисполняет меру терпения Нашего, ибо до того разные с ее стороны поступки... довольно уже Нас оскорбляли и обращали на себя внимание Наше. При таком неприятном положении дел не остается к исправлению и вящей на будущие времена безопасности лучшего и надежнейшего способа, как поставить тамошний край совсем в другое состояние и тем единожды навсегда пресечь все оттуда рождающиеся хлопоты. Со всем тем, прежде дойти до такой развязки, а по ней иногда и до совершеннейшего разрыва с Портой, восхотели Мы испытать еще путь миролюбия и умеренности и употребить на сей конец последнее средство...»¹³¹.

Рескриптом Д. М. Голицыну повелевалось начать переговоры с австрийской стороной о совместном решительном «представлении» Порте. Аналогичный рескрипт 15 сентября был послан и А. С. Стахиеву в Константинополь. В результате в начале ноября российским посланником в Константинополе и римско-императорским интернунцием бароном Гербертом Блистательной Порте было сделано представление:

«1. Чтоб не препятствуемо было в провозе через ее земли съестных, морских и других припасов и чтоб относительно свободы торгового плаванья сделаны были распоряжения, согласные с правилами нейтральной системы, от обеих императорских дворов и от всех почти европейских народов признанной и утвержденной...

2. Чтоб Порта Оттоманская ни тайно, ни явно не вступала в дела татарские и хана не иначе почитала, как государем самовластным и ни под каким видом не подлежащим ее суду и ответу, не приемля на него жалоб...

3. Что касается до Молдавии и Валахии; со стороны здешней не требуется более, как только дабы оные содержаны были на основании трактата 1774 года; и вследствие того для изъятия всякого сомнения учинено было изъяснение относительно их дани и освобождения от других тягостей, злоупотреблением и насилием введенных»¹³².

Наряду с дипломатическими ходами были предприняты и военные меры. В октябре 1782 года в Крым вступили российские войска под командованием генерал-поручика А. Б. де Бальмена, который распределил их по полуострову и занял Ахтиарскую бухту. А. В. Суворов укрепил Кинбурн, прикрывающий Днепровский лиман, и заставил ретироваться в море турецкий флот под предводительством самого капудан-паши.

Принятые меры сдержали агрессивные устремления турок и уладили крымских татар. Но стало совершенно ясно, что независимость Крыма долго не просуществует. Рано

или поздно Крым станет или турецким, или российским. Выбора для Екатерины II не оставалось, о чем беспрестанно внушал ей Г. А. Потемкин. «По сим обстоятельствам польза Вашего Императорского Величества, – писал он, – требует занимать то, чего никакая сила из рук Ваших отнять не в состоянии и чего требует необходимость, то есть взять навсегда полуостров Крымской... Порты не упустит, выждав свободное время, захватить сей полуостров в свои руки. Тогда тяжелее он будет России, нежели теперь... Я уверен, что они не осмелются высадить в Крым войска, когда он будет назван русским, ибо сие было бы начать прямо войну»¹³³.

По его мнению, присоединение Крыма решило бы целый ряд проблем. Это привело бы к созданию непрерывной границы между Черным и Азовским морями, что коренным образом изменило бы саму оборону южных рубежей; усилило бы влияние России на Черном море, в руках которой оказались бы контрольные функции за устьями Дуная и Днепра.

Не менее важным аргументом в пользу присоединения Крыма было то, что там находилась превосходная Ахтиарская бухта, не имеющая ограничений по вместительности судов любого класса, с прекрасными климатическими и метеорологическими условиями, что делало ее первоклассной базой для создаваемого Черноморского флота. В отличие от Днепровского лимана, где российские корабли в любое время могли быть заблокированы турецким флотом, из Ахтиарской бухты всегда имелся свободный выход в море.

Взвесив все «за» и «против», Екатерина II начала интенсивную дипломатическую и военную подготовку к присоединению Крыма к Российской империи.

8 декабря 1782 года секретным указом она повелела Коллегии иностранных дел рассмотреть вопрос о присоединении Крыма и завершении дел с Портою, а также «начертать генеральную систему в рассуждении поведения нашего со всеми другими державами»¹³⁴.

Проанализировав военно-политическую ситуацию в Европе и учитывая возможную реакцию каждой из европейских держав, Коллегия иностранных дел пришла к обоснованному выводу о настоятельной необходимости присоединения Крыма, указав на благоприятные к тому обстоятельства. При этом оговаривалось, что уступка Турцией Крыма будет мера вынужденная и, следовательно, необходимо предпринять все усилия, чтобы Порты постоянно чувствовала угрозу возмездия. На этом основании был сделан вывод, что «содержание на Черном море почтительного флота долженствует для нас быть лучшим залогом оттоманской доброй веры в наблюдении обетов ее. Действительное на Черном море появление из оного 12 линейных кораблей и многих фрегатов, кои пред Константинополем лучшими стряпчими тяжбы нашей служить могут». Но здесь же было замечено: «Однако нельзя нам не чувствовать, что для всегдашнего обуздания турков нужно иметь другой

военный порт, откуда бы во всякое время свободный выход иметь было можно... Настоящее занятие Ахтиарского порта представляет собой и лучший случай к утверждению там твердой ноги и к приведению его в образ и оборону военной пристани».

Подытоживая выводы, Коллегия отметила: «Таковое поведение наше, основываясь в первой части на точном разуме Кайнарджийского трактата и Изъяснительной конвенции, а с другой – на здравом рассудке, на праве собственности от независимого владельца приобретенном и на сущей необходимости содержания в узде турок и татар, дабы во времена будущие тишина и покой Отечества нашего с той стороны не зависели более от их произвола, не встретит, конечно, пред светом осуждения нашей доброй вере и не возбудит излишней зависти в других народах, потому что они сами собственною своею пользою обязаны желать и способствовать в их земли активной торговли из черноморских наших пристаней»¹³⁵.

В результате напряженной дипломатической работы и всестороннего обоснования, подкрепленного решительными передвижениями российских войск, 8 апреля 1783 года Екатерина II издала Манифест о присоединении Крыма к Российской империи¹³⁶. Шагин-Гирей отрекся от престола. 25 мая крымские мурзы и духовенство передали генерал-поручику А. Б. де Бальмену акт о признании себя российскими подданными, получив в ответ контракт о праве пользования всеми преимуществами российских подданных и об освобождении их от всяких податей¹³⁷.

Российский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков, получив официальное сообщение Потемкина о произведенной перемене правления в Крыму, с восторгом писал ему: «Поздравляю с благополучным окончанием покорения Крыма. Сие знаменитое происшествие... учинит имя Ваше бессмертным в истории веков и человечества»¹³⁸.

Впоследствии, в жалованной грамоте «На права, вольности и преимущества российского дворянства» от 21 апреля 1785 года, Екатерина II, оценивая важность манифеста о присоединении Крыма, писала: «Кроме выгод от ветвей торговли, мореплавания в Черном море и той прибыли, что приносит земля, сама по себе всяким плодородием изобилующая, всеконечно почувствует всяк россиянин сугубое утешение в душе своей, представя страну сию во времена Владимира, когда князь сей просветившийся в оной сам крещением святым, принес оттуда спасительную христианскую веру во всю Россию; и вспоминая при том от древности до НАШИХ времен, колико царство и народ сей учинившийся ныне в России подвластным, бедоносными нашествиями раздирали Отечество, опустошениями нарушая покой его; но теперь подвергнутый во область НАШУ, обратился с помощью Божиею тот край вместо прежнего вреда в источник пользы»¹³⁹.

Порта узнала о происшедшем в Крыму по официальным каналам только 28 июня, когда получила письмо от Шагин-Гирея, что он отрекается от ханства в уплату занятых им у России 12 миллионов рублей; что с общего согласия всех крымских жителей уступает Крым России.

К удивлению российской стороны, Порта хранила гробовое молчание, никак не реагируя на происшедшее в Крыму.

Что же происходило в турецких коридорах власти, почему всегда столь агрессивная Блистательная Порта вдруг притихла? Чтобы понять это, заглянем в столицу Оттоманской империи и посмотрим на ситуацию изнутри.

В первый же день нового, 1783 года, верховный визирь, убедившись в несостоятельности очередного возмущения татар в Крыму, объявил крымским мятежникам, что никаких дел с ними более иметь не хочет. А через две недели последовало повеление Порты, дабы прекратить все домыслы по крымским делам, запретить правоверным в кофейных домах и других сборищах говорить о войне и о Шагин-Гирее.

18 марта визирь собрал у себя министерство (имеется в виду Министерство иностранных дел) и всех янычарских начальников для обсуждения дел относительно России.

Янычары в один голос заявили, что по слабости войска и неповиновении его своим начальникам Порта не в состоянии вести с Россией войну. На что реиз-эфенди в запальчивости возразил:

– Так разве теперь соглашаться на все, что российский двор требует?

Отставной Муфтий Молла-бей в поддержку реиз-эфенди замечал: «Российский двор начал дела свои с Портою с мизинца и, дойдя по порядку до большого перста, наконец, требованиями своими коснется головы, а потом и шеи нашей. Предвидя все оное, не лучше ли бы было Порте решиться на последнюю крайность; нежели определение Аллаха настало – совсем погибнуть или же удержать, когда счастье возблагоприятствует оружию, дальнейшее российского двора стремление»¹⁴⁰.

Многие знатные турки придерживались того же мнения. Однако объективные реалии удерживали Порту от вооруженного противостояния.

В ночь на 26 марта 1783 года в Константинополе выпал обильный снег, что было встречено жителями столицы как дурное предзнаменование. В народе стали говорить, что зачинщиком всех военных приготовлений был капудан-паша, который похвалялся Крымом овладеть. Духовенство затаило недовольство на султана, изъясняясь меж собой, что едва ли он избежит низвержения, а с ним и капудан-паша не уцелеет, без чего его никак «с рук сбить нельзя».

Но не всегда верховная власть Турции прислушивалась к голосу народа. И дабы укоротить языки слишком разговорчивым и претендующим на то, чтобы их голос был услышан, повелела при случае отрубить двадцати пяти курдам головы и выставить их перед сералем.

Не решаясь напасть на Россию, Порта продолжала военные приготовления, но уже с меньшим пылом, чем ранее. В литейных мастерских лились пушки; визирь, капудан-паша и янычар-ага устраивали служителям учебные артиллерийские стрельбы; на Дунай в пограничные крепости отправлялись войска. 1 марта определено было отправить на Черное море отряд из пяти кораблей под командованием капудан-паши. Серьезность намерений подтверждал тот факт, что к приходу были отобраны лучшие корабли турецкого флота: 70-пушечный «Инает Хак» («Милость Божия») под командованием Заде Ахмеда, 54-пушечный «Шиш-пай» («Шестиногий») – Ескандерлы Ахмеда, 60-пушечный «Бурдж Зафар» («Полюс победы») – Фундукли Мегмета Али, 54-пушечный «Фатих Бахри» («Морской победитель») – Гелиболи Заде Халила, 60-пушечный «Сеяр Бахри» («Морской ходок») – Улюкнылы Идриса¹⁴¹.

Не обошлось без проблем. Для всего турецкого флота надлежало иметь 10 тысяч матросов, а налицо было только три тысячи. Порта обещала добровольцам платить по 60 пиастров за кампанию, но охотников не явилось. С азиатских пристаней удалось на отходящие пять кораблей старым турецким способом набрать тысячу человек.

22 апреля отряд вышел в Черное море, но без капудан-паши, так как задача была поставлена иная: два корабля отправлены в Трапезунд для доставки меди, два – в Синоп за строевым лесом, а пятый – в Варну за хлебом.

Из Крыма прибыл турецкий шкипер, который сообщил Порте, что Шагин-Гирей отрекся от ханства, а на его место возведен его брат Батыр-Гирей. Порта, зная, насколько Батыр-Гирей неприемлем для России, приняла эту новость за ложь. Но с этого дня город стал наполняться слухами о войне, что россияне и австрийцы скоро нападут на турецкую империю со всех сторон. И дабы прояснить ситуацию, капудан-паша отправил в Черное море свою яхту, а находившегося при нем Реиз Яталлы Хаджи Мегмета – шпионом в Крым.

К концу мая пришли очередные сообщения из Крыма о том, что там всем управляет российский генерал, при котором находится Шагин-Гирей, что татары в смущении. Порта пришла в полное недоумение. Не имея достоверных сведений из Крыма и официальной информации от российской стороны, Турция не могла предъявить претензий. В этой ситуации российская дипломатия одержала еще одну победу, заключив 10 июня с Турцией трактат о торговле.

Другое любопытное для Порты известие привез из Кафы грек, который утверждал, что 26 апреля из Керчи вышли 36 больших и малых российских военных судов, кроме Херсонской флотилии¹⁴².

Известие было весьма примечательно. Предыстория этого выхода была такова. В апреле 1783 года, во исполнении рекомендаций Коллегии иностранных дел и Г. А. Потемкина, Екатерина II повелела вице-адмиралу Ф. А. Клокачеву, назначенному в январе 1783 года «для командования флотом, заводимым на Черном и Азовском морях», обследовать Ахтиарскую бухту на предмет возможности базирования в ней кораблей Азовской флотилии и всего создаваемого Черноморского флота. Для этих целей туда из Керчи был отправлен фрегат № 8 под командованием капитан-лейтенанта И. А. Берсенева, с которым Федор Ушаков в 1761 году приехал из далекого Романовского уезда в Петербург в Морской кадетский корпус.

Получив донесение Берсенева об удобности Ахтиарской бухты, Клокачев отдал команду всем кораблям Азовской флотилии сняться с якоря и начать переход в бухту. 2 мая 1783 года авангардный отряд флотилии в составе четырех фрегатов, бомбардирского корабля, полаки, шхуны и бота вошел в бухту.

Клокачев пришел в восторг от увиденного в Ахтиаре и в одном из своих письме сообщал: «Подобной еще гавани не видал, и в Европе, действительно, такой хорошей нет; вход в сию гавань самый лучший, натура сама разделила бухту на разные гавани, т.е. военную и купеческую; довольная в каждом лимане глубина, положение ж берегового места хорошее и надежно к здоровью, словом сказать, лучшее нельзя найти к содержанию флота место»¹⁴³.

Екатерина II, получая донесения из Крыма, решила наградить Шагин-Гирея за столь великую услугу. 30 июня 1783 года она подписала грамоту о награждении его орденом Андрея Первозванного, в которой говорилось: «Светлейший хан Шагин-Гирей. В доказательство особливаго НАШЕГО благоволения к вам и удовольствия о том доброхотстве и преданности, кои вы непоколебимо НАМ сохранили, посылаем вашей светлости знаки первого НАШЕГО кавалерскаго ордена, учредя оные по разности вер, нами исповедуемых, так, что МЫ вам оные пожаловать, а вы оные употреблять могли бы»¹⁴⁴. В соответствии со статутом ордена крымский хан получил и чин генерал-поручика.

Тем временем Шагин-Гирей, не имея и тени сомнения в своих поступках, 28 июня сам направил Порте сообщение о преобразованиях в Крыму. Его известие хотя и было ожидаемо, но, тем не менее, не на шутку растревожило Сераль. Ситуация усугубилась и тем, что как раз в это время среди христианского населения начала ходить старинная книга «Агафангелос», наделавшая много шума в прошлую войну. Написанная «тайным слогом», она

пророчествовала о скором падении Османской империи, а потому под страхом смерти была запрещена. Запрещалось не только ее иметь, но даже говорить о ней¹⁴⁵.

В создавшихся обстоятельствах Порты немедленно обратилась к своим давним друзьям, Франции и Испании, надеясь на их поддержку. И не ошиблась.

Французский посол в Петербурге маркиз Верак напросился на аудиенцию к вице-канцлеру И. А. Остерману с предложением посредничества в делах России и Турции. Однако его позиция, как вероятного посредника, выглядела довольно странно.

– Занятие Крыма, господин вице-канцлер, – начал он, – не препятствует употреблению добрых услуг, по средствам коих может Ее Величество в замену того получить другую полную надежность, ибо много есть примеров, что таковые занятия чужих земель отменяются при получении иного удовлетворения.

– Государыня не имела прежде намерения овладеть означенными татарскими областями, – заметил Остерман, – и приняла такую резолюцию по необходимости, когда Порты Оттоманская обнажила свое вероломство присылкою от суджукского паши чиновника в Тамань, кой объявил тамошних жителей подданными Порты и отрубил голову посланнику Шагин-Гирея. Что же касемо до возвращения Крыма, то сии земли не принадлежат Порте уже издавна. Равномерно нельзя их оставить и в прежней независимости, которая по легкомыслию жителей, побудившему и самого Шагин-Гирея отказаться от правления, им не свойственна.

Внимательно выслушав вице-канцлера, маркиз Верак сказал:

– Не входя в исследование причин, побудивших императрицу принять вышеозначенную резолюцию, не могу я обойтись без изъявления моего короля, чтобы Ее Величество предпочла полюбовную сделку неизвестности оружия. В случае же неотмены сей резолюции, мне кажется, турецкое министерство, хотя и хотело бы пребывать в миролюбивых расположениях, принуждено будет уступить буйности простого народа, а от сего и возгорится в Европе жестокий пламень¹⁴⁶.

Более ясно выразил позицию Версаля по крымскому вопросу российский посланник в Вене Д. М. Голицын. В своей реляции на высочайшее имя он писал: «...впрочем, не может Франция спокойно смотреть на предприятия, кои бы простирались к крайнему разорению Турецкой империи»¹⁴⁷.

Не остался в стороне и прусский король, которого более заботил возобновившийся союз России и Австрии. Его проискамы при французском и испанском дворах возбуждалось неприязненное отношение к Австрии, чтобы они, в случае участия Австрии в войне против Турции, которая неминуема с Россией из-за Крыма, атаковали бы своими войсками

Австрийские Нидерланды. Не забыл прусский король датский и шведский дворы, стараясь убедить их в опасности союза обоих императорских дворов и «склонности их к завоеваниям».

Обстановка осложнилась после подписания 24 июля 1783 года Георгиевского трактата России с грузинским царем Ираклием II о принятии в состав России Картли-Кахетского царства.

События, развернувшиеся в Крыму и на Кавказе, задели за живое всю Европу. И Турция, почувствовав поддержку, начала с новой силой военные приготовления. В народе разглашался слух, что после байрама (17 августа) Порты непременно объявит России войну. Но при этом горожане роптали на своего султана, что он только забавляется в серале и не печется о государственных делах. К тому же, на беду несчастных турок, на них вновь обрушилась эпидемия чумы.

А тем временем в Крыму жизнь понемногу налаживалась. Простые татары были весьма довольны своим преобразованием и хулили хана за его «худые» поступки. Российский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков, получив 12 июля официальное сообщение Потемкина о произведенной перемене правления в Крыму, с восторгом писал ему: «Поздравляю с благополучным окончанием покорения Крыма. Сие знаменитое происшествие, расширяющее пределы империи Российской присоединением бесценных областей и умножающее славу премудрости Монархини нашей, предоставлено было трудам Вашей светлости, и совершение его без малейшего при том кровопролития учинит имя Ваше бессмертным в истории веков и человечества»¹⁴⁸.

Однако ближе к осени на противоположной стороне Черного моря усилилось недовольство переменами в Крыму. Турки как будто очнулись после двухмесячного забвения. 31 августа у муфтия состоялся большой совет, на котором было определено «чинить к войне всевозможные приготовления». Духовенство с жаром говорило, что «поступок российского двора в рассуждении Крыма совсем противен трактату и что магометанская вера не может видеть крымцев и татар подданными России, которая сим присвоением не удовольствуется и от времени до времени будет чинить новые требования и напоследок пожелает, может быть, иметь в своих руках и самой Константинополь; почему лучше теперь погибнуть, нежели видеть сие событие»¹⁴⁹.

Усиленно муссировался слух о том, будто бы Франция и Испания в случае войны Турции с Россией обещались не пропускать русские военные корабли в Средиземное море и что Франция якобы готова дать Порте 12 линейных кораблей и семь бомбард для блокирования российских крепостей в Черном море, куда они пойдут под турецкими

флагами. Французы обещали Порте помочь и опытными артиллеристами, что, однако, вызвало бунт в среде турецких канониров.

Флот турок к сентябрю был уже починен за исключением трех судов, к ремонту не пригодных. Готовилась к походу и турецкая армия. Началось ее выдвижение к российским границам. Но по верному замечанию Я. И. Булгакова, «отправление войск более происходило от боязни турецкого министерства, что возникнет внутреннее беспокойство, нежели явятся внешние опасности». Оно старалось уменьшить в столице число «тунеядцев», от которых ежедневно можно было ожидать бунта. При этом мелкие начальники, получив деньги, «набирали всякую сволочь, подобно употребляемым в европейских государствах вольным батальонам».

Имея обо всем подробную информацию, Россия твердо стояла на своих позициях, не собираясь идти на попятную. 1 сентября Булгаков доносил императрице: «Если турки своими приуготовлениями льстятся перемену какую произвести по крымскому делу, то в великом находятся заблуждении; ибо высочайший двор поступил на присоединение к империи Крыма по зрелому размышлению о всех следствиях, могущих из того произойти, по предварительном приуготовлении всех и везде нужных мер, и с твердым намерением подкрепить свой поступок всеми своими силами, а сии последние довольно по опыту знакомы Порте, и ежели она збирается что-либо предпринять, и своего собственного лишится; пребывая же спокойною, не теряет ничего, ибо Крым был уже для нее потерян с самой войны, а выиграет напротив того, что преобразованием его изторжется совсем корень к ссорам и распрям между обеими империями»¹⁵⁰.

И все-таки, как ни хотелось Турции расставаться с Крымом, Таманью и Кубанью, но собственная слабость и разруха, с одной стороны, сила русской и австрийской армии, с другой, заставили Порту умерить свои желания.

25 сентября у муфтия состоялся очередной совет в присутствии главных военных чинов, духовенства и министерства, на котором обсуждался вопрос об отказе Франции в ее посредничестве в крымских делах. Обсудив сложившуюся ситуацию, совет, однако ж, не принял никакого решения, предвидя, очевидно, что «война ввергнет Турцию в большие несчастья». Относительно Крыма было замечено, что «ежели Россия не захочет чего больше, Порты, ведая невозможность свою тому пособить, не должно предпринимать войны, тем паче что уже предвидела возможность лишиться татар поздно или рано и еще до присоединения их к России знала, что независимость их не могла продолжаться далее бытия Шагин-Гирея»¹⁵¹.

Учитывая внутреннюю ситуацию в Константинополе, а также готовность Англии «вступить с обоими императорскими дворами (российским и австрийским. – Авт.) в непосредственные обязательства», Россия решила представить Порте проект декларации о закреплении за собой Крыма, Тамани и Кубани.

В правящих кругах Турции разгорелись споры. Духовенство, за исключением самого муфтия, наотрез отвергало возможность видеть Крым российским, заявляя, что «лучше вступить в войну, ища в оной благополучия или совершенного падения; что нельзя полагаться ни на какие обещания российского двора, ибо оной, вынудив уже столько важных дел от Порты, со временем пожелает сделаться на Черном море самовластным повелителем и учинит вновь какое-либо на оттоманские области притязание»¹⁵². Ходили даже разговоры о том, чтобы низвергнуть Абдул-Гамида и возвести на престол его племянника Селима.

Визирь уверял духовенство, что Порта в настоящей внутренней слабости не в состоянии вести войну, что давать голос на войну хорошо тем, кто, живя в Константинополе, не чувствует бедствий страны.

Не остались безучастными и иностранные послы. Так, прусский поверенный постоянно внушал министерству и духовенству, чтобы ни в коем случае не уступали Крыма России и пошли на войну с ней, при этом вынашивая планы отхватить при случае для себя какую-нибудь область.

В унисон с немцами действовали и французские дипломаты, обещая Порте в случае разрыва с Россией помощь деньгами и кораблями.

Лишь английский посол в Турции сэръ Енслием «употреблял всевозможные старания об отклонении Порты от войны», намекая ей без лишних угроз, что в случае войны Англия может принять в ней участие совместно с Россией и Австрией. А потому английский дипломат советовал Порте не спорить и «удовольствоваться уверениями российского двора о наблюдении им своих обязательств».

При встрече Енслиема с капудан-пашой также зашел разговор о Крыме. Гассан-паша, уверяя англичанина в своей дружбе, сказал:

– Франция есть также давний друг Порты, и ее надо включить в переговоры о Крыме.

На что Енслием заметил:

– Единственный спасительный для Порты случай – не оспаривать с Россией присоединения Крыма к ее владениям, ибо случившаяся от того война будет пагубна для Турции. К тому же Россия находится в лучшем состоянии, нежели была в прошедшую войну. А кроме того, – сказал он в заключение, – имеет союзником императора римского.

– Порта находится в наилучшем состоянии! – Возразил капудан-паша. – Если мы проиграли в прошедшей войне, то потому, что предприняли ее без всякой справедливости, так что, если теперь загорится пламя, нет никакого сомнения в том, что Аллах поможет нам, как справедливой стороне.

Активное вмешательство Англии серьезно взволновало французов, ибо в создавшихся условиях ей пришлось бы большую часть своих сил и средств обратить не на турецкие дела, а на укрепление своих морских сил, особенно на Средиземное море. А потому вскоре и Франция стала намекать Порте о нежелательности ее войны с Россией.

Порте не оставалось другого выбора, как принять условия российской стороны относительно Крыма, Тамани и Кубани. В результате 28 декабря 1783 года на конференции, состоявшейся в Аинали-Каваке (местечко близ Константинополя) Порта подписала акт о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к Российской империи¹⁵³.

Это был настоящий триумф российской дипломатии. В своем донесении Я. И. Булгаков в тот же день с радостью сообщал императрице: «Татарские народы одержали счастье быть ненарушимо навсегда подданными Вашего Величества. Сие им благоденствие и новые пределы империи утверждены без пролития крови подданных, без употребления мною денег и без жертвования наималейшей выгоды»¹⁵⁴.

30 марта 1784 года, после размена ратификациями Крымского акта, крымский вопрос юридически был закрыт. Во время церемоний верховный визирь заметил, что он «радуется благому окончанию дел и будет стараться о соблюдении тесной дружбы между двумя империями». А Екатерина II, оценивая это историческое событие, написала: «Присоединение к империи Нашей Крыма, Тамани и Кубани, совершившееся без извлечения меча, следовательно же, и без пролития крови человеческой, составит, конечно, в роды родов Эпоху, примечая, достойную»¹⁵⁵.

2. СОЗДАНИЕ ФЛОТА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Военно-политические устремления России последней четверти XVIII века предопределили основную направленность российской военной и морской политики – наращивание военной силы на южных рубежах и развитие там морских сил для успешного решения поставленных задач и, в конечном итоге, достижения намеченных военно-политических целей.

Не теряя времени, россияне занялись судостроением на Дону. Кроме воронежских верфей, расположенных в Таврове, Павловске и Хоперске, были учреждены новые близ

устья Дона, в Рогожских Хуторах, Гнилом Тоне и Таганроге. Но плоскодонные «новоизобретенные» корабли и другие маломерные суда донской постройки не могли решать задач борьбы с турецким флотом. России на Черном море необходим был линейный флот. Это обуславливалось тем, что основной ударной мощью флотов всего мира являлись линейные корабли (отсюда название «линейный флот»). Они использовались для ведения морского боя в кильватерной колонне (линии баталии), и оказывали решающее влияние на исход сражения. В свою очередь сражение («генеральная баталия») являлось главной формой лишения противника основных средств борьбы на море и, следовательно, достижения намеченных военных и политических целей.

Для России это положение имело особое значение, потому как в ходе войны с Турцией без завоевания господства на Черном море русской армии было бы достаточно сложно вести стратегическое наступление на сухопутном театре военных действий. И это подтверждал опыт прошедшей русско-турецкой войны 1768–1774 годов, когда практически весь турецкий флот был сожжен в Чесменской бухте и, практически, не смог влиять на дела кампании на суше.

Правильность этого вывода подтвердил впоследствии известный российский военно-морской теоретик Н. Л. Кладо, писавший, что «владеющий морем флот дает свободу действий своей армии и отнимает эту свободу у армии противника..., увеличивает численность своей армии и уменьшает численность армии противника»¹⁵⁶. Поэтому справедливо говорить о том, что, создававшийся Екатериной II флот на Черном море, несмотря на колоссальные затраты, должен был стать важнейшим институтом политики государства, «в каждую частицу... которого вложена цель, государственная необходимость»¹⁵⁷.

В этой связи 11 декабря 1775 года был издан указ Екатерины II, в котором определялись основные направления строительства флота на Черном море. Предусматривалась постройка «двадцати больших военных кораблей с надобными для них малыми». С этой целью командующему Азовской флотилией вице-адмиралу А. Н. Сенявину предписывалось обследовать Днепровский лиман для отыскания удобного места под сооружение верфей¹⁵⁸.

В июле 1776 года командующим Азовской флотилией и начальником всех работ на Дону был назначен участник Чесменского сражения контр-адмирал Ф. А. Клокачев. Под его руководством за год в Таганроге было построено семь фрегатов и бомбардирский корабль. А на следующий год решили продолжить изыскания, начатые Синявиным в соответствии с указом от 11 декабря 1775 года, для чего генерал-контролеру С. Б. Шубину было поручено

приискать место для кораблестроения на Днепре. Он остановился на местечке Александршанц, расположенном недалеко от урочища Глубокая пристань, в 30 верстах от устья реки. Здесь и решили заложить верфь.

На верфи предписывалось иметь не менее 15 эллингов, расположенных достаточно близко друг к другу для удобства окружения их совместно с адмиралтейскими зданиями системой защитных укреплений¹⁵⁹. Закипела работа.

Указом императрицы от 31 марта 1778 года строительство флота на Черном море было отдано на попечение новороссийскому генерал-губернатору генерал-аншефу князю Григорию Александровичу Потемкину. А 18 июня высочайше повелевалось на месте верфи у Александршанца основать порт и город Херсон. Здесь под руководством генерал-поручика флота И. А. Ганнибала закипела работа по сооружению эллингов для кораблей.

Не дремали и на берегах Босфора. По окончании войны «Турция не могла не чувствовать всех потерь и не завидовать естественному от оных возвышению России»¹⁶⁰. Поэтому на верфях Константинополя, Синопа, Галаца и Архипелага строились корабли по лучшим европейским образцам. Турки отказались от старых проектов и обратились к опыту французских корабелов, пригласив к себе лучших мастеров Тусена и Лероа. Уже в начале 1777 года русский агент доносил из Константинополя, что в тамошнем порту находятся 15 линейных кораблей, 12 фрегатов и семь галер¹⁶¹. Это была внушительная морская сила, способная в короткие сроки доставить войска к российским границам и пресечь плавание русских судов в Черном море. В этом случае российской стороне пришлось бы все силы бросать на организацию противодесантной обороны, распределять войска по побережью. Однако, как и в кампанию 1774 года, это не гарантировало бы от возможной высадки вражеского десанта. В результате русские войска несли бы значительно большие потери, чем в полевом сражении.

Замирение в Крыму, последовавшее после заключения 10 марта 1779 года Изъяснительной конвенции, способствовало сосредоточению внимания российского кабинета на строительстве флота в Херсоне. 26 мая там был заложен первый 60-пушечный линейный корабль «Св. Екатерина» и начата закладка еще четырех эллингов. А для того, чтобы «обезопасить себя на будущие времена от опасного соседства с очаковской крепостью», указом Екатерины II от 21 июля Адмиралтейств-коллегии было предписано часть судов Азовской флотилии, базировавшихся в Керчи, исключая необходимые для защиты пролива, перевести в Херсон¹⁶². Это решение обосновывалось еще и тем, что Днепровский лиман предполагалось использовать как главную базу создаваемого флота. Осенью того же года туда перешли пять фрегатов и два бота.

Преобразование юга России оживило память современников о создании в начале XVIII века форпоста на северо-западе страны. Как когда-то на Балтике, строительство Черноморского флота шло при высокой концентрации людских и материальных ресурсов. К месту строительства съехались многочисленные рабочие. Это были солдаты пехотных полков и мастера. Самая тяжелая, неквалифицированная работа легла на солдатские плечи. Они были заняты на земляных работах, на работах по доставке строительных материалов и в других сферах, не требующих специальной подготовки, а также для охраны Херсона. Мастера занимались строительством кораблей и города¹⁶³.

Создание флота на Черном море велось вместе решением других государственных задач. Важное внимание при этом уделялось военной колонизации пограничных районов, созданию новых крепостей, городов и селений. Одновременно строились промышленные и добывающие предприятия, возрождалось сельское хозяйство, оживлялась торговля. Создаваемый на Черном море флот способствовал освоению отвоеванных у Турции земель. Энергией и волей Григория Александровича Потемкина некогда «дикое поле» возрождалось к жизни теми, кто испокон веков проживал этой земле. Укрепление южных границ и создание флота стало для них делом жизни, а потому весь край жил нуждами армии и строившегося флота.

В самом начале строительства флота на Черном море князь Потемкин предпринял все меры к сокрытию подлинной картины строительства боевых кораблей, выдавая его за коммерческое кораблестроение. Только через год до Порты дошли сведения о том, что в действительности происходило в Херсоне. 9 марта 1780 года реиз-эфенди представили приложение к «Венским ведомостям» № 13 за 12 февраля, из которого следовало, что «в Херсонском порте и на тамошних верфях упражняются в строении пяти новых больших кораблей, кои хотя и называются торговыми, да знатоки уверяют, что для превращения оных в военные корабли недостает только орудий и войска»¹⁶⁴.

В Диване тогда не хотели верить происходившему в Херсоне, о чем даже не доложили султану, который узнал обо всем лишь в начале войны. В сентябре 1787 года, увидев занесенный в Босфор штормом российский 66-пушечный линейный корабль «Мария Магдалина», он был настолько поражен, что набросился с руганью на верховного визиря, который все это время уверял его, что Россия не имеет на Черном море кораблей, за исключением нескольких малых фрегатов¹⁶⁵.

В тот же день, 9 марта 1780 года, российский посланник А. С. Стахив был призван к реиз-эфенди. Не скрывая раздражения, тот прочитал Стахиву известие из венской газеты.

– Желая от вас сведать, господин министр, – от имени реиз-эфенди спросил драгоман Порты, – правда ли это? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ежели те суда так велики, как сказывается, то оные не могут быть торговыми, а стало быть, они есть военные. Но как на Черном море нет никакой другой смежной державы, противу которой можно употреблять такие суда, тогда ясно, для какой цели оные предназначены... Смею заметить, – продолжал он, – что по силе трактата не дозволено российским кораблям такой величины плавать по Черному морю, которое Блистательной Порте принадлежит, а позволяется одним только торговым судам. Однако ж невозможно поверить, чтоб российский двор помышлял что-либо неприятельское против Порты в такую пору, когда мир установлен и не преподается никакой опасности к беспокойству со стороны Блистательной Порты, которая едино помышляет вечно мир наблюдать.

На это возмущение турецкой стороны российский посланник дипломатично отвечал:

– Оные корабли не иные как те, кои во время минувших сумнительных обстоятельств между обоими высокими дворами вынуждено застроены были, следовательно, надобно их достроить. Величина же торговых кораблей, употребляемых для торговли в оттоманских гаванях, единожды определена в последней конвенции, и Блистательной Порте надобно быть весьма спокойной, что то несумненно и точно наблюдаемо будет.

Видя, что произнесенные уверения недостаточно убедили главу турецкого внешнеполитического ведомства, Стахийев продолжил:

– Чинимое внушение, что для превращения тех суден в военные корабли не достает лишь орудий и войска, доказывает только злой умысел недоброжелателей напрасно тревожить Порту. Инако же на таком основании можно и всякую лодку почитать военным кораблем. Даже если бы реченные корабли и в существе были военными, то оные, как и турецкие, сгниют без употребления в своей гавани, если Блистательная Порта, со своей стороны, будет оставаться в миролюбивых сантиментах и добром согласии с Всевысочайшим двором, в каковых теперь благополучно пребывает. А Всевысочайший двор, со своей стороны, ни о чем другом не печется, как о святости взаимных по трактату обязательств и соблюдении вечного мира, к нарушению которого никогда не преподает повода.

Реиз-эфенди остался доволен объяснениями российского посланника и на прощание сказал, что с помощью Всевышнего дружба между высокими дворами со дня на день возрастет будет.

О разговоре с реиз-эфенди А. С. Стахийев немедленно уведомил императрицу, на что та отреагировала более откровенно, чем ее опытный дипломат. В собственноручной записке Коллегии иностранных дел от 6 мая 1780 года она заявила: «Миролюбие российской

императрицы всему свету известно, строить же в своих пределах никому запретить не можно... В начале прошедшей войны Россия не имела ни единой лодки на Черном море, а при заключении мира с лишком шестьдесят разных судов на той воде имела; чрез что доказывается, что строение или не строение морских судов во время мира есть дело, равнодушию принадлежащее, ибо в мире опасности нету, а в военной случай большая держава всегда способы сыщет»¹⁶⁶.

Несмотря на сглаживание дипломатического инцидента, строительство российского флота серьезно взволновало Порту. Понимая, что время работает не на них, турки начали интенсивные военные приготовления, о чем Екатерина II позднее писала: «Одним словом сказать, что турки не перестают всячески доказывать нам, сколь велико желание их разорвать мир, и что не достает им только сил и случая, чтоб обратить в ничто все, что мы приобрели в войне. Страшно им мореплавание наше на Черном море. Для того они начинают вооружаться, что видят – Херсонскому флоту готовому быть»¹⁶⁷.

При всей своей экономической разрухе сама же Турция более преуспела в строительстве своего флота. В 1782 году в его составе находилось 24 линейных корабля, 15 фрегатов и девять галер¹⁶⁸.

После заключения 28 декабря 1783 года Аинали-Кавакской конвенции по окончательному присоединению Крыма у России были развязаны руки для преобразований в Крыму и приведения его к должной обороне. В Ахтиарской бухте под руководством контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи началось строительство новой базы для флота, где с нетерпением ждали прихода новых кораблей из Херсона.

Однако херсонское кораблестроение начало пробуксовывать. Грандиозные планы оказались не подкрепленными точным экономическим расчетом и не соизмерены с реальными экономическими возможностями государства. Дело в значительной степени усугубили бесхозяйственность и нерадение чиновников.

Из Петербурга требовали к началу 1783 года закончить постройку семи линейных кораблей, но на стапеле в Херсоне находился всего лишь один, заложенный еще в 1779 году, корабль «Св. Екатерина», обшивка которого наполовину прогнила, а лес на остальные шесть кораблей стоял еще на корню по берегам Днепра...

В мае Ф. А. Клокачеву пришлось принять должность начальника херсонского адмиралтейства у генерал-поручика И. А. Ганнибала, отозванного в Петербург. Картину, увиденную им в Херсоне, он ярко живописал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву: «...корабли нашел в малом построении, паче что еще и недостаточно к строению всякого звания лесов... В проезд же мой довольно количество видел лесов,

разбросанных при речках в воде, из которых от давнего лежания без бережения много совершенно сгнило. Был я во всех магазинах, чтобы видеть припасы, материалы, однако неожиданно сыскал почти порожние... словом сказать, сей порт нашел и в бедном и в беспорядочном состоянии»¹⁶⁹.

На верфях катастрофически не хватало квалифицированных рабочих рук. Не спасало положение и решение Г. А. Потемкина обратиться к вольному найму, так как приехавшие из Олонецкой губернии плотники в количестве тысячи человек не могли выполнять даже простую работу без опытного корабельного мастера¹⁷⁰.

Тогда Потемкин обратился к Екатерине II с настоятельной просьбой командировать на юг морских служителей для комплектования экипажей семи линейных кораблей. Императрица, в свою очередь, преадресовала прошение своему сыну – генерал-адмиралу флота цесаревичу Павлу Петровичу, который 13 июня представил в Адмиралтейств-коллегию предложение о срочном наборе требуемого числа людей – 3878 человек.

В кратчайшие сроки отбор был произведен. Вместе с указанным числом нижних чинов на Черное море было направлено 132 лучших, по словам цесаревича, офицера, в том числе Федор Ушаков, его однокашник по Морскому корпусу Гаврила Голенкин, Михаил Макаров (впоследствии адмирал и сосед Ф. Ф. Ушакова по месту жительства в Петербурге), о чем Екатерина писала Потемкину: «К вооружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен».

С прибытием флотских команд и мастеровых с северных верфей дела в Херсонском адмиралтействе стали поправляться. Историки отмечали, что «только после прибытия в Херсон в августе 1783 года капитана 2 ранга Ф. Ф. Ушакова с 700 матросами и тремя тысячами рабочих темпы строительства кораблей резко возросли». Федор Федорович был назначен командиром на строящийся корабль. Здесь пригодился весь накопленный опыт: и строительство пинка в Архангельске, и прама – на Дону. Вскорегодились и знания по организации карантинных и борьбы с эпидемиями.

К осени в городе разразилась чума. Чума и оспа считались самыми страшными болезнями XVIII века. Они буквально выкашивали целые города и селения. Возникавшие эпидемии ввергали людей в настоящую панику. И если в ноябре 1768 года привитием оспы императрице и ее сыну нашли способ борьбы с этой болезнью, то чума оставалась непобежденной.

Интенсивность распространения чумы в Херсоне была еще незначительной, но вице-адмирал Ф. А. Клокачев уже не решался отправлять из Херсона спущенный 16 сентября на воду корабль «Слава Екатерины», дабы исключить возможность занесения «заразы» в

Ахтиар. В городе и на верфях был установлен карантин. Начали проводиться примитивные профилактические мероприятия.

В то время считалось, что чума распространяется по воздуху, а потому в народе она называлась еще «морovým поветрием». Для борьбы с ним на улицах разводили костры, окуривали жилища, в рот клали чеснок. Очевидец событий, лейтенант П. А. Данилов – будущий флаг-капитан Ушакова, – вспоминая о чуме в Херсоне, писал: «Я ходил каждое утро осматривать свою команду с лекарем... От такого смотра, возвращаясь домой, я в прихожей раздевался, выливал на себя ведро уксуса и чеснок клал в рот. По улицам везде были кучи навоза с камышом и бурьяном, которые горели, и воздух наполнялся дымом... Ежели случалось повстречаться с кем-либо, то каждый старался быть на ветре, а говорили между собой, будучи равно на ветру»¹⁷¹. Однако поначалу мало кто думал, что основными причинами распространения болезни являлись непосредственные контакты с больными и через оставшиеся после умерших вещи.

Эпидемия усиливалась. Несмотря на сложную военно-политическую обстановку, требовавшую продолжения строительства кораблей, вице-адмирал Клокачев в октябре дал указание полностью прекратить работы и все силы бросить на борьбу с чумой и вскоре после этого скончался сам.

Вместо Клокачева старшим в Херсоне остался начальник над портом генерал-майор А. П. Муромцев. В ноябре на эту должность был назначен вице-адмирал Я. Ф. Сухотин – недавний начальник Ф. Ф. Ушакова по Средиземноморскому походу. Яков Филиппович хорошо знал покойного командующего. Вместе с ним еще в 1768 году они были командирами кораблей в эскадре С. К. Грейга, где состоял мичманом и Федор Ушаков. Знаком был ему и морской театр, так как в последнюю русско-турецкую войну командовал здесь отрядом судов.

С прекращением работ все команды были выведены в степь. При катастрофической нехватке лекарей их функции принимали на себя командиры*. И Ушаков, памятуя опыт соблюдения карантинного режима в средиземноморских портах, со свойственной ему пунктуальностью стал твердо устанавливать особый карантинный режим. Всю команду он разделил на артели. Общение одной артели с другой было строго запрещено. У каждой артели имелась своя палатка из камыша, по сторонам которой были установлены козлы для проветривания белья. Для больных отводились отдельные палатки. На значительном

* В одном из донесений Потемкину в ноябре 1783 года отмечалось: «В настоящем теперь Херсона состоянии нужны весьма медицинские чины, которых бы старания и ревность поспешествовать могли пресечению продолжающегося здесь несчастья» [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 282. Л. 74.].

удалении располагалась больничка. Если в артели появлялся заболевший, его немедленно отправляли в отдельную палату, а старую вместе со всеми вещами сжигали. Остальные артельщики переводились на карантин. Ушаков сам неустанно за всем этим следил.

Если из лагеря кто-то отправлялся на работы или за покупками, то по возвращении офицер обязательно должен был представить Ушакову рапорт, в котором указывал, кто, где и сколько времени находился. Покупка вещей была строго запрещена. В результате проведенных мероприятий в казармах Ушакова к 4 ноября чума больше не появлялась, тогда как в остальных флотских командах она держалась до весны следующего года.

В войсках, расквартированных в городе, также был установлен карантин. Генерал-поручик А. Б. де Бальмен докладывал князю Потемкину о том, что в гарнизоне с 5 по 12 ноября из 2 013 человек зараженных умерло 265 и что, по рапортам от флотской команды, морском госпитале и лазарете числилось – 1 097 человека¹⁷².

Но жизнь в Херсоне продолжалась. К концу 1783 года чума стала отступать и можно было уже безбоязненно общаться. Офицеры переехали жить в город. Возобновились обеды и балы. А на квартирах капитана 1 ранга М. И. Войновича и генерал-лейтенанта И. В. Гудовича офицеры устраивали даже театрализованные представления.

Федор Федорович свободное время старался больше проводить со своим другом Гаврилой Голенкиным, который так же как и он был холостяком. Но однажды Гаврила Кузьмич признался Ушакову, что «возимел склонность к вдове капитан-лейтенанта Василия Пусторжевцева», который с ними прибыл в Херсон из Петербурга. Так случилось, что товарищ их, будучи заядлым голубятником, упал с крыши и от полученной травмы скончался, оставив сиротами двух маленьких дочек. Вдова, оказавшаяся в отдаленном по тем временам краю, ответила на предложение Голенкина, так что сразу же после Святки сыграли свадьбу.

1 января 1784 года Ф. Ф. Ушаков был произведен в капитаны 1 ранга. Повышение в чине, несомненно, стоит считать отличием, так как во втором ранге он проходил лишь два года. Подтверждает это и письменная благодарность Адмиралтейств-коллегии от 3 мая 1784 года.

Но командующий, хорошо зная Ушакова, решил добиться и более высокого его награждения. Усилиями Сухотина 9 сентября состоялся указ Коллегии, в котором говорилось: «Приобща формулярное о службе его, Ушакова, описание, поднести Ее Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором донести, что, как об нем командующий на Черном и Азовском морях господин вице-адмирал Сухотин Коллегии двукратно представлял, что он, Ушаков, находясь в прошлом 783 году, во время

случившейся там заразной болезнью, исполняя наиприлежнейше повеления главной команды и употребляя всевозможные старания, также делая собственные свои распоряжения, отличил себя тем, что ту болезнь по вверенной ему части, не допуская ее к большому распространению, присек совершенно, гораздо скорее других командиров, за что ему от Коллегии приписано особое его удовольствие, что Коллегия, приняв в уважение таковой его, Ушакова, ревностный и отличный подвиг, не упоминая прочей его службы и сделанных им двадцати семи кампаний на море, по содержанию двенадцатого пункта статута ордена Св. Равноапостольного Князя Владимира, осмеливается всеподданнейше представить Ее Императорскому Величеству о всемилостивейшем пожаловании его, Ушакова, знаком того ордена»¹⁷³.

По каким-то причинам представление не было готово к кавалерскому празднику – 22 сентября, и поэтому указ о награждении Ф. Ф. Ушакова орденом Св. Владимира 4-й степени состоялся на следующий год. В рескрипте Екатерины II по этому поводу отмечалось: «Усердная Ваша служба, особое в делах рдение и искусство и точное исполнение должностей с успехом и пользою Государственную обращает на себя НАШЕ внимание и милость»¹⁷⁴.

Известный исследователь жизни Ф. Ф. Ушакова – В. Ильинский – в начале XX века по этому поводу писал: «Во многих отдельных случаях жизни и службы адмирала Ф. Ф. Ушакова можно проследить присущую исключительным талантам способность проявлять выдающуюся инициативу во всяком деле, какое попадало в руки. Борьба его с чумой в 1783 году в Херсоне подтверждает наличие в Ушакове такого таланта»¹⁷⁵.

После подписания 2 февраля 1784 года ратификации об окончательном присоединении Крыма к России, в тот же день был подписан указ об учреждении Таврической области¹⁷⁶. А уже 10 февраля был издан указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, среди которых должно было выстроить и «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение»¹⁷⁷. Таким образом, Севастополь стал основным местом пребывания строящегося Черноморского флота, торговым портом и крепостью. К переходу в Севастополь готовились корабли, сошедшие со стапелей Херсона.

Лето 1784 года в Херсоне прошло в заботах по достройке 66-пушечного корабля «Св. Павел» и вооружению «Славы Екатерины». Его прибытие на рейд вблизи Очакова произвело на турок ошеломляющее впечатление. Они никак не ожидали, что у них под носом был построен настоящий линейный корабль, каких у русских никогда не было¹⁷⁸. На следующий год на воду был спущен и корабль Ушакова «Св. Павел». На камелях (понтонях)

его доставили к Глубокой пристани, а после установки рангоута и такелажа вывели в Лиман и ошвартовали у Кинбурна для полного вооружения. Чтобы не давать туркам лишний раз повозмущаться вооружениями россиян на море, Я. Ф. Сухотин приказал доставлять орудия и прочие припасы на «Св. Павел» фрегатами под видом транспортных судов. После полного вооружения корабль вышел из Лимана и, подняв паруса, взял курс на Севастополь.

На переходе морем, в соответствии с приказом Сухотина, Ушаков обучал морской практике команду, состоящую в основном из рекрутов. 28 августа «Св. Павел» вошел в Севастопольскую бухту. Сообщая И. Г. Чернышеву о благополучном прибытии нового корабля в Севастополь, Сухотин высоко оценил деятельность его командира: «Могу вашей светлости об оном господине Ушакове свидетельствовать всегдашнюю его исправность, попечение, а при сем случае он особливо доказал оные»¹⁷⁹.

Прибытие Ушакова в Севастополь совпало по времени с принятием первого корабельного штата Черноморского флота, утвержденного Указом императрицы 13 августа 1785 года¹⁸⁰. По этому штату Черноморский флот должен был состоять из двух 80-пушечных, десяти 66-пушечных линейных кораблей; восьми 50-пушечных, шести 32-пушечных, шести 22-пушечных фрегатов; пяти 12-пушечных судов и восьми транспортов с общей численностью личного состава 13 504 человека¹⁸¹. Этим документом и было юридически закреплено образование Черноморского флота. Командование флотом поручили его основателю – наместнику императрицы на юге России генерал-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому. По этому указу было создано и Черноморское адмиралтейское правление, получившее фактическую независимость от Адмиралтейств-коллегии в решении вопросов по управлению Черноморским флотом. Старшим членом правления стал капитан 1 ранга Н. С. Мордвинов. В честь столь знаменательного события была выбита медаль.

3. НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

В Константинополе пристально следили за ситуацией в Крыму и за русскими кораблями, находившимися Днепровском лимане и Ахтиарской бухте. Для этих целей в марте 1784 года капудан-паша на свои деньги приказал набрать экипажи трех кирлангичей. Разведчики вскоре доложили Эски Гассану, «что в Крыму настает совершенная тишина; что в порте Ахтиар находится в готовности 20 больших и 10 посредственных военных судов; что по проведенной в Крыму ревизии явилось 45 тысяч татар мужеска и 35 тысяч женскаго пола... что ниже волосом до татар никто не касается; что, видя такое

покровительство и безопасность, начали они сеять хлеб и вообще, а особенно деревенские жители: стараются удержать и отклонять земляков своих от переезда в турецкие области; что, слыша сие, многие татары, переселившиеся в Турцию, намерены нынешним летом назад в Крым ехать... что в Крым прислан один генерал с четырьмя знатными особами, который делает там сильные городские укрепления и начал строить крепость Ахт-Мечеть (Симферополь. – Авт.)»¹⁸².

Известия, особенно об оборонительных сооружениях в Крыму, заставили капудан-пашу прислушаться к увещаниям французских инженеров об укреплении берега Черного моря и устья пролива.

На неприспособленность к обороне турецкого побережья обратили внимание и русские разведчики. На основе сведений, добытых через французского инженера де Лафита Клавье, занимавшегося при Порте укреплением дарданелльских берегов, на стол императрицы легло «Описание Константинополя в военном отношении и проект завладения им».

В документе, кроме подробного описания канала и указания мест, удобных к высадке, особое место отводилось соображениям «о выгодах, которых Российский двор в случае войны с Портою от своего в Черном море находящегося флота ожидать может», а именно:

«Первое. В возможности подвинуться с войсками в южные части Румелии далее, нежели до ныне когда-либо то делалось.

Второе. В удобности пресечь подвоз в Царьград большую частью необходимо нужных припасов.

Третье. В различных случаях затруднить туркам собственные их военные действия, равно как и причинить их флоту знатный подрыв разорением разных верфей.

Четвертое. В нынешней возможности учинить нечаянное нападение на столицу самого султана»¹⁸³.

В том же 1784 году, президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический представил на высочайшее усмотрение «расписание» войск русской армии против прусского и шведского королей, а также Оттоманской Порты. Никто не сомневался в скорой войне с турками, вследствие чего основные силы планировалось разместить на юге. В операционном плане на предстоящую войну Потемкин отмечал: «Мы испытали турецкую силу, а потому и знаем, чего убегать и как поражать их; искать в поле и, разбив, не давать оправляться. Войско их не останавливается, следовательно, простирая успехи, впереди не найдем препон. Сильны турки защищаться в укреплениях; для того не должно брать крепостей штурмами (что, впрочем, в скором

времени блестяще опровергнет А. В. Суворов. – Авт.), тем паче, что положение их большей частью такое, что сами упасть должны. Днестровские крепости первыми движениями должны будут отрезаны от сил своих, поморские от Очакова до Измаила, в мертвом углу лежащие, не могут быть подкрепляемы... Очаков во-первых схватить должно, а как осадная артиллерия уже вся в Херсоне, то и сборы недолго займут»¹⁸⁴.

Понимая невозможность одной противостоять двум императорским дворам, Турция стала укреплять свои позиции во взаимоотношениях с Францией, Испанией и Пруссией, ища в них как моральную, так и материальную поддержку. Изменившаяся ситуация в бассейне Черного моря вновь заставила Францию настраивать Блистательную Порту против России. Резон был прост: вытеснив Россию с Черного моря, Франция за свое содействие получила бы там право вольной торговли. Надеясь добиться благорасположения Порты, французы подкрепляли свои надежды практическими делами, чтобы «поднять Турцию на ноги». 1 марта 1785 года в Турцию прибыла партия французов под общим начальством подполковника артиллерии Сен-Реми, которых принял сам визирь и одарил собольими шубами. Их прибытие вызвало недовольство у англичан, «да и турки смотрели на них косо». Тем не менее, именно французы наладили туркам кораблестроение и занялись фортификационными работами на побережье Черного моря. Под наблюдением французских мастеров отливались корабельные орудия 4-, 8-, 12- и 24-фунтового калибра. Эти же мастера взяли на себя заботу обучать турок артиллерийской стрельбе. Но успехи были невелики, чем был недоволен капудан-паша. 30 августа, будучи на строении французских кораблей, он учинил выговор состоявшему при нем французскому корабельному мастеру Лероа и своему первому корабельщику Измаил-Аге за медлительность в работах. Мешал делу и затянувшийся конфликт между верховным визирем и капудан-пашой.

Тем не менее, туркам удалось к этому времени создать достаточно сильный флот, состоящий из 33 линейных кораблей, 15 фрегатов и шебек, три бомбардирских кораблей, шесть галер и 12 кирлангичей¹⁸⁵.

4. ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

На северной стороне Черного моря россияне неимоверными усилиями пытались нагнать турок в численном составе флота. На херсонских верфях кипела работа, результаты которой стали уже осязаемы. Образование Черноморского адмиралтейского правления положительным образом сказалось на успехах в строительстве флота. Он рос численно и обустроивался в новой базе. После смерти командующего Севастопольской эскадрой и

главного командира порта, основателя и строителя Севастополя контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи, случившейся 12 января 1786 года, на его место был назначен командир линейного корабля «Слава Екатерины» капитан бригадирского ранга М. И. Войнович.

Для обустройства Севастополя на высочайшее усмотрение Г. А. Потемкин в том же году представил 10-летний план строительства города и порта. В нем предусматривались постройка жилищ для рабочих; кирпичных и известковых заводов; пристаней и крепостей для обороны порта; «водовода и водохранила»; пороховых погребов и кладовых для продовольствия; создание адмиралтейства с полагающимися для него строениями; постройка церкви, гостиных дворов, комендантского дома и пр.¹⁸⁶

В апреле Черноморский флот пополнился еще одним 66-пушечным линейным кораблем «Св. Александр» и 50-пушечным фрегатом «Св. Андрей», спущенными на воду в Херсоне. А к концу 1786 года флот на Черном море представлял собой достаточно внушительную силу, состоящую из четырех линейных кораблей, бомбардирского корабля, 19 фрегатов, трех шхун, четырех шхунар, семи ботов, 24 более мелких судов и 11 транспортов. Кроме того, на херсонских верфях стоял на стапеле 80-пушечный корабль¹⁸⁷.

Чтобы показать плоды своих трудов, Потемкин уговорил императрицу посетить в следующем, 1787 году, Новороссию. К приезду Екатерины II на Днепре строилась целая флотилия для ее путешествия по реке. Самая роскошная галера «Днепр» предназначалась для императрицы, другая – «Буг» – для Потемкина. Начальнику таганрогской верфи поручено было изготовить два парома для переправы через пороги во время следования к Херсону.

Известия о готовящемся путешествии Екатерины II насторожили Оттоманскую Порту. Еще в январе 1787 года она разослала повсюду фирманы (указы), суть которых сводилась к следующему: «Державы дружественные и соседние одна с другою, следуя древнему обыкновению, должны наблюдать и примечать взаимные движения. И когда одна из них делает приготовления, надлежит, чтоб и другая тоже чинила, дабы быть в положении равновесия и защиты. И как ныне оправдалось, что российский двор, который есть дружественной и соседней с империей оттоманскою, вверил от 40 до 50 тысяч войска генералу Потемкину и, наименовав его фельдмаршалом (сераскиром), отправил на границы против Очакова и в Крым. А императрица российская, желая будущею весною осмотреть свои владения, прибудет с знатным числом войска в Херсон и в Крым. И как непредвиденное и безвременное приближение к нашим границам помянутого генерала с тяжелым корпусом войск заставляet думать, размышлять и принять предосторожности»¹⁸⁸.

В связи с этим турки решили подвести свои войска к Очакову и Измаилу, а также отправить на Черное море флот, состоящий из 22 кораблей и фрегатов, и с ним 10 тысяч

янычар. Для командования флотом из Каира был вызван капудан-паша, находившийся там для усмирения бунтовщиков¹⁸⁹.

К наращиванию военных приготовлений Порту подталкивали и иностранные послы, за исключением австрийского. Особенно старался новый английский посол. Уверяя визиря в том, что как только Россия увидит твердость приготовления Порты, то сразу же отступится от всех своих притязаний.

В начале 1787 года началась знаменитая поездка русской императрицы в «полуденный рай». Путь на юг лежал через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, Киев, а оттуда по Днепру до Екатеринослава и уже посуху – до Херсона.

Пышно обставленное путешествие вызвало много шума, как в России, так и в Европе, породив множество домыслов, легенд и сплетен. С большим вниманием и опаской следили за этим визитом и в Константинополе, считая, «что будто бы сие есть для взятия Очакова, в опасение того выставляя всякую ночь для объездов около города (Очакова. – Авт.) 400 человек»¹⁹⁰.

Прибыв в феврале в Киев, Екатерина принуждена была задержаться там на три месяца из-за позднего ледохода на Днепре, откуда водным путем отправилась в Новороссию. В Херсон Екатерина II приехала в великолепной колеснице вместе с австрийским императором Иосифом II, Потемкиным, австрийским и французским посланниками Сегюром и Кобенцелем, принцами Нассау-Зигеном и де Линем и множеством других важных особ.

Граф Сегюр вспоминал: «Херсон удивил даже иностранцев, бывших в свите Екатерины. Крепость почти совершенно оконченная, большие казармы, адмиралтейство с богатыми магазинами, арсенал со множеством пушек, два линейных корабля и один фрегат, совершенно готовые на верфях, казенные здания, несколько церквей, частные дома, лавки, купеческие корабли в порту – все это свидетельствовало о неутомимой и успешной деятельности Потемкина»¹⁹¹.

15 мая в присутствии высочайших особ со стапелей Херсона на воду были спущены два линейных корабля. Один из них, 80-пушечный, в честь высокого гостя назвали «Иосиф II», а другой, 66-пушечный, – «Св. Владимир».

На следующий день по представлению Г. А. Потемкина императрица все милостивейше пожаловала чинами офицеров-черноморцев, отличившихся в создании флота. Среди них был и Федор Федорович Ушаков, ставший капитаном бригадирского ранга.

После пятидневного пребывания в Херсоне путешественники отправились в Крым. К приезду царственных особ в Севастополе выстроили дворец напротив главной пристани. А на высоте Инкерманских гор, напротив рейдовой бухты, по приказанию Потемкина было

сооружено великолепное временное здание. С северной и южной его сторон открывался вид на инкерманскую долину и горы, а западная была прикрыта полотном. Когда все гости сели за обеденный стол, занавес спал и взору присутствовавших открылся великолепный вид на обширный севастопольский рейд, где красовался Черноморский флот: три линейных корабля, три бомбардирских, 12 фрегатов, два брандера и 20 более мелких судов. По сигналу Потемкина на «Славе Екатерины» подняли кайзер-флаг и каждое судно салютовало 12 выстрелами. Восторг был неописуемый!

К вечеру того же дня, 22 мая, Екатерина и Иосиф сели в шлюпку, заказанную Потемкиным в Константинополе и совершенно сходную с султанской, и, под дружное матросское «Ура!» и залпы артиллерийских салютов продолжили свое путешествие к Севастополю. Прибыв во дворец, Екатерина II допустила к руке штаб- и обер-офицеров, в числе которых находился и Ф. Ф. Ушаков.

Императрица восхищалась приобретением порта, из которого попутным ветром можно было за 30 часов добраться до Константинополя. Она была довольна и скорым построением флота на Черном море, о чем в своем письме к барону Гримму писала: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость»¹⁹².

ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Усиление позиции России на юге не давало покоя Оттоманской Порте. Турки стали спешно готовиться к войне. Чтобы объяснить российской стороне причину своих военных приготовлений, еще в феврале 1787 года реиз-эфенди пригласил к себе русского представителя в Турции С. Л. Лошкарева и предъявил претензии по поводу концентрации российских войск на турецких границах.

Лошкарев, понимая реиз-эфенди так заговорил с подачи английского посла, решил быть откровенным, а потому прямо заявил:

– Порта принимает от разных мнимых друзей советы, служащие ей во вред, ибо они единственно хотят для собственного интереса Порту привести к войне, дабы пользоваться

разными своими выгодами, так как в прошедшую войну имели свои пользы, а Порта осталась побежденною и обманутою. И мне весьма удивительно, господин министр, что вы не можете понять, кто ваши друзья и кто неприятели, принимая невместные советы от своих недоброжелателей. А что же касаясь до якобы военных наших ополчений, то Россия народом и прочим весьма изобильна и никакого интереса ни в чем не имеет, а единственно желает, чтоб справедливость требований имела свой конец, и наблюдаем был трактат, состоящий между двумя империями¹⁹³.

Речь Лошкарёва не убедила турецкого министра. Несмотря на всю шаткость своего экономического, политического и социального положения, Турция продолжила военные приготовления.

В турецкое адмиралтейство было дано повеление о ремонте всего флота и спешном вооружении 20 военных судов. Подобное повеление отослали и на литейный двор, чтобы там заготовили на канонерские лодки мортиры и отпустили на полугалеры 150 небольших пушек. Для проверки исполнения данного поручения в адмиралтейство приезжал сам визирь. Он долго беседовал с вице-адмиралом Хассан-беем, по наущению которого велел повесить на рее греческого корабельного мастера за то, что тот якобы худо выстроил две шебеки.

Решимость, с которой верховный визирь начал готовиться к войне, наполнила город ужасом. Народ стал жалеть о покойном визире Халил-Хамиде, который, по общему мнению, нашел бы средства избежать войны.

Для комплектования экипажей кораблей в разные места было отправлено десять адмиралтейских чаушей. Нехватка людей была давней «занозой» оттоманского воинства. В очередной раз столкнувшись с некомплектом на флоте, Порта решила обратиться к Франции с просьбой о присылке опытных офицеров, а у Англии запросила военных припасов, на что получила дружеские уверения в поддержке. Французы заверили турок и в том, что их страна «в настоящих худых обстоятельствах не оставит Порту без помощи и что на сей конец в Тулоне уже во всей готовности стоит 22 корабля, чтобы отправиться в случае нужды в Архипелаг для крейсирования»¹⁹⁴. Французская сторона представила также Порте план обороны границы от Очакова до Бендер с использованием своих офицеров. Не отставал от французских дипломатов и английский посол, обещая Порте больше, чем мог дать.

Заручившись поддержкой европейских держав, что интересно, находящихся между собой во враждебных отношениях, Порта начала действовать более решительно. 14 апреля в Черное море вышла турецкая эскадра под командованием 35-летнего Челеби-капитана, чтобы доставить войска и припасы в Очаков. Но по причине противных ветров ему пришлось встать на якорь в Каварне. Измотанные изнуряющей качкой воины Ислама,

завидев берег, ринулись к шлюпкам. Командующий эскадрой попытался этому воспрепятствовать, но чуть не лишился головы и принужден был сам перейти на другой корабль.

К этому времени обстановка в Очакове была уже накалена до предела. Перед прибытием Екатерины II в Новороссию кинбурнский комендант полковник Е. А. Тунцельман доносил, что «в Очакове читают фирман, по которому народу объявлено, что хотя между Россией и Оттоманскою Портою ныне существует мир, но быть к военному действию. Во всякой готовности крепостная там работа продолжается, для которой прибыли на судах турецких под французскими флагами французские же инженеры... Чернь по улицам вслух говорит о войне с Россией и не оставляет с суровостию обходиться с нашими»¹⁹⁵. По городу пополз слух о том, что войска, направляемые в Очаков, собираются высадиться десантом на Кинбурн, но медлят с решительными действиями из-за недостатка мелких судов.

Следом за первой эскадрой, 1 мая, к выходу из канала потянулась и вторая под командованием Хассан-бея, сделанного по случаю отсутствия капудан-паши его поверенным. Эта эскадра состояла из восьми линейных кораблей, четырех фрегатов, шебеки, трех бомбардирских галиотов, брига, пяти галер, шести канонерских шлюпок, двух кирлангичей и четырех купеческих вооруженных судов¹⁹⁶.

К счастью, без капудан-паши Порты не решилась отправить в Черное море вторую эскадру. В очередной раз ему в Египет было послано повеление прибыть в Константинополь. А пока вместо него флотом, назначенным в Черное море, стал командовать трехбунчужный паша Бекир-бей, отец которого в свое время тоже был капудан-пашою. По этому случаю новопожалованный Бекир-паша приезжал с церемониальным визитом к визирю, «который при отпуске почтил его обыкновенной лошадейю с убором» и повелел несколько судов под начальством Хассан-бея отправить в Буюк-Дере (местечко на выходе из Босфора), а ему самому направиться в Черное море.

Тем временем обстановка продолжала накаляться. В народе только и говорили, что о войне. Приближенные реиз-эфенди постоянно твердили Порте о необходимости иметь Крым в прежней своей зависимости, «дабы единожды избавить себя от бедствий и притязаний со стороны России». Но, зная склонность султана к миролюбию, они публично своего мнения не высказывали. Турецкая знать пытались его уверить в том, «что посредством приуготовлений... войны они избегут, но когда оная воспоследует, бояться нечего, ибо другие державы в нее включатся и, между прочим, Швеция соединится с Портою, даст при сем случае отобрать земли свои, завладевшие Россиею и между иными Петербургом, который принадлежал прежде Швеции»¹⁹⁷.

Умные люди в Турции, однако, замечали, что Всевышний совершенно лишил разума министерство, ибо Порты в нынешних замешательствах и скудости в деньгах не в состоянии была вести войну. Но до Бога далеко, а капля камень точит. Агрессивные устремления и антирусская пропаганда дали свои результаты: почти вся турецкая «подлость» единодушно уже желала или войны, или свержения султана.

Российскому полномочному министру Я. И. Булгакову на конференции (переговорах), состоявшейся 16 июля, реиз-эфенди, при уверении о намерении Порты сохранять мир, предъявил абсолютно неприемлемые требования:

- «1. Непременно выдать господаря молдавского.
2. Сменить вице-консула Селунского.
3. Обязать трактовать турецких подданных в России точно так, как российские трактуются в Турции.
4. Жителям Очакова не воспрещать брать соль из кинбурнских солончаков, как гласит Конвенция.
5. Не вывозить на российских судах подданных Порты; вывезенных возвратить; не принимать и не отсылать невольников, прибегающих в дом российского министра, и для пресечения сего позволить осматривать российские купеческие суда, отъезжающие на Черное море.
6. Не вывозить из областей Порты съестного, как то, масла, пшена, кофий, мыла и проч. и для сей причины чинить осмотр грузам всех кораблей.
7. Для защищения и покровительства в России турецким подданным позволить Порте содержать там, и на первый случай в Крыму, своих консулов.
8. Отступить от царя Ираклия, яко подданного Порты и нарушающего тишину в Грузии и Адербежане»¹⁹⁸.

Закончив читать, реиз-эфенди потребовал от Булгакова ответа и, «не видя успеха в своем сумасбродстве», реиз-эфенди велел записать то, что он скажет. Однако Булгаков отвечать отказался, вызвав неприкрытую ярость турецкого министра.

Отпустив российского посланника, реиз-эфенди, не скрывая, заявил своему кабинету, что Булгакова надо заточить в Едикуль, купцов российских повесить, также «тирански» поступить и с остальными россиянами.

Выйдя от реиз-эфенди, Яков Иванович понял, что Порты ищет только предлог к началу войны и что теперь от турок можно ждать чего угодно.

17 июля был держан совет у муфтия, на котором вообще никто не мог даже раскрыть рта под суровым взглядом визиря. Потому присутствовавшие лишь отвечали на вопросы,

стараясь ему угодить. Было совершенно очевидно, что если бы все зависело только от визиря и реиз-эфенди, то война бы уже началась. Но их натиску противился султан. Тем не менее, визирь продолжал стоять на своем.

Абдул-Гамид отказал визирю, поручив ему лишь продолжать военные приготовления. Визирь же настаивал на своем и задумал учинить провокацию на границе, чтобы, «заведя около Очакова какую шалость или драку, уверить его (султана. – Авт.), что она начата со стороны России и, следовательно, войну объявила не Порты, а Россия». В подобной провокации визирь нуждался для того, чтобы с трудом собранное войско к зиме не разбежалось и чтобы «по меньшей мере показать отвагу и дать почувствовать неприятелю войну».

26 июля при Порте был созван очередной совет в присутствии министерства, духовенства и военных чинов. Султан, недовольный тем, что на прошедшем совете никто не смел говорить, отдав все на волю визирю, предварительно разослал к главным членам совета письма с уверениями, что они могут без опасения высказывать свои мнения. На совете визирь первый раз встретил отпор и не только от муфтия, но даже и от улемов. Подводя итог совету, султан «повелительным образом» объявил свою волю, чтобы Порты ни под каким видом не помышляла доводить дело до разрыва с Россией¹⁹⁹.

Несмотря на это, дальнейшие события разворачивались по непредсказуемому сценарию. Визирь, видя, что почва у него уходит из-под ног, пустился на крайность и, взяв у банкира крупную сумму денег для подкупа, 2 августа собрал совет, на котором добился желаемого постановления. На следующий день он склонил и султана к разрыву с Россией, а 4 августа призвал Булгакова на публичную аудиенцию.

Ранним утром 5 августа российский посланник, посоветовавшись с австрийским послом, со всей своей свитой направился к Порте. До Топханской пристани шли пешком. Дойдя до берега, Яков Иванович, к удивлению, заметил, что против обыкновения его ожидала 14-весельная шлюпка, на которой он вместе с переводчиком Пизанием переехал на константинопольский берег.

После встречи с чауш-башием (начальник адмиралтейства) и церемониймейстером все сели на коней и верхом продолжили путь к Порте, где Булгаков был принят драгоманом (переводчиком). Затем члены российской делегации были приглашены в Диван для угощения. Но как только кофе был выпит, всех присутствующих вывели, за исключением Булгакова, Пизания и Яковлева.

Беседа с визирем продолжалась всего 20 минут, после чего Яков Иванович вышел в приемную и сел на софу, обхватив голову руками. Следом вышел драгоман Порты. Он

опустился перед Булгаковым на пол и стал уговаривать российского посланника согласиться на предлагаемые Портой требования, на что Яков Иванович беспрестанно отвечал: «Нет! Нельзя! И тому быть не может!»²⁰⁰.

А произошло следующее. После того как свита была удалена с совета, верховный визирь ультимативно потребовал от Булгакова согласия на возвращение Крыма и заключение нового трактата. Яков Иванович вошел было в рассуждение о существовании имеемого трактата, но был прерван визирем:

– Трактатов больше нет, а потому еще раз требую вашего согласия на уступку Крыма и заключение нового трактата, иначе все старики и малолетние от семи лет пойдут на войну!

– Да кто ж тогда останется стеречь столицу и султана? – Подумал про себя Булгаков²⁰¹.

Делать было нечего, следовало отвечать по существу, хотя все прекрасно понимали, что Булгаков неуполномочен решать подобные вопросы. Выбора не оставалось. Яков Иванович ответил отказом и в двенадцатом часу был препровожден в Семибашенный замок Едикуль.

Воззвание (хати-хуманм) к правоверным о начале новой войны с Россией было опубликовано 11 августа 1787 года. На военных чиновников по этому поводу были надеты дорогие кафтаны, а верховному визирю вручена сабля, осыпанная алмазами; его же назначили главным сераскиром (главнокомандующим). 13 августа, манифест был объявлен и всем иностранным министрам. Руки Турции оказались развязаны.

2. КИНБУРН

Началась война, к которой в России готовились, но которую не ждали так скоро. Она таила в себе много опасностей, внезапных ударов, разочарований, но и – радость побед. Она дала нам множество новых героев, чьи имена до того были мало кому известны. Появилось не мало военачальников – умных, храбрых, удачливых, но гениальных только двое – Суворов и Ушаков. Именно их гением с Божьей помощью враг будет повержен.

Но что есть гениальность? Ведь военный гений не появляется случайно, как бы ни откуда. Господь проводит человека через испытания, в которых тот получает знания, приобретает навыки, набирается опыта: формируется личность, способная достичь вершин военного искусства. Не каждому, однако, дано стать гением. Без Бога в душе все знания, умения и опыт обратятся в ничто. Лишь человек, отмеченный искрой Божьей, может, по заслугам, наречен таковым современниками и потомками.

К этому времени Федор Федорович Ушаков, имея за плечами хорошую школу флотской службы, подошел к тому этапу своего земного пути, когда весь его интеллектуальный и духовный потенциал выводил его на качественно новый уровень. Начавшаяся война была для него суровым экзаменом. Лишь две «подсказки» получил он перед тем – это бой на Кинбурнской косе и сражения в Лимане, где русские воины и, вместе с ними, противник показали, на что они способны.

Силы сторон были явно не равными. Черноморский флот состоял всего из шести линейных кораблей (одного 80-пушечного и пяти 66-пушечных), 19 фрегатов и нескольких десятков более мелких судов. Они были сведены в два соединения: корабельную эскадру (корабельный флот), базировавшуюся в Севастополе под командованием контр-адмирала М. И. Войновича, и Лиманскую эскадру, находившуюся в Херсоне, под общим начальством контр-адмирала Н. С. Мордвинова.

Не имея известий об объявлении войны, русские моряки занимались своим обычным делом. Севастопольская эскадра вышла в море в составе 13 вымпелов и курсировала в районе Евпатории, откуда капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков был отправлен с двумя фрегатами для встречи судов, вышедших из Таганрога. Все это время турецкие купеческие суда свободно входили и выходили из таврических и херсонских пристаней, собирая сведения о составе российского флота и примечая все его движения. При этом князь Потемкин своим ордером от 15 августа предписывал Мордвинову, что командиры русских кораблей «во всех случаях старались оказывать туркам дружбу и благоприятство, удаляясь от всякого повода к неудовольствию».

Наконец 21 августа турецкая эскадра, состоявшая из 11 канонерских шлюпок и бомбарды, неожиданно атаковала российский фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот «Битюг». В это время они стояли на якоре у Кинбурна в ожидании спущенных в Херсоне линейного корабля «Св. Александр» и фрегата «Св. Владимир». Фрегат «Скорый», после двухчасового боя, имея повреждения в рангоуте и такелаже, сумел поднять паруса и вместе с ботом пошел на неприятеля. Турки, думая, что корабли идут сдаваться, прекратили стрельбу. Но, подойдя ближе, командир фрегата капитан-лейтенант А. А. Обольянинов отдал приказ открыть огонь и, не дав туркам возможности перезарядить пушки, вырвался на чистую воду и ушел в Херсон, по пути обменявшись залпами с очаковской береговой батареей²⁰². Так начались военные действия в очередной русско-турецкой войне.

В общих чертах турецкий план военной кампании сводился к тому, чтобы запереть русские суда в Лимане, не допустив их соединения с Севастопольской эскадрой; разбить

Черноморский флот по частям и, завоевав, таким образом, господство на море, захватить сначала Херсон, а затем Крым силами десантных отрядов.

Первая проба сил обескуражила турецкое войско. Очаковский сераскир срочно послал депешу в Константинополь с настойчивой просьбой об отправке к крепости эскадры Бекир-паши, не рассчитывая на свои морские силы, состоявшие из трех линейных кораблей, четырех фрегатов, трех каравелл и 20 мелких судов²⁰³.

Тревожные вести поступили в Порту и со стороны Гаджибея. Двое прибывших туда чаушей сообщили, что российские фрегаты, подойдя к очаковской крепости, начали обстрел кораблей. Визирь прервал их рассказ и велел повесить. Та же участь постигла и трех янычарских офицеров, которые заявили, что они и их товарищи не намерены воевать. После чего 7 сентября последовал указ всем янычарам от 14 до 60 лет идти в поход²⁰⁴.

В России манифест о начале войны с Турцией был подписан императрицей 9 сентября 1787 года и обнародован во всех церквях. «Мы полагаем НАШУ твердую надежду на правосудие и помощь Господню, – с глубоким чувством оглашали его священники, – и на мужество полководцев и войск НАШИХ, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны»²⁰⁵. Патриотический пафос манифеста, несомненно, благотворно подействовал на моральный дух всего русского народа и его воинства. Однако общая расстановка сил на предстоящем театре военных действий складывалась не в пользу России.

Весной и летом 1787 года основная часть сил русской армии на Юге была сосредоточена сообразно маршруту движения императрицы в ее поездке в «полуденный край». В первой линии обороны, на границах с турецкими владениями, располагалась Екатеринославская армия под командованием самого генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического, а у нее в тылу, в резерве – Украинская армия генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Дислокация и состояние армий не позволяла немедленно начать активные наступательные действия, поэтому на первое время им предписывалось лишь охранять свои границы и только Севастопольскому флоту велено действовать решительно, чтобы громкой победой на море, подобной Чесме, вырвать у турок инициативу.

31 августа Черноморский корабельный флот по настоятельному требованию Потемкина («...хотя б всем пропасть») вышел в море к румелийским берегам для поиска неприятельского флота. Ф. Ф. Ушаков в этом походе командовал «Св. Павлом» и авангардом.

На переходе было пленено торговое турецкое судно, экипаж которого сняли, а само судно с товарами потопили. К несчастью, на подходе к Варне флот, застигнутый жесточайшим штормом, был рассеян по морю. Фрегат «Крым» пропал без вести и, скорее всего, погиб; другие суда получили большие повреждения и едва смогли вернуться к своим берегам.

«Св. Павла», потерявшего две мачты, отнесло к Абхазии. В критическую минуту, обращаясь к команде, Ушаков сказал: «Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках». И только благодаря высокой морской выучке команды и личной опытности командира корабль удалось спасти. На «Св. Павле» были поставлены «фальшивые» паруса и 21 сентября он смог вернуться в Севастополь.

Контр-адмирал Войнович докладывая 24 сентября Мордвинову о застигнувшей флот стихии, писал: «Это чудо, Николай Семенович, как мы спаслись, поверить не можете нашему несчастью, и как все манкировало в один час: корабли и фрегаты сделались как решето, течь преужасная и чуть мой корабль не потонул. Этакого страха и опасности никогда не предвидел»²⁰⁶.

Узнав о разбитии всего флота, князь Потемкин на два дня в отчаяние. «Бог бьет, а не турки», – писал он императрице.

Больше всех не повезло 66-пушечному линейному кораблю «Мария Магдалина». Потеряв из виду другие суда, он остался один на один со стихией. На нем были сломаны все мачты, бушприт, поврежден руль, а в интрюме на несколько футов налилась вода. Командир корабля капитан 1 ранга Бенжамин Тиздель пытался зайти в Варну и бросить там якорь, чтобы спасти людей, но безуспешно. Тогда он решил выбросить корабль на берег, однако пленный турецкий лаз (матрос) убедил его в том, что берег весьма крут и каменист и спасения никому не будет. Пленному турку удалось уговорить командира удалиться от этого места и войти в течение константинопольского канала. Когда же на рассвете все увидели маяк в его устье, то с гневом набросились на пленного матроса с вопросом: «Куда ты нас привел?» Но было поздно. Российский корабль окружили турецкие военные суда. Тиздель решил было взорвать свой корабль, но команда тому воспротивилась, и он стал добычей оттоманов.

«Марию Магдалину» взяли на буксир и потянули в Терсану с опущенным флагом, что вызвало бурю ликования у местной черни.

Турецкого же лаза, стараниями которого был пленен российский корабль, одели с ног до головы и назначили ему вечную пенсию. Несчастную «Марию Магдалину» переименовали в «Худа Верды», что означает «Данный Богом»²⁰⁷. Команда российского

корабля числом 326 человек бала арестована. Пленный корабль стали разгружать и готовить к ремонту. Корабельному мастеру Лероа приказано было в течение месяца его восстановить и вывести в море.

Среди выгруженной амуниции на «Марии Магдалине» было найдено несколько «ядер, наполненных горючими материями» (брандскугелей), которые нельзя было погасить даже водой. Обрадованный такой находкой визирь приказал изготовить 12 тысяч подобных ядер²⁰⁸.

Несмотря на несчастье российского флота, храбрости у турок не прибавилось. Флотские начальники и матросы продолжали противиться выходу в море, ссылаясь на осенние бури. Лишь благодаря личному приезду верховного визиря, несмотря на сильный зюйдовый ветер, турецкому командованию удалось в буквальном смысле выпихнуть в Черное море пять линейных кораблей.

Поднять боевой дух турецкого воинства решили французские дипломаты, правда сделали это достаточно оригинальным способом. Французский драгоман был послан от своего посла к Порте с картой, в которой изображалось, как находившийся в Очакове Шевалье Лафит (некогда сообщивший российской стороне сведения об укреплениях Босфора), с 10 канонерскими лодками якобы атаковал построенные в Херсоне три российских корабля, потопив линейный «Иосиф II», а остальные два фрегата, «Св. Павел» (фрегата с таким названием не было) и «Св. Владимир», принуждены были вернуться к Глубокой пристани²⁰⁹.

А тем временем над Кинбурном сгустились тучи...

Согласно принятому Потемкиным плану обороны генерал-аншефу А. В. Суворову предписывалось прикрывать Херсон и оборонять побережье от Буга до Перекопа. Поставленная задача для Суворова была не новой и Александр Васильевич, со знанием дела, приступил к ее решению.

К моменту объявления войны вверенные ему войска располагались в районе Херсона по обоим берегам Днепра. Они только что получили рекрутское пополнение, но, несмотря на это, их численность была на одну треть менее штатного состава. Ситуация осложнялась тем, что до принятия над ними командования Суворовым, они в основном были заняты на хозяйственных работах и несением гарнизонной и караульной службой. Кроме того, подавляющее большинство из них страдало расстройством желудка.

Получив над ними команду, А. В. Суворов с присущей ему энергией взялся за укрепление вверенного ему района, разделив его на несколько участков. Первым из них был сама Кинбурнская коса, где располагались небольшая крепость с 49 орудиями и шесть

редутов под общим командованием генерал-майора И. Г. Река. Сюда же Суворовым было назначено еще три пехотных и два казачьих полков. Вторым участком стало устье Буга. Третьим – северный берег Лимана от устья Буга до Херсона. И четвертым – собственно сам Херсон с ближайшими окрестностями. Для усиления района к Суворову были направлены егерская бригада генерал-майора М. И. Кутузова (к устью Буга), драгунский и два легко конных полка (к Колончаку и Старооскольскому редуту).

К концу августа А. В. Суворов усилил Кинбурн еще одним пехотным полком, считая, что этими силами можно будет противостоять 5-тысячному или даже 10-тысячному десанту²¹⁰.

12 сентября от стоящего под Очаковым турецкого флота, отделились 11 канонерских шлюпок и бомбарда. Подойдя к Кинбурнской косе, они открыли огонь по береговым укреплениям, в результате чего было повреждено несколько строений, убито пять и ранено 10 человек. Через полчаса в ответ заговорили крепостные орудия, ядрами которых на неприятельских судах перебили много народу и повредили один фрегат.

Перестрелка продолжалась всю ночь, а наутро следующего дня началась высадка турецких войск в количестве 600–700 человек. Первыми неприятеля встретили донские казаки, приведшие турок в смятение, а завершила дело пехота под командованием генерал-майора Река. Бой был ожесточенный и кровопролитный.

Русский гарнизон выдержал атаку, не дав уйти с берега ни одному турку. Много их погибло и на взорвавшемся к концу дня турецком корабле. Лишь наступившее безветрие спасло турецкую эскадру от пожара.

14 сентября на Кинбурн прибыл сам Суворов, лично возглавивший оборону. Он потребовал прислать из Глубокой пристани суда для защиты крепости, обстрел которой с моря продолжался все это время. Однако контр-адмирал Мордвинов занял выжидательную позицию. Между тем 15 сентября неприятельская флотилия, состоявшая из 38 судов, приблизилась к Кинбурну и вновь начала его обстрел. Но наши два фрегата и четыре галеры, стоявшие в Лимане, так и не получили приказа атаковать турецкие суда. Тогда командир одной из галер, под названием «Десна», мичман Джулиано Ломбард на свой страх и риск направил свое судно, вооруженное всего одной мортирой и 16 трехфунтовыми пушками, прямо на турок.

Приняв российскую галеру за брандер, неприятель повел себя настороженно и, помня урок Чесмы, начал отходить под защиту очаковской батареи. Ломбард стал преследовать противника и, подойдя к нему на дистанцию ружейного выстрела, атаковал.

Но попытки турок овладеть Кинбурном не прекратились. 30 сентября весь турецкий флот вытянулся в линию вдоль Кинбурнской косы и начал обстрел русских укреплений. 1 октября последовал очередной штурм крепости. Утром около 12 тысяч отборного турецкого войска высадились на кинбурнский берег и, закрепившись на нем, не встречая сопротивления, начали свой марш к замку, отстоявшему от места высадки в двух верстах.

Еще в самом начале высадки Суворову доложили о происходящем в ожидании немедленных распоряжений. Но, к удивлению присутствующих, Александр Васильевич пошел к обедне, по пути заявив:

– Пусть все вылезут.

Чувствуя близкую победу, турки, по воспоминаниям очевидца, «чуть было не кричали викторию», как вдруг оказались с двух сторон в ужасном огне.

Суворов, предвидя замыслы неприятеля, разделил свои войска на несколько частей, одну из которых во главе с генерал-майором И. Г. Реком оставил в крепости, вторую – в 1 500 человек пехоты и донских казаков – определил в засаду, а остальные силы выделил в резерв.

Первым, выйдя из крепости, в атаку пошел генерал-майор Рек. Ему на помощь подоспели резервные эскадроны Павлоградского и Мариупольского полков, а также донские казаки и Козловский полк. Несмолкаемая канонада, ружейный огонь, крики, стоны умирающих слились в один страшный гул. Ядра и бомбы с турецких кораблей, подошедших к самому берегу, буквально сыпались на головы защитников Кинбурна.

Генерал Рек, пренебрегая опасностью, продолжал рваться вперед и захватил 10 ложементов противника. Но вражеская пуля, пробившая ему ногу, остановила храброго генерала. В то же время был убит полковник Е. Булгаков и ранены несколько офицеров.

Турки, воспользовавшись безначалием русского войска, врезались с ятаганами в его гущу и заставили отступить, захватив несколько орудий.

Тогда Суворов лично повел своих «орлов» в атаку, воодушевляя передние ряды. Рядом с ним храбро бился гренадер Степан Новиков. Он заколол одного турка, застрелил другого и бросился на третьего. Задние ряды поднял в атаку сержант Рымников. Наступление продолжилось, и удалось взять еще несколько окопов. Это произошло уже в 6 часов вечера.

В бой вступила и стоявшая под Кинбурном галера «Десна» под командованием храброго мичмана Ломбарда, который отразил атаку восьми неприятельских судов; береговая батарея уничтожила две канонерские лодки и одну шебеку, вторую зажгла.

Врезавшись в турецкие порядки, русские полки начали редеть, а неприятель продолжал усиливаться с десантных кораблей. Защитникам Кинбурна вновь пришлось отступить, обороняясь холодным оружием. В ходе боя А. В. Суворов был легко ранен картечью в левый бок. Вот как о нем он впоследствии доносил: «...с такими еще я не дрался; летят больше на холодное ружье. Нас особливо жестоко... били; мне лицо все засыпало песком, и под сердцем рана картечная ж... ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом, ад бы нас здесь поглотил»²¹¹.

Под стенами крепости Суворова подкрепили три резервные роты, Муромский батальон и легкоконная бригада. Турки не выдержали натиска свежих сил и обратились в бегство.

Солнце садилось, а наступление русских войск возобновилось в третий раз. При этом донские казаки сломали передовые порядки турок и отбили потерянные пушки. Преследуемый противник слабо защищал свои окопы и к ночи был отброшен на угол косы. Оставалось завладеть этой узкой полоской да сотней саженой на мысу, где скопились янычары, морской десант и «неверные» запорожцы.

Огонь по остаткам неприятельских войск открыла батарея Шлиссельбургского полка, а ротмистр Д. В. Шуханов повел свои эскадроны по грудам вражеских тел, загоня уцелевших турок в воду. Умолкший турецкий флот отошел от берега, не став спасать утопавших в море соотечественников.

Победа была совершенной. Но «сие кровопролитное сражение, где действовало более холодное ружье, стоило русским 138 человек убитыми и 300 ранеными (А. В. Суворов был вторично ранен пулей навывлет в левую руку. – Авт.). Турки потеряли до пяти тысяч человек, из числа сброшенных в воду спаслись не более 500»²¹². Множество тел было выброшено морем на берег на следующий день.

Впоследствии в память о сем знаменательном событии на Кинбурне был поставлен скромный памятник в виде четырехугольной каменной пирамиды, увенчанной железным решетчатым крестом. На одной из граней памятника под стеклом была вмонтирована картина, изображающая А. В. Суворова на молитве. По простоте своего замысла он был особенно дорог русскому солдату, который смотрел на обожяемого им полководца, учившего своих «чудо-богатырей»: «Молитесь Богу! От Него победа! Бог вас водит. Он ваш генерал!»²¹³.

3. СРАЖЕНИЯ В ЛИМАНЕ

Весть о сокрушительном поражении турецких войск под Кинбурном мгновенно долетела до Константинополя. Русский агент доносил из турецкой столицы, что на берегу канала «многие женщины воют и плачут кто о сыне, кто о муже, другая о брате своем, которые, как они говорят, с Бекир-пашинскою эскадрою все пропали»²¹⁴. Приехавший из Очакова купец донес Порте, что «в воскресенье (3 октября. – Авт.) турки возвратились в Очаков в самом малом числе, тотчас жители в той долине над морем с детьми и женами с великим плачем в крепость убежали»²¹⁵.

Озабоченный состоянием своего флота в Черном море верховный визирь каждый день ездил к устью канала. Он потребовал от французского посла обещанных 12 линейных кораблей и 12 фрегатов со всем вооружением, а также корабельных строителей, подобных Лероа. В то же время он отправил своего чиновника на Черное море за головой Бекир-паши.

Боясь очередного антивоенного бунта, Порта всячески старалась скрыть сведения о поражении своих войск и флота под Кинбурном. А для поднятия боевого духа распускались слухи, что якобы Кинбурн и Тамань уже взяты, а в Синопе потоплено четыре русских корабля.

Противник, особенно в Очакове, был потрясен своим поражением. Но, к удивлению А. В. Суворова, который справедливо считал, что настало время для разгрома и турецкого флота, командующий Лиманской эскадрой контр-адмирал Мордвинов действовал весьма нерешительно. Только под вечер 3 октября он вышел в море с линейным кораблем, четырьмя фрегатами, пятью галерами, двумя брандерами и двумя плавучими батареями и в шестом часу встал на якорь в расстоянии трех с половиной верст от Очакова.

Турецкий флот, состоявший из трех линейных кораблей, пяти фрегатов и 60 разного рода судов, стоял на якоре на западной стороне от города по линии ветра к юго-востоку. Мордвинов, оценив обстановку, решил, что если зажечь крайний корабль на южном крыле, то весь турецкий флот будет ветром воспламенен, как то уже было при Чесме. Для приведения в действие своего плана он выделил плавбатарею капитана 2 ранга А. Е. Веревкина, на которой «охотником» был и храбрый мичман Ломбард.

Под покровом темноты Веревкин в сопровождении двух галер направился в сторону неприятельского флота и, незаметно подойдя к нему, встал на якорь в твердой уверенности, что и галеры находятся за ним. Галеры же, сбившись с курса в тумане, ушли в сторону. На рассвете оказалось, что плавбатарея одна стояла на крыле всего турецкого флота, и в нее полетел град ядер с кораблей и береговых батарей. Веревкин срочно послал 10-весельную шлюпку к галерам, чтобы она с ним соединилась, но их командиры отказались подчиниться.

Русские моряки вступили в неравный бой и сумели повредить несколько турецких судов. Отчаянное сопротивление продолжалось до полудня. Видя невозможность

противостоять превосходящей силе, командир плавбатареи отрубил якоря и решил абординговать турецкий флагман. Однако течением и противным ветром его понесло в противоположную сторону.

В погоню за русской батареей отправились три шебеки, две галеры и кирлангич. Неравный бой, в течение которого на батарее погибло 40 человек, продолжился. Когда силы были уже на исходе, Ломбард предложил взорвать судно, но солдаты удержали его²¹⁶.

Отнесенная течением к Гаджибею, батарея села на мель и была окружена неприятельскими судами. Спасшиеся продолжали сражаться и на суше, однако капитан Веревкин, Ломбард и с ними 15 человек были взяты в плен и доставлены в константинопольскую тюрьму²¹⁷.

С потерей батареи Веревкина стрельба в Лимане не прекратилась. 5 октября контр-адмирал Мордвинов решил-таки атаковать турецкий флот под Очаковым силами оставшихся восьми судов. Перестрелка была произведена без потерь для обеих сторон, после этого турецкий флот снялся с якоря и ушел в сторону Варны, а Мордвинов на следующий день произвел бомбардировку Очакова.

Рассматривая Кинбурнское сражение, нельзя не заметить, что бездействие Лиманской эскадры значительно облегчило задачу турецкого флота. Неприятель смог сосредоточить все силы на крепости и беспрепятственно поражать русские войска продольным и перекрестным огнем с канонерских лодок и шебек. И лишь одна галера «Десна» сдерживала с моря натиск противника.

Однако и турецкий флот упустил возможность, когда Черноморский корабельный флот был разбит бурей, усилить свою эскадру и совершить нападение на крымские берега.

18 октября Бекир-паша с оставшимся флотом, который не досчитался шести судов, бесславно вошел в Буюк-Дере – местечко в устье Босфора. Проход эскадры по каналу сопровождался истошными криками и воплями женщин. Прибывшие суда были в удручающем состоянии и требовали срочного ремонта. На их борту было много раненых. После швартовки команды большей частью разбежались.

По своему обыкновению Порты не стала долго искать виноватых в неудаче и к вечеру следующего дня приказала капитан-бея «задавить», а Бекир-пашу отправить сераскиром в Варну²¹⁸.

Не сумев воспользоваться внезапностью нападения и численным превосходством своих морских сил, Турция, по существу, упустила инициативу в начале войны. В результате обострилась и внутривосточная ситуация в самой стране. «Тамошнее министерство разделилось на две партии, – сообщал некий Алексей Эконом, – одна желает продолжать

войну, а другая требует мира. Сказывают, что которые останутся последними, заплатят жизнью»²¹⁹.

Турки с нетерпением ожидали возвращения из египетского похода капудан-паши. Эски-Гассан был не просто адмиралом, прославившим свое имя мужеством. Среди правоверных он почитался наравне с визирем. А к его мнению порой прислушивались даже больше, чем к мнению визирей, которые, в отличие от многоопытного Гассана, приходили и уходили.

И вот, наконец, 26 октября 1787 года, оставив египетское правление своему калге и новым беям, в Константинополь прибыл капудан-паша. Он сразу же взялся за ремонт и вооружение флота, а также за постройку новых судов. Причем типы закладывавшихся кораблей однозначно указывали на его намерение к высадке десанта.

Призванный к нему французский корабельный мастер Лероа получил повеление изготовить несколько моделей плоскодонных канонерских судов (для удобства подхода к берегу) и бомбардирских шлюпок и отправить их в Архипелаг, чтобы там вскорости могли построить 100 подобных судов. На Константинопольской верфи было заложено 22 бомбардирских и 10 канонерских шлюпок и три плоскодонных судна длиной с 24-пушечный фрегат²²⁰.

С починкой и постройкой флота капудан-паша намеревался набрать 23 тысячи матросов и 60 тысяч морского войска и вместе с ними будущей весной отправиться в Черное море. При любом удобном случае он «выхвалял визирьский план о завоевании Крыма морскими силами», а муллы, со своей стороны, внушали народу, «что если турки не возьмут Крыма, то русские завладеют Константинополем и мусульманская вера истреблена ими будет»²²¹.

Порта отправила секретные фирманы ко всем имамам с повелением увещевать молодых людей от 16 лет и выше, чтобы они непременно шли в поход, объясняя им, что «сия война за их веру». Но ни призывы Гассан-паши, ни увещевания служителей Аллаха не прибавили желания мусульманам вступить под зеленое знамя Ислама. Войска, вернувшиеся после кинбурнского десанта, большей частью разбежались, оставшиеся ни под каким видом не соглашались идти на войну. Жители и матросы говорили, что «лучше отрубить им головы здесь, нежели принудить их на жертву в Черном море». Население, доведенное до крайности, не хотело продолжать войну и было готово на мир с любыми условиями.

Военные приготовления в Турции продолжали «чиниться с крайней поспешностью». Флот был разделен на две эскадры общей численностью в 112 судов: 23 линейных корабля, 18 фрегатов, четыре шебеки, четыре бомбарды, два пакетбота, пять кирлангичей, 50

канонерских шлюпок и шесть галер. Одна из эскадр под командованием патрон-бея (вице-адмирала) Челеби-капитана, в составе пяти фрегатов и 10 канонерских шлюпок, должна была отправиться на Белое (Мраморное) море, а остальные суда под командованием самого капудан-паши к концу апреля – началу мая должны были выйти в Черное море, чтобы на азиатском берегу взять до 50 тысяч десантного войска и следовать под Кинбурн, после взятия которого Гассан-паша должен был отправиться в Измаил главным сераскиром и действовать против российских войск. А верховный визирь из Софии будет противостоять австрийскому императору²²².

Предвидя решающий характер боев в Днепровском лимане, и убедившись в неспособности контр-адмирала Н. С. Мордвинова управлять флотилией в сложной боевой обстановке, главнокомандующий Черноморским флотом генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин хотел видеть там энергичного флагмана.

Своим ордером от 17 октября он приказал Мордвинову возвратиться в Херсон для исправления флота, одновременно предписав Войновичу командировать на Лиманскую эскадру бригадира П. Алексиано. Но ввиду болезни последнего, Войнович отправил туда Ушакова.

Федор Федорович прибыл на место в последних числах октября, когда боевые действия в Лимане практически прекратились. Главной его задачей стало обеспечение безопасной зимовки судов. После их разоружения у Ушакова особых дел не было, поэтому Мордвинов во второй половине января 1788 года отправил его обратно в Севастополь, где продолжался ремонт его корабля «Св. Павел». Потемкин, узнав об этом самоуправстве Мордвинова, разгневался, однако Ушакова обратно отзывать не стал.

Нехватка офицеров и особенно флагманов, имевших боевой опыт, заставила Потемкина искать их за границей. Через кабинет Екатерины II начались переговоры с контр-адмиралом Кинсбергенем, прославившимся в прежнюю русско-турецкую войну.

По высочайшему повелению в переписку с Кинсбергенем вступил российский полномочный министр в Мюнхене господин Петерсен. Первые его реляции внушали оптимизм на скорое возвращение известного моряка на русскую службу. Последний даже высказывал желание «посвятить себя службе всемилостивейшей государыне, представляющей ему столь лестный случай к усугублению славы, которую он приобрел уже в победоносных Ее войсках»²²³. Однако, не получив заверений о назначении его командующим эскадрой, которая, по указу императрицы от 14 марта 1788 года, должна была выйти в Средиземное море для отвлечения турецких морских сил из Черного моря, Кинсберген отказался, сославшись на семейные обстоятельства.

Для Черноморского флота все же были сысканы два флагмана: известный своими приключениями принц Карл Никола Оттон Нассау-Зиген и бывший предводитель флота Конгресса Соединенных Штатов Джон Поль-Джонс, зачисленные в русскую службу с чином контр-адмирала.

К этому времени война вступила в новую фазу. В феврале 1788 года Австрия, следуя союзническим обязательствам с Россией, не забывая и о своих собственных интересах, объявила войну Оттоманской Порте, следствием чего 16 февраля в Константинополе был опубликован соответствующий ответный манифест.

В свете изменившейся военно-политической обстановки 20 февраля у капудан-паши состоялся большой совет, на котором инкогнито присутствовал султан, верховный визирь и английский посол. В ходе совещания план морской операции изменился. Большой части флота, а именно двум эскадрам, определено было идти в Черное море: одной – к Очакову, другой – к Тамани. В Средиземное море направлялись три небольшие эскадры: одна – в Морею, другая – в Кандию, а третья – между Родосом и Египтом²²⁴.

Судя по тому, что на важных совещаниях присутствовал теперь английский посол, у Порты среди союзников первенствующее место стали занимать англичане. Одно за другим в Константинополь приходили английские суда с орудиями, лафетами, ракетами для зажжения корабельных снастей и прочими военными припасами. Порта закупила в Англии и несколько фрегатов.

15 марта первая эскадра под командованием Абдурахмана-аги получила повеление вступить под паруса и идти в Черное море, а 19 марта и вторая эскадра ушла в море. Она состояла из 12 линейных кораблей, 13 фрегатов, двух бомбард, двух галер, 10 бомбардирских и канонерских шлюпок и шести брандеров. Людей на эскадре набралось более 20 тысяч человек, из которых только треть составляли турки; в числе прочих были и четыре тысячи греков, набранных для управления парусами на флагманских кораблях. Канонирами капудан-паша взял с собой несколько английских матросов.

Капудан-паша, готовя основную часть флота к выходу в Черное море, планировал встретиться с российским флотом в решительном сражении и «идти на abordаж, подобно как ему случилось в Чесме: а в случае неудачи сжечь хотя свой, если не атакованный корабль, дабы чрез то сохранить славу храбрости своей». Он решил набрать на свой корабль лучших людей «посредственных лет, которые бы умели хорошо владеть мелким оружием».

– Я хочу иметь, – говорил он, – 700 человек из самых наилучших далкиличей, ибо я из дали из пушек палить и маневрировать никак не намерен, но вдруг, встретившись с неприятелем, атакую его по-мальтийски на abordаж!²²⁵

Для блокирования выхода российских кораблей из Херсона он намеревался затопить на фарватере между Кинбурном и Очаковом большой старый корабль.

Команды на кораблях «Капитания», «Патрона» и «Реала» (адмирала, вице-адмирала и контр-адмирала) состояли из 750 человек, не считая командирской свиты; на прочих линейных кораблях было по 650; на фрегатах – от 250 до 450 человек. Кроме того, капудан-паша взял с собой 500 палаток и 60 лошадей, разместив их на трех 10-пушечных кораблях, не учтенных в общем списке. А 350 лошадей он отправил сухим путем в Синоп, чтобы оттуда перевезти к месту высадки десанта.

Салютуя провожавшим, эскадра 25 марта потянулась к выходу из канала. При отходе присутствовал сам султан, который снабдил капудан-пашу словесными наставлениями, подарил ему шубу, а при поднятии турецкого флага на английском фрегате «Феникс» вручил ему осыпанный алмазами кинжал, но при этом потребовал от адмирала заплатить за фрегат из своих денег. Эски-Гассан, раскланявшись перед султаном, сказал, что не возвратится, ежели не возьмет Крым, или там умрет. Призвав к себе всех капитанов, адмирал пригрозил им, что «ежели которые из них не поступят храбро, он будет их казнить и вешать на мачтах»²²⁶.

Непогода и ветры задержали вторую эскадру в устье канала еще на месяц. На корабли с берега перекинулась чума, что грозило сорвать планы оттоманов. С каждого корабля в сутки снимали от двух до пяти умерших. 23 апреля эскадра вновь вышла в море. Но и в этот раз туркам не повезло. Отойдя от берега на 60 миль, флот попал в сильный шторм и «с великою потерей» возвратился в Буюк-Дере.

Русский агент доносил о состоянии турецкого флота: «Теперь во всем Черноморском флоте турки не имеют исправно вооруженных кораблей, кроме трех, то есть «Капитания», «Патрона» и «Реала»; прочие же все в худом состоянии. Когда при атаковании российская эскадра атакует единственно только сии три корабля и победит их, то остальной флот, наверно, сам собою должен сдаться; ибо они так худо вооружены, что ни один из них никак не в состоянии обороняться»²²⁷. Замечание было весьма важным, ибо в последствии оно станет «ключом» к победе над турецким флотом. Именно так будет действовать в сражениях с турками Ф. Ф. Ушаков.

Только в середине мая второй турецкой эскадре удалось выйти в Черное море. Перед выходом капудан-паша учредил боевой порядок: авангард, арьергард и кордебаталию. В авангарде главным был назначен большой корабль патрон-бея, несший зеленый флаг с изображением стрелы, в арьергарде – корабль «Госпожа» с изображением якоря на флаге. В кордебаталии капудан-пашинский корабль поднял зеленый флаг с изображением меча

Магомета. Впервые в истории турецкого флота были учреждены 260 различных сигналов, чтобы «разуметь повеления капудан-паши», который во время сражения должен будет «вступить на кирлангич» и осуществлять с него руководство²²⁸.

Планы турецкого флота сохранялись в глубокой тайне, а потому его передвижения по Черному морю не были известны. Иностранные министры говорили, что оттоманский флот собирается блокировать Севастополь и что в Синоп за войском уже отправилась первая эскадра, которая при блокаде российского флота высадит десант в Кафе. Хотя это были только предположения, однако не прислушаться к ним было нельзя.

На противоположной же стороне Черного моря давно поджидали Гассан-пашу, а потому в разные места были высланы дозорные суда. Особую заботу у русского командования вызывала охрана Днепровского лимана, Кинбурнской крепости и Крымского побережья.

Князь Потемкин двинул свою Екатеринославскую армию для блокирования Очакова, а перед Черноморским флотом поставил задачу не допустить турецкий флот к крепости. Но все-таки, воспользовавшись штормом и невозможностью Севастопольской эскадре выйти в море, капудан-паша к 20 мая привел свой флот к Очакову.

Заметив с Кинбурнской косы приход неприятельского флота, генерал-аншеф Суворов решил немедленно донести об этом в Херсон командующим гребной и парусной эскадр Нассау-Зигену и Поль-Джонсу. Он отправил дуббель-шлюпку № 2 под командованием капитана 2 ранга Р. Сакена (на русской службе он звался Христофором Ивановичем).

Отвалив от берега, дуббель-шлюпка максимально возможным для нее ходом направилась к Глубокой пристани. Прощаясь с командиром Козловского полка подполковником Ф. И. Марковым, Сакен сказал: «Мое положение опасно, но честь свою могу еще спасти. Когда турки атакуют меня двумя судами, я возьму их; с тремя буду сражаться; от четырех не побегу; но если нападут более, тогда прости, Федор Иванович, мы более не увидимся»²²⁹.

На входе в Днепровский лиман капитан Сакен был атакован не двумя и не тремя, а 30 неприятельскими судами! Положение оказалось безвыходное. Оставался лишь небольшой коридор, через который еще могла проскочить находившаяся на борту 8-весельная шлюпка. Сакен посадил в нее девять матросов, вручил им свой кормовой Андреевский флаг и приказал сообщить принцу Нассау о неприятельском флоте и о случившемся, сказав, что живым он не сдастся.

Храбрый офицер сдержал свое слово. Окруженный вражескими судами, он вошел в крайт-камеру и воспламенил боезапас, взорвав себя вместе с неприятелем!

Турецкий флот в Лимане находился в бездействии до 6 июня. Желая принудить его к бою, командующий российской гребной эскадры контр-адмирал принц Нассау-Зиген и командующий парусной эскадры контр-адмирал Джонс со всеми своими силами в 28 судов выдвинулись к неприятелю на расстояние пяти верст, расположившись в линию между северо-востоком и юго-западом, правым крылом касаясь турецкого берега.

В ночь на 7 июня российские адмиралы решили произвести изменение своих боевых порядков. Нассау-Зиген, выделив на правый фланг из своей эскадры резерв из четырех дуббель-шлюпок, двух галер и пяти баркасов под командованием капитана 2 ранга Винтера, а также четырех плавучих батарей и двух галер под командованием капитан-лейтенанта Ф. А. Ахматова, с остальной частью гребных судов расположился в линии перед эскадрой Джон Поль-Джонса.

В 4 часа утра с российской эскадры заметили движение в неприятельском флоте, которое приняли за подготовку к атаке. Последовал приказ: «Изготовиться к бою!» Неприятеля же намеревался лишь поближе подойти к Очакову.

Желая уточнить положение флота капудан-паши, Нассау-Зиген и Поль-Джонс в 7 часов отправились на лодке в сопровождении небольшого отряда гребных судов. Турки, подпустив их на расстояние двойного выстрела, двинули в атаку 36 галер, открыв при этом сильный огонь. Нассау-Зиген, понимая, что силы неравные, все же решил принять сражение. Одновременно он отправил Поль-Джонса за подкреплением.

Противник в полном боевом порядке пошел на правый фланг русских. Заметив это, Нассау-Зиген подвинул вперед левое крыло и дал сигнал атаковать неприятеля. Начался жаркий бой. Четыре российские галеры вырвались из линии и стремительно пошли вперед. Их опрометчивая поспешность заставила прекратить огонь двух плавучих батарей, оставшихся позади. Для удержания галер принц отправил бригадира Н. И. Корсакова, который восстановил порядок.

Усиливающийся огонь с русских судов ослабил напор неприятеля, однако прибытие самого капудан-паши с подкреплением ободрило турок. Бой стал еще жарче. Отважный Гассан смело разъезжал на кирлангиче среди разрывов ядер и отдавал нужные распоряжения, показывая подчиненным пример неустрашимости. У турок было уже 57 судов, которые начали теснить российские суда. Положение Нассау-Зигена становилось критическим. К счастью для него, в это время подоспело подкрепление.

Решив разорвать турецкую линию, Нассау направил подошедшие три дуббель-шлюпки, две бомбарды, плавбатарею и галеру на левое крыло. В это же время к нему присоединились контр-адмирал Джонс и капитан бригадирского ранга П. П. Алексиано.

Первый перешел к нему в лодку, а второй направился на правое крыло, чтобы отдавать команды всей русской линии на одновременное движение вперед.

Судьбу сражения решила искусная стрельба русских канониров. Их огнем были уничтожены два неприятельских судна и подожжено третье. Турецкие корабли пришли в замешательство и стали покидать поле боя. Бегство турок не остановил даже огонь, открытый по ним по команде капудан-паши. Российские эскадры пошли в преследование, но вскоре из-за неблагоприятного ветра были вынуждены прекратить погоню.

Проба сил на Черном море оказалась не в пользу турок. Капудан-паша потерял три судна, восемнадцать имели значительные повреждения. Погибло и немало турецких моряков, тогда как с русской стороны было убито всего четыре человека и ранено тринадцать. Гассан-паша готовился к отмщению.

16 июня в час пополудни капудан-паша отдал приказ сниматься с якоря и вступать под паруса. Движение неприятельского флота заставило россиян готовиться к бою. На 66-пушечном корабле «Св. Владимир» срочно был собран совет флагманов и капитанов, на котором решили с наступлением темноты атаковать противника. Этому способствовала паника в турецком флоте, случившаяся после посадки на мель корабля капудан-паши. Однако из-за усиливавшегося встречного ветра, который снял с мели турецкий флагман, атаку пришлось отложить.

В ночь на 17 июня ветер переменялся и стал способствовать атаке русских морских сил, значительно усиленных с приходом из Кременчуга 22 канонерских лодок. Теперь в эскадре россиян, помимо прибывших лодок, было два линейных корабля, четыре фрегата, семь галер, семь дуббель-шлюпок, семь бомбардирских судов, семь баркасов и шесть мелких судов. С турецкой стороны к бою были подготовлены 10 линейных кораблей, шесть фрегатов и 44 разного рода судов²³⁰.

В 4 часа утра российская эскадра снялась с якоря и пошла в атаку на неприятеля. Возглавив левый фланг, принц Нассау повел суда на главные силы противника, а правый фланг поручил контр-адмиралу П. П. Алексиано. Атака была столь стремительна, что при первых выстрелах с мелких судов русской эскадры турецкий флот стал поднимать паруса и отходить. 66-пушечный турецкий корабль сел на мель.

Нассау-Зиген выдвинул вперед две галеры, две дуббель-шлюпки, плавбатарю и 12 канонерских лодок, после чего огонь усилился с обеих сторон. Более часа турки выдерживали сокрушительные залпы русской артиллерии, проявляя при этом редкое упорство. Но, атакованная свежими силами из резерва, часть турецкого флота прекратила сопротивление и, оставив на мели один из своих кораблей, обратилась в бегство. Севший на

мель корабль был взят на abordаж русскими моряками. Преодолев сопротивление экипажа, корабль полностью очистили от неприятеля и взорвали.

Та же участь постигла и флагманский корабль капудан-паши, который, снова сев на мель во время отступления, был подожжен российскими судами. Ему на помощь поспешили корабли, стоявшие в линии под Очаковым. Но Нассау-Зиген заставил их отступить. И тогда турецкий флагман в отсутствие своего главнокомандующего, пересевшего на другое судно, спустил флаг. Объятый пламенем, он вскоре взлетел на воздух вместе с экипажем.

На правом фланге турки попытались зайти во фланг. Заметив это, П. П. Алексиано выдвинул вперед плавучую батарею, которая вместе с подошедшим от Нассау-Зигена подкреплением отразила натиск неприятеля.

К вечеру поражение турок стало окончательным. Неприятель под всеми парусами и веслами уходил под защиту очаковской батареи и мимо Кинбурнской косы в море. Русская же эскадра выстроилась в линию около Очакова.

За час до полуночи на российских судах слышали сильную канонаду. Это палили пушки Кинбурнской батареи Суворова. Увидев отступавшие турецкие корабли, Суворов приказал открыть по ним огонь, в результате чего несколько судов в замешательстве село на мель. Нассау-Зиген построил эскадру в две колонны и погнался вслед.

В полуночной темноте сражение разгорелось с новой силой. Нагнав неприятельские суда, севшие на мель, Нассау охватил их полумесяцем и подверг сильной канонаде. На помощь туркам пришли малые суда, стоявшие под стенами Очакова. Экипажи турецких кораблей, не желая сдаваться в плен, бросались в воду и погибали из-за сильного течения, не дававшего им возможности добраться до берега.

Пять часов продолжался этот бой, пока севшие на мель корабли не стали взрываться от многочисленных попаданий брандскугелей. Взметнувшиеся в ночное небо гигантские языки пламени представили очевидцам картину сокрушительного поражения турецкого флота, которого он не знал со времен Чесменского сражения.

Турки потеряли шесть кораблей, один из которых, 50-пушечного ранга, был взят в плен; два фрегата, две шебеки, бомбардирский корабль, галеру, транспортное судно. Потери в людях составили шесть тысяч человек, две тысячи из которых потонули, а 1 763 попали в плен. С российской же стороны погибли только два офицера, 10 рядовых и были ранены 11 офицеров и 57 нижних чинов²³¹.

Победа Лиманской эскадры в неравном сражении с турецким флотом подняла боевой дух русских моряков. В честь этого знаменательного события во всех церквах отслужили

праздничные молебны. Была выбита памятная медаль. А предводитель эскадры принц Нассау-Зиген стал вице-адмиралом и кавалером ордена Св. Георгия 2-го класса.

Планы капудан-паши с ходу уничтожить российский флот в Лимане потерпели неудачу. Однако, чтобы «не привести в полное уныние обитателей Очакова», он приказал поднять на одном из своих поврежденных судов российский флаг, будто бы то судно взято в бою, и целый час его показывал обывателям города. Затем повелел флаг спустить, а судно сжечь. В реляции же султану донес, что «разорил часть кинбурнской батареи и взял две российские канонерские шлюпки и что из своих потеряли три, кои, въезжая в Лиман, стали на мели, и потому сами их сожгли»²³².

Но, несмотря на все ухищрения турецкого адмирала, до Константинополя вскоре дошли слухи «о великой потере их флота и людей в Лимане и около Кинбурна». Это известие ввергло Порту и султана в состояние глубокой печали. Вся вина за поражение была возложена на капудан-пашу.

4. ФИДОНИСИ

Чтобы оправдать себя в глазах своего монарха и вернуть его доверие, капудан-паша срочно затребовал помощи, как в людях, так и в судах. При этом султан, не доверяя своим чиновникам, стал сам «езде действовать и поспешать морские отправления», упрекая терсана-эмини (начальник адмиралтейства) и кегаяси (глава администрации) за то, что они не могут собрать нужное число людей и кораблей. Народ же, узнав о новом наборе, стал разбегаться из городов. Тогда по улицам стали ловить лодочников, разносчиков и прочий праздно шатающийся люд.

Греческому и армянскому патриархам было дано указание набрать 1 000 человек. Не миновала сия участь и евреев, коим надлежало дать до 200 человек. Однако христианские священнослужители отказались поставлять людей, потому как и без их благословения повсюду хватали греков и армян, а евреи откупились. Собранных таким образом людей (всего лишь 500 человек) загнали в казармы и содержали под строгим караулом до того момента, пока не приготовили к отправке в Черное море 20 судов²³³.

Опасаясь очередного поражения и прихода к Босфору русского флота, султан дал повеление, чтобы во всех мечетях и синагогах каждый день проходили публичные молитвы о даровании победы и инкогнито ночью ездил к берегу Черного моря осматривать крепостные укрепления, приказывая Мустафе-паше «иметь наистрожайшее смотрение».

Продолжая оставаться под Очаковым, капудан-паша получил известие о выходе в море Севастопольского флота. К этому времени Гассан-паша получил подкрепление. Его флот состоял из 17 линейных кораблей, восьми фрегатов, трех бомбардирских кораблей и 21 шебеки. А Черноморский флот под командованием контр-адмирала М. И. Войновича, где командиром авангарда находился капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков, имел всего два 66-пушечных линейных корабля, 10 больших фрегатов, 18-пушечный фрегат и 23 мелких судна.

Выйдя 18 июня из Севастополя, российский флот из-за встречного ветра только 29 числа смог дойти до острова Гендра, где к вечеру и обнаружил флот противника, шедший попутным северным ветром. На рассвете следующего дня контр-адмирал Войнович пошел на неприятеля, но в 8 часов корабли были остановлены безветрием. Через два часа с юга подул сильный ветер с дождем, продолжавшимся до полудня. Капудан-паша, оставаясь на ветре, поменявшим южное направление на западное, начал спускаться к российскому флоту.

Контр-адмирал Войнович приготовился к встрече неприятеля, перестроив свои корабли в боевой порядок. Но к вечеру ветер вновь стих, и флоты провели ночь в непосредственной близости друг от друга, не вступая в сражение.

Безветрием началось и утро 1 июля. Флоты продолжали оставаться в боевом порядке, правда, изрядно расстроены вследствие сильного течения. В седьмом часу подул крепкий северный ветер, и граф Войнович поспешил привести в порядок свою линию, подготавливая ее к бою. К всеобщему удивлению, капудан-паша, не дожидаясь наступления русских кораблей, поднял якоря и повел свой флот к северо-западу. Войнович последовал за ним. Но тот, пользуясь преимуществом в скорости хода, сумел оторваться от преследования и к вечеру совсем скрылся из вида, оставляя ориентиром лишь верхушки своих мачт.

2 июля подул легкий северный ветер, по морю побежала зыбь. Турки продолжали держаться прежнего курса. Войнович, стараясь выиграть время, под всеми парусами шел на северо-запад к Румелийским берегам. Гассан-паша, всячески сохраняя свое преимущество, в пятом часу пополудни стал сближаться с российским флотом. Войнович убавил паруса, выстроил линию и ожидал начала сражения. Но турки начали отставать и наконец легли в дрейф. А Черноморский флот, не меняя своего положения, всю ночь продолжал ход.

На рассвете 3 июля оба флота подошли к устью Дуная и встали вблизи острова Фидониси. Ветер дул с севера. Неприятель находился на ветре. Бой стал неизбежным.

В 6 часов утра контр-адмирал Войнович построил свой флот левым галсом к неприятелю. Прошло еще 8 часов, пока Гассан-паша, выстроив свои корабли в две плотные колонны, начал сближаться с русским флотом. Затем, остановив весь строй, он обошел его и

дал капитанам устные указания, учредив арьергард из пяти кораблей во главе с реал-беем (контр-адмиралом), затем кордебаталию из шести кораблей под командой патрон-бея (вице-адмирала), и в авангарде также с шестью кораблями пошел сам. Фрегаты и шебеки разделились против линии и держались несколько выше на ветре.

Федору Ушакову не терпелось вступить в бой. По опыту сражений в Лимане он уже знал, на что способны турки, поэтому смело вел вперед свой «практикованный» авангард, чтобы «подрататься регулярным образом против неискusstва». В начале движения Ф. Ф. Ушаков решил растянуть строй турецких кораблей, чтобы большая часть русского флота не оставалась в бездействии. По его команде передовые фрегаты пошли круче к ветру, чтобы выиграть его и бить неприятеля уже с ветра, взяв его, таким образом, в два огня.

Капудан-паша разгадал намерения командира русского авангарда и также начал приводить свой строй выше к ветру, при этом весь турецкий флот стал вытягиваться в линию параллельно русскому флоту. В результате произведенного маневра в русской линии образовался «погиб» и авангард Ушакова оказался ближе всех к неприятелю. Все шло так, как задумывал Ушаков. Начался бой.

Первыми открыли огонь турки. Капудан-паша, зайдя немного вперед «Св. Павла», поставил против него самый большой 80-пушечный корабль и два 60-пушечных, а сам с двумя передовыми кораблями, прибавив парусов, бросился на идущие впереди русские фрегаты «Берислав» и «Стрела».

Ушаков также увеличил ход и, «употребив старание и искусство», отрезал от капудан-паши два передовых турецких корабля. Этим маневром он лишил возможности «крокодила морских сражений» Гассана охватить русские фрегаты или взять их на абордаж.

Оказавшись отрезанными от основных сил своего флота, головной турецкий корабль, «не дожидаясь никакого сигнала, с великой торопливостью без бою поворотил оверштаг» и ушел на ветер». С «Берислава» и «Стрелы» на следующий за ним неприятельский корабль было удачно брошено несколько брандскугелей (зажигательных бомб) и ядер, в результате чего и он повернул на ветер. Таким образом, оба передовых турецких корабля стали спешно покидать поле боя. Не остановили их и ядра, пушенные по ним с капудан-пашинского корабля, который, в свою очередь, был вытеснен «Св. Павлом» из своего боевого порядка и в пылу сражения оказался борт в борт с русскими фрегатами.

«Дрался он с чрезвычайным жаром, – писал позднее Ушаков, – но Всевышний нам сим положением и победою вспомоществовал, и, уповаю, в корабле его, по видимости, должно быть столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя». Не выдержав атаки, капудан-паша был вынужден оставить поле боя. Примеру флагмана последовали и

остальные турецкие корабли. Турецкий флот, получив большие повреждения, стал спасаться бегством. Первая «генеральная баталия нашего флота» на Черном море завершилась победой.

В отличие от побед Лиманской эскадры, сражение при Фидониси не имело существенного влияния на дела всей кампании, но оно было примечательно в другом. Впервые в открытом морском сражении малочисленный русский флот одержал победу над значительно превосходившими силами противника. Это сражение явилось началом конца турецкого владычества на Черном море и, вместе с тем, началом расцвета российского военно-морского искусства.

Еще перед началом сражения Ушаков верно заметил, что «капудан-паша к бою учреждает флот свой словесными наставлениями», из чего следовало, что турецкий адмирал на сигналы и своих капитанов не надеется. Значит, анализировал Ушаков, стойкость турецкого флота в бою, определяет поведение флагмана. Из этого следовало, что главный удар необходимо наносить по флагманскому кораблю противника, в результате чего будет нарушена вся его система управления, а экипажи кораблей деморализованы. Но для решения этой задачи классическое линейное построение не совсем подходило. Необходимы были нестандартные решения. И Федор Федорович их нашел. Именно после Фидониси он писал: «В рассуждении нерегулярного неприятеля нельзя соблюсти всех правил эволюции: иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, главных правил, если возможно»²³⁴.

Начальствуя только авангардом, Федор Ушаков в действительности руководил боем всего флота, и его личная храбрость, выдающиеся качества командира привели Черноморский флот к очень важной первой победе. При отсутствии потерь с обеих сторон успех Ушакова в этом сражении следует считать победой духовной, в которой христианское самоотвержение исполнило силой воинское искусство. Вера в жизнь вечную, несомненное упование на помощь Божию – вот что было решающим в действиях Ф. Ф. Ушакова в этом бою.

И, конечно же, люди – русские моряки, бесконечно преданные своему командиру. Воздавая должное их мужеству, в донесении к М. В. Войновичу Ушаков писал: «...все находящиеся в команде вверенного мне корабля «Св. Павла» господа обер-офицеры и нижних чинов служители, каждый по своему званию, определенные от меня им должности, исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнесть им всякую за то достойную похвалу...»²³⁵.

Позднее, обращаясь уже к самому Г. А. Потемкину, говоря ему об истоках победы в сражении, Ушаков отмечал: «...желая и имея верную надежду на Бога, с помощью Его

оную выиграть, я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою казалось, что каждый учится стрелять по цели, снаравливая, чтоб не потерять свой выстрел... Наипокорнейше прошу Вашу Светлость удостоить команды моей служителей, наградить каким-либо малейшим знаком милости, они во всем словам моим бессомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи»²³⁶.

В полной противоположности Ушакову вел себя во время сражения командующий флотом контр-адмирал М. И. Войнович. Вместо содействия своему авангарду он занял позицию стороннего наблюдателя, однако, в донесении князю Потемкину затемнил подлинную картину событий, приуменьшив заслуги своего младшего флагмана и возвеличив свои.

Будучи человеком чести и поборником справедливости, Ушаков опротестовал это донесение, обратившись прямо к Потемкину. Говоря о своей всегдашней учтивости к начальству и честном исполнении своего долга, Федор Федорович писал: «Чрез сии верные мои заслуги, равно и всегдашнюю добропорядочную службу надеялся я заслужить, к сведению Вашей Светлости, подтверждение доброго о себе мнения; его одного только усердно ищю и желаю; но, милостивейший государь, гонимое меня здесь чрез Его Превосходительство Марка Ивановича несчастье никогда не оставляет, и ни чрез какие всевозможные отменные мои старания милости и справедливого по заслуге моей его к себе расположения изыскать не могу; о поведении же моем, о обращениях, о содержании подкомандующих и о всех исполнениях долга службы, о оказуемой всегдашней ко всем учтивости, беспрерывном к начальству отменном моем почтении шлюсь вообще на всех, кто только меня знают, ибо с самого моего малолетства привык к почитанию и уважению командующих; все начальствующие во флоте, с кем я служил, и по них прочие обстоятельно знают меня с хорошей стороны, и ото всех по заслуге моей был счастлив и имею хорошие аттестаты»²³⁷. В этой связи он высказал свое недоумение по поводу наветов Войновича, оскорбляющих его честь и достоинство, и, ссылаясь на «всегдашние болезни», подал прошение об отставке.

Главкомандующий разобрался в обстоятельствах дела и тактично принял сторону Ушакова. За победу над турецким флотом у острова Фидониси Ф. Ф. Ушаков был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. А за проявленную при этом храбрость – орденом Св. Георгия 4-го класса (однако в списках кавалеров ордена Св. Георгия 4-го класса Ф. Ф. Ушаков не числится).

Турки также поспешили рапортовать о своей победе. По Константинополю был распушен слух, будто русские корабли ушли от них и что один российский корабль поврежден и вытянут на берег для починки.

Однако конфиденциально капудан-пашинский маджунжи (посланник) сообщил султану, «что их морская сила теперь не в состоянии действовать против Российского флота и его огня: сего ради капудан-паша отступил от Очакова к Румелийским берегам, а сюда не возвратился для того, дабы Российский флот не завладел всем морем»²³⁸.

Невеселые вести приносили в Константинополь и приезжавшие с Черного моря корабельщики, которым вскоре дано было повеление: ни о чем касательно потерь турецкого флота не говорить. А прибывшую 22 июля сильно поврежденную бомбардирскую шлюпку тихонько ночью оттащили в Терсану (в адмиралтейство).

Действия российского флота и слухи о потерях турок на Черном море привели в трепет все Анатолийское и Румелийское побережье Турции. Синопские жители меж собой даже говорили о том, что если «россияне будут к ним, то они не намерены обороняться».

В страхе пребывал и сам султан вместе со своим министерством, «опасаясь черноморских следствий». На основании этого русский осведомитель в Константинополе предположил, «что если бы на сей случай несколько кораблей только показались у устья, то непременно турки на все согласились»²³⁹.

4. ОЧАКОВ

После сражения у Фидониси турецкий флот «в весьма худом состоянии» пришел в Варну и Каварну, однако без своего предводителя, местонахождение которого никто не знал. Капитаны кораблей подписали прошение к султану о позволении вернуться им в Константинополь по причине невозможности зимовки в черноморских гаванях. При этом они «жаловались на тиранский поступок капудан-паши, который после случившегося им несчастья в Кинбурнском лимане многих невинно смертью казнил»²⁴⁰.

Ходатайство турецких капитанов поддержали и женщины в Константинополе. Они подали султану свое прошение, жалуясь на капудан-пашу за гибель своих мужей. Султан, сокрушаясь о поражениях своего флота, принял поистине соломоново решение: женщинам во время его выезда на улицах не находиться, а капудан-паше зимовать в черноморских портах. К нему было послано несколько чиновников с запечатанным фирманом, что дало основание предположить, о намереньях Порты лишить его головы. Но и на этот раз Гассан-паша остался цел, хотя всем уже стало ясно, что его флотская карьера подходит к закату.

Сознавая это, и более опасаясь за посрамление своего имени, нежели смерти, Гассан-паша намеревался разблокировать Очаков, осажденный русскими войсками 28 июня. Ровно через месяц со всем своим флотом, состоящим из 15 линейных кораблей, 10 фрегатов, 10 шебек, 12 кирлангичей и 22 других более мелких судов, он подошел к острову Березань, высадив на берег 400 человек для защиты крепости.

Потемкин, опасаясь покушений капудан-паши, вывел всю гребную флотилию в пролив за Очаков, чтобы сдержать турок в случае их нападения. Черноморский же флот, шедший к Очакову, был задержан встречными ветрами и был вынужден вернуться в Севастополь. Капудан-паша в это время, растянув свой флот от острова до берега, не доходя до него 12 миль, остался в таком положении, разослав в море часть своих судов для ведения разведки.

Тем временем осадные работы вокруг Очакова продолжались. Екатеринославская армия, расположившись в трех с половиной верстах от крепости, охватила ее кольцом от западной до восточной стороны. Главная квартира находилась на правом крыле. Для противодействия вылазкам турок из крепости 18 августа, под прикрытием двух егерских батальонов, по всей линии расположения пяти их редутов открылись осадные работы. По завершении сооружения двух батарей на правом крыле была заложена еще одна на левом.

Это не смутило осажденных. 27 августа турки произвели вылазку на батарею левого крыла. Неприятельская пехота бесстрашно бросилась на батарею, завязав жаркий бой с егерями, который с великим упорством продолжался более четырех часов. Турки дрались отчаянно, но, потеряв много людей, принуждены были укрыться в крепости, оставив за крепостными стенами 500 человек убитыми. Россияне потеряли убитыми и ранеными 152 человека. В числе последних находился и генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов.

После происшедшего турки не показывались в поле до 6 сентября. За это время на правом крыле была заложена новая параллель, а к 1 сентября окончено сооружение шести новых батарей, что вынудило турок пойти на очередную вылазку. Нападение было отбито без особого урона для русских войск, не считая того, что бомбой разорвало несколько зарядных ящиков и ранило 26 человек. В ответ 7 сентября со всех российских батарей был открыт огонь по крепости для того, чтобы воспрепятствовать осажденным восстановить укрепления.

В это время неприятельские канонерские лодки и бомбарды, стоявшие в Березани, снялись с якоря и с пальбою пошли к берегу. Навстречу им двинулась русская гребная флотилия, которая во взаимодействии с береговыми батареями заставила турок вернуться обратно.

Таким образом, осажденные были лишены поддержки с моря. 11 сентября россияне заложили еще две батареи на левом крыле. Но осада велась вяло. Крупные силы русских войск находилась в бездействии. А Очаков оставался в неприятельских руках, что подавало надежду осажденным на скорое избавление.

Намерение турок деблокировать Очаков подтвердилось и донесениями из Константинополя. Князь Потемкин, ознакомившись с ними, приказал отделить от Черноморского корабельного флота небольшую эскадру и направить ее к берегам Анатолии, где снаряжались суда, предназначенные для перевозки войск к Очакову. Выбор пал на капитан-лейтенанта Д. Н. Сенявина, который 16 сентября с пятью крейсерскими судами вышел из Севастопольской бухты и 19 сентября подошел к Синопу. Его отряд захватил одно судно, нагруженное припасами, а другое после упорного сопротивления разбилось о подводный камень и затонуло вместе с командой.

Ободренный успехом, Сенявин продолжил свое плавание вдоль Анатолийского берега и на рассвете 22 сентября подошел к главной цели своего похода – городу Вонне, где, по предположениям, и должна была снаряжаться экспедиция в Очаков. Сбив пушку, с мыса открывшую огонь по русским судам, Сенявин сжег встретившееся ему судно с пенькой и лесом. К вечеру на берегу сжег магазин (склад), уничтожив множество турок, защищавших его.

Не найдя при Вонне ожидаемого каравана, Сенявин продолжил поиски вдоль побережья. На рассвете 25 сентября, встав на шпринг, он атаковал четыре неприятельских судна, стоящих под берегом возле города Керасунды, одно из которых было уничтожено, а остальные взяты в плен.

Позднее из Турции пришло донесение, касаемое похода Сенявина. В нем сообщалось: «На азиатском берегу повсюду почти все суда сожжены россиянами и сколь скоро появятся они... жители высылают им провизии и проч., и проч., только чтоб по городу не стреляли»²⁴¹.

6 октября капитан-лейтенант Сенявин вернулся в Севастополь и был удостоен благодарности князя Потемкина. Последний в своем донесении на высочайшее имя писал о Сенявине: «Исполнив с успехом возложенное на него дело, разнесши страх по берегам Анатолийским, сделав довольные поражения неприятелю, истребив многие суда его, положив ему препону в перевозе войск и возвратясь с пленными и знатною добычею»²⁴². Орден Св. Георгия 4-го класса был наградой Дмитрию Николаевичу.

А меж тем осада Очакова продолжалась. 10 октября с батареей и гребной флотилией по крепости был открыт сильный огонь, чтобы сделать пролом в стене, выходящей к берегу. Но внезапная буря, разметав суда, сорвала замысел главнокомандующего.

Турки, пользуясь беспорядком во флотилии, произвели по ней сильный обстрел. Галера № 6 была пробита бомбой и взорвана. Погибли ее командир и двадцать один человек нижних чинов, ранено двенадцать. На прочих судах убиты капитан 2 ранга Н. И. Киленин и девять матросов, ранено двадцать три человека. Тем не менее, все неприятельские батареи в крепостном окопе были сбиты. Пожар, случившийся в городе, уничтожил огромный магазин с продовольствием и ряд строений.

21 октября капудан-паша, пользуясь попутным ветром, который, с другой стороны, удерживал российскую гребную флотилию от противодействия, успел отправить от Березани несколько судов к очаковской крепости, доставивших туда 1 500 человек подкрепления. Случившееся на следующий день безветрие не позволило прорвавшимся турецким судам выйти в обратный путь. Все они были уничтожены гребной флотилией. Одновременно открыли огонь и осадные орудия, что привело к разрушениям и пожарам в крепости.

Несмотря на стесненное положение, осажденных все же ободряло близкое присутствие капудан-паши и побуждало их к отчаянной обороне. Желая выбить турецкий флот из Березани, Г. А. Потемкин послал предписание Черноморскому флоту выступить из Севастополя и идти к Очакову. Из-за противных ветров российский флот только к 9 ноября смог подойти к крепости, но, к сожалению, уже не застал на месте неприятельского флота. Суровость наступающей зимы заставили капудан-пашу 4 ноября по повелению султана отплыть в Константинополь.

Отбытие турецкого флота лишило Березань его главной защиты, в связи с чем главнокомандующий русской армией 7 ноября отрядил для захвата березанской крепости отряд казаков полковника А. А. Головатого. Запорожцы своим мужеством оправдали доверие князя Потемкина. Дружно устремившись к острову на своих «дубах» (казацких лодках), они выдержали огонь батарей и, бросившись в воду, стремительным ударом опрокинули неприятеля. Захватив береговую батарею, казаки развернули ее орудия на крепость, с которой турки не переставали стрелять картечью.

После первых успехов запорожцев Потемкин дал повеление нескольким фрегатам идти к острову. Следом отправились канонерские лодки во главе с бригадиром И. М. де Рибасом. Осажденные, ужаснувшись грозного вида наступающих судов, прекратили огонь своих батарей и сдались на милость победителя.

А в Константинополе продолжали рассуждать о перспективах войны. Султан, призвав к себе муфтия, решил ему высказать все, что наболело в душе. Он долго сокрушался по поводу неудачной кампании, считая ее проигранной, с иронией отзывался о присвоенном ему титуле «победоносного». Муфтий, решив успокоить своего повелителя, говорил о том,

что и той славы предостаточно, что ничего не потеряно и что если Аллаху угодно, то будущая кампания будет удачнее.

Вскоре прибыл в Константинополь Гассан-паша. Вся его эскадра, состоящая из 27 судов разной величины, была «в таком худом состоянии, что три военных корабля потонули при самом входе в канал, а остальные крайне повреждены и расстреляны». По собственному признанию, капудан-паша потерял 54 судна, а остальные оставил в Черном море. Но, как с иронией говорили в Диване, «он не уточнил под водой или в портах...». Потеря в людях составила 29 тысяч человек²⁴³.

К удивлению многих, султан принял его достаточно дружелюбно. В беседе с Абдул-Гамидом Гассан-паша всю вину за неудачную кампанию свалил на верховного визиря, что дало повод всем говорить о том, что последний может лишиться головы. Капудан-паша же был во всем оправдан. При Порте на него была надета шуба, а он, со своей стороны, пообещал, что на собственные деньги восстановит весь флот.

Вопреки ожиданиям Гассан-паши, как только корабли вошли в адмиралтейство, экипажи разбежались, поклялись, что никакая сила уже не заставит их пойти на службу. Претерпевшие множество бед матросы разнесли повсюду о том известия, и теперь стало практически невозможно набрать новых людей для предстоящей кампании.

Для успокоения народа в Константинополе был распушен слух, будто бы российская армия сняла блокаду Очакова и отошла в Херсон и Елисаветград, где князь Потемкин основал свой лагерь. О том же возвещали и муллы в мечетях. Но никто в городе этому не верил, зная, что все делается только для того, чтобы убедить народ идти на войну. В самой же Порте со страхом ожидали известий о взятии Очакова.

Приступ крепости откладывался из-за сильных бурь, в результате которых было прервано сообщение флота с берегом. Наступившие холода замедлили осадные работы. Этим воспользовались осажденные в Очакове турки, которые, потеряв с уходом капудан-паши последнюю надежду на их вызволение, решили прорываться сами, совершив 11 ноября внезапную вылазку на устроенную на левом крыле брешь-батарею.

В эту ночь генерал-майор С. П. Максимович по собственной непредусмотрительности не выставил пикеты и стал первой жертвой разъяренных турок. Раненный пулей, он был изрублен ятаганами. При нем же погибли ужасной смертью еще три штаб- и обер-офицера и 15 человек нижних чинов. Подоспевший резерв выдержал натиск неприятеля, и, перейдя в штыки, вытеснил турок с батареи, загнав их снова в крепость. На поле боя осталось лежать 70 оттоманов, среди которых были и два аги (почетный османский титул предводителя войск).

После отчаянной вылазки двухтысячного отряда турок стало ясно, что они будут драться до последнего. Поэтому Потемкин решил готовиться к штурму крепости. 1 декабря был, наконец, составлен план приступа. Суть плана состояла в одновременном штурме шестью колоннами Гассан-пашинского замка, нагорного окопа и крепости. Штурм должен был сопровождаться артиллерийской поддержкой с устроенных осадных батарей. При захвате орудий на турецких укреплениях надлежало разворачивать их в сторону противника. При занятии города предписано было щадить женщин и детей.

Приготовления были окончены в ночь на 6 декабря. И вот в 7 часов утра при 23-градусном морозе полки пошли на штурм. «Окруженные отовсюду смертью турки дрались как львы», – писал очевидец. Через шесть часов ожесточеннейшего сражения «все покорилось русскому мечу». Очаков пал.

В результате штурма была уничтожена значительная часть гарнизона, достигающего вместе с жителями города 25 тысяч человек. Первые сутки от мертвых тел войскам не было прохода. И город казался жилищем мертвецов. До 10 тысяч трупов было предано земле. В плен взято более четырех тысяч, включая 283 чиновника, среди которых находился трехбунчужный Гуссейн-паша и Тефтердар Ибрагим-эфенди. Среди убитых были найдены янычар-ага Осман и двухбунчужный Селим-паша. Урон победителей не был столь велик. Но ощутима была потеря офицеров, которые подавали пример храбрости нижним чинам. Общие потери русских войск убитыми и ранеными составили 147 офицеров и 2 720 нижних чинов²⁴⁴.

Взятия очаковской крепости все ожидали с большим нетерпением. Медлительность приписывали неумению Потемкина взяться за дело. Тогда как Румянцев поражал турок за Прутом, армия Потемкина вяло передвигалась в направлении Очакова. Бездействие русских войск из-за опасения главнокомандующего потерять людей при штурме дало возможность туркам под руководством опытного французского инженера де Лафита Клавье (который в 1784 году передал русским агентам план черноморских укреплений) значительно возвысить и укрепить очаковские бастионы, а также подкрепить гарнизон свежими силами.

А. В. Суворов еще весной предлагал Потемкину штурмовать Очаков, и сам брался за исполнение этого плана, но главнокомандующий ему воспретил, что впоследствии привело к неудачному штурму 27 июля, произведенному Суворовым с большими потерями. Но все случилось так, как оно случилось. Потемкин был победителем.

До Константинополя весть о потере Очакова дошла 10 декабря через курьера, посланного от измаильского пашы. Известие привело Порту в крайнее уныние. Никто не хотел верить происшедшему. Для выяснения ситуации тайно от народа к Очакову был

послан кирлангич. Случившийся в ту же ночь сильный пожар, охвативший здания Порты, канцелярию, архивы и визирьские покои, откуда находившийся там капудан-паша смог выбраться только через окно, был принят всеми как «несчастливое предзнаменование».

22 декабря в Босфор вернулся посланный к Очакову кирлангич, капитан которого объявил, что увидев над крепостью российский флаг, далее идти не посмел. Капудан-паша, внимательно выслушав донесение, грозно сказал, что тому, очевидно, почудилось, и велел осудить его на каторгу, перед чем подвергнув бедолагу истязаниям: пятьюстами ударами палок по пяткам. Лишь в конце зимы правоверные узнали о потере Очакова.

Меж тем весть о победе русских войск давно гремела по всей России!

«Герои русские, примите песнь мою:

Я ваши подвиги геройские пою.

Я буду почитать вовек ваш прах священный,

Монархине, сынам Отечества любезный,

Она с героями сплетает вам венец

За то, что храбры вы, что славен ваш конец»²⁴⁵.

5. КАМПАНИЯ 1789 ГОДА

Победы Черноморского флота в первый год войны и взятие Очакова положили начало победоносному шествию русских войск вглубь оттоманских владений и значительно подорвали решимость турецких правителей продолжать войну. Реиз-эфенди по этому поводу с отчаянием говорил: «Все идет худо. Уверяют нас, что у немцов (австрийцев. – Авт.) и у русских нелутче, но что мы тем выиграем? У нас нет денег, войск мы не можем набрать столько, как в прошлую кампанию. Хотя б Швеция продолжила войну с Россией, нам из того не может быть иной прибыли как только, что Русский флот не пройдет в Архипелаг. Ежели Пруссия и Англия за нас вступятся. Что из того прибыли, хотя бы они и войну объявили; все сие для их выигрыша, а не для нашего: нам из того никакого добра не воспоследует. Они могут разорить друг друга, но мы между тем погибаем»²⁴⁶. И то была чистая правда.

Порта не знала, чем и как продолжить предстоящую кампанию. Несмотря на строгие повеления, посланные в Архипелаг, и проклятия греческого патриарха, никто не хотел идти во флот. Работы по восстановлению флота, которые капудан-паша начал на свои деньги, шли из рук вон плохо. В войсках началось дезертирство. А в первый день нового 1789 года в Константинополе начался бунт янычар, десять месяцев не получавших жалованья. Тем не менее, прусский и английский послы уверяли Порту в необходимости продолжения войны.

Они предлагали решить ее участь несколькими ударами и на блистательных победах заключить выгодный мир.

В этой обстановке 7 апреля 1789 года скончался 27-й султан Османской империи Абдул-Гамид I. На престол взошел его 28-летний племянник Селим III. Известный русский дипломат князь Виктор Павлович Кочубей в своем исследовании о состоянии Османской империи писал о нем: «Принц сей преисполнен многих качеств, редких в оттоманском монархе. Он честолюбив... хотя скуп и корыстолюбив, как все турки, но не имеет жадности предшественников своих... Ревность его к благу империи есть также для земли сея необыкновенная... Но все хорошие расположения и свойства сии весьма теряют своего весу, когда помыслить о невежестве его, о непостоянстве и слабости нрава, кои непрерывно мысли его переменяют»²⁴⁷.

Его восшествие на престол состоялось 13 апреля. Оно происходило в великой Гидинской мечети с подобающей восточной пышностью. Очевидец событий писал: «При входе султана в храм ревностные молитвенники кричали свои восклицания к великому пророку, прося от него долгожительной жизни новому их самодержцу и щастливого успеха во всех его предприятиях»²⁴⁸.

Уже 16 апреля султан имел в Диване большой совет, на котором решено было «продолжать войну с величайшей живостью». Следующим его шагом стало снятие грозного Гассана с должности капудан-паши и назначение его очаковским сераскиром с повелением во что бы то ни стало вернуть Очаков. Гассан-паша пообещал исполнить данное повеление и за свой счет собрать дополнительно к приданному ему корпусу еще семь тысяч человек, чем приобрел милость нового государя. Одновременно и верховный визирь должен был начать военные действия на Дунае.

На Черное и Белое (Мраморное) море снаряжались две эскадры. Беломорской эскадре была поставлена задача уничтожить отряд российских арматоров в Архипелаге. Капудан-пашою же был назначен юный Гуссейн, с которым султан еще совсем недавно вместе воспитывался в серале. О нем говорили, что «он столь же знающ и опытен в мореплавании, как и в военной науке, и о выходе великого флота неусыпно старается». Более объективно оценил Гуссейна В. П. Кочубей: «Едва зная читать и писать, как и все серальские чиновники, он горд столько же, сколько и они, но с весьма легкими понятиями и большою деятельностью. Он вздумал скоро о себе, что нет искуснее его адмирала, так как и то, что флот турецкий согласно с мыслями сераля не имеет себе подобного... Он считал, что еще более прославиться может, померяясь с державою, коей успехи столь туркам тяжелы»²⁴⁹.

5 мая на большом совете султан «с великим красноречием» говорил об ошибках прошедшего правления, обещая своим старанием их поправить. Он также выразил намерение выехать в Адрианополь, дабы его повеления к армиям скорее доходить могли, что было принято с большим воодушевлением. Однако мать султана Валиде, любя сына, опасалась, «чтоб он не потерял свой жизни, зная его неустрашимость и малое понятие о войне»²⁵⁰.

Селим III в ободрение своих подданных обнародовал фирман, в котором пообещал, что «он или лишится своего трона, или отомстит России за Очаков»²⁵¹. Однако с деморализованным войском и гарнизонами было трудно переломить ход событий. При полном запустении государственных и хозяйственных дел поднять боевой дух войск было практически невозможно.

В то же время на северной стороне Черного моря, преодолевая неменьшие трудности, готовился к новой кампании российский Черноморский флот. Перед ее открытием князь Потемкин-Таврический решил произвести перестановку в командном составе флота и поручить главную его силу Ф. Ф. Ушакову, человеку, по мнению главнокомандующего, куда более достойному и знающему, нежели граф Войнович. В письме Екатерине II он писал: «Долг справедливости требует всеподданнейшего засвидетельствования пред Вашим Императорским Величеством о ревностной и отличной службе состоящих во флоте Черноморском: бригадира флота капитана Ушакова, офицера весьма искусного и храброго, которого и приемлю удостоить в контр-адмиралы»²⁵².

Производство в чин состоялось 14 апреля, и в тот же день Федор Федорович получил под свое начальство корабельный флот, базирующегося в Севастополе. А контр-адмирал М. И. Войнович был переведен Потемкиным на береговую должность – старшим членом Черноморского адмиралтейского правления и командующим всеми морскими силами Черного моря вместо отправленного в отставку Н. С. Мордвинова.

Не простым оказался этот год для Ф. Ф. Ушакова. Оставаясь под непосредственным командованием со стороны своего недоброжелателя графа Войновича, он постоянно испытывал притеснения со стороны последнего.

Неприятные отношения между адмиралами начались практически сразу же после их знакомства в Херсоне, когда оба они были командирами строящихся кораблей. По непонятным для Ушакова причинам, уже тогда тот его невлюбил. Когда Ушакова хвалили за отличия в службе, Войнович, не скрывая, возмущался этому. На все попытки первого наладить деловой контакт и дружеские отношения, второй, при внешней приязненности, пытался, при любом удобном случае, всячески опорочить его.

Инцидент после сражения при Фидониси окончательно расстроил их отношения. Отбыв в Херсон, для исправления своей новой должности, Войнович попытался приставить к Ушакову своего человека и определил к нему флаг-капитаном капитана 1 ранга И. Т. Овцина. Понимая, что военная обстановка требует дружных и согласованных действий командования, а также строгой субординации, Ушаков, смиренно перенося все притеснения, тем не менее, опротестовал это назначение, обратившись 12 июля к Потемкину.

В донесении Федор Федорович писал: «Таковые оскорбительные чувства лишают последнего здоровья и отнимают ту способность, которую надеялся бы я при ободренном духе при нынешних военных обстоятельствах употребить с пользою против неприятеля». Прося далее Потемкина принять его в свое покровительство, Ушаков сообщал: «Милостивейший государь, я не имею никакого себе покровительства, кроме надежды на Бога, собственной моей заслуги и милостей ко мне, оказанных Вашей Светлостью, чрез которые угодно было осчастливить и довести меня до такой высокой степени, на которой ныне нахожусь, и с наиглубочайшим моим почтением всепокорнейше прошу в таковых обстоятельствах не оставить милосию и покровительством Вашей Светлости»²⁵³.

Заканчивая свое послание, контр-адмирал выразил свое желание лично выбрать себе флаг-капитан, а также встретиться со светлейшим и обстоятельно доложить ему как обстановку на флоте, так и свое видение решения стоящих перед ним задач. И такой случай в начале следующей кампании ему представится.

В этом же году Черноморскому флоту не пришлось сразиться с неприятелем, который уклонялся от открытых столкновений. Сказалась и не решительность, вновь проявленная Войновичем. Действия черноморцев, таким образом, ограничивались курсированием у крымских берегов и северо-восточной части моря для предотвращения высадки десантов в Крыму и Очакове.

Основные события кампании этого года разворачивались на суше. Еще 24 апреля Екатерина II в своем рескрипте на имя Потемкина указывала: «Действия наши должны быть главнейшие в Бесарабии, произведя оные, колико возможно, всеми силами»²⁵⁴. Армия генерал-фельдмаршала Румянцева в это же время должна была действовать совместно с австрийцами на Дунайском направлении, в низовьях которого у Измаила верховный визирь сосредоточивал главные турецкие силы для ведения наступательных действий в Бесарабии. Таврический корпус генерал-аншефа Каховского получил задачу оборонять Крым. Кубанская армия генерал-аншефа Салтыкова должна была наступать в сторону Анапы.

Намеченный план кампании был с блеском выполнен. Турецкие войска потерпели ряд серьезных поражений: 21 июля А. В. Суворов с австрийскими войсками разбил 30-тысячную

турецкую армию при Фокшанах; того же числа Н. В. Репнин разбил турок на реке Сальче; 11 сентября вновь Суворов разгромил противника на реке Рымник; а Г. А. Потемкин овладел Кишиневом и затем 30 сентября Аккерманом (ныне Белгород-Днестровский); 14 сентября был занят Гаджибей, а 3 ноября были взяты Бендеры.

Особенно важной для русской армии являлась победа при Рымнике. Она вошла в отечественную военную историю как одна из самых ярких ее страниц. Верховный визирь, собрав на реке Рымник 100-тысячную армию, решил порознь разбить войска Суворова и принца Кобурга. Турецкие войска занимали три укрепленных лагеря, находившихся на расстоянии 6–7 километров друг от друга. А. В. Суворов, совершив форсированный марш-бросок, упредил противника и объединенными силами (7-тысячным русским и 18-тысячным австрийским отрядами) в ходе упорного 12-часового сражения разгромил его по частям. Турецкие потери в ходе сражения составили около 15 тысяч человек убитыми и ранеными, в то время как русские и австрийцы потеряли менее одной тысячи.

Победа при Рымнике явилась крупнейшей после Кагула (21 июля 1770 года) победой над турецкой армией, в которой во всей полноте проявился знаменитый суворовский принцип: «Воюй не числом, а умением». За одержанную победу А. В. Суворов получил титул графа Рымникского.

Новые поражения окончательно подорвали боевой дух турецкой армии. В унынии находились и ее предводители. Русский агент сообщал: «Гассан-пашу раненого в тяжелой болезни водят под руки, часто лежит он без всякого покровя у своих палат на улице. Никого к себе не допускает, и если приведут к нему преступника, тотчас же без дальнего исследования велит его или повесить, или отрезать голову. О визире (то же Гассан-паша, 1 июня сменивший Юсуф-пашу) слышно, что он после разбития своего живет в Мачине, чрезвычайно всегда задумчив и никого к себе не допускает»²⁵⁵.

Султан, получая известия о поражениях своих войск, был вне себя от ярости, бегал по городу переодетый и производил расправы над неугодными. Так, повстречав однажды на улице грека в желтых ботинках, велел отрубить ему голову. А в разговоре с одним из своих приближенных сказал, что «был бы счастлив, ежели б умер два года назад, ибо не нашелся бы в столь плачевном состоянии». Но при этом в своих хати-шерифах продолжал заявлять подданным, что «не кончит сей войны прежде, нежели отомстит неприятелям».

Тем временем, слухи о поражениях визиря стали расползаться по всем окрестностям, приводя народ в крайнее уныние. Многие воины ислама, избежавшие смерти и плена, стали разбегаться. А оставшаяся в Мачине часть войска взбунтовалась, требуя от визиря

жалованья. Из-за чего в Константинополе стали говорить о том, что визирь скоро потеряет голову.

Голову он не потерял, но в конце октября визирская печать перешла к бывшему капудан-паше Джезаирли Газы Гассан-паше. Поначалу он не хотел ее принимать, объясняя тем, что лишен своей прежней силы и власти. Совет при Порте ограничивал визиря даже в военных операциях. И чтобы уговорить многоопытного Гассана принять эту должность в столь ответственный для Турции момент, Селим дал ему практически неограниченные полномочия. Теперь старый капудан-паша мог делать все, что ему не заблагорассудится, вплоть до заключения мира, если увидит благоприятные к тому обстоятельства.

Но, не пробыв в должности визиря и трех месяцев, знаменитый турецкий адмирал Джезаирли Гассан-паша отошел в мир иной. Официально было объявлено, что он скончался своей смертью. Однако народ считал, что их любимца непременно отравили за его приверженность к миру. Место визиря вскоре занял Шериф Гассан-паша, человек небольших достоинств и новый в делах государственных, бывший при заключении Кючук-Кайнарджийского мира пашою в Очакове.

Очередная смена визиря не принесла существенных изменений в расстановке сил на театре военных действий. Турецкая армия в кампанию 1789 года получила сокрушительное поражение. В войне наступил коренной перелом. Турки пошли на переговоры.

СЛАВНЫЕ ПОБЕДЫ УШАКОВА

1. РЕЙД НА СИНОП

Поражения турецких сил в кампании 1789 года заставили Порту пойти на переговоры. Посредником в переговорном процессе решила выступить Пруссия, которая желала принудить Россию подписать невыгодный ей мир. Но условия, которые она при этом выдвигала, явно противоречили «достоинству и чести Российской Империи». Екатерина II, подозревая немцев в содействии Турции и в готовности начать военные действия против России, в своих письмах к князю Потемкину сообщала: «Не осталось почти никакого сомнения, чтобы король прусский не имел в намерении, общее с поляками, весною напасть на наши владения»²⁵⁶, так что «разрыв с Берлинским двором надлежит почитать неизбежным»²⁵⁷.

Утверждения русской императрицы были не безосновательными. Пруссия провела мобилизацию и в начале 1790 года направила 40-тысячный корпус к своим восточным границам. Другой такой же корпус прусских войск двинулся к границам Галиции, для возможного нападения на Австрию. В готовности была и основная армия численностью 100 тысяч человек для поддержки передовых сил сообразно складывающимся обстоятельствам.

20 января между Портой и королем прусским был подписан трактат. Он состоял из пяти основных положений:

«1-е, взаимная гарантия владений обеих держав;

2-е, все переговоры (переговоры.– Авт.) о мире должны быть с согласия Швеции и Польши, которой прусский король обязуется возвратить приобретенную часть Польши домом австрийским;

3-е, есть ли союзные воюющие державы не помирятся с Портою, обе вместе и каждая порознь, то он имеет объявить им войну;

4-е, медиаторами (посредникам.– Авт.) будут Англия и Голландия;

5-е, трактат ратифицируется по прошествии пяти месяцев от подписания»²⁵⁸.

Опираясь на содействие Пруссии, Англии, Голландии и Польши, а также рассчитывая на оттягивание значительных российских сил в ее войне со Швецией, Порта и не помышляла о мире.

К продолжению войны готовились и в России. Генерал-фельдмаршал князь Потемкин еще в конце 1789 года приступил к составлению плана военных действий на предстоящую кампанию. Согласно этому плану значительные сухопутные силы необходимо было сконцентрировать у западных границ на случай непредвиденных действий со стороны Пруссии, а на Дунае надлежало вести оборонительные действия. В то же время, Черноморскому флоту предписывалось искать по всюду флот турецкий и разбить его в генеральном сражении. Кроме того, флоту ставилась задача по нарушению коммуникаций противника и недопущению переброски войск на сухопутный театр военных действий²⁵⁹. Для согласования плана Потемкин вызвал к себе в Яссы контр-адмирала Ушакова.

По пути в ставку главнокомандующего Федор Федорович заехал в Херсон, где встретился со своими давними друзьями, с которыми вместе пережил эпидемию чумы. Капитан 2 ранга П. А. Данилов, узнав о планах Ушакова, настоятельно просил его похлопотать перед Светлейшим о своем переводе на линейный флот. Федор Федорович знал Данилова не только как превосходного актера, жизнерадостного и неунывающего человека, но и как прекрасного моряка, на которого всегда можно положиться, а потому не преминул заверить его в своей поддержке.

14 марта 1790 года командующим Черноморским флотом, вместо отправленного на Каспий Войновича, был назначен Ф. Ф. Ушаков. В ордере Потемкина по этому поводу значилось: «Не обременяя Вас правлением Адмиралтейства, препоручаю Вам начальство флота по военному употреблению»²⁶⁰. Тогда же в письме Екатерине II он писал: «Благодаря Бога и флот, и флотилия наша сильней уже турецкого. Но адмирал Войнович бегать лих и уходить, а не драться. Есть во флоте Севастопольском контр-адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник»²⁶¹.

Возлагая все свои надежды в предстоящей кампании на Черноморский флот, Г. А. Потемкин 19 марта в секретном письме сообщал императрице: «Касательно войны с турками чинить наступление флотом, и, ежели Бог поможет, сойтиться и разбить их флот, то теснить Царь Град»²⁶².

В качестве прикрытия или, говоря современным военным языком, оперативного обеспечения плана, Потемкин решил использовать дезинформацию, о чем в письме Екатерине II писал: «Я так соглашу расположение на сухом пути, что вся будет удобность мне самому дать флотскую баталию... Прошу Вас, матушка, в разговорах, да и чрез других разглашать, что Вы не намерены на Черном море флотом действовать наступательно, а держаться у своего берега оборонительно. Сие дойдет до турков, и они выйдут, понадеясь, из канала, а то иначе их не выманить»²⁶³.

Получив инструкции от Потемкина, Ф. Ф. Ушаков в новом качестве направился в Севастополь. Посетив на обратном пути Херсон для решения вопросов снабжения флота, Федор Федорович, с разрешения главнокомандующего, взял с собой бригадира флота Голенкина и капитана 2 ранга Данилова. Однокашник по Морскому корпусу – Гаврила Кузьмич Голенкин был назначен командиром авангарда корабельного флота, а Петр Алексеевич Данилов – флаг-капитаном (начальником штаба) к Ушакову. Черноморский флот начал готовиться к решающим сражениям на море.

Еще перед началом активных боевых действий Г. А. Потемкин, используя предыдущий опыт, решил провести «диверсию» у азиатского побережья Турции. Для исполнения намеченного плана в день больших распоряжений главнокомандующего – 14 марта Ушакову был отписан еще один ордер, в котором говорилось: «По прибытии немедленном в Севастополь... с самыми лучшими крейсерскими судами в подкрепление трех кораблей «Георгия», «Андрея» и «Александра», да четырех фрегатов извольте выйти в море ради поиску. Крайне полезно бы было, если б удалось Вам схватить какие транспорты или же истребить где спущенные корабли у азиатских берегов. Я надеюсь, что Вы со всею

ревностью исполните Вам порученное и заблаговременно возвратитесь в Севастополь для приуготовления всего флота в кампанию»²⁶⁴.

Во исполнение указаний светлейшего контр-адмирал Ушаков с небольшой крейсерской эскадрой, состоящей из трех 50-пушечных кораблей, четырех фрегатов, 11 крейсерских судов и репетичного судна, 16 мая вышел из Севастополя для проведения рейда на Анатолийском берегу.

21 числа эскадра подошла к Синопу. Крейсерские суда были разделены на три отряда и посланы к берегу для уточнения обстановки. Береговые батареи открыли по ним сильный огонь, не принеся им, однако, никаких повреждений. Крейсера же сумели захватить стоявшие у берега два вражеских судна.

Ушаков меж тем, имея флаг на «Св. Александре», стремился войти на рейд, где надеялся застать военные суда. Но с наступлением темноты вынужден был расположиться перед входом в бухту, чтобы воспрепятствовать неприятелю вырваться в море. Для устрашения гарнизона Синопа он велел всем судам нести полные огни и, находясь всю ночь под парусами, производить стрельбу фальшфейерами и ракетами.

На рассвете следующего дня российская эскадра вошла в Синопскую бухту, где на якоре под прикрытием береговых батарей стояли два фрегата, шхуна, кирлангич, полугалера, три лансона и чектырма. Кроме того, на эллингах находились один строящийся корабль и две таитии. Ушаков намерен был их атаковать, но слабый восточный ветер тому воспрепятствовал. К тому же близость береговых батарей делала эту атаку рискованной. Ушаков вместо атаки «разными движениями эскадры и перепалкою с кораблей, всем синопским жителям и судам, там находящимся, наносил беспрестанно великий страх». Ядра рушили стены, а брандсугели воспламеняли постройки в крепости. Удачно действовал при этом корабль «Св. Георгий», отбуксированный гребными судами в глубь бухты.

До полудня 23 мая пальба с обеих сторон практически не стихала. В это время крейсерские суда под прикрытием двух фрегатов и репетичного судна у соседних берегов взяли в плен восемь судов и потопили еще четыре, шедших в Константинополь. Было взято в плен 148 человек и освобождено из неволи 53 человека. При этом были ранены четыре человека и один матрос убит.

Взятые суда были нагружены пшеницей. Два из них были не способны к переходу морем, и командующий приказал сгрузить с них пшеницу на корабли эскадры, а их подвести к городу и сжечь на виду у жителей.

24 мая российская эскадра оставила Синопскую бухту и последовала вдоль берега к Самсуну, уничтожив по пути еще два небольших турецких судна.

25 числа крейсерские суда с орудийными залпами вошли в Самсунскую бухту. Следом вошли и остальные суда. Не обнаружив там военных кораблей, Ушаков осмотрел гавань, снял план укрепления и вышел в море, направив курс на Анапу.

Для штурма Анапы в начале февраля отправился генерал-поручик Ю. Б. Бибиков (в 20-х годах XIX столетия его дочь Мария выйдет замуж за племянника Ф. Ф. Ушакова – Федора Ивановича и после смерти будет захоронена в Санаксарском монастыре рядом с могилой адмирала). Движимый скорее жаждой славы, нежели здравым смыслом, он вскоре и сам осознал нелепость своего предприятия, но отступить не решился.

Маршрут, который и в лучшее время года был достаточно трудным для прохождения войск, стал по существу дорогой смерти для Кавказского корпуса, состоящего из 7 609 человек. Провиант был взят только на две недели, и в войсках начался голод. Солдаты питались гнилым мясом, кореньями и травой, от чего появилось множество больных.

В таком состоянии корпус достиг предместья Анапы, где их встретил Батал-паша с наспех собранным войском. После небольшого боя турки, татары и черкесы отошли в крепость, оставив русских воинов на верную смерть от голода и холода. В первую же ночь стояния под стенами Анапы в корпусе пало около 200 лошадей, а войска, чтобы не умереть от стужи, зажигали жилища в предместьях крепости.

Генералу Бибикову ничего не оставалось, как 15 апреля двинуться в обратный путь, который был еще более губительным, чем переход к Анапе. В результате 4 мая, выйдя на правый берег Кубани, Ю. Б. Бибиков насчитал лишь 5 407 человек от своего корпуса²⁶⁵. Более двух тысяч храбрых воинов, достойных лучшей участи, погибли. Позднее над генералом состоялся суд, и он был отставлен от службы.

Ф. Ф. Ушаков, отправляясь в поход, не знал, что корпус Бибикова отошел от Анапы, и потому 29 мая, подойдя к крепости с моря, надеялся на взаимодействие. Увидев на рейде турецкий линейный корабль, фрегат, две таитии и пять купеческих судов также под турецким флагом, Федор Федорович понял, что российских войск под крепостью нет.

Пользуясь темнотой, Ушаков решил атаковать турок, но наступивший штиль заставил его остановиться. Течение русские корабли стало сносить в разные стороны, поэтому командующий приказал всем стать на якорь.

На следующий день ветер подул со стороны берега, что опять воспрепятствовало Ушакову провести успешную атаку. 31 мая, лавируя на ветре, он снова попытался приблизиться к неприятельским судам и открыть по ним огонь. Однако ядра с русских кораблей не долетали до противника.

На турецких судах началась суэта. Турки, чтобы ближе подойти к берегу под защиту крепости, спешно освобождались от грузов и даже орудий, что позволило им уменьшить осадку и пройти по мелководью к крепости. Частью орудий, снятых с кораблей, были усилены береговые батареи. А сами суда встали на шпринг, обратив борта в сторону моря.

Ночью 1 июня, произведя по ним несколько залпов брендсугелями, контр-адмирал Ушаков прекратил огонь. Невозможность ближе подойти к неприятелю и отсутствие в составе русской эскадры бомбардирских судов и брандеров с негасимой зажигательной смесью не позволили добиться желаемой цели – уничтожить неприятельские суда на Анапском рейде. Ушаков отошел от Анапы и 5-го числа благополучно прибыл в Севастополь.

Федор Федорович испытывал истинное удовольствие от успешно проведенной крейсерской операции. Противнику причинен серьезный материальный ущерб, и, главное, он был подавлен морально. При этом весь личный состав ушаковской эскадры остался цел и невредим, а корабли не имели повреждений. На душе было радостно и от того, что без лишних помех он занимался настоящим делом, о чем по пришествии в Севастополь писал: «Я только весело время проводил в походе, а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела»²⁶⁶.

Не теряя времени, Ушаков стал готовить весь флот для выхода уже к другой части Черного моря, используя для этих нужд собственные средства за неимением таковых Правлении. К концу июня на рейде Севастополя уже стояли в готовности 10 кораблей, шесть фрегатов и несколько более мелких судов.

2. КЕРЧЬ

Почти одновременно с выходом эскадры Черноморского флота к Синопу, из Константинополя отправился турецкий флот под флагом самого капудан-паши Гуссейна. 40 судов различной величины, основу которых составляли линейные корабли, с посаженным на них сильным «высадным корпусом» шли, «чтобы поразить русские эскадры на черноморских водах, сделать высадку на берега таврические и, пользуясь развлечением главных российских сил к стороне Польши, присоединить сей полуостров как древнее владение к Турции»²⁶⁷.

В конце мая турецкий флот появился около Ялты, но вскоре скрылся в неизвестном направлении. Не понятно, почему капудан-паша отказался от высадки войск в Крыму? Очевидно, Гуссейн, получив известия из Синопа о действиях там российской эскадры, решил

прийти на помощь соотечественникам и на их глазах разбить ненавистного «Ушак-пашу». Но Провидение берегло эскадру Ушакова. Их встреча была впереди, и российский командующий к ней основательно готовился. 19 июня последовал ордер князя Потемкина о выходе в море для поисков неприятеля.

Турецкий адмирал, имея те же намерения, в конце июня появился с флотом около Евпатории. Затем, обогнув Севастополь, 4 июля оказался под Феодосией. С берега ясно были различимы 12 больших кораблей и 25 судов различной величины. Весь этот день, застигнутый маловетрием, он находился практически на одном месте. В два часа пополудни следующего дня турецкий флот приблизился к берегу на расстояние пяти миль и, произведя два выстрела, ушел в сторону Анапы²⁶⁸.

Получив от бригадира С. С. Жигулина известие о появлении противника, контр-адмирал Ушаков немедленно отправил донесение Потемкину и отдал приказ Черноморскому флоту вступить под паруса. 2 июля в составе 10 линейных кораблей, шести фрегатов, 13 крейсерских судов, репетичного судна и двух брандеров он вышел из Севастопольской бухты. Оставляя за себя старшим в порту капитана 1 ранга Д. Доможирова, Ушаков дал ему все нужные распоряжения, предписав ему иметь «всякую военную осторожность об охранении порта и судов по силе закона». Особое внимание командующий обратил на сохранение здоровья служителей. «Если найдутся свободные люди, – писал он далее, – не оставте вспомоществовать старанием Вашим о построении новой госпитали и о поправлении старых, имейте старание о сбережении больных служителей, сходно с предписанием от меня об оном сделанным»²⁶⁹.

Князь Потемкин, получив извещение командующего флотом, 3 июля отправил ему очередной ордер: «В соответствие рапорта Вашего об оказавшемся в виду берегов таврических неприятельском флоте, предписываю Вашему превосходительству смотреть, куда оный наклоняется и старайтесь решить с ним дело. Молитесь Богу, Он нам поможет. Положите на Него всю надежду, ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с Вами – уведомляйте меня по часу, не пойдут ли они для намереваемого десанта к Еникале»²⁷⁰.

После полудня 6 июля Ушаков прибыл в Феодосийский порт и потребовал у городничего сведений о неприятельском флоте. Получив известия, утром следующего дня при солнечной погоде и благополучном ветре, он со всем флотом пошел в сторону Анапы на поиски турецкого флота. Имея все основания ожидать возвращения неприятеля, Ушаков встал на якорь недалеко от Керченского пролива.

Предположения командующего российским флотом оправдались. Утром 8 июля при мрачной погоде и северо-восточном ветре на горизонте показался турецкий флот.

С русской стороны насчитали у противника 10 линейных кораблей (из них четыре флагманских), восемь фрегатов и 36 других судов. Ушаков немедленно отдал приказ сниматься с якоря и строить линию баталии левого галса. Турецкий флот также стал выстраиваться в боевой порядок и в 12 часов дня первый открыл огонь, направив свой главный удар на авангард бригадира флота Г. К. Голенкина. Однако тот выдержал атаку неприятеля и точным ответным огнем сбил его наступательный порыв. Капудан-паша все же продолжил натиск, подкрепляя силы на направлении главного удара кораблями с большими орудиями.

С началом сражения оказалось, что ядра с русских фрегатов, поставленных в линию из-за недостатка линейных кораблей, не долетают до неприятеля. Тогда Ушаков подал им сигнал выйти из линии для возможного оказания помощи авангарду, а остальным кораблям сомкнуть образовавшуюся между ними дистанцию. Не подозревая об истинных намерениях русского флагмана, турки очень обрадовались этому обстоятельству. Их вице-адмиральский корабль, выйдя из линии и став передовым, начал спускаться на русский авангард с целью его обхода. Но Ушаков предвидел возможное развитие событий, а потому, мгновенно оценив обстановку, подал сигнал фрегатам резерва защитить свои передовые корабли. Фрегаты подоспели вовремя и заставили турецкого вице-адмирала пройти между линиями под сокрушительным огнем русских кораблей.

Используя благоприятную перемену ветра на 4 румба (45 градусов), Ушаков стал сближаться с противником на дистанцию картечного выстрела, чтобы ввести в действие всю артиллерию, включая малую. От перемены ветра и решительного напора русских кораблей турки пришли в замешательство. Они стали поворачивать через оверштаг всей колонной, подставив себя под мощный залп флагманского 80-пушечного корабля Ушакова «Рождества Христова» и 66-пушечного «Преображения Господня», неся при этом большие разрушения и потери в живой силе (на борту турецких кораблей находился десант, предназначенный для высадки в Крыму).

Из неприятельских судов особенно пострадали два корабля, которые «упав» на русскую линию, прошли от нее так близко, что чуть не сцепились с кораблями арьергарда. Большие повреждения получил и вице-адмиральский корабль турок, который, «упав на ветер», также очень близко прошел через всю русскую линию. В результате этого неудачного маневра «сей корабль и помянутые два, остались совсем уже разбиты до крайности». Капудан-паша, пытаясь защитить их, спустился под ветер и стал проходить контргалсом в непосредственной близости от русских кораблей, через что также получил большие повреждения.

Вскоре, будучи уже на ветре, Ушаков подал очередной сигнал авангарду исполнить поворот «всем вдруг» (всем вместе) через оверштаг и, «не наблюдая свои места, каждому по способности случая, с крайней поспешностью войтить в кильватер» своего флагманского корабля, ставшего передовым. После исполненного маневра уже вся русская линия во главе с адмиралом «весьма скоро» оказалась на ветре у неприятеля, что значительно усугубило положение турок.

Не надеясь выдержать очередную атаку, турки дрогнули и пустились в бегство к своим берегам. Попытка преследовать противника боевом порядке оказалась безуспешной. Легкость в ходу турецких кораблей спасла их от разгрома. Уходя от преследования, они растворились в ночной темноте. Этим и закончилось Керченское сражение, в результате которого была сорвана попытка высадки вражеского десанта в Крым. Противник понес большие потери, тогда как с русской стороны было убито только 29 человек и ранено 68. Отслужив на благодарственный молебен, эскадра вернулась в Севастополь.

Как и в сражении при Фидониси турецкому флоту удалось избежать более значительных потерь из-за преимущества в скорости хода. После Чесменского сражения турецкий флот пополнился кораблями новой постройки, изготовленных под руководством французских мастеров. Большинство турецких кораблей были обшиты медью, тогда как наши суда (черноморской постройки) в подводной части сильно обрастали ракушечником и терпели множество бед от водяных червей, что делало их тяжелыми на ходу.

Но все это не умаляло заслуг русских моряков. Образец личной храбрости показал в сражении контр-адмирал Ушаков. Он проявил себя умелым флотоводцем, способным мыслить творчески и принимать неординарные решения. «Не удаляясь главных правил», он смог инициативно распорядиться силами флота. В сражении им впервые был использован резерв для поддержки главных сил. Кроме того, четко прослеживалось его стремление поставить флагманский корабль в голову колонны, принять на себя инициативу и, вместе с тем, дать определенную самостоятельность в маневре своим командирам («каждому по способности случая»). В сражении ярко проявилось преимущество русских моряков в выучке и огневой подготовке. Ушаков в максимальной степени использовал мощь своей артиллерии, тем самым, сведя на «нет» численное преимущество противника, сосредоточив главный удар на его флагманских кораблях.

В ознаменование победы в Керченском сражении генерал-фельдмаршал Потемкин направил Ушакову письменную благодарность: «Отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским... приписываю оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил. Примите через сие, ваше

превосходительство, засвидетельствование моего удовольствия и признательности и объявите оные всем подчиненным вашим»²⁷¹. А в письме к императрице написал, «...бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко, и порядочно контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учителя. Как и прежде доносил: разбил сильно и гнал до самой ночи; три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче адмиральский, которого флаг шлюпкою с корабля «Георгия» взят. Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней (Гоу и Родней – английские адмиралы. – Авт.). Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его»²⁷².

В ответном послании Екатерина II сообщала: «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчерась (2 августа. – Авт.) молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным»²⁷³.

В награду за одержанную победу Ф. Ф. Ушаков был пожалован орденом Св. Владимира 2-й степени.

Турки же донесли Порте о своей победе, и по Константинополю незамедлительно пополз об этот слух, с красочным описанием подвигов Гуссейна, который во время сражения якобы потопил четыре российских фрегата. Однако капитаны с прибывших в Константинополь кирлангичей, вопреки ожиданиям народа, стали говорить о том, что «турецкий флот весьма от бою поврежден, так что 18 судов из оног не знают, где находятся, а российское ни одно судно не только не потоплено, но и большого повреждения не претерпело». В связи с этим «в публике начали сомневаться в победе над русской эскадрой». А русские агенты доносили, что «значущие турки весьма сим огорчены и говорят, что очень нужно взять осторожности для столицы, дабы в случае со стороны российской на оную покушения защитить бы можно было, почему и работают беспрестанно во всех арсеналах»²⁷⁴.

Султан, обеспокоенный фактическим положением своего флота, приказал прислать для него подкрепление. Он намеревался вновь вывести его в море, чтобы, разделив на четыре части, отправить к Севастополю, для высадки десанта с очевидной целью захвата порта и уничтожения стоящих там русских кораблей²⁷⁵.

Таким образом, разбросанный по всему Черному морю турецкий флот вновь стал собираться в районе Варны для нового покушения на российские берега. Но окрыленный победой Ушаков не собирался упускать инициативы. Исправив повреждения, Черноморский флот снова был готов к встрече с врагом.

Попытка Турции вновь перейти к решительным наступательным действиям на море была связана с выходом из войны союзницы России – Австрии. Отсутствие успехов в военных действиях привело ее к ослаблению своих позиций как на востоке, так и на западе Европы (Бельгии и Польше), где заметно усилилось влияние Пруссии. Для Австрии ситуация осложнялась и заключением союзного договора между Пруссией и Турцией (ратификация этого договора состоялась 14 августа. – Авт.)²⁷⁶.

В этих условиях прусский король Фридрих-Вильгельм II, угрожая силой, потребовал от только что вступившего на австрийский престол императора Леопольда II немедленного заключения перемирия с Турцией. Австрийский император, не имея возможности вести войну на два фронта, 27 июля 1790 года в лагере прусских войск в Рейхенбахе подписал с Пруссией конвенцию, на основании которой обязался в короткое время выполнить требование прусского короля. В случае продолжения войны между Россией и Турцией Австрия обязалась соблюдать нейтралитет, сохраняя за собой крепость Хотин, до тех пор, пока в Бухаресте не будет подписан окончательный мир²⁷⁷. Султан согласился на мирные договоренности, но лишь с тем условием, «чтоб в трактате никак не было упомянуто о вольном плавании австрийских судов по Дунаю»²⁷⁸.

Россия, стремясь избежать ведения боевых действий одновременно на двух фронтах, приняла меры к завершению войны со Швецией. Но и шведский король Густав III, потерпев серьезные поражения в кампанию 1790 года, уже не решался на новые сражения и принял предложения Екатерины II о начале мирных переговоров. Они завершились 3 августа заключением в Вереле мирного договора. По условиям договора было сохранено *status quo* и прежние границы²⁷⁹.

После окончания войны со Швецией Россия могла высвободить значительные силы и средства и использовать их в войне с Турцией. Это, в свою очередь, вызвало серьезную озабоченность Оттоманской Порты. По выражению российского посланника в Венеции контр-адмирала А. С. Мордвинова (родного брата Н. С. Мордвинова), Верельский договор стал «смертельным ударом для Порты»²⁸⁰.

Тем не менее, военно-политическая обстановка на юге и западе России продолжала оставаться достаточно напряженной, требующей от кабинета Екатерины II неординарных политических решений и дипломатических ходов. В этих условиях наиболее действенным инструментом в войне с Турцией оказался Черноморский флот. Исходя из этого, Г. А. Потемкин решил продолжить активные боевые действия на море.

Замысел русского командования сводился к тому, чтобы соединенными силами линейного и гребного флотов нанести сокрушительное поражение туркам, лишив их возможности продолжать войну на море, и, тем самым, создать угрозу турецкой столице.

В это время, 6 августа, Ф. Ф. Ушаков получил донесение из Балаклавы о появлении там 29 неприятельских судов. А 10 августа их обнаружили на траверзе Георгиевского монастыря, лежавшего недалеко от Севастополя. Федор Федорович немедленно распорядился о приготовлении флота. Он ждал случая для генерального сражения. И таковой вскоре представился.

С небольшим запозданием, 12 августа, Г. А. Потемкин извещал Ушакова о появлении 27 июля большого турецкого флота в районе устья Днестра. При этом он приказывал немедленно выйти в море, чтобы, соединившись с гребным флотом, чтобы совместными усилиями найти и атаковать неприятеля. «При сих случаях, – предписывал главнокомандующий, – не должно заниматься стрельбою издали, но подходить как можно ближе, чтобы заряды не терялись напрасно»²⁸¹.

16 августа повторил свое приказание и известил о своем намерении прибыть к Гаджибею, что лично наблюдать флот. Орденом от 18 августа перед Черноморским флотом была поставлена более конкретная задача: подойти к устью лимана, присоединить к себе 46-пушечный корабль «Наварахия Вознесение Господне» и три фрегата, сопровождаемые гребным флотом под командованием генерал-майора флота И. М. де Рибаса, после чего найти и разбить турецкий флот. При этом, в случае боя в прибрежном районе, гребному флоту надлежало оказывать содействие главным силам.

За день до отдачи этого приказа, 17 августа, весь турецкий флот в составе 17 трехмачтовых, 18 двухмачтовых и двух одномачтовых судов собрался около устья Днепровского лимана и встал на якорь²⁸².

Обнаружив с берега прибытие к Лиману крупных неприятельских сил, генерал-майор М. И. Кутузов выслал в море лансон № 3 под командованием прапорщика Кондогурия для ведения разведки, о результатах которой немедленно рапортовал князю Г. А. Потемкину и летучей почтой оповестил Ф. Ф. Ушакова.

Турки же, не наблюдая движения российских кораблей со стороны Севастополя, чувствовали себя достаточно спокойно. Утром 21 августа весь их флот снялся с якоря и под малыми парусами при северо-западном марсельном ветре стал отходить в сторону Очакова. Поздно вечером того же дня, миновав Гаджибейский фонарь (маяк), турецкий флот бросил якорь на самом фарватере по линии норд-зюйд.

Собрав в кулак все свои силы между Гаджибеем и островом Тендра, Гуссейн-паша жаждал реванша. Своей решимостью сразиться с неприятелем он сумел убедить султана в скором поражении российских морских сил на Черном море и тем заслужил его благосклонность. Селим III, для верности, дал в помощь своему другу и родственнику (Гуссейн был женат на сестре султана) опытного адмирала Саид-бея, намереваясь переломить ход событий на море в пользу Турции.

Но на пути к их заветной цели встал русский адмирал Ушаков. 25 августа он вышел из Севастополя и направился к Очакову, чтобы соединиться с гребным флотом и дать бой неприятелю. За десять дней до этого он обменялся с де Рибасом письмами. Кроме служебной информации, Иосиф Михайлович написал Ушакову и о тех наветах, которые ему довелось услышать о Федоре Федоровиче из уст неких общих знакомых. Удивительный ответ дал ему Ушаков:

«Что ж касается до объяснений Ваших о свойствах разного сорта людей, которые беспутствовали с каких-либо своих пустых неудовольстvieв, желают нарушить дружбу между другими, прошу только покорнейше таковых, если случится, отвергнуть с презрением... Я поступаю также, и мне никто клеветать отнюдь не осмелится, ибо я в одну минуту выведу такового наружу. Не почитаю, чтоб не нашлись мне желающие разврату, но пусть они в том потрудятся и в свое время останутся за неправду обличены, а буду все таков же»²⁸³.

Перед уходом из Севастополя Ф. Ф. Ушаков и на этот раз приказал ему особое попечение уделить охране порта, строительству госпиталя и сохранению здоровья больных служителей. Вышедший в море флот под его командованием состоял из 10 линейных кораблей, шести фрегатов, 17 крейсерских судов, бомбардирского корабля, репетичного судна и двух брандеров.

Утром 28 августа, не ожидая никаких неприятностей, турецкий флот, состоящий из 14 линейных кораблей, восьми фрегатов и 23 других судов, продолжал стоять на якоре. Его командующий как обычно направил в море несколько крейсеров. И вдруг со стороны Севастополя Гуссейн обнаружил Российский флот, идущий под всеми парусами в походном порядке трех колонн.

Российский флот заметил и прапорщик Кондогурий. Он тут же отправил в донесении М. И. Кутузову, что «видит он российский флот, расстоянием от турецкого только в 15 верстах. Российский... держится к ветру и выигрывает оный у неприятеля. Турецкий флот, хотя в полном своем числе, но в превеликом беспорядке от бывшего довольно крепкого ветра»²⁸⁴.

Появление Севастопольского флота привело турок в замешательство. Несмотря на превосходство в силах, они спешно стали рубить канаты, в беспорядке отходить к Дунаю. Ушаков, справедливо полагая, что в нравственном отношении половина победы уже на его стороне, приказал нести все паруса и, оставаясь в походном порядке, стал спускаться на неприятеля.

В это же время Ушаков обнаружил гребной флот генерал-майора И. М. де Рибаса, находившийся между Гаджибеем и островом Ада. Чтобы предупредить о своем намерении атаковать турецкий флот, Федор Федорович отрядил к де Рибасу крейсерское судно. Командующий гребной флотилии также был намерен участвовать в сражении, но «за противным ветром и великим волнением флотилия ко оным вспомоществовать не могла».

Передовые турецкие корабли, наполнив паруса, удалились на значительное расстояние. Но, заметив опасность, нависшую над арьберггардом, капудан-паша стал соединяться с ним и строить линию баталии правого галса.

Ушаков, продолжая сближение с неприятелем, также отдал приказ перестраиваться в боевую линию левого галса. Но затем сделал сигнал «поворотить через контр-марш и построить линию баталии на правый галс параллельно неприятельскому флоту». В результате русские корабли «весьма споро» выстроились в боевой порядок на ветре у турок.

Используя оправдавший себя в Керченском сражении тактический прием, Федор Федорович вывел из линии три фрегата «Иоанн Воинственник», «Иероним» и «Покров Богородицы» для обеспечения маневренного резерва на случай перемены ветра и возможной при этом атаки неприятеля с двух сторон.

В 15 часов, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, Ф. Ф. Ушаков принудил его к бою. И уже вскоре, под мощным огнем русской линии, турецкий флот начал уклоняться под ветер и приходить в расстройство. Подойдя ближе, русские корабли со всей силой обрушились на передовую часть турецкого флота. Флагманский корабль Ушакова «Рождество Христово» вел бой с тремя кораблями противника, заставив их выйти из линии.

Пораженный грандиозностью начавшегося сражения, прапорщик Кондогурий не переставал креститься и воссылать молитвы ко Всевышнему, прося его о помощи в сражении с иноплеменным врагом. Переведя дух, он стал писать рапорт Кутузову о происходящем на его глазах жарком бое. Но сделать это было непросто. Его угловое суденышко как скорлупку бросало на волнах, заливая борта. И все же донесение вскоре было готово и летучей почтой отправлено по назначению.

Михаил Илларионович всей душой переживал за своего старого товарища, с которым познакомился больше десяти лет назад на его фрегате «Св. Павел» во время перехода из

Ливорно в Константинополь. Получив донесение от Кондогурия, Кутузов развернул свиток и жадно впился в него. Присутствующие при этом офицеры по выражению лица генерала поняли, что сражение складывается в пользу Ушакова.

Кутузов приказал подать ему бумагу и сам сел писать донесение князю Потемкину: «В 4 часа пополудни открылось сражение между турецким и Севастопольским флотом, расстоянием от Гаджибея к Севастопольской стороне верстах в пятидесяти, а потому с трудностью предметы рассматривать можно. Надеюсь, однако ж, что с помощью Всемогущего победе быть с нашей стороны. Первое по важному тому преимуществу, что флот наш на ветре и что в действительности в линии сражения неприятельского флоту только шесть линейных кораблей и пять или шесть небольших судов, прочие же все в большом беспорядке... при том немалую надежду подает то, что неприятельские корабли, будучи под ветром, все под полными парусами, а потому Кондогурий уповает на Бога, что они к побегу приуготовливаются»²⁸⁵.

К 17 часам вся турецкая линия была окончательно разбита. Теснимые русскими передовые неприятельские корабли вынуждены были повернуть через фордевинд и пуститься в бегство. Их примеру последовали и остальные суда, ставшие в результате этого маневра передовыми. Но во время поворота по ним было сделано ряд мощных залпов, причинивших им большие разрушения. Особенно пострадали два флагманских турецких корабля, находившиеся против «Рождества Христова» и «Преображения Господня». На турецком флагмане были сбиты грот-марсель, перебиты реи, стены и разрушена кормовая часть.

Бой продолжался. Командиры русских кораблей храбро следовали примеру своего предводителя, продолжавшего преследование корабля реал-бея (контр-адмирала). Три турецких корабля были отрезаны от основных сил, а кормовая часть капудан-пашинского корабля была разнесена в щепки русскими ядрами.

Замешательство турок возрастало с каждой минутой. И, наконец, неприятель обратился в бегство в сторону Дуная. Ушаков преследовал его до тех пор, пока темнота и усилившийся ветер не вынудили прекратить погоню и встать на якорь.

На рассвете следующего дня оказалось, что турецкие корабли находятся в непосредственной близости от русских. А фрегат «Амвросий Медиоланский» и вовсе оказался среди турецкого флота. Но так как флаги еще не были подняты, то турки приняли его за своего. Находчивость капитана М. Н. Нелединского помогла ему выйти из столь сложного положения. Снявшись с якоря с прочими турецкими судами, он продолжал

следовать за ними, не поднимая флага. Понемногу отставая, Нелединский дождался момента, когда опасность миновала, поднял Андреевский флаг и ушел к своему флоту.

Ушаков отдал команду поднять якоря и вступить под паруса для преследования противника, который, имея наветренное положение, стал рассеиваться в разные стороны. Однако от турецкого флота отстали два сильно поврежденных корабля, один из которых, 74-пушечный «Капудания», был флагманским Саид-бея. Другой был 66-пушечный «Мелеки Бахри» (Царь морей). Потеряв своего командира Кара-Али, убитого ядром, он сдался без боя. А «Капудания», пытаясь оторваться от преследования, направил свой курс к мелководью, отделявшему фарватер между Кинбурном и Гаджибеем. В погоню за ним был послан командир авангарда капитан бригадирского ранга Г. К. Голенкин с двумя кораблями и двумя фрегатами. Корабль «Св. Андрей» первым настиг «Капуданию» и открыл по нему огонь. Вскоре подоспел «Св. Георгий», а вслед за ним – «Преображение Господне» и еще несколько судов. Подходя из-под ветра и произведя залп, они сменяли друг друга.

В 12 часов при юго-западном ветре гребная и парусная флотилия по сигналу генерал-майора флота И. М. де Рибаса снялась с якоря и направилась в сторону, где была слышна пушечная канонада. Де Рибас намеревался присоединить к Севастопольскому флоту четыре своих фрегата.

К этому времени корабль Саид-бея был практически окружен, но, несмотря на свое незавидное положение, продолжал храбро защищаться. Ушаков, видя бесполезное упорство неприятеля, в 14 часов подошел к нему на расстояние 30 сажен, сбил с него все мачты и уступил место следовавшему за ним «Св. Георгию». Вскоре «Рождество Христово» снова встал бортом против носа турецкого флагмана, готовясь к очередному залпу. Но тут, видя свою безысходность, турецкий флагман спустил флаг.

«Люди неприятельского корабля, – доносил впоследствии Ушаков, – выбежав все наверх, на бак и на борта, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время бою храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саид-бея были столь беспредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности».

Русские моряки вступили на борт уже объятых пламенем неприятельского корабля, в первую очередь стараясь отобрать для посадки в шлюпки офицеров. Первым сошел с корабля его командир Мегмет-Таире-Заим-Мустафа-Ага и вместе с ним восемнадцать его офицеров и чиновников. Саид-бея никто не мог найти; каждый был занят своим спасением. И когда российские шлюпки отвалили от борта «Капудания», пленные русские моряки,

находившиеся на нем, вытащили на верхнюю палубу раненого турецкого адмирала и закричали вслед отходящих шлюпок. При шквальном ветре и густом дыме последняя шлюпка с большим риском вновь подошла к борту и сняла Саид-бея, после чего корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казной турецкого флота...

Взрыв большого адмиральского корабля на глазах у всего турецкого флота произвел на турок сильное впечатление и довершил моральную победу, добытую Ушаковым при Тендре.

Усиливавшийся ветер, повреждения в рангоуте и такелаже не позволили Ушакову продолжить преследование противника. Российский командующий отдал приказ прекратить погоню и соединиться с Лиманской. В половине пятого вечера флот встал на якорь, а крейсерские суда были разосланы для поиска остатков турецкого флота, потерпевшего сокрушительное поражение в двухдневном морском сражении, в котором, по словам историка Тульчина, «превосходство русских кораблей, быстрота эволюций не замедлили сказаться во всей своей полноте»²⁸⁶. На поле боя турки потеряли два линейных корабля, бригантину, лансон и плавбатарею.

31 августа русский флот пришел к Гаджибею, где на следующий день его посетил прибывший из Ясс Потемкин. От великой радости главнокомандующий благодарил всех подряд. А в своем письме к строителю Николаева М. Л. Фалееву написал: «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу. Коли бы трус Войнович был, то он бы с...л у Тарханова Кута, либо в гавани». Отвечая Потемкину, Фадеев, в свою очередь, отмечал: «Я много слышал хорошего о неустрашимости духа Федора Федоровича. Спасибо ему, и дай Бог, чтоб он и всегда таков был и преуспевал»²⁸⁷.

Тогда же ордером Потемкина Черноморскому адмиралтейскому правлению было объявлено: «Знаменитая победа, одержанная Черноморским Ее Императорского Величества силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит, служит к особой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов»²⁸⁸.

Вскоре полетела депеша к императрице, в которой Потемкин с великой радостью сообщал: «Вот, матушка родная, Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит... Едва исполнилось семь лет, как корабль «Слава Екатерины» сошел по Днепру в Понт (в Черное море). Флот уже размноженный торжествует и непрерывно имеет, по благодати Божией, поверхность... Будьте милостивы к контр-адмиралу Ушакову. Где

сыскать такого охотника до драки: в одно лето – третье сражение, из которых то, что было у пролива Еникальского, наиупорнейшее. Офицеры рвутся один пред другим. С каким бы я адмиралом мог ввести правило драться на ближней дистанции, а у него – линия начинает бой в 120 саженьях, а сам особенно с кораблем был против «Капитании» в двадцати саженьях. Он достоин ордена 2-го класса Военного, но за ним тридцать душ, и то в Пошехонье (Пошехонье граничило с Романовским и Рыбинским уездами, где у него действительно было несколько небольших деревушек. – Авт.). Пожалуйте душ 500, хорошенькую деревеньку в Белоруссии, и тогда будет кавалер с хлебом»²⁸⁹.

В Петербурге по случаю Тендровской победы был отпет благодарственный молебен при пушечной пальбе и дан праздничный обед, на котором, также при пушечной пальбе, пили за победоносный Черноморский флот.

Французский посол, присутствующий на торжествах, сообщал в Версаль: «Эта победа может быть оценена императрицей как средство, способное приблизить мир». Подобным образом выразился и министр иностранных дел Франции в беседе с российским послом И. М. Симолиным: «Эти события могли бы внушить Порте желание скорейшего заключения мира вне всякой зависимости от влияния и интриг иностранных дворов»²⁹⁰.

Русская же императрица, оценивая победу при Тендре, писала Потемкину: «Я всегда отменным оком взидала на все флотские вообще дела. Успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских Ея подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшую. Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко. Контр-адмиралу Ушакову посылаю по твоей просьбе орден Св. Егория второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии* за его храбрые и отличные дела»²⁹¹.

Сам же Федор Федорович ясно понимал, что победы ему дарует Господь, без помощи Коего все умение человеческое «Ничтоже есть». Знал он и то, что на берегу реки Мокши в Санаксарской обители возносит молитвы о нем старец Феодор. Поэтому, по приходу 8 сентября в Севастополь, он сразу же отдал приказ по эскадре: «Рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему за толь счастливо дарованную победу моления всем, кому возможно, с судов быть в церковь Николая Чудотворца; священникам со всего флота быть

* В письме к В. С. Попову – управляющему кабинетом Екатерины II Федор Федорович впоследствии писал: «В России деревеньку имею я самую малую, следовательно, если пожалованная будет выгодна, надеюсь обосновать в ней свое жительство». Однако в феврале 1791 года Ушаков изменит свое намерение и продаст людей и землю Г. А. Потемкину за 50 тысяч рублей.

же во оную церковь в 10 часов пополудни, и по отшествии благодарственного молебна выпалить выпалить с корабля Рождества Христова из 51 пушки»²⁹².

В век упадка христианского благочестия, когда Россия не только побеждала и прирастала окраинами, но и претерпевала затмение духовное, когда возрастали побег западного вольнодумия, когда закрывались монастыри, праведный воин Федор Ушаков, не давая обетов, верой и правдой исполняя свой воинский долг, сохранял чистоту веры. В ответ встречал непонимание, зависть и наветы недоброжелателей. Но Господь послал ему в помощь не только молитвенника, но и земного заступника – князя Григория Потемкина-Таврического, который, ободряя своего флагмана, писал: «... я люблю отдавать справедливость. Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии и приобретение всякого от меня добра и уважения единственно от прямых заслуг. Служите с усердием и ревностию и будьте впрочем спокойны. Сие Вам советует пребывающий с почтением»²⁹³. И Федор Федорович с честью оправдывал доверие своего покровителя, нанося туркам поражение за поражением.

Лишь к середине сентября турецкий флот смог частично собраться вместе и пойти к Константинополю. На этот раз капудан-паша не говорил о своей победе, но, тем не менее, был благосклонно принят султаном. Доброжелательность турецкого правителя объяснялась, очевидно, тем, что 19 сентября в Журже между Австрией и Турцией было подписано перемирие на семь месяцев, что развязывало туркам руки для продолжения войны с Россией. Поэтому 24 сентября Селим III, вместе со всем своим двором, поехал к Киоску (местечко в Босфоре) для торжественной встречи капудан-паши. Похваляя его за храбрость, он наименовал Гуссейна победителем и приказал возложить на него соболью шубу, а на тюрбан пожаловал бриллиантовое перо. Прочим тринадцати его капитанам также раздал золотые перья.

Но на этом щедрые излияния Селима не закончились. За «храбрые поступки» Гуссейна в последнюю баталию, в которой, по его словам, дрались только он и шедший с ним рядом корабль, а «прочие при начале баталии ушли», султан подарил ему дом, ханжияр (большой нож), осыпанный алмазами, и он был объявлен «гази», то есть великим. Два англичанина, находившиеся на турецком флоте, получили кафтаны и по пять мешков пиастров каждый. Они также «превозносили храбрость и подвиги капитан-паши, уведомляя о победе, одержанной над Российским флотом». Но, несмотря на их красноречие и явный обман, «употребленный правительством для отвращения всякого в народе смущения и шаткости», им мало кто поверил, «ибо весь флот турецкий пришел в чрезвычайном повреждении»²⁹⁴. Он состоял из девяти линейных кораблей, четырех фрегатов,

10 кирлангичей, трех бомбард и двух бригав. «Находящиеся на оных морские служители по большей части переранены. Капудан-паша уверял, что остаток оногo флота удалился в пристани Анапскую и Синопскую. Чернь вопреки его уверениям разгласила, что часть, которой не достаёт, разбита и погублена в последнем сражении и от претерпенных бурь»²⁹⁵.

К 12 октября в Константинополь из Черного моря прибыли еще три линейных корабля и несколько мелких судов в таком же «дурном состоянии», как и прежние. Русский агент доносил: «Из возвратившихся 12 кораблей с двух сбиты мачты, а у прочих мачты должны быть поставлены новые. Из трех первых ранговых кораблей, в одном новом, в прошлом году построенном, на коем сам капитан-паша командовал, 160 пробоин. В капитанском корабле, так называемом, после пожара в последнем сражении, пробоин не много меньше. Корабль, называемой «Фермандей», пострадал также. Еще два корабля потрачены, у одного отбит нос весь, а у другого оторвана половина каюты. Сверх того, у двух кораблей, кроме незначущих утрат, у руля ближе самой воды прошиблено большим ядром. Фрегаты не мало в боках потерпели, хотя мачты на оных все почти повреждены»²⁹⁶.

В официальных донесениях к султану о сражении, произошедшем 28–29 августа, турецкие флагманы сообщали, что «число убитых и раненых простирается до **пяти тысяч пяти сот** (выделено мной. – Авт.) человек»²⁹⁷. И это против сорока шести человек убитых и раненых на эскадре Ушакова!

Победа Черноморского флота при Тендре внесла весомый вклад в кампанию 1790 года, оставив яркий след в боевой летописи отечественного флота. Красной строкой вписана она и в историю военно-морского искусства.

Главным героем сражения, несомненно, стал контр-адмирал Федор Ушаков. Активно участвуя во всех его эпизодах, он был на самых ответственных и опасных местах, являя подчиненным образец храбрости, личным примером побуждая их к действию. При этом Федор Федорович предоставлял им возможность поступить «каждому по способности случая», не сковывая инициативы.

В ходе сражения Ушаков, так же, как и при Керчи, в максимальной степени использовал огневую мощь своих кораблей, подходя к противнику на предельно короткие дистанции и нанося главный удар по флагманским кораблям. Со всей очевидностью сказались преимущества в выучке русских моряков и особенно комендоров (артиллеристов). Их умение, удивительная стойкость и вера в своего предводителя дали исключительный результат. И все это при том, что в отличие от европейских флотов, имевших многовековую историю, российский флот, будучи сравнительно молодым, не имел еще практического опыта сражений в открытом море. Федор Ушаков, по существу, стал первым российским

флагманом европейского уровня, признанным мастером вождения эскадр, новатором тактики морского боя, что рельефно проявилось в сражении у острова Тендра.

4. КАЛИАКРИЯ

Блистательные победы Ф. Ф. Ушакова, одержанные им над турецким флотом в Черном море, значительно осложнили общее положение Турции в войне с Россией и способствовали успешным действиям русских войск, ведущим наступление на Дунае, где узловым пунктом обороны противника стал Измаил. Екатерина II по этому поводу писала: «... сие доказывает, что в поле держаться не могут противу наших войск, а ищут нас остановить противу стен»²⁹⁸.

Условия австро-турецкого перемирия ограничили полосу для наступления русской армии с запада рекой Серет и с востока – Черным морем. Кроме того, выбор этого направления был продиктован тем обстоятельством, что там находились и основные силы противника, уничтожение которых в корне изменяло бы всю военно-политическую обстановку и не только на театре военных действий. Поэтому овладение дунайскими крепостями стало основной задачей русской армии.

Для овладения дунайской твердыней Г. А. Потемкин намерен был вместе с войсками двинуть и гребную флотилию генерал-майора И. М. де Рибаса с лодками черноморских казаков. Для ее прикрытия назначался корабельный флот, которому, кроме этого, было предписано везде искать неприятеля и сразиться с ним, а также «наводить страх при устьях Босфора, препятствуя всякое сообщение из Дуная в Константинополь». В этой связи, князь Потемкин-Таврический писал Ф. Ф. Ушакову: «Я, с моей стороны, вам испрашиваю от Бога милость, от вас же требую согласия».

Любопытно заметить, что отправляя морские силы в экспедицию на Дунай, Потемкин дал рекомендацию Ушакову и тактического плана. Учитывая опыт проведенных Ушаковым сражений, 7 сентября он писал: «Уже из опытов Ваше превосходительство дознали, что, атакуя сильно флагманские турецкие суда, другие легко понуждаются к бою, а чтобы сие впредь с большою силою производить, то имейте при себе всегда «Наварахию», макроплию и «Григория Великия Армении», ежели он крепок. Сей небольшой фрегат при его хорошей артиллерии, особливо единорогов картаульных и полукартаульных, в ближней дистанции может с большою пользою служить, тем паче, что он способнее к изворотам. Определите на него искусного и храброго офицера. Великошاپкин, уповаю, годится, но Вы поставьте кого лучше знаете и снабдите людьми, сии форзеили (передовые корабли эскадры. – Авт.) Вашего

корабля составят эскадру, которую наименовать Кайзер-флаг-эскадра. С сими, при первом случае, с Божию помощью, налегайте на капитан-пашинский или вице-адмиральский корабль, а другим кораблям прикажите занимать прочие их корабли»²⁹⁹.

29 сентября, отправляя Черноморский флот к Дунаю, Г. А. Потемкин вновь напомнил Ушакову о своем замечании, снабдив его отеческим напутствием: «Известно вам мое замечание в прежнем предложении, что, когда во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются, я для сего приказал я Вам иметь при себе всегда «Наварахию», «Вознесение», макроплию «Святого Марка» и фрегат «Григорий Великия Армении» и наименовал эскадру кейзер-флага. Всеми прочими кораблями, составляющими линию, занимайте другие корабли неприятельские, а с помянутою эскадрою пускайтесь на флагманский, обняв его огнем сильным и живым, разделите которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус. И чтоб при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брендскугели. Что Бог даст в руки, то Его милость, но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого. Требуйте от всякого, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски, чтоб были внимательны к исполнению повелений и не упустили полезных случаев. Подходить непременно меньше кабельтова. Бог с вами! Возлагайте твердую на Него надежду; ополчась Верую, конечно, победим. Я молю Создателя и поручаю Вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!»³⁰⁰.

С этим напутствием Ушаков 15 октября вышел из Севастополя, имея под своим началом 14 линейных кораблей, четыре фрегата и 20 крейсерских судов, и 22 октября подошел к устью Дуная. А де Рибас уже 19 октября был у Килийского устья, где на следующий день обстрелял береговые батареи. На борту его судов находилось 600 человек из Днепровского гренадерского корпуса под командованием родного брата подполковника Э. М. де Рибаса. Из-за отсутствия возможности близко подойти к берегу, смельчаки бросились в ледяную воду и, вплавь добравшись до берега, смело пошли в атаку, невзирая на перекрестный огонь с турецких лансонов и батарей. К утру 21 октября обе батареи были взяты, взорвано одно судно и захвачено семь транспортов.

7 ноября подполковник де Рибас захватил замок и город Тульчу, где в качестве трофеев ему досталось одно военное судно и 38 транспортов. Множество судов было взорвано самими турками перед отступлением; часть судов уничтожена массированным огнем с эскадры капитана 1 ранга Ф. А. Ахматова. Весь берег около Тульчи был усыпан обломками турецких судов.

До 10 ноября Ф. Ф. Ушаков прикрывал с моря действия гребной флотилии и посаженного на нее десанта, а также осуществлял поиски неприятеля вдоль побережья. Но

турецкий флот так и не смог в этом году выйти в море. Потому пребывание Черноморского флота у Дуная стало не обязательным, и, по повелению главнокомандующего, 14 ноября он вернулся в Севастополь.

Тем временем, 13 ноября две дивизии гребной флотилии, отправленные к Искачи, в жестоком сражении подожгли турецкую флотилию маломерных судов и заставили неприятеля бросить береговые батареи и сам замок, в котором обнаружилось огромные склады для снабжения турецкой армии в Измаиле и прочих крепостях.

18 ноября флотилия подошла к Измаилу. На следующий день к крепости было пущено шесть брандеров и открыт огонь со всей флотилии и построенных ею береговых батарей. Капитан 1 ранга Ахматов подошел со своим отрядом на самое близкое расстояние к крепостному бастиону, где потопил семь лансонов и взорвал одну большую трехмачтовую таитию. После первой атаки полковник Головатый со своей флотилией черноморских казаков и 12 лансонами приблизился к неприятельским судам и открыл по ним и по городу сильную стрельбу, уничтожив еще четыре лансона и 17 транспортов. Турки в тот день понесли большие потери убитыми и ранеными.

Наступившая сырая и холодная погода стала угрожать болезнями в войсках. И в этой ситуации генералы Н. В. Гудович и М. И. Голенищев-Кутузов готовились уже отвести свою 30-тысячную армию от Измаила.

В создавшейся обстановке 25 ноября Г. А. Потемкин направил А. В. Суворову ордер, которым сообщал ему: «Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда и сторона города к воде открыта; остается предпринять с помощью Божию на овладение города. Для сего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду... Прибыв на место, осмотрите чрез инженеров положение и слабые места. Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею, ежелибы начать тем, чтобы, взойдя тут где ни есть, ложироваться, и уже оттуда вести штурмование, дабы и в случае чего, Боже сохрани, отражения было куда обратиться...»³⁰¹.

2 декабря Суворов с частью пехоты прибыл к Измаилу. Он не стал долго размышлять, что ему делать. На второй день своего командования он подтянул все войска к Измаилу и начал спешные приготовления к штурму.

Лазутчики и пленные доносили ему, что «в случае атаки города турки намерены защищаться твердо, по крайней мере, для исполнения своего долга три дня... Жители измаильские, которых там немалое число, уговариваются между собою, сопротивляться 10–15 дней, а после сдадутся... Многие, однако, беспрестанно бегут за Дунай, и если бы их не

наказывали, давно бы все разбежались»³⁰². Но опытный генерал знал, что турки будут обороняться ожесточенно.

5 декабря блокада возле Измаила была полностью восстановлена. Правым крылом войск назначен командовать генерал-поручик А. Н. Самойлов; левым – генерал-поручик П. С. Потемкин. На следующий день к крепости подошел Фанагорийский гренадерский полк, 150 человек Апшеронского полка и часть донских казаков и арнаутов.

8 декабря измаильскому сераскиру отправлено требование князя Потемкина и графа Суворова о сдаче крепости. Суворов в кратких и резких выражениях обратился к осажденным: «Я с войском сюда пришел, 24 часа на размышление и воля; первые мои выстрелы – уже неволя; штурм – смерть»³⁰³.

Сераскир ответил вежливо, но твердо, что требует 10 дней, чтобы снести с визирем, а в случае отказа полагал всю надежду на Всевышнего. Такой ответ не удовлетворил Суворова и в тот же день он ответил присланному из крепости турку, что все в Измаиле будет предано огню и мечу, а на военном совете вопреки мнению некоторых генералов принял окончательное решение вести войска на штурм.

В 3 часа ночи 11 декабря русские войска подошли к заранее оговоренным позициям. Одновременно и гребная флотилия, снявшись с якоря, подошла к берегу. В 5 часов 30 минут начался штурм. Ни сильная оборона, ни многочисленный гарнизон не смогли сдержать натиска войск Суворова. Измаил пал.

В тот же день в ставку Г. А. Потемкина полетела реляция Суворова: «Стены Измаильские и народ пали пред стопами Престола Ея Императорского Величества. Штурм был продолжителен и много кровопролитен. Измаил взят, слава Богу, Победа наша, вашу светлость честь имею поздравить»³⁰⁴.

Потемкин, со своей стороны, 18 декабря отправил в Петербург всеподданнейшее донесение, в котором с восторгом сообщал императрице: «Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в 30 слишком тысяч, истреблены в укреплениях пространных. Слава Богу, всегда нас победителями творящему... Храбрый генерал граф Суворов-Рымникский избран был мною к сему предприятию. Бог помог. Неприятель истреблен, более уже двадцати тысяч сочтено тел, да слишком семь тысяч взято в плен, а еще отыскивают. Знамен триста десять уже привезено, а еще собирают. Пушек будет до трех сот. Войска ваши оказали мужество примерное и неслыханное...»³⁰⁵.

Славная была победа!

Еще не имея известий о падении Измаила, султан продолжал чинить военные приготовления, для чего издал хатишериф, в котором повелевал туркам «всякого звания и кто

истинным мусульманином почитается, имеющим более 12 лет, идти на войну против россиян»³⁰⁶. Меж тем, на войну идти никто не хотел.

Константинополь наполнился страхом перед возможным всенародным бунтом. Порта всячески старалась усмирить правоверных, ободряя их тем, «что войска российские во время переправы чрез Дунай были с великою потерею прогнаны назад и что крепость Измаил так сильна, что и ста тысячам войска взять ее нельзя»³⁰⁷.

В предпоследний день 1790 года к Порте прибыли два курьера с печальным для нее известием, от которого «султан пришел в великую робость». Призвав к себе прусского министра, он с негодованием объявил ему, что если Пруссия не объявит России немедленно войну, то он принужден будет заключить мир на таких условиях, какие от России будут предписаны!³⁰⁸

О мире, однако, никто не смел с султаном заговорить, опасаясь его немилости или, хуже того, ссылки. Новость же о потере Измаила продолжала оставаться в тайне от народа. Лишь через месяц, 29 января 1791 года, «употребив всевозможную осторожность», султан сам объявил подданным о сдаче дунайской твердыни. С его слов правоверные узнали о «великой потере и пролитии крови оттоманской». Услышав об этом, народ «произвел вопль и стенание». Весть о том, что при штурме крепости россияне потеряли лучших офицеров и генералов и что от того, по словам султана, Россия не в состоянии уже продолжать войну, не произвела никакого впечатления. А призыв «чувствительными ударами» отомстить за «неслыханную дерзость» и вовсе не был воспринят³⁰⁹. Вся вина за потерю крепости была возложена на верховного визиря, и султан повелел лишить его головы.

Исполнить повеление султана было поручено капуджи-паше Кучюкемогору, отправленному для этого в ставку визиря. 1 февраля Шериф-паша, имея повеление султана, с опаской вернулся к себе в Шумлу, где во время беседы со старшинами ему был представлен фирман об отрешении его от визирского достоинства. При этом ему было объявлено, что султан пожаловал его пашою в Боснию, вследствие чего визирь сдал казенную печать и, оставив свой дом, с капуджи-пашою и вооруженными людьми верхом поехал в приготовленный для него дом.

Сойдя с коней, капуджи-паша расставил вокруг дома своих людей и протянул визирю другой фирман о лишении его головы. Визирь, «почувствовав толико ласкательный привет», в бешенстве вскочил с места и, выхватив два пистолета, выстрелил в капуджи-пашу, ранив его в бок. Он надеялся, что преданные ему люди придут на помощь, но никто и с места не двинулся. В дом вбежали люди капуджи-паши и из ружья застрелили

взбунтовавшегося визиря, после чего «сняли с него голову» и 5 февраля ночью доставили ее к султану в Константинополь³¹⁰.

Селим, презрительно взглянув в потухшие глаза Шериф Гассана-паши, приказал выставить его голову у серальских ворот на «позорище» в назидание другим. Но всем было очевидно, что визирь предстал всего лишь как ритуальная жертва или, говоря по-русски, козлом отпущения. Причиной падения Измаила, конечно же, были гений Суворова и беспредельная храбрость русских воинов и их командиров.

Заменив верховного визиря, Порта в кампанию 1791 года намеревалась нанести решительный удар по россиянам, чтобы заставить их подписать выгодный для Турции мир. Вместо казненного Шериф Гассан-паши верховным визирем вновь стал Юсуф-паша, который уже был визирем в самом начеле войны. Человеком он был непросвещенным, но, как отмечали его соотечественники, смелым, предприимчивым и умелым «в производстве всякого трудного дела».

«Сие назначение всех здесь (в Константинополе. – Авт.) порадовало, – писал венецианский посланник своему кабинету, – потому что его почитают единым искусным предводителем в настоящих критических обстоятельствах. Многие уже говорят, что Юсуф-паша, будучи виновником сей несчастной войны, толиких зол и толикаго пролития мусульманской крови, единый в состоянии или великими победоносными успехами, коих от его способностей ожидают, или искусством своим доставить мир Оттоманской Империи по крайней мере на таких условиях, какие ему обстоятельства учинить позволят»³¹¹.

Новый верховный визирь, в котором все видели «залог счастья, которое под предводительством его иметь будет оружие оттоманское», деятельно стал формировать новые армии. При этом в отличие от прошлых лет, «народ со всех сторон с необыкновенною охотою стремился на его призыв»³¹².

Не отставал в стараниях от Юсуф-паши и предводитель морских сил. Привести в порядок турецкий флот, «дабы оный был в готовности и выйти в Черное море на будущую кампанию против россиян», капудан-паше было приказано еще осенью 1790 года, и Кючук-Гуссейн действительно приступил к выполнению султанского повеления. Призвав к себе всех начальников, он, прежде всего, приказал им смотреть за морскими служителями, чтобы никто не был отпущен без замены и чтоб на будущую кампанию все были на месте.

Таким образом, в Турции формировать новые армии и приводился в порядок флот, состояние которого «от претерпенного вреда в Черном море жалости достойно». При этом султан, не рассчитывая на Гуссейна, решил призвать ему в помощь корсаров из африканских

владений, прославившихся под предводительством алжирца Сеит-Али на Средиземном море в борьбе с эскадрой российского арматора Ламбро Качиони.

Вход алжирско-тунисской эскадры в Константинополь состоялся 26 октября. Проходя мимо серая, на глазах самого султана алжирцы произвели несколько «эволюций, составляющих опыт грубого их в мореплавании искусства». В подтверждение своего верного служения Оттоманской Порте Сеит-Али привел с собой семь небольших судов, взятых в бою у Ламбро Качиони, и вместе с ними большое число пленных, 180 человек из которых по выступлении эскадры в порт были повешены³¹³.

С прибытием алжирской эскадры отношение султана к капудан-паше заметно изменилось. Алжирцы были щедро одарены Селимом за одержанные ими победы, а к Гуссейну появилось недоверие. Кроме того, султан удостоил Сеит-Али чином контр-адмирала и должности второго командира оттоманского флота. Будучи уверен в его мужестве, он дал под его команду новый 70-пушечный корабль «Патрона», построенный три года назад французским мастером Лероа и уже участвовавшим в трех сражениях с русским флотом. Корабль алжирского флагмана заметно отличался от других кораблей турецкой постройки. На нем не было высокой кормы, а потому он выглядел значительно ниже. На передней (фок) мачте он имел красный флюгер и четырехугольный зеленый флаг, а на корме красный флаг.

Селим разрешил также алжирцу, по своему усмотрению, выбрать для своих капитанов шесть кораблей и составить из них эскадру, не зависимую от повелений капудан-паши. Все корабли алжирской эскадры, в состав которой вошли тунисский и дульциниотский корабли, подняли красные флаги. Капудан-паша Гуссейн имел на своем корабле на средней (грот) мачте четырехугольный зеленый флаг и вместе с ним длинный красный, а на корме зеленый. Корабли, находящиеся под командованием Гуссейна, на корме также имели зеленые флаги. От обоих предводителей своего флота Селим III ожидал «великого подражания и доказательства их храбрости».

Сеит-Али, будучи тронутым вниманием султана, пообещал ему «сделать с россиянами в Черном море то же, что ему удалось произвести в Архипелаге над Ламброй Качиони.., что, встретясь с российским флотом, пойдет он со всеми своими кораблями на abordаж и либо погибнет, либо возвратится победителем»³¹⁴.

«Но такое возвышение и честь, оказанные от султана алжирцам, – доносил русский агент, – произвели печальные следствия, ибо чрез сие восстала уже великая ревность в капитан-паше, негодования и ненависть между начальниками турецкого флота, бесчестие для всех морских, потому что должны сносить, что столь знаменитое достоинство вручено

иностранцу и что десять судов вооружаются единими только алжирцами. Доходят гласящие жалобы, что при случае встречи неприятельского флота, славные алжирцы потребуют, может быть, помощи от турок, но тщетно оной надеятся будут... что сей алжирский самохвал чаятельно найдет свою погибель и о том не будет сожалеть как сам капитан-паша, так и прочие начальники на турецком флоте, которые завидуют ему в его доверенности у султана»³¹⁵.

Успехи русского оружия на берегах Дуная заставили турецкое правительство уже в первой половине января 1791 года отправить в Черное море алжирскую эскадру, которая, «разорив грабительством и насильствами» селения вокруг Буюк-Дере, вышла из Босфора. Без успеха пробыв в Черном море до конца февраля, алжирцы ни с чем вернулись в Константинополь.

Раздосадованный неудачным походом алжирской эскадры и, опасаясь того, что Ушаков может по частям разбить турецкий флот, верховный визирь запретил капудан-паше выводить его в Черное море раздельно. Он предписал ему со всеми морскими силами выступить в поход и следовать к устью Дуная.

Турки и алжирцы надеялись непременно разбить «Ушак-пашу». На кораблях не стихали разговоры о их мнимых победах и о том, что Россия вынуждена будет заключить мир, по которому все завоеванное россиянами, в том числе и Крым, будет возвращено. Простой же народ давно устал от войны и не верил никаким обещаниям о скорой победе. А потому Селим III, в очередной раз, решив вдохнуть уверенность в своих подданных, «с великой помпой» 20 апреля отправил свой флот из Константинополя. Незадолго до отхода флота он произвел Сеит-Али в чин вице-адмирала, а капудан-паше прилюдно объявил, чтобы тот, не теряя времени, шел в Черное море и сразился с российским флотом. Но при этом тайно повелел ему дойти до Буюк-Дере для пополнения запасов и набора команд, которых, как всегда, не доставало. Но турки, «боясь одного имени российского», всячески старались не идти на войну. Зато без возражений в поход шли англичане, переодетые в турецкое платье. В основном это были специалисты по управлению кораблем и артиллеристы.

19 мая после жестоких требований султана весь турецкий флот снялся с якоря и вышел в Черное море, взяв курс к Сунинскому заливу. За ночь флот успел благополучно удалиться от Константинополя на 80 миль. Утром следующего дня ветер неожиданно переменился и разразилась сильная буря, в результате которой от флота отстал поврежденный фрегат. Команду фрегата охватила паника. «Матросы на оном и сам капитан без всякого искусства в мореплавании не знали даже, куда предпринять путь к спасению». Чудом его снова занесло в Босфор. Остальной турецкий флот вскоре подошел к Констанце. 9 июня он направился мимо

Дуная и Аккерманского рейда к острову Березань, откуда пошел в крейсерство около берегов Крыма.

Российскому военному командованию и политическому руководству при составлении планов на кампанию 1791 года в полной мере пришлось учитывать военно-политическую обстановку, сложившуюся в Европе, «чтобы, продолжая войну против Порты, можно было равномерно с усилием действовать и против Пруссии, Англии и Польши»³¹⁶.

Побудительными причинами к этому явились намерения указанных стран, а вместе с ними и Голландии, применить против России военную силу в случае отказа последней подписать при их посредничестве навязываемый ей мир с Портой. Подтверждением служили донесения из Константинополя, в которых сообщалось, что прусский посланник уверял Порту, «что если Россия не примет посредничества его двора, то онный двор сим же летом объявит ей войну». В другом донесении отмечалось, что «английский парламент для соблюдения национальной чести рассудил за благо вооружить 70 кораблей и отправить их в Балтийское море для подкрепления ее посредничества, многократно уже России предложенного и для обороны берегов Прусского королевства»³¹⁷.

В условиях продолжавшейся войны с Турцией, для отражения возможной агрессии с западных направлений кабинетом Екатерины II в начале 1791 года было составлено расписание войск.

Для отражения агрессии со стороны Англии Адмиралтейств-коллегии было дано указание готовить флот Балтийского моря под командованием адмирала В. Я. Чичагова. В его состав должны были войти 32 линейных корабля (в том числе восемь 100-пуш.). Фрегатам же предписывалось «в собственных водах ожидать неприятельского нашествия». Против Пруссии должен был действовать корпус под командованием графа И. П. Салтыкова, расположенный между Ригой и Полоцком.

Рассуждая об этом, Екатерина II писала: «Я занимаюсь распоряжениями для встречи сильного английского флота, который вскоре обещал нас посетить... Делаю все возможное человеку и в моей власти состоящее, чтобы принять его достойным образом и надеюсь, что прием, во всех частях будет совершенный... Бог видит, что я не хитрю и что намерения мои не злы и не низки... Никакая сила человеческая не принудит меня сделать что либо противное пользам моей Империи и несообразное достоинству короны, которую ношу»³¹⁸.

Однако к этому времени международная обстановка претерпела существенные изменения. Обострение отношений между Россией и Англией существенно ударило по торговым интересам последней, в результате чего заметно возросло недовольство населения, а в парламенте правительственное большинство стало быстро уменьшаться. В этих условиях

Англия была вынуждена отказаться от войны с Россией, о чем 30 апреля был извещен статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий³¹⁹.

На русско-турецком фронте войскам под командованием генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина надлежало, опережая Турцию в ее военных устремлениях, уничтожить все крепости, взятые на правом берегу Дуная, а также отвлекать внимание неприятеля, «делая покушения для взятия Анапы, и наступательно действовать в Азии». Гребному флоту предстояло препятствовать переправе турецких войск и «делать на них поиски». Линейный флот имел задачу «езде искать турецкий, с ним сражаться и наводить страх при устьях Босфора, препятствуя всякому сообщению из Дуная в Константинополь»³²⁰.

11 мая Потемкин отдал распоряжение армии и Черноморскому флоту действовать наступательно. В порядке генерал-аншефу Н. В. Репнину по этому поводу предписывалось: «Препоручаю произведение поисков неприятеля, где только случаи удобные могут представиться, но с таким рассмотрением, чтобы действовать наверное (т.е. наверняка – Авт.). Большое предприятие на противную сторону я почитаю удобным тогда, как флот наш выйдет в море»³²¹. В соответствующем порядке контр-адмиралу Ф. Ф. Ушакову главнокомандующий отметил: «Испрося помощь Божию, направляйте плавание к Румельским берегам, и если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом... Я Вам препоручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится и господствовать там, на Черном море, чтобы наши берега были им неприкасаемы»³²².

В ходе начавшихся сражений на сухопутном театре военных действий генерал И. В. Гудович 19 июня приступил к обстрелу Анапской крепости и через три дня взял ее штурмом. 28 июня генерал Н. В. Репнин разбил 80-тысячную армию Юсуф-паши, нанеся ему урон в 4 000 человек, потеряв при этом всего 147 человек убитыми и 416 ранеными³²³. В результате верховный визирь вынужден был вновь сесть за стол переговоров. При этом союзники Турции, два года продержавшие ее в состоянии войны, фактически отвернулись от нее, что свидетельствовало о закономерном признании выдающихся успехов русской армии и Черноморского флота, а также русской дипломатии и твердости, проявленной при этом Екатериной II и ее ближайшими сподвижниками.

В создавшихся условиях у Порты остался единственный способ повлиять на ход переговоров – дать морское сражение и диктовать России условия мира. Капудан-паша с алжирским предводителем надеялись найти Севастопольский флот и уничтожить его. 3 июля, подойдя к берегам Анапы, капудан-паша направил туда три кирлангича для разведки, а также за зеленью и прочими припасами под предводительством своего чауша (адъютанта). Кирлангичи вошли на рейд и первые два из них, ошвартовавшись у пристани, к

великому изумлению команды, тут же были взяты в плен. А третий, завидя на подходе российский флаг в крепости, опрометью пустился в море.

Пленный чауш сообщил, что «флот турецкой состоит из 25 линейных кораблей и до 35 малых судов. На нем считают до 20 тысяч войск с матросами; в том числе при артиллерии находятся три англичанина. На линейных кораблях находится до 4 000 алжирцев, коими по большей части командуют алжирские капитаны, в том числе из первых командует одним кораблем алжирцев Сеит-Али, а всем флотом командует капитан паша Гуссейн»³²⁴.

Получив 11 мая повеление Потемкина выйти в море, контр-адмирал Ушаков не мог его исполнить из-за нехватки необходимых для ремонта материалов, которые никак не могли доставить из Херсона. Препятствовал этому и северо-западный ветер.

Ф. Ф. Ушаков с вверенным ему флотом оставался в Севастополе, пристально наблюдая за движением турок. Наконец 10 июля с борта своего флагманского корабля «Рождество Христово» он рапортовал оставшемуся за Г. А. Потемкина, убывшего в Петербург, генерал-аншефу Н. В. Репнину: «Сего числа с вверенным мне Черноморским флотом с Севастопольского рейда при первом начинающемся благополучном ветре вышел на море и со всевозможной поспешностью... пойду искать его (неприятельский флот. – Авт.), где кажется, соображая случай и обстоятельство, употреблю всевозможное старание сыскать его и, призвав Бога в помощь, атаковать и исполнить все предписанные мне повеления Его Светлости и Вашего Сиятельства»³²⁵.

Черноморский флот под флагом Ушакова состоял:

№№ п/п	Наименование	Командиры	
Корабли			
1.	Рождество Христово	Капитан 1 ранга	Матвей Ельчанинов
2.	Иоанн Предтеча	Капитан 1 ранга	Андрей Баранов
3.	Мария Магдалина	Капитан 2 ранга	Александр Ишин
4.	Владимир	Капитан бриг. ранга	Павел Пустошкин
5.	Св. Павел	Капитан 1 ранга	Кирилл Шапилов
6.	Преображение	Капитан 1 ранга	Николай Кумани
7.	Св. Георгий	Капитан 1 ранга	Михаил Чефалиано

8.	Александр Невский	Капитан 1 ранга	Николай Языков
9.	Апостол Андрей	Капитан 2 ранга	Евстафий Сарандинаки
10.	Иоанн Богослов	Капитан 2 ранга	Федор Шишмарев
11.	Апостол Петр	Капитан 1 ранга	Федор Заостровский
12.	Царь Константин	Капитан 2 ранга	Илья Ознобишин
13.	Федор Стратилат	Капитан 1 ранга	Иван Селивачев
14.	Леонтий Мученик	Капитан 1 ранга	Анисифор Обольянинов
15.	Наварахия	Капитан 2 ранга	Дмитрий Сенявин
16.	Николай	Капитан 2 ранга	Михаил Львов
Фрегаты			
17.	Нестор Преподобный	Капитан 2 ранга	Федор Шишмарев
18.	Макроплия	Капитан 2 ранга	Василий Великошапкин
Бомбардирские суда			
19.	Иероним	Капитан 2 ранга	Федор Демор
20.	Рождество Богородицы	Подполковник	Георгий Кандаков
21.	Полоцк	Капитан-лейтенант	Генрих Белли
Крейсерские суда			
22.	Панагия Дусено	Лейтенант	Глезе
23.	Карло Константин	Лейтенант	Милиси
24.	Принцесса Елена	Лейтенант	Вальяно
25.	Панагия Турляни	Лейтенант	Кацаити
26.	Панагия Понанди	Лейтенант	Батисто
27.	Кеки Тавро	Лейтенант	Купа
28.	Св. Николай	Лейтенант	Фок
29.	Панагия Апотуменгана	Лейтенант	Гвороно
30.	Феникс	Лейтенант	Бернадаки
31.	Св. Александр	Подпоручик	Рази
32.	Слава Св. Георгия	Подпоручик	Соломо
33.	Красноселье	Подпоручик	Асланов
34.	Св. Андрей	Подпоручик	Метелинский
35.	Св. Спиридон	Подпоручик	Калига

36.	Георгий Победоносец	Шкипер	Кораблев
37.	Граф Северный	Лейтенант	Вальяно
38.	Чечерск	Прапорщик	Калаврия
Бригантины			
39.	Абельтаж	Майор	Гунале
40.	Климент	Подпоручик	Ладыко
41.	Таганрогская	Лейтенант	Личардопуло
42.	Надежда благополучия	Прапорщик	Рудив
43.	Донай	Капитан	Скандраков
Брандеры			
44.	№ 1	Лейтенант	Варваки
45.	№ 2	Лейтенант	Кундури

12-го числа Ушаков обнаружил флот Гуссейна, который вновь подошел к Севастополю на удаление пяти миль. Противники намерены были атаковать друг друга, сблизившись на расстояние пушечного выстрела. Но по причине маловетрия флоты были лишены возможности маневрировать и через два дня разошлись. Гуссейн пошел в сторону Варны, а Ушаков вернулся в Севастополь, чтобы пополнить запасы и вновь выйти в море для решающего сражения.

В Севастополе Федор Федорович получил послание Потемкина, в котором тот извещал, что по прибытии намерен посетить Севастопольскую эскадру. Обрадованный этим известием, Ушаков с большим удовольствием сел за ответное послание. Как командовать флотом и водить его в сражение, он знал лучше других. Знал он, как готовить корабли и экипажи к бою. Для этого он применял свою жесткую методу, в которой требовательность и безусловное подчинение сочетались с заботой о людях. Всякое отклонение нарушало его хрупкое душевное равновесие и приводило его в расстройство. Ушаков болезненно воспринимал всякую обиду и несправедливость, от того, желая доказать свою правоту, с завидным упорством, и даже с кажущейся назойливостью, пытался убедить своего покровителя в собственной правоте и преданности.

«Не могу изъяснить удовольствия чувств моих, – писал Ушаков, сколь сим обрадован. Прошу и молю Всевышнего, да благословит сим счастливым случаем, в котором с начала моего командования и навсегда единственную и всю мою надежду, желание и истинное благополучие почитаю, ибо таковой только случай может во всем меня оправдать пред

Вашим Сиятельством и оказать, что ничего к неудовольствию по команде не заслуживаю, кроме неусыпного обо всем попечения, отличного усердия и ревности к службе. В рассуждении оных, требуя я того ж всегда от прочих, может быть, навел некоторым, но не многим, иногдашними легкими выговорами не большое неудовольствие; но сие ежели что и случилось, то единственно служит к сохранению дисциплины, без которой обойтись никак нельзя, и никакой пользы в делах быть не может. Доношу Вашей Светлости, мне так предписано, из границ же благопристойности ни в чем, отнюдь, я не выхожу, и команда мною вся довольна, кроме разве немногих таковых, которые боятся ревности к службе и военного порядка; довольными сделать всех никто не может. Сей счастливый для меня случай, ежели могу только себя оным ласкать, в присутствии Вашей Светлости обличить всякую против меня хитрую неправду, и за величайшие заслуги, если бы Всевышний мне их даровал, не желаю никакого награждения, кроме счастья оправдать себя пред Вашей Светлостью и обличить на лицо моих неблагоприятелей (имеются ввиду И. М. де Рибас и Ф. А. Ахматов. – Авт.)...Бог всем им заплатит по достоинству, а я имею верную на Него надежду, что он меня милостию Своею пред Вашим Сиятельством оправдает, и я оную заслужу и с тем останусь. Я не пекусь об удержании моего места, но единственно об одной справедливости и о удержании имени честного человека, чем бы я ни был»³²⁶.

Князь Потемкин, единожды избрав Ушакова, к великому подвигу на Черном море, ни минуты не сомневался в искренних устремлениях своего подопечного, чистоте его помыслов и поэтому лишь успокаивал раненого адмирала, оберегая его душевный покой.

Меж тем, на переговорах в Чистове, турки стали более сговорчивы и стремились как можно скорее заключить мир. В связи с этим 22 июля Н. В. Репнин писал Г. А. Потемкину: «...Приезжайте, Милостивый Государь, как можно скорее увенчать Вашу славу сим последним разрешением дел и снять плоды, принадлежащие всем Вашим трудам»³²⁷.

Не имея сведений о состоянии дел на переговорах, контр-адмирал Ушаков 29 июля вывел Черноморский флот из Севастопольской бухты и направил его к Румелийским берегам. Под началом Ф. Ф. Ушакова состояло 16 линейных кораблей, два фрегата, два бомбардирских корабля, 17 крейсерских судов, брандер и репетичное судно. 31 июля на подходе к мысу Калиакрия он обнаружил под берегом неприятельский флот, состоящий из 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 более мелких судов. Оценив положение противника, русский флагман решил «изумить его внезапностью». Чтобы выиграть ветер и отрезать турок от берега, Ушаков направил свой флот между береговой батареей и неприятелем.

Неожиданное появление русского флота привело противника в замешательство. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. Не справившись с управлением на

крутой волне, при порывистом ветре, несколько кораблей столкнулись друг с другом и получили повреждения.

Ушаков, пользуясь неразберихой в стане неприятеля, продолжал с ним сближаться, оставаясь в походном порядке трех колонн. Стремительное приближение русского флота заставило капудан-пашу поспешить с построением своих кораблей в боевой порядок. Он устремился под ветер и попытался построить флот на правый галс. Но когда большая часть его кораблей уже вытянулась в линию, алжирский предводитель Сеит-Али со своими кораблями под красными флагами увлек за собой весь турецкий флот, выстроив его на левый галс. Гуссейну ничего не оставалось делать, как занять место в боевом порядке алжирца.

Сеит-Али, будучи передовым, и стараясь выиграть ветер, с двумя своими кораблями и несколькими фрегатами стал выдвигаться вперед. В это время, русский адмирал, достигнув неприятеля, также начал перестраивать свои корабли в боевой порядок параллельно турецкому флоту и приказал как можно быстрее спуститься на него. Заметив выдвижение алжирца, Ушаков, заканчивая перестроение в боевой порядок, на своем флагманском корабле «Рождество Христово» погнался за ним, подтвердив команду флоту: «Сомкнуть дистанцию». Сблизившись с кораблем Сеит-Али (как предписывал Потемкин) на полкабельтова и, обойдя его с носа, Ушаков начал атаку. Одновременно и весь русский флот вступил в сражение.

Первым же ядром с русского флагмана на алжирском корабле вдребезги разнесло фор-стенгу (продолжение передней мачты), щепка от которой отлетела в Сеит-Али, тяжело ранив его в подбородок и шею. Окровавленный алжирский предводитель, не так давно похвалявшийся скорой победой над русскими, был унесен с палубы. А его корабль, не выдержав атаки «Рождества Христова», с большими повреждениями убрался в глубину своего боевого порядка.

Вышедшие на его место два корабля и два фрегата попытались отрезать «Рождество Христово». Но метким огнем с русских кораблей они с расстрелянными парусами также были вынуждены повернуть к своему флоту. Один из алжирских кораблей, несмотря на значительные повреждения, продолжал защищать корабль Сеит-Али от огня «Св. Александра», «Иоанна Предтечи» и «Федора Стратилата». Последние же, следуя за «Рождеством», спустились от ветра и, окружив передовые бегущие корабли противника, произвели по ним и вдоль всего оттоманского флота жесточайший огонь. Тем временем, адмирал Ушаков продолжал преследование корабля алжирского пашы.

Экипажи русских кораблей, следуя примеру своего флагмана, сражались с большим мужеством. Они разбили боевую линию противника, корабли которого стали укрываться

один за другого. Окруженные практически со всех сторон они были буквально засыпаны ядрами с русских кораблей. При этом турки были настолько стеснены, что били друг в друга. Вскоре они не выдержали и, обратившись к русскому флоту кормой, пустились в бегство.

Многие турецкие корабли не имели ни мачт, ни стеньгов, ни рей и практически все были с расстрелянными парусами. Но более всех оказались повреждены корабли капудан-паши и Сеит-Али, у которых были разломаны все мачты, разбиты нос, корма и множество пробоин зияло в бортах. Турецкий флот был «совершенно уже разбит до крайности» и в очередной раз бежал с поля боя.

Наступившая темнота, густой пороховой дым, окутавший поле боя, и наступившее безветрие спасли его от полного разгрома и пленения. На исходе дня, в половине девятого, Ушаков был вынужден прекратить погоню и стать на якорь. В полночь ветер снова подул, и Ушаков возобновил преследование, однако, в кромешной мгле это было бесполезно. На рассвете 1 августа на горизонте уже не было ни одного неприятельского корабля. В этот же день Ушаков получил известие от Репнина о заключении перемирия и повеление о возвращении в Севастополь.

Весь турецкий флот разбросало по морю. Большая часть экипажей погибла, в то время как на российских кораблях было убито: один унтер-офицер, 16 рядовых, а ранено три офицера, два унтер-офицера и 23 рядовых.

В тот же день в Константинополе, не имея известий о произошедшем морском сражении, праздновали Курбан-Байрам и радовались утешительной вести, прилетевшей из Чистова, о подписании 31 июля предварительных условий мирного договора.

2 августа «сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх», вызванные появлением у крепостей Босфора эскадры «славного алжирца» Сеит-Али. Вид пришедших пяти его линейных кораблей и пяти других малых судов был ужасен. «Некоторые из оных без мачт и так повреждены, что впредь служить на море не могут». Палубы были буквально завалены трупами и умирающими от ран. Только на флагманском корабле было 300 убитых и 375 раненых³²⁸.

Очевидец событий так описывает происходящее далее: «Комендант крепости немедленно отправил уведомить о сем (о прибытии эскадры. – Авт.) Порту, а каймакан (заместитель визиря. – Авт.) представил потом о сем султану, который, услыша сказанное, немедленно сам сел в шлюпку скрыто и отправился к крепости, расстоянием на 18 миль от столицы, желая сам о сем происшествии изведать. Он был сопровождаем многими знатными особами, любопытствовавшими смотреть на сие зрелище. Султан, расспрося обо всем от самого коменданта и алжирца своего любимца, приказал тотчас,

чтобы из арсенала (адмиралтейства. – Авт.) присланы были мастера для починки оных кораблей. Потом султан дал строгие повеления, дабы не мешкая набрать насильно янычар и отправить их денно и ночью на лодках к крепостям Черного моря для вящего укрепления оных. Народ, о сем услыша и видя толикия приуготовления, пришел в великий страх и думал, что уже весь флот турецкий или разбит, или созжен, опасаясь при том, дабы нечаянно и в устье канала российский флот не появился»³²⁹.

Александр Семенович Мордвинов – российский посланник в Венеции, первым получив эти сведения, немедленно отправил их в Петербург, добавив от своего имени: «Великое удовольствие чувствую в себе, что мое желание исполнилось в рассуждении последовавшего с Сеит Алием, ибо он за свое хвастовство того заслуживает»³³⁰.

Куда девался остальной флот и где находился сам капудан-паша, никто не мог сказать. Лишь к сентябрю остатки флота смогли собраться в Константинополе. Диван ужаснулся, узнав о недостатке судов. Из 90 вымпелов, вышедших в Черное море в мае, не вернулось 28, из них один линейный корабль, четыре фрегата, три бригантины и 21 канонерская шлюпка и другие мелкие суда³³¹.

При столь явных потерях султану так и не сказали всей правды о происшедшем сражении. Ему сообщили лишь, «что неприятели со всем флотом, состоявшим в 44 судах, атаковали прежде эскадру Сеит-Али, коя стояла на якоре расстоянием на пять миль от флота капитан-паши, которой по причине противного ветра не мог ей с своим флотом подать ни малейшей помощи. Также неприятель был много поврежден и потерял один корабль, который на другой день, имея южный ветер, отправился к Крыму. Капитан же паша с остатком своего флота преследовал оной»³³².

Чтобы ободрить народ и не допустить паники или бунта, ему также было объявлено, что капудан-паша, атаковав российский флот на Черном море, одержал над ним знаменитую победу. Но пришедшие на Константинопольский рейд суда «подали ему великое сомнение в реченном выигрыше»...

Победу русского флота в сражении у мыса Калиакрия можно справедливо считать событием беспримерным в российской военной истории. Было очевидно, что со времен Чесменского пожара турецкий флот не знал столь сокрушительного поражения. Он был полностью разгромлен.

13 августа, находясь возле устья Дуная, Федор Федорович Ушаков отправил донесение в Севастополь: «Минувшего июля 29-го августа со флотом Черноморским отправился я к Румелийским берегам и в 31-е число, нашед флот неприятельской при Калиакрии, имел с оным жестокое сражение, продолжавшееся 3 ½ часа до самой густой

темноты ночи, в которое время флот неприятельский разбит наисовершенно и с величайшими повреждениями едва многие корабли, успев спастись от плена, при сгустившейся от дыма темноте ночи и перемене ветра ушел к стороне Константинополя. После сего многие мелкие суда при Румелийских берегах разбиты, потоплены и сожжены, а затем получил я уведомление о заключенном перемирии и со флотом возвращаюсь к нашим берегам благополучно...»³³³.

Г. А. Потемкин, получив известие о новой победе Ушакова, с восторгом отписал ему: «С удовольствием получил я рапорт вашего превосходительства... об одержанной вами над флотом неприятельским победе, которая, возвышая честь флага российского, служит и к особой славе вашей. Я, свидетельствую чрез сие мою благодарность вашему превосходительству, препоручаю вам объявить оную и всем соучастникам в знаменитом сем происшествии. Подвиги их не останутся без достойного возмездия»³³⁴. А чтобы лично поздравить героя, 27 августа он вызвал его вместе П. В. Пустошкиным к себе в Яссы.

14 октября Федор Федорович Ушаков был пожалован орденом Св. Александра Невского. В рескрипте Екатерины II по этому поводу было прописано: «Знаменитая победа в конце последней кампании Черноморским флотом Нашим, Вами предводительствуемым, над таковым же турецким, одержанная в самой близости столицы оттоманской, куда флот неприятельский из среды моря загнан с великим его поражением, служит новым доказательством усердия к службе Нашей, особого мужества и искусства Вашего, и приобретает Вам монаршее Наше благоволение»³³⁵.

Особо отличившиеся в сражении командиры авангарда и арьергарда генерал-майор флота Г. К. Голенкин и бригадир флота П. В. Пустошкин, по представлению Ушакова, были награждены соответственно орденами Св. Владимира 2-й степени и Св. Георгия 3-го класса. 24 офицера были награждены орденами и восемь – золотыми шпагами. Нижние чины получили по рублю.

Победа Ушакова при Калиакрии получила достаточно широкий международный резонанс. Известия о ней долетели как до Лондона, так и до Парижа. Французский поверенный в делах в России Э. Жене 6 сентября писал своему министру: «Еще одна победа, монсеньер. Ее блеск превосходит все предыдущие. Турецкая эскадра полностью разгромлена эскадрой императрицы. Девять оттоманских линейных кораблей были взяты и потоплены, а адмирал Ушаков накануне подписания прелиминариев вызвал страх и неподдельный ужас в Серале Селима тем, что он мог появиться в устье Константинопольского канала»³³⁶.

Русский флот, открывший войну своими победами под Кинбурном и Очаковом, не менее блистательно завершил ее знаменитой победой у мыса Калиакрия! Ушаков был,

несомненно, горд этой победой. Горд он был и от того, что во многом благодаря его трудам, Черное море оказалось у ног России. К нему пришла заслуженная слава и уважение.

Первый биограф адмирала Ушакова – Р. Скаловский справедливо писал о нем: «Гроза турок, но вместе с тем, уважаемый ими и прозванный Паша Ушак, он далеко вознес славу свою как храброго и искусного морского офицера и главнокомандующего. Преданный своему долгу, высоко ценивший воинскую доблесть, неумолимо деятельный, предприимчивый, обладавший редкими способностями для того поприща, которое судьба определила ему запечатлеть рядом блистательных заслуг, он вскоре сделался любимым вождем и одного имени его достаточно было для устрашения турок и воодушевления подчиненных»³³⁷.

В ходе этой войны Федор Федорович Ушаков явил миру пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия. Флот под его командованием, вдвое уступавший противнику по численности, имел в 100 раз меньшие потери в личном составе. Небесным Промыслом, не потеряв в сражениях ни одного корабля, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон. Из 33 линейных кораблей и 15 фрегатов у турок после войны осталось (с учетом построенных и купленных) всего лишь 17 линейных кораблей и 20 фрегатов, из которых боеготовыми были лишь **четыре флагманских линейных корабля и четыре фрегата**³³⁸. Другими словами, турецкий флот на Черном море был практически полностью уничтожен! Так Господь прославил своего праведника за его веру и верность.

5. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ

Долг справедливости требует воздать должное светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому за его неоценимый вклад в дело возвышения России, чему во многом способствовал созданный его гением Черноморский флот.

Создание Черноморского флота стало значительным явлением в государственной жизни России, существенно повлиявшим на дальнейшую перспективу развития страны в целом. С этого времени внешняя политика России на южном и юго-западном направлениях как никогда стала тесно увязываться с морской силой, а борьба за господство на Черном море стала неотъемлемой частью всей внешнеполитической деятельности Российского государства.

С момента создания Черноморского флота высшее государственное и военное руководство России уделяло самое пристальное внимание его укреплению и развитию.

Основные направления укрепления флота определялись его главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Г. А. Потемкиным и касались всех сторон флотской деятельности.

Укрепление и развитие флота проходило по следующим направлениям:

1. создание мест базирования с развитием их инфраструктуры и строительством защитных сооружений;
2. подбор и расстановка командных кадров и комплектование флота личным составом;
3. количественное увеличение корабельного состава и усиление его огневой мощи;
4. совершенствование организационно-штатной структуры;
5. поддержание высокой боевой готовности.

Как показал анализ документов Коллегии иностранных дел, Адмиралтейств-коллегии, императорских указов и рескриптов, определение места базирования Черноморского флота являлось одним из наиболее важных вопросов, от решения которого зависело общее стратегическое положение России на Черном море. Выбор Ахтиарской бухты, имеющей свободный выход в море, в качестве главной базы флота значительно увеличил его возможности в решении поставленных задач.

Важное значение приобретало комплектование флота офицерским составом и нижними чинами, острый недостаток которых ощущался с самого начала, о чем еще в июне 1783 года Г. А. Потемкин писал императрице: «Сколь нужны потребные для кораблей здесь строящихся офицеры и нижние чины, Вы сами знать изволите. За употреблением на фрегаты (Азовской флотилии. – Авт.), здесь почти ничего не остается»³³⁹.

Особенно сложным был вопрос подбора флагманов и командиров. Острота проблемы заключалась в том, что на флоте практически не было флотских специалистов, имеющих боевой опыт и хорошую практику артиллерийской стрельбы, что было также отмечено Г. А. Потемкиным. «Наши, ежели знают, то теорию, практикованы мало. – Писал он императрице. – Ядрами же почти никто не стрелял, кроме двух кораблей в прошедшую войну»³⁴⁰.

Нехватка опытных флагманов заставила Екатерину II искать их среди иностранцев. В связи с этим Коллегия иностранных дел начала переговоры с голландским контр-адмиралом Я. Г. Кинсбергенем, отличившимся на Черном море в русско-турецкую войну 1768–1774 годов. Однако тот, сославшись на семейные обстоятельства, отказался от русской службы. В конечном итоге, уже в ходе начавшейся войны, на места флагманов были приглашены принц К. Н. О. Нассау-Зиген и бывший предводитель отряда судов Конгресса североамериканских колоний Д. Поль-Джонс, зачисленные в русский флот с чином контр-адмирала. Первый из них был назначен командующим гребной эскадры Лиманской флотилии, второй –

командующим парусной эскадрой. Линейным Черноморским флотом командовал контр-адмирал М. И. Войнович, младшим флагманом при котором находился капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков.

Ход военных действий показал, что некоторые из них, в частности Д. Поль-Джонс и М. И. Войнович, оказались не способными к руководству флотом в боевой обстановке и заменены на ответственных постах, проверенными в бою, более энергичными флагманами, такими как Ф. Ф. Ушаков и И. М. де Рибас.

Важность вопроса комплектования Черноморского флота офицерским составом и нижними чинами подтверждал тот факт, что оно осуществлялось под личным контролем президента Адмиралтейств-коллегии, генерал-адмирала, великого князя Павла Петровича из числа личного состава Балтийского флота. Так 13 июля 1783 года им были поданы предложения для отправки в Херсон на семь 66-пушечных кораблей: «флотских команд – 2 478; солдатских команд – 952; артиллерийских команд – 448; всего – 3 878 человек»³⁴¹.

Большое внимание этому вопросу уделяла и сама императрица. Заботясь об укреплении Черноморского флота, в сентябре 1787 года, в одном из своих рескриптов на имя Г. А. Потемкина она писала: «Число потребное для укомплектования Черноморского флота сколько возможно отделить из здешнего офицеров, матрозов и плотников, Мы прикажем оных к вам доставить немедленно, и о снабдении вас суммою из ассигнационного банка на строение флота Черноморского определенную сумму денег дан указ Наш действительному тайному советнику и того банка главному директору графу Шувалову, по которому сия к вам тот час послана будет»³⁴². Однако, несмотря на принятые меры, на флоте ощущалась нехватка нижних чинов. В результате с началом военных действий Г. А. Потемкин принял решение «всех морских солдат употребить в матросы»³⁴³. Но уже в ходе войны флот удалось полностью укомплектовать, что оказало существенное влияние на его боеспособность.

Одним из самых ответственных моментов в укреплении российских морских сил на Черном море являлось увеличение численности корабельного состава и усиление их огневой мощи. В течение десяти лет после издания указа Екатерины II о строительстве флота на Черном море, в Херсоне и на Азовских верфях были построены и вошли в боевой состав четыре 66-пушечных линейных корабля, 20 фрегатов, бомбардирский корабль, три шхуны, четыре шхунары, семь ботов и 30 более мелких судов и транспортов. Кроме того, в Херсоне в процессе строительства находились 80-пушечный корабль и 50-пушечный фрегат³⁴⁴. В то же время намеченная судостроительная программа не была полностью выполнена. Из двенадцати запланированных по штату кораблей к лету 1787 года было построено всего

шесть, из которых линейный корабль «Св. Александр» в 1786 году разбился о скалы. В то же время, численный состав турецкого флота в 3,5–4 раза превосходил Черноморский флот³⁴⁵.

В войну с Турцией пришлось вступить с флотом, так и не доведенным до штатной численности. Из писем Г. А. Потемкина к Екатерине II видно, что, в сложившихся обстоятельствах, он все же вернулся к мысли о необходимости межтеатрового маневра и просил у императрицы отправить с Балтики в Средиземное море «не меньше двадцати линейных кораблей» для разделения турецких морских сил³⁴⁶. Переход эскадры Балтийского флота под командованием адмирала С. К. Грейга, к сожалению, был отменен ввиду начавшейся в 1788 году войны со Швецией.

Дальнейший ход событий показал, что первая попытка применения Черноморского флота в сентябре 1787 года окончилось неудачей. Флот был застигнут сильным штормом и получил значительные повреждения, фрегат «Крым» пропал без вести, а корабль «Мария Магдалина» был занесен в Босфор и попал в плен. В этих условиях были приняты экстренные меры к спешному ремонту поврежденных кораблей, а также к строительству гребных судов и укреплению Лиманской флотилии, базирующейся в Глубокой пристани³⁴⁷.

Первое сражение линейных флотов в открытом море, произошедшее 3 июля 1788 года у острова Фидониси, со всей очевидностью показало с одной стороны явное морально-психологическое превосходство русских моряков, а с другой – слабость русской линии (два русских корабля против 17 турецких). Для ее усиления из Лиманской флотилии в Севастополь были переведены два линейных корабля. Кроме того, специальным orderом Г. А. Потемкина от 19 июля 1788 года было принято решение о зачислении в ранг линейных кораблей 40- и 50-пушечных фрегатов, перевооруженных пушками большего калибра (36-фунтовыми)³⁴⁸. Обосновывая это решение, он писал: «Во флоте бдят калибр пушек, а не число. Ежели трехдечный корабль наполнить 12-фунтовыми пушками, то фрегат двадцати пушечный его побьет, ежели на оном будут 28-фунтовые и 30-фунтовые. Итак, нужно, чтобы фрегаты носили большую артиллерию»³⁴⁹.

Принятые меры позволили свести к минимуму преимущество турецкого флота по численности кораблей основного класса. В результате, в очередном сражении, произошедшем 8 июля 1790 года у Керченского пролива, соотношение кораблей линии (с учетом вышесказанной оговорки) было уже 1:1.

Другим направлением укрепления Черноморского флота являлось совершенствование организационно-штатной структуры флота. При создании Черноморского флота он был разделен на два основных соединения: корабельную эскадру или линейный флот с главной базой в Севастополе и Лиманскую флотилию, состоящую из двух эскадр (парусной и

гребной). Однако, в ходе накопления боевого опыта и дифференцированного распределения сил флота в соответствии с возлагаемыми на них задачами, 16 декабря 1790 года Лиманская флотилия была преобразована в гребной флот, состоящий из трех дивизий относительно однородного состава (гребных, гребно-парусных и небольших парусных судов)³⁵⁰. Он предназначался для действий в прибрежных районах и в устьях рек как самостоятельно, так и во взаимодействии с сухопутной армией. Это, в свою очередь, позволило наиболее эффективно использовать морские силы России на Черном море по роду решаемых ими задач и, прежде всего, способствовало улучшению взаимодействия армии и флота. Линейный флот продолжал выполнять задачу разгрома основных сил турецкого флота с целью завоевания господства на море. Реорганизация структуры Черноморского флота позволила наиболее оптимально разделить силы флота по характеру решаемых им задач.

В ходе начавшейся войны важное значение имело поддержание сил флота в высокой боевой готовности, которое осуществлялось по следующим направлениям:

- совершенствование боевой организации кораблей;
- плановое проведение боевой подготовки в умелом сочетании с хорошо поставленной воспитательной работой;
- непрерывное ведение морской разведки;
- совершенствование системы управления и связи;
- материальное обеспечение и техническое обслуживание кораблей и судов флота.

Совершенствование боевой организации кораблей проводилось с учетом боевого опыта, полученного в ходе морских сражений. Оно заключалось в наиболее рациональном распределении нижних чинов и офицеров по уровню подготовленности и знаний, как на боевых постах корабля, так и в целом на флоте. Примером этому может служить ордер Г. А. Потемкина контр-адмиралу Ф. Ф. Ушакову от 14 марта 1790 года. В нем, в частности, отмечалось: «Команды разделить так, чтоб везде старых было по равной пропорции. Командиров по судам разделить, смотря не на одно старшинство, но и на способность»³⁵¹. Следует отметить, что указанный в ордере принцип распределения личного состава по боевым постам и кораблям стал впоследствии определяющим для составления боевых корабельных расписаний в отечественном флоте.

Сильной стороной в деятельности командования Черноморским флотом, и прежде всего Ф. Ф. Ушакова, являлась плановая боевая подготовка, направленная на обучение личного состава и отработку слаженности экипажей. Большое внимание уделялось морской практике и артиллерийской подготовке, о чем постоянно напоминал и генерал-фельдмаршал князь Г. А. Потемкин. Так в его ордере командующему гребной флотилией генерал-майору

флота И. М. де Рибасу от 14 марта 1790 года отмечалось: «... обучать маневрам, строиться полумесяцем, ложиться в линию, ходить колоннами, спускаться по сигналу в погоню, идти на abordаж и прочие делать движения. Обучение артиллеристов долженствует быть особливим предметом вашего попечения»³⁵².

Методика боевой подготовки определялась флагманами. Она заключалась в проведении занятий, тренировок, учений и включала в себя одиночную подготовку матросов, подготовку орудийных расчетов и других подразделений, подготовку кораблей и эскадр в целом. Задачи в боевой подготовке доводились до личного состава флота в виде приказов.

Примерами могут служить приказы контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова от 4 и 5 июля 1790 года. В первом из них ставилась задача по соблюдению походного строя флота и выполнению эволюций, а во втором – по усилению артиллерийской подготовки. В последнем, в частности, отмечалось: «Весьма нужно, чтоб определенные к пушкам служители в скорострельной пальбе сделали довольную навычку. Поэтому рекомендую на всех кораблях и фрегатах делать ежедневно экзерциции пушками и большей частью скорострельно спышками. Переменяя комендоров, научить исправно оной должности по крайней мере у каждой пушки по три человека. Обучать же пушки наводить во все стороны, сколько можно их передвинуть, тож исправно наводить по цели. За всем оным господа командующие сами имеют смотрение и приказать при себе комендоров во всем каждого в звании отэкзаменовать, а при случае и я не упущу сделать свидетельство оным»³⁵³.

Методика боевой подготовки, разработанная в указанный период на Черноморском флоте, в дальнейшем стала основополагающей и в усовершенствованном виде сохранена до настоящего времени.

В соответствии с рекомендациями главнокомандующего и приказами флагманов, при каждом выходе флота в море постоянно проводились учебные эволюции (маневрирования), пушечные и ружейные экзерциции (учения), отработка слаженности и взаимодействия кораблей. В результате целенаправленной и напряженной боевой учебы Черноморский флот имел существенное преимущество в уровне обученности личного состава, что ярко подтвердили проведенные морские сражения.

Большое внимание Ф. Ф. Ушаков уделял укреплению воинской дисциплины и воспитанию личного состава. Именно в этот период процесс воспитания на флоте стал составной частью боевой подготовки. В вышеупомянутом ордере Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову от 14 марта говорилось: «Препоручаю наблюдать в подчиненных строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достойным и не потакать

нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая все возможные выгоды людям и удаляться от жестоких побой»³⁵⁴.

Примерами умелой воспитательной работы могут служить многочисленные приказы и рапорты Ф. Ф. Ушакова как о поощрении подчиненных за храбрость и инициативу, так и о наказании за нерадивость и халатность.

Но не только приказами о поощрениях и взысканиях достигалась высокая воинская дисциплина. Основой воспитания для Ушакова была вера наша православная. Оказывая к ней чрезвычайную приверженность, Федор Федорович «каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной...»³⁵⁵.

И, напротив, в отличие от Черноморского флота, во флоте турецком уровень дисциплины даже отдаленно не напоминал того состояния, который наблюдался на кораблях Ушакова. При всей показной приверженности турок к заветам пророка Мухамеда основой воспитания у них всегда были деньги и плеть. При чем последнюю, нередко, заменял ятаган...

Назначение на командные должности в турецком флоте было предметом особой спекуляции, что, в прочем, вовсе не считалось предосудительным. Так как многие искали этого назначения, то капудан-паша отдавал корабли тем капитанам, которые ему больше платили, предоставляя, в свою очередь, им право продавать остальные должности.

Боевая подготовка у турок проводилась нерегулярно и бессистемно. Подтверждением тому может служить рапорт командира бота «Хопер» лейтенанта А. С. Пустошкина, находившегося в 1778 году в Константинополе. В нем он сообщает о своих наблюдениях, касаемых уровня обученности матросов и артиллеристов на турецких судах. Из беседы с арнаутом, которого капудан-паша признавал «главным знатоком в искусстве действовать из мортир и бросать из оных бомбы», Пустошкиным выявлено, что «оный арнаут нашелся не более знающим, как зарядить мортиру и то без пропорции и без всяких регул, а выстрелы производить на счастье»³⁵⁶. Неслучайно поэтому во время сражений с Черноморским флотом турки в качестве опытных артиллеристов зачастую использовали англичан.

Возвращаясь к Черноморскому флоту, следует заметить, что неотъемлемой составной частью укрепления его боеготовности являлась морская разведка. Она производилась непрерывно в течение всей кампании силами крейсерских и транспортных судов с целью сбора информации о численном составе и состоянии флота противника, его вооружении, местах дислокации, о планах, времени и характере его применения.

Другим важнейшим составным элементом укрепления боеготовности флота являлось совершенствование системы управления и связи. Если во время сражения у о. Фидониси управление флотом и связь с кораблями осуществлялась, в основном, с помощью письменных указаний флагмана, доставляемых командирам кораблей посредством репетичных (посыльных) судов, то, на основании ордера главнокомандующего Черноморским флотом генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина в 1790 года, был разработан и учрежден новый усовершенствованный свод сигналов флагами. В рекомендациях Потемкина по этому поводу, в частности, говорилось: «Флаги для сигналов учредить самым лучшим, простым и внятным образом. Сигналы сочинять ясные и порядочные»³⁵⁷. В результате система управления стала более оперативной, позволяющей осуществлять его непрерывно. При этом репетичные суда продолжали использоваться в основном для управления и связи при потере визуального наблюдения объекта (например, между флотом и берегом). Кроме того, вдоль всего побережья была создана широкая сеть постов наблюдения и связи (НИС) с экстренной системой оповещения «летучей» (голубиной) почтой, принцип создания которых лег в основу современных постов НИС.

Боеготовность флота напрямую зависела и от организации материального обеспечения и технического обслуживания. Однако существенных изменений в этой сфере не произошло. Напротив, плохое финансирование вызывало большие затруднения в поставке необходимых материалов для ремонта кораблей и судов. В результате ремонт зачастую приходилось производить из подручных материалов, что отрицательным образом сказывалось на общей боеготовности флота. Так, например, на основании рапорта контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова генерал-аншефу Н. В. Гудовичу от 10 июля 1791 года можно судить о том, что из-за непоставки в Севастополь материалов, необходимых для ремонта кораблей, выход флота в море был задержан почти на два месяца³⁵⁸.

Для достижения намеченных военно-политических целей перед Черноморским флотом ставились соответствующие им задачи, которые, в свою очередь, определяли характер его применения. Впоследствии, в связи с уточнением военно-политических целей, изменялись задачи флоту и, соответственно, взгляды на характер его применения.

Успешная боевая деятельность Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 годов в значительной степени способствовала достижению Российским государством намеченных военно-политических целей. С помощью Черноморского флота России последовательно удалось:

1. сорвать планы турецкого командования по высадке десантов и захвату Кинбурна и Крыма;

2. нарушить морские коммуникации противника и существенно повлиять на ход военных действий на сухопутном театре;

3. блокировать и взять штурмом приморские крепости: Березань, Очаков, Килию, Тульчу, Искачу и Измаил;

4. разгромить турецкий флот в Черном море и установить на нем свое господство.

При этом следует заметить, что разгром основных сил противника был главной задачей Черноморского флота.

Эти задачи были решены благодаря: успешным действиям флота в морских сражениях; взаимодействию армии и флота; эффективным проведением крейсерских операций на коммуникациях противника; морской и внешней (своевременно получаемой информации о противнике через дипломатические и агентурные каналы) разведке; умелому использованию дезинформации.

В ходе сражений на море значительно выросло боевое мастерство личного состава Черноморского флота. Дальнейшее развитие получило военно-морское искусство. Благодаря творческому подходу флагмана Черноморского флота Ф. Ф. Ушакова к развитию тактики парусного флота, им были разработаны и внедрены в практику морского боя новые тактические приемы, обогатившие военно-морское искусство. К ним, прежде всего, относятся:

- решительное сближение с противником в походном порядке;
- сосредоточение огня на флагманских кораблях противника;
- выделение резерва из числа фрегатов, благодаря чему достигался перевес сил на направлении главного удара;
- перемена в бою места флагмана; охват головы колонны противника;
- бой на короткой дистанции;
- эволюции без соблюдения места каждого отдельного корабля в строю.

В ходе ведения боевых действий был получен бесценный опыт организации взаимодействия между армией и флотом. Оно осуществлялось:

- при совместных действиях по блокаде и штурме приморских крепостей;
- при разработке и осуществлении планов по захвату дунайских крепостей и Измаила;
- при координации действий армии и флота на театрах военных действий для решения задачи по окончательному разгрому противника и выводу его из войны.

Четкое взаимодействие армии и флота было достигнуто за счет того, что их управление было сосредоточено в одних руках – генерал-фельдмаршала князя Г. А.

Потемкина-Таврического. Передача функций стратегического руководства непосредственно на театр войны способствовало повышению согласованности и оперативности управления военными действиями на суше и на море.

Таким образом, русская армия и флот, разбив турецкие сухопутные и морские силы, поставили Константинополь, оставшийся без защиты, под угрозу непосредственной атаки со стороны Босфора. В результате Турция была вынуждена отказаться от ведения боевых действий и на переговорах с российской стороной начала выработку окончательных статей мирного договора, который был заключен 29 декабря 1791 года в Яссах.

Окончание войны с Турцией ознаменовало собой важный этап в истории борьбы Российского государства за свои национальные интересы в Черноморском регионе. И если результате русско-турецкой войны 1768–1774 годов России удалось лишь укрепиться на черноморском побережье, то победа в войне 1787–1791 годов позволила ей утвердиться в качестве влиятельной черноморской державы.

В КОНЦЕ «ЗОЛОТОГО» ВЕКА

1. НА ФОНЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После победы в войне с Турцией и подписания 29 декабря 1791 года Ясского мирного договора перед Россией открылись широкие перспективы. Оживилась торговля. Начала претворяться в жизнь кораблестроительная программа, разработанная еще светлейшим князем Г. А. Потемкиным-Таврическим, почившем в Бозе 5 октября 1791 года.

Еще при жизни своего основателя Черноморский флот стяжал себе громкую славу и позволил государству Российскому «твердою ногою встать на завоеванных им водах Черного моря». Теперь же Ф. Ф. Ушакову надлежало упрочить морскую мощь государства и надежным стражем стоять на южных морских рубежах.

К концу 1792 года императрица пожелала видеть героя, стяжавшего себе такую громкую славу. Ушаков был вызван Екатериной II в Петербург. Заодно Федор Федорович решил побывать и дома, о чем в приказе по флоту им было отмечено: «Указом Черноморского Адмиралтейского правления прописание высочайшее Ее Императорского Величества благоволения уволен я по надобностям моим в домовый отпуск и в Санкт-Петербург на четыре месяца»³⁵⁹.

Надобность в посещении родных мест действительно была. Нужно было разобраться в делах родных братьев и навести порядок в имениях. Однако сначала Федор Федорович отправился в Петербург, куда прибыл 15 января 1793 года.

Перед императрицей предстал человек мало знакомый с требованиями светского этикета. Строгий и решительный в море, при дворе он чувствовал себя неловко. Но, несмотря на это, Екатерина встретила Ушакова приветливо и за заслуги перед Престолом и Отечеством поднесла ему в дар необыкновенной красоты складень-крест с мощами святых угодников*. Оказав победителю Гассан-паши и Гусейна «высокомонаршее милостивейшее благоволение», пообещала «обселить и утвердить на всегда в тамошнем краю». Екатерина, зная, что Ушаков не имеет семьи и детей, хотела видеть его в качестве своеобразного куратора Черноморского флота. Федор Федорович с благодарностью принял предложение императрицы, сам для себя решив, провести остаток своих дней «в виду своего флота»³⁶⁰.

После визита в Петербург Федор Федорович отправился в Бурнаково, но пробыл там недолго и уже к середине мая был в Севастополе, взяв с собой в качестве адъютанта родного брата Ивана и волонтером – его сына тоже Ивана.

По прибытии в родную базу Ф. Ф. Ушаков с головой окунулся в круговорот событий, где боевая подготовка тесно переплеталась с делами политическими, так как, несмотря на мирные договоренности с Турцией, обстановка на юге оставалась напряженной. Купцы, прибывающие из Константинополя, уверяли русское командование о намерениях Порты открыть военные действия против России, «которых как по испытанному ей вероломству, так и по некоторым ее поступкам скоро ожидать надлежит».

Получая известия подобного рода, Екатерина II еще 23 ноября 1792 года своим рескриптом предписывала председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н. С. Мордвинову «благовременно принять надлежащую осторожность и поставить себя в полную готовность не токмо к отражению неприятельских покушений, но и к обращению оных в вящий собственный вред туркам распространением на водах и твердой земле наших успехов»³⁶¹.

Таврический генерал-губернатор С. С. Жигулин, со своей стороны, предпринял «меры предосторожности на Таврическом полуострове в случае разрыва с Портою», которыми предусмотрел перегруппировку войск, изъятие у крымских татар оружия, отселение крестьян из прибрежных районов и т.п.³⁶²

* Золотой складень-крест хранился в роду Ушаковых как фамильная реликвия. В 1878 году он был поднесен Александру II женой племянника Ф. Ф. Ушакова – Федора Ивановича (Екатериной Васильевной).

19 мая Федор Федорович встретился с турецким агентом, в свою очередь, завербованным российским поверенным в делах в Константинополе полковником А. С. Хвостовым. Тот был направлен в Севастополь капудан-пашой для ведения разведки. Прибыв к Ушакову, агент заявил:

– В минувшем апреле прибыли из Таврии к капудан-паше два шпиона-француза и объявили, что флот, стоящий в Севастополе, находится в весьма худом состоянии, что, мол, он весь сгнил, припасов и материалов не имеет, вооружаются из них только шесть или семь кораблей, да и те тоже гнилые.

В этой связи, агент имел поручение от капудан-паши уточнить данные о составе и состоянии русского флота.

Полученные сведения внушали Ушакову опасения в том, что Турция, заручившись поддержкой взбунтовавшейся Франции, вознамерилась взять реванш за недавнее поражение. По всему было видно, что известия о слабости русского флота придавали туркам уверенности в их намерениях.

Состояние же Черноморского флота было не так плохо, как об этом думали турки, но проблемы действительно были. Поэтому в кампанию 1793 года Ушаков не выходил флот в море, а занимался его ремонтом и приведением в боеспособное состояние. 2 сентября Ф. Ф. Ушаков был произведен в вице-адмиралы.

Зимой продолжалось обустройство Севастополя. А в свободное время офицерами, среди которых заводителом был капитан 2 ранга П. А. Данилов, был организован театр. Иногда устраивались маскарады, и даже Ушаков давал балы.

Но уже в начале 1794 года из Петербурга вновь последовали известия о вооружении Турции и подготовке ее к войне. В этой связи вице-адмиралу Н. С. Мордвинову высочайшим указом от 16 января повелевалось привести флот в боевую готовность на случай возможного начала военных действий.

Во исполнение данных высочайших повелений и указа Черноморского адмиралтейского правления от 29 апреля вице-адмирал Ушаков в середине мая вывел корабельный флот в Черное море. Два года спустя Федор Федорович вновь оказался в родной стихии. Моряки говорят: «В море – дома; на берегу – в гостях»! Очевидно, так думал и Ушаков.

Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова начал напряженную боевую учебу. В практических плаваниях отрабатывались элементы боевого маневрирования. Постоянно проводились пушечные и ружейные экзерциции (учения). Большое внимание уделялось отработке молодых офицеров, не имеющих опыта войны (см. Приложения).

Турки, наблюдая за движениями российского флота в Черном море, были не на шутку растревожены, в связи с чем капудан-паша Гуссейн вызвал к себе российского полномочного министра В. П. Кочубея и высказал ему свои опасения. На что Виктор Павлович, как опытный дипломат, ответил:

– Эволюционная эскадра вышла из Севастополя лишь для крейсирования между сим портом и Гаджибеем, и не более.

Капудан-паша поблагодарил российского посланника и, со знанием дела, отозвался, что, зная морскую службу, он будет спать спокойно, так как если суда не чинить, то они испортятся, а если не проводить учений, то люди в леность приведутся³⁶³.

Однако сам турецкий адмирал тоже не сидел сложа руки. Урок, преподанный ему Ушаковым, не прошел для него даром. В начале прошедшего 1793 года, осчастливив себя очередным браком, не дожидаясь начала кампании, Кючук-Гуссейн с жаром взялся за совершенствование боевой подготовки оставшегося после сражений на Черном море флота. Он постоянно упражнял команды в эволюциях и стрельбе. Показные учения проводились в присутствии султана и морских чиновников, после чего отличившиеся командиры и матросы щедро вознаграждались. Хотя объективно особых успехов не отмечалось, так как морские начальники по большей части были недисциплинированными, а матросы неопытными, да и тех, как всегда, не хватало. Бывалых матросов на каждом корабле находилось всего по 8–10 человек, да и то, как правило, это были мальтийские невольники³⁶⁴.

Для исправления положения 17 апреля 1793 года были разсланы повеления о наборе «знатного числа» матросов, а на командные посты стали принимать англичан, французов и шведов. Делали, правда, это весьма скрытно. И по определении их в службу тотчас передевали в турецкое платье³⁶⁵.

Не уступал в рвении капудан-паше битый Ушаковым алжирский вице-адмирал Сеит-Али. По его настоянию повелением султана на турецком флоте были учреждены красные флаги, какие ранее употреблялись только на алжирских кораблях. Купеческим же судам предписывалось иметь красные флаги с продольной синей полосой³⁶⁶.

Среди иностранных вояжеров были весьма сведущие в военной науке. Один из них – полковник британской короны Шмит, служивший в прошедшую войну адъютантом у шведского короля, за что имел орден Меча. В турецкой службе он прилагал редкое старание к «приведению в регулярство» оттоманской пехоты, предлагая свои услуги и в преобразовании флота.

Другим реформатором турецких войск стал английский генерал Келлер. В короткое время он изготовил в Киатхане модель Измаильской крепости и 7 марта того же 1793 года

силами двухсот турецких солдат представил на показ султану «регулярную атаку одной крепости», заслужив тем похвалу, горностаевую шубу и 100 червонцев. Вскоре после этого он отправился в Англию для набора волонтеров, с помощью которых намерен был осуществить свой проект генеральской реформы оттоманских войск.

Суть военной реформы в Турции заключалась в том, чтобы уничтожить особое положение янычар и учредить новое военное уложение, на основе которого предполагалось «искоренить закостенелые в войсках предрассудки и неустройство и вселять в них добрый порядок и благочиние»³⁶⁷.

В ходе начавшейся реформы был сформирован артиллерийский корпус, солдат которого одели в новую форму с отличительными знаками. Всего таких корпусов планировалось создать численностью до 12 тысяч человек и построить для них казармы. Янычары выступили против столь решительного натиска европейцев на их национальные воинские традиции и угрозами бунта добились права оставаться на прежнем положении.

Иностранная помощь, которую щедро получали турки для борьбы против России, была не случайна. Западные державы при этом преследовали свои корыстные военно-политические и экономические интересы. Православная Россия на протяжении многих столетий стояла на пути католической экспансии на Восток. Западные державы под благовидными предложениями поддерживали турок в их борьбе с «неверными», имея под спудом лишь одну цель – уничтожение оплота православия и последующее за этим поглощение русского государства.

Особо привлекательным для Порты являлось сотрудничество с Францией, так как появлялась реальная возможность в противовес России, Австрии и Пруссии составить союз с Францией, Швецией, Данией и Польшей. В этой связи изменение образа правления во Франции мало волновало турок.

С другой стороны, сближение с Оттоманской Портой было на руку и французам, ибо революционная Франция, находясь во враждебном окружении, была крайне заинтересована в том, чтобы разрушить намечавшийся союз Австрии, Пруссии и России. Для достижения этой цели Франция всячески пыталась «подтолкнуть» Турцию к войне с Россией, обещая при этом финансовую поддержку. Был даже разработан проект переброски в Константинополь французского флота и войск для совместных действий на Черном море³⁶⁸.

В знатных турецких домах по этому поводу говорили, что «французы будут прилагать старания к заключению с Портой наступательного и оборонительного союза, в коем-де будет поставлен главнейший пункт, чтоб соединенными силами стараться возвратить Порте Крымской полуостров».

Но по мере проникновения в Турцию идей Французской революции Порты начала достаточно настороженно относиться к своим давним союзникам, опасаясь нежелательных последствий. Насаждения французами так называемого дерева вольности, украшения его революционной символикой (красными шапками, пиками, трехцветными бантами и пр.), непристойные пляски и беспорядки, чинимые французами «на земле государя самовластного», вызывали у турецких правителей резкое неприятие.

Для обуздания французской вольницы 14 февраля 1793 года Портой было объявлено, что «она наконец принуждена будет запретить сим сумасбродам носить национальные банты, яко причиняющие между народом беспорядки, ссоры и смущение»³⁶⁹. Капудан-паша, со своей стороны, «для укрощения чинимых французами шалостей», запретил кому бы то ни было из них ходить с оружием после захода солнца. Однако, как отмечалось в донесении русского агента из Константинополя от 6 января 1794 года, «дух якобинства» оказывал удивительные успехи в турецком народе. «Уже в оном есть клубы, где проповедуют и возпятуют противу неограниченного самовластия, под бременем коего народ стнает в угнетении. Уже сей народ внутренне убежден, что неограниченный в самовластии его самодержец не в качестве собственности имеет власть, которую он управляет; что сия власть единственно заимствованная; что смертные по воле тирана руководствуются для того, что они погружены в невежестве, боязливы и безрассудны»³⁷⁰.

Удивительно, но первоначально Французская революция не вызвала опасения и в Западной Европе. Происходящее во Франции было встречено в Европе с любопытством и даже с симпатией. В одном из многочисленных изданий конца XIX века, посвященных этой проблематике, отмечалось: «Во всей Европе сторонники философии XVIII века с восторгом приветствовали начало новой, ничем еще не омраченной эры; народы отнеслись вполне сочувственно к усилиям Франции добиться свободы»³⁷¹. Правительственные же круги восприняли происходящее во Франции как внутреннюю смуту, лишь временно парализовавшую политику версальского двора. Многие из них были рады ослаблению могущества державы, наиболее способной противостоять их намерениям.

Однако скоро все явственно осознали, что торжество новых идей составляет реальную угрозу сложившимся государственным устоям. Известный российский дипломат А. Р. Воронцов еще в 1791 году писал по этому поводу: «Король Франции оскорбляется наглостию ослепленного народа, которой, можно сказать, зверским сделался... Все заражены несбыточным равенством и не хотят видеть над собою какую-либо власть или преимущество... Но, как бы то ни было, если сей образ правления и мнимого равенства хоть тень окоренелости во Франции примет, оно будет иметь пагубные следствия и для прочих государств и правительств, и с тою

только разницей, что в одном ранее, а в другом позже... а для предупреждения сего зла не можно не заботиться и всем государям и из того не сделать общее себе дело»³⁷².

«Развратные деяния» французов побудили имперские дворы ополчиться против них. Австрия и Пруссия стали готовиться к вооруженному подавлению революции и восстановлению во Франции власти династии Бурбонов. С этой целью римский император Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II в 1791 году собрались близ Дрездена для обсуждения создавшегося положения. Туда же поспешили и бежавшие из Франции принцы дома Бурбонов. Таким образом, начала формироваться так называемая первая антифранцузская коалиция.

А во Франции власть стремительно ускользала из рук Людовика XVI. Его подданные повиновались ему лишь в том случае, если его желание случайно совпадало с мнением народных масс, пользовавшихся правом голоса на выборах. Пресса становилась все более и более грязной. Она льстила низменным чувствам народа и была движима животными инстинктами своих читателей. В стране сложилась парадоксальная ситуация: все хотели распоряжаться, и никто не хотел слушаться.

14 сентября 1791 года власть короля была ограничена конституцией. Екатерина II, узнав об этом, была вне себя. По воспоминаниям современников, она топала ногами, читая известие о принятии христианским королем антихристианской конституции. По ее мнению, король этим актом сам отлучил себя от церкви.

После заключения 28 января (7 февраля) 1792 года австро-прусского союза король французов (так, по конституции, он стал называться) решил исправить положение и произвести в стране контрреволюцию силами австрийских и прусских войск. Для этого он спровоцировал объявление войны Австрии, последовавшее 9 (20) апреля 1792 года. При этом Людовик XVI сам передал австрийцам «планы национальной обороны».

Однако 30 июня (11 июля), в условиях ослабления королевской власти, Законодательным собранием была обнародована прокламация к нации с лозунгом «Отечество в опасности», что привело к тотальному вооружению французского народа и ополчению его под командованием генерала Шарля-Франсуа Дюмурье на австро-прусские войска, вступившие на французскую землю.

Начав военные действия против Франции, союзники предложили участвовать в формировании коалиции и Екатерине II. Русская императрица, понимая угрозу, нависшую над монархическими устоями в Европе и вытекавшую из этого необходимость совместных действий

против «возмутителей спокойствия», в 1792 году заключила союзные оборонительные договоры: с Австрией – 3 (14) июля и с Пруссией – 27 июля (7 августа)³⁷³. Она писала: «Дело французского короля касается всех государей, так как вся Европа заинтересована в том, чтобы Франция снова заняла то место, которое принадлежало ей, как великой державе»³⁷⁴. Однако, при этом, Екатерина наивно полагала, что небольшого 10-тысячного корпуса будет вполне достаточно, чтобы пройти всю Францию из конца в конец.

Меж тем, в самой Франции обстановка продолжала обостряться. После разоблачения замыслов короля, 30 июля (10 августа) 1792 года он был низложен. А жизнь французов поглотила бесконечная череда митингов, собраний, развратных деяний и бесовских нововведений.

Особую ненависть последователей нового лидера французской вольницы – Робеспьера – вызывала церковь. Ее святыни уничтожались с фанатичным озлоблением. Разного рода тунеядцы и распутницы рядились и щеголяли на посмешище в одеждах священников. Священные сосуды отдавались на осквернение. Ненависть к христианству дала начало безумному республиканскому календарю, начинающемуся с 10 (21) сентября 1792 года. Затем последовало упразднение на территории Франции самого христианства и введение языческих имен. Тем самым революционеры хотели вычеркнуть всю историю от Рождества Христова до Французской революции.

В стране стало подавляться всякое инакомыслие. Главным арбитром в политических спорах стала гильотина. «Франция была отдана на растерзание кровожадной гиене, которая облизывалась самодовольно среди потоков крови и слез. «Святая» гильотина исправно получала свои жертвы... Всякий доносчик мог рассчитывать на вознаграждение, и если влиятельные люди хотели избавиться от кого-нибудь, то его заносили в одну из категорий врагов народа»³⁷⁵.

Вскоре очередь дошла и до короля. 10 (21) января 1793 года по приговору Конвента он был казнен. В результате война стала носить бескомпромиссный характер.

До казни короля лишь одна Англия достаточно равнодушно взирала на французские события и на начальном этапе революции даже поддержала антикоролевскую партию. Российский полномочный министр в Англии Семен Романович Воронцов с негодованием писал: «Английское министерство безрассудно поверило, что конституционный король на французской земле возможен и по ограниченности своей власти будет менее опасен для Англии, чем король вроде Людовика XIV»³⁷⁶.

Казнь Людовика XVI вызвала бурю возмущения на Британских островах. Лондонская публика узнала о кровавом преступлении в Париже во время представления в театре, когда

об этом всех присутствующих со сцены известил актер. Только после казни законного монарха Франции в английском обществе наметились перемены в оценке событий Французской революции. Георг III тотчас же повелел изгнать французского посланника из Лондона, на что французы 21 января (1 февраля) ответили объявлением войны.

Объявленная французами война окончательно прояснила умы англичан и их правителей. Великобритания вступила в антифранцузскую коалицию и по существу стала ее руководителем. Именно она привлекла в коалицию Голландию, Испанию, Сардинию, Тоскану и Королевство Обеих Сицилий. 14 (25) марта 1793 года Англия заключила конвенцию о совместных действиях против Франции и с Россией³⁷⁷. Россия, в свою очередь, 12 (23) января заключила договор с Пруссией о втором разделе Польши, по которому, между прочим, обязывалась находиться в готовности для оказания помощи Пруссии в случае вступления французов на ее территорию, за что в качестве вознаграждения получила часть Литвы, Волынь и Подолию с тремя миллионами жителей.

Вслед за всем этим, войну Франции объявили Испания, Тоскана и Королевство Обеих Сицилий. Папа Римский Пий VI предал республиканцев проклятию и призвал на них «оружие царей и громы неба».

Теперь ни у кого не оставалось сомнений в том, что «в настоящую весну (1793 года. – Авт.) все дворы будут действовать против Франции «морем и сухим путем». Однако французов ни чуть не смутило ополчение на них практически всей Европы. «Лишний враг против Франции – это лишняя победа за дело свободы!» – восклицал один из лидеров Конвента.

С получением известия о казни короля, Екатерина II слегла в постель, «была больна и печальна», но вскоре оправившись, начала предпринимать меры к ополчению на «врагов рода человеческого». 27 мая она повелела Адмиралтейств-коллегии из эскадр, находящихся в Кронштадте и Ревеле, составить флот из 25 линейных кораблей и 10 фрегатов и под командованием адмирала В. Я. Чичагова выйти в Северное море для совместного крейсерства с англичанами с целью пресечения французской торговли и предотвращения доставки припасов во Францию³⁷⁸. Во исполнении высочайшего повеления, адмирал Чичагов 29 июня вышел в море и 10 июля прибыл в Зунд. Учредив крейсерство в Зунде, он отрядил в Северное море эскадру, состоящую из девяти кораблей и трех фрегатов под командованием адмирала А. И. Круза.

Англия, со своей стороны, в апреле 1793 года отправила в Средиземное море эскадру под командованием вице-адмирала Самуила Гуда (1724–1816) в составе 20 линейных кораблей и нескольких фрегатов, которая в июле блокировала французский флот в

Тулоне. Командиром одного из английских кораблей был тогда мало кому известный 34-летний капитан 1 ранга Горацио Нельсон. Столь высокий морской чин он получил в двадцать с небольшим лет, не имея военно-морского образования и не участвуя в боевых действиях. Война, подвиги и проявление военного гения, предстояли ему в будущем, но доблесть его сказалась смолodu и вызывала особое одобрение всех его начальников.

Английский адмирал надеялся, что флот противника выйдет из порта и в морском сражении будет уничтожен. Но этого не произошло, так как на французских кораблях находилось на каждом не более ста человек, остальные же, как матросы, так и офицеры попросту разбежались. К тому же общественное мнение в Тулоне склонялось в пользу монархической партии. В результате 7 (18) августа Тулон со всеми укреплениями, арсеналом и флотом в 30 кораблей сдался вице-адмиралу Гуду, объявившим королем Франции сына Людовика XVI – Луи-Шарля – Людовика XVII.

Но у английской эскадры не было войск для занятия фортов, и лорд Гуд послал своего старого сослуживца – капитана Нельсона, просить 10 000 солдат у союзных дворов сардинского и неаполитанского.

За четыре дня стоянки в Неаполе, Нельсон, при содействии английского посланника Гамильтона, добился немедленного снаряжения 6 000 человек войска. По-видимому, поручением для Нельсона было просто доставка бумаг от английского адмирала, но он сам приложил все усилия для быстрого истребования войск, проявил тут же свои блестящие дипломатические способности и был по достоинству оценен лордом Гудом, который с тех пор почти постоянно держал его в отдельных, полунезависимых командировках.

Несмотря на полученное подкрепление, британскому адмиралу и роялистам лишь на некоторое время удалось удержать Тулон в своих руках. 6 (17) декабря войска якобинцев, среди которых был тогда еще мало кому известный артиллерийский капитан Наполеон Бонапарт, штурмом овладели городом. Именно после этого штурма Бонапарт был замечен и произведен в бригадные генералы.

В отличие от Англии, энергично начавшей вооруженную борьбу с Французской революцией, остальные союзники по антифранцузской коалиции действовали вяло и нерешительно. Ополчившись против Франции, они не имели ни общности взглядов, ни единства намеченных целей, ни вразумительной тактики действий. Занимаясь каждый своими проблемами, союзники надеялись, что раздирающие Францию политические распри и террор сыграют им на руку. Но их ожидания не оправдались. Тотальная мобилизация, проведенная во Франции под страхом смерти, позволила Конвенту собрать под ружье огромную армию, которая переломила ситуацию и перешла в наступление. В конечном итоге

растущие разногласия внутри самой коалиции вскоре полностью ее парализовали. В результате в 1795 году Пруссия, Испания и Голландия подписали с республиканской Францией мирные соглашения и первая антифранцузская коалиция, по существу, «приказала долго жить»...

Удивительно едкую, но, в то же время, очень точную оценку дали главным участникам первой антифранцузской коалиции французские историки Э. Лавис и А. Рамбо. Более всех досталось Австрии, которая, по их мнению, находилась в состоянии «полнейшей летаргии». Авторы не поскупились в выражениях относительно ее армии и внешнеполитического ведомства. «Баснословная медлительность армий, – пишут они, – более чем когда-нибудь превращалась в инертность. Не будучи в силах нападать, они были годны разве для защиты. Какой-нибудь Мак (с ним мы еще встретимся в Южной Италии. – Авт.), жалкое ничтожество по сравнению с Наполеоном, слыл среди австрийских военачальников за гения, за первостепенного стратега. Дипломаты питались высокопарными проектами и хитросплетенными комбинациями. Какой-нибудь Кобенцель, Тугут или Шпильман представляли себе, сидя в венских дворцах, что они руководят Европой»³⁷⁹.

В изменившихся условиях между Россией и Англией начались интенсивные переговоры о подписании союзного оборонительного договора. Однако Екатерина II, проводя достаточно взвешенную политику, не собиралась посылать в Европу свои войска для участия в военных действиях. Основной причиной этого являлось нежелание русской императрицы рисковать ими в неясной для нее военно-политической обстановке. Первоприсутствующие в Коллегии иностранных дел графы И. А. Остерман, А. А. Безбородко и А. И. Морков в бумаге, поднесенной ими еще 1 февраля 1794 года на высочайшее имя, объясняли это таким образом: «При первом обозрении соглашение на союз с Англиею в нынешних обстоятельствах представляет то неудобство, что, судя по худому и неудачному соображению мер, союзными армиями предприемлемых, храбрые российские войска, достойные всякого уважения и сбережения, подвергнуты будут бесплодным, а для того и долговременным опасностям, ибо... война сия может продлиться несколько лет»³⁸⁰.

Тем не менее, взвесив все «за» и «против», российская сторона все же пошла на заключение с Англией подобного договора, состоявшееся 7 (18) февраля 1795 года в Петербурге. В «секретном и сепаратном артикуле» договора отдельно оговаривалось оказание помощи Англии российскими кораблями³⁸¹.

В 1796 году война России с Францией казалась неизбежной. В стране начались сборы 50-тысячной армии, которую планировалось направить в Европу под предводительством славного Суворова. На Балтике готовилась эскадра под командованием вице-адмирала П. И.

Ханыкова для посылки ее в Северное море. Весной того же года и Ф. Ф. Ушаков получил приказ привести Черноморский флот в боевую готовность на случай нападения французского флота.

Но к концу года обстановка в России резко изменилась. 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина II, много сделавшая для укрепления мощи Российского государства и его флота. Еще в начале своего царствования, приняв ряд законодательных актов и неотложных мер, направленных на возрождение флота, она, в конечном итоге, добилась возвращения России статуса одной из ведущих морских держав. При помощи флота Екатерина едва не уничтожила Османскую империю, овладела Крымом, смирила дерзкие притязания шведского короля и заставила передовую морскую державу – Англию уважать права не только русского флота, но и союзных России государств.

Со вступлением на престол Павла I приготовления к войне были остановлены. В циркулярной ноте канцлера И. А. Остермана по этому поводу объявлялось: «Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 года, есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое население», а потому «человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений»³⁸².

В государстве начались бурные преобразования, которые затронули и флот. Была установлена централизация управления флотом, в результате чего уже 12 ноября Черноморское адмиралтейское правление перешло в подчинение Адмиралтейств-коллегии. 17 ноября на флоте были учреждены мундиры нового образца и снова введены уже забытые букли, косы, пудра и парики. По этому поводу известно едкое изречение великого Суворова: «Пудра не порох, букли не пушки, косы не тесаки, мы не немцы, а русаки»*!

25 февраля 1797 года был издан новый Морской устав, который отнюдь не вообрал в себя опыт сражений Черноморского флота, а был сориентирован на зарубежные аналоги и, в частности, на английский морской устав 1734 года**. В ноябре Севастополь был переименован в Ахтияр. Таким образом, по меткому замечанию историка А. А. Керсновского, «Петровский дуб был срублен. Вместо него на русскую почву посажена Потсдамская осина, и эту осину велено считать лучше дуба...»³⁸³.

* Резкое неприятие Суворовым новых порядков привело к его опале и выезду в свое новгородское имение Кончанское.

** Несомненным преимуществом этого устава можно считать лишь введение на флоте должностей историографа, профессора навигации и рисовального мастера. Через 7 лет в русском флоте вновь вернулись к Петровскому уставу.

С прекращением войны на Юге началось интенсивное строительство Севастопольского порта и города. По распоряжениям Ушакова и при его неустанном личном участии на берегах бухт строились причалы. В скалах делались магазины (склады). Постройка причалов производилась с таким расчетом, чтобы корабли могли подходить к ним бортом и производить погрузочно-разгрузочные работы с максимальной удобностью по специальным «склозам», положенным с бортов.

Командующий флотом особое внимание уделял вопросам сохранения здоровья моряков и обустройства их быта на берегу. В то время они размещались в хижинах и казармах, построенных в низких местах бухты, где от гнилого воздуха, исходящего из болот Инкермана, люди часто болели и умирали. Поэтому Федор Федорович, как и в период борьбы с чумой в Херсоне, стал принимать самые решительные меры по прекращению болезней. В удобных местах на возвышенностях стали строиться свободные казармы. На хорошем месте был выстроен двухэтажный госпиталь на 300 человек со всеми необходимыми постройками. Интенсивней стал строиться и сам город.

Земля, приобретенная Ушаковым на северной стороне Севастопольского рейда, не только приносила доход адмиралу, но и использовалась им для нужд обороны города и порта. На ней вдоль берега в удобных местах были устроены батареи и выстроены казенные строения. «Таковые устройства казенные, – писал впоследствии Федор Федорович, – не препятствовали собственному моему устройению, какие я для себя иметь предполагал и употреблял всевозможное усердие в пользу службы»³⁸⁴.

Благодарная память моряков-черноморцев до сегодняшних дней сохранила названия мест города Севастополя, связанные с неустанной деятельностью Федора Федоровича Ушакова на благо его жителей. А сам адмирал стал одним из символов города достойного поклонению.

Говоря о деятельности Ф. Ф. Ушакова в Севастополе, русский историк В. Ф. Головачев писал: «При усиленной настойчивой деятельности Ушакова по части корабельного и прочего благоустройства, со всяким появлением нашего флота в Севастопольском порте, всякие обычные городские и адмиралтейские работы проводились самым порядочным образом и ему, и его постоянной неустанной заботливости мы были обязаны не только тем, что наш флот является хорошо вооруженным на море, но и тем, что порт Севастопольский за последнее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежели во все продолжение своего существования».

Заметное влияние на развитие Черноморского флота в последний период оказало изменение в кораблестроительной программе, разработанной еще Г. А. Потемкиным, и введением на ее основе новых штатов флоту, утвержденных в июле 1794 года.

В это время Черноморский флот пополнился кораблями новой постройки. Ведущим корабельным мастером Черноморского адмиралтейского правления А. С. Катасоновым были спроектированы и построены два оригинальных 74-пушечных корабля, названных «Св. Петр» и «Св. Захарий и Елизавета». Их необычность заключалась в том, что бак и шканцы были соединены между собой сплошной палубой. Преимущество такого решения состояло в увеличении продольной прочности корабля. Кроме того, образовывалась дополнительная закрытая батарейная палуба. Но с другой стороны наличие сплошной верхней палубы увеличивало задымленность батарей при стрельбе и создавало дополнительные трудности в размещении на ней гребных судов и в работе с такелажем. Все это вызвало множество противоречивых суждений. Поэтому в декабре 1795 года из Черноморского правления был прислан Указ о том, чтобы каждый капитан подал свое мнение о вновь построенных кораблях. Первым свой негативный отзыв о подобной конструкции подал Ушакову капитан 2 ранга П. А. Данилов. Аналогичное мнение высказали и большинство других командиров, за исключением Д. Н. Сенявина. Поддержал их и сам командующий, о чем он направил в Черноморское правление и Адмиралтейств-коллегию свои замечания и протесты. Тогда из Петербурга пришло распоряжение провести всесторонние испытания новых судов в кампанию 1797 года.

Но реальным делам стали мешать личностные отношения между Мордвиновым и Ушаковым, которые к тому времени окончательно испортились. Федор Федорович уже длительное время испытывал на себе неприязнь Мордвинова и некоторых членов Черноморского адмиралтейского правления. Так в 1795 году, во время своего отсутствия, Н. С. Мордвинов подчинил Черноморский флот Правлению, и Ушаков был вынужден выполнять указания чиновников, младших по чину и положению, среди которых было не мало недоброжелателей, умышленно старавшихся оскорбить достоинство адмирала. Были случаи, когда Мордвинов, не разобравшись в ситуации, делал Ушакову официальные выговоры.

Стараясь избежать открытого конфликта, Ушаков смиренно сносил оскорбления в свой адрес. Но когда в начале 1797 года чаша терпения переполнилась, он написал письмо к императору.

«Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, – писал Ушаков, – долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю непрерывно с усердием, ревностью и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях. Благополучие мое почитаю в пользе службы и беспредельной истинной преданности Вашему Императорскому Величеству, не стараюсь быть красноречивым ни на письме, ни в словах, исполняю все должное самым делом, по мере доверенности дел, мне поручаемых, даже и то, что только зависит от моей возможности.., ничего полезного и возможного я не упускаю... и если осмелюсь льстить себя надеждою, могут оправдать меня и от того мнения, каковое неприятствующие мне, употребляя в свою пользу скоромность и молчаливость мою, хитростно стараются объяснить меня несоответственно моему состоянию»³⁸⁵.

Далее Федор Федорович просил императора принять его под свое покровительство и позволить прибыть в Петербург, чтобы лично доложить о проблемах и нуждах флота. Но вместо ответа Павел прислал контр-адмирала П. К. Карцова с инспекцией флота, который, однако, никаких упущений не обнаружил, а, напротив, «столь был доволен и особенно скорым вооружением кораблей, чистотою и исправностью, что Государю императору донес, что Черноморский флот преимуществоует перед Балтийским»³⁸⁶.

Как и следовало ожидать, мнения о качествах новых кораблей, испытанных в кампанию 1797 года, были крайне противоположными. Ушаков и Мордвинов обвиняли друг друга в фальсификации и предвзятости. В конце концов, Адмиралтейств-коллегия, проанализировав представленные результаты, пришла к выводу, что «корабли те оказались добрыми... имеют все лучшие качества». Однако история с испытаниями кораблей еще более обострила отношения Ушакова с Мордвиновым.

В начале мая 1798 года перед выходом Севастопольской эскадры в море для исполнения высочайшего повеления, адмирал Мордвинов у себя дома в присутствии капитана порта контр-адмирала П. В. Пустошкина, не выдержав, по его мнению, упрямства Ушакова в отношении упомянутых кораблей, вдруг с негодованием высказал ему:

– Вы, милостивый государь, есть суще малый ребенок и все вас почитают таковым.

Федор Федорович не стерпел оскорбления и, не став выслушивать своего начальника, вышел вон. На другой день в каюте флагманского корабля «Св. Павел» Мордвинов вновь обрушился на Ушакова. Причиной явилась жалоба последнего на капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина.

Осложнения Ушакова с Сенявиным начались еще в 1788 году и приняли затем характер серьезного конфликта начальника и подчиненного. Состоя в должности

генеральс-адъютанта Г. А. Потемкина и, пользуясь его особым расположением, Сенявин рассчитывал на покровительство светлейшего и нередко в служебных отношениях с Ушаковым выходил за рамки дозволенного субординацией. Только решительное вмешательство Потемкина по жалобе Ушакова положило конец конфликту. Арестованному Сенявину было предложено либо принести извинения, либо быть разжалованным в матросы по суду. Со своей стороны Ушаков сделал все, чтобы достичь примирения и своим ходатайством устранил угрозу суда. Однако после смерти Потемкина взаимоотношения Ушакова с Сенявиным осложнялись неоднократно. Так случилось и в период испытания фрегатов новой конструкции. Дмитрий Николаевич в очередной раз допустил неучтивость по отношению к своему командующему, о чем Федор Федорович и доложил адмиралу Мордвинову на собрании флагманов и капитанов. Николай Семенович Мордвинов на это во всеуслышание заявил:

– Господин вице-адмирал! Вы не умеете обходиться со своими подчиненными и поступаете с ними жестоко.

– Таковой сделанный мне штраф, – ответил до глубины души оскорбленный Ушаков, – делает меня уже недостойным и неспособным выполнять высочайшую волю и повеления.

– А вы и есть точно недостойный, – грубо прервал разговор Мордвинов.

Тогда Федор Федорович решил прибегнуть к правосудию самого императора и в своем письме к нему сообщал: «Ревность и усердие о сохранении интереса Вашего Императорского Величества с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальства... Смерть предпочитаю я легчайшую несоответственному поведению и бесчестному служению. Всеподаннейше испрашиваю Высочайшего позволения, после окончания кампании, быть мне на малое время в Санкт-Петербурге, пасть к стопам Вашим и объяснить лично вернейшим и обстоятельнейшим донесением о состоянии тех двух кораблей»³⁸⁷.

Вместо ответа Павел I, в знак доверия, назначил Ф. Ф. Ушакова командующим эскадрой, которую он был намерен отправить на Средиземное море.

2. НЕОБЫЧНЫЙ СОЮЗ

Принятию решения об отправке эскадры Черноморского флота в Средиземное море предшествовала серьезная дипломатическая подготовка. После года «невмешательства» в европейские дела Павел I, проанализировав складывающуюся военно-политическую обстановку, решил все же сплотиться с монархическими государствами и поставить барьер

экспансии Наполеона. При этом не исключался даже союз с Турцией, о чем в рескрипте чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе В. П. Кочубею от 16 декабря 1796 года Павел I писал: «По общим делам в настоящем положении, когда непрочное французского правления существование, а при том и не самые решительные воюющих противу нее держав успехи, полагают всю войну сию в число самых неизвестных. Мы охотно согласимся дружественно объясниться с приятными к Нам державами о всем, что к прекращению бедствий рода человеческого способствовать может. Из числа приятных сих держав не изъемлем Мы и Порты, уполномачивая вас прежде еще формальных извещений о Нашем на престол вступлении, сообщить таковую Нашу в рассуждении Порты систему... дая им чувствовать, что Мы сие делаем не подвигом слабости или опасения, но миролюбием и состраданием к людям, которым Всевышний вверяет монархам для управления ко благому концу, а не для пожертвования властолюбию или духу завоевания»³⁸⁸.

С другой стороны, и французы продолжали подстрекать Порту к войне против России. Об этом постоянно приходили извещения из Константинополя, а в начале 1797 года подобное сообщение пришло и от командующего Екатеринославской дивизией генерал-фельдмаршала А. В. Суворова-Рымникского³⁸⁹.

Порте, конечно же, хотелось возратить отторгнутые Россией земли, но ей была и крайне неприятна «революция, произведенная генералом Бонапартом в правлении венецианском», ибо соседство на Балканах с французами становилось для Порты куда более опасным, чем потеря Крыма. В подтверждение тому любопытно привести беседу, состоявшуюся между капудан-пашой и присланным к нему французским морским офицером. Последний, войдя к турецкому адмиралу, открыл перед ним достаточно хороший атлас и указал ему на Крым. Капудан-паша притворился, что не понимает намека и хотел перевернуть лист, но француз, приостановив его, сказал:

– Видите ли Вы, что это карта Крыма, на которой весь берег, все благонадежные пристанища весьма хорошо означены, и, если даст Бог, мы можем в оные влезть.

– Крым по стечению обстоятельств Порте давно уже не принадлежит. – Ответил Гуссейн. – А потому, свято соблюдая трактаты, нам не следует нарушать спокойствия, тем более, что это согласно с мыслями султана, пекущегося о благоденствии государственном.

Пересказывая впоследствии российскому посланнику содержание этой беседы, капудан-паша заявил, что «французы есть скверная нация, поправшая все правила, незаконная и опасная столько для друзей, как и неприятелей своих»³⁹⁰. На этом и сыграли российские дипломаты.

К исходу 1797 года В. П. Кочубей осторожно, но достаточно откровенно стал внушать турецкому правительству мысль об опасности усиления французского владычества в Адриатике и о желании России «изъясниться с Портою о способах отвратить дальнейшее зло сего распространение». Старания Кочубея обнадеживали российский кабинет в желании Порты противостоять французской экспансии. Однако не было никакой уверенности в том, что турки, тайным образом сговорившись с французами, не пошлют свои эскадры в Черное море. В предохранении этого 4 февраля 1798 года Павел I своим рескриптом адмиралу Н. С. Мордвинову предписывал: «Хотя теперь мы со стороны Оттоманской Порты не видим никаких предназначений к разрыву мира и теперешние вооружения единственно клонятся к усмирению бунтующего Пасван-Оглу (видинский паша, восставший против султана в 1791. – Авт.) и его сообщников, но так как французы, завладев прилежащими к Турции берегами и островами Венецианской республики, и таковым средством не возбудили бы турок к действию против нас, то почему и предписывается вам... привести флоты и берега наши в безопасность, дабы не могли они сюрприровать»³⁹¹.

Рескриптом от того же дня повелевалось и Ф. Ф. Ушакову подготовить Черноморский флот на случай войны с Турцией. А 6 февраля высочайше был утвержден полный операционный план возможной войны с Оттоманской Портой.

Готовясь к худшему, российский кабинет, между тем, надеялся на лучшее. В связи с этим, В. П. Кочубей продолжал склонять Порту к совместным действиям против Франции. А причины российских военных приготовлений объяснял туркам тем, что они «есть ни что иное, как меры для собственной обороны и безопасности в столь запутанном состоянии политическом»³⁹². В беседах с капудан-пашою и реиз-эфенди он пытался убедить их в миролюбивых наклонностях Павла I, что вскоре начало давать свои положительные плоды.

Присутствовавший на одной из бесед драгоман (переводчик) Порты князь К. Ипсиланти заметил:

– Какую разность доставляется нам видеть в делах с Россиею. Прежде каждое слово ваше рождало недоверие, а ныне сия есть одна из наидружнейших нам держав.

– Взаимная связь между империями нашими может со дня на день еще более утвердиться, – отвечал ему Виктор Павлович Кочубей, – дабы между дворами, между министрами и вообще даже между подданными установилась полная доверенность и исчезла между народами та неприязнь, которая при одном упоминании имени русского заставляла ваших людей бегать, дабы правительство не почло того за шпиона или изменника.

– А сколько в мыслях народа мы выиграли с тех пор, как французы в островах Венецианских утвердились? – Поддержал его Ипсиланти. – За три года перед сим все турки

привязаны были к французам, называя их своими товарищами, а ныне их бранят. И я должен вас уверить, что ныне между Портой и французами никаких особенных сношений не существует.

– Яко ревностный слуга султана, – вступил в беседу через переводчика капудан-паша, – почитаю дружбу двора российского наивернейшею и наиболее полезною для империи оттоманской. Потому нахожу весьма основательными ваши рассуждения, господин посланник, об опасности амбиций французских, необходимости Порте принять меры предосторожности, а также об единообразии интересов благоустроенных государств для ограждения себя от подобного зла.

– Зачем же вы тогда со столь знатным войском отправляетесь в Румелию? – заметил Кочубей.

Но вместо Кючук-Гуссейна ответил переводчик реиз-эфенди:

– В злоумышлении Позван-Оглу открылись такого рода виды, что Порта противу его принуждена как для великой войны вооружаться и команду поручить знатному саном и фавором вельможе, каков и есть наш Гази Гуссейн³⁹³.

И действительно, в назначенный астрологами день и час (29 марта в 6 часов 18 минут), капудан-паша с 50-тысячным войском выступил к Видину. А вскоре (14 апреля) и В. П. Кочубей оставил Константинополь, сдав дела прибывшему из Петербурга Василию Степановичу Томаре.

Перед отъездом Виктор Павлович подробно изложил Томаре свои мысли относительно Турции:

– Нет сомнения, – говорил он, – что Порта, будучи лучшим другом французов, видевшая в них спасителей своей империи, в высшей степени не желала соблюсти с нами доброе согласие. Однако ныне, по перемене мыслей своих о Франции, относится к нам миролюбиво. С уничтожением же Венецианской республики и захватом островов, граничащих с Мореей и Албанией, турецкое министерство и народ стали опасаться французского влияния. Порта беспокоится, что греки и албанцы «заразятся правилами вольности».

Говоря о проблемах, существующих в Османской империи между религиозными конфессиями, Кочубей заметил:

– Вы в полной мере извещены, какая в областях турецких существует ненависть между разных христианских исповеданий, и что греки, до крайности привязанные к своей вере, не любят католиков. Вызвано сие тем, что католики, поддерживаемые разными иностранными державами, пользуются некоторыми преимуществами, которых не имеют

православные, и пытаются всегда «брат над ними поверхность с изъявлением презрения». Греки же весьма тщеславятся тем, что государи российские с ними единоверны. В простом народе прежде нередко можно было слышать «Наша Екатерина», равно как и сейчас они говорят «Наш Павел». Потому без труда Вы поймете, сколь нужно министру российскому соблюдать такие расположения³⁹⁴.

Новый российский посланник с не меньшим усердием взялся за создание новой коалиции, чему способствовали тулонские приготовления французов и вести из европейских газет о намерении последних напасть на Египет.

Не исключалась, однако, возможность прихода французского флота и в Черное море. Поэтому 23 апреля Павел I своим рескриптом вице-адмиралу Ушакову указал: «Вследствие данного уже от Нас вам повеления (от 9 апреля. – Авт.) о выходе с эскадрой линейного флота в море и занятия позиции между Севастополем и Одессою, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, будет бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к какому-либо покушению»³⁹⁵.

Тогда же был отправлен рескрипт к В. С. Томаре с повелением «в случае увеличения или продолжения вооружений Портой немедленно извещал об них».

Но Порта все больше и больше склонялась в сторону союза с Россией. А потому В. С. Томара 15 мая (еще не зная о выходе тулонского флота), получив два именных указа из Петербурга от 11 апреля, сделал представления Порте:

- «1. О высочайшем повелении Черноморскому флоту выйти в море вследствие известий о намерениях французов якобы войти в Белое (Мраморное) море;
2. О готовности употребить Черноморский флот для усиления турецких сил;
3. О желании сделать «с Оттоманскою Портою общее дело, в случае какого-либо на нее несправедливого и наглого нападения»³⁹⁶.

По существу, это представление явилось официальным предложением российской стороны вступить с ней в союз против Франции, которое было принято «с радостью, восхищением и благодарностью». А султан при этом сказал, что всегда надеялся на великодушие Павла I и надежда его оправдана.

В беседе, состоявшейся 29 мая с российским посланником, реиз-эфенди еще раз высказал удовлетворение доказательством дружбы российского императора, и заметил, что «при настоянии случаев, по мере опасности, просить будет предлагаемую помощь». Затем, обращая речь свою к французскому правлению, он «в сильных и презрительных терминах» долго говорил о хищности французов, заключая, «что злоумышление их объемлет от севера

до юга и от востока до запада». После чего разговор свелся к предположениям о тулонских приготовлениях.

Томара, анализируя возможные версии, заметил:

– Освобождение испанского флота в Кадисе и усиление готовящегося десанта в Англию составляет один и тот же предмет. Мальта, Архипелаг и Египет составляют другой предмет. При этом одна Мальта не может считаться предлогом войны для французов, но есть первая важная ступень к порабощению Архипелага и Египта, а также к бесспорному господствованию на Средиземном море.

Реиз-эфенди согласился с таким раскладом. Тогда посланник продолжил:

– Порты никогда не имела такого хорошего флота, как ныне, и если оный будет усилен частью российского, то какой бы ни был французский флот, вооружаемый в Тулоне, в разбитии его я не сомневаюсь. Но должно бы при том укрепить оба устья Нила.

Внимательно выслушав все, что сказал Томара, реиз-эфенди не без удовольствия заключил, что Россия для Порты есть надежнейшая защита, а целостность Порты есть наинужнейшее дело для безопасности России, что русские явные враги французам, а турки – тайные, но ничем во вражде к ним не уступают русским³⁹⁷.

На фоне начавшегося диалога между Россией и Турцией о возможном создании военного союза против Франции Черноморский флот под предводительством вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова во исполнение высочайших повелений 5 мая вышел в море. Крейсерство отвлекло Федора Федоровича от мрачных мыслей, порожденных конфликтом с Мордвиновым по поводу 74-пушечных кораблей новой конструкции «Св. Петр» и «Захарий и Елизавета». Надвигающаяся опасность заставила его на время отодвинуть в сторону собственные обиды. Вечерами, допоздна просиживая в каюте своего флагманского корабля «Св. Павел», он много размышлял о возможном развитии событий и просчитывая варианты предстоящих боев.

Сближение позиций России и Турции, а также опасная направленность тулонских приготовлений заставила Павла I окончательно исключить Оттоманскую Порту из числа вероятных противников и вместе с ней ополчиться на общего врага. В связи с этим 13 мая со срочной эстафетой из Петербурга был направлен курьер к Ушакову. В рескрипте на его имя говорилось: «Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать решительное сражение, и Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь Нашего флага соблюдена будет, разве бы она

гораздо превосходнее Нашей, в таком случае делать вам все то, что требует долг и обязанность, дабы всеми случаями вы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям Нашим»³⁹⁸.

Окончательно ситуация прояснилась с получением известий о захвате французами Мальты и о последующей их высадке в Александрии. Пока донесения об этом летели в Петербург, Блистательная Порта твердо решила противостоять французам, а султан объявил, что «охотно пустится на 30-летнюю войну»³⁹⁹. При этом правоверные были едины в своей решимости защищать мусульманские святыни, на которые собирался покуситься Наполеон.

В отсутствие капудан-паши верховный визирь Изет Мегмет-паша отдал распоряжение о срочной подготовке турецкого флота к выходу в море. Однако, В. С. Томара расценил это как хвастовство, так как в их адмиралтействе творился совершенный беспорядок, а командиры кораблей и экипажи были неопытными. Тем не менее, по соображениям российского посланника, объявление войны французам было для Порты вопросом решенным. Вскоре она обратилась с просьбой о скорейшей присылке обещанной российским императором вспомогательной эскадры и предложила России союз против Франции. Таким образом, еще до подписания союзного договора Россия и Турция решили объединить свои флоты, как наиболее мобильные силы, для противодействия армии и флоту французской Директории.

13 июля в Бебеке прошла первая конференция В. С. Томары с реиз-эфенди о создании оборонительного союза*.

– Российский император первый известил Порту о вредных намерениях французов, – начал свою речь реиз-эфенди, – и предложил ей помощь свою и защиту. Французы уже прибыли к Александрии, а потому время к поданию помощи наступило, и Порта просит как можно скорее прислать сюда обещанную эскадру.

– К сожалению, флот наш находится в крейсере, – ответил Томара, – прибыть сюда может лишь, когда на то будет высочайшее повеление. Если бы Ваше превосходительство известило меня о сем намерении ранее, вопрос был бы уже решенным.

– Мы не хотели верить в возможность столь быстрого нападения французов. – парировал реиз-эфенди.

С сожалением узнав о том, что российский посланник не имеет официального полномочия для заключения договоров с Портой, реиз-эфенди сказал:

– Порта твердо намеревалась и давно желает вступить с российским императором в союз не только оборонительный, но если надо и наступательный. Кроме того, я имею полномочия вступить в договор с англичанами и прошу ответить мне откровенно, не будет

* Диалог приводится в оригинальном переводе XVIII века.

ли противно императору, если его эскадра встретится и действовать будет совместно с английскою и если Англия присоединится к нашему союзу?

– Англия по настоящей своей войне с Франциею есть уже на деле наша союзница, – резонно заметил Василий Степанович, – и государю же моему не только не противно, но приятно будет видеть Англию сообщницею.

– На все воля Аллаха, влекущая государей наших и государства их к соединению, поставляющая против необыкновенного зла ограду необыкновенную.

Сделав небольшую паузу и допив чашечку кофе, реиз-эфенди с жаром продолжил свою речь:

– Вы знаете, господин посланник, что не только Мекку и Медину хотят разорить эти варвары, но еще и намерены восстановить в Иерусалиме жидов?! Я полагаю, что такое зло отворотить может лишь тесный союз великих держав, с помощью которого мы сможем загнать французов в их прежние пределы. Что же касается до российской эскадры, – взглянув на русского посланника, заметил реиз-эфенди, – то можете быть уверены, что она будет принята наравне с нашей и о предохранении каждого человека, особенно от язвы, примем мы все меры, какие только начальник ваш признает нужными. А потому мы бы хотели, чтобы эскадра ваша прибыла сюда до заключения трактата.

Последняя фраза заставила Томару задуматься:

– О присылке эскадры прежде договора уверить не могу. Однако, думаю, через месяц Порты может предупредить командиров крепостей на Черном море о возможном прибытии российских военных кораблей⁴⁰⁰.

После трехчасовой беседы не осталось сомнений в том, что в скором времени силы новой коалиции обрушатся на французов. Подтверждением тому явилось и согласие мусульманского духовенства на заключение союза с иноверцами, как не противоречащее магометанскому закону.

К этому времени Павел I получил известие о захвате французами острова Мальта. Он был вне себя от ярости. Наполеон не мог не знать о покровительстве Павла Мальтийскому ордену. 1 января 1797 года Павел I учредил в России католическое приорство Мальтийского ордена. А 4 января с орденом был заключен сепаратный трактат, по которому тот получал в России значительные права и денежные доходы. Намерение мальтийских кавалеров втянуть русского императора в орбиту своих интересов было вполне объяснимо. На глазах рушилась старая Европа, а вместе с ней и мальтийские приорства, что вело к сокращению доходов и падению могущества ордена. Потому-то и решили мальтийские рыцари

прибегнуть к покровительству православного царя, а заодно и подкормиться за счет простодушного монарха.

К их несчастью, ситуация ухудшалась быстрее, чем они предполагали. Перепуганные угрозой французского вторжения великий магистр ордена Фердинанд Гомпеш 10 апреля 1798 года писал Павлу I: «Беспрестанными происшествиями и переменами... приведен я и весь Орден мой в положение весьма критическое. Лишение многих командорств... и наконец молва о ужасных вооружениях (французов. – Авт.) и о предстоящей опасности принуждают принять меры к ополчению в такое время, когда не достает к тому способов; все сие давно бы меня сокрушило, есть ли бы не ожидала меня надежда на многомогущую защиту Вашего Императорского Величества и милостивейшее покровительство Ваше... Вашего Императорского Величества ознаменованное великодушие как лично на меня, так и на весь Орден мой подают утешительную надежду, что Ваше Величество не покините нас в толь великой опасности и премудростию Вашею изыщите к спасению нашему способы, зависящие от могущества Вашего, тем скорее, чем ближе мы к нещастию»⁴⁰¹.

Легковерный император клюнул на эту уловку, намереваясь «способствовать деньгами помянутому ордену для сохранения его древней собственности в Средиземном море, для ограждения его от нападения французов»⁴⁰². Сам же Гомпеш после захвата французами Мальты вывез с острова полтора миллиона ливров золотом и множество драгоценных вещей, «похищенных из скарба»⁴⁰³.

Не дожидаясь сообщений о прошедшей конференции между российским посланником и реиз-эфенди, 25 июля Павел I подписал рескрипт на имя вице-адмирала Ушакова, которым повелевал: «По получении сего имеете вы со вверенною в команду вашу эскадру немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей... буде Порты потребует помощи, где бы то ни было, всею вашею эскадрою содействовать с ними, и буде от министра Нашего получите уведомление о требовании Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось»⁴⁰⁴.

4 августа, находясь вблизи Севастопольского рейда с вверенной ему эскадрой, Федор Федорович получил высочайшее повеление и был рад вновь послужить Отечеству в ратном

деле. Сборы были недолгими. 12 августа эскадра Черноморского флота, состоящая из шести лучших кораблей, семи фрегатов и трех авизов (всего 792 орудия) под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова снялась с якоря и покинула Севастополь, взяв курс на Босфор. А вслед за ней летел очередной указ Павла I от 7 августа, в котором император сообщал Ушакову о желании Блистательной Порты вступить с Россией в тесный союз и о ее просьбе о помощи «противу зловредных намерений Франции, яко буйного народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и Богом установленное правительство и законы... но и у соседственных народов, которые по несчастью были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями...». Павел I повелевал Ушакову, дойдя до Константинопольского пролива, остановиться и ждать повелений российского посланника В. С. Томары, который по просьбе Порты должен направить русскую эскадру туда, где будет нужна ее помощь.

Не решенным оставался вопрос о заключении самого союзного оборонительного договора, так как у российского посланника не было на то полномочий. Потому речь шла лишь о предварительных условиях. Тем не менее турецкая сторона была готова принять российскую эскадру и до подписания договора, ибо быстрое продвижение Бонапарта в Египте и укрепление французами Венецианских островов не оставляли им другого выбора. А султан беспрестанно спрашивал через своих министров у российского посланника: «Скоро ли российская эскадра сюда придет?»⁴⁰⁵.

13 августа полномочие на заключение договора тайным советником В. С. Томарой было подписано и уже находилось на пути к Константинополю вместе с проектом самого договора. Главной целью этого договора Павел I определил «оборону целостности владений Его Султанского Величества и сохранение государства Его от всяких властолюбивых или других вредных против него замыслов французского правления»⁴⁰⁶.

Тем временем, российская эскадра при порывистом северном ветре 23 августа подошла к Константинопольскому проливу и встала на якорь в ожидании повелений от В. С. Томары. Федор Федорович и предположить не мог, что одного его приближения к Босфору будет достаточно, чтобы Порта объявила войну республиканской Франции. В 3 часа пополудни 23 августа «по древнему обыкновению» турки совершили обряд заточения французского посланника в Семибашенный замок. Отличие от прежних подобных церемоний состояло лишь в том, что при следовании французской миссии к Едикулю народ сопровождал их ругательствами и проклятиями⁴⁰⁷.

В полдень 25-го числа вся российская эскадра при попутном северном ветре и ясной погоде вошла в Константинопольский канал и встала на якорь в Буюк-Дере напротив дома

российского посланника. Встречали русские суда на удивление дружелюбно. Василий Степанович вспоминал, что «публика более еще ею (эскадрою. – Авт.) обрадована, нежели я полагал». А Федор Федорович в своем донесении Павлу I отмечал: «...Блистательная Порты и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы, учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны»⁴⁰⁸.

Российские корабли были окружены разного рода фелюгами с любопытствующими местными жителями. Всем хотелось посмотреть на столь грозную силу, сокрушившую некогда их знаменитых адмиралов Гассан-пашу и Кючук-Гуссейна. И все надеялись лично увидеть русского «Ушак-пашу». Не удержался от соблазна и султан, который в тот же день объехал эскадру инкогнито. При этом он сам, придворные и гребцы на шести лодках были «в боснякском одеянии»⁴⁰⁹.

Первым к Ушакову прибыл драгоман адмиралтейства с фруктами и цветами. На другой день к нему явился драгоман Порты и от имени султана поздравил русского адмирала с благополучным прибытием и в знак уважения и благодарности поднес ему табакерку, богато украшенную алмазами. Вместе с подарками Ушакову была вручена декларация Порты «О свободном плавании русских военных и торговых судов через проливы, о взаимной выдаче дезертиров и содействии санитарным мерам во избежание распространения заразных болезней», на чем лично настаивал русский адмирал.

А между тем народ и турецкое правление не переставали удивляться русским морякам. Более всего их поразила строгая дисциплина на кораблях эскадры. Влиятельный турецкий вельможа Юсуф-ага на собрании у нового визиря Юсуф-Зея-паши даже заметил, что «12 кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка». Глядя на русских матросов, присмирели и турецкие морские служители, что было весьма удивительно для обывателей, ибо они не помнили случая, чтобы «здешние матрозы при нынешнем вступлении своем столь кротки были, не причиняя жителям никаких по улицам обид»⁴¹⁰.

Федор Федорович, опасаясь нарушить местные обычаи, запретил было своим матросам на кораблях, стоящих на рейде близ домов, петь песни, но турки вдруг сами обратились с просьбой разрешить им петь как и прежде. Прошение приятно удивило вице-адмирала и, к общему удовольствию публики, он дозволил матросам продолжать песнопение⁴¹¹.

28 августа состоялась конференция с участием турецкой, российской и английской сторон, на которую был приглашен и вице-адмирал Ушаков.

Каждая из сторон, вступая в войну, преследовала свои цели. Англия, прежде всего, стремилась сокрушить Французскую республику, не допустить ее войска в Индию и

добиться полного господства на Средиземном море. Турция, получив неожиданный удар от бывшего союзника – Франции, решила с помощью коалиции вытеснить войска Бонапарта из подвластных ей владений в Египте и укрепить свое положение на Балканах и Северо-Восточном Средиземноморье. Королевство Обеих Сицилий планировало обезопасить себя от вторжения французской армии.

На этом фоне решение Павла I о вооруженном участии России в новой коалиции не обуславливалось внутренней или военной необходимостью. Побудительные причины этого решения носили, скорее, идеологический и политический характер. Павел I решил выступить «против похитителей престолов», «за спасение тронов и алтарей». В связи с чем он впоследствии напишет: «Мы единственно ту цель предполагаем, чтоб привести Францию в приличные пределы и, отняв охоту и средства беспокоить других, как расширением завоеваний, так и вкоренением заразы, обеспечить сколько возможно как соседей ея, так и вообще спокойствия Европы»⁴¹².

По предварительным договоренностям из русских и турецких кораблей должна быть составлена соединенная эскадра, которой надлежало действовать в Архипелаге, Венецианском заливе и возле Александрии. Но всех, несомненно, интересовало мнение знаменитого русского адмирала, перед которым турки преклонялись.

Федор Федорович, понимая ответственность, которая на него ложится, твердо заявил:

– Считаю, что, не теряя времени, необходимо следовать соединенными эскадрами к островам Венециким и по прибытии туда, атаковать французов во всех пунктах твердой земли со стороны Албании.

Уловив по выражениям лиц турецких сановников удовольствие от услышанного, Ушаков продолжил:

– Думаю, было бы целесообразно при сближении эскадр к островам, объявить обывателям оных о соединении сил российских с турецкими и английскими для освобождения их от ига французов. Проект такого обращения, как мне известно, уже приготовлен нашим посланником.

Российский посланник, присутствовавший при этом, подтвердил слова Ушакова и зачитал обращение:

«Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского вице-адмирал и кавалер Ушаков – командующий эскадрою государя своего, с эскадрою Блистательной Порты соединенною приглашает обывателей островов Корфу, Занте, Кефалонии, Св. Мавры и других прежде бывших Венециких воспользоваться сильною помощью соединенного оружия государя своего и Его Величества султана для извержения

несносного ига похитителей престола и правления во Франции и для приобретения прямой свободы, состоящей в безопасности собственной и имени каждого под управлением, сходственным с верою, древним обычаем и положением их страны, которое с их же согласия на прочном основании учреждено будет»⁴¹³.

Зачитав обращение, Томара добавил, что отправление соединенной эскадры в Архипелаг и к Ионическим островам потому необходимо, что, по его глубокому убеждению, французы своей экспедицией в Ост-Индию вводят всех в заблуждение. Мнение российского посланника всех заинтриговало.

– Что вы имеете в виду? – Спросил английский посланник Спенсор Смит.

– Из перехваченных французских бумаг явственно следует, что экспедиция Бонапарта из Египта в Ост-Индию чрез Аравийские пустыни и моря, на которых французы не имеют ни одной лодки, есть предлог, внушаемый для удержания Порты от крайней решимости, для отвращения соединения ее с великими дворами, кои в жребии Египта мало интересуются.

– Вы так считаете? – Вновь засомневался англичанин.

– Талейран и Бонапарт в письмах к П. Рюффеню (французскому посланнику в Турции) и в прокламациях твердят об Ост-Индийской кампании, и все в это поверили. На самом же деле Директория готовит революцию в Морее и накапливает войска на Венецианских островах. Следовательно, цель и умысел французов есть в империи Оттоманской. Египет же по истреблении беев, надеются они держать учреждением нового правления и малым числом войск, что под шум падения сей империи в Европе и было бы возможно⁴¹⁴.

Расклад Томары еще более утвердил турок в их собственных подозрениях, и на конференции определено было присоединить к российской эскадре равномерную турецкую и, разделив их на три части, одну отправить в крейсерство между островом Родос и берегом для охраны острова Кандия и Архипелага. Двум другим отрядам предназначалось следовать в Адриатическое море для защиты албанского берега и одновременно для освобождения Ионических островов.

О всех предпринимаемых мерах решено было уведомить контр-адмирала Горацио Нельсона, одержавшего 21–23 июля (1–3 августа) знаменитую победу над французским флотом в Абукирском сражении.

Федор Федорович нашел себя обязанным лично известить Нельсона о своих планах и поздравить его с победой. В письме к нему Ушаков отмечал: «По прибытии в Константинополь узнал я славную и знаменитую победу вашу, одержанную при реке Ниле... С признательным удовольствием от истинного моего к особе вашей почтения, с таковою

совершеннейшею победою поздравить вас честь имею и в той надежде, что скоро буду иметь удовольствие находиться в близости с вами, а, может быть, и вместе действовать против неприятеля. Заочно рекомендую себя в ваше благоприятство и дружбу, которую я приобрести от вас постараюсь»⁴¹⁵.

30 августа в Бебекском дворце прошла очередная конференция новых союзников, на которой были подтверждены первоначально определенные цели, с той лишь разницей, что к Родосу решено было послать только по два фрегата с каждой стороны и 10 канонерских лодок для усиления английской эскадры, крейсирующей у египетских берегов. Обеспечение соединенной эскадры до подписания союзного договора турецкая сторона взяла на себя. Порты отправила также во все подвластные владения Средиземного моря специальные фирманы о содействии российско-турецкому флоту.

Через два дня вице-адмирал Ушаков по желанию Порты осмотрел назначенную в поход турецкую эскадру, адмиралтейство и арсенал, где сделал ряд замечаний. Побывал Федор Федорович и на новом линейном корабле, прибывшем 6 сентября из Синопа под командованием вернувшегося из ссылки Сеит-Али, похвалывшегося когда-то заковать «Ушак-пашу» в цепи и получившего ранение с первым же выстрелом русского флагманского корабля в сражении у мыса Калиакрия. На флагманском турецком корабле русскому адмиралу была показана примерная артиллерийская стрельба, результаты которой, к удовольствию турок, были похвально отмечены.

Двухнедельное пребывание в Константинополе российской эскадры оставило у жителей самое благоприятное впечатление. Они только и говорили что о строгой дисциплине и послушании российских моряков. Особым уважением прониклись турки к вице-адмиралу Ушакову. Бывший тогда при Дарданеллах Осман-эфенди не преминул благоприятно отозваться Порте о русском адмирале по поводу его «приятного обхождения» с начальствующими там как морскими, так и сухопутными чинами⁴¹⁶.

8 сентября, «дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины», российская эскадра снялась с якоря и при благополучном ветре направила свой путь к Дарданеллам, к месту соединения с турецким флотом⁴¹⁷. Очевидец так запечатлел это событие: «В проходе ее каналом и мимо столицы берега и дома наполнены были обоего пола зрителями. Проходя эскадру турецкую, салютировал господин вице-адмирал Ушаков капитан пашинскому флагу (сам капудан-паша находился в это время под Видином. – Авт.) 17-ю выстрелами. Бешикташу, где Его Величество Султан присутствовать изволил, 31-м выстрелом при кричании матросами ура и при игрании на трубах и барабанном бое. Топхане (адмиралтейству. – Авт.) – 15-ю и Зимнему Дворцу – 21-м выстрелом же. На что с эскадры

ответствовало ему было 17-ю, а от Топханы 15-ю выстрелами. Прочие же военные корабли и фрегаты отдавали только одному султану честь ружьем, барабанным боем, игрием на трубах и кричанием ура»⁴¹⁸.

10 сентября российская эскадра благополучно соединилась с турецкой, состоящей из четырех линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и 14 канонерских лодок, под командованием вице-адмирала Кадыр-бея. Кадыр-бей, командовавший в начале последней войны с Россией 54-пушечным кораблем «Макдем-Бахри» («Морской счастливый пришелец») на Черном море, считался человеком благонравным и уступчивым. Именем султана Порты повелела ему почитать российского вице-адмирала «яко учителя»⁴¹⁹, что, по существу, определяло главенствующее положение Ушакова в соединенной эскадре.

Со своей стороны Ф. Ф. Ушаков также проявил к турецкому морскому начальнику необходимую учтивость, что, несомненно, способствовало налаживанию тесного взаимодействия и вселяло надежду на успех предприятия. В очередной реляции В. С. Томары к российскому императору по этому поводу отмечалось: «Благоприятство обеих начальников флота, взаимные их похвалы друг другу и добрый успех хотя в малом деле, но согласным подвигом обоюдных войск приобретенный, приняты правлением за большую победу»⁴²⁰.

Для связи между адмиралами и в помощь Ф. Ф. Ушакову Порты определила к нему переводчиком Александра Кальф-Оглу, которого наделила и распорядительными полномочиями в средиземноморских владениях Турции, а на корабль Кадыр-бея для тех же целей прибыл лейтенант Егор Метакса⁴²¹.

К этому времени сведения результатах переговоров и о предложенном Ушаковым плане кампании уже долетели до Петербурга и были одобрены императором. В своем указе на имя Ушакова от 15 сентября он писал: «Распоряжением Вашим и соглашением с турецкими чиновниками в рассуждении соединенного содействия быв довольны, за что изъявляем Вам Наше благоволение»⁴²².

На основании договоренностей 14 сентября к Родосу были отправлены четыре фрегата (из них два русских «Св. Михаил» и «Казанская Богородица») и 10 канонерских лодок под общим командованием капитана 2 ранга А. А. Сорокина. А 20 сентября соединенная эскадра тремя колоннами направилась к берегам Мореи. Тем временем в Константинополе продолжились переговоры о заключении Союзного оборонительного договора.

Они начались с того, что 13 сентября на конференции в Бебеке стороны обменялись полномочиями. Столь важное дело, как заключение договора, Порты поручила анатолийскому кадилискеру (второе лицо в иерархии мусульманского духовенства после

муфтия, выполняющего функции верховного судьи) Сеид Ибрагим-бею и реиз-эфенди Атыф Ахмету. Россиян представлял тайный советник Василий Степанович Томара. Получив из рук российского посланника «полную мочь», реиз-эфенди с удовольствием заметил:

– Соединение сил наших и последствия предполагаемого союза могут и в самом деле переменить вид Европы⁴²³.

Однако с первого дня турки стали проявлять непредвиденную медлительность. Поводом к тому послужило, по мнению российского посланника, весьма несущественное обстоятельство. Оба полномочные высокопоставленные сановники, «напоенные ненавистью противу французов», не довольны были кратким заглавием в проекте договора, представленного российской стороной.

– Договор никакой вражды к французам не представляет! – заявил реиз-эфенди и, бесцеремонно взяв текст проекта, сам написал заглавие трактата, по его понятию, более точное.

Василий Степанович, как человек мудрый, не стал возражать, тем более что это не касалось сути вопроса. Конференции решено было проводить два раза в неделю по понедельникам и четвергам. А до момента заключения договора Порты «взяла лучшие меры для продовольствования эскадры», что исходило из явного желания турок угодить российскому императору и «обласкать вице-адмирала (Ф. Ф. Ушакова. – Авт.), которым все весьма были довольны»⁴²⁴.

На последующих конференциях Порты, с одной стороны, показывала свое явное удовольствие поддержкой России, но с другой, наблюдая за успехами соединенной эскадры в районе Венецианских островов, опасалась, как бы Россия не предприняла усилий к присвоению себе тех же островов. Василий Степанович пытался убедить турок в обратном.

– Предмет замысла французов есть не война, а завоевание, – говорил Томара, – так и цель союза нашего не есть простая помощь, но сохранение царствующего дома и правления империи Оттоманской. Первое оружие французов, – продолжал Василий Степанович, – есть разврат подданных предьявлением мнимой свободы, что, однако ж, не мешает им угнетать народы, все брать и ни за что не платить. Поэтому союз с Портой не нужен России для одной только морской экспедиции против французов, а нужно уверение о сохранении целостности империи Оттоманской⁴²⁵.

В результате длительной и напряженной дипломатической работы 23 декабря 1798 года между Россией и Турцией был заключен Союзный оборонительный договор⁴²⁶ и подписаны 13 статей секретного сепаратного соглашения, с восьмилетним сроком действия⁴²⁷.

Давая оценку этому неординарному в мировой истории событию, известный историк XIX века А. В. Висковатов писал: «В один миг взаимные опасения исчезли, вековая вражда была забыта, и Европа увидела с изумлением, что в то время, когда не заживлена была рана, нанесенная Турции отторжением от нее Крыма, когда свежи были развалины некогда грозного Очакова и не замолкли рассказы о кровопролитных штурмах Измаила и Анапы, два народа, бывшие почти в непрерывной между собою вражде, и разнствующиe один от другого и правилами Веры, и языком, и обычаями, вступили между собою в тесный союз против нарушителей общего спокойствия»⁴²⁸.

На фоне начавшихся активных боевых действий на Средиземном море, вторая антифранцузская коалиция была оформлена и другими двусторонними договорами союзных держав. Подобные договоры были заключены между Россией и Королевством Обеих Сицилий (18 декабря 1798 года)⁴²⁹, между Турцией и Англией (25 декабря 1798 года)⁴³⁰ и между Турцией и Королевством Обеих Сицилий (10 января 1799 года)⁴³¹. Между Россией и Англией оставался в силе договор 1795 года. Вместе с тем, 10 февраля 1797 года Павел I дал повеление о продлении срока действия русско-английской конвенции 1793 года до 25 марта 1801 года⁴³². Кроме того, 18 декабря 1798 года в Петербурге между сторонами был заключен Запасной (субсидный) договор по случаю войны с Францией⁴³³. В остальных случаях функционирование и боевое использование коалиционных сил осуществлялось на основе отдельных договоренностей и соглашений.

ПРОТИВНИКИ И СОЮЗНИКИ НА МОРЕ

1. ФЛОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Французский флот времен революции представлял собой печальное зрелище: анархия и разруха – вот те слова, которыми можно коротко охарактеризовать его состояние. Причем, все это происходило в то же самое время, когда французская армия победным маршем шествовала по Европе, когда революционный пыл и боевой дух французского войска, были столь сильны, что плохо одетые и голодные французы громили и гнали сытые, хорошо обмундированные и отлично вооруженные армии своих противников. Ничего подобного нельзя было сказать о состоянии и боевых качествах французского флота, которые были значительно ниже таковых качеств английского и русского флотов. Прекрасные корабли и

быстроходные фрегаты гибли, зачастую не оказывая даже сколько-нибудь стойкого сопротивления противнику. Французский адмирал Журьен де-ла-Гравьер в своих воспоминаниях отмечал: «Удар, нанесенный государственному управлению революцией, отозвался сильнее всего на его морском ведомстве»⁴³⁴.

Что же случилось с некогда мощным флотом, на кораблях которого незадолго до революции с честью развевались флаги грозного бальи Сюффрена, адмиралов де Грасса, де Эстена, Латуш-Тревилля, Ла-Мотт Пике и Гишена?

Оценивая состояние дореволюционного флота Франции, известный исследователь вопросов морской стратегии А. Т. Мэхэн писал в одном из своих трудов: «Французский флот обладал обширной и превосходной материальной частью и после своих действий в войну 1778 года составлял гордость нации и предмет ее упований»⁴³⁵

Подобно Мэхэну высказывался русский военно-морской теоретик профессор Н. Л. Кладо. Он заметил, что «в начале девяностых годов, ее (Франции) флот состоял из 80-ти линейных кораблей и 70-ти фрегатов, прекрасной постройки, легких на ходу, сильно вооруженных, с прекрасным личным составом, как нижних чинов, так и офицеров, много поработавших над тактической стороной своего оружия, имевшим за собой удачный опыт предыдущей войны. Теперь были все шансы за то, что как были перед этим французы искусны в обороне, также искусны они окажутся и при нападении. Сюффрен это достаточно показал. Не могли умереть его идеи среди такого состава офицеров, каковым обладал тогда французский флот»⁴³⁶.

И действительно, к началу девяностых годов XVIII столетия французский флот представлял собой внушительную силу. В его боевом составе числилось до 300 лучших в мире военных судов, составлявших девять эскадр. Береговые службы успешно справлялись со снабжением и ремонтом флота. Хозяйственная часть морского ведомства, организованная Кольбером, была в свое время значительно улучшена Шуазелем.

Французский флот был хорошо организован, имел четкую морскую стратегию и руководствовался теоретически продуманной тактикой. Здесь уместно будет еще раз сослаться на Журьен де-ла-Гравьера, который говорил по этому поводу: «Наши морские постановления были изложены с такой гениальной предусмотрительностью и полнотою, которые, казалось, должны были навсегда охранить их от малейшего прикосновения»⁴³⁷.

Личный состав флота был хорошо укомплектован и обучен. В 1789 году плавсостав насчитывал около 91 тысячи человек. При этом корпус флотских офицеров состоял примерно из полутора тысяч человек. Орудия кораблей флота, коих насчитывалось более 30

тысяч стволов, обслуживались специально подготовленными матросами-комендорами, сведенными в 81 роту⁴³⁸.

Комплектование флота матросами и офицерами происходило согласно кодексу маршала Кастри, изданного в 1786 году. Этот кодекс дополнил и усовершенствовал систему Кольбера, установленную еще указом 1689 года.

Матросы набирались из жителей приморских областей. Существовала так называемая «морская перепись» и люди, внесенные в эту перепись, призывались на службу по мере надобности и по своему порядку номеров в списке, при чем было предусмотрено, чтобы члены одной и той же семьи не призывались одновременно, чтобы не лишать семью всех работников. В перепись вносились все обитатели приморских областей, достигшие 18-летнего возраста и избравшие добровольно профессию моряка-рыбака, матроса и т.п. Были установлены пенсии для инвалидов и привилегии для людей, записанных в морскую перепись. Весь этот вопрос был основательно разработан. В обмен на некоторые преимущества и привилегии, государство требовало почти пожизненной военной службы от людей, внесенных в морскую перепись. Благодаря этой системе комплектования, флот был обеспечен настоящими моряками, привыкшими с детства к морю и лишениям, связанным с морской жизнью.

Корпус офицеров комплектовался двумя способами из числа воспитанников, обучавшихся в Морских корпусах, а затем продолжавших свое морское образование на кораблях, по которым они расписывались по окончании курса в корпусе. В корпусы принимались лишь дети дворян. Кроме этого источника, существовал другой: *aspirants volontaires de la Marine* (добровольные морские волонтеры). К зачислению в *aspirants* допускались дети капитанов коммерческих судов, арматоров, купцов и вообще людей средней и высшей буржуазии. *Aspirants* производили в чин унтер-лейтенанта, в то время как воспитанники производились непосредственно в лейтенанты. Унтер-лейтенанты назначались преимущественно на брандеры, транспорты и фрегаты и могли быть произведены в лейтенанты лишь за особые отличия. Затем существовали корпус корабельных инженеров и корпус ревизоров.

Как видно, вопрос комплектования флота личным составом представлял собой стройную систему, был хорошо продуман и обеспечивал флот отличными матросами и комендорами. Этот состав был правильно обучен, дисциплинирован и руководился начальниками, знающими море, преданными службе и правильно понимавшими принципы морской стратегии и тактики. Словом сказать, флот Франции к началу революции представлял собой

отличный инструмент политики государства, на который мог с надеждой взирать ее народ, и которого боялись его враги.

Однако, революционное движение 1789 года, начавшееся в Париже, не могло остаться без влияния на умы рабочих военных портов, матросов и офицеров флота. В результате революционного влияния превосходная морская организация стала стремительно распадаться.

Лучшими офицерами овладевало пренебрежение к своим обязанностям. Вице-адмирал де Эстен, командовавший Национальной Гвардией в Версале, был одним из первых офицеров флота, перешедших на сторону Национального Собрании. Герцог Орлеанский, числившийся в рядах высших офицеров флота, считался открытым сторонником Революции. Подобные действия высших офицеров объяснялись тем, что офицерство было настроено против двора, хотя при этом и не питало враждебных чувств к королю.

Более радикально были настроены нижние чины. Всякое проявление власти стало восприниматься ими несправедливым, а соблюдение дисциплины почитаться за оскорбление народных прав. Проникнувшись идеями Мнимой «свободы, равенства и братства», матросы начали устраивать на кораблях бунты, избивать по своему произволу офицеров и сажать их в тюрьмы при полном попустительстве центральных властей. Портовые рабочие записывались в Национальную Гвардию и, продолжая получать поденную плату, перестали работать под предлогом исполнения своих новых обязанностей. В результате на кораблях возникла анархия, а работы в портах были дезорганизованы.

Адмиралу Л.-А. де Бугенвиллю удалось на какое-то время восстановить во флоте некоторое подобие дисциплины и порядка, но через несколько месяцев команды снова взбунтовались, и вся работа блестящего администратора и отличного моряка пропала даром – флот вернулся в прежнее состояние анархии.

Перепись флотских офицеров, произведенная 1 июля 1791 года, показала, что на лицо осталась лишь одна четверть того состава, который существовал в 1789 году. А те, кто остались, не могли смягчить «непримиримого духа революции». В вознаграждение за преданность воинскому долгу многие из них были вскоре осуждены на позорную казнь или заточение, из которого уже не всем удалось выйти.

В виду колоссальной нехватки офицеров Национальное Собрание приступило к реформированию вопроса комплектования офицерского корпуса. Собранию пришлось, прежде всего, решить принципиальный вопрос: должны ли быть предоставлены офицерские вакансии только тем лицам, которые намерены посвятить себя всецело военно-морской службе или же на эти вакансии могут быть допущены и моряки торгового флота?

Этот вопрос был решен в пользу гражданских моряков, которым разрешалось служить и в военном флоте. При этом рассуждения руководства были примерно такими: если данное лицо командовало коммерческим бригом или иным кораблем, то оно же может с успехом водить в бой трехдечные линейные корабли и даже эскадры.

После подобного разрешения столь важного вопроса, Собрание приступило к изданию ряда декретов. 22 и 28 апреля 1790 года двумя последовательными декретами было установлено два способа комплектования флота офицерами: первый из числа aspirants (юношей от 15 до 20 лет), обучавшихся на кораблях военного флота морскому делу, и второй – из рядов офицеров коммерческого флота. Был введен первичный офицерский чин (enseigne), в который могли производиться по сдаче экзамена все проплававшие четыре года, безразлично на военных кораблях или в коммерческом флоте, в возрасте от 18 до 30 лет. Выдержав этот экзамен, офицеры могли служить, по желанию, или в коммерческом, или в военном флоте. Только к 40 годам нужно было сделать окончательный выбор между коммерческой и военной службой. При чем, считалось достаточным провести два года на военном флоте, чтобы к 40 годам быть произведенным в чин лейтенанта. Офицерам, уже бывшим на службе ко времени издания этого закона, декрет предоставлял некоторые преимущества.

Национальное Собрание не поняло, что совершенно необходимо было иметь офицеров всецело посвятивших себя морской службе. Избрав ложный путь, Собрание и дальше пошло по тому же направлению. 13 января 1793 года Конвент издал декрет, разрешавший назначение капитанов коммерческих судов дальнего плавания или каперов на вакансии капитанов 1 ранга. Для производства в лейтенанты этот декрет требовал пяти лет службы, без различия на коммерческом флоте или на военном.

Наконец, декрет 28 июля завершил этот губительный для французского флота цикл, дав морскому министру право назначать на все вакансии по своему усмотрению, не считаясь ни с какими законами, ни с чинами назначаемых.

На кораблях и эскадрах начали создаваться советы для решения важных вопросов, в которые входили и матросы, которые, в свою очередь, при несогласии с действиями командования, устраивали бунты.

Положение с кадрами флота значительно усугубилось с наступлением в стране тотального террора, в пламени которого погибли такие известные деятели флота как Гримуар Филипп Орлеанский, Керзен и де Эстен.

Журьен де-ла-Гравьер писал о том периоде времени: «Демагоги, пользуясь безграничной властью, посылают мирных граждан на эшафот или режут их в темницах. Резня идет по всей Франции... Палачи, опьяненные от крови, и по недостатку жертв,

казалось, были готовы пожирать друг друга... Блестящий корпус офицеров, в котором я начал службу, уже не существовал. Я вступил в совершенно новое общество и глубоко чувствовал понесенные нами потери»⁴³⁹.

Жесткими методами Конвент, власть в котором перешла в руки крайних – монтаньяров, ранее подстрекавших к неповиновению властям, решил впредь не допускать анархии во флоте. Однако восстановить дисциплину оказалось гораздо труднее, чем ее разрушить. Началось повальное дезертирство.

Уничтожив прекрасный корпус офицеров, Конвент не удовлетворился этим. Он постановил распустить корпус морских комендоров, лишив, таким образом, флот отличных, подготовленных наводчиков, привычных к морю и к стрельбе с неустойчивой платформы – палубы корабля. Корпус морской пехоты был также уничтожен.

Возвращение к республиканским началам, вследствие торжества Национального Конвента, не смогло содействовать реформам на флоте, задуманным новым морским министром, вступившим в должность 4 ноября 1795 года. Подозрения в неблагонадежности послужили поводом к новым гонениям, как на офицеров, так и на матросов, которым составлялись особые списки по степени их преданности «общему благу».

Атмосфера лживости и лицемерия опустилась на морское сообщество Франции. Современник писал: «Никогда еще люди гордые не испытывали более жестоких унижений. В наших несчастных приморских городах, преданных в жертву самым гнусным демагогам, даже палачи имели своих почитателей, а свобода, свирепый деспотизм которой все ненавидели до глубины души, встречала всюду лицемерное обожание... Правители публично в собрании моряков заявляли свои «общественные» правила, а последние громкими одобрениями выражали им свое сочувствие. Потом, когда адмиралы, капитаны, офицеры, унтер-офицеры и матросы в сотый раз давали клятву о ненависти и омерзении к тиранам и обеты преданности и сочувствия друзьям равенства, все садились вместе за гражданственную трапезу, заключающуюся, по священному обычаю, взаимными лобызаниями»⁴⁴⁰.

Итог оказался весьма печальным. За шесть лет революции французский флот лишился опытных офицеров, обученных комендоров и солдат морской пехоты, привыкших к морю и своеобразным условиям абордажных боев. Матросы дезертировали. Взамен он получил недоучек с коммерческого флота и солдат армии, непривычных к морю, и держался только остатками своего прежнего личного состава, еще уцелевшего на кораблях.

Но этим не исчерпывались бедствия французского флота, ибо отдельные выступления не могли бы иметь решающего влияния на судьбы французской морской силы, если бы

центральное правительство руководилось здоровыми военно-морскими идеями. Именно неправильные идеи, которые исповедовали, руководители французского флота, ничего не понимавшие в морском деле, и которым чины давались по мере «гражданских» заслуг, явились главной причиной его падения. Достаточно здесь упомянуть имена Жан Бон Сен-Андре или моряков, вроде Керзена, которые пожертвовали всем ради личного честолюбия и из желания выслужиться перед новой властью, исповедуя военно-морскую ересь, лишь бы угодить толпе.

Главным лозунгом реформ флота, главной тенденцией лиц, работавших над ними, было: пренебрегать опытом прежних войн; совершенно отказаться от морских традиций; разрушать все существовавшее ранее, не уяснив себе оснований, на которых должно быть построено новое здание; бросаться слепо по новым путям, не обращая внимания на жестокие уроки, которые давала действительность французскому флоту времен революции.

Идеи адмирала Керзена, депутата Парижа в Законодательном Собрании, высказанные им в 1792 году, очень характерны. Этот морской офицер, пользовавшийся в Собрании большим авторитетом по морским делам, предложил уничтожить корпус матросов-комендоров и взамен его создать корпус комендоров-буржуа, на подобие национальной гвардии, для обслуживания, как приморских крепостей, так и кораблей, создать своеобразную милицию и подчинить ее отдельному министру. Далее, критикуя реформы, произведенные Учредительным Собранием, Керзен назвал корпус морских офицеров учреждением чисто аристократическим, «царящим во флоте без всякой конкуренции извне» и заметил, что «надо открыть доступ во флот не обученным в академиях, а морякам» и, в результате, предложил ввести выборное начало во флоте, при чем право участия в выборах предлагал дать всем судовладельцам и морякам торгового флота данного порта.

Этот же адмирал предложил запретить военным кораблям Франции нападать на торговые суда Англии, уверяя, что Англия немедленно присоединится к этому акту гуманности.

Таким образом, образованный морской офицер обнаружил совершенное непонимание основных принципов военно-морского дела, не оценил всего значения корпуса матросов-комендоров, обеспечивающего французский флот отличными наводчиками, привычными к стрельбе в море, не оценил значение наличия корпуса морских офицеров, привычных к управлению боевыми кораблями и эскадрами, знакомыми с тактикой и стратегией и предложил заменить этот «аристократический» корпус выборными элементами торгового флота, то есть людьми, имеющими весьма малое понятие о ведении войны на море и эскадренном бое.

Наконец, Керзен не понимал даже такого вопроса, как значение для Англии ее торгового флота, совершенно не хотел видеть, что самая уязвимая, самая необходимая для жизни часть британского государственного организма – ее флот.

Если неглупый морской офицер мог высказать подобные ереси, то не следует удивляться идеям невежественного Жан Бон Сен-Андрэ, который, при управлении морским министерством Франции, был фактическим вершителем судеб морских сил Республики.

Этот комиссар по морским делам говорил: «Не лучше ли нашим морякам преднамеренно пренебречь искусными эволюциями, а прямо свалиться на абордаж и вступать в рукопашные бои, из которых французы выходят победителями»⁴⁴¹.

Следовательно, полное пренебрежение всякой военно-морской тактикой, всеми уроками морской истории и возведение к ведению боя на подобие древнегреческих галерных флотов или римских времен второй пунической войны, когда, неопытные моряки, чтобы одолеть карфагенян, придумали абордажный откидной мост. По этому поводу французский историк Шевалье писал: «Решимость и смелость считались единственными качествами, необходимыми для наших офицеров».

Некоторые опытные морские офицеры предостерегали Конвент и его представителей от неправильных идей организации флота и ведения морской войны. К сожалению их слова были гласом вопиющего в пустыне и не находили отклика даже в морской среде, не говоря уже о Конвенте.

Гораздо более успеха имели безумные идеи Жан Бон Сен-Андрэ. Этот комиссар по морским делам говорил: «Во флоте существуют части, называемые морскими полками. Не называются ли они так потому, что они одни имеют привилегии сражаться на море? Разве мы не все призваны защищать свободу? Почему же победители в боях при Ландау и Тулоне не могут сражаться и на нашем флоте, показать свою храбрость Питту и унижить флаг Георгия (английский флаг. – Авт.)?». Таким образом, комендоры и солдаты морской пехоты были признаны аристократами, которым не место в демократическом флоте.

Наконец, морской министр Дальбрад запретил, от имени Исполнительного Комитета, выходить в море иначе, как при полной уверенности, что французские силы ни в коем случае не меньше неприятельских, указывая, что попытка вступить в бой с превосходными силами будет рассматриваться, как непростительное безрассудство. Следовательно, Дальбрад открыто признал, что качества французского флота настолько ниже таковых английского, что нечего и пытаться сражаться с врагом в том случае, если англичан больше, чем французов. Эти идеи не могли не отразиться на духе французских команд. Ничего нет

гибельнее для флота, как сознавать, что по своим качествам он, безусловно, ниже противника, что даже превосходство материальное не может обеспечить ему победу.

Убедившись, что французские корабли, вследствие невысоких качеств команд и офицеров, не в состоянии бороться хотя бы с равными по силе английскими, Жан Бон Сен-Андрэ решил воздействовать на французских моряков страхом жестоких наказаний и издал знаменитый своею суровостью декрет 14 плювиоза 2 года (2 февраля 1794 года). Согласно этому документу устанавливалась смертная казнь всем командирам и офицерам кораблей, спустившим флаг перед неприятелем, какой бы силы последний ни был. Если принять во внимание, что в эпоху деревянных флотов утопить корабль было очень трудно, то этот декрет нельзя не признать бессмысленно жестоким.

Кроме того, этот же декрет установил ряд жестоких наказаний (например, заковывание в кандалы), даже смертную казнь за проступки и преступление по службе. Так, например, смертная казнь была определена: за неисполнение приказаний, за нанесение побоев начальнику, за уход с поста, за дезертирство или самовольную отлучку свыше трех дней. На офицеров налагались такие же наказания, как на матросов.

Результат опубликования декрета был совершенно неожиданный для Жан Бон Сен-Андрэ. Он привел к сдаче многих командиров и офицеров, которые предпочли попасть в плен, нежели подвергаться наказанием, установленным декретом. Так что идея жестокими мерами вдохнуть смелость и дисциплину в расстроенные ряды французских моряков не возымела никакого успеха. Смертными казнями и кандалами нельзя было заставить революционные войска храбро сражаться с врагом.

Жестокие меры по отношению к морякам родного флота, Жан Бон Сен-Андрэ дополнил другим декретом, в котором приказал не брать пленных и топить даже команды коммерческих судов неприятеля, взятых в плен. К счастью, нашелся только один командир во всем французском флоте, который исполнил этот декрет. Самый факт опубликования этого декрета показывает, до какого безумия дошли руководители французского морского ведомства времен революции. Все эти идеи не могли не подорвать дух личного состава и без того уже лишенного своих лучших офицеров, комендоров, матросов и солдат морской пехоты.

Материальная часть флота также не замедлила прийти в упадок вследствие неправильных мыслей, положенных в основу управления портами и морским ведомством. В дореволюционный период прекрасная хозяйственная система Кольбера, реформированная Шуазелем, обеспечивала флот отличными кораблями и всеми необходимыми материалами. Идеи же Монжа, Дальбарда и Жан Бон Сен-Андрэ привели к полному крушению этой

отличной организации. Профессор Н. Л. Кладо писал: «В портах царил такой же страшный беспорядок, как и на кораблях. Началось настоящее расхищение казенных денег рабочими, которые требовали свою плату, хотя большая часть дня была заполнена спорами в клубах и мнимыми учениями в национальной гвардии, вернее пребыванием в кабаках и игорных домах. Понятно, что должно было происходить при таких условиях с работами по постройке и починке судов. В магазинах не было ни провизии, ни обмундирования, ни тросов, ни парусины. Выдачу жалованья беспрестанно задерживали»⁴⁴².

Что же получил флот Французской республики в период революционных преобразований?

Высший командный состав лишился своих лучших представителей: Гримуар, выдвинувшийся своими действиями в Вест-Индии, Филипп Орлеанский, де Эстен и де Рион были казнены, Морар-де-Галль, Кергелен – отрешены от должности. На их место пришли невежды с хорошо поставленным громким голосом. Адмиральских чинов легче добивались люди с ораторским талантом, люди умеющие льстить и угождать клубам и муниципалитетам, чем опытные тактики, искусные в трудном деле управления парусными флотами. Шабо-Арно писал: «Громовой голос и здоровые легкие сделались лучшими дипломами к быстрому повышению»⁴⁴³.

В одном из писем того времени есть еще несколько фраз, хорошо характеризующих людей, добивавшихся и получавших командные посты во флоте: «Чины давались людям, не имевшим за собой никаких достоинств, кроме продолжительного пребывания на море. Несмотря на то, что такие люди часто также мало приносят пользы кораблю, как тюк хлопка. Надо сказать откровенно, что городские клубы часто голосовали не за более искусных и патриотичных людей, а за интриганов и лгунов, за тех, которые умели нагло водить за нос толпу»⁴⁴⁴.

Нет ничего удивительного, что на смену славным адмиралам дореволюционного периода: Сюффрену, Ла-Мотт Пике, Гишену и де Грассу явились Вильнев и Брюейс. Правда, были адмиралы, обладавшие качествами настоящих флотоводцев, но они не имели случая выдвинуться и безусловно средний уровень командного состава времен революции и после нее несравненно ниже, чем в дореволюционный период правления Людовика XVI.

Прежний корпус флотских офицеров перестал существовать к эпохе Директории, осталась лишь жалкая кучка, случайно уцелевшая от гильотины и тюрем. На смену прежним флотским офицерам явились новые, главным образом, из рядов коммерческих моряков.

Эти новые офицеры не имели военно-морского образования, не привыкли управлять кораблями и людьми в бою, не имели общих руководящих военно-морских идей, при

помощи которых они могли бы воссоздать могущество французской морской силы. К тому же из коммерческих моряков во флот шли не лучшие офицеры.

Не лучше складывалась ситуация с матросами. Адмирал Морар де-Галль в марте 1793 года писал: «Качества наших матросов очень плохи, и дух их упал. Если это не переменится, то мы не можем ожидать ничего кроме поражения, даже если мы будем превосходить врага численностью. Пыл, о котором так много говорят (они и депутаты Национального Собрания), состоит только в постоянном повторении слов «патриот», «патриотизм» и в криках «Да здравствует народ! Да здравствует Республика!»⁴⁴⁵. Так что, матросы не были ни привычными, ни храбрыми моряками. Не имея хороших матросов, корабли лишены были возможности быстро маневрировать.

Корпус матросов-комендоров, отлично обслуживавших артиллерию кораблей французского флота, был уничтожен, комендоры признаны «аристократами» и изгнаны с флота. Вместо них у орудий стали люди совершенно необученные и неподготовленные к стрельбе на море. Результаты были очевидны. Стрельба французского флота была ниже всякой критики. Залпы всего борта французского линейного корабля причиняли врагу менее вреда, чем огонь двух хорошо обслуживаемых орудий.

Таким образом, личный состав флота Франции времен революции и Директории:

- 1) не умел поставить флот в выгодное относительно неприятеля положение, чтобы использовать свои силы с наибольшим для себя успехом, вследствие низких качеств высшего командования;
- 2) был неспособен к быстрым и искусным эволюциям, вследствие неопытности командиров и офицеров, не обладавших достаточными познаниями в военноморском деле;
- 3) не мог использовать полностью огонь своей артиллерии, так как наводчики и прислуга орудий были непривычны в стрельбе на море;
- 4) эволюции не могли быть выполняемы с достаточной точностью и быстротой, так как матросы были недисциплинированы, непривычны к морю и не обладали надлежащими боевыми качествами.

Следовательно, французский республиканский флот не умел ни маневрировать, ни стрелять, и даже достаточно упорно держаться в море в свежую погоду. Таким образом, он не обладал ни одним качеством, необходимым для достижения успеха в операциях на море.

Не лучше обстояли дела с материальной частью. Несмотря на отличные качества французских кораблей, построенных в дореволюционный период, служивших образцами для

флотов Англии и других государств Европы, типы их не были далее усовершенствованы, а, наоборот, строились корабли, качества которых были ниже, чем в дореволюционный период.

Даже материальная часть артиллерии была не на высоте. Зачастую, суда приходилось перевооружать орудиями меньшего калибра вследствие ветхости кораблей, неспособных носить свое прежнее вооружение.

Моральные и материальные причины привели флот Франции к тому плачевному состоянию, в котором он не мог и думать с успехом сражаться с равными неприятельскими силами.

Попытка заменить организованную морскую силу каперами, в конечном итоге, кончилась неудачей. Корсарский флот не мог спасти морское могущество Франции. Рушилась прекрасная организация, созданная Кольбером, реформированная Шуазелем и Кастри. Произошел распад хорошо организованной морской силы, полученной революцией в наследство от Людовика XVI.

«Франция склонялась к неодолимому унынию относительно состояния своего флота, – писал французский адмирал Журьен де-ла-Гравьер, – корабли ее исчезли один за другим; фрегаты и корветы захватывали вначале неважные купеческие суда, а потом сами всегда попадали в руки неприятеля. Джервис разбил при Сен-Винценте флот испанский; Дункан почти истребил у Кампердоуна – голландский. Два такие поражения, претерпенные нашими союзниками, давали сильный перевес пагубному мнению, что Франции следует совсем отказаться от возможности поддерживать войну на море. После мира в Кампо-Формио, когда нам оставалось бороться с одной только Англией, республиканское правительство наше, вместо того, чтобы заботиться о постепенном восстановлении своего, вздумало уступить купцам все наши фрегаты и корветы, стоявшие в совершенной готовности к военной кампании»⁴⁴⁶.

Ложные идеи, внесенные в организацию морской силы лицами, вершившими судьбы флота Франции времен революции, послужили главнейшими причинами гибели последней. Отдельные, не координированные с общим ходом революции, бунты морских команд лишь способствовали этому распаду.

* * *

Работая над этим разделом, автор умышленно дал материал близко к тексту статьи, опубликованной в апрельском номере «Морского сборника» за 1917 год. Тогда, к великому сожалению, он, очевидно, был воспринят Временным, а затем и Советским правительством как руководство к действию... Говоря же вообще об истории Французской революции, невольно для себя отмечаешь удивительные совпадения и аналогии с российской историей

начала XX века. Как и «Великая» французская революция, «Великая» Октябрьская привела Россию к великому потрясению. И сегодня мы мучительно переживаем тот же финал, который постиг Францию в 1815 году, явившийся для нас закономерной и справедливой расплатой за вероотступничество и попрание основ русского соборного уклада жизни.

2. ФЛОТ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

Британский флот был одним из старейших и по праву добился для своего отечества наименования владычицы морей. Однако догматичный взгляд британских флотоводцев на развитие тактики парусного флота, доминировавший в английском флоте в первой половине XVIII столетия, оказывал отрицательное влияние на их действия. Это продолжалось до тех пор, пока некий Джон Клерк, никогда не ходивший в море служащий английского адмиралтейства, пуская по озеру кораблики, не придумал, как можно побеждать французов. Он предложил прорезать линию кораблей противника. Результатом его размышлений стала книга, вышедшая в начале 80-х годов в Лондоне. Она называлась «Движение флотов»*.

1 (12) апреля 1782 года рекомендации Клерка были использованы адмиралом Джорджем Роднеем в сражении при Доминике, когда ему удалось одержать верх над прославленным французским адмиралом де Грассом. Французский флот, «прорезанный» англичанами, был приведен в полное расстройство, при этом Роднею удалось захватить пять французских кораблей. С этого времени в Англии наметился некоторый прогресс в области морской тактики.

Тактическое преимущество английского флота было закреплено 21 мая (1 июня) 1794 года в сражении при Керсанте. Тогда адмиралу Ричарду Гоу удалось одержать убедительную победу над французским флотом под командованием контр-адмирала Жуайёза Вильяре и депутата Конвента Жан Бон Сен-Андре. В сражении французы потеряли семь линейных кораблей (один из которых затонул) и около семи тысяч человек убитыми и ранеными. У победителей потери в личном составе были в шесть раз меньше. И вновь основным тактическим приемом англичан явилось прорезание строя противника и атака его с наветренной стороны.

Очередным этапом возвышения английского флота стало сражение у Сен-Винцента,

* На русский язык книга была переведена только в 1803 году лейтенантом флота Юрием Лисянским и издана в Санкт-Петербурге. Тактические правила, изложенные в книге, были пояснены примерами сражений: Кинга – у Минорки 1756 г.; Байрона – у Гренады 1779 г.; Арботнота и Гревса – у Чезепика 1781 г.; Роднея – у Мартиники 1780 г., в апреле, 15 и 19 мая; Гуда – у форт-Ройяля 1781 г.; Кепеля – у Ушана 1778 г.; Метьюса – у Тулона 1744 г.; Паркера – на Довер-банке 1781 г.; и др.

произошедшее 3 (14) февраля 1797 года. За девять дней перед тем испанский флот (26 линейных кораблей и 12 фрегатов) под командованием адмирала Хозефа де Кордовы прошел Гибралтар. Он должен был направиться к Кадису, а от туда, если не встретится с англичанами, следовать в Брест для соединения с французским и голландскими флотами с последующей целью нападения на Англию. Однако сильный восточный ветер помешал ему войти в Кадис. Его отнесло к западу, где он продолжал лавировать на ветре до вечера 2 (13) февраля. Ближе к ночи ветер стих и Кордова, не соблюдая порядка, поспешил приблизиться к берегу.

На рассвете следующего дня у мыса Сен-Винцент противники обнаружили друг друга.

Несмотря на двукратное превосходство сил испанского флота, командующий английским флотом адмирал Джон Джервис с 15 линейными кораблями и пятью фрегатами стал стремительно сближаться с неприятелем, находясь в порядке двух колонн. Он направил свою эскадру в промежуток испанского флота, намереваясь отрезать шесть его кораблей, находящихся под ветром в некотором удалении.

В 11 часов 28 минут на корабле Джервиса был поднят сигнал: «Прорезать линию противника». Через три минуты «Куллоден», находясь на траверзе передовой наветренной части испанского флота, шедшей правым галсом, открыл по ней огонь из орудий правого борта. В это время три испанских корабля, развернувшись перед носом англичан, ушли в подветренную часть своего флота, которая, с учетом одного ушедшего на юго-восток корабля, составила восемь единиц. В наветренной части, таким образом, осталось 16.

Передовые английские корабли повернули на левый галс, и сражение разгорелось с еще большей силой. В это время, пока не участвовавший в сражении испанский вице-адмирал, командовавший подветренной частью флота, решил прорезать линию английских кораблей под носом флагманского корабля Джервиса «Виктория». Но английский адмирал успел приблизиться к нему и заставил с большими повреждениями повернуть к своей части. Примеру испанского вице-адмирала последовали и все следующие за ним корабли. Лишь одному из них «Ориену», продолжавшему смело идти вперед, под огнем английской линии, удалось прорваться к своему авангарду.

В час пополудни наветренная часть испанского флота, изо всех сил пытаясь соединиться со своей подветренной частью, легла на фордевинд (на курс, совпадающий с направлением ветра, т.е. повернула направо). Но, заметив это движение, командир английского арьергарда командор Горацио Нельсон приказал капитану Милляру направить корабль поперек курса шести передовых испанских кораблей. Приблизившись к 130-

пушечному флагманскому испанскому кораблю «Сантиссима-Тринидад», Нельсон смело атаковал его. Практически одновременно капитан Томас Трубридж атаковал замыкающий корабль испанского строя.

Решительная атака англичан заставила Кардову отказаться от своего намерения и повернуть на левый галс. Но сражение не прекратилось. Противники продолжали осыпать друг друга ядрами, разрушая борта, ломая мачты и теряя людей. В половине третьего часа первый испанский корабль спустил флаг.

После трех часов, в ходе ожесточенного боя, 74-пушечный корабль Нельсона «Кэптэн», имея значительные повреждения в рангоуте и такелаже, лишился управления. По инерции его несло на 80-пушечный корабль «Сан-Николо». Через несколько минут произошло столкновение. Морские солдаты под командованием самого Нельсона смело устремились на абордаж испанского корабля. В это же время на «Сан-Николо» навалился другой испанский корабль – 112-пушечный «Сан-Хозеф», с которого был открыт ружейный огонь по англичанам. Нельсону пришлось послать на него еще одну абордажную партию во главе с капитаном Милляром. Кроме того, по испанским кораблям все это время вел огонь контр-адмирал Вильям Паркер с «Принца Георга». В конечном итоге, испанцы не выдержали, и их капитаны вручили свои шпаги Нельсону.

Вскоре, не выдержав атаки «Экселлента» спустил флаг и адмиральский корабль испанцев. Но два передовых корабля и два корабля, не участвовавших в сражении, сумели к нему прорваться. Они спасли своего флагмана от пленения.

Вместе с ними, сделав большой галс и построившись в линию, на сближение пошли и семь кораблей подветренной части. Для отражения нападения свежих сил противника Джервис в начале пятого часа пополудни приказал построить линию, а фрегатам взять призы на буксир и увести их в сторону. Встречным огнем ему удалось остановить испанцев. На этом, собственно, сражение и закончилось. В ходе его испанцы потеряли четыре корабля и около тысячи человек убитыми и ранеными.

На первый взгляд, победа, одержанная над многократно превосходящим противником, была славной. Капитан Brenton даже воскликнул: «С этого дня оставили старое обыкновение считать неприятельские суда и рассуждать о несоразмерности сил; в искусстве сражаться на море началась, можно сказать, новая эра»⁴⁴⁷. Но, очевидно, при этом, что просвещенный капитан Brenton, по каким-то причинам, не знал о русском адмирале Ушакове. А напрасно, тогда бы ему пришлось признать, что эпоха эта, если уж и наступила, то наступила на 10 лет раньше.

Конечно же, англичане знали о сражениях на Черном море, но, при этом, в

британском адмиралтействе весьма снисходительно относились к победам русских, не считая турков за достойного противника. А кого же победил Джервис? По замечанию британского военно-морского историка Джемса, «экипажи испанских судов были вовсе не годы к морскому делу и состояли из насильно набранных жителей внутренних провинций и солдат; на каждом корабле было не более восьмидесяти старых матросов»⁴⁴⁸. Так что особой славы англичане в этом сражении не добыли.

Другое дело, военно-политическая ситуация на Атлантике существенно изменилась в пользу Англии. Это было бесспорно. Однако сам английский флот пребывал не в самом лучшем образе.

Французская революция не могла остаться без влияния на умы английских моряков. После 1789 года в матросских массах британского флота началось брожение. Один из современников по этому поводу писал: «Во Франции в это время было возмущение против власти. Британцы, в общем, мало пострадали от заразы с другого берега Канала, но в случаях, когда почва была благоприятна, эта болезнь передавалась в самой тяжелой форме и некоторым из англичан»⁴⁴⁹.

Французские эмиссары активно занимались пропагандой среди команд английского флота. Адмирал Джон Джервис, получивший почетный титул лорда Сен-Винцента, в своем письме капитану Дукворту 18 июля 1797 года сообщал о получении им сведений относительно заявлений французского правительства, что оно имеет своих агентов на всех кораблях британского флота. Эту же мысль высказывал и первый лорд Адмиралтейства Спенсер, говоря о событиях в Ирландии, где существовал целый ряд революционных обществ.

К месту сказать, Английское правительство во многом само позаботилось дать бунтовщикам «интеллигентных» главарей. Оно издало так называемый «Grenville Act» (акт для поимки черни, названный по фамилии его автора), устанавливавший принудительное зачисление на корабельную службу преступников, бездомных бродяг и им подобных. Причиной, вызвавшей издание этого акта, бил недостаток матросов.

Джемс писал о последствиях, вызванных этим постановлением: «Лондонская полиция, вместо того, чтобы исправлять собственными мерами людей, оказавшихся вредными обществу, посылала их на военные суда; люди эти имели здравый смысл и некоторое воспитание, а потому занимали высокое место в мнении невежественных матросов. Многие из них имели понятие о политике и, найдившись часто перед лицом законов, превосходно знали их; они могли толковать матросам акты Парламента, искажали их по своему произволу, говорили, что распоряжения Правительства клонятся к унижению

матросов и показывали между тем средства, которыми можно заставить более уважать морское сословие. Такие краснобаи заражали целую корабельную команду»⁴⁵⁰.

Несовершенство организации службы на кораблях также не мало способствовало росту недовольства среди матросов. Так, например, из боязни дезертирства, увольнение матросов на берег было крайне стеснено, даже во время стоянки в отечественных портах, моряки были лишены возможности повидаться со своими родными и близкими.

Морские уставы в вопросах дисциплины предоставляли слишком большие права. На некоторых кораблях наказания были в высшей степени суровы, на других – команда не подвергалась совершенно никаким наказаниям, что, однако, признавалось многими офицерами за большое зло.

И все же, в подавляющем большинстве случаев, в отличие от Франции, матросское движение в Англии было в основном вызвано не политическими мотивами, а тяжелым экономическим и бытовым положением команд.

Со времен Карла II (1705 г.) денежные оклады матросов не изменялись, в то время как стоимость продуктов первой необходимости значительно возросла, и матросы не имели возможности хотя бы более или менее сносно содержать свои семьи.

Кроме того, длительные плаванья, зачастую продолжавшиеся несколько месяцев, тяжело сказывались на здоровье личного состава. Команды страдали от цинги. Несмотря на частые случаи заболевания, свежие овощи не давались даже во время стоянки в портах. Свежее мясо было редким лакомством, а отпускавшееся команде количество провизии было недостаточным при той тяжелой работе, которую матросам приходилось выполнять на кораблях. А злоупотребления были обычным явлением. Провизия выдавалась с большой недостачей. Определенная ее часть удерживалась на «утруску» и «усушку».

Уход за больными не отличался тщательностью, пища их не улучшалась, медикаментов отпускалось мало. Пенсии инвалидам были незначительны, а раненых лишали жалования до выздоровления или увольнения в отставку по непригодности к службе во флоте.

Согласно сведениям за 1780 год, за шесть лет было набрано для службы на флоте 175 000 человек. Из этого числа за четыре года – убито 1 243, умерло от различных болезней 18 541, а дезертировало – 42 000 матросов⁴⁵¹.

Цифры весьма впечатляющие. Они не только показывают, что санитарные условия на английском флоте были неудовлетворительны (от болезней умерло в пятнадцать раз больше, чем было убито в боях), но и то, что огромное число, почти четвертая часть общего числа рекрутов, было в бегах.

Для привлечения на службу во флот, правительство, а затем муниципалитеты и Ост-Индская компания, установило премии, выдававшаяся каждому добровольцу. Однако этим и ограничивались мероприятия по улучшению материального благосостояния матросов. Не было ничего сделано для облегчения условий их службы и жизни на кораблях.

Таким образом, неудовлетворительное материальное положение матросов британского флота в конце XVIII века, а также неэффективная система комплектования флота, допускавшая назначение на корабли, в виде меры наказания, преступного элемента, подготовило почву для успешной деятельности, как ирландских революционных организаций, так и французских эмиссаров. Совокупность этих причин создала условия, при которых сделались возможными организованные бунты команд английского флота. Не редкими в 90-х годах были случаи подъема над английскими кораблями красных (кровавых) флагов, являвшихся предвестниками кровопролития. Все это в значительной степени подрывало боеготовность флота.

В западной литературе, у того же Джемса, можно найти не мало упоминаний о том, что, мол, русский флот мог воевать только с варварами типа турок, которые имели слабое понятие о морской стратегии и тактике. Даже не упоминая, что к тому времени русский флот взял верх над далеко не варварским шведским флотом, хотелось бы решительно возразить против столь не обоснованных утверждений.

Во-первых, офицерский состав, в отличие, скажем, от англичан, имел общее и специальное образование. Может быть, не все наши офицеры имели столь же большую морскую практику. Но, если говорить о второй четверти XVIII века, то показатели по этому пункту будут примерно сопоставимы.

Во-вторых, русский матрос призывался на службу практически на всю жизнь. Он проходил специальную подготовку для службы на корабле и был специалистом своего дела, по существу – профессионалом.

В-третьих, на флоте, в особенности на Черноморском, сложилась стройная и высокоэффективная система боевой подготовки, составной частью которой было, в том числе, и воспитание личного состава.

И, в-четвертых, при всех минусах социально-политического устройства Российского государства, при колоссальной разнице в социальном положении командира и матроса, их соединяло главное – они были братьями по вере. И каждый из них считал за честь положить живот свой за други своя, за Отечество и веру. В этом, было, пожалуй, главное преимущество русского флота, перед всеми прочими флотами мира.

Учитывая в совокупности все факторы, следует признать, что русский флот конца XVIII века представлял собой грозную силу, способную противостоять любому равному флоту любой державы. И я не пожелал бы тогда Нельсону иметь своим противником Ушакова.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

1. ОКУПАЦИЯ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

Весной 1796 года французские войска под командованием молодого и энергичного бригадного генерала Наполеона Бонапарта вторглись в Северную Италию и в течение года завладели ею. После этого Бонапарт направил свое оружие против Венецианской республики, где, имея достаточное число своих людей, «ласковыми обещаниями и посредством деятельных мер» без особого труда завладел столицей республики.

Наблюдая за стремительным продвижением Бонапарта, греческие патриоты Ионического архипелага, «предвидя разрушение их правления и опасность остаться подвластными французам», обратились к императору Павлу I с прошением о принятии их под его покровительство. Они клятвенно обещали «исполнять высочайшие приказания, не щадя имущества и жизни своей, объявляя, что они предпочитают быть под правлением столь великого и милосердного государя, чем принадлежать какой-либо другой державе».

Препровождая послание греков в Петербург, майор Л. Соттири, действовавший в последнюю русско-турецкую войну как эмиссар Екатерины II на Балканах, а ныне состоящий русским резидентом в Триесте, от себя заметил: «Надеюсь, что Его Императорское Величество всемилостивейше воззрит на желания сего народа, искони преданного по единоверию и природной склонности к Российскому императорскому двору и в нынешних удобных обстоятельствах желающего пожертвовать имением и жизнью для славы Российского государства».

Осмелюсь при том донести, что город Корфу и заливы Перевеза и Левкада выгодны во время войны для содержания знатного флота и сухопутной армии, то есть Перевезский залив для набора рекрут..., а Корфу может служить арсеналом, будучи защищаем одною из лучших итальянских крепостей и, имея в северной стороне великое число албано-греческих

народов, обитающих по берегам Адриатического моря, храбрость коих доказана уже в последнюю войну с турками.

Жители острова Корфу, по учинении некоторых нужных распоряжений, решились сопротивляться французам и нынешним венецианцам, коих войска, как слышно, идут к вышеупомянутым областям, куда разослали они уже нарочных, обещая восстановить древнюю вольность. Помянутые жители клятвенно обещались защищаться до самой крайности, все места снабдили албанскими войсками, военными и съестными припасами, морскими силами и деньгами и в сем положении станут ожидать своей участи; в противном же случае примут нужные меры для избежания бедствий, происходящих от войны.

Естьли французы поселятся в Корфу, следовательно и на всех в Леванте Венецианских островах, то без сомнения трудно будет всякой воюющей с Оттоманскою Портою державе пройти флотом чрез сии области в Архипелаг»⁴⁵².

К замечаниям майора российской службы добавим соображения Наполеона Бонапарта, который также, узрев стратегически выгодное положение островов Ионического архипелага, впоследствии писал: «Острова Корфу, Занте и Кефалония важнее для нас, чем вся Италия вместе»⁴⁵³.

Для захвата Корфу и прилегающих к нему островов Бонапарт в начале июня 1797 года направил для захвата Корфу и прилегающих к нему островов эскадру в составе шести линейных кораблей и нескольких фрегатов с корпусом под командованием генерала А. Джантили. На борту флагманского корабля находился полномочный представитель Директории (комиссар) ученный-эллинист А.-В. Арно, который по поручению Бонапарта составил воззвание к населению Ионических островов. В нем говорилось: «Потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблестям ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск... и вы обретете вашу доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии»⁴⁵⁴.

На подходе к Корфу Джантили доложили о большом скоплении на берегу местного населения. Генерал, не решаясь начать высадку, направил в город Арно для зачитания возвания. Собравшийся народ во главе с протопопом Корфу, выслушав пламенную речь французского комиссара, стало радостно приветствовать его. После чего, вопреки ожиданиям российского двора и клятвенным обещаниям корфиотов «защищать остров до последней возможности», он был сдан без всякого сопротивления. Оставалось лишь удивляться переменчивым нравам греков, «кои сперва усердно желали быть под покровом

Его Императорского Величества, но по причине превосходных сил, угрожающих им смертью и гибелью, почли они за нужное решиться на то, что они и исполнили».

Вступив на острова французский генерал вскоре, обнаружил манифест, с изъяснением своей гуманной исторической миссии на древнегреческой земле «от 2-го вантаза 6-го лета». Манифест начинался следующими словами: «Если Республика Французская, завладев Италией и даровав мир твердой земле, предоставила себе торжественным договором владения Венецианские в Леванте, то сие учинила она для того, что, стараясь ревностно восстановить вольность на сих берегах и в сих славных селениях древней Греции, что ей нужно было удержать ключи Адриатического моря и таким образом приуготовить своей восточной торговле, одной, которая для нее способна, великие средства умножения и цветущего состояния; но она хотела, чтоб выгоды были общи ей и вам; она освободила вас от правления, которое продавало вашим убийцам ненаказанность, расторгла узы вашей торговли, приняла вас в число своих детей, признала гражданами французскими и сделала вас участниками своей славы и законов»⁴⁵⁵. Так прекратила свое многовековое существование Венецианская республика.

В самом начале народ действительно радовался падению власти Венеции, но это продолжалось не долго. Французы не принесли на Ионические острова обещанных вольности и равенства. Вся демократия закончилась насаждением деревьев и плясками вокруг них. Подлинные намерения новоявленных «благодетелей» не заставили себя долго ждать. Вскоре на все население островов была наложена контрибуция в 60 тысяч талеров⁴⁵⁶. Отрезвление пришло довольно быстро. Многие жители Корфу отказались от позорной выплаты и удалились в окрестности города, где, соединившись с крестьянами, «укрепились самым сильным образом и готовы были противиться до последней капли крови». Российский вице-консул на Корфу Демиан Загурийский сообщал в Петербург: «Народ, угнетенный толиким неправосудием, воздевает руки к небесам и молит о избавлении его от сего ненавистного племени и невероятно, как все желают прибытия сюда Российского флота»⁴⁵⁷.

Французы же продолжали внедрять на острове свои «демократические» правила. Доносы и наущничество, по их мнению, являлись неременным атрибутом порядка. А для того по многим домам были посланы «шпионы», «дабы проводывать мысли каждого»⁴⁵⁸. Доносчиками сделались и члены нового правления, которые с завидным рвением показывали друг на друга, приводя французов в неопишумую радость. Жителям же «ничего другого не оставалось, кроме слез, дабы плакать и помнить во всю жизнь вольность, какую французы им принесли».

Пограбив остров, республиканцы, встретившие упорное сопротивление со стороны местного населения, решили смягчить обстановку, сыграв на национальных чувствах греков. Они вознамерились возродить Олимпийские игры. Однако греки не восприняли и это начинание, ибо то, что устраивали они, мало напоминало состязания в древней Элладе.

Российский вице-консул сообщал: «По повелению французов учреждены здесь олимпийские игры и положено отправлять оные всякую декаду. Оные состоят в кроссе (бегстве) нарочно выбираемых наибогачейших молодых людей в постыдном шуме офицеров, достойно доказывающем их распутство. Церемония, с каковою генералы туда собираются со всем их генеральным штабом, равномерно клонится к обольщению народа. Один из генералов налагает трехцветный бант на мальчика отличившагося, дает ему сверх того два талера и потом в препровождении музыки торжественно ведет его, чтобы обошел кругом дерева вольности, воспевая все *allons, enfas, de la patue* (Марсельезу. – Авт.). Всякого состояния жители, бывшие при том, были изумлены, видя толикую неблагопристойность»⁴⁵⁹.

После заключения между Францией и Австрией Кампо-Формийского мира в октябре 1797 года острова Ионического архипелага были присоединены к Французской республике. После этого даже кругам, лояльным новому правлению, стало очевидно, что разговоры о национальной независимости островов были обыкновенной демагогией. Созданные ранее органы местного самоуправления практически были ликвидированы и власть на островах сконцентрировалась в руках французского военного командования. Параллельно военному командованию действовало и политическое управление через институт комиссаров.

В новых условиях французы окончательно прекратили церемониться с местным населением и духовенством. Генеральным комиссаром было приказано в храмах устроить магазины и казармы, а монахам сбрить бороды. Надругательство над религиозными чувствами греков еще больше обострило обстановку. К началу 1798 года положение французов на Ионических островах значительно осложнилось. Почти каждый день на улицах находили убитых местным населением солдат. Кроме того, французский гарнизон нес большие потери и по причине «крайней скудости». Убитых и умерших ежедневно скапливалось столько, что их трупы даже не придавали земле, а вывозили и сбрасывали в море.

Удивительно, но, в этих условиях, французское командование решило вывести с острова всю артиллерию, припасы, материалы и находящиеся там пять венецианских 64-пушечных линейных кораблей и три фрегата (Наполеон в своем рапорте указывал всего четыре линейных корабля), оставив в бухте старый линейный корабль и один фрегат.

13 февраля французская эскадра, которая вместе с венецианскими судами состояла из 11 линейных кораблей и шесть фрегатов под предводительством вице-адмирала Ф. П. Брюйеса, покинула остров и направила свой курс в Тулон. Никто из них не мог предполагать, что ровно через год все здесь будет предано огню и мечу того, в чей день рождения они вышли в море.

Вице-адмирал Брюйес перед отходом жаловался коменданту Корфу генералу Шабо на дурную постройку венецианских кораблей и просил матросов для их укомплектования. Но Шабо отказал ему, ссылаясь на то, что на острове остается всего лишь 1 300 человек гарнизона, которых едва хватит для усмирения местных жителей, намеревавшихся «изрубить гарнизон в мелкие куски» в случае восстания⁴⁶⁰.

Французский генерал был не далек от истины, так как множество корфиотов, собравшись в вооруженные отряды, жаждали «ознаменовать себя жестокими поступками против французов за то, что сии не только опустошили землю, но еще и хотели водворить безбожие, дабы лучше успеть в предметах грабительства»⁴⁶¹.

Народ сполна вкусил французской «вольности» и теперь возлагал все свои надежды лишь на Россию.

2. ТАЙНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БОНАПАРТА

К концу февраля 1798 года на Корфу неожиданно для местных жителей вновь начали прибывать французские войска, а их генералы стали поговаривать меж собой о какой-то экспедиции. Вскоре концентрация французских войск была замечена в Тулоне, Марселе, Генуе, Чивитавеккьи и других портах. Было очевидно, что Директория собиралась осуществить какой-то грандиозный план вторжения. Весть об этом не на шутку встревожила европейские державы, и вскоре вокруг загадочной экспедиции стала вращаться вся европейская политика.

Предположения о назначении тайной экспедиции были самыми разнообразными. При этом Директория, чтобы скрыть подлинные замыслы, через своих агентов и даже официальных лиц сама распространяла заведомо ложную информацию, вводя всех в заблуждение.

Первыми появились сведения о переброске французских войск на Сицилию или Сардинию. Затем стали говорить о том, что Директория «твердо положила» идти в Константинополь на помощь турецкому султану против России, чтобы принудить последнюю возвратить Крым, вернуть прежнюю вольность Польше и заплатить Франции «знатную сумму денег»⁴⁶². Эту версию подтверждали многие факты, в частности: «знатные

вооружения, чинимые в самой Турции якобы против бунтовщика Позван-Оглу; участие в экспедиции корпуса польских добровольцев под командованием Домбровского и, наконец, присылка в Геную французского морского офицера Дюверна Депреля, который в 1784 году посылался версальским двором в Черное море для осмотра и снятия планов всех российских и турецких портов и берегов»⁴⁶³.

Одновременно новый французский посол в Генуе Сотен заявил, что экспедиция назначена будет против Англии, говоря при этом, что Франции осталось победить лишь двух неприятелей «естество и Англию»⁴⁶⁴.

Вследствие исторической вражды к англичанам, планы внезапного нападения через море вынашивались французами на протяжении длительного времени, ибо только этим путем Франция могла вести решительную войну против своего давнего соперника. Но трудности исполнения этих планов всегда оказывались непреодолимыми. Французов все же не покидала мысль перенести арену вооруженной борьбы на британскую землю.

Французская революция оживила прежние стремления. Уже в 1792 и 1793 годах появились новые планы вторжения на Британские острова. 21 декабря 1792 года (1 января 1793 года) депутат Керзен предложил план морской войны против английских, португальских и голландских колоний. В запальчивости он заявил, что «рыбачьи лодки перевезут 100 000 человек, которые закончат битву на развалинах лондонского Тоуэра»⁴⁶⁵. Однако то были фантазии дилетанта. Любопытной в этом проекте была только идея о применении мелкосидящих судов для перевозки войск через канал.

Не прошло и года, как появился новый проект, выдвинутый Комитетом общественного спасения, который поручил морскому и военному министерствам произвести скорейшие приготовления к высадке 100-тысячного десанта на английские берега. Но и здесь отсутствовали все необходимые условия для успешного выполнения плана. Вспыхнувший же в Бресте бунт моряков заставил от него отказаться. Тем не менее, мысль вторжения в Англию через море не покидала умы французского республиканского руководства.

В 1794 года к идее вторжения на Британские острова подключился командующий шербургскою армией генерал – выходец из простых солдат Лазарь Гош. Перед высадкой войск он насчитывал подготовить восстания на английском побережье. Однако средств к исполнению этого плана также не было. К тому же неудачный исход морского сражения 21 мая (1 июня) между английским и французскими флотами ослабил предприимчивость французов.

Через два года появился новый план, которым предусматривалось на канонерских лодках высадить на вражеское побережье отъявленных бандитов и прочих преступных

элементов. Но и здесь французов ждала неудача, так как уголовники попросту взбунтовались. И все же усиливавшееся брожение в ирландской среде против лондонского правления продолжало внушать французам надежду на успех предприятия, душой которого оставался генерал Гош. Он должен был перевести из Бреста в Ирландию 30 тысяч человек. В то же время 60 тысяч человек должны были высадиться в Англии. Кроме того, две экспедиции отправлялись в Маврикий, чтобы оттуда поддерживать в Индии Типпо-Сагиба в его борьбе против Англии. Но и в этот раз сил и средств для проведения столь грандиозного плана не хватило. Появившиеся же разногласия между сухопутным и морским командованием окончательно его расстроили. В результате французам пришлось ограничиться планом вторжением в Ирландию.

14 (25) октября 1796 года специальным декретом генералу Гошу было предписано начать реализацию намеченного плана. Однако при этом не было соблюдено главного условия для внезапного нападения – скрытной подготовки. Все побережье Англии стало готовиться к обороне, а в Париж отправился британский посол. В результате 6 (17) декабря Гошу было предписано возвращаться в столицу, так как ирландский поход отменялся. Но было уже поздно, ибо за два дня до этого французская эскадра уже вышла в море. Однако и ее ждала неудача, причины которой были самыми банальными: низкий уровень подготовки экипажей и дисциплины нижних чинов, несогласованность планов и бездарность командования.

В 1797 году Голландия, потерявшая значительную часть своих колоний, намеревалась вместе с Францией осуществить нападение на Шотландию и оттуда – на Ирландию. Но и на сей раз ничего не вышло. Горячий сторонник идеи вторжения – генерал Гош 8 (19) сентября умер, нанеся непоправимый удар ирландскому делу. Голландский же адмирал Иоганн Вильгельм де Винтер упустил благоприятный момент (бунт на английском флоте) для нападения, за что и поплатился. 30 сентября (11 октября) голландцы были разбиты в сражении при Кампердауне. Британский адмирал Адам Дункан с флотом прорезал строй голландцев и в сражении захватил восемь кораблей с 6 000 человек, не считая 1 160 человек убитыми и ранеными⁴⁶⁶.

Все же мысль вторжения в Англию не покидала французов. Их победы на европейском театре военных действий внесли существенные коррективы в расстановку сил на международной арене. Ситуация резко переменилась в пользу Франции с подписанием Кампо-Формийского мира. Триумфально встречая Наполеона Бонапарта из Итальянского похода, один из влиятельных директоров – Жан-Поль Баррас истово побуждал его «увенчать столь прекрасную жизнь завоеванием, которое удовлетворило бы оскорбленное достоинство

великой нации»⁴⁶⁷. Речь, конечно же, шла об Англии. Французское руководство серьезно взялось за план нападения на Англию через пролив. Для этих целей 15 (26) октября 1797 года Директория решила организовать особую армию для действий против Англии под командованием Бонапарта. В предписании на его имя по этому поводу говорилось: «Из части итальянской армии, по вашему усмотрению, образовывается на берегу океана ядро армии, которое вашим именем и вашей деятельностью станет грозой для Англии». Незадолго до этого сам Бонапарт высказался подобным образом, говоря: «Приложим все наши усилия в сторону моря и уничтожим Англию; после чего вся Европа будет у наших ног»⁴⁶⁸.

До прибытия Бонапарта армию, дислоцированную вдоль побережья от Шельды до Жиронды, возглавил генерал Луи Шарль Антуан Дезэ, ожидавший подкрепления из Италии, Голландии и с Рейна. Однако процесс доставки войск затянулся. Гораздо большего времени требовали морские приготовления. Французское командование планировало собрать в Бресте сильный флот, переведя туда из Корфу эскадру вице-адмирала Брюйеса и из других портов Средиземного моря и Атлантического океана. На побережье, граничившим с Англией, приступили к постройке 170 канонерские лодок нового типа. В западной части пролива и Атлантического океана приказано было собрать торговые суда для перевозки 30 тысяч человек⁴⁶⁹.

Детали плана вторжения в Англию, выработанного Бонапартом совместно с морским министром, были изложены Директории еще 3 (14) декабря 1797 года. Однако дело дальше не пошло. При всем громадном желании французов нанести удар по Англии ощущался большой недостаток материальных средств и личного состава для флота. Наполеон был прекрасно осведомлен о состоянии армии и флота и понимал несвоевременность вторжения на британские острова. Поэтому подготовка к вторжению на Британские острова стала использоваться в качестве грандиозной дезинформации для осуществления плана совсем другого рода – нанесения удара по Египту и далее в сторону Индии.

12 (23) февраля в своей записке, представленной Директории, Бонапарт писал: «Какие бы усилия мы ни прилагали, мы все же не достигнем господства на море в течение нескольких следующих лет. Пытаться же произвести высадку в Англии, не обладая господством на море, было бы самую смелую и самую трудную из когда-либо производившихся операций»⁴⁷⁰. Таким образом, экспедиция в Англию в очередной раз была отложена. Вместо нее был принят другой план Наполеона о нанесении удара по британским колониям на Востоке, реализации которого в значительной степени способствовал тот факт, что все стратегически важные пункты на Средиземном море, кроме Мальты, были заняты французскими сухопутными и морскими силами.

Тогда еще никто не понимал, что этот план был еще более утопичным, но он устраивал тщеславного Бонапарта и Директорию, мечтавшую сослать опасного для власти генерала куда-нибудь подальше и в слабой надежде на то, что из этого предприятия что-нибудь получится.

Но, с другой стороны, в военно-политических кругах Франции думали, что при начале боевых действий в Египте, а тем более в случае его захвата, англичане будут вынуждены держать в Средиземном море значительную часть своих морских сил, обнажая тем самым свое собственное побережье, и тогда французам удастся привести в действие план вторжения в Англию через пролив. Таким образом, Директория считала себя в выигрыше в любом случае, даже если Бонапарт сгинет в египетских песках вместе со своей армией.

Готовясь к египетской экспедиции, французы продолжали распускать слухи о десанте в Англию. Так 23 февраля (5 марта) назначенный верховным главнокомандующим над всеми сухопутными и морскими силами уже новой экспедиции Бонапарт потребовал у Директории принять на службу всех морских офицеров, вышедших из Франции и находящихся в чужих странах, без которых он якобы не сможет провести удачное действие против Англии⁴⁷¹.

Заявления покорителя Италии и действия французского командования не прошли незамеченными. Англичане спешно начали готовить к обороне свои берега. Кроме того, начались интенсивные дипломатические контакты с Петербургом по поводу оказания помощи флотом. В результате 25 апреля вице-адмиралу М. К. Макарову, командовавшему эскадрой на Балтике, был отправлен рескрипт Павла I, в котором говорилось: «По отношению к Нам Его Величества Короля Великобританского в требовании помощи морскими Нашими силами вследствие заключенного с Нами союзного оборонительного договора противу французов, покушающихся ныне сделать впадение на берега Его Величества Короля Великобританского, решились Мы послать эскадру Нашу, состоящую в 10 линейных кораблях, трех фрегатов и одном катере под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которой повелели Мы следующей эскадре от города Архангельскаго под начальством вице-адмирала Е. Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом»⁴⁷².

В этот же день был подписан и высочайший указ Адмиралтейств-коллегии с предписанием организовать крейсерство в Балтийском море силами трех отрядов: 1-й – под командованием вице-адмирала Скуратова (от острова Даго до Ревеля); 2-й – под командованием адмирала Круза (от острова Баргольм до острова Эзель); 3-й – под

командованием контр-адмирала Шишкина (от Любекой губы до острова Баргольм). Наряду с ними указано было подготовить резервную эскадру под командованием контр-адмирала П. К. Карцова⁴⁷³.

Продолжая дезинформировать своих противников, французы заговорили и других возможных планах. Так через некоторое время тот же Сотен стал убеждать генуэзцев в том, что экспедиция направляется «прорезать перешеек Суэцкий и учредить таким образом проход из Средиземного в Красное море», чтобы приобрести новый кратчайший путь французской торговле в Ост-Индию. Он ударился в рассуждения о том, что будто бы этот проект когда-то был предложен Людовику XIV, но так как тот не имел, по мнению Сотена, ни смелости, ни твердости духа, то про него забыли⁴⁷⁴. При этом следует заметить, что если Сотен и привирал, то не на столько, чтобы не угадать в его словах подлинной идеи.

В апреле этот слух подтвердился и через другие источники. Французские офицеры поговаривали, что войска назначены против английских колоний в Восточной Индии и что, якобы, высадка будет произведена на египетском берегу в Александрии, откуда они пойдут через Суэцкий перешеек в Бенгаль и далее⁴⁷⁵. Но почему-то, кроме турок этим мало кто озаботился. Большинство теперь склонялось к мысли, что экспедиция будет направлена на Гибралтар, Мальту или Неаполь.

Вся Европа находилась в тревожном ожидании, а французы между тем заканчивали свои приготовления. 28 апреля (9 мая) в Тулон для проведения генерального смотра войскам прибыл сам Бонапарт. Осмотрев солдат, он взошел на небольшой холм, дабы видеть всех, и обратился к ним с речью:

– Солдаты! Я принял над вами команду, когда вы были голы и обезоружены. Я повел вас в Италию, где вы сверх меры получили награждение за вашу храбрость*. Ныне же я хочу вести вас хорошо вооруженных и снабженных на Новый Свет ради приобретения новой славы и обещаю вам каждому по четыре десятины земли в стране пребогатейшей и плодороднейшей⁴⁷⁶.

С восторгом встретив своего любимого генерала, солдаты Директории рвались в бой. Вскоре они были посажены на суда, равно как это было сделано и в других портах, и 8 (19) мая вышли в море, взяв курс мимо Генуи на Аяччо – родной город Бонапарта для соединения там с остальными судами. Сам Наполеон поднял свой флаг на 120-пушечном линейном корабле «Ориен», где находился и командующий французской эскадрой вице-адмирал Ф.-П. Брюйес.

* Французские войска практически ограбили всю Италию, вывезя оттуда много золота, серебра, драгоценных вещей из церквей, монастырей и частных домов; кроме того, в Париж вывозились статуи, колонны и другие предметы старины

Французская эскадра состояла из 72 военных судов и около 400 транспортов, с находящимся на нем 36-тысячным экспедиционным корпусом, в состав которого помимо регулярного войска входило и несколько нерегулярных батальонов под названием «Colonnnes mobiles», собранных «из превеличайших злодеев и разбойников», с очевидной целью «очистить Францию от непотребных людей». Кроме того, в экспедицию отправилось около 167 человек ученых, художников, археологов и инженеров «с великим числом инструментов»⁴⁷⁷.

Даже после выхода французского флота, никто не знал о его конечной цели. Французские агенты разнесли очередной слух о том, что он отправился к Дарданеллам, чтобы изгнать султана с турками из Европы в Азию. Единственное, что все твердо усвоили, что цели военных устремлений Директории сводились к тому, как бы «огрابتь области, принявшие их перемену и отнять у них все золото и серебро».

27 мая (7 июня) французская армада приблизилась к Сицилии, приведя в трепет все ее население, который в спешке стал вооружаться и готовиться к сражению. Однако вскоре на берег прибыли адъютанты Бонапарта и Брюйеса и сообщили, что французский флот приближается к берегам Сицилии по причине противных ветров и что они не имеют никаких неприятельских намерений. Через некоторое время эскадра действительно удалилась к юго-востоку⁴⁷⁸.

29 мая (9 июня) она подошла к острову Мальта, где соединилась с частью транспортных судов, прибывших сюда 27 мая (7 июня) из Чивитавеккьи. Остров представлял собой мощное оборонительное сооружение. Крепость Ла-Валетта – столица ордена мальтийских рыцарей начала возводиться в XVI веке и к концу XVIII столетия могла сравниться лишь с бастионами острова Корфу. Ее защищали около трех тысяч человек регулярного войска и около 10 000 вооруженных жителей. Бонапарт не собирался тратить много времени на взятие Мальты. Изучив побережье острова, предварительно заслав туда своих агентов и подкупив основную часть кавалеров Мальтийского ордена по происхождению французов, он намеревался взять его хитростью, что ему и удалось без особого труда.

Подойдя к острову попутным ветром, Бонапарт приказал выстроить суда в линию вдоль побережья и отправил на берег офицера с требованием пропустить в порт весь флот. Магистр ордена Фердинанд Гомпеш, не решившись взять на себя ответственность за судьбу острова и ордена, срочно созвал совет, который постановил: «...имев правилом узаконительный нейтралитет, каковой наблюдали мы во всей точности противу всех держав, то нам отнюдь невозможно впускать более четырех военных судов в одно время; сверх сего и сама наша безопасность того требует»⁴⁷⁹.

Наполеон не удовлетворился таким ответом и утром следующего дня на 60 лодках двинул к берегу свои войска. В крепости возникла паника. Тем временем французы высадились на берег и до захода солнца полностью обложили крепость.

Видя безысходность своего положения, магистр ордена под нажимом местной знати, да, очевидно, и по собственному своему убеждению, отправил Бонапарту предложение о капитуляции. В полночь 31 мая (11 июня) на флагманском корабле «Ориен» договор о сдаче крепости был подписан, после чего Гомпеш с недоумением писал: «Удивительно и прискорбно, что столь славная Мальтийская крепость под защиту кавалеров долженствовала сдаться в 24 часа»⁴⁸⁰.

1 (12) июня французские солдаты вошли в Ла-Валетту, где победителям достались 1 200 пушек (однако многие из них были заклепаны еще до начала осады), 40 тысяч ружей, 500 тысяч фунтов пороху, в порту два линейных корабля, фрегат, четыре галеры и множество строевого леса⁴⁸¹.

По условиям капитуляции Гомпеш получал 30 тысяч гульденов годовой пенсии и княжество в Германии, а кавалеры, за семь лет до взятия острова не выезжавшие с Мальты, 35–25 луидоров (впоследствии Директория признает этот пункт капитуляции недействительным)⁴⁸². Всем им разрешено было выехать во Францию, Испанию или Северную Италию. Бонапарт лично подписал каждому кавалеру паспорт, именуя себя «генерал-аншефом Индийской армии», и оставил на нем отпечаток герба с изображением пальмового дерева и пирамиды. Но, несмотря на все видимые знаки благородства, Бонапарт и его генералы «с великим поруганием приняли кавалеров и весьма грубо с ними обошлись»⁴⁸³.

Взятие Мальты произвело во Франции великую радость, а Бонапарта называли «величайшим героем нынешнего века». Сам же Бонапарт после устроенного 3 (14) июня торжества, стал готовиться к выходу в море для продолжения экспедиции. При этом двадцать кавалеров изъявили желание участвовать в походе с французской армией. Некоторые из них поступили под команду вице-адмирала Брюйеса, с которым когда-то вместе служили во французском королевском флоте. В откровенной беседе адмирал признался бывшим сослуживцам, что он имеет сведения о входе в Средиземное море английской эскадры под командованием контр-адмирала Нельсона.

– Ныне мы имеем пред ним выигрыш по времени в две недели, – заметил Брюйес, – однако, если Нельсон настигнет и атакует нас, то непременно одержит победу, ибо никто из моих офицеров не знает своей должности. Я по сие время не могу приучить их строиться в

линию баталии. К тому же в матросах великий недостаток в шесть тысяч человек и прошу вас, граждане, в два дня их сыскать.

Кавалеры обещали вице-адмиралу собрать нужное количество матросов, после чего беседа потекла более доверительно. «Брюйес весьма жаловался своим знакомым мальтийским кавалерам на Бонапарта и в доказательство о невежестве сего генерала в морском знании сказал им, что в рассуждении неискusstва корабельных капитанов и офицеров Бонапарте дал ему приказание, когда встретится с английскою эскадрою, идти на сцепление с неприятельскими кораблями, ибо, имея более людей на своих кораблях, можно будет скорее преодолеть и победить неприятеля. Брюйес дал ему приметить, что сего невозможно сделать, буде англичане сами не пожелают сцепления. Но Бонапарте с вспыльчивостью ему отвечал: «Мой план таков и сообщен уже Директории»⁴⁸⁴.

Довольно любопытный факт, когда человек, которого многие тогда во Франции уже считали военным гением, был назван невежественным в военно-морском деле, и ни кем-нибудь, а своим соратником.

Перед отбытием с Мальты Бонапарт отправил впереди себя передовой отряд кораблей, приказав капитанам топить все российские и турецкие суда для сохранения в тайне маршрута своего движения. Вместе с тем, 2 (13) июня он обнародовал манифест, запрещающий всем грекам с бывших Венецианских островов под страхом смертной казни иметь какие-либо сообщения и переписку с Россией.

8 (19) июня Бонапарт со своим войском отошел от Мальты и продолжил свой путь, оставив на острове четырехтысячный гарнизон во главе с генералом Вобоа (четвертая часть которого вскоре свалит «французская болезнь»)⁴⁸⁵.

Еще до выхода французского флота из своих портов командующий английским флотом на Средиземном море адмирал лорд Сен-Винцент (Джон Джервис) решил отрядить к Тулону небольшой отряд, состоящий из трех 74-пушечных кораблей, четырех фрегатов и корвета, для выяснения подлинных причин военных приготовлений французов. Командовать этим отрядом Джервис назначил контр-адмирала Горацио Нельсона, который незадолго до этого как раз прибыл на флот, находясь до того на излечении после полученного ранения при неудачном штурме Санта-Круса (14 (25) июля 1797 года), во время которого он потерял правую руку. А еще ранее, в июле 1794 г., при осаде Кальви Нельсон лишился правого глаза.

21 апреля (2 мая) отряд Нельсона вышел в Средиземное море. В этот же день Сен-Винцент получил секретные инструкции своего Адмиралтейства, которое уведомляло его о том, что контр-адмирал Роджер Куртис ведет к нему значительное подкрепление и приказывало немедленно по прибытии этого подкрепления, отправить в Средиземное море

12 линейных кораблей, с соответственным числом фрегатов под начальством надежного и способного офицера. Эскадра эта была должна перехватить тулонский флот и, атаковав, разбить. Таким образом, англичане наконец решили активно противодействовать устремлениям французской Директории. Однако, судя по количеству выделяемых для этого сил, правительство Англии слабо себе представляло состав и цели тулонской эскадры.

И все же шаг в сторону решительных действий был сделан. О серьезности намерений британского Адмиралтейства можно было судить по тому, что командующему снаряжаемой эскадры давалось полномочие считать неприятельскими все порты Средиземного моря, за исключением портов острова Сардинии, если в них откажут английским судам в помощи. Чтобы отыскать тулонскую экспедицию, ему разрешалось «идти всюду по Средиземному и Адриатическому морям, в Морею, Архипелаг и даже в Черное море»⁴⁸⁶.

При этом первый лорд Адмиралтейства – граф Спенсер, в своем частном письме к Сен-Винценту рекомендовал в качестве командующего эскадрой назначить контр-адмирала Нельсона, «как офицера, наиболее к тому способного, по его специальному знанию Средиземного моря, а также по его деятельности и предприимчивому, решительному, характеру»⁴⁸⁷.

13 (24) мая к Кадису подошли восемь линейных кораблей под флагом контр-адмирала Куртиса, которые в тот же вечер незаметно от французов заменили на внешнем рейде девять кораблей эскадры командора Томаса Трубриджа, сразу же отправленных на соединение с отрядом Нельсона. На пути к Тулону к Т. Трубрижду присоединились еще 74-пушечный и 50-пушечный линейные корабли.

К этому времени Нельсон узнал от капитана задержанного им судна, что в Тулоне находятся, вместе с венецианскими судами, 19 линейных кораблей, из которых 15 готовы уже выйти в море. Но подувший 8 (19) мая северо-западный ветер, отогнал его от берега, и, напротив, позволил Бонапарту попутным ветром выйти из Тулона. Начавшийся через два дня шторм причинил английским кораблям значительные повреждения и они вынуждены были отойти к берегам Сардинии. Это движение разлучило Нельсона с его фрегатами, в результате чего он, фактически, остался без разведки и связи.

Через четыре дня Нельсон успел привести в порядок свой корабль и снова выйти в море. 20 (31) мая он уже вновь был у Тулона, где и узнал об уходе французской эскадры, но при этом не мог собрать никаких сведений о ее назначении и о взятом им направлении. 25 мая (5 июня), в следствие безветренной погоды, он был еще в широте Корсики, когда его настиг бриг «Мутайн» под командованием Томаса Гарди. Шедший впереди одиннадцати

кораблей, ведомых командором Трубриджем. Гарди привез Нельсону приказание преследовать французскую эскадру всюду, куда бы та ни направилась.

Вскоре Нельсон соединился с вверенной ему эскадрой, которая теперь состояла из тринадцати 74-пушечных и одного 50-пушечного кораблей. Он лично знал многих командиров, с некоторыми из которых у него уже сложились вполне определенные отношения. Достаточно сложными они были между ним и Джеймсом Сомарецом. Сомарец был храбрым моряком. Под тихой речью и мягким характером скрывался героический дух, с классически развитым чувством долга. Как простой воин он был почти равен Нельсону, а в морском искусстве даже, может, превосходил его, но в нем отсутствовала та искра гениальности, которая выделяла Нельсона из среды британских моряков.

По всему было видно, что Нельсон не любил Сомареца и никогда его не понимал. «Во многих отношениях эти два человека были прямо противоположны друг другу: маленькая, исковерканная фигура Нельсона, с беспокойными движениями и пронзительным голосом, представляла собой нелепый контраст с наружностью Сомареца, обладавшего высоким ростом, красивым лицом и отличавшегося спокойными манерами и солдатской выправкой. Нельсон, чисто по-женски, умел пылко привязываться и так же пылко ненавидеть, при чем в последнем случае, он терял всякое чувство меры. По отношению к Сомарецу у Нельсона было полное отсутствие симпатии – он его смертельно ненавидел. Обыкновенно, Нельсон был готов восторгаться каждым, совершившим смелый подвиг против французов. В этих случаях он всегда горячо расхваливал отличившегося, но ни один подвиг, совершенный Сомарецом, не тронул Нельсона. Хотя в биографии того были подвиги достойные восхищения»⁴⁸⁸.

Отправляясь в знаменитое преследование Брюйеса, Нельсон наверное не взял бы с собой Сомареца, если бы последний не командовал таким прекрасным кораблем, как «Орион», а лишиться его Нельсон не хотел. Нельсон желал бы иметь следующим после себя Трубриджа, но этому препятствовал Сомарец, который был немногим старше Трубриджа.

Сомарец, со своей стороны, как и многие капитаны, восхищался своим адмиралом, любившим поклонение и требовавшим его от окружающих. Но, в отличие от других, он не высказывал своего восхищения так громко и в той

форме, как это любил Нельсон. Кроме того Сомарец, не разделяя взглядов Нельсона, был способен давать ему советы, что страшно раздражало последнего.

Более ровные отношения у Нельсона были с Томасом Фолеем, который обладал большим запасом знаний и опытом. Он был высокого роста и имел привлекательную наружность. Но за этой наружностью скрывалась непреклонная воля командира.

Среди прочих капитанов, Нельсон особенно выделял Томаса Гарди. По словам Вильяма Паркера, Гарди был душой правды. Он не отличался красотой, был высокого роста и обладал массивной фигурой. Гарди представлял поразительный контраст с фигурой Нельсона. Черты его лица были крупные, с мясистыми щеками и темными густыми бровями. В широко открытых глазах его отражалось прямотушение. Одним словом, все его лицо производило впечатление доброты и одновременно мрачности и силы воли. Это было лицо человека, с которым никто не позволил бы себе фамильярности.

Гарди также не обладал гениальностью Нельсона, но зато он был бесстрашным, хладнокровным и прекрасным моряком. Никто не мог превзойти его в знании всех мелочей и обязанностей своей профессии. Гарди обладал уравновешенным, спокойным и мягким характером и всегда действовал успокаивающим образом на Нельсона.

После Гарди ближе всего к Нельсону был капитан Балль. Он никогда не ссорился с ним, как это было с Трубриджем. Но пристрастие последнего к философии сердило и вызывало насмешки со стороны Нельсона. В этом отношении Балль имел много общего с Сомарцем. Они оба интересовались науками, любили поговорить на отвлеченные напыщенные философские темы, обладали мирным характером, мягкой речью и угрюмостью. Сомарец с готовностью облачился бы в рясу епископа и сел бы рядом с Баллем в совет епископов, и никому бы это не показалось странным.

Один Гарди – добрый, скромный и храбрый моряк, с сильно развитым чувством чести, вполне понимавший Нельсона и боготворивший его без всякой лести, был настоящим его товарищем. Неслучайно поэтому в последние минуты своей жизни Нельсон, пожалуй, к одному Гарди мог, чисто по-детски, обратиться с простыми и женственными словами: «Поцелуй меня, Гарди»...

Еще надеясь настигнуть и атаковать французскую эскадру, Нельсон разделил свои силы на три колонны, первую из которых составили «Вэнгард», «Минотавр», «Леандр», «Одасьез» и «Дефенс». Вторая, под начальством капитана Самуила Гуда, состояла из кораблей «Зилеос», «Орион», «Голиаф», «Меджестик» и «Беллерофон». Эти две колонны должны были сражаться с эскадрой Брюйеса, а третья колонна, состоявшая из кораблей «Куллоден», «Тезей», «Александр» и «Свифтшур» должна была, под начальством командора Трубриджа, уничтожить конвой. Однако этому не суждено было сбыться.

Продолжая свой путь вдоль Тосканского берега, в 8 часов утра 6 (17) июня 14 линейных кораблей его эскадры подошли к Неаполю, где через посланного на берег командора Томаса Трубриджа Нельсон узнал от посланника Вильяма Гамильтона о намерениях Наполеона идти к Мальте. В тот же день английская эскадра пошла следом через Мессинский пролив, на выходе из которого от командира перехваченного французского бригаа Нельсон узнал о взятии Мальты и об уходе оттуда французов.

Анализируя эти обстоятельства с собранными прежде известиями и с другими сведениями, сообщенными ему британским послом в Неаполе, английский адмирал уже не сомневался, что эскадра Брюйеса идет к Египту. Всегда быстрый в своих решениях, не заботясь ни о каких дальнейших сведениях, он немедленно поставил все паруса, и взял курс прямо на Александрию.

17 (28) июня подойдя к Александрии, Нельсон, к своему удивлению, не нашел там французского флота⁴⁸⁹. Он первый привез встревоженному губернатору известие об угрожающей опасности. Увидя рейд пустым, Нельсон был чрезвычайно взволнован. Он вдруг потерял всякое доверие к доводам, увлекшим его так далеко от Сицилии. Не становясь на якорь и без малейшего отдыха, представляя Сицилию уже завоеванную французами, Нельсон повернул свою эскадру обратно. Но его расторопность сослужила ему плохую службу, потому как если бы он подождал только день, то французская эскадра сама бы на него наткнулась.

Между тем она действительно шла в Египет, но обремененная многочисленным конвоем, ее продвижение было слишком медленным. Благодаря этому счастливому для Бонапарта обстоятельству, он нашел Александрийский рейд совершенно беззащитным, и 20 июня (1 июля), то есть через три дня после ухода английской эскадры, спокойно высадил войска, на покинутый берег острова Марабу.

Чтобы выяснить обстановку в городе и обезопасить французского консула от мести арабов и турок, Бонапарт отправил к нему посыльного. Узнав об этом, члены местного правления хотели задержать французского консула, но затем, «не имея к чему-либо его

принуждать», позволили ему отбыть, приготовив для него шлюпку. Отъезжая, консул заверил их, «что по древнему обеих наций дружелюбию ничего опасаться не должно». Бонапарт, несмотря на это, приняв консула, удержал при себе александрийскую шлюпку вместе с ее экипажем. А вскоре последовала и высадка войск.

Местные жители и незначительное число войска попытались оказать сопротивление, но их противодействие не увенчалось успехом. Французы вошли в город, «убивая все, что им в глаза ни попадало», и вскоре водрузили свой трехцветный флаг на башне города.

Пробыв два дня в Александрии, Бонапарт взял с жителей 75 тысяч талеров, поменял на деньги тамошним откупщикам все драгоценности, взятые из церквей на Мальте, и раздал их жителям Кокары, тем самым обезоружив их. С лицемерным коварством он объявил жителям, что вошел в Египет как друг Порты и с ее согласия, но при этом разорил греческую и католическую церкви, избив и повесив их священников, после чего в католическом храме «последовали многие неистовства и мерзости»⁴⁹⁰.

Бонапарт сделал первый шаг в осуществлении своих намерений. Французам удалось всех обмануть и под носом английской эскадры пройти через все Средиземное море к намеченной цели. И эта цель вскоре стала известна всей Европе. Но при всей удачности первых шагов Бонапарта на египетской земле, у него оставалось уязвимое место – флот, при потере которого успехи его экспедиции сводились бы к нулю. По этому поводу справедливо заметил российский посланник в Англии С. Р. Воронцов, что даже если «дерзостный корсиканец успел сделать там высадку, однако, надобно думать, что по крайней мере эскадра его не избежит кавалера Нельсона и той пагубы, которой она должна ожидать от искусства и храбрости сего аглинского адмирала»⁴⁹¹.

Так и случилось. Бонапарт, оставив небольшой гарнизон в Александрии, повелел вице-адмиралу Брюйесу отвести весь флот в Абукирскую бухту, отстоящую в 20 милях к северовостоку от Александрии, или при ее неудобности идти на Корфу, а сам направился к Каиру.

Брюйес с основными силами в 13 кораблей и четыре фрегата перешел в Абукир и встал там на якорь. Собрав флагманов и капитанов, он спросил их мнение о возможном сражении с англичанами. Большинство офицеров высказалось за то, что бы сражаться на якоре. Ясно понимая, что встречи с английской эскадрой не избежать, Брюйес, тем не менее, сделал ряд роковых ошибок. Он не удосужился выслать в море фрегаты для ведения морской разведки, что являлось непреложным правилом. Не возникло у него мысли и о том, что можно было выгрузить орудия с кораблей на многочисленные транспортные суда и пройти на мелководье (как поступили турки под Анапой в 1790 году, когда отряд русских крейсеров

под командованием Ф. Ф. Ушакова приблизился к берегу), тем самым оградив себя от артиллерийского огня неприятеля. На эскадре не велось никакой подготовки к отражению возможной атаки. Больше того, личный состав постоянно съезжал на берег и занимался хозяйственными делами. На прикрывающий с моря остров Абукир было установлено всего две мортиры и четыре 12-фунтовые пушки. И это, как минимум, против 500 орудий англичан...

Эскадра Нельсона тем временем дошла до Сиракуз и, получив там подтверждение о следовании Бонапарта в сторону Египта, пополнив запасы, 13 (24) июля взяла обратный курс. В отличие от Брюйеса, Нельсон на переходе морем постоянно проводил артиллерийские стрельбы, которые, кроме тренировки, имели куда более важное эмоциональное значение – они возвышали боевой дух британских моряков.

20 (31) июля на горизонте показалась Александрия...

3. АБУКИР

Разведывательное судно донесло Нельсону, что в александрийском порту неприятеля нет. Глубокое разочарование наполнило все существо командующего. Упадок духа наблюдался и во всей его эскадре, корабли которой, не соблюдая ордера, стали произвольно заполнять акваторию вдоль побережья. Ввиду отсутствия противника на британских кораблях начался обед. Командир «Ориона» – Джеймс Сомарец вспоминал: «Уныние чуть не захватило меня, и я никогда еще не чувствовал себя так скверно и так не в духе, как когда мы сели за обед»⁴⁹². Англичане начали уже предполагать, что вновь разошлись с французами, как вдруг с находящегося ближе всех к Абукирской бухте линейного корабля «Зилоус» доложили, что обнаружили в ней множество стоящих на якоре кораблей.

Позднее Самуил Гуд вспоминал: «В исходе первого часа, человек с фор-салинга дал знать на низ, что он видит корабль, и через несколько минут потом донес, что целый флот стоит на якоре. Я послал с трубою на салинг, и тогда могли ясно различить 18 больших судов, из которых 14 казались линейными кораблями. Сигналом известил я об этом адмирала, он немедленно поставил все паруса, и сделал сигнал по способности построиться в линию и приготовиться к сражению»⁴⁹³.

Любопытное замечание, однако, по этому поводу делает Джордж Эллиот, который был тогда сигнальным мичманом на «Голиафе». Позднее он писал, что с салинга «Голиафа» он первый заметил мачты французской эскадры, но громко кричать об этом не стал, так как «Зилоус» был очень близко, и его могли там услышать. Эллиот скользнул вниз по бакштагу

и побежал с этой важной новостью к Фолею. Длинная и отчаянная погоня, наконец, кончилась! Сигнал «неприятель находится в виду» был немедленно поднят, но поднят с такой поспешностью, что нижний флаг сорвался. По мнению Эллиота, на «Зилоусе» заметили поспешно поднятые флаги и угадали значение сигнала. К большому огорчению Фолея, в мгновение ока на нем взвился этот важный сигнал.

Сигнал, поднятый следом на флагманском корабле, вызвал бурю ликования на английской эскадре. «Посудите, – писал Сомарец, – какая произошла перемена в настроении, когда в конце обеда прибежал вахтенный офицер и доложил: «Сэр, только что сделан сигнал, что неприятель находится на якоре, в линии баталии в Абукирской бухте. Офицеры вскочили и подняли бокалы, чтобы выпить за успех, предстоящего боя, и затем поспешили наверх». Когда Сомарец вышел из своей каюты, ожидавшая его команда встретила его восторженными криками. Эта прорвавшаяся радость была хорошим знаком для грядущей битвы. Немедленно последовал сигнал по способности построиться в линию и приготовиться к сражению. Этот сигнал вызвал бурю ликования на английской эскадре.

Направляясь к бухте, вход в которую был достаточно широк, Нельсон решил атаковать авангард и центр французской эскадры, пользуясь попутным северо-западным ветром. Любопытно при этом заметить, что согласно новым для того времени теоретическим разработкам, предложенным в 80-х годах членом Королевского Эдинбургского общества, неким Джоном Клерком, флот, имея наветренное положение, напротив, должен был атаковать арьергард противника⁴⁹⁴.

Вход в бухту был достаточно широк и доступен практически всем ветрам. Нельсон определил, что с правого крыла эскадры на острове Абукир находилась береговая батарея, состоящая из нескольких орудий, и что весь французский флот стоял на якоре, построенный в кильватерную колонну в сторону северо-запада протяженностью примерно в милю. При этом строй французских линейных кораблей, которых оказалось тринадцать, представлял из себя изогнутую линию. Ближе к берегу находились еще четыре фрегата. Акватория вокруг французской эскадры была окружена мелями, не позволяющими кораблям подходить к берегу ближе трех миль.

Когда английская эскадра подошла близко к траверзу мели, Нельсон окликнул командира «Зилоуса»:

– Достаточно ли далеко мы держим к осту от мели и можем ли ее обогнуть?

На что капитан Гуд ответил:

– Нахожусь на 77 футах (23 м) глубины и не имею карты залива, но, если будет мне позволено, то спущусь и со всем вниманием буду обозначать глубину, чтобы провести Вас как можно безопаснее и ближе к мели.

Нельсон поблагодарил командира «Зилоуса» и дал ему «добро».

Тогда капитан Гуд немедленно спустился и обогнул мель. Следом за ним направил свой корабль и капитан Фолей, держа на подветренный кранбол (кран или кранбол-брус прикрепленный к скуле корабля, служащий для подъема якоря или курсовой угол около 45 градусов по отношению к кораблю) «Зилоуса».

По ходу движения английской эскадры командир брига «Мутайн» капитан Томас Гарди снял несколько человек с проходящей мимо рыболовного судна и, решив использовать их вместо лоцманов, отправил на флагманский корабль. Пока шлюпка с ними шла на «Вэнгард», вся эскадра, примерно в 4 часа, легла в дрейф.

Тем временем «Зилоус» и «Голиаф», не останавливаясь, стремительно шли на сближение с противником. Заметив остановку эскадры, передовые корабли убавили парусов. Но командующий поднял для них сигнал – «Продолжить движение и «Голиафу» быть первым». При этом капитан Фолей стал обходить французские корабли с носа, чтобы атаковать их со стороны берега, предполагая, что основная часть английской эскадры атакует неприятеля со стороны моря. «Благородный и храбрый поступок этот, – вспоминал один из офицеров «Голиафа», – примеру которого немедленно последовал капитан Гуд, решительность продолжать идти под всеми парусами, между тем, как прочие суда английской эскадры привели для обождания шлюпки с Мютине («Мутайна». – Авт.), доставили весьма важные последствия».

Появление английской эскадры и сигнал: «Неприятель приближается и держит к заливу!», поднятый на французском корабле «Эрё», были для французов как удар грома среди ясного неба. К этому времени, в 2 часа пополудни, французские корабли не имели шпрингов, а большая часть экипажей находилась на берегу для пополнения запасов пресной воды.

Французские корабли были построены следующим порядком: передовым стоял 74-пушечный «Геррье» («Guerrier») под командованием капитана Жана-Тимотэя Трюллета (старшего).

За ним:

74-пушечный «Конкеран» («Conquerant») – Этьена Дальбарда;

74-пушечный «Спартанец» («Sparthiate») – Мориса-Жюльена Эмерио;

74-пушечный «Аквилон» («Aquilon») – Генриха Александра Тевенарда;

- 74-пушечный «Пёпль-Суверень» («Peuple Souverain») – Пьера-Поля Раккорда;
 80-пушечный «Франклин» («Franklin») – Мориса Жильета;
 120-пушечный «Ориен» («Orient») – командора Коза-Бианка;
 80-пушечный «Тоннан» («Tonnant») – командора Дюпти Туара;
 74-пушечный «Эрё» (l'Heu-reux) – Жан-Пьера Этьена;
 74-пушечный «Меркурий» («Mercure») – Камбона;
 80-пушечный «Вильгельм-Тель» («Guillaume Tell») – Сольнье;
 74-пушечный «Женере» («Genereux») – Лежойля;
 74-пушечный «Тимолеон» («Timoleon») – Жана-Тимотэя Трюллета (младшего).

Вице-адмирал Брюйес, держал свой флаг на трех-дечном корабле «Ориен». Начальником штаба при нем состоял контр-адмирала Гонорэ Гантом. Авангардом, состоявший из семи передовых кораблей, на «ФранкLINE» командовал контр-адмирал Бланке-Дюшайла. Контр-адмирал Сильвестр Вильнёв, держа флаг на «Вильгельме-Теле», с кораблями «Женере» и «Тимолеон» находился в арьергарде. Контр-адмирал Дионисий Декре командовал отрядом фрегатов в составе: 44-пушечного «Диана» («Diana»), 44-пушечного «Джустик» («Justice»), 36-пушечного «Артемиз» («Arthemise») и 36-пушечного «Сэрвез» («Serieuse»). Суммарный бортовой залп французской эскадры составлял 1 186 орудий. С английской стороны им было противопоставлено 1 030 орудий. Однако объективная статистика, в данном случае, говорила лишь о силе сторон, которой французский и английский флотоводцы впоследствии воспользовались по-разному.

Обнаружив англичан, французские фрегаты и шлюпки стали пытаться развозить людей по кораблям. Но большей части так и не удалось добраться до эскадры. Чтобы восполнить большой недостаток в людях, адмирал дал указание передать часть экипажей с фрегатов на линейные корабли. Одновременно, в районе 3-х часов, Брюйес выслал навстречу британской эскадре бриги «Алерт» и «Райлер», чтобы ложным маневрированием навести англичан на мель у о. Абукир. Выполняя приказание своего флагмана, «Алерт», подойдя на пушечный выстрел к передовому английскому кораблю, спустился и взял курс прямо через риф в надежде, что несколько английских кораблей пойдут за ним и сядут на мель. Но эта хитрость не удалась.

Между тем день клонился к закату. Заметив, что английская эскадра легла в дрейф, французский адмирал заключил, что неприятель собирается отложить атаку до следующего дня. Очевидно, в тайне Брюйес надеялся, что его не атакуют при наступлении ночи, и что если англичане отложат нападение до утра, то, может быть, французская эскадра будет

спасена без боя. С этой мыслью, Брюйес приказал своим кораблям поднять брам-реи, и стал обдумывать план выхода под покровом темноты из бухты для следования на Корфу.

Однако в 6-м часу вечера движение английской эскадры было продолжено. Ее порядок был следующим. Передовым шли «Голиаф» и «Зилоус», а за ними – вся остальная эскадра: «Орион», «Одасьез», «Тезей», «Вэнгард», «Минотавр», «Дефенс», «Белерофон», «Меджестик» и «Леандр». Таким образом, 11 британских кораблей, построившись в линию, шли в галфвинд правым галсом (под углом 90 градусов к ветру, дующему справа). На некотором расстоянии к северу находился «Куллоден», а далее на значительном удалении к западу – «Александр» и «Суифтшюр», посланные Нельсоном для разведки Александрийского порта. Быстрота и правильность, с которой англичане построили линию, удивили французов, тем более, что незадолго до этого они были в беспорядке.

Наблюдая за приближением неприятеля, Брюйес понял, что сражение состоится в этот же день и, не имея достаточного количества матросов для ведения боя под парусами, все же решил принять его на якоре. Он стал делать все нужные распоряжения к исправлению дурно выстроенной линии и приказал каждому кораблю завести якорь и положить стоп-анкер (самый большой из судовых верпов или якорь малых размеров, употребляемый преимущественно для завозов) у следующего корабля за кормою, чтобы иметь возможность развернуться бортом к противнику. Но командиры, среди общей неразберихи, или со всем не выполнили его приказания, или выполнили только на половину.

«Голиаф» и «Зилоус», пройдя со скоростью 6–7 узлов мимо береговой батареи, устроенной на о. Абукир, не причинившей им своими выстрелами никакого вреда, уменьшили ход. Подойдя на кабельтов к носу передового французского корабля, английские корабли убрали все паруса, кроме крьюселя (нижний прямой парус на бизань-мачте). При этом они также не имели никаких повреждений, хотя проходили почти на траверзе французской линии. Второй и третий их корабли успели произвести один залп правым бортом, но к этому времени, к счастью для англичан, «Голиаф» уже миновал зону поражения. Пока французы перезаряжали орудия, вперед успел пройти и «Зилоус».

Обогнув на расстоянии длины корабля передовой французский корабль, который к удивлению англичан не произвел по ним ни одного выстрела, англичане около 6 часов вечера открыли по нему самый губительный продольный огонь. Медлительность французов в принятии решения первыми атаковать англичан объяснялась тем, что, командир их авангарда в это время шел на большом катере от адмирала Брюйеса с «Ориена», поэтому команда, ожидая его прибытия, не открывала огонь. Прибудь он на 10 минут раньше или задержись «Голиаф» и «Зилоус» с основными силами британской эскадры, сражение могло

начаться со значительных потерь у англичан. Пример весьма поучителен, ибо показывает важность фактора времени в морском сражении.

В это же время на «Голиафе» отдали с носу якорь, у которого канат был взят в кормовой порт. Но пока он поворачивался кормой против ветра, паруса начали распускаться и наполняться. Бегущий такелаж был перебит, в результате чего команда корабля не смогла удержать канат, который сучило несколько минут, пока он не вытравился до стопора. Таким образом «Голиаф» остановился между вторым и третьим кораблями французской линии, так что мог действовать по обоим.

Капитан Гуд, увидев, что «Голиафу» не удалось занять желаемой позиции, дал команду обрубить запасной якорь «Зилоуса» и встать на том самом месте, на котором хотел встать капитан Фолей. «Такое быстрое исполнение, – писал позднее очевидец, – надобно приписать отчасти тихой погоде и отчасти неготовности неприятеля встретить нас с левой стороны. На «Геррье» пушки нижнего дека с этой стороны не были выдвинуты за борт и порта других деков завалены кисами и разными вещами!»

Передовой неприятельский корабль стоял скулой к «Зилоусу», поэтому Гуд направил сильный огонь в носовую его часть. По стечению обстоятельств, которые нельзя было просчитать заранее, французы, по небрежности, действительно не приготовились к бою с левого борта, то есть с внутренней стороны их линии, по этому на три залпа «Зилоуса» «Геррье» отвечал лишь одним. Через несколько минут, когда солнце коснулось горизонта, фок-мачта «Геррье» упала за борт. Первое серьезное повреждение неприятельского корабля вызвало бурю ликования на британской эскадре. Падение мачты с французского корабля было приветствуемо троекратным «Ура». На некоторых атакованных французских кораблях старались подражать этому, но их усилия, по выражению очевидца, были так смешны, что произвели громкий смех на английских кораблях, которого французы не могли не слышать. Спустя пять минут с «Геррье» упали за борт грот- и бизань-мачты. Тогда же рухнула в море и грот-мачта «Конкерана», атакованного «Голиафом».

К этому времени Нельсон, приблизившись к противнику, решил атаковать его авангард и центр со стороны моря. «Вэнгард», на котором держал свой флаг контр-адмирал Нельсон, 18 часов 40 мин. первым стал на якорь против «Спартанца» и «Аквилона» и

атаковал их. По кратчайшему пути достигли своих мест и остальные английские корабли, открывшие огонь по авангарду и центру французской линии.

«Орион» был третьим английским кораблем, обошедшим головные корабли французской линии. Обойдя «Зилоуса» с кормы, он дал разрушающий залп в уже сильно поврежденный бак «Геррье» и затем обошел снаружи «Зилоуса» и «Голиафа». В результате этого маневра авангард французской линии оказался взятым в два огня. Французы допустили эту возможность англичанам, несмотря на то, что в труде их знаменитого соотечественника – военно-морского теоретика иезуита Павла Госта, которое изучалось в Тулонском морском училище с конца XVII века, на этот счет давалась четкая рекомендация – «не допустить неприятеля окружить себя»⁴⁹⁵.

Капитан Д. Сомарец направлял свой «Орион», тщательно выбирая себе противника. Описав большой круг, он прошел по правому борту «Тезея» с тем, чтобы встать против «Аквилона» – четвертого корабля французского авангарда. Но в ходе сближения французский фрегат «Сэрвез» безрассудно храбро открыл по нему огонь. Старший лейтенант «Ориона» предложил командиру ответить на его огонь, но Сомарец сказал:

– Нет, оставьте его, он наберется еще храбрости и подойдет ближе. Убавьте парусов!

Когда «Орион» уменьшил ход, то французский фрегат почти поравнялся с ним и приготовился снова стрелять. На «Орионе» кормовые орудия были заряжены двумя ядрами, и в тот момент, когда они все были наведены на слишком предприимчивого француза, раздалась команда: «Огонь!» Этот единственный залп утопил французский фрегат у края мели.

Однако, по версии, изложенной офицером с «Голиафа», «Сервез» перед тем, как был атакован «Орионом», получил сильные повреждения от «Голиафа» и «Тезея». На нем обрубил канат, но так как его руль был разбит ядром, он не мог маневрировать, поэтому сел на мель и, навалившись на правый борт, через пробоины стал наполняться водой. А залпом с «Ориона» он окончательно был разбит.

Без четверти семь «Орион», дав залп по четвертому в линии французскому кораблю, встал на якорь между кормой «Пёпель-Сувереня» и носом «Франклина», то есть между пятым и шестым кораблем линии Брюйеса. Это расположение привело в восторг команду «Ориона». Они могли, таким образом, сразу стрелять по двум французским кораблям, из которых каждый был больше их корабля; кроме того, они, при случае, могли давать залпы по огромному флагманскому кораблю Брюйеса.

«Гезей» прошел вплотную перед носом «Геррье» и спустился вдоль левых бортов «Зилоуса» и «Голиафа», ведя по нему сильный огонь, и прежде «Ориона» встал в 1 050 футов (320 м) на траверзе «Спартанца».

Приказывая своим кораблям отдать якорь и вступить в сражение с французским авангардом, Нельсон умышленно не делал никаких покушений на арьергард, будучи уверенным, что тот, находясь под ветром, не может подать помощи своим передовым кораблям.

В это же время корабль «Куллоден» под командованием командора Трубриджа, намереваясь обойти «Леандр», сел на каменный риф у о. Абукир и от поднявшейся зыби потерял руль, лишившись возможности участвовать в сражении.

«Минотавр» занял ту же позицию, что и «Вэнгард», но против «Аквилона». А «Дефенс» продолжил внешнюю линию англичан, встав в 7 часов вечера на якорь против «Пепль-Сувереня». «Белерофон» и «Меджестик» прошли далее с намерением атаковать центр французской линии.

Пока английская эскадра исполняла приказание своего командующего, «Белерофон», явно не дооценивая мощь самого крупного французского корабля, встал на якорь против «Ориона», а «Меджестик» расположился напротив «Тоннана». В результате 10 английских кораблей вступили в жаркий бой с семью французскими.

Густая темнота стремительно поглощала поле сражения, поэтому Нельсон, чтобы не потерять ориентиры и не спутать свои корабли с французскими, поднял белый Георгиевский флаг и приказал на каждом корабле зажечь четыре фонаря на бизань-мачте.

Сражаясь с двумя кораблями противника, «Вэнгард» оказался в достаточно сложной ситуации и имел значительные разрушения и потери в людях. Ни одна из его мачт не упала за борт, но все остальное в той или иной степени было повреждено. Среди экипажа насчитывалось 30 человек убитыми и 76 ранеными. Отлетевшей от борта корабля щепой был ранен в голову и сам английский адмирал, сдавший на некоторое время командование эскадрой.

Через три часа боя французский корабль «Геррье» был совершенно разбит, но флага не спускал. Командир «Зилоуса» капитан Гуд предложил его командиру – капитану Трюллету сдаться, но ответа не получил. Тогда «Зилоус» вновь продолжил смертельный огонь. Не имея возможности противостоять своему главному противнику, «Геррье» изредка отвечал кормовыми орудиями по «Голиафу» и «Одасьезу». В 9 часов вечера капитан Гуд, «утомившись

людским побоищем», отправил к командиру «Геррье» своего офицера с предложением сдачи корабля. На этот раз предложение было принято.

Вид французского корабля был удручающим. Бушприт и кормовая часть были полностью разрушены, якоря на крамболах перебиты пополам, обе скулы до левого трапа и весь борт против второго дека вырваны. Кроме того, два бимса (поперечные деревянные брусы или железные угольные полосы между бортами, на которые настилаются палубы) упали на пушки и большая часть рангоута, рухнув на палубу, завалила убитых и давила раненых, которых насчитывалось от 350 до 400 человек. При этом якорный канат остался цел и крепко держал корабль на своем месте. Нападавший на него «Зилоус» напротив имел только семь раненых и одного убитого и практически не имел никаких повреждений.

«Александр» и «Суифтшюр», заходя после разведки александрийского порта в Абукирскую бухту, двигались прямо на риф. К счастью для них с «Куллодена», севшего на мель, предупредили их об опасности, и они благополучно его обогнули. В 9-м часу вечера, правя в темноте по огням орудийных вспышек, они заняли свои места в боевом порядке и также вступили в сражение.

С особым упорством бился французский флагман. Вице-адмирал Брюйес, который заслуживал быть победителем, если бы победа принадлежала храбрейшему, мужественно выдерживал этот ужасный бой. Еще в начале сражения он получил ранения в лицо и руку, но продолжал оставаться на мостике. В 8 часов вечера разорвавшееся рядом с ним ядро практически разорвало его пополам. Но и в таком состоянии он не покинул палубу, сказав твердым голосом:

– Французский адмирал должен умирать на шканцах.

Через полчаса его не стало, что избавило его от тяжелой необходимости быть свидетелем тех несчастий, которые ожидали французскую эскадру впереди.

Без четверти десять наступил самый драматический момент боя. Еще ранее все заметили пожар на юте флагманского французского корабля. Даже Нельсон вышел на палубу наблюдать это жуткое зрелище.

Находившийся перед «Ориеном» «Суифтшюр» немедленно навел пушки на его горевшую часть и произвел несколько точных залпов. Пламя вмиг охватило всю палубу французского корабля и, взвившись по рангоуту, с необыкновенной быстротой превратило корабль в пылающий факел. В 10 часов «Ориен» взорвался. Он исчезал с поверхности воды, увлекая за собою в бездну большую часть своего неустрашимого экипажа и судьбу дня. Через несколько минут лишь густое облако дыма и пепла указывало место, где он сражался.

Стоявшие рядом с ним английские корабли «Александр», «Суифтшюр» и

«Орион» немедленно забились орудийные порты и люки, сняли с палубы все горючие материалы, а по бортам поставили матросов с ведрами. От взрывной волны на них разошлась часть пазов, и корабли получили некоторые повреждения. Горящая масса с взорванного корабля перелетела через «Суифтшюр» и упала в воду. Лишь два больших обломка упали на его фор- и грот-марсы, не причинив им, однако, большого вреда. Часть обломков упала также и на «Александр», находившегося несколько далее от «Ориона». При этом на «Алексаднре» загорелись бом-брамсель и кливер. Экипаж потушил огонь, но был вынужден отрубить утлегарь (рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта) и блинда-рей (рей, на котором ставился парус блинд под бушпритом) и отойти на более дальнее расстояние.

Из французских кораблей более всех от взрыва пострадал «Франклин». Его палуба была завалена кусками раскаленного железа и горящими обломками. Корабль загорелся, но экипаж успел потушить очаги пламени.

«Гоннан» перед самым взрывом, выбрав (или обрубив) канат, отошел от горящего флагмана. «Эрё» и «Меркурий» сделали то же самое, хотя находились от него на безопасном расстоянии.

Изумление и чувство самосохранения заставили противников прекратить сражение, так что после взрыва не было слышно ни одного выстрела. Команда «Ориона», по приказанию Сомаареца, занялась спасением оставшихся в живых из команды «Ориона».

Спустя 10 минут ветер усилился и снова освежил оцепеневшие чувства сражающихся. Бой разгорелся с новой силой.

«Франклин», несмотря на то, что большинство его пушек были сбиты, первым начал стрельбу из нижнего дека по «Дефенсу» и «Суифтшюру», находящимся вблизи соответственно правого крамбола и раковины. Но ответным огнем у него были сбиты все мачты и, потеряв половину команды убитыми и ранеными, он сдался.

В продолжение четырех убийственных для французской эскадры часов, ее арьергард остался неподвижен. Один только «Тимолеон», поставив марсели, пытается вызвать сигнал сняться с якоря, но его среди ужасов этой ночи никто не думал подавать.

Пробило полночь. К этому времени из всех французских кораблей продолжал вести огонь только «Тоннан». Его ядра наносили большой вред «Суифтшюру», тем более, что английский корабль не мог на них отвечать. Однако главным противником «Тоннана» был «Меджестик». В 3 часа утра следующего дня сокрушительный огонь с «Тоннана» сбил грот- и бизань-мачты «Меджестика», но после этого упали за борт все мачты самого «Тоннана».

С большей отвагой сражался командир французского корабля Дюпти Туар. Он поддерживал огонь до тех пор, пока не были сбиты мачты, а орудия не могли больше действовать из-за большого разрушения и массы убитых. Затем вместо того, чтобы сдаться, он обрубил канат и вышел из под огня.

К этому времени «Тоннан» представлял собою расстрелянный кузов, а сам капитан пострадал еще больше, чем его корабль. По свидетельству французов, словам которых страшно верить, он потерял сначала одну руку, потом другую, а затем ногу. Несмотря на это, он не пожелал быть унесенным вниз. Ему наскоро сделали перевязку на палубе, после чего поместили его истекающее кровью туловище в кадку с отрубями, откуда храбрый командир продолжал отдавать распоряжения до последней минуты. Его последними словами было приказание затопить корабль, но не сдавать.

Под огнем англичан «Тоннан» прекратил стрельбу, но не спустил флага. Он удалился под ветер, так что ни один из английских кораблей не мог решить его участь.

В 4 часа утра возобновилось действие между «Тоннаном», «Вильгельм-Телем», «Женере» и «Тимолеоном» с одной стороны и «Александром» и избитым «Меджестиком» с другой. К месту сражения подошли «Тезей» и «Голиаф». Вскоре после того, как эти корабли встали на якорь, французский фрегат «Артемиз» дал залп по первому из них и вслед за этим спустил флаг. С «Тезея» немедленно была отправлена шлюпка с призовой командой, но на подходе к фрегату было замечено, что на нем бушевал пожар. Через некоторое время «Артемиз» взлетел на воздух. Между тем четыре французские корабля и остальные два фрегата, дрейфуя под ветер от английских кораблей, пришедших их атаковать, оказались на недосыгаемом для их орудий расстоянии.

Около 6 часов «Зилоус», «Голиаф» и «Тезей» снялись с якоря. Первый из них получил приказание преследовать фрегат «Джустик», который по приказанию командира французского арьергарда контр-адмирала Вильнёва шел к «Белерофону», стоявшему на якоре в глубине бухты. Вильнёв полагал, что «Белерофон» сел на мель и хотел принудить его к сдаче. Заметив движение «Зилоуса», фрегат «Джустик» повернул обратно к своей линии. А

«Зилоус», по сигналу своего адмирала, спустился к «Белерофону» и встал на его защиту от дальнейших покушений французов.

Между тем «Голиаф» и «Тезей» в сопровождении «Александра» и «Леандра» направились к «Эрё» и «Меркурию». Последние, оставив линию, сначала бросили якорь во внутренней ее стороне, а потом сели на мель у южного берега бухты. После нескольких выстрелов с английских кораблей «Эрё» и «Меркурий» спустили флаг.

Около 11 часов, когда практически вся французская эскадра была повержена, корабли арьергарда «Женере», «Вильгельм-Тель» под флагом контр-адмирала Вильнёва и два фрегата, практически не участвовавшие в сражении, вступили под паруса легли в крутой бейдевинд (самый близкий к линии ветра курс) левым галсом и пошли к НО-ту с намерением покинуть бухту. Замыкающий французскую линию «Тимолон», находясь под ветром, не мог выйти из бухты одним галсом. Тогда он, обрубив канаты, бросился на берег.

Обнаружив бегство четырех французских судов, ближайший к ним английский корабль «Зилоус» так же вступил под паруса и взял тот же курс. Его командир капитан Гуд имел намерение атаковать их и тем самым задержать до подхода подкрепления. Для этого он приблизился к ним с наветренной стороны на дистанцию ружейного выстрела. Но дружным огнем французов в короткое время его рангоут и паруса были разбиты и изорваны. «Зилоус» попытался еще отрезать концевой французский фрегат, но в это время на него поступил сигнал Нельсона вернуться к своему флоту.

Победа Нельсона была совершенной. Из 13 французских кораблей один был взорван, восемь захвачены, два обратились в бегство. Оставались два корабля, участь которых была еще не решена. Один из них «Тимолон» стоял с поднятым флагом у берега, а «Тоннан» в совершенно разбитом состоянии лежал в двух милях от него, но также под флагом, прибитым к мачте.

Такое положение оставалось до утра следующего дня, т.е. до 23 июля (3 августа) – третьего дня сражения. По утру «Тезей» и «Леандр» снялись с якоря и подошли к «Тоннану». Дальнейшее его сопротивление было бессмысленно, поэтому французский корабль, мужественно защищавший ранее честь своего флага, сдался. На «Тимолоне» большая часть экипажа перебралась ночью на берег, оставшиеся в полдень взорвали корабль. Таким образом, французы в сражении при Абурике потеряли 11 кораблей и около 5 000 человек. Потери англичан составили 895 человек⁴⁹⁶.

«Не взирая на отчаянную запальчивость, с которою французы оборонялись, – доносил впоследствии Павлу I российский посланник в Неаполе В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, – англичане природным своим мужеством крепкие, ревностью к отечеству и общему благу Европы восторженные, преодолели всякое сопротивление и увенчали подвиг свой совершенною и славною победою»⁴⁹⁷. Все британские корабли сражались с одинаковым умением и смелостью. Великая победа была завоевана, и не было пятен, омрачающих ее ореола.

Анализируя ход сражения, можно с большой долей вероятности говорить в том, что Нельсон знал о плачевном состоянии французского флота, и о том, что высший командный состав лишился во время революции своих лучших представителей, что на смену славным адмиралам дореволюционного периода: Сюффрену, де Эстену, Ла-Мотт Пике, Гишену и де Грассу явились Вильнёв и Брюйес. Это, бесспорно, повлияло на его решение стремительно атаковать эскадру Брюйеса в Абукирской бухте. В результате англичанам удалось взять противника в два огня, создав перевес на направлении главного удара, и, расчленив его силы, разбить их по частям.

При этом сам Брюйес не сделал никакого распоряжения к обороне, хотя в течение целого месяца ожидал нападения. Командир арьергарда контр-адмирал Вильнёв, пользовавшийся славой храброго моряка, во все время сражения оставался праздным наблюдателем при поражении своего флота. Он не снялся с якоря, чтобы поставить английские корабли также в два огня, и позволил неприятелю поочередно напасть потом и на корабли арьергарда.

Впоследствии контр-адмирал французского флота Журьен де-ла-Гравьер, оценивая действия Вильнёва, писал: «Во власти кораблей Вильнёва, была единственная вероятность склонить перевес на сторону французов, и между тем, удерживаемые какою то пагубною инерцией, корабли эти так долго оставались спокойными зрителями этой неравной борьбы! Они были под ветром у сражавшихся, но только мертвый штиль мог помешать им преодолеть слабое течение, господствующее у этого берега; штиля однако не было, и они одним галсом могли бы занять место, более им приличное. Длина линии не превышала полторы мили, а им достаточно было подняться на несколько кабельтов, чтобы принять участие в деле. Корабли Вильнёва имели в воде по два якоря, но они могли бы обрубить канаты в восемь, в десять часов вечера, чтобы идти выручать авангард, точно также, как на другой день, в одиннадцать часов утра, они обрубили их, чтобы избежать поражения. Если бы даже они лишились средства вновь стать на якорь, то они могли бы сражаться под парусами, или, наконец, абординировать который нибудь из неприятельских кораблей. Словом,

что бы они ни сделали, все было бы предпочтительнее, чем их бедственное бездействие. Без сомнения, ночь была темна, везде царствовал беспорядок, впечатление окружавших обстоятельств было поразительно, и сигналы адмирала могли быть худо поняты, несовершенно выполнены; но почему ж бы Вильнёву не разослать свои приказания по отряду на гребных судах, пожалуй хоть даже с офицерами, которым бы поручено было смотреть за выполнением этих приказаний? Контр-адмирал Декре, капитаны легкой эскадры, на фрегатских шлюпках, наилучшим образом могли бы быть употреблены для этой цели. Но Вильнёв, неподвижный, ожидал приказаний, которые Брюйес, окруженный неприятелями, был уже не в состоянии ему передать. Он провел таким образом ночь, поменявшись несколькими сомнительными ядрами с английскими кораблями, и что странно в человеке такого испытанного мужества – оставил место битвы, уводя корабль свой почти нетронутым, из среды его изувеченных товарищей»⁴⁹⁸. Однако, следует заметить, что другие французские моряки бились с отчаянным мужеством и оказали достойное сопротивление.

В истории Абукирского сражения до сегодняшнего дня, пожалуй, самым интригующим остается вопрос о том, кто же принял решение обойти французскую линию и атаковать со стороны берега: Фолей или Нельсон?

В пользу каждого из них можно привести множество авторитетных мнений и показаний свидетелей. В данном случае, разноречивые показания, даже в таком простом факте, доказывают, как мало можно полагаться на память и на мнения людей.

Например, на вопрос, как далеко был Нельсон со своим кораблем в то время, когда Фолей обходил нос «Геррье», Джордж Эллиот отвечает, что между «Голиафом» с «Зилоусом» и остальными судами эскадры, «был интервал около семи миль, так что бой со всем неприятельским авангардом начали только эти два корабля». Вахтенные же журналы нескольких других кораблей свидетельствуют, что «Вэнгард» встал на якорь против своего противника через 25 минут, после первого выстрела французов. Капитан Гуд, находившийся на «Зилоусе», шедший вплотную за «Голиафом», говорит: «Мы ушли не очень далеко от других, шедших за нами кораблей».

Достоверно известно, что Нельсон не делал сигнала головным кораблям обойти неприятельскую линию. Очень характерное признание по этому поводу сделал Самуил Гуд, который на своем корабле непосредственно следовал за «Голиафом» на головной французский корабль «Геррье»: «Этот корабль стоял всего на 35-футовой (10,5 м) глубине, и я все время боялся, что «Голиаф» и «Зилоус» станут на мель, и никак не допускал мысли, что мы попытаемся

пройти между им и берегом». Это признание доказывает, что с момента обнаружения французской эскадры Нельсон не давал никаких конкретных указаний по охвату головы противника. Но с другой стороны, некоторые утверждают, что этот план разбирался Нельсоном и его капитанами и что Фолей только исполнил то, что хотел Нельсон.

Капитан Берри положительно утверждает: «Составленный Нельсоном план сражения был точно выполнен в бою». Достоверно также известно, что Нельсон был хорошо знаком с приемом атаки, употребленным Фолеем, по применению этого приема еще раньше. Так в 1676 году французский адмирал Турвиль разбил соединенный голландско-испанский флот, применив точно такой же прием. Сражение при Слюи, за 300 лет раньше, было выиграно Эдуардом III подобным же образом. Вряд ли также можно предположить, что британские офицеры, находящиеся на турецкой эскадре в сражении у мыса Калиакрия в 1791 году, не донесли своему адмиралтейству о блестящем маневре русского адмирала Ушакова...

Другое свидетельство оставил адмирал Броун, который служил позднее старшим лейтенантом у Фолея на корабле «Элефант». Броун упоминает, что часто разбирал великое сражение с Фолеем. В 1845 году он написал: «Я, положительно, могу подтвердить тот факт, что Фолей вел британскую эскадру без предварительных условий и указаний».

Действительно, трудно предположить, что Нельсон не обсуждал со своими капитанами всевозможные случаи встречи с неприятелем и не разбирал варианты его атаки. Какие-то наметки плана, конечно же, существовали, и командиры кораблей, несомненно, о них знали. Поэтому, в ходе начавшегося боя они с блеском были реализованы. И, в общем-то, в конечном итоге не так важно, кто начал атаку, важно кто победил, а победил Нельсон, хотя этому во многом способствовал маневр, начатый Фолеем.

Был ли у англичан другой план атаки? Был! На второе утро, после Нильского сражения, капитан Джеймс Сомарец поехал на «Вэнгард» поздравить Нельсона с победой. У Нельсона была забинтована голова, а у Сомареца – бедро и бок, и оба они испытывали волнение, после сильного напряжения нервов. После обмена несколькими фразами Сомарец хотел сделать свое замечание по поводу боя. Он успел только сказать: «Жаль, что мы не...» (он хотел сказать: «Жаль, что мы не встали на якорь все с одной стороны»), но болезненно самолюбивый Нельсон угадал еще невысказанную критику и воскликнул: «Слава Богу, что

мы не находились в этом порядке!»! С этими словами он исчез с мостика и направился в свою каюту.

Конечно, Сомарец мог бы многое сказать в защиту своей невысказанной версии. Например то, что два британских корабля, стреляя с двух сторон по несчастному французу, непременно должны были попадать друг в друга (и эти факты имели место). По мнению Сомареца, они могли бы нанести тот же вред врагу с меньшим риском для себя, если бы встали на якорь с одной стороны против носа и траверза каждого француза. В этом случае французские корабли могли бы сражаться только одним бортом, а не двумя.

Сомарец был в принципе противником сосредоточения двух английских кораблей против одного французского, считая это излишней роскошью. Он говорил: «Никогда не требовалось двух английских кораблей, чтобы захватить одного француза». Конечно, никто заранее не мог даже и предположить, что левый борт французский кораблей не будет приготовлен к бою и что Вильнёв с арьергардом будет спокойно наблюдать за планомерным разгромом головных кораблей! А если бы четыре концевых французских корабля снялись с якоря и вышли на ветер? Они, наверное бы, уничтожили «Куллоден» и отрезали бы путь «Суифтшюру» и «Александрю». Во всем этом можно было разобраться, и Сомарец хотел это сделать. Но критиковать действия Нельсона через день после сражения, да еще на мостике корабля самого Нельсона, было большой неосторожностью.

Однако, учитывая все совокупные факторы, можно с уверенностью утверждать, что французская эскадра объективно не имела никаких шансов на благополучный исход сражения и в любом случае была бы разгромлена англичанами.

23 июля (3 августа) на эскадре победителей был отслужен благодарственный молебен, на котором все стояли со слезами на глазах. По его окончании Нельсон «чувствительнейшим образом» лично благодарил всех своих храбрых капитанов. Офицеры, в свою очередь, отвечали ему тем же. Они собрали 600 фунтов стерлингов, чтобы раздать их вдовам и детям погибших матросов.

Через два дня Нельсон отправил 50-пушечный корабль «Леандр» под командованием капитана Томпсона с донесением в Лондон и вместе с ним — шпагу одного из взятых в плен французских флагманов, «чтобы она в воспоминание одержанной им победы хранилась между вещами, принадлежащими лондонскому лордмеру». На борту «Леандра» отправился и командир «Вэнгарда» капитан Берри. Однако благополучно добраться до места кораблю не удалось.

На рассвете 7 (18) августа, в районе острова Кандия, на «Леандре» обнаружили линейный корабль под неаполитанским флагом, шедший попутным ветром прямо на них. Капитан Томпсон попытался совершить маневр уклонения. Но «Леандру» не удалось этого сделать.

Приближавшимся кораблем оказался уцелевший в Абукирском сражении 74-пушечный «Женере», шедший с Корфу. В 8 ч утра, подойдя ближе к «Леандру», «Женере» поменял неаполитанский флаг на турецкий, но англичане уже узнали своего недавнего противника. Поравнявшись на дистанции пушечного выстрела, корабли открыли огонь. При этом французский корабль продолжал сближаться с очевидной целью абордировать «Леандр». При слабом ветре и значительных повреждениях в рангоуте и такелаже «Леандр» не смог уклониться от удара, но капитан Томпсон успел расставить стрелков на юте и шканцах для отражения атаки французов.

Через минуту «Женере» навалился носом на левый крамбол «Леандра», протерся вдоль его борта, разрушив несколько оружейных портов нижнего дека. Но меткий огонь с английского корабля не позволил французам достичь желаемой цели. Корабли разошлись и вновь вступили в жестокую перестрелку, продолжавшуюся до 15 часов 30 минут.

В шестичасовом бою «Леандр» из 262 человек экипажа потерял 35 человек убитыми и 57 ранеными. При этом ранения получили капитан Томпсон и капитан Берри. В совершенно разбитом состоянии «Леандр» принужден был к сдаче и уведен на Корфу.

Экипаж «Женере», на борту которого, кроме собственной команды, находилось часть команды с «Тимолеона» и «Вильгельм Теля», насчитывал 936 человек. В бою он потерял 100 человек убитыми и 188 ранеными.

Из 9 взятых французских линейных кораблей, оставшихся в Абукирской бухте, три («Эрё», «Меркурий», «Геррье») по приказу Нельсона, были сожжены. А оставшиеся шесть («Франклин», «Аквилон», «Спартанец», «Конкеран», «Пёпль-Суверень» и «Тоннан») после скорого ремонта под

командой Джеймса Сомареца 3 (14) августа были отправлены в Гибралтар к основной английской эскадре адмирала Сен-Винцента.

Весть об истреблении французской эскадры вскоре долетела до Тулона, «произведя уныние во всех классах людей, ибо в каждом оплакивают смерть родственников, лишенных жизни на сражении». Народ проклинал Директорию, однако вслух высказывать свое отношение к ней никто не решался, «поелику ужас и гонения царствовали во Франции превосходнее, чем во времена Робеспьера»⁴⁹⁹.

После Нильского сражения Нельсон на своем флагманском корабле «Вэнгард» 11 (22) сентября прибыл в Неаполь. Сохранилось достаточно любопытное донесение российского посланника в Неаполе В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, в котором он описывает это событие. В нем, в частности, отмечалось: «Состояние, в котором находился «Вэнгард» касательно до мачт, было несравненно хуже, нежели то, в котором были пришедшие четыре дня прежде его «Александр» и «Куллоден». Нижние части большой мачты и бизани, да фок мачта составляли весь остаток снастей корабля сего. Оные и подделанная слабая передовая мачта не могли нести больших парусов. Для сей причины корабль шел весьма неспешно и столь опоздал прибытием своим сюда. Корабли сии явлением своим возобновили и вяще оживили те чувствования, которые в городе сем произвела предварившая их весть о торжестве их. Изображенные на них знаки жестокого и опасного бою, храброго, но щастливо преодоленного ими супротивления, представляли победоносные сии суда особливого почтения достойными зданиями... Берег и море покрыты были множеством зрителей... Когда адмирал Нельсон прибыл с кораблем своим в залив и зачал приближаться к гавани, Его Величество (король Обеих Сицилий Фердинанд IV. – Авт.) встретил его, изволил взойти на корабль и, учинивши ему поздравление в весьма лестных выражениях, препроводил с ним, разговаривая и осматривая корабль, около часа с половиною. По отбытии Его Величества господин Нельсон приехал на берег, препровожден господином Гамильтоном, мною и всеми англичанами, имеющими здесь пребывание свое. На пути от пристани к дому господина Гамильтона великое стечение народа было, который во многих местах изъявлял удовольствие свое приветственными восклицаниями. В вечеру дом господина Гамильтона и все дома английские иллюминированы были»⁵⁰⁰.

Лондонская публика, все это время обвинявшая Нельсона в медлительности, узнала о Нильской победе не ранее 21 сентября (2 октября). Это известие буквально за считанные часы облетело всю Англию и принесло контр-адмиралу невиданные почести. 25 сентября (6 октября) Нельсон был пожалован пером Великобритании с титулом барона Нильского и Бюригам-Торпского в графстве Норфолк. 9 (20) ноября, выступая в Парламенте, король,

оценивая заслуги Нельсона, произнес: «Морские триумфы наши озарены новым блеском решительного и достопамятного боя, в котором отделение моего флота под командою контр-адмирала Нельсона атаковало и почти совершенно истребило неприятеля, имеющего все выгоды сильной позиции. Блистательная победа эта обратила во вред французам предприятие, которого несправедливость, вероломство и безрассудность привлекли на себя внимание целого света. Удар этот потряс силу Республики и, уничтожив ее влияние, дал нам возможность, при помощи других держав, освободить Европу»⁵⁰¹. Достоинно были отмечены и командиры кораблей эскадры Нельсона.

В результате Нильской битвы Франция, по существу, лишилась флота на Средиземном море. В его составе осталось лишь 12–13 линейных кораблей и 11–12 фрегатов, большую часть из которых составляли венецианские и мальтийские суда, почти не способные к бою, к тому же разбросанные по разным портам Средиземноморья⁵⁰². А Египетская экспедиция Бонапарта была поставлена на грань краха.

В заключении хотелось бы сказать еще об одном. В военно-исторической литературе с 40-х годов XX столетия, стараниями многих авторов, стремящихся закрепить российский приоритет в развитии тактики парусного флота, утвердилось мнение о том, что будто бы Нельсон в сражении при Абукире лишь повторил маневр, произведенный адмиралом Ушаковым в сражении при Калиакрии, когда русский флагман прошел между береговой батареей и турецким флотом, стоявшим на якоре. Однако даже при поверхностном рассмотрении тактики флотов в этих сражениях подобные утверждения выглядят несостоятельными.

Во-первых, сражение при Абукире происходило в бухте и на якоре, а сражение при Калиакрии – в открытом море и на ходу, что объективно определяло разницу в тактике боя.

Во-вторых, с самого начала английская эскадра имела наветренное положение, и было понятно, что огонь небольшой батареи на острове Абукир не мог причинить ей никакого вреда. Ушаков же счел необходимым пойти на такой маневр с целью «захватить ветер», чтобы атаковать противника с наветренной стороны и отрезать часть его экипажей, находящихся на берегу, от кораблей. При этом русский флагман ясно сознавал, что его флот попадет под обстрел со стороны мощной береговой батареи.

И все-таки в этих двух сражениях присутствует и поразительное сходство, заключающееся в мгновенной оценке ситуации командующими и умелом проведении решительной атаки противника, приведшей атакующую сторону к выдающейся победе.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1. КОРФУ

Средиземноморская экспедиция (1798–1800) является одной из самых ярких страниц боевой летописи Российского флота. Она закрепила за Россией статус великой морской державы и прославила среди народов Европы имя русского адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Получив известие о движении русско-турецкой эскадры к Ионическим островам, французский генерал Шабо отдал приказ вывести основные силы с островов Занте, Кефалония, Цериго и Св. Мавры и направить их в главную крепость острова Корфу, «где он на мере положил защищаться до самой крайности»⁵⁰³. После гибели французской эскадры при Абукире Директория повелела укрепить Корфу, Анкону, Мальту и Корсику, с тем, чтобы к моменту подхода к ним морских сил коалиции, они ошетинились орудиями и отгородились мощными бастионами.

Первыми начали действовать англичане. Контр-адмирал Нельсон после ремонта своих кораблей на Сицилии намерен был идти сначала к Мальте, а затем к Корфу, чтобы выбить оттуда французов. У Нельсона не было десантного войска, но это не смущало нильского героя. Кроме всего прочего, здесь была задета честь британского флота. Нельсон решил отбить свой корабль «Леандр» и захватить французский корабль «Женере». Однако его планам не суждено было сбыться. Реальная угроза французам, укрепившимся на Ионических островах, исходила не от Нельсона, а от Ушакова.

Перед тем как приступить к освобождению Ионических островов, Ф. Ф. Ушаков с помощью небольших десантных отрядов распространил среди жителей воззвание, призывавшее народ к содействию союзному флоту в изгнании французских завоевателей. Вместе с ним и Константинопольский патриарх Григорий, по приказанию Порты, передал греческому народу свое пастырское увещевание, предлагая им «свергнуть с себя иго французского порабощения и учредить у себя под покровительством трех союзных дворов правительство наподобие рагузского или какое ими за благо признано будет»⁵⁰⁴.

Тем не менее, первая встреча эскадры с греческим населением была неприязненной, что весьма огорчило Ушакова. Греки острова Хио, увидев турецкий флаг, тут же, по обыкновению, заперли свои дома и лавки. Федор Федорович, выяснив причину, призвал к себе Кадыр-бея и напрямую сказал:

– Если соединение обеих эскадр имеет производить подобное действие в обывателях, то не лучше ли эскадрам условиться о местах соединения и идти порознь?

Турецкий адмирал, с пониманием выслушав Ушакова, прибыл к себе на эскадру и объявил подчиненным требования русского адмирала, после чего приказал обывателям отворить лавки и устроить ярмарку, на которой «русские, турки и греки смешались, приятствуя друг другу».

Впоследствии Василий Степанович Томара доносил, что «греки и турки гораздо дружелюбнее стали обходиться; прежняя взаимная ненависть уступила место согласной обеих наций ненависти к французам». Столь благоприятную перемену в отношениях двух народов все без исключения относили к благораспорядительности русского адмирала, что не преминул отметить и российский посланник: «Турецкой эскадры начальники, соединившиеся с вице-адмиралом Ушаковым, весьма им хвалятся»⁵⁰⁵.

Освобождение островов Ионического архипелага предполагалось осуществить последовательно, начиная с юго-востока, чтобы не иметь в тылу эскадры опорных пунктов противника, мешающих обеспечению союзных сил. Захват островов планировалось осуществить высадкой на них десантных войск, набранных на албанском берегу, Янине и Морее.

Боевые действия против французов, закрепившихся на Ионических островах, начались 28 сентября атакой острова Цериго отрядом кораблей под командованием капитан-лейтенанта И. А. Шостака. Подойдя к небольшой крепости Сан-Николо, Шостак открыл по ней огонь из корабельных орудий и одновременно высадил десант. Русские моряки дрались героически, и небольшой французский гарнизон, не выдержав их натиска, бежал в крепость Капсала.

Так как крепость Капсала невозможно было обстреливать с кораблей, Шостак отложил штурм до прибытия главных сил. Адмирал Ушаков, подошедший буквально на следующий день, немедленно отдал команду к высадке на берег морского десанта и об осаде крепости. Соорудив на близком расстоянии от бастионов противника две батареи, он потребовал сдачи крепости. Французы предложение отвергли. Тогда, 30 сентября, русский адмирал отдал команду на ее штурм.

Для отвлечения внимания неприятеля Ушаков направил два фрегата и авиз к самой крепости и одновременно приказал открыть огонь с береговых батарей. На следующий день французы, защищавшие крепость, не выдержав решительной атаки, сдались, выговорив для себя почетные условия капитуляции.

Восстановив законный порядок на острове и взяв на борт пленных французов для доставки их в порты Франции, соединенная эскадра 6 октября направилась к острову Занте, который был занят 13 октября практически без всякого сопротивления.

На другой день вице-адмирал Ушаков, вместе с капитанами и офицерами эскадры, съехал на берег для слушания благодарственного молебна в церкви чудотворца Дионисия. Звоном колоколов и ружейной пальбой были встречены приближающиеся к берегу шлюпки. Все улицы украсились выставленными в окнах русскими военно-морскими флагами, сделанными из белых простыней и нашитыми на них синими Андреевскими крестами. Почти все жители имели в руках такие же флаги. Они беспрестанно восклицали: «Да здравствует Государь наш Павел Петрович! Да здравствует избавитель и восстановитель Православной Веры в нашем Отечестве!» На пристани русский вице-адмирал был принят духовенством и старейшинами. Жители встречали его с особенными почестями и радостными восклицаниями. По следам его бросали цветы. Матери выносили детей, заставляя их целовать руки не только у офицеров, но и у матросов. Женщины, а особенно пожилые, протягивали из окон руки, крестились и плакали.

Далее, оставаясь с основными силами на острове Занте, вице-адмирал Ушаков сформировал три отряда и направил их к островам Кефалония, Св. Мавра и Корфу.

На Кефалонии французы не оказали практически никакого сопротивления, и там наблюдалась такая же картина, как и на Занте. 17 октября, после взятия острова отрядом кораблей под командованием капитана 2 ранга И. С. Поскочина, местный архиерей с духовенством, дворянство и жители при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, с крестами и хоругвями встретили начальника русского отряда и командиров кораблей.

Более упорное сопротивление оказали французы на острове Св. Мавры, для взятия которого 18 октября был отправлен отряд под командованием капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина в составе двух русских и двух турецких кораблей и фрегатов. Крепость, расположенная на неприступном утесе, омываемом с двух сторон водой, защищали 540 человек французского гарнизона. Сенявин, подойдя к острову, высадил на берег 484 человека морского десанта с шестью орудиями и приказал им построить две осадные батареи. Затем он предъявил коменданту крепости генералу Миоле ультиматум о ее сдаче.

После отказа французов капитулировать, командир союзного отряда, приступил к бомбардировке укреплений, высадив на берег еще 200 человек турок и четыре орудия. Но французы продолжали упорно сопротивляться. Гарнизон крепости попытался даже снять осаду, но предпринятая им вылазка была отбита. 31 октября к острову подошли еще четыре корабля, три фрегата и два корвета во главе с командующим. На берег был высажен

дополнительный десант – всего 770 человек. 1 ноября, когда приготовления к штурму крепости были завершены, ее комендант, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, начал переговоры о сдаче. 3 ноября капитуляция была подписана.

Со взятием острова Св. Мавра завершился первый этап Ионической кампании, в результате которой французы потеряли четыре острова и 1 500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Победоносное шествие союзной эскадры в Ионическом архипелаге обнадеживало греков, еще находящихся под властью французов, на свое скорейшее освобождение и вызывало бурю ликования у жителей островов, уже освобожденных. «Цериго, Занте, Кефалония, – писал российскому императору полномочный министр в Неаполе, – превозносят великодушие и милосердие Вашего Императорского Величества и, прежний вид печали переменяя в образ благодушества и радости, составляют славные трофеи победоносного оружия Вашего. На всех сих островах власть угнетавших оные французов опровержена и уничтожена действиями эскадры Вашего Императорского Величества, соединенной с эскадрою Порты Оттоманской. Они открыли уже вход себе в средину пристани острова Корфу и неукоснит побеждением находящегося там неприятеля, совершит подвиг свой в водах Ионического моря»⁵⁰⁶.

За эти победы Павел I щедро наградил командующего своей эскадры. 28 ноября 1798 года за взятие острова Цериго Ф. Ф. Ушаков был пожалован бриллиантовыми знаками к ордену Св. Александра Невского, а за взятие острова Занте, 21 декабря, – награжден вновь учрежденным орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

Впереди для Ушакова ясно обозначилась главная цель – Корфу. Остров лежал параллельно албанскому берегу и был отделен от него достаточно широким проливом. Город, где находилась крепость, располагался на узком мысу пролива. С давних времен Корфу считался ключом к Адриатике и всякий старался завладеть им, потому за свою многовековую историю был хорошо укреплен. Его бастионы считались одними из самых неприступных в Европе. Они состояли из двойной крепостной ограды с сухими рвами. Главная крепость Корфу, защищаемая трехтысячным гарнизоном, имела 650 крепостных орудий. К главной крепости примыкали две другие: к востоку – старая, к западу – новая. Со стороны берега главную крепость прикрывали форты Авраама, Сан-Сальвадора, правый фланг которого примыкал к морю, и редут Св. Рокка, прикрывающий подступы к обоим фортам. На оконечности мыса с высоким и крутым утесом была расположена цитадель, отделенная от города глубоким и широким рвом.

С моря крепость прикрывал хорошо укрепленный остров Видо, на котором были расположены пять батарей. Гарнизон острова состоял из 500 человек. На походах к Видо со стороны моря были поставлены боновые заграждения с железными цепями. В гавани между Корфу и Видо стояли уцелевший после Абукирского сражения 74-пушечный корабль «Женере», 50-пушечный пленный английский корабль «Леандр», фрегат «Брюне», бомбардирский корабль, две галеры и четыре полугалеры.

Взять такую мощную крепость с ходу не представлялось возможным, так как для этого нужны были значительные силы и специальная подготовка. Поэтому капитан 1 ранга И. А. Селивачев, 24 октября прибывший к Корфу с вверенным ему отрядом из пяти кораблей и трех фрегатов, приступил к блокаде острова.

В начале ноября Ушаков, лично прибыв к Корфу, стал подтягивать к острову дополнительные силы с уже освобожденных островов и 6 ноября приступил к методичной осаде. Как при взятии Занте и Св. Мавры, на берег были высажены два отряда: с севера – 128 человек под командой капитана Кикина и с юга – 19 человек под командой лейтенанта Ратманова. При содействии местных жителей, из которых был сформирован отряд в 1 600 человек, им удалось построить осадные батареи.

Для более тесной блокады и подготовки к штурму Ушакову не хватало сухопутных войск. А пока, в ожидании обещанных 17 тысяч албанцев⁵⁰⁷, русский адмирал мог рассчитывать только на свои силы и на помощь греков. Корфиоты были готовы дать в его распоряжение 10–15 тысяч человек, но их пугало присутствие на эскадре турок, зверства которых им хорошо были известны. По этому поводу Ф. Ф. Ушаков с горечью писал Павлу I: «Если бы я имел со мною один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять»⁵⁰⁸.

Любопытно заметить, что за 23 дня до прибытия русских кораблей к Корфу началась блокада острова Мальта силами португальской и английской эскадр под командованием контр-адмирала Ницца и капитана Балля. Подойдя к главной крепости острова – Ла-Валета, португальский адмирал предложил французскому генералу Вобоа сдать крепость, на что тот решительно ответил, что «республиканцы никогда не сдаются ни на какие договоры», тем более, что он не находит к тому ни малейшего повода. Кроме того, Вобоа выразил свое недоумение по поводу того, что сдачи острова от него требуют португальцы и англичане, не имеющие никакого отношения к Мальте⁵⁰⁹.

13 октября с отрядом кораблей к Мальте прибыл сам Нельсон. Он сходу взял расположенный не вдалеке замок острова Гоццо, который обороняли всего 180 французов.

Водрузив на нем неаполитанский флаг, Нельсон приказал отдать ему честь 21 залпом, а поверженный французский флаг он доставил и демонстративно бросил к ногам короля Обеих Сицилий Фердинанд IV. Нельсон поздравил его с приобретением 16 тысяч подданных, и тем изрядно польстил неразумному монарху⁵¹⁰. Однако, как вскоре выяснится, с поздравлениями британский адмирал явно поторопился. Гарнизон на Мальте держал достаточно жесткую оборону, а Нельсон не решался штурмовать крепость с моря. Тем не менее, он считал себя «хозяином» положения на Средиземном море и даже пытался подчинить своим планам русского адмирала. В самый напряженный момент осады Корфу Нельсон писал Ушакову: «Египет должен быть первым объектом, а Корфу – вторым»⁵¹¹. Однако Федор Федорович, к великой досаде Нельсона, оказался совершенно непослушен его воле.

Ушакову, со своей стороны, нетрудно было догадаться, что при всех дружеских заверениях британского адмирала об отсутствии у его короля «корыстолюбивых видов» на освобождаемые от французов земли захват Ионических островов русскими явно не устраивал Англию. В связи с этим, Нельсон, якобы заботясь о турецких интересах, раздраженно писал, что «если они (русские. – Авт.) утвердятся в Корфу, то Порта будет иметь порядочную занозу в ноге. Как добрые турки не видят опасности?»⁵¹².

А тем временем блокада Корфу приобретала все более жесткую форму. Корабли соединенной эскадры перекрыли все выходы из Корфиотского залива: с юга силами трех кораблей и фрегата, с севера – кораблем и тремя фрегатами. 14 ноября на северный берег был высажен десант из 128 морских солдат и артиллеристов под командованием капитана Кикина, которые на другой же день устроили батарею из девяти орудий против укрепления Св. Авраама. 18 ноября на южной части острова был высажен десант из 13 солдат и шести артиллеристов.

Ввиду невозможности противостоять морским силам соединенной эскадры, французы стали предпринимать активные действия против береговых батарей. 20 ноября успешной вылазкой ими была захвачена южная батарея. Попытка же захватить северную батарею окончилась неудачей. Понеся большие потери, они вынуждены были вернуться в крепость и отказаться от активных действий, уповая на мощные бастионы и прибытие войск из Анконы.

И действительно, из Анконы вышли три бывших венецианских 64-пушечных корабля с несколькими транспортными судами, на борту которых находилось три тысячами человек десантного войска. Но, узнав о положении дел на Корфу, они взяли обратный курс. Таким образом, французский гарнизон остался полностью отрезанным от внешнего мира.

Но обстановка была тяжелой и для соединенной эскадры. По договоренностям союзных держав, она должна была снабжаться турецкой стороной, однако, вразрез этим

договоренностям, турки по существу саботировали поставки, в результате чего эскадра терпела «крайнюю нужду» буквально во всем. По этому поводу Ф. Ф. Ушаков писал В. С. Томаре: «Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся»⁵¹³.

Ситуация осложнялась и необычно холодной для этих мест погодой, из-за которой блокаду приходилось вести в невыносимых условиях. Даже в этой тяжелой обстановке русские моряки, беспредельно доверяя своему любимому адмиралу, не падали духом. «Наши служители, – писал Федор Федорович, – от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту или же обмороженные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались»⁵¹⁴.

К концу года из Севастополя в Корфу прибыли два 74-пушечных корабля и три вспомогательные судна под командованием контр-адмирала П. В. Пустошкина и, таким образом, соединенная эскадра состояла уже из 12 линейных кораблей и 11 фрегатов.

Между тем и с албанского берега начали прибывать войска. Однако многие из албанцев лишь номинально могли называться воинами, так как больше походили на оголодавших разбойников. 7 января 1799 года с жалобами на них прибыли к Ушакову два командира береговых батарей капитан Никонов и мичман Жеребцов.

Первым начал докладывать Никонов:

– Господин вице-адмирал! На построенной при Корфу батарее караул и команда обстоят благополучно, от неприятельской стороны за истекшую ночь никаких действий не происходило.

– То мне известно, – принял рапорт Ушаков, – а что албанцы?

– Вчерашнего числа, – продолжал Никонов, – пришли ко мне начальники алипашинского и ибрагим-пашинского войска и объявили, что они не имеют ни провианта, ни патронов, а потому требовали удовлетворения их нужд, заявив при этом, что иначе все они разойдутся. А сами албанцы объявляют, что и вовсе уйдут к неприятелю.

Похожий доклад выслушал адмирал и от Жеребцова:

– Албанцы, которые живут в деревне, несколько дней уже не имеют хлеба и грозят силою брать хлеб у жителей, из чего может выйти что-нибудь вредное. Я пытаюсь их примирить, но албанцы продолжают рубить и жечь масличные деревья, хотя им и указано, где есть дрова.

– Петр Иванович, – приказал Ушаков адъютанту, – распорядитесь, чтобы через интенданта отделили часть продовольствия эскадры сим горе-воинам.

И, обращаясь к Жеребцову, спросил:

– Как дела с устройством батареи?

– Многие жители деревни, – стал объяснять мичман, – не дают на казенные нужды лошадей и волов, я же один ничего сделать не могу. А посему прошу позволения вашего высокопревосходительства таких ослушников посылать на батарею и там делать им какие-нибудь наказания для страху⁵¹⁵. Но адмирал отклонил неразумное предложение молодого офицера.

23 января на южной стороне острова началась установка новых батарей, которые состояли из 13 больших и трех меньших орудий и семи мортир разного калибра.

Наблюдая интенсивные приготовления русско-турецких войск, осажденные начали терять надежду на помощь. Тогда командир французского корабля «Женере» – капитан Лежойль, неоднократно предпринимавший попытки с боем вырваться из крепости, вновь вызвался прорвать блокаду и уйти в Анкону за подкреплением. Для этой цели в ночь на 26 января французами была совершена отвлекающая вылазка. В это время «Женере» с «вычерненными» парусами в сопровождении галеры вышел из порта, прорвался через отряд реал-бея с северной стороны бухты и ушел в море.

Есть все основания полагать, что турецкий контр-адмирал умышленно выпустил французский линейный корабль. Несколько раз до этого французы обращались к Ушакову с подобной просьбой, но тот решительно отказал им. Тогда они стали склонять к тому турок. Дело дошло до того, что сама Порта обратилась к российскому посланнику, чтобы он повлиял на Ушакова. Но не надо думать, что турки решили оказать французам благодеяние. Все было гораздо проще. Турецкое министерство, «взирая на французов не яко на порядочных неприятелей, но яко на разбойников, твердо держалось правила не соблюдать никаких заключаемых с ними договоров и капитуляций». А потому замысел турок состоял в том, чтобы выпустить французский корабль из Корфу и тут же его потопить⁵¹⁶. Но капитан Лежойль оказался хитрее реал-бея...

В отместку турки не упускали случая отыграться на пленных французах. В. С. Томара описывает поистине ужасающие сцены глумления над ними. «На прошлой неделе, – сообщал российский посланник Павлу I в одном из своих донесений, – прибыла сюда партия пленных с Венецианских островов из 160 человек. Ослабевающих турки убивали на дороге, и товарищи их должны были нести их головы, будучи ведены сами конными турками веревками за шею. Позорище сие повторяется в столице всякий раз, что проводят пленных, и притом чернь турецкая, и наипаче женщины, сопровождают их ругательствами. Султан же сим инкогнито любуется»⁵¹⁷.

К середине февраля, благодаря твердым требованиям и в то же время тонкой дипломатической деятельности, Ушакову удалось добиться от турецких правителей доставки 4 250 воинов-албанцев. Хотя это была всего лишь четверть обещанного, тем не менее, командующий начал интенсивную подготовку к решающему штурму крепости.

При принятии этого решения и составлении плана атаки Федором Федоровичем, несомненно, был учтен опыт «Великой осады» Гибралтара 1779–1782 годов, живым свидетелем которой он являлся. Анализируя неудачу франко-испанского флота в ту далекую кампанию и сопоставляя результаты своего анализа с конкретной обстановкой, сложившейся вокруг Корфу, Ушаков для себя твердо решил, что для успешного штурма приморской крепости необходимы: специальная подготовка эскадры и десанта; поддержание высокого морально-боевого духа личного состава; точный расчет сил противника, времени и места штурма; сосредоточенный и координированный удар корабельной и береговой артиллерии по кораблям и бастионам противника, их надежное огневое поражение; высадка морского десанта под прикрытием корабельной артиллерии в наиболее слабых местах обороны противника с последующим захватом всей крепости.

14 февраля Ушаков начал окончательное приготовление к штурму. Он отдал приказ обучать матросов и солдат стрельбе из ружей и мушкетов, приемам преодоления различных преград и штурму укреплений. В большом количестве изготавливались штурмовые лестницы. Непосредственно самим командующим были разработаны 132 условных сигнала для управления кораблями и десантом во время штурма⁵¹⁸.

17 февраля, когда предварительная подготовка была закончена, Ф. Ф. Ушаков на «Св. Павле» собрал совет флагманов и капитанов. На совете были поставлены конкретные задачи и зачитан приказ о штурме Корфу с указанием мест высадки десанта. Согласно приказу, специально выделенный отряд кораблей должен был нейтрализовать действия французских судов по доставке подкрепления с Корфу на Видо и на Видо направить основной удар силами флота, так как именно он являлся ключом к главной крепости. Сухопутным войскам при поддержке корабельной и береговой артиллерии надлежало брать приступом передовые укрепления⁵¹⁹.

Для принятия такого решения, помимо точного расчета, конечно же, необходимы были Божие благословение и нерушимая вера в Его Небесный Промысел, которая укрепляет душевные и телесные силы и, в конечном итоге, дает самое главное – твердую уверенность в победе.

И вот 18 февраля с первым благоприятным ветром, как и было определено приказом, начался штурм. В семь часов утра по сигналу с флагманского корабля соединенная эскадра

снялась с якоря и под всеми парусами стала подходить к береговым батареям острова Видо, ведя по ним непрерывный огонь. Первыми вступили в бой фрегаты «Казанская Богородица» и «Херим-Капитана». Подойдя на дистанцию картечного выстрела к батарее, расположенной на северо-западной оконечности острова, они обрушили на нее град ядер. Затем и другие корабли эскадры подошли к оставшимся четырем батареям и, встав на шпринг, начали их обстрел. Таким образом, корабли и фрегаты заняли свои места по диспозиции и образовали две линии, первую из которых занимали русские корабли.

Четко прослеживая ход начавшегося сражения, Ушаков, находясь на «Св. Павле», в сопровождении фрегата обошел весь строй и, подойдя вплотную к берегу, начал обстрел самой мощной батареи острова Видо. Одновременно начался и обстрел основной крепости с береговых батарей, установленных в северной и южной частях Корфу.

Согласно генеральному плану, корабль капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина «Св. Петр» и фрегат «Наварахия», оставаясь на ходу, вплотную подошли к порту и завязали перестрелку со стоявшим там кораблем «Леандр» и фрегатом «Брюне». Точным огнем с русских судов французские корабли практически были выведены из строя, а несколько галер с находящимися на них войсками, предназначенными для подкрепления гарнизона Видо, потоплены.

К 10 часам утра атака соединенных сил стала общей, и уже к 11 часам канонада с французских батарей заметно ослабла. Вот как описывает этот момент участник событий Егор Метакса: «Беспрерывная, страшная стрельба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности. Видо, можно сказать, был весь взорван картечами, и не только окопы... не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом. В одиннадцать часов пушки с батареей французских были сбиты, все люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная, куда укрыться»⁵²⁰.

В это же время на флагманском корабле был поднят сигнал к высадке десанта, который заблаговременно был посажен на гребные суда. Под прикрытием корабельной артиллерии галеры пошли к двум противоположным сторонам Видо. Несмотря на упорное сопротивление осажденных и огонь стоящих у берега мелких судов, десант численностью 2 172 человека закрепился между батареями и пошел далее к середине острова.

Турки, входившие в состав десанта, озлобленные упорным сопротивлением французов, принялись резать всех подряд, не щадя даже пленных. Происходили дикие сцены, подобные, описанной очевидцем: «Наши офицеры и матросы кинулись вслед за турками, и так как мусульманам за каждую голову выдавалось по червонцу, то наши, видя

все свои убеждения не действительными, начали собственными деньгами выкупать пленных. Заметив, что несколько турок окружили молодого француза, один из наших офицеров поспешил к нему в то самое время, когда несчастный развязывал уже галстук, имея перед глазами открытый мешок с отрезанными головами соотечественников. Узнав, что за выкуп требовалось несколько червонцев, но не имея столько при себе, наш офицер отдает туркам свои часы – и голова француза осталась на плечах...». Увещания и угрозы не могли привести турок к послушанию; тогда командир русских десантников составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и тем спасена была жизнь весьма многих. Метакса писал: «Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны».

К 14 часам остров Видо был взят. В плен попало 422 человека, из них 20 офицеров и комендант крепости бригадный генерал Пиврон. Со взятием Видо штурм Корфу не закончился. Центр сражения переместился на главную крепость, обстрел которой продолжался с южной и северной батарей, а также с пяти кораблей. В начале на штурм наружных укреплений Корфу пошли албанцы, но осажденные отбили его. Тогда в атаку поднялись русско-турецкие войска и вытеснили французов, заставив их укрыться в главной крепости.

Взятие Видо, укреплений Св. Авраама и Сальвадора решило участь остальных крепостей Корфу. Командующий французским гарнизоном генерал Шабо, потеряв около 1 000 человек и видя бесполезность дальнейшего сопротивления, направил Ушакову послание:

«Господин адмирал!

Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат в борьбе за обладание Корфу. Вследствие этого мы предлагаем Вам перемирие на срок, который Вы найдете нужным для установления условий сдачи этой крепости»⁵²¹.

Послание Шабо было доставлено на флагманский российский корабль шлюпкой под французским и российским флагами. Адьютант французского генерала с двумя офицерами передал его Ушакову. Сразу же после этого Федор Федорович отдал приказ о прекращении огня на 24 часа и отправил к Шабо своего адъютанта лейтенанта П. И. Балабина (впоследствии генерал-майор, командир 1-го округа жандармов) с условиями капитуляции. В результате 20 февраля «на российском адмиральском корабле «Св. Павел» акт о капитуляции крепости Корфу был подписан. Под документом свои подписи поставили: с французской

стороны – Грувель, Дюфур, Карез, Вирт, а со стороны союзников – вице-адмирал Ушаков и Кадыр-бей. «Вышеподписанная капитуляция ратифицирована и принята именем французского правления нижеподписавшимися: Генеральный комиссар Исполнительной Директории Французской республики Дюбуа и дивизионный генерал Шабо. Печати приложены: Кадыр-бея, вице-адмирала Ушакова, Дюбуа и Шабо»⁵²².

Согласно условиям капитуляции, французы, сдав крепость Корфу, вместе со всеми бывшими при ней кораблями, магазинами, арсеналами и прочими припасами, обязались под честное слово не служить против России и ее союзников в течение 18 месяцев⁵²³. В полдень 22 февраля французские войска в количестве 2 931 человека вышли из крепости и, сложив оружие и знамена перед строем русско-турецких войск, стали готовиться для отправки в Тулон⁵²⁴. Это, однако, не коснулось 100 пленных евреев, вместе с французами защищавших Корфу. Они были отправлены турками в Константинополь⁵²⁵. Потери со стороны русско-турецких войск были незначительны.

Лейтенант М. И. Ратманов (в последствии вице-адмирал) привез на флагманский корабль и передал командующему французское знамя и ключи от крепости, куда вошли только русские моряки.

В крепости победителям досталось: 105 мортир, 21 гаубица, 503 пушки, 4 105 ружей, 1 224 бомбы, 105 884 ядер, 620 книппелей, 572 420 ружейных патронов, 2 574 пудов пороха. В порту Корфу были взяты линейный корабль «Леандр», фрегат «Брюне», полака, бомбардирское судно, две галеры, четыре полугалеры и три купеческих судна⁵²⁶.

Праздник по случаю взятия Корфу был назначен на 27 марта. С раннего утра все русские моряки от матроса до командующего были одеты в парадные («полные цветные») мундиры. При подъеме флагов на кораблях был также поднят императорский штандарт и адмиральский флаг на главной крепости и церкви Св. Спиридона. В 9 часов утра на флагманский корабль прибыли все офицеры русской эскадры, откуда через четверть часа вице-адмирал Ушаков и контр-адмирал Пустошкин каждый под своим флагом на катерах направились в город для принесения благодарственного молебна по случаю победы. При этом служители, расставленные по рядам на кораблях эскадры, приветствовали своих адмиралов пятикратным «Ура», на что получали троекратный ответ матросов с катера командующего.

На берегу русского адмирала встречал весь город. И как только он сошел с катера, на главной площади крепости прогремел салют из 51 орудия. Следом за командующим на берег съехали и все командиры кораблей, а на «Св. Павле» был поднят молитвенный флаг.

Торжественное богослужение проходило в церкви святителя Спиридона Тримифунского и представляло собой грандиозное действо по единению православных народов России и восстающей из многовекового порабощения Греции. По окончании божественной литургии с крепости и кораблей эскадры был произведен салют 31 выстрелом, сопровождавшийся радостными криками и восклицаниями, как на кораблях, так и на берегу. После чего состоялся крестный ход вокруг города с выносом мощей угодника Божия Спиридона, который сопровождался отданием воинских почестей со стороны русского батальона морских солдат и кораблей эскадры.

Это был день великого торжества адмирала Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли, поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был день торжества русского духа.

Производя краткий разбор действиям соединенной эскадры по штурму крепости, следует сказать, что основным залогом успеха явился правильный выбор направления главного удара на остров Видо, падение которого резко снизило моральный дух защитников крепости Корфу. Обстрел Корфу с суши начался одновременно с атакой Видо со стороны моря. Важную роль в развитие успеха сыграла высадка десанта и тесное его взаимодействие и артиллерией кораблей поддержки. Следует также отметить хорошее знание и точный учет адмиралом Ушаковым боевых качеств союзников, корабли которых при атаке острова Видо он разместил во второй линии и в промежутках между береговыми батареями, а в первой линии поставил лучшие российские корабли и фрегаты.

Штурм Корфу явил собой образец до конца продуманной и логически завершенной военно-морской операции. И, конечно же, эта грандиозная победа не могла бы стать реальностью без той самоотверженности, с которой русские моряки блокировали и штурмовали бастионы Корфу. Несмотря на все тяготы и лишения, наши воины выстояли и победили.

Великий русский полководец Суворов, узнав о победе при Корфу, воскликнул: «Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: «Природа произвела Россию только одну; она соперницы не имеет!» – то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю сам себе: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»⁵²⁷.

Поздравил Ушакова и Нельсон: «С усердием поздравляю Ваше превосходительство с победою Корфы. Уверяю вас, что слава оружия верного союзника столь же для меня лестна, как и слава моего государя»⁵²⁸.

Весть о взятии Корфу долетела до Константинополя 5 марта. Радостное известие с ключами от крепости и другими трофеями доставил в столицу реал-бей Феттах. В тот же час эта весть разнеслась по городу, «произведя всеобщую радость с похвалами вице-адмиралу Ушакову»⁵²⁹.

При этом Феттах-бей не переставал повсюду хвалить русских солдат и матросов за их дисциплину и храбрость, «присовокупляя, что чрез обращение с оными турецких матрозов и они довольно навыкли к послушанию».

Через два дня в доме реиз-эфенди состоялась конференция с участием российского посланника. После обыкновенных приветствий реиз-эфенди с радостью сообщил российскому посланнику, что «приятная весть о сдаче крепостей Корфу и взятие приступом важных постов Видо и Сальвадора и великие услуги в том вице-адмиралом Ушаковым оказанные, произвели всеобщее удовольствие и к нему почтение».

Затем Атыф-Ахмет развернул свиток с посланием султана и передал его переводчику. В нем говорилось: «Ревность и услуга, Российским Адмиралом Ушаковым обще с определенными начальниками моими при завоевании бывших Венецианских островов и особливо крепости Корфу оказанные, есть пред нами весьма благоугодно. Господь да благословит Его щастием! Таковое удовольствие мое Р. Ефенди должен изъяснить Г. Посланнику с тем, чтобы он особенно донес о том Всероссийскому Императору. Всевышний союзных держав оружие да благословит всегда победами над врагами их».

Чтобы ознаменовать пред публикою услуги, оказанные вице-адмиралом Ушаковым, султан прислал для него бриллиантовый челенг, соболью шубу и 1 000 червонцев на мелкие расходы, а для команды – 3 500 червонцев⁵³⁰.

Василий Степанович Томара, изъявляя удовольствие за столь лестную оценку заслуг вице-адмирала Ушакова, вручил реиз-эфенди письмо Ушакова к верховному визирю, в котором Федор Федорович отмечал усердие в службе Кадыр-бея и расторопность патрон-бея.

Поблагодарив российского посланника, реиз-эфенди продолжил «приписывать великие похвалы» Ушакову за его предприимчивость и знания. При этом он попросил Томару прислать через русского адмирала план всех укреплений острова Корфу, «потому что многие знающие оные почитали взятие острова Видо делом многотрудным, а Сальвадора – невозможным. После чего Измет-бей пересказывал разные неудачные предприятия со стороны Оттоманской Империи на овладение крепостями острова Корфу, что после того были оные еще укреплены венецианцами, а потом более французами, и что взятию оных не поверят сначала в Европе».

В ответ Томара не без удовольствия отметил:

– Есть многие уважения, которые должны учинить нам весьма приятным сие приобретение. Во-первых, это малость средств, употребленных на оное, ибо тут оказывается, что одно из сильнейших укреплений в Европе взято силою без армии, без осадной артиллерии, без отрытия траншей и, словом, без всего того, что почитается необходимым в атаке крепостей, даже самых посредственных. А с другой стороны, в десятилетнюю войну сие есть первое завоевание области, составляющей часть республики единой и нераздельной. Сие на деле доказывает, что где есть прямая воинская храбрость и единомыслие, там французов побеждать не только не трудно, но и легко⁵³¹.

В знак благодарности русскому адмиралу верховный визирь по повелению султана направил фирман с похвалой, который был публично зачитан в турецкой эскадре. И даже битый Ушаковым капудан-паша Кючук-Гуссейн 9 марта прибывший в Константинополь, всячески «выхвалял» его подвиги и говорил о том, что если бы он был на месте Кадыр-бея, то «подал бы пример послушания к командующему российской эскадрой»⁵³².

Поздравил Ушакова и сам российский посланник. 17 марта он писал: «Примите, милостивый государь мой, всеискреннейшее мое поздравление, изъявляемое Вам с чувствами подданного единого с Вами Государя и сына единого же Отечества. Одержанная Вами победа утвердит упование всей благомыслящей Европы, что оружие наше превозможет и силы, и козни извергов, устремившихся на порабощение рода человеческого. И в самом деле завоевание островов Егейских, довершенное Вами без армии, без артиллерии и, что больше, без хлеба представляет не только знаменитый воинский подвиг, но и первое в столь долговременную войну отторжение целого члена Республики, наименовавшейся единою и нераздельною...»⁵³³. А в донесении канцлеру А. А. Безбородко от 1 апреля Василий Степанович отметил: «Вице-адмирал Ушаков не ушел обыкновенной участи по делам греческим. И турки, и иностранцы, присутствующие при взятии крепостей и знающие малость средств и недостатки соединенной эскадры, превозносят его вице-адмирала похвалами и храбрость войск наши ставят главным упором надеяния в сей войне»⁵³⁴.

О знаменитой победе написал он и российскому посланнику в Вене А. К. Разумовскому, замечая при этом, что «важность сего приобретения и образ, коим оное последовало, усугубляет удовольствие всякого сына Отечества»⁵³⁵.

Иного мнения о деяниях Ушакова был российский вице-консул на острове Занте Демиан Загурийский. В донесениях Павлу I он обвинял Федора Федоровича в том, что «800 французов положили 17 человек русских», а также в бегстве с Корфу французского линейного корабля⁵³⁶.

«Масла в огонь» подливали и некоторые турецкие военачальники, тот же Али-паша, известный своею лютостью, и другие, разгневанные строгими мерами русского адмирала, решительно пресекавшего жестокости и безобразия турок, доходивших до кощунств, когда это необузданное войско «грабило церкви, разоряло иконостасы». Они обвиняли его перед русским посланником в Константинополе В. С. Томарой в том, что адмирал-де неправильно распределяет между союзными эскадрами призовые деньги, к тому же присваивая их себе. Честный и нестяжательный Федор Федорович должен был объясняться и с душевной скорбью писать посланнику: «Я не интересовался нигде ни одной полушкой и не имею надобности. Всемилостивейший Государь мой Император и Его Султанское Величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды, и еще уделяю бедным, и для привлечения разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Я не имею этой низости, как злословит меня капудан-паша...» И в другом письме: «Все сокровища в свете меня не обольстят, и я ничего не желаю и ничего не ищу от моего малолетства; верен Государю и Отечеству, и один рубль, от Монаршей руки полученный, почитаю превосходнейше всякой драгоценности, неправильно нажитой»⁵³⁷.

Сам же Павел I не придавал большого значения взятию Корфу. Не имея еще донесений о капитуляции крепости, в рескрипте на имя Ф. Ф. Ушакова от 14 марта он писал: «По усилении французских войск в Италии, по занятию неаполитанских владений, настает опасность, чтобы сии изверги и враги всякой власти и порядка не предприняли покушения на Сицилию; и так как сей важной по хлебородию остров и последнее убежище Короля Неаполитанского не достался бы им в добычу; **вы же, занимаясь атакою Корфу, остаетесь почти в бездействии; по чему и предложите начальствующим турецкого ополчения, что для общей пользы считается гораздо лучшим, буде Корфу еще долго в оборонительном состоянии остаться может, то обратить осаду в блокаду и, ежели остров уже покорен, а только цитадель остается у французов, в таком случае перевести из Албании достаточное число войск на остров для продолжения атаки; флот же весь сделать свободным и, имея на оном достаточное число войск, озаботить французов на берегах Италии, дабы они по всем оным были в тревоге, опасаясь десантов; так же нужно распространить плавание к заливам Морфедонскому, Таренскому, к проливу Мессинскому, а может быть и к самому Неаполю; то есть смотря по надобности и обстоятельствам, разведывать о покушениях французских, не собираются ли где у них на берегах Италии, прилежащих к Адриатическому морю, войска и судов, дабы сделать переправу на турецкие берега и императорско-венецианские острова. Буде о сем достоверное получите сведение, в таком случае должно будет сделать флотом преграду и воспрепятствовать оному. Словом, весь флот должно теперь иметь в движении и действии, не занимаясь одним только маловажным пунктом – атакою Корфу** (выделено мной. – *Авт.*). Надеюсь Мы на вашу расторопность и деятельность, что вы не пропустите ничего во всем оном, что требуется от благоразумия и храбрости, равно беспрестанным встревожением французов по берегам Италии; а может быть и самым подкреплением тех добромыслящих неаполитанцев, кои еще привержены Богу и своему Государю, потребуют вашей помощи, сделайте общему Нашему с Турецкою Империею делу важную пользу, нанеся вред неприятелю. Можно уговорить турок, чтобы африканские владения послали более корсаров в Адриатическое море, дабы пресечь французам всякое морем сообщение и перевозки. Впрочем, пребываем всегда вам благосклонны»⁵³⁸.

Поэтому отчасти становится понятным, почему император за столь знатную победу ограничился лишь изданием небольшого указа Адмиралтейств-коллегии от 25 марта о пожаловании Ф. Ф. Ушакова чином адмирала. 14 мая указ был оглашен на эскадре с поднятием на грот-брам-стеннге адмиральского флага и семикратным орудийным салютом.

Интересно при этом заметить, что в том же году без всяких героических подвигов и других видимых заслуг в адмиралы был произведен и Марко Иванович Войнович. А за два года перед этим адмиралом стал Николай Семенович Мордвинов, имевший на море менее

кампаний, чем любой обер-офицер эскадры Ушакова. Но кто сейчас помнит войновичей и подобных ему?!

После блистательной победы Федор Федорович с горечью писал: «Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду»⁵³⁹. Каждый из них был героем, и никто не был забыт своим командующим.

Среди отличившихся был и родной племянник адмирала – адъютант командира флагманского корабля эскадры Иван Ушаков, который во время сражения должность свою исполнял «с ревностью и усердием исправно; рекомендован с похвалою»⁵⁴⁰.

Воспитывая Ивана с 1791 года, Федор Федорович надеялся сделать из него настоящего моряка и не жалел для этого сил. Через месяц после штурма Корфу (20 марта), намереваясь продолжить обучение племянника в Морском корпусе, он написал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Г. Г. Кушелеву письмо: «Племянник мой, брата моего родного (Ивана Федоровича. – Авт.) сын, Иван Ушаков, был содержан всегда при мне, коштом моим обучен и окончил все навигацкие науки, к мореплаванию принадлежащие; пять кампаний сряду был со мною в море при эскадре, на моем корабле волонтером... Прошу покорнейше ваше превосходительство не оставить вашим покровительством и милостью, так как он не определен еще в службу. Намерение мое было, обуча, записать его в Морской кадетский корпус в гардемарины, дабы с прочими после мог быть экзаменован; теперь же представляю на вашу волю и благорассмотрение и буду доволен, только бы он был определен в службу как угодно, а я буду стараться об окончании им других»⁵⁴¹. Оставаясь при эскадре, Иван был отэкзаменован 2 августа и произведен в мичманы и далее под зорким оком дяди-адмирала прошел всю Средиземноморскую кампанию.

В результате взятия Корфу в руках коалиции оказался важнейший стратегический пункт на Средиземном море. Это событие имело большой политический резонанс, значительно укрепившее уверенность стран антифранцузской коалиции в общем успехе. Кроме того, победой при Корфу Федор Федорович Ушаков вписал еще одну яркую страницу в боевую летопись отечественного флота и внес существенный вклад в развитие военно-морского искусства.

2. ИОНИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

После освобождения Ионических островов перед адмиралом Ушаковым были поставлены пять важнейших задач:

1. создание в островах Ионического архипелага так называемого нового правления;
2. блокада порта Анкона на западном побережье Адриатического моря;
3. «очищение» Адриатического моря от корсаров;
4. освобождение Неаполитанского Королевства;
5. учреждение крейсерства отряда кораблей совместно с английской эскадрой от острова Кандия до Египта⁵⁴².

Наиболее сложным и необычным для адмирала явилось дело политического устройства Ионических островов. По этому поводу Павел I в своем рескрипте российскому посланнику в Константинополе от 27 апреля писал: «Нам ощутительно, что министерству турецкому, столь мало сведущему, трудно или, прямо говоря, невозможно самому установить ничего порядочного, и для того считаем, что всего лучше было бы, как вы о том писали к адмиралу Ушакову, **чтоб он окружился сведениями людей благонамеренных и просвещенных, в немалом числе на островах тех существующих, и учредил в них правление, не отлагая времени, когда флот Наш еще всякую меру подкрепить может. Само по себе разумеется, что таковое правление Нами предварительно одобрено** (выделено мной. – Авт.) и Порте и островам обнадежено быть имеет»⁵⁴³.

Вопрос о статусе и образе правления бывших Венецианских островов встал в самом начале Средиземноморской кампании. Еще в ноябре 1798 года решено было, что после подписания союзного оборонительного договора стороны с согласия российского императора приступят к «предучреждению состояния присвоенных французами областей Венецких». Тогда же Порта представила три варианта для обсуждения:

1. уступить их, за исключением небольшой части, второстепенной державе, имея в виду Неаполитанское Королевство;
2. учредить на них республику, наподобие Рагузской, основывая это на «непостоянном характере тамошних обывателей»;
3. установить там княжество, наподобие Воложского или Молдавского, зависящего от Порты⁵⁴⁴.

Для России наиболее приемлемым был второй вариант, что и было отмечено Павлом I в его рескрипте В. С. Томаре от 16 декабря 1798 года.

Говоря о новом образе правления на Ионических островах, В. С. Томара в своем письме еще от 17 марта рекомендовал Ф. Ф. Ушакову, чтобы под его руководством «обыватели островов положили начало действия к образованию себя в правление, сходное воле Всемилостивейшего Государя Императора, в республику наподобие Рагузской и с таковою же политической зависимостью от Порты»⁵⁴⁵.

Таким образом, Федор Федорович Ушаков, как верный слуга царю и Отечеству, на основании имеемых предписаний приступил к учреждению на Ионических островах нового правления.

Собрали на Корфу депутатов от всех островов, среди которых был и Антонио Мария Каподистрия – отец будущего министра иностранных дел России и первого президента независимой Греции Ивана Каподистрия. 27 марта был отслужен торжественный молебен по случаю Святой Пасхи. По предложению русского адмирала состоялся вынос мощей Угодника Божия Спиридона Тримифунтского. «Народ собрался со всех деревень и с ближних островов. – писал Метакса. – При выносе из церкви святых мощей расставлены были по обеим сторонам пути, по которому пошла процессия, русские войска; гробницу поддерживали сам адмирал, его офицеры и первые чиновные архонты острова; святые мощи обнесены были вокруг крепостных строений, и в это время отовсюду производилась ружейная и пушечная пальба... Всю ночь народ ликовал».

Воздав благодарение Господу, вместе с депутатами Ушаков сел за составление Временного плана об учреждении правления (Конституции) создаваемой Республики. После долгих и жарких споров о правах представителей 1-го и 2-го классов, 18 мая, План был составлен, подписан самим адмиралом и позднее отправлен с депутатами на высочайшее утверждение Павла I и Селима III⁵⁴⁶.

В сопроводительном письме Томаре от 14 июня Ушаков писал: «Они (депутаты. – Авт.) и все общество всех островов одно только щастие почитают, ежели не лишатся протекций России, а нижней весь народ слышать не хотят иного ничего, как только желают быть в совершенном подданстве России. Небезызвестно мне, что этого быть не может и что Государь Император не пожелает и не предпримет, дабы Порта не почувствовала, а пожелает всегда сохранить дружбу, но народ здешних островов и по сие время в уповании том же, а чтобы отделить их от общей протекции ничто их не может, как видно, дойдут до всякого бешенства, теперь они только и дышат тою надеждою, что протекции России не лишатся, это только мнение оживляет их надежду»⁵⁴⁷.

Несомненно, при составлении Временного плана огромную роль сыграл авторитет русского адмирала. По этому поводу он писал: «... я всякое данное мною слово стараюсь сдержать верным, чрез что и имеют ко мне все наилучшую склонность и веру, это мне много помогает в моих деятельности». При этом Ушаков проявил себя тонким политиком и умелым дипломатом. «Люди всех сословий и наций, – обращался он к жителям островов, – чтите властное предназначение человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух вендетты, да воцарится мир, добрый порядок и общее согласие!..» В результате была создана

одна из самых демократических конституций того времени. В. С. Томара в своем письме к российскому посланнику в Неаполе А. Я. Италинскому писал: «Кажется, что более сего искать нам нечего, тем паче что в одной из статей предоставили себе жители делать новые учреждения»⁵⁴⁸.

В соответствии с конституцией для управления республикой был образован Большой совет, или Греческий сенат, куда входили депутаты, выбранные по равному числу от каждого сословия (исключая простолюдинов). Председателем решено было избрать одного из старейших и знатных жителей островов, на которого возлагалось решение всех политических, военных и хозяйственных вопросов. Выбор по рекомендации Ушакова пал на графа Анжело Орио. Федор Федорович Ушаков писал о нем: «Он человек весьма честной и достойной, со многими сведениями. Во время Венецианской республики служил на флоте бригадиром и управлял эскадрой, был несколько времени в Венеции в Сенате и знающ во всех обстоятельствах. Я признал такова человека весьма надобным здесь для Сената и больше всех ему доверил, нижней народ весь к нему привязан, его желают иметь своим начальником»⁵⁴⁹. Вице-президентом стал Георгий Теотоки.

Кроме того, на каждом острове учреждались Главный совет, магистрат, казначейство и суд. Сенату были даны полномочия издавать законы и постановления, а их окончательное утверждение зависело от большинства голосов в Главных советах на островах. Таким образом, под протекторатом Турции и при покровительстве России, по существу, создавалось национальное греческое государство, и весомую роль в этом играл русский адмирал Ушаков.

В рескрипте Павла I к В. С. Томаре от 15 июля 1799 года говорилось: «Из рапортов адмирала Ушакова и донесений ваших уведомилися Мы о распоряжениях, учиненных на островах бывших Венецианских, касательно установления на оных правления, новому положению их соответствующих. **Находя меры, упомянутым адмиралом в Корфу принятые и представленные вами Порте согласующимися с предположениями Нашими, Мы оные одобряем** (выделено мной. – Авт.)»⁵⁵⁰.

3. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

После учреждения нового правления на Ионических островах настало время для решения задач по освобождению Южной Италии и блокаде Анконы. Ф. Ф. Ушаков уже неоднократно получал слезные письма о помощи от короля Обеих Сицилий Фердинанда IV, который под влиянием побед Нельсона в конце 1798 года опрометчиво двинул свои войска

на Рим и, потерпев сокрушительное поражение, вынужден был покинуть Неаполь и спастись на Сицилии.

Предыстория же событий, разворачивающихся на юге Италии, была следующей.

В 1797 году в областях Северной Италии, попавших под власть французов, были созданы две новые республики цизальпийская и лигурийская с навязанным их населению государственным устройством, при котором всячески поощрялись народные движения, направленные на низвержение монархической аристократии. Особняком оставались так называемая папская область и Королевство Обеих Сицилий. Но вскоре французы добрались и до них.

В конце 1797 года в римских владениях начались выступления местных республиканцев против папского владычества. После того, как последовало их активное преследование, восставшие прибегли под защиту французского посольства. Стоявший в то время во главе посольства Жозеф Бонапарт пытался их спасти, но папские войска, не обращая никакого внимания на его протесты, в пылу погони, на его же глазах, убили французского генерала Дюфо и обстреляли само французское посольство⁵⁵¹.

Инцидент имел печальные последствия для папы римского. Восприняв убийство своего генерала как покушение на дипломатического представителя, Наполеон Бонапарт потребовал у Директории беспощадного возмездия. Директория, со своей стороны, не стала препятствовать этому стремлению своего «итальянского героя», ибо, во-первых, «положила глаз» на папские сокровища, а, во-вторых, давно мечтала изгнать из Рима «старого католического идола»⁵⁵².

В начале февраля 1798 года состоялось вторжение французских войск под командованием генерала Бертье в Римскую область, которой он, при поддержке народа, овладел без всякого сопротивления.

Папа римский Пий VI был арестован и отправлен в Пизу. Римляне, ликуя на улицах, стали сбивать с ворот и зданий папские гербы и прилюдно жечь их на улицах, воздавая при этом невиданные в этих краях почести французскому генералу, который, чувствуя себя победителем, начал устанавливать новую власть по уже отработанному сценарию.

Как и в других областях, все началось с того, что на Рим было наложено 6 млн. скудов контрибуции, а имущество папы, российских, английских и португальских подданных было объявлено собственностью Французской республики. После этого город был отдан на откуп французским войскам, у которых, по выражению очевидца, «открылась превеликая страсть к грабительству»⁵⁵³. Российский посланник в Генуе А. Г. Лизакевич сообщал: «Грабежи

продолжаются... и самые богатые дома уже разграблены. Продолжается выезд из Рима людей, что делает его пустынным и безлюдным»⁵⁵⁴.

Чтобы как то объяснить и оправдать свои действия, республиканские власти обнародовали манифест, которым, как сообщал Лизакевич, «прилежат истребить в народе обольщение и суеверие, влияние в него от иступленных священников, которые приводят простодушных людей в заблуждение выдуманскими чудотворениями образов и поощряют их к обобранию в церквах золота, серебра и других вещей»⁵⁵⁵.

Происходящие в Римской области события не могли не волновать короля Обеих Сицилий Фердинанда IV. Однако ни у Директории, ни у генерала Моро, принявшего командование над французскими войсками в Италии, во второй половине 1798 года никаких планов относительно военной кампании против Неаполитанского королевства не было, так как значительные силы и средства были направлены на египетскую экспедицию Бонапарта.

Фердинанд IV, не дожидаясь вступления в войну Австрии, решил первым напасть на французов в Римской области, и освободить Святой престол. В связи с этим, в начале сентября он обнародовал насыщенный пафосным тоном манифест, которым объявил своим подданным, «что они природный долг на себе имеют защищать вооруженною рукою веру, престол, живот свой и имущество, что каждый из них, вступив на 17-й год возраста своего и по окончании 45-го года, должен считать себя действительным солдатом... что сам Его Величество, яко верховный предводитель армии своей и принцы – дети Его, занимают место в знаменитом списке государственного воинства и готовы первых себя принести в жертву за честь закона христианского, за безопасность монархии, за спасение отечества, за общее благополучие»⁵⁵⁶.

Ободренный поддержкой ставшего знаменитым адмирала Нельсона, 11 (22) сентября прибывшего в столицу после блестящей победы в устье Нила, Фердинанд стал вести себя по отношению к французам, мягко говоря, неразумно. В конце сентября в Казерте, Фердинанд в сопровождении военного министра генерала Джона Эдуарда Актона произвел смотр своим войскам, а заодно дал возможность взглянуть на них контр-адмиралу Нельсону, английскому посланнику лорду Вильяму Гамильтону и австрийскому генералу Карлу Макку, которого он пригласил для командования своей армией, в связи с чем вскоре произвел его в чин неаполитанского фельдмаршала и пожаловал 60 тысяч флоринов на экипаж⁵⁵⁷.

Возглавив все это воинство, Макк, «не оказывая никакого сомнения в том, что великое его имя в воинской науке не претерпит ни малейшего ущерба», под предводительством самого короля двинул его в Папскую область⁵⁵⁸.

В тот же день неаполитанские войска, состоявшие из 35 тысяч человек пехоты и четырех тысяч конницы, вышли в поход. Вскоре они пересекли границу Римской области и вступили в сражения с семитысячным корпусом французского генерала Шампиньоне. С моря действия сухопутных войск прикрывала эскадра контр-адмирала Нельсона с пятитысячным десантным войском, находящимся на борту его кораблей (семь линейных кораблей и два фрегата), взявших курс на Ливорно, чтобы отсечь там путь французам к отступлению⁵⁵⁹.

Начиная кампанию против французов, Фердинанд IV, хотя и возлагал большие надежды на свое войско и британскую эскадру, но все же направил письмо и российскому императору с просьбой об оказании помощи в борьбе с супостатом. Неаполитанский посланник в Петербурге джук Серра Каприолли не замедлил передать его по назначению. Павел I тоже не заставил себя долго ждать. Уже 16 (27) декабря он подписал указ о направлении в Италию 10-тысячного корпуса войск под командованием генерал-лейтенанта И. И. Германа, а также об отправке на Мальту трех батальонов пехоты и 300 артиллеристов под командованием генерал-майора Д. М. Волконского⁵⁶⁰. А 18 (29) декабря 1798 года между Россией и Королевством Обеих Сицилий был заключен союзный оборонительный договор⁵⁶¹.

В ходе начавшихся боевых столкновений французы сначала терпели неудачи, и 14 (25) ноября оставили Рим, в который 18 (29) ноября «при неопишуемой радости жителей» вошли неаполитанские войска⁵⁶². Однако в декабре обстановка на театре военных действий кардинально изменилась. Французские войска, перегруппировавшись, нанесли неаполитанцам ряд ощутимых ударов, уменьшив их войско, «оказавшее знаки великой робости и несклонности к бою», на 30 тысяч человек (вся неаполитанская армия, к тому времени составляла 50 тысяч человек) и обратив остатки «в постыдное бегство».

Российский посланник в Неаполе В. В. Мусин-Пушкин-Брюс в своей реляции Павлу I от 26 декабря так описывал причины происходящего: «Несчастливые приключения в армии Его Неаполитанского Величества принудили фельдмаршала Макка оставить план действий, который он себе предписал, не имея достаточных сведений ни о способностях подчиненных ему генералов, штаб- и обер-офицеров, ни о честности и расторопности особ, на которых возложена должность снабжать армию. Большая часть тех, которым он должен был поручать исполнение каких-либо предприятий военных, оказались совершенно незнающими первых правил звания своего; офицеры, исключая немногих, первые во всяком случае оставили посты свои, не мысля ни о чем другом, как о спасении жизни своей»⁵⁶³.

В результате Фердинанд IV вынужден был оставить Римские области и вернуться в Неаполь. Но и там он пробыл недолго. В городе начались бунты. Нельсон, предвидя трагическое развитие событий в столице, приказал командиру своего корабля, а также капитанам трех португальских кораблей приготовиться к выходу в море.

Вместе с генералом Макком, находящимся «в самом отчаянном состоянии ума», он старался уговорить Фердинанда покинуть город. Тот же пытался речами с дворцового балкона вразумить своих необузданных подданных и привести их к послушанию. Но не тут-то было. Народ все больше и больше возбуждался, видя причиной своих бед происки англичан и эмигрантов, которых они «почитали якобинцами». Дело дошло до смертоубийства. Схватив в порту одного из французских выходцев, «чернь» зверски его убила и, привязав за ногу, «тащила по грязи ко дворцу, показывая Его Неаполитанскому Величеству». Король пришел в «величайшее негодование» и повелел немедленно разогнать народ⁵⁶⁴.

«По примеченному худому расположению в части подданных» неаполитанский монарх решил покинуть столицу. В ночь на 10 (21) декабря Нельсону удалось незаметно проникнуть во дворец и также незаметно вывести оттуда Его Сицилийское Величество вместе с семьей. При порывистом ветре и сильном волнении моря, на шлюпке они перебрались на корабль английского адмирала. В это же время на внешнем рейде залива стояли три неаполитанских линейных корабля и три фрегата. Однако с двух линейных кораблей разбежались матросы, поэтому Нельсону пришлось послать туда часть своей команды.

Также незаметно англичанам удалось перевести на «Вэнгард» и все сокровища королевской семьи общей стоимостью 2 млн. 500 тыс. фунтов стерлингов, которые никто ранее не решался грузить ни на один корабль. Через два дня к флагманскому британскому кораблю собралось множество шлюпок с дворянами и «низшего состояния людьми», умоляющими короля не покидать их. Но, не взирая на мольбу верноподданных, в 7 часов вечера 12 (23) декабря Фердинанд отбыл в Палермо⁵⁶⁵.

К несчастью «мореплавателей» на переходе начался сильный шторм, которого, по словам Нельсона, он не видел в течение всей своей морской службы. «Вэнгард» с включенными парусами дважды был на грани гибели. Этим, однако, не закончились несчастья венценосных беглецов: в море, пораженный страхом окружающих, «занемог конвульсиями» и скончался прямо на руках у леди Гамильтон пятилетний принц Альберт⁵⁶⁶. Так к горечи непредвиденного поражения прибавилось скорбь утраты наследника.

Говоря о причинах поражения неаполитанцев и перспективах развития событий, В. С. Томара доносил в Петербург: «Победою лорда Нельсона возмечтали король и министры неаполитанские и предприняли прежде времени... вступить в области церковные. Сей безрассудный поступок может причинить великие нещастия и пагубу всея Италии»⁵⁶⁷.

Более откровенно о произошедшем высказался российский поверенный в делах военного ведомства при неаполитанском дворе А. Я. Италинский: «Нещастия неаполитанской армии произошли от множества обстоятельств. Вследствие долговременного мира Его Неаполитанское Величество не имел ни генералов, ни полковников, ни офицеров, знающих военное искусство. **Воспитание дворянства и зажиточных людей столь общим сделано великий разврат и пороки, что никто почти из служащих в высших и низших чинах не знает и не чувствует долгу, лежащего на нем, относительно до веры, подданической к государю своему любви, чести и совести. Военного звания люди многие были изменники, большая часть трусы и подлецы, духовные, то есть капиланы, враги веры и желающие видеть ее упадшею каким бы то ни было происшествием, подрядчики воры, Макк метафизик, а не практический генерал** (выделено мной. – Авт.). Все сие такое действие имело, что армия дурно была предводительствуема в рассуждении главных предводителей и мелких начальников, что они были без обуви, без одеяния, без хлеба, без артиллерии. Таким образом семь тысяч французов победили около 50 тысяч неаполитанцев»⁵⁶⁸.

В этой обстановке 10 (21) января 1799 года между неаполитанским двором и Блистательной Портой была заключена конвенция о совместных действиях против Франции⁵⁶⁹. Однако турки не собирались воевать за Италию и это не спасло положения. Через пять дней после подписания договора Неаполь был занят французами.

Еще 6 (17) января местная знать, духовенство и многие мещане убедили население обезоружить гарнизон и неаполитанские войска отступившие в город. Избрав себе в предводители принца Молитерно, они завладели всеми замками Неаполя и вступили в переговоры командующим французскими войсками генералом Жаном Этьеном Шампиньоне о сдаче города. Однако народ, узнав причину переговоров, пришел в негодование. В порыве гнева неапольцы схватили одного из соратников принца Молитерно – дюка ла-Торре вместе с братом и сыном и тут же их убили, а затем изрубили и сожгли их тела. В ответ восставшие обратились к Шампиньоне с просьбой о помощи, который двинул на город 3 тысячи человек своих войск. «Народ, видя себя без предводителя и без всякой надежды устоять долго против внутренних и наружных злодеев, прекратил подвиг свой и решился с преклонною головою ожидать ига, которое возложено на него будет»⁵⁷⁰.

В этих условиях фельдмаршал Макк оставил армию и с паспортом, полученным от французского генерала Шампиньоне, отъехал в Австрию. Но не успел ото доехать до Болоньи, как был вновь арестован французами и отправлен во Францию как военнопленный. В ужасе Фердинанд IV стал писать письма в Петербург и к вице-адмиралу Ушакову с мольбами о помощи.

Не рассчитывая на слабовольного неаполитанского монарха, решил прибегнуть к русскому адмиралу и лорд Нельсон, нарядив на Корфу фрегат. «Его Сицилийское Величество, – писал он Ушакову, – посылал письма и доверенную особу (министра Мишуру. – Авт.), дабы говорить лично с Вашим Превосходительством о нынешнем состоянии дел в этой стране, с просьбой направить часть Вашего флота к Мессине для оказания помощи этому королевству, чтобы предотвратить переход его в руки французов... Я буду просить Вас только об одной очень большой услуге, которую Вы можете оказать общему делу, в частности Его Сицилийскому Величеству, а именно послать столько кораблей и войск, сколько будет возможно»⁵⁷¹.

В это время Ушаков готовился к штурму Корфу, для которого и без того не хватало ни сил, ни средств. Но и после капитуляции Ионической цитадели на отправку эскадры в Мессину он не имел высочайших повелений. Федор Федорович знал лишь о намерениях императора помочь Неаполитанскому Королевству и о его рескрипте от 16 декабря 1798 года из доставляемых писем от российского посланника в Константинополе.

Сам же Василий Степанович Томара в этой ситуации, на основании подписанного между Турцией и Королевством Обеих Сицилий союзного договора, пытался убедить Порту в необходимости послать туда и турецкую эскадру. Турки же, в отличие от русских, не хотели помогать неаполитанцам безвозмездно. В беседе, состоявшейся между двумя министрами в начале марта, реиз-эфенди сказал, что как со стороны Венецких островов «теперь забота миновала, то должно бы взять во уважение худые обстоятельства Неаполитанского королевства», и послать туда эскадру Ушакова.

– На одного адмирала ложится множество задач, – ответил Василий Степанович, – но вы правы, важнейшим делом сейчас является удовлетворение требований короля Обеих Сицилий. Вице-адмирал Ушаков на деле доказал искусство свое, а потому можно на него положиться, тем паче, что все сии предметы ему лучше нашего известны. Но должно присоединить к нему и турецкую эскадру и снабдить их изобильно всеми припасами, а также усилить корпусом надежных албанцев, чтобы дать время российским войскам дойти до Италии.

Он сообщил также о намерении генерала Германа соединиться с корпусом российских войск, находящихся в Австрии, и о том, что эти войска назначены в Италию. Вместе с тем Томара предложил реиз-эфенди послать на освобождение Италии корпус турецких войск.

Реиз-эфенди хитро заметил, что назначение войск албанских со стороны Порты тем справедливее, что подписан трактат с неаполитанским королем, по силе которого должны дать определенное число войск, которые содержаться за счет державы, помощи требующей.

– Король неаполитанский никакого войска содержать теперь не в состоянии, – попытался вразумить турецкого министра Томара. – Утрата королевства неапольского, превращение целой Италии в образ, угодный французам, может интересовать дружбу государя моего к неаполитанскому королю и благонамерение в его пользу рода человеческого. Но безопасность империи его, нас мало интересует, а для Блистательной Порты превращение Италии в образ французского правления есть крайне опасно. Я думаю, что Порта не желает перенесения театра войны в собственные свои пределы, что, однако, легко может случиться, если дать французам время овладеть частью Неаполитанского Королевства на твердой земле. А по сему, предлагаю министерству взять во уважение речи мои и сообщить мне решение для донесения моему государю⁵⁷².

В конце марта к Ушакову прибыли депутаты от губернатора южных областей Адриатического побережья Италии с известием, что «при берегах между Бриндичами и Марфедонии собравшиеся несколько бунтовщиков соединились с малым числом французов, вооружили малые суда, устрашили жителей и некоторыми местами при берегу овладели». Вместе с тем прибывший в очередной раз неаполитанский министр Антоний Мишуру просил Ушакова от имени своего короля отправить соединенную эскадру к Неаполю. Однако русский адмирал не имел на то высочайших повелений. Но обстановка не требовала отлагательств.

В сложившихся обстоятельствах Ф. Ф. Ушакову пришлось принимать решение самому. Не имея возможности оставить Корфу (на острове находилось еще значительное количество пленных; многие корабли нуждались в ремонте; не был решен вопрос о политическом устройстве на островах), Федор Федорович 30 марта (10 апреля) отправил рапорт на высочайшее имя о принимаемых мерах и 1 (12) апреля отрядил к Бриндизи небольшую эскадру под командованием капитана 2 ранга А. А. Сорокина с повелением истребить французов и бунтовщиков на побережье.

В своих действиях Ф. Ф. Ушаков проявил политическую волю. И та решительность, с которой он приступил к освобождению неаполитанских областей, были замечены в кругах антифранцузской коалиции. А. Я. Италинский писал тогда Томаре: «Приятно, что Федор

Федорович Ушаков, не имея из С.П.-бурга повелений на оба представления к нему Его Неаполитанского Величества о пособии... немедленно отправил отряд к берегам Пулии и Калабрии, чтобы ободрить жителей тамошних и придет в Мессину принять от Его Величества указание, как употребить под начальством его императорскую эскадру в пользу короля неаполитанского»⁵⁷³.

Появление небольшого отряда соединений эскадры в районе Бриндизи привело французский гарнизон в панику. Французы, заклепав пушки, бежали на мелких судах в Барлетту (см. карту Италии). Дальнейшие действия Сорокина были описаны Ф. Ф. Ушаковым в донесении Павлу I от 18 мая.

Федор Федорович сообщал императору: «Посланной от меня флота капитан 2 ранга и кавалер Сорокин с отделенной эскадрой четырех фрегатов, одною шхуною, одним фрегатом неаполитанским, одним турецким корветом и четырьмя турецкими же канонерскими лодками к стороне Италии в Бриндичи и к Марфедонии для освобождения берегов Пулии от французов и для истребления их изо всех мест, при берегах находящихся, и для поиску неприятельских судов...В сходство данного от меня ему предписания по освобождению эскадрой Бриндичей, утвердя всех обывателей оного в верности королю, своему государю, учредя порядок и восстановя спокойствие, послал от меня прокламации... В Манополи, в Баре, Барлетто, Марфедонию и во все прочие города Пулии с уверениями об нашей помощи и о увещевании их к изгнанию французов и о восстановлении верности к законному своему государю, уверяя при том, что поспешные действия союзных императорских войск под предводительством фельдмаршала Суворова ускоряют уже освобождение Италии и с той стороны спешат к ним на помощь»⁵⁷⁴.

Кроме этого, Сорокин отправил в разные места своих солдат для истребления французов и успокоения жителей, равно, как это было сделано и в Отранто. В результате в Бриндизи, Отранто и их окрестностях была восстановлена королевская власть.

30 апреля (11 мая) отряд Сорокина направился вдоль берега в провинции Летчи и Баре к городам Полиняно и Моле. Подойдя 1 (12) мая к Моле, с фрегата «Св. Михаил» был произведен холостой выстрел. Однако вместо ответного приветствия в крепости был поднят флаг Французской республики. Сорокин с фрегатами «Св. Михаил» и «Счастливый» подошел ближе к крепости и отдал приказание неаполитанскому фрегату, на котором находился кавалер Мишуру, подойти еще ближе и произвести ее обстрел. Но и после этого французский флаг не был спущен. Тогда к обстрелу подключились оба российских фрегата. После непродолжительной канонады в крепости был поднят белый флаг и на борт «Михаила» прибыли депутаты с объявлением своей покорности.

Александр Андреевич Сорокин встретил депутатов холодно и повелел им послать во все прилежащие провинции и города прокламации с требованием покориться королевской власти. И после небольшой паузы добавил:

– Передайте всем, чтобы не доводили себя до такового же принуждения, как вас, и истребили бы во всех местах зловредный закон и дерево вольности. На исполнение даю вам сутки. Ныне же мы отправляемся к Баре и прошу передать депутатам прочих городов, чтобы явились ко мне в тот город.

Как только российская эскадра ошвартовалась в Баре, тотчас к капитану 2 ранга Сорокину явились депутаты и объявили, что «рады приветствовать эскадру на своей земле и уверяли, что всегда были преданы своему государю, что одна лишь крайность обстоятельств и сила французов понудили их принять республиканское правление. Ныне же, видя защиту и покровительство соединенных союзных эскадр, срубили сие гнусное дерево вольности и будут служить королю до последней капли крови...». После этого в храме Николая Чудотворца, разграбленного французами, у святых его мощей принесено было благодарение Всевышнему за оказанную помощь.

Для проверки приведения окрестностей под королевскую власть А. А. Сорокин высадил на берег десант. Деревенские жители разоренные за время французского правления, с радостью и в то же время с недоумением встречали русских солдат, после чего посылали своих депутатов в Баре, где объявляли русскому офицеру, что «во всех местах жительства их дерево вольности они истребили огнем и повергают себя в верность своему королю».

4 (15) мая Сорокин направился к Барлетте, где, «приведя жителей города и окрестностей в послушание», оставил там фрегат «Григорий Великия Армении», а сам двинулся далее к Марфедонии, куда и прибыл 8 (19) мая. По донесению Ушакова, Сорокин, проходя вдоль берега, «приставал в разных местах и после первых действий везде флаг Его Императорского Величества, яко великого их покровителя, встречаем был с надлежащей почестию, салютом пушечных выстрелов и с радостным восклицанием народа, уверяя о верности их к своему королю».

Подойдя к марфедонской пристани, Александр Андреевич высадил на берег десант и сам с министром Мишуру сошел на берег, где их встретили множество депутатов из разных даже самых отдаленных мест, выразивших приверженность своему законному королю. Воспротивился один лишь город Фоджа, хотя и в нем было немалое число жителей, поддерживающих возвращение королевской власти. Но якобинцы стали уверять народ в том, что у россиян слишком мало войск и что они вряд ли пойдут на помощь монархистам.

В сложившейся обстановке Сорокин после совета с командирами и неаполитанским министром принял решение усилить десант матросами и канонирами с кораблей с приданными к ним четырьмя пушками, передав их под общую команду командиру фрегата «Счастливым» капитан-лейтенанту Г. Г. Белли. Не медля, десантный отряд численностью до пятисот человек под Андреевским флагом вместо полкового знамени двинулся к Фодже, чтобы «военной рукою принудить повиноваться королю, неприятелей и противящихся разбить и побрать в плен, а повинующихся прощать и уговаривать ласкою быть послушными своему королю». Вместе с отрядом отправился и кавалер Мишуру.

Узнав о движении к городу российского войска, верные королю жители Фоджа выслали им навстречу своих депутатов с известием, что они всех якобинцев забрали под караул и просили о покровительстве города и установлении в нем порядка. На следующий день Белли подошел к городу и встречен был народом «с великой радостью и честью». «Но не в далеком расстоянии от города, – доносил впоследствии Ушаков, – собрались якобинцы и бунтовщики до трех сот человек и еще умножались и угрожали жителям разорением. Капитан Сорокин приказал капитан-лейтенанту Белли с войском иттить туда, их разбить и забрать в плен. Как скоро капитан-лейтенант Белли приближался к бунтовщикам, тотчас все они разбежались и оставили свою малую артиллерию. Множество народа, верных королю, начали присоединяться к нашим войскам и в лагерь наш приехали из разных мест депутаты, даже из города Баневенто, который состоит только в 34-х милях от Неаполя»⁵⁷⁵.

После взятия города Фоджа отряд Белли отправился к Неаполю на соединение с войсками кардинала Руффо. Кардинал Руффо оказался единственным во всем Неаполитанском королевстве, кто встал на защиту своего Отечества. В конце февраля он отправился из Мессины в Сциллу, где заранее подготовил себе помощников. Первоначально у него не было ни солдат, ни денег, но в Сцилле он сумел набрать 300 человек, из которых составил гвардию. С этим отрядом Руффо перешел в Баньяру, бывшую некогда собственностью его фамилии. Вскоре он усилил свой отряд множеством беглых арестантов и разбежавшихся из неаполитанской армии солдат. К нему присоединилось и калабрийское духовенство, придав походу религиозный характер. С их помощью Руффо собрал множество молодых людей, которые толпами приходили в Милето, где кардинал устроил главную квартиру. Таким образом он вооружил там около 10 тысяч человек, назвав это ополчение ратью Святой Веры. Затем он двинул свои войска дальше на север. Взял и затем разорил городок Которне, овладел Котанцарой и Козенцей, после чего пошел к Неаполю.

А в Неаполе в это время местные «патриоты» после ухода из города основных сил французской армии генерала Миолиса, отправившихся в Северную Италию на помощь

генералу Готье, обнародовали манифест, в котором объявили, «что не хотят повиноваться ни своему королю, ни Франции и намерены защищать до последней капли крови свою волю и независимость»⁵⁷⁶. Объявив об этом, республиканцы отправили корпус войск против кардинала Руффо и сумели разбить одну из его колонн. Потерпев неудачу, монархисты приостановили продвижение своих войск, в ожидании прибытия двух батальонов генерал-лейтенанта Германа, возлагая на них всю свою надежду.

Фердинанд IV, в очередной раз не разобравшись в ситуации, приказал кардиналу Руффо продолжить наступление. Но кардинал заметил королю, что хотя его армия и состоит из 35 тысяч человек, однако, за неимением подкрепления от регулярного войска, она может быть легко побеждена и рассеяна. А потому он решил ожидать прибытия к нему российского корпуса, с помощью которого он надеялся разбить неприятеля и овладеть столицей королевства.

Узнав об успешных действиях русских моряков эскадры адмирала Ушакова в районе Марфедонии, Руффо с 18 тысячами человек своего воинства направился на соединение с ним. В составе русского десантного войска к тому времени находилось 15 штаб- и обер-офицеров, 117 человек матросской команды, 312 унтер-офицеров и солдат, 36 артиллеристов с шестью пушками и 30 человек с неаполитанского фрегата. К июню они подошли к окрестностям Неаполя и встали лагерем в 35 милях от столицы. Здесь и произошла встреча с основными силами союзников⁵⁷⁷.

Неаполитанский министр Мишуру, присутствовавший при отряде Белли, с восторгом писал Ф. Ф. Ушакову: «В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не все, войска заставили все население обожать их... Вы могли бы их видеть осыпанными ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

Для усиления отряда, по просьбе капитан-лейтенанта Белли, А. А. Сорокин выделил ему еще 95 человек под командованием двух офицеров. Получив подкрепление, соединенные войска двинулись к Неаполю. При этом русская команда шла в авангарде ополченцев кардинала Руффо.

На пути к столице Королевства Обеих Сицилий Г. Г. Белли был уведомлен министром Мишуру о том, что «в Неаполе войска неприятельские и якобинцы, узнав о приближении войск российских, пришли в великое замешательство и робость и что все приверженные и

верные королю неаполитанскому тем ободрены и с восхищением ожидают войск на их освобождение от французов и бунтовщиков».

Перед вступлением в город кардинал Руффо обнародовал манифест, которым от имени короля обещал всем «заводчикам бунта» прощение и даже позволение свободно выехать из королевства. Но желающих сдаться кардиналу оказалось немного.

3 (14) июня войска пошли на штурм. Отряд Белли подошел к замку Портеже и был готов к атаке. Но якобинцы, увидев приближающийся российский отряд, оставили замок и разбежались. Капитан-лейтенант тут же занял его и водрузил на башне неаполитанский флаг. Оставив в замке небольшой гарнизон, он продолжил свой марш к крепости Велиний, чтобы, не останавливаясь, атаковать ее и взять штурмом. Не оказав по «крайней робости» должного сопротивления, защитники сдали крепость, а Белли шел уже дальше, на приступ моста Магдалены. Мост был сильно укреплен и чтобы к нему подступиться, надо было пройти вдоль берега моря под огнем 30 канонерских лодок. Тогда Белли соорудил напротив них батарею и «произвел жестокую канонаду». Две лодки были потоплены, остальные стали отходить в море. Русские солдаты и матросы бросились в атаку и выбили якобинцев с моста. Противник понес большие потери и оставил на поле боя 6 пушек. Белли же потерь убитыми не имел, а из раненых были лишь гардемарин Голенищев и два матроса.

«3-го числа сего месяца (июня. – Авт.), – доносил впоследствии Ф. Ф. Ушаков, – войска наши храбрыми подвигами с большим уроном неприятеля (300 человек убито, 600 взято в плен, 100 добили деревенские жители. – Авт) овладели замок Дела-Кермени, укрепились в оном и чрез то нашли себя властителями города Неаполя. 5-го и 6-го числа занимались деланием батарей против замков Ново (Кастель-Ново. – Авт.) и Делово (Дель-Ово. – Авт.), и 7-го числа, окончив работы при батареях, с оных производили жестокую канонаду против означенных замков. Неприятеля, уstraшенные успехами действия наших орудиев при немалой их потере, принуждены просить договоров»⁵⁷⁸. Вместе с ними непокоренной осталась и крепость Сант-Ельма (Сент-Ельм) с французским гарнизоном, комендант которой комиссар Межан еще в самом начале боев за город предложил кардиналу Руффо сдачу крепости после падения остальных замков. Таким образом, французы и неаполитанские республиканцы заперлись в трех крепостях и требовали для себя почетной капитуляции, с правом выезда в Тулон вместе со своим имуществом (или, проще говоря, с награбленным добром) и прощением тех, кто останется в Неаполе.

Руффо, Мишуру и присоединившийся к ним уже в ходе боев капитан английского фрегата кавалер Фут были весьма озадачены такой постановкой вопроса, так как в случае заключения подобной капитуляции Директория получила бы в Северной Италии

дополнительно 12-тысячное войско. Поэтому решено было заключить на 20 дней перемирие и в это время снестись с королем Обеих Сицилий. Однако, опасаясь прихода в Неаполь французского флота, известие о выходе которого доставил капитан Фут, представители союзного командования вынуждены были принять условия осажденных и подписать почетную для них капитуляцию.

Подписи под текстом капитуляции были поставлены представителями неаполитанского, российского и британского командования, но этим дело не закончилось. Капитуляция была разорвана контр-адмиралом английского королевского флота Горацио Нельсоном.

Нельсон собирался отправиться из Палермо в Неаполь еще 23 мая (3 июня), чтобы до прихода туда российских войск овладеть столицей и получить от Фердинанда лавры освободителя его королевства. Уже были приготовлены к походу 14 линейных кораблей с несколькими фрегатами. Засуетились и придворные особы, желающие участвовать в «благородной» миссии. Для приведения неаполтцев к присяге первым на борт адмиральского корабля поднялся наследный принц. Следом за ним вступил на трап генерал Актон, рассадивший по другим кораблям 1 600 человек своей гвардии. Чтобы разделить с лордом Нельсоном славу освободителя, собралась в Неаполь и чета Гамильтонов. Желание последних было не одобрено их королевскими величествами. Однако королева, чтобы не огорчать британского адмирала, согласилась на эту поездку, сказав своим приближенным о том, что «Лорд Нельсон, дабы наивяще удостоверить миледи Гамильтон в своей любви хочет, чтоб она хотя бы на короткое время предстала в роли королевы в Неаполе».

В назначенное время эскадра снялась с якоря и оставила Палермо. Но, к удивлению двора, через день она вернулась на прежнее место. Оказалось, что по пути Нельсон встретил два посланных к нему линейных корабля от главнокомандующего с известием о выходе из Тулона французского флота и приказанием занять прежнее место в районе острова Маритимо для того, чтобы воспрепятствовать соединению французского флота с испанским.

Французский флот численностью 25 линейных кораблей был блокирован в Бресте 16-ю кораблями английской эскадры под командованием адмирала лорда Бридпорта (Александра Гуда) – младшего брата адмирала Самуила Гуда). 11 (22) марта в Брест прибыл морской министр Франции вице-адмирал Евстафий Брюи с предписанием Директории – срочно подготовить корабли к походу и при первом благоприятном ветре выйти в море.

Сорокалетний вице-адмирал был в свое время одним из лучших офицеров французского королевского флота. Брюи считался человеком весьма предприимчивым и директоры возлагали на него большие надежды.

14 (25) апреля, воспользовавшись туманом, Брюи удалось вывести флот из порта и уйти в неизвестном для англичан направлении. Одновременно с этим во французских газетах появились сообщения о том, что флот с 25-тысячным корпусом направляется в Ирландию. Лорд Бридпорт, нисколько не сомневаясь в этом, немедленно отправил посыльное судно в Англию и вскоре последовал вслед за ним, предварительно отправив крейсерские суда вице-адмиралу Джорджу Кейту, блокировавшему с 15 кораблями Кадис, и адмиралу Сен-Винценту, охранявшему Гибралтарский пролив с извещением о выходе противника из Бреста.

На самом деле Ирландия была далека от помыслов французского командования. Подлинные планы французов, державшиеся в строжайшей тайне, знали только шесть человек: Брюи и пять директоров. Франко-испанский флот, соединившись вместе, должен был деблокировать Корфу, Мальту и Египет⁵⁷⁹. Но перед самым выходом в море французский адмирал получил известие о взятии Корфу силами русско-турецкой эскадры.

23 апреля (3 мая) лорд Кейт получил известие о приближении французского флота. Не исключая возможности выхода из Кадиса 17 или 18 испанских кораблей из 22-х стоящих там на якоре, он должен был готовиться к встрече с более чем 40 неприятельскими линейными кораблями.

На следующий день французский флот подошел к Кадису. Брюи, имея наветренное положение и значительное преимущество в силе (24 линейных корабля против 15-ти) первоначально решил атаковать английскую эскадру, взяв ее с помощью испанской эскадры, находящейся в порту, в два огня. Для оперативного управления флотом он вместе со своим штабом даже перешел на корвет. Однако свежий западный ветер помешал испанцам выйти в море, а резко ухудшившаяся погода и неспособность малоопытных команд управлять парусами в штормовых условиях заставили его отказаться от своих намерений и, оставив союзников, самостоятельно идти к Гибралтару⁵⁸⁰.

Кейту не оставалось ничего иного, как оставить Кадис и также следовать к Гибралтару на соединение с эскадрой Сен-Винцента. Тотчас же были посланы предупреждения контр-адмиралам Джону Томасу Дуквурту, находившемуся с четырьмя линейными кораблями на Минорке, и Горацио Нельсону – в Палермо. Известие это в очередной раз привело в трепет неаполитанских правителей. По приказу Сен-Винцента, Нельсон собрал все свои силы, сняв при этом блокаду с острова Мальта и расположил их вокруг Сицилии, послав несколько кутеров искать повсюду адмирала Ушакова с уведомлением о появлении крупных неприятельских сил и просьбой принять участие в совместных действиях.

Посыльные не нашли тогда Ушакова, и Нельсону пришлось рассчитывать только на свои силы. А они значительно уступали французским: восемь 74-пушечных, два 54-пушечных кораблей и несколько фрегатов. Ему ничего не оставалось делать, как только приблизиться к берегу и встать на якорь в порядке баталии. Тогда же им дано было приказание строить на берегу батареи.

30 апреля (11 мая) Сен-Винцент, стараясь защитить Минорку, которой, по его мнению, больше всего угрожала опасность, пошел к ней с 16 линейными кораблями.

Ситуация осложнилась тем, что и 17 кораблей испанской эскадры под командованием французского вице-адмирала Лакроссе 3 (14) мая, воспользовавшись отсутствием британских морских сил, покинули Кадис и, войдя в Средиземное море, пошли к Картахене. При этом, застигнувший их в море сильный шторм причинил серьезные повреждения 11 испанским кораблям. В тот же день французский флот вошел в порт Тулон, где он был доукомплектован офицерами и матросами.

Резко изменившаяся военно-политическая обстановка на итальянском театре военных действий и тяжелое положение испанского флота внесли существенные коррективы в планы экспедиции Брюи. Его корабли решено было использовать для эвакуации французских войск из Чивитавеккьи и Ливорно, а также для доставки подкрепления генералу Моро в Геную. Но при этом с него не снималась и первоначально поставленная задача.

Учитывая сложившуюся обстановку, Сен-Винцент, не зная о повреждениях испанского флота, должен был расположить свои силы между Картахеной и Тулоном, чтобы не дать возможности испанцам соединиться с французами и, следовательно, иметь перед собой противника вдвое превосходящего по численности. Однако британский командующий решил по-другому. Он решил, что французы или испанцы по отдельности могут напасть на эскадру Нельсона, и поэтому отделил от своей эскадры четыре линейных корабля и направил их в Палермо. Сделав эти распоряжения, Сен-Винцент, ввиду окончательно расстроенного здоровья, сдал командование средиземноморской эскадрой вице-адмиралу Кейту и отбыл в Англию.

В непродолжительное время, 16 (27) мая, французский флот в составе 22 линейных кораблей при многих фрегатах и транспортных судах вышел из Тулона. Именно этот выход и воспрепятствовал Нельсону идти на покорение Неаполя. Тогда же в беседе с российским поверенным в делах в Генуе Акимом Лизакевичем, вынужденно находящимся в то время в Палермо, Нельсон признался:

– Я не в силах вступить в генеральное сражение с французской эскадрой и предполагаю отрезать от нее восемь или девять кораблей и в пух их разбить или взять в плен, чрез то обессилить ее и лишить ее господства на Средиземном море.

А вице-адмирал Кейт, вместо того, чтобы заблокировать испанцев в Картахене и дать бой французам, поступил весьма странно, поведя британские морские силы к Тулону, пытаясь не допустить соединения французского и испанского флотов. Но этого ему сделать не удалось, так как Брюи в Тулоне уже не было.

На переходе морем французский адмирал, через посланный к нему авиз, 23 мая (3 июня) получил приказ Директории, подписанный 14 (25) мая. Приказ содержал новые инструкции для адмирала, которые предписывали ему после соединения с испанцами следовать сначала к Мальте, а затем к Александрии, чтобы забрать оттуда хотя бы часть отправленной туда армии. При этом был передан пакет и для генерала Бонапарта, с приказом о возвращении во Францию для командования армий против Суворова. В Египте ему разрешалось оставить часть своих войск, передав командование достойному по его усмотрению генералу⁵⁸¹.

Брюи немедленно передал ответ, в котором настаивал на невозможности одновременно осуществить соединение с испанцами и экспедицию на Мальту и в Египет из-за большой удаленности флотов. Резонно считая, что в этом случае ему не удастся избежать сражения с англичанами и, тем самым, поставить под удар противника последние морские силы, оставшихся у Франции. При этом даже равные потери для него будут более губительны, чем для врага.

25 мая (5 июня) он благополучно прибыл в Геную. Выгрузив припасы, продовольствие и 1 000 волонтеров, доставленных в помощь генералу Моро, он вновь вышел в море и, разойдясь в ночной темноте с англичанами, 12 (23) июня прибыл в Картахену, где соединился с испанским флотом. Таким образом, под командой Брюи оказалась довольно внушительная сила более чем из 40 линейных кораблей.

Предположения английского морского командования о намерениях Брюи сводились к тому, что он направит свой курс либо к Сицилии, либо к Мальте, либо на помощь генералу Бонапарту в Египет, что было не далеко от истины. В связи с этим Нельсон, заверив Фердинанда IV в том, что он не допустит неприятеля в Сицилию, отправил обратно к Мальте отряд кораблей под командованием капитана Александра Балля.

Тем временем в Средиземном море находились уже значительные силы британского флота – более чем 50 линейных кораблей, которые существенно ограничили свободу действий флота франко-испанского. Брюи предложил командующему испанским флотом

выманить англичан из Средиземного моря, после чего осуществить экспедицию на Мальту, но тот, опасаясь блокады Картахены, предложения не принял, и 13 (24) июня соединенный франко-испанский флот вышел из Картахены и направил свой курс к Кадису.

После такого удачного, хотя и мало успешного, маневра, который французскому адмиралу удалось совершить в Средиземном море скорее благодаря его счастью и ошибке противника, нежели собственному расчету, 29 июня (10 июля) он привел флот в Кадис. Пополнив запасы, 59 судов, 40 из которых были линейными кораблями, «представляя из себя красивое зрелище», 10 (21) июля направилась в Брест⁵⁸². Уцелевший флот оказался практически единственным результатом во всей этой масштабной экспедиции.

Следует признать, что и англичане с самого начала действовали весьма неразумно: Кейт с эскадрой бесцельно блуждал по Средиземному морю, а лорд Бридпорт со своей эскадрой бесполезно стоял в заливе Бантри, ожидая неприятельский флот, который ушел совершенно в противоположную сторону. В этой связи представляется, что Федор Федорович Ушаков, о котором английские военно-морские историки и теоретики почему-то даже не упоминают, не упустил бы возможности атаковать противника даже малыми силами и нанести ему поражение.

А что же делал Нельсон? 10 (21) июня он прибыл в Палермо от острова Мартинимо и на аудиенции с королем Обеих Сицилий сообщил ему, что главнокомандующий дал ему (Нельсону) свободу действий в пользу Его Величества. Фердинанд несказанно обрадовался этому сообщению и благословил Нельсона на поход в Неаполь.

12 (23) июня, спустя всего 36 часов после подписания капитуляции Неаполя, лорд Нельсон с 17 линейными кораблями подошел к столице королевства. Еще на подходе к гавани на грот-брам-стеннге его нового флагманского корабля «Фудроянт» был поднят сигнал капитану Футу «Спустить переговорный флаг!»

На встрече с кардиналом Руффо Нельсон заявил:

– Его Величество не может трактовать наравне со своими подданными бунтовщиками, а требует, чтобы они отдались на его собственную волю и милосердие, иначе будут преданы неминуемой смерти.

– Статьи договора должны быть нерушимы и священны, – настаивал кардинал.

Нельсон возражал:

– Договор с мятежниками не должен был быть подписан без согласия короля, а потому признаю его незаконным.

После этого кардинал Руффо в гневе удалился от адмирала.

Нельсон, обращаясь к капитану Футу, сказал:

– Благодарю вас за ревность и деятельность, но смею вам заметить, что вы дали себя обмануть недостойному кардиналу Руффо, стремящемуся образовать свою партию, противную видам своего короля.

– При заключении договора, – стал оправдываться Фут, – я имел больше причин думать, что в бухте скорее явится французский флот, чем английский, и не мог вообразить, что кардинал не соблюдает выгод короля, занимая столь важное место.

Контр-адмирал Нельсон избавил короля Фердинанда от явного осуждения прославившегося кардинала, но в то же время наложил на себя несмываемое пятно. Через два дня после прибытия он принудил якобинцев, оставшихся в крепостях Дель-Ово и Кастель-Ново сдаться без капитуляции, а потом всех их арестовал, загнав на транспортные суда, стоящие под пушками английского флота.

Первой жертвой Нельсона пал адмирал Франческо Караччоли. Старый адмирал во время бегства короля из Неаполя вместе с ним прибыл в Палермо, после чего, оставив свой корабль, попросил отставки и вернулся в Неаполь, где и возглавил флот республиканцев. Надо полагать, сколь велик был гнев короля, узнавшего об этом. Но более вознегодовала королева, так как ей донесли, что Караччоли «имел главное участие в издании гнусного и мерзкого сочинения под названием «Жизнь королевы Марии Каролины».

18 (29) июня он был привезен в одежде крестьянина на корабль Нельсона, где над ним был свершен скорый суд неаполитанскими морскими офицерами, признавшими его виновным в измене и приговорили к смерти. Вечером Караччоли был перевезен на неаполитанский фрегат «Минерва» и повешен на рее. Остальные якобинцы были отданы на растерзание неаполитанской черни.

Один из свидетелей тех событий писал своему шурина: «Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены бывают из опасения заразных болезней. Посажено в тюрьму до двух тысяч якобинцев и держать станут их в заключении, пока невиновность их доказана будет. Казни и аресты, производимые над якобинцами, привели всех таковых в совершенную трусость и подлость, каковое приключение вселило в народе, преданном королю, превосходный дух мщения противу якобинцев и французов»⁵⁸³.

Та же участь постигла и пленников, заточенных на транспортные суда. «На транспортных судах, превращенных в блоктины, – писал Д. Джемс, – произошли сцены, ужасающие человечество и тем более удивительные, что суда стояли в середине британского флота». В результате в жертву были принесены 10 тысяч человек.

«К стыду английского адмирала, – продолжал Джемс, – капитуляция была утверждена обеими сторонами и по всем законным формам... и лорд Нельсон обязан был исполнить

свято все статьи договора без исключения». Но нильский герой решил пожертвовать своей репутацией. В отличие от него, командир русского отряда твердо придерживался условий капитуляции, но что-либо противопоставить разбушевавшимся с благословения Нельсона роялистским войскам он не мог.

Непокоренной оставалась лишь крепость Санта-Ельма, комендант которой ответил Нельсону, что он не может капитулировать людям, которые не держат своего слова. Тогда 19 (30) июня по приказу английского адмирала к крепости подошли английские, русские и неаполитанские войска, после чего начался ее штурм. В честном сражении, продолжавшемся 10 дней, французы смогли добиться приемлемой для себя капитуляции и отправиться «со своими пожитками» в Тулон.

К этому времени неаполитанский король на своем фрегате «Сабелла» в сопровождении английского фрегата и португальского кутера прибыл в местечко Прочинда, расположенного недалеко от Неаполя. Он призвал к себе кардинала Руффо и принял его «весьма милостиво, с великою нежностью и отличностью», обнародовав манифестом, что приобретением своего королевства он обязан одному ему.

Сам же кардинал справедливо отметил, «что он одолжен завладением столицы корпусу 500 русских солдат, кои по уступлении калабрезцов якобинскому корпусу, пошли вперед на штыках, разбили неприятеля и овладели городом, подкрепляемы будучи албанцами. Неустрашимость сего корпуса, – продолжал он, – привела в изумление мятежников и в удивление благонамеренных, кои оказывают к нему неизреченную любовь, благодарность и угощение».

Подобно ему высказалась и королева, которая после молебна в честь победы «объявила всем предстоящим, что корпус российского войска завоевал королевство и столицу; в рассуждении чего никогда они не предадут забвению одолжения за учиненное им толь знаменитое вспомоществование, без коего бы по сие время осталось в руках бунтовщиков все королевство, ибо кардинал Руффо не отважился бы без российского корпуса приступить к столице, а и того еще менее, оною овладеть»⁵⁸⁴.

Также, как взятие Корфу, в освобождение Неаполитанского Королевства горсткой русских моряков было трудно поверить. Павел I, узнав из донесения Ф. Ф. Ушакова о беспримерном подвиге капитан-лейтенанта Белли, воскликнул: «Белли хотел меня удивить, а удивлю его я!» – и пожаловал герою орден Св. Анны 1-й степени.

О поражении французов в Италии, как на севере, так и на юге, говорила вся Европа. А Томара в письме в Берлин к Н. П. Панину написал: «Успехи оружия нашего противу французов в Неаполитанском королевстве и церковных областях со стороны Адриатики, рассуждении

малого числа войск, представляют нечто подобное первым завоеваниям кастельян в Америке. Дай Боже, чтоб конец был столько же славен, сколь начало»⁵⁸⁵.

Однако славного конца не получалось...

4. БЛОКАДА АНКОНЫ

Освобождение от французов Южной Италии отрядом русских моряков эскадры адмирала Ушакова проходило на фоне куда более грандиозных сражений, развернувшихся в Северной Италии. Русские чудо-богатыри под командованием славного Суворова громили «непобедимую» республиканскую армию.

По просьбе австрийского императора Франца II, 15 (26) марта 1799 года генерал-фельдмаршал А. В. Суворов прибыл в столицу Австрии – Вену, чтобы принять командование над союзными войсками. Австрийский придворный военный совет – Гофкригсрат попытался навязать ему собственный план военной кампании, однако русский полководец отверг его, заявив: «Я начну с Адды, а кончу, где Богу будет угодно».

Для командующего союзными войсками в Северной Италии очень важно было наладить тесное взаимодействие сухопутных и морских сил коалиции. Для этого, при отъезде к войскам, А. В. Суворов 23 марта (3 апреля) обратился с письмом к Ф. Ф. Ушакову, в котором писал: «Милостивый государь мой Федор Федорович! Здешний чрезвычайный и полномочный посол (А. К. Разумовский. – Авт.) пишет ко мне письмо, из которого Ваше Превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды Вашей на высоте Анконы...»⁵⁸⁶.

Ф. Ф. Ушаков, идя навстречу просьбам Суворова, 28 апреля (9 мая) отрядил для блокады Анконы и пресечения плавания французских судов в Адриатике отряд кораблей под командованием контр-адмирала П. В. Пустошкина, состоящий из двух российских линейных кораблей, двух фрегатов и двух авизов, а также турецких: линейного корабля, двух фрегатов, корвета и авиза. С ним был отправлен и курьер с письмом для А. В. Суворова.

Александр Васильевич, прочитав послание Ушакова, спросил у курьера, немца по происхождению:

– А что, здоров ли мой друг, Федор Федорович?

Заметив недоумение на лице фельдъегеря, привыкшего именовать всех по фамилиям, присутствующие офицеры объяснили ему, о ком идет речь, и тот поспешно ответил:

– Господин адмирал фон Ушаков в добром здравии и поручил мне засвидетельствовать Вашему Сиятельству свое искреннее почтение.

– Убирайся ты вон со своим «фон»! – вспыхнул фельдмаршал. – Этот титул ты можешь придавать своим немцам, потому что они «нихтбсштимтзагеры», «немогузнайки», а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался грозой для турок, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело освобождения Италии, отняв у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто Федор Федорович!

Суворов был тысячу раз прав, именно так все и называли Ушакова. Даже младшие офицеры обращались к нему по имени и отчеству, что сразу же бросается в глаза при просмотре официальной переписки. Встречались случаи, когда в одном и том же письме корреспондент называл Суворова «Граф Суворов», а Ушакова «Федор Федорович» без указания чина, и всем было понятно, о ком идет речь. Все это говорило о глубоком уважении флотоводца.

Исполняя повеление командующего эскадрой, контр-адмирал Пустошкин 5 (16) мая прибыл к Анконе и приступил к ее блокаде. Чтобы уточнить расположение береговых батарей, была проведена разведка боем. В два часа пополудни того же дня Пустошкин подошел под самые крепостные стены и произвел их обстрел. В ответ заговорили неприятельские батареи, не причинив, однако, никакого вреда кораблям, но это позволило выяснить систему обороны французского гарнизона. Получив нужные сведения о противнике, Павел Васильевич Пустошкин дал команду на отход и встал на якорь в пяти милях от берега.

13 (24) мая для пополнения запасов пресной воды П. В. Пустошкин отошел к местечку Сенегал, а на следующий день к Фано, расположенных недалеко от Анконы. При сходе на берег русские моряки встретили сопротивление со стороны французских войск численностью до 200 человек, при которых находилось шесть орудий. В связи с этим в своем письме к российскому посланнику в Вене Пустошкин писал: «Весьма бы полезно было, если бы я имел сколько-нибудь малых военных судов и десантного войска, чего и ожидать имею на мои донесения к господину фельдмаршалу (А. В. Суворову. – Авт.)»⁵⁸⁷.

К концу месяца к отряду контр-адмирала Пустошкина прибыло подкрепление из Корфу в составе 270 солдат с командирами и 180 турок под общим командованием храброго майора А. Ю. Гамана, отличившегося при штурме острова Видо. Со стороны союзных войск в Северной Италии к Анконе был направлен корпус австрийцев.

Узнав о прибытии российских войск, жители городка Песаро взяли в руки оружие и вытеснили французов, переместившихся в Фано, увеличив его гарнизон до тысячи человек.

Но и в Фано они не смогли долго продержаться: в начале июня он был взят русским десантом.

Более серьезное сопротивление оказали французы при взятии укреплений в Сенегале. 6 июня в 5 часов пополудни отряд под командованием майора Гамана вышел из Фано и к вечеру расположился лагерем на реке Сезано в трех верстах от Анконы. Утром следующего дня на подходе к укреплениям отряд встретил передовую группу французов. После короткой перестрелки они вынуждены были отойти за крепостные стены, у которых разгорелся жаркий бой.

Осаждающие были встречены картечным огнем с батареей. В ответ заговорили пушки с подошедшей к крепости бригантины и тартаны, в результате чего французы вынуждены были перенести огонь батарей на российские суда. Может быть, в каком другом случае удача и сопутствовала бы французам, но на российских судах были канониры ушаковской выучки и они били точно в цель. Прислугу буквально смело от орудий, что позволило Гаману с тремя пушками подойти к воротам крепости и начать их обстрел.

В это же время капитан Петр Чебышев, герой штурма укрепления Сальвадора на Корфу, с гренадерами атаковал укрепление неприятеля с правого фланга, а с левого атаку начал подпоручик Аполлонов. Французы для отражения удара перебросили на их направление часть орудий с приморской стороны. Но огонь с бригантины заставил их замолчать.

После полуторачасового боя войска пошли на штурм и выбили неприятеля из укреплений. Французы в количестве 500 человек ретировались в Анкону, оставив на бастионах до 30 человек убитыми. Соединенный отряд майора Гамана потерял всего три человека убитыми и 15 ранеными⁵⁸⁸.

Десант подступил к самой Анконе. Однако 9 (20) июня П. В. Пустошкин получил депешу от адмирала Ушакова от 24 мая (4 июня) с требованием оставить Анкону и следовать на Корфу для соединения с основными силами. Причиной явилось полученное известие о входе в Средиземное море большого франко-испанского флота. Федор Федорович решил немедленно идти на помощь союзнику.

22 июня (3 июля) отряд Пустошкина прибыл на Корфу. Через два дня, пополнив запасы, к продолжению блокады крепости вновь были отправлены фрегаты «Наварахия», «Казанская Богородица», «Сошествие Святого Духа» и новокупленная бригантина, а также три турецких судна под общим командованием капитана 2 ранга Н. Д. Войновича. Однако после ухода отряда Пустошкина французы в короткое время вернули себе укрепления Фано и Сенегал. Но затем, как писал впоследствии Ф. Ф. Ушаков, «Граф Войнович употребил

всевозможное старание, разбил неприятеля посредством учиненных им десантов, и в крепости Фано сверх превосходного числа убитых взял еще военнопленными 553 человека; десантное войско, хотя в малом числе, заслуживает всякую похвалу и уважение за его храбрость и неустрашимость, – сообщил русский адмирал. – Он с помощью движений инсургентов, к нему присоединившихся, овладел помянутыми крепостями и поставил в тесную осаду и самую Анкону, построив вокруг оной батареи даже на картечной выстрел и поставил на оных пушки большого калибра, посредством которых привел неприятеля в самое слабое состояние и два месяца держал Анкону, стесненную как со стороны морской, так и сухопутной»⁵⁸⁹.

Федор Федорович, находясь уже в Неаполе, был готов после занятия Рима российскими десантными войсками, отправить их во главе с полковником Мессером к Анконе. Но в это время союзным командованием туда был направлен корпус австрийских войск под командованием генерал-лейтенанта Франца Фрелиха, и капитан 2 ранга Войнович заверил Ушакова, что совместными усилиями крепость возьмут. Никто не ожидал коварства от австрийцев. В отличие от россиян, у них были совсем другие цели. Они не собирались никому возвращать отвоеванные земли и не хотели делиться с русскими ни трофеями, ни славой.

Фрелих, по прибытии к Анконе, «не оказывая ни малейшего уважения к императорским войскам, державшим в осаде толикое время означенный город, сделал предложение от себя о сдаче оной крепости», не уведомляя Войновича, 2 (13) ноября принял от изможденного длительной осадой французского гарнизона почетную капитуляцию.

В первой статье акта о капитуляции было написано: «Комендант французских войск город Анкону сдает единственно австрийцам, потому что русская и турецкая нации не имеют понятия о праве народов и военном... Дружеское обхождение между цесарскими и французскими войсками должно быть взаимно в рассуждении уважения и дружбы между двумя нациями существующих»⁵⁹⁰.

Так же скрытно австрийский генерал ввел в Анкону свои войска, и 4 (15) ноября выпустил из крепости французский гарнизон. Только после этого Фрелих уведомил Войновича.

Николай Дмитриевич, возмущившись вероломством австрийского генерала, объявил ему:

– На таковую капитуляцию я не согласен, ибо известно мне было о великом недостатке у французов в порохе и провизии. И тем более не могу на нее согласиться, что в оной не упомянуто имя Императора Всероссийского!

Не взяв во внимание возражения российского офицера, Фрелих небрежно заметил:

– Войскам вашим назначаю квартиры в Фано и Сенегале с возбранением вступать им в Анкону.

Более унижительных слов Николай Дмитриевич Войнович не слышал за всю свою жизнь. Но австрийцы на этом не остановились. В ночь на 4 (15) ноября они попытались ввести в гавань свои лодки. В ответ на демарш союзников Войнович послал в гавань отряд своих судов под командованием лейтенанта М. И. Ратманова, чтобы на рассвете на кораблях и моле поднять российские флаги. Командир десантного отряда капитан-лейтенант Ф. Мессер, после выхода из крепости французского гарнизона, переправил на судах в гавань 50 человек и выставил вместе с австрийскими караулы на моле, кораблях и магазинах.

Действия русских пришлось не по душе союзникам. Прислав в гавань крупный отряд войск, они силой заставили сдать оружие двух российских гренадеров и вместе с офицером арестовали их. На следующий день австрийцы спустили российские флаги и подняли свои. Оскорбленные русские командиры отправились к генералу Фрелиху доложить о случившемся. Но тот невозмутимо ответил:

– Я не приказывал своему офицеру усиливаться, а лишь отдал распоряжение снять ваших часовых, ибо в подписанной капитуляции сказано, что крепость сдана войскам императора австрийского⁵⁹¹.

6 (17) ноября российский десант окончательно будет вытеснен из крепости. Так отблагодарили «верные союзники» за поданную им руку помощи.

5. ЗАВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Эскадра Ушакова шла под полными парусами. Скрип снастей и порывистый теплый ветер, свистящий сквозь ванты, наполняли душу боевого адмирала радостным чувством. Это была его стихия. Здесь были его дом и семья. И не случайно среди матросов и даже офицеров часто можно было услышать: «Батюшка наш Федор Федорович!», «Отец родной». Ушаков об этом знал и тем гордился. Он и сам говаривал своим командирам:

– Запомните как непреложное правило, что командир над кораблем почитается защитником других и отцом всего экипажа!

Нам, ныне живущим, трудно представить, почему в крепостнической России, где человека можно было продать, обменять на вещь и втихую даже заporоть насмерть, командиры-дворяне, испытавшие на себе тяготы войны, столь бережно, порой трепетно относились к простым солдатам и матросам. При этом нижние чины были кротки и

послушны, а в бою – храбры и отважны. И не дубина заставляла их идти в бой и сражаться за чужую землю, как за свою собственную, а истинная православная вера. Именно этим отличались они от европейских вояк. Именно единение в вере и рождало это священное воинское братство адмиралов, офицеров и матросов, хотя в государственной иерархии офицер оставался дворянином, а матрос – холопом. Конечно, были и исключения, но были Суворов и Ушаков, были их последователи и ученики, и именно они определяли сущность российского воинства.

Русско-турецкая эскадра шла в Мессину на помощь контр-адмиралу Нельсону. Ушаков стоял на мостике «Св. Павла». Его обветренное лицо обдувал ласковый средиземноморский бриз. И посреди этого великолепия казалось, что нет никакой войны; по крайней мере, очень хотелось, чтобы ее не было. Хотелось и нам – русским морякам конца XX столетия, чтобы в Средиземном море не было военного противостояния.

Неоднократно бывая в этих водах и иногда на несколько минут всплывая из подводных глубин, мне всегда казались эти места райскими. Среди окружающего великолепия наш атомоход выглядел инородным телом, равно как и американские авианосцы и субмарины не украшали средиземноморский ландшафт. Но то были лишь абстрактные мысли уставшего от длительного похода подводника. Иллюзии исчезали, когда над головой захлопывалась крышка верхнего рубочного люка. Очевидно, и мысли Федора Федоровича не надолго отрывались от реальностей продолжавшейся войны.

Известия о появлении в Средиземном море большого франко-испанского флота Ф. Ф. Ушаков получил от капитана А. Балля, возглавлявшего блокаду Мальты. Немедленно выйти на помощь союзникам Ушаков не мог из-за отсутствия продовольствия и десантных войск. Да и собственная эскадра нуждалась в ремонте. Но ситуация была угрожающей. Федор Федорович был вынужден отозвать от Анконы контр-адмирала Пустошкина и срочно набирать десантное войско. Турецкое правительство, напуганное тем, что неприятельский флот собирается идти к Египту на помощь генералу Бонапарту, также дало повеление Кадыр-бею следовать вместе с Ушаковым. В результате 24 июля (4 августа) русско-турецкая эскадра в составе шести кораблей, трех фрегатов, четырех авизов российских и четырех турецких кораблей, корвета и кирлангича вышла из Корфу в Мессину, имея на борту 3 000 человек албанских войск.

Направляясь на соединение с Нельсоном, Федор Федорович уже мало верил в то, что союзники ведут войну с той же благородной целью, что и российский император, но все же надеялся на взаимодействие в борьбе против франко-испанского флота и во взятии Мальты. Сомнение закралось в душу после взятия Неаполя. Тогда он писал В. С. Томаре: «Русским

войскам во всем королевстве Неаполитанском не знают, как приписать честь, называют их божественным ниспосланием к их избавлению. Англичане только хитрят и чужую честь взятия Сант-Ельма себе присваивают. Даже капитуляцию крепости на себя написали, да и прежде делали только одно помешательство... Они стараются всякого больше отвлекать от деятельностей... не могучи успеть в своих предприятиях. Сколько разных требований мне прежде было наделано, но я исполнял все по обстоятельствам и то, что было полезно... теперь же не знаю, с которой стороны желания их до самого Государя Императора доходят»⁵⁹².

А в это время в Палермо за сутки до прибытия соединенной эскадры к берегам Сицилии израненный британский контр-адмирал приносил свои поздравления королеве Марии-Каролине по случаю ее дня рождения. Тогда же из рук короля он получил грамоту на княжество Бронте, с годовым доходом 18 тысяч дукатов, лежащее у подошвы горы Этна, а также золотую шпагу, осыпанную алмазами с письмом Его Величества, что «Отец Его Карл Третий дал завещание, чтоб сия шпага, коею он завоевал Неаполитанское королевство, употребляема была Его Наследниками или же военачальниками, коим от них поручено будет защищать королевство от неприятеля»⁵⁹³. Не были забыты и «заслуги» Эммы Гамильтон в освобождении неаполитанской столицы. Королева поднесла ей свой портрет в украшенной бриллиантами рамке с дарственной надписью. Пообещали наградить и русского офицера Белли...

После бала Нельсону было представлено письмо от его сиятельства генерал-фельдмаршала графа Суворова, написанное им 25 июля (5 августа), в котором тот просил своего союзника – британского адмирала – прислать для блокады Генуи отряд судов. Ситуация на севере Италии складывалась трагически для французов, последний оплот – Генуя находился под угрозой. И чтобы пресечь подвоз к порту войск и припасов, необходимо было заблокировать все побережье, о чем и просил Суворов Нельсона.

В Генуе располагались французские войска во главе с генералом Моро, который обосновал там свою главную квартиру после поражения при Алесандрии. 7 (18) июня он предпринял попытку атаковать союзные войска, чтобы соединиться с армией генерала Макдональда. Но и здесь Суворов опередил талантливого французского военачальника, наголову разбив Макдональда. Моро пришлось отойти на прежние позиции и разместить войска в генуэзских предместьях около Савоны и в заливе Вадо, куда без помощи кораблей было трудно подойти. Нельсон же, призвав к себе на следующий день российского посланника Акима Лизакевича, просил передать Суворову его извинения, что кроме

отправленных к Генуе трех кораблей, фрегата и двух кутеров, он не может отрядить туда других судов. И в заключение беседы сказал:

– Я думаю, господин посланник, что прибывающий в Мессину адмирал Ушаков со всей своей эскадрой не замедлит отрядить дивизию кораблей к Генуе.

Нельсон не ошибся. Адмирал Ушаков, прибывший в Мессину 3 (14) августа, сразу же распорядился направить к Генуе отряд из двух линейных кораблей и двух авизов под командованием П. В. Пустошкина, получившего чин вице-адмирала. Одновременно по просьбе неаполитанского короля Ушаков отправил в Неаполь отряд из трех линейных фрегатов во главе с капитаном 2 ранга Сорокиным «для наблюдения тишины и спокойствия в рассуждении неутвердившегося еще в верности народа».

Вскоре Федор Федорович получил рапорт от однокашника по Морскому корпусу, своего давнего товарища вице-адмирала П. К. Карцова, также 3 (14) августа прибывшего в Палермо с эскадрой, посланной вице-адмиралом Макаровым с Балтийского моря. В рапорте Петр Кондратьевич сообщал, что вверенная ему эскадра состоит из трех кораблей «Исидор», Азия», «Победа» и фрегата «Поспешный», с которыми он 1 (12) июня вышел из Портсмута в Гибралтар для сопровождения британского конвоя. От длительного перехода и некачественной пищи на кораблях оказалось 600 человек больных «скарбутной» болезнью (очевидно, цингой), потому и остановился он в Палермо, ожидая прибытия туда адмирала.

На следующий день произошло событие, по существу, решившее участь французских войск в Северной Италии. В сражении при Нови Суворов разгромил армию генерала Бартеломи Жубера. Около 7 000 человек вместе с командующим осталось лежать на поле боя. Общий же урон неприятеля вместе с ранеными и взятыми в плен, по признанию самих французов, «простирался до 20 000»⁵⁹⁴.

Сражением при Нови завершился Итальянский поход. Всего четыре месяца потребовалось русско-австрийским войскам, чтобы освободить Северную Италию. Имя А. В. Суворова гремело по всей Европе. Итальянский народ восторженно встречал победителей. Ликовали и союзники. В лондонских театрах о Суворове читались стихи, а публика считала за честь приобрести портрет русского фельдмаршала. Нильский герой, Горацио Нельсон писал А. В. Суворову: «Меня осыпают наградами, но сегодня удостоился я высочайшей награды - мне сказали, что я похож на Вас».

В самой Франции с тревогой ожидали скорого и неизбежного вторжения союзных войск в пределы Республики со стороны Лигурийского побережья. Но, в то время, когда Суворов освобождал Северную Италию, за его спиной английские дипломаты сумели внушить российскому императору мысль о необходимости сбора всех русских войск в

Швейцарии, чтобы оттуда они под командованием Суворова начали поход на Францию. В результате 6 (17) августа победоносные русско-австрийские войска, к удивлению французов, прекратили их преследование и отошли на исходные позиции, занимаемые до сражения.

За двести лет, минувших со дня знаменитого перехода А. В. Суворова через Альпы, о причинах вывода русских войск из Италии в Швейцарию было уже сказано немало. Однако и сегодня остается не до конца раскрытым механизм принятия этого решения. Попробуем с помощью новых документов разобраться в том, как же все происходило на самом деле и дополнить хронологию событий отдельными достаточно интересными подробностями.

Итак, в апреле 1799 года с началом успешных действий российско-австрийских войск под командованием фельдмаршала Суворова в Северной Италии начался вывод значительной части французских сил из Голландии и Нидерландов. Для британского военно-политического руководства это было весьма кстати, ибо таким образом появлялась реальная возможность обезопасить себя со стороны Франции и получить другие преимущества, связанные с возможным приобретением голландского флота и улучшением условий морской торговли на Балтике.

Здесь необходимо отметить один важный момент. С некоторого времени английская дипломатия хорошо освоила очень удачный прием: заводить себе «друзей» и направлять их усилия для достижения своих целей. Ярчайшим примером тому служит вооруженное участие России во второй коалиции против Франции (в чем ниже мы воочию убедимся).

Для этих целей в британских правящих кругах возник план проведения десантной операции на побережье Голландии с участием английских и российских войск. В связи с этим лорд Гренвиль 22 апреля (3 мая) отправил секретную депешу английскому посланнику в Санкт-Петербурге – кавалеру Карлу Витворту с повелением короля Георга III предложить Павлу I план указанной операции, «полагаясь благонадежно на продолжение того усердия, которое в такой отменной степени оказал Император Российский по общему делу»⁵⁹⁵. На самом же деле Англия намеревалась цинично использовать благородные устремления российского императора для достижения своих военно-политических целей.

Следуя указаниям своего кабинета, Витворт представил российскому императору соображения по поводу планируемой экспедиции в Голландию и обратился с просьбой выделить для участия в ней российские войска численностью 40–45 тысяч человек, оговорив при этом, что на основании Запасного (Субсидного) трактата, заключенного между Россией и Англией 18 (29) декабря 1798 года, перевозка войск морем и содержание их должны осуществляться за счет Англии.

Характерно, что переговоры по этому вопросу велись в тайне от австрийцев, ибо, как считали в британском министерстве, «беспрестанная их зависть о всем, что может сколько-нибудь служить к приращению прусского влияния на Севере Европы, весьма вероятно понудила бы их, ежели не препятствовать сему намерению, то по крайней мере расславить оное таким образом, что Франция могла бы встревожиться и, усилясь в той части, ослабить ту силу, которую иначе вывела бы она против австрийских действий со стороны Швейцарии или Италии»⁵⁹⁶.

Павел I поддержал предложение Англии и обещал выставить для голландской экспедиции 17 593 человека сухопутных войск, шесть линейных кораблей, пять фрегатов и два транспорта. Англия, со своей стороны, обязалась выставить 8 000 – 13 000 человек своих войск⁵⁹⁷. Вскоре началась и практическая реализации намеченного плана десантной операции.

Одновременно англичане в недрах своего кабинета стали готовить изменения и в общем плане кампании в Европе. 28 апреля (9 мая) лорд Гренвиль отправил посланнику в Вене – Мартону Идену депешу, в которой рекомендовал ему предлагать австрийцам «**план совсем другого рода**», суть которого состояла в нанесении удара по Франции со стороны Швейцарии, так как именно там, по их мнению, французская граница была менее всего укреплена и население враждебно относилось к Революции. В этой связи относительно дальнейшего использования российских войск, находящихся в Италии, отмечалось: «... явственнее становится польза от употребления сих войск в Швейцарии предпочтительно всякому другому назначению»⁵⁹⁸.

Швейцарию французы захватили в апреле 1798 года. Тогда Директория под предлогом противодействия «проискам бернской аристократии», радушно принимавших французских эмигрантов, ввела туда свои войска и нанесла поражение швейцарцам, которые упорно и мужественно сопротивлялись, но были вынуждены уступить силе. Вместо тринадцати кантонов, составлявших прежнее государство, французами была создана Гельветическая республика, которая использовалась Францией прежде всего как источник финансовых и других материальных ресурсов. Женева, как важнейший транзитный пункт торговли, была присоединена к Франции и стала главным городом департамента Монблан. Так, по выражению известного французского историка Минье, «Швейцария перестала быть общей преградой и стала большой дорогой Европы»⁵⁹⁹. Следовательно, Швейцария уже изначально рассматривалась союзниками как основной «плацдарм» для наступления на Францию.

Любопытно, что в это же самое время, в первой половине мая, к Павлу I, «яко монарху, столь бескорыстное участие в нещастиях Франции принимающему», прибывает эмиссар от Людовика XVIII – некто маркиз де-ла-Мезонфор с планом восстановления французской монархии посредством одного из пяти директоров – Барраса⁶⁰⁰.

Из всего сказанного французским эмиссаром следовало, что Людовик XVIII с войсками генерала Пишегрю и ополченцами из числа противников Республики на границе Франции и Швейцарии хотел присоединиться к русским войскам и идти на Париж.

Неожиданное известие маркиза де-ла-Мезонфора заставило Павла I и его кабинет серьезно задуматься. Беспредельно доверяя Англии, Павел I немедленно дал поручение вице-канцлеру В. П. Кочубею сообщить обо всем британскому посланнику и провести с ним переговоры относительно плана Барраса.

Господин Витворт, со своей стороны, воспринял слова Кочубея с нарочитым сомнением, заявив, что «мало верить можно на планы, эмигрантами представляемые, которых, в отличии от России, министерство английское тысячами видело». Однако предложение французов вполне соответствовало стратегическим замыслам англичан. Поэтому при обсуждении деталей возможной операции по плану Барраса у британского посла появилась в нем заинтересованность и он даже не преминул высказать уверенность в том, что двор его не замедлит выплатить 1,5 миллиона ливров, затребованных французским королем, «лишь бы план предлагаемый имел каковой вид вероятия», и добавил, что с генералом Пишегрю английское правительство «обо всем давно уже согласилось и доставило ему денежные способы»⁶⁰¹. Следовательно, англичане уже имели предварительную информацию о намерениях Людовика XVIII, что впоследствии полностью подтвердилось.

А далее события на политическом арене развивались следующим образом. Павел I, по согласованию с Англией и Австрией, планировал направить в Швейцарию корпус под командованием генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова. Во исполнении этого намерения 17 мая 1799 года Павлом был подписан рескрипт на имя генерала, в котором он излагает свои «виды на Швейцарию», состоявшие в том, «чтобы по изгнании из оной французов, восстановив во всей силе прежнее и веками существовавшее ее правление, заключить с оным союз»⁶⁰². А 27 мая Римскому-Корсакову был послан очередной рескрипт, с конкретным планом действий, который предполагал «решительное назначение» его корпуса в Швейцарию с присоединением к нему корпуса генерал-лейтенанта М. В. Ребиндера, которым, в свою очередь, до недавнего времени командовал генерал-лейтенант И. И. Герман (Впоследствии этот корпус будет направлен в Италию для защиты

неаполитанского короля). Суть этого плана, согласно рескрипта, состояла в том, чтобы, проходя через владения курфюрста Баварского, обезоружить его войска численностью 7–8 тысяч человек и далее следовать в Швейцарию, которая к тому времени должна была уже быть очищена австрийскими войсками эрцгерцога Карла, и совместно с ним осуществить вход в пределы Франции. При этом сам он должен был наступать через Франш-Конте, а эрцгерцог Карл с 30 или 40 тысячами своей 115-тысячной армии – через Гюнин и Бефорт, оставив на правом фланге войска принца Фердинанда Виртембергского. Оставшаяся часть австрийского войска должна была соединиться с корпусом генерала Готца и под общим командованием эрцгерцога Иосифа следовать на соединение с итальянской армией⁶⁰³.

28 мая (8 июня) Лорд Гренвиль сообщил К. Витворту, что на основании обязательств, взятых на себя российским и британским монархами, «окончательная резолюция королевская о употреблении сего (русского. – Авт.) войска к освобождению Швейцарии, и чтоб оттуда оно сделало впечатление на Францию, сообщена от кавалера Мартона Идена (английский посол в Вене. – Авт.) господину Тугуту (министр иностранных дел Австрии. – Авт.), который изъявил согласие венского двора на сей план». Затем Гренвиль указал Витворту, чтобы он дал понять российскому руководству, чтобы оно, в свою очередь, обратило «особенное и немедленное внимание» на то обстоятельство, о котором только, якобы, «упоминаемо было в сообщениях с двором венским». Мысль, высказанная Гренвилем, достаточно пространна, но она заслуживает того, чтобы ее привести полностью. Итак он пишет: «Нынешнее течение успехов как в Швейцарии, так и в Италии, кажется, подает весьма великую вероятность к скорому изгнанию французов из обеих тех государств, которая вероятность тем больше, что при теперешних обстоятельствах войны успех в одном из тех пунктов, кажется, почти обеспечивает совершение другого. Ежели сие по щастию случится, то российская армия в Швейцарии направит свой поход в Франшконте, коей провинции границы почти открыты. Но вспомогательное войско российское, находящееся теперь в Италии, было бы там уже не нужно, ибо нельзя сомневаться, что по прогнании единожды французов за Альпийские горы, силы императоров и короля сардинского будут изобильно не допустить до нового нашествия на Италию, а особливо когда превосходство флота Его Величества (короля Великобритании. – Авт.) будет сохранено в Средиземном море, как в том нету сомнения. Если бы тогда можно было с согласия Австрии присоединить сию российскую силу, полагая оную в 20 000 человек, к идущей вперед армии, составленной из 45 000 россиян, состоящих на содержании Его Величества, и если бы фельдмаршал Суворов был наставлен и уполномочен принять на себя команду всей армии, считая оную тогда только в 60 000 человек, когда правое крыло армии было бы между тем так

подкреплено армиею Эгрц-Герцога, а левое такую частью австрийских и пиемонтских войск, которая была бы достаточна к осаде Бриансона и порта Баро или иных каких крепостей по благорассуждению фельдмаршала Суворова для защиты его левого крыла, то кажется, весьма можно надеяться, что такая операция сопровождается будет не только большими, но и решительными успехами». При этом Гренвиль высказал уверенность в том, что роялисты Франш-Конте поднимут восстание и распространят свое влияние и на центр Франции. «Легко представить российскому министерству, – продолжает Гренвиль, – что для исполнения сего великого плана, который обещает предать в роды родов славу разных государей, тем занимающихся, и который, кажется, подает справедливую надежду к скорому и прочному восстановлению мира, нужно будет, чтоб император российский, как в том нет сомнения, получил согласие двора венского на такое употребление фельдмаршала Суворова и российского войска под его командою»⁶⁰⁴.

Посмотрим теперь, что же за этим последовало. Не далее как 26 июня, в самый разгар боев в Северной Италии, Павел I направляет в Вену рескрипт графу А. К. Разумовскому, в котором, ссылаясь на предложения, изложенные в вышерассмотренной депеше лорда Гренвиля, сообщает, что «План сей, касательно нанесения ударов неприятелю внутри владений его, совершенно соответствует мыслям НАШИМ». Наивно полагая, что австрийцы ничего не знают о новом плане, российский император предписывает своему послу «с крайней осторожностью и по предварительном соглашении о взаимных поступках с кавалером Иденом сделали из оных употребление у барона Тугута, распространяя откровения ваши по мере, как вы находить будете министра сего более или менее склонного к соображениям, соответствующим вышеупомянутым предположениям НАШИМ и Короля Аглицкого; ибо ежели не разделял бы он одинакового мнения, то по крайней мере не нужно безвременно открывать ему плана, которому по справедливому или неосновательному, но довольно общему заключению об упорстве его и крайней привязанности, даже до упрямства простирающейся, к видам своим, он сопротивляться может, и лучше уже будет оный в полне ему изложить тогда как, ежели Богу угодно будет, оружие союзников, увенчаясь новыми успехами, дело дойдет до подлинного исполнения намерений НАШИХ»⁶⁰⁵. В качестве небольшого дополнения к основному содержанию Павел I высказал свое мнение о нежелательности присутствия в российской армии французских принцев. Однако французскому королю, в соответствии с проектом, представленным Мезонфором, все же рекомендовано было немедленно отправиться на границы Франции.

Теперь становится совершенно понятным, что депеша британского внешнеполитического ведомства к своему послу в Петербурге К. Витворту от 28 мая

(8 июня) является неопровержимым доказательством того, что именно англичане явились инициаторами вывода российских войск во главе с А. В. Суворовым из Италии в Швейцарию. Но, как бы там ни было, Павел I согласился на этот план, предпочтя политическую конъюнктуру военно-стратегической целесообразности в наступлении на Францию через генуэзскую Ривьеру, как предполагал Суворов. При чем, принятие этого рокового решения произошло без всякого давления со стороны Австрии.

Быстрое продвижение русских войск в Италии подтолкнуло британское министерство иностранных дел к дальнейшим дипломатическим шагам, направленным на выполнение означенного плана. 15 (26) июня Гренвиль написал очередную депешу Витворту, в которой напомнил о желании своего короля после завладения Пьемона перевести войска Суворова в Швейцарию и, присоединив к ним корпус Римского-Корсакова, двинуть их на Францию. Делая реверанс в адрес Суворова и критикуя австрийскую систему управления войсками, Гренвиль при этом заметил: «Кроме выгод, какие можно получить от единства силы, назначаемой к сему предмету и от блистательных военных талантов фельдмаршала Суворова должно ожидать еще большей выгоды от того, что употребленная сила есть такого свойства, что не будет препятствуема или удерживаема в своих операциях ограниченной политикою двора венского, которая и в течение нынешней знаменитой кампании была столь очевидна и которую нельзя было без большой трудности обуздывать, если бы знатная часть идущей вперед армии была составлена из австрийских войск»⁶⁰⁶.

Основное же содержание нового послания Гренвиля касалось присутствия в российских войсках Людовика XVIII. Англию явно не устраивала такая ситуация, способная, по мнению британского кабинета, помешать продвижению войск, в связи с чем Витворт должен был убедить российское руководство направить в войска брата короля – графа де Артуа, о котором, в свою очередь, имели весьма скверное мнение россияне.

Не считая этого не столь важного на этом этапе разногласия, Россия и Англия твердо решили претворить в жизнь намеченный план. Теперь оставалось лишь дожидаться формального одобрения этого плана Австрией.

Австрийское «добро» вскоре было получено и Павел I 21 июля подписал на имя Суворова рескрипт с грифом «самое тайное», которым предписывает фельдмаршалу «для лучшего успеха и скорейшаго достижения к желаемому концу в общем деле» собрать все русские войска в Швейцарии и, возглавив их, произвести «в действо план вступления во Францию чрез Франш-Конте», имея правым флангом эрцгерцога Карла, а левым австрийскую армию в Италии.

Будучи довольным новым планом кампании и тем обстоятельством, что ему наконец-то можно вести войну не в качестве вспомогательной стороны, а самостоятельно, российский император так заключает свой рескрипт: «... для МЕНЯ и для вас сие приятным быть должно, что чрез сие главный подвиг сея войны, то есть: разрушение незаконного во Франции правления и восстановления королевской законной власти предстоит храбрым российским войскам»⁶⁰⁷.

«Императору приятно было, – пишет Милютин, – что это важное предприятие, непосредственно направленное к главной цели войны, возлагалось на русскую армию, под предводительством русского полководца. Все остальное государь ставил второстепенным и уступал охотно в частностях исполнения желаниям своих союзников»⁶⁰⁸.

Однако фактически все произошло не совсем так, как это планировалось. В середине августа резко ухудшилась обстановка на швейцарском театре военных действий, что было вызвано с одной стороны концентрацией там французских войск, а с другой – обострением противоречий между российским и австрийским командованием по поводу планов проведения операций.

Любопытными в этом отношении являются два секретных послания английского представителя при союзных войсках в Швейцарии С. Викгама лорду Гренвиллю от 14 (25) августа и 22 августа (2 сентября). В них он сообщал, что эрцгерцог Карл предложил генерал-лейтенанту А. М. Римскому-Корсакову, прибывшему в Швейцарию в начале августа, два различных плана операций, от которых последний отказался, мотивируя это тем, что в первом случае, по его мнению, ему «несправедливо» выпадала сама трудная часть; а во втором – потому, что он не хотел разделять свои войска и соединять их с австрийскими. Затем, якобы, русскому генералу было сделано предложение следовать в малые кантоны, где планировалось проведение операции по второму плану, по которому он должен был отделить шесть или семь тысяч человек в помощь генералу Готцу для атаки малых кантонов, а эрцгерцог Карл с остатками русской армии должен был наступать в направлении Лимата. Но при этом Римский-Корсаков был предупрежден о том, что австрийский император может вернуть назад шесть из девяти батальонов генерала Готца, считая оставшуюся там военную силу «совершенно достаточную для операций». Русский командующий принял это предложение и со своим 24-тысячным корпусом пошел на Уцнах, где соединился с войсками Готца. Однако, по сообщению британского представителя, после уточнения французских позиций, Римский-Корсаков решительно отказался их атаковать без 6 тыс. человек, предназначавшихся в помощь австрийскому генералу. Возникло временное замешательство, для устранения которого пришлось прибегнуть к австрийскому императору. Франц II, в свою

очередь, не стал вникать в суть конфликта и приказал Готцу возвращаться, говоря при том, что «Корсаков может действовать, как за благо рассудит», а эрцгерцогу Карлу – следовать в Швабию. На самом же деле австрийский император, как отмечает Милютин, все уже давно решил и отклонение русским генералом предложенных ему планов являлся лишь формальным предлогом⁶⁰⁹.

Пока шло препирательство союзников, большое количество французских войск переправилась через Рейн, создав реальную угрозу для генералов Римского-Корсакова и Готца, которым, по выражению Викгама, «нельзя будет по слабости своей ни простираться далее в Швейцарии, ни удержаться в позиции, занятой теперь неприятелем».

Оправдывая эрцгерцога Карла за оставление русских войск, Викгам тем не менее пишет, что, во-первых, тогда никто не учитывал возможность перехода противником Рейна, а, во-вторых, «обещание относилось только к двум планам атаки, тогда составленным и предложенным на усмотрение Г-на Корсакова, которые оба тот генерал отверг и, отвергая их, конечно, освободил Эрц-Герцога от его обязательств»⁶¹⁰.

К двадцатым числам августа обстановка в Швейцарии еще более обострилась и генерал-майор лорд Молгрев, еще в июне посланный туда британским королем для координации и составления планов операций союзников, срочно отправился в Италию с надеждой убедить Суворова прийти на помощь союзным войскам со стороны Сен-Готарда. «Одна только сия мера, – писал Викгам, – может спасти кампанию, которая, быв одна из знаменитейших в сей войне, может однакож кончиться несчастно, ежели не будет сделано крепкого усилия со стороны Италии».

Нельзя не признать пророческой последнюю фразу Викгама в его послании к лорду Гренвиллю, которой он предрекал незавидную участь русским войскам генерал-лейтенанта Римского-Корсакова: «Французы оставили нас по ныне спокойными в Швейцарии, но сие состояние дел не может быть продолжительно, и вы можете быть уверены, что Г-н Корсаков не только не может защитить сей земли, но и должен быть пожертвован, ежели Г-н Суворов не сделает скорого усилия подать ему помощь»⁶¹¹.

Таким образом, принципиально изменилась сама цель перехода русских войск в Швейцарию. По существу Суворов двинул свои войска в Швейцарские Альпы не для исполнения намеченного плана вторжения во Францию, а для спасения союзных войск и, прежде всего, корпуса Римского-Корсакова. Что произошло потом – всем хорошо известно, и о чем А. В. Суворов впоследствии с горечью написал: «Так гнали нас из Италии в Швейцарию на предательство и гибель»⁶¹².

Павел I, распознав коварство союзников, в своем рескрипте фельдмаршалу от 16 сентября с негодованием воскликнет: «Сокрушаюсь сердцем обо всех происшествиях, опровергающих меры Наши ко спасению Европы принятые, имеющих источники свои в зависти самого двора Венского и гнусной политики бесчестных его министров, утешающих тем, что во всех случаях останусь без упрека, имея свидетелями дел и мыслей моих Бога и людей. Уверен вместе с тем, что успехи французов против цесарцев начнутся с отбытием Вашим в Швейцарию – но на кого ж пенять; пусть их бьют, жалеть нечего»⁶¹³.

С уходом русских войск из Италии народ потерял надежду на свое освобождение. Аким Лизакевич, возвращаясь из ставки Суворова, сообщал императору: «Во всех городах и селах приметил уныние и страх, начертанные на лицах обывателей по поводу выступления из Италии победоносного войска Вашего Императорского Величества и премудрого и славного оным предводителя... Совсем противные тому отзывы и толкования слышал я о поведении и видах Венского двора, к коему все вообще имеют пребезмерную ненависть, и опасаются покушения завоевать в Италии разные области, принудив оружием государей и правительств на уступку»⁶¹⁴.

Пройдет не так много времени и французы вновь начнут наступательные действия в Пьемонте и Генуэзских областях, вытесняя генерала Меласса, зачастую без всякого сопротивления, с его достаточно прочных позиций. И тогда всем станет ясно, за счет кого удалось ранее так быстро освободить всю Италию. Несостоятельность австрийских генералов была настолько очевидна, что это понимал даже простой обыватель. Сохранилось любопытное замечание современника об этом: «Непонятны нерадение, оплошность и ленивость австрийских генералов. Они один у другого перенимают медлительный образ производить войну и подражают друг другу в ошибках и неискусстве. Фельдмаршал князь Италийский граф Суворов-Рымникский некоторых из них электризировал, поощряя своими примерами, но по отбытии его, они паки впали в природную свою летаргическую болезнь. Подлюю завистью к русским генералам и к войску Его Императорского Величества сделались клеветниками, но весьма малую часть и то слабоумных людей приобрели себе сообщниками, обнадежа их, что без пособия российского войска могут лучше производить войну и иметь лучшие успехи над неприятелем. Ныне окажется, умеют ли они победить неприятеля без Российского Героя и непобедимого его войска. Удивительно, что с тех пор, как он оставил Италию, оставило и щастие австрийское оружие»⁶¹⁵.

С приходом в Мессину адмирал Ушаков узнал, что франко-испанский флот давно покинул воды Средиземного моря, и теперь основной целью союзного флота должна была стать Мальта. По желанию неаполитанского короля и контр-адмирала Нельсона 18 (29)

августа русско-турецкая эскадра вышла из Мессины в Палермо «для потребных советов и расположения о действиях оттоль сходно желаниям Его Неаполитанского Величества». Но перед этим английский офицер, доставивший Ушакову письмо от Их Величеств, передал адмиралу и пакет от лорда Нельсона. К своему великому удивлению, Федор Федорович узнал, что британский кабинет, с одобрения российского императора, поручал Нельсону принять от Ушакова взятый им у французов корабль «Леандр».

Сдерживая свое раздражение, Федор Федорович с возможной учтивостью ответил:

– На сей счет не имею я никакого повеления, но как скоро получу оное от Его Императорского Величества, то исполню его со всякой точностью.

И на прощание добавил:

– В скорости я буду иметь удовольствие самолично видеться с лордом Нельсоном и засвидетельствовать ему свое почтение.

Но как только англичанин закрыл за собой дверь, Ушаков в присутствии своих офицеров разразился длинной тирадой:

– Я удивляюсь таковым бесстыдным требованиям противу законных правил целого света. Французами оной корабль взят был боем; я его от французов взял также жестоким боем. Он поставлен был в защиту острова Видо и, будучи под защитою крепостей и батарей, дрался до последней крайности, пока не был разбит и зачал тонуть. Тогда отведен он был к берегу и поставлен на мель. Мой корабль, против его бывший, также много поврежден, а потому достался он мне недешево. Следовательно, по всем правилам надлежит он мне, иначе все труды мои пропадут напрасно!

Офицеры дружно поддержали своего командующего, но что они могли сделать против высочайшей воли, в который уже раз изъявляемой в угоду иностранцам.

Обида от несправедливого решения императора переполнила чашу терпения адмирала, и он с горечью писал обо всем, что накипело на душе В. С. Томаре в своем письме от 14 (25) августа: «За всем моим старанием и столь многими неусыпными трудами и рачением из Санктпетербурга не замечаю соответствия, вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими облыжностями расстроен; я уверяю чистосердечно, другой на моем месте, может быть, и третьей части не исполнил бы, что я делаю, я душою и всем моим состоянием предан службе, не только о собственном каком-либо интересе, но и о себе ничего не думаю, кроме как об одной пользе государевой, зависть, может быть, какая против меня действует. За Корфу я и слова благоприятного никакого не получил, не только того, как Вы предзнаменовали, что всему причиною? Не знаю. После чего целое Неаполитанское королевство нами освобождено, Анкона блокируется, Венецианский залив весь очищен, вся

турецкая граница от стороны неприятеля приведена в безопасность; мы действия свои простираем в отдаленных местах... за всем тем не замечаю из Санктпетербурга приятного виду и благоволения, что одно военных людей оживлять может и приводить в то, чтобы всякой рвением употребил последние свои силы и возможность, напротив того, замечаю в подчиненных моих уныние; столь славные дела, каково есть взятие Корфу (что на будущее время эпохою служить может) принято, как кажется, с неприятностию, а за что? Не знаю. Мальта ровесница Корфу, она другой год уже в блокаде и когда возмется, еще неизвестно, но Корфу нами взята и, к слову сказать, безо всего, при всех неимуществах. За всем тем надеюсь я на благодать и милосердие всемилостивейшего нашего Монарха. Когда-нибудь дела наши по справедливости дойдут к нему известнее»⁶¹⁶.

Однако ни «благодати», ни «милосердия» не последовало и, может быть, даже оттого, что письмо это в подлиннике вместе с официальной перепиской Томары дошло до Павла I...

По прибытии 21 августа (1 сентября) российско-турецкой эскадры в Палермо, ее встретил российский полномочный министр Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс. Сойдя с корабля, Федор Федорович отправился вместе с ним к военному министру – генералу Актону. На другой день Ушаков и Кадыр-бей были представлены Его Величеству королю Фердинанду IV, который, будучи «объят чувствами истинной радости от прибытия победоносного российского воинства, изъявлял оную весьма лестными выражениями».

24 августа (4 сентября) в резиденции кавалера Вильяма Гамильтона состоялось совещание в присутствии российского посланника, генерала Актона и адмиралов Ушакова, Нельсона и Кадыр-бея. Вопросом для обсуждения было состояние дел на Мальте.

Лорд Нельсон обстоятельно доложил расклад сил на острове. С его слов численность французского гарнизона, заблокированного в крепости Ла-Валета, составляла около 4 000 человек; в порту стояли 84-пушечный французский и два бывших мальтийских корабля, а также три или четыре фрегата.

Гамильтон, Нельсон и Актон высказали мнение о том, что «предприятие против Мальты не может быть учинено с успехом в малости людей, на берегу действовать могущих, и за невозможностью атаковать мальтийские укрепления кораблями»⁶¹⁷.

Внимательно заслушав союзников, Федор Федорович согласился лишь с тем, что для штурма Мальты нужно больше людей, но при этом заметил:

– Не почитаю иной надежды, как брать Мальту штурмом или, по крайней мере, оным устрашить французов⁶¹⁸.

Нельсон воспринял слова Ушакова как упрек, ущемляющий его самолюбие. Природная британская сдержанность не позволила ему выйти из приличия, хотя всем было

известно, что Нельсон в общении с другими людьми и в частной переписке не по чину пренебрежительно отзывался об Ушакове (Нельсон был лишь контр-адмиралом, тогда как Ушаков являлся полным адмиралом). Не так давно он писал капитану Баллю на Мальту: «Я ненавижу русских, и Вы не должны позволять развеяться на острове никакому флагу, кроме английского и неаполитанского». Сложившаяся же ситуация заставила его быть более терпимым. Часть эскадры Нельсона была в крейсерстве, сухопутных войск вовсе не было, поэтому помощь русских ему была необходима. И это при том, что Нельсон знал о претензиях российского императора на остров, и о том, что мальтийские жители, блокирующие крепость с суши, не имеют доверия к англичанам.

Причина недовольства мальтийцев англичанами состояла в том, что капитан Балль, руководивший осадой острова, с благословения неаполитанского короля и британского посланника в Неаполе, заставил жителей своими подписками признать его комендантом и губернатором. В силу полученных полномочий он стал производить «всякие наглости и взятки через своих подчиненных, что наивяще огорчило и озлобило на англичан мальтийских обывателей, кои и без того уже их не терпели»⁶¹⁹.

Для исправления положения 18 (29) августа на Мальту был отправлен прибывший недавно в Палермо португальский контр-адмирал маркиз Ница на своем 100-пушечном корабле «Принципе Реале». Лорд Нельсон поручил ему командовать там всеми сухопутными и морскими силами и руководить блокадой крепости.

Несмотря на недостаток десантного войска на российской эскадре и неприбытие штурмовых батальонов генерал-майора Д. М. Волконского, адмирал Ушаков все же собрался идти к Мальте. Но его планы изменил неаполитанский король, 25 августа (5 сентября) прибывший к нему на борт «Св. Павла».

Его Величество осмотрел корабль, похвалил офицеров и команду и между разговорами подошел к адмиралу. Подозвав к себе российского поверенного в делах военного департамента при неапольском дворе Андрея Яковлевича Италинского, он «изволил сказать:

– Столичный город мой Неаполь в опасном положении находится. Я не имею средств удержать оный в благополучии и тишине. Господин адмирал, великое одолжение мне сделаете, ежели употребите на сие обе эскадры.

Господин адмирал Ушаков ответил, что ежели не предстоит крайняя нужда идти ему тотчас в Неаполь, кажется ему не худо было бы прежде употребить эскадры на принуждение к сдаче французов, осажденных в Мальте.

Его Величество сказал в ответ:

– Прошу Вас спасти Неаполь от приключений, коими он угрожает»⁶²⁰.

Произнеся это, король дал время Ушакову подумать, а сам отбыл на турецкую эскадру.

На состоявшемся через два дня очередном совете союзники окончательно постановили отправить российско-турецкую эскадру в Неаполь «для восстановления там на законных правилах прежнего порядка и благочиния». Была отдана команда на приготовление к походу, как вдруг случилось непредвиденное.

28 августа (8 сентября) в три часа пополудни в городе разразилось настоящее побоище между жителями и турецкими матросами.

Еще в Мессине, при попытке отправить с вице-адмиралом Пустошкиным несколько турецких судов к Генуе, их команды взбунтовались, требуя от своего командования немедленного возвращения в Константинополь. Они объясняли это тем, что «сверх обыкновений столь долгое время были в отдалении от своего отечества, от жен и детей, которые по долговременному отсутствию их терпят недостатки и крайнюю бедность». Ушаков вместе с турецким командующим попытался привести их в послушание. Тогда матросы выдвинули условие, что пойдут лишь туда, куда будет следовать сам русский адмирал. С тем и пришли в Палермо.

Турецким предводителям, знавшим настроения на эскадре и необузданный нрав своих подчиненных, следовало бы в Палермо быть более осмотрительными. Но они, несмотря на это, ежедневно «в нарочитом количестве» выпускали их на берег, где последние «многokrратно раздражали народ поступками, противными благочинию и доброму порядку». В результате началась драка. Озлобленные обыватели стали забрасывать турок камнями, те, в свою очередь, отстреливаться из пистолетов. В итоге турки вынуждены были уступить большей силе и обратиться в бегство. Часть из них бросилась к морю, где, не найдя необходимого количества российских шлюпок для переправы на свои корабли, попыталась захватить рыбацкие лодки. Но их владельцы вовремя отвалили от берега. Дело дошло до рукопашной.

Меж тем и в самом городе драка продолжалась. Российский посланник впоследствии писал: «Народ здешний до такой степени ожесточился, что зачал истреблять и защищающихся и беззащитных турков, которые, потеряв надежду иметь убежище, ударились врассыпную по полям, окружающим город».

Для усмирения сторон обер-полицмейстер ввел в город солдат. Многие из них вместе с офицерами «поспешествовали намерениям соземцев своих». В отличии от них, оказавшиеся в доме российского посланника офицеры эскадры Ушакова «поспешили

исполнить свой долг». Мусин-Пушкин-Брюс вспоминал: «Одним присутствием их, являющим отменную храбрость, свойственную российскому роду, во мгновение ока рассыпали они во многих местах многие тысячи волнующихся палермитанцев, не причиняя им никакого вреда; спасли таким образом от смерти многих турков. И только мужественным и отважным поведением своим удивили всех жителей здешних и тем впредь дали пример отменной храбрости бывшему тогда в ружье палермитанскому войску»⁶²¹.

В результате побоища, продолжавшегося четыре часа, турки насчитали 14 человек убитыми, 53 ранеными и 40 пропавшими без вести. А разъяренные сицилийцы, потерявшие не меньшее число своих сограждан, отрезали у валяющихся трупов головы и «носили их на позорище во всем городе».

Адмирал Ушаков на другой день потребовал представить королю протест по поводу случившегося инцидента и просить его наказать зачинщиков драки. Фердинанд IV и сам был напуган случившимся в городе. Под угрозу был поставлен поход союзников в Неаполь. Поэтому он просил генерала Актона передать Ушакову, что примет соответствующие меры и окажет Блистательной Порте надлежащее удовлетворение. Актон со своей стороны обратился к русскому адмиралу с просьбой успокоить турок, поднявших мятеж на своих кораблях.

Федор Федорович вместе с А. Я. Италинским отправился на корабль Кадыр-бея, где сам турецкий адмирал и его офицеры «в опасности жизни и без всякой власти над подчиненными» собрались в каюте. Они уговаривали Ушакова не выходить к матросам, но Федор Федорович все же хотел попытаться лично повлиять на них, как это уже не раз бывало. Взяв с собой Кадыр-бея и прочих офицеров, он поднялся на шканцы. Встреченный ропщущими матросами и галонджи (морскими солдатами), Ушаков «приличным образом» стал их уговаривать, заверяя, что король примет все меры к наказанию их обидчиков. «Они слушали его с особливym вниманием и почтением, – доносил впоследствии Италинский, – уверены будучи, что все то, что он им от имени короля сказал, воспоследует». Но тут выяснилось, что причина бунта совсем не в драке с обывателями. Матросы заявили, что подобные драки нередко случались у них и в собственном отечестве и что при этом они никогда не считали, сколько было убитых. Они вновь заявили, что задержаны на кораблях сверх обыкновенного срока, и требуют возвращения домой.

«Между многими началось роптание до такой крайности, – писал Ушаков императору, – что с превеликим шумом и криком толпились противу нас всех начальствующих, почему и принуждены мы были оставить их в таком положении и отошли со шканцев в каюту»⁶²².

Турецким командирам не оставалось другого выхода, как следовать требованиям своих подчиненных. Кадыр-бей, возражая против этого, отказался от командования и заперся в своей каюте. Несмотря на это, 1 (12) сентября в 4 часа утра турецкая эскадра снялась с якоря и оставила Палермо.

Через два дня, не доходя до Мессины, офицеры наконец созвали совет, на котором после долгих размышлений постановили просить у Кадыр-бея прощения за ослушание взбунтовавшихся матросов. Кадыр-бей, узнав о решении совета, вышел из каюты и рекомендовал всем образумиться. Он предложил командирам возвратиться в Палермо, чтобы соединиться с российской эскадрой.

По общему согласию к вечеру 2 (13) сентября турецкая эскадра взяла обратный курс, но по причине сильного западного ветра переменяла ход. А на рассвете следующего дня обнаружилось, что корабль патрон-бея скрылся и что такое же намерение имеет корабль капитана Ибрагима. Кадыр-бей, опасаясь того, чтобы ушедшие корабли не предприняли нападений на области неаполитанского короля в знак отмщения за происшедшее в Палермо, последовал за ними. Подойдя 7 (18) сентября к Мессине, он узнал, что его корабли проследовали далее в море. Кадыр-бею ничего не оставалось, как идти следом.

Ф. Ф. Ушаков с оставшимися у него семью кораблями, фрегатом и авизом 3 (14) сентября отправился в Неаполь, куда благополучно прибыл к вечеру 7-го (18-го) числа. Корабли под русскими флагами были тут же окружены лодками неаполитанцев, играющих на трубах и в радости кричащих «Ура». По прибытии на рейд с кораблей был высажен десантный отряд с орудиями и боеприпасами, так как еще перед отбытием Ушаков получил письменные предписания Фердинанда IV «доставить в Неаполе тишину и спокойствие и иметь успехи в освобождении Рима».

Незадолго до этого, 31 августа (11 сентября), из другого конца Италии А. В. Суворов со своими чудо-богатырями направился в Швейцарию, и с его уходом народ потерял надежду на свое освобождение. Аким Лизакевич, возвращаясь из ставки Суворова, сообщал императору: «Во всех городах и селах приметил уныние и страх, начертанные на лицах обывателей по поводу выступления из Италии победоносного войска Вашего Императорского Величества и премудрого и славного оным предводителя»⁶²³.

В Неаполе же в это время, на фоне борьбы королевской власти с якобинцами и продолжающихся судилищ с непрерывными казнями, бушевала городская чернь, побуждаемая «на разные жестокие злодеяния» калабрийцами, пришедшими в Неаполь для его освобождения. Воины кардинала Руффо, «с юности своей привыкшие к грабительству», не желали возвращаться к мирной жизни и также «чинили по городу разные мерзости».

На другой день по прибытии в столицу королевства адмирал Ушаков встретился с кардиналом Руффо, назначенным главою временного правления, и имел беседу с военными чинами.

В первые четыре дня пребывания в Неаполе Федор Федорович осмотрел крепости, артиллерию, морские арсеналы и войска, и «сделал распоряжения, нужные для заведения в городе прежнего благоустройства». Из всего увиденного им, лишь артиллерия нашлась в хорошем состоянии, а все остальное «в худом». Из 14 тысяч войска только пять было вооружено «порядочными» ружьями и немного большее число было обмундировано.

Жители Неаполя «оказали неописанную радость по поводу прибытия туда господина адмирала». В короткое время Ушакову удалось навести порядок в городе, при этом авторитет русских матросов и офицеров сработал куда более эффективнее, нежели штыки.

В благодарность неаполитанский король писал русскому адмиралу: «По оказанным ныне стараниям Вашим ощущаю я особенное удовольствие, ибо они произвели в Неаполитанском моем королевстве важные следствия... Я имею много причин быть к Вам признательным, равно и ожидать, и уповать от превосходного духа, которым Вы одарены, и личных Ваших добродетелей дальнейшие действия добрых Ваших услуг в пользу Обеих Сицилий и Италии... Примите, господин адмирал, уверения о почитании, которые я Вам посвятил. Я молю Всемогущего Бога, дабы сохранял Вас пред святым и Божественным своим покровом»⁶²⁴.

Однако Федор Федорович со всей очевидностью понимал, что если вывести российские войска, то «Неаполь можно почесть пропавшим» и что тогда «ничто его защитить не сможет». Но он понимал и то, что для прекращения беспорядков необходимо прекратить преследования и казни якобинцев. В донесении Павлу I Ушаков писал: «Я предвидел, что к лучшему спокойствию и тишине нужно бы было, ежели то возможно, общее прощение». Однако Фердинанд прощать никого не собирался, а потому Федору Федоровичу пришлось задержаться в неаполитанской столице.

В Неаполе адмирал Ушаков сформировал отряд морского десанта, чтобы выполнить вторую часть поручения короля и освободить Римскую область с ее столицей.

К тому времени желающих прибрать к рукам католическую святыню оказалось немало. Еще в конце июля туда была отправлена большая часть калабрийцев, составляющих армию кардинала Руффо. Но это было сделано скорее для того, чтобы не допустить окончательного разграбления Неаполя. Однако вскоре были получены известия о том, что калабрийцы, «продолжая неистовыми своими поступками нарушать повсюду благочиние и покой, не только не могут быть впредь полезны королевской службе, но, напротив того, со

временем могут сделаться орудием какого-либо непредвидимого бунта». Поэтому король повелел их распустить и отправить по домам, выдав каждому двухмесячное жалованье в награду за прошлые заслуги.

Вместо них 1 (12) сентября из Неаполя был отправлен корпус регулярного войска в составе 2 600 человек под предводительством генерал-поручика Саландро и генерал-майора Буркарда. При этом им было дано предписание: «Ничего не предпринимать к освобождению одного города от ига французского до тех пор, пока российские воины не будут готовы выйти в поход к Риму»⁶²⁵.

Австрийцы решили опередить неаполитанцев и отправили к Риму шеститысячный корпус под командованием генерал-лейтенанта Фрелиха. Для усиления своих войск австрийский генерал предложил генерал-майору Д. М. Волконскому, прибывшему в Ливорно с тремя батальонами, совместно следовать к Риму. Но русский генерал, не имея на то повелений, отказался. А Фрелих не был Суворовым и потому продвигался не так быстро, как бы ему хотелось.

Хитрее всех оказались англичане, которые и вовсе не имели никаких войск. Нельсон, прекрасно понимая, что французы не захотят сдаваться ни австрийцам, ни неаполитанцам, отправил туда линейный корабль и несколько мелких судов под командованием командора Трубриджа, чтобы до прибытия всех прочих претендентов принять капитуляцию и стяжать себе славу освободителя Вечного города.

Расчет оказался верным. Командор Трубридж, подойдя к Чивитавеккьи, «не высадив не единого человека на берег» (Д. Джемс пишет, что он все же высадил 200 матросов), предложил французскому генералу Гарнье сдать город и подписать капитуляцию, на основании которой был бы сдан и Рим.

13 (24) сентября кардинал Руффо получил письмо от Буркарда, в котором тот извещал, что на подходе к Риму между ним и командующим французским гарнизоном генералом Гарнье состоялась переписка. Французский генерал сообщил, что командором Трубриджем ему предложена капитуляция со сдачей Чивитавеккьи и Рима, в связи с чем он просил перемирия.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков и А. Я. Италинский немедленно приехали к кардиналу. По прочтении бумаг Федор Федорович дал понять, что заключение подобной капитуляции весьма вредно и послужит усилению французских войск в Генуе. Руффо в ответ обещал не мешкая послать к Буркарду курьера с повелением не подписывать никаких капитуляций и ожидать прибытия российских войск.

Ушаков приложил все силы, чтобы назначенный к Риму корпус как можно скорее выступил в поход. Меж тем он отправил морем письмо командору Трубриджу, требуя от него прекращения переговоров с Гарнье, объясняя тем, что французский генерал вскоре принужден будет сдать Рим на условиях, «приличных достоинству воюющих против Франции держав».

16 (27) сентября кардинал получил очередное письмо из предместий Рима, в котором сообщалось, что капитуляция будет подписана в ближайшие дни. Письмо было сообщено Ушакову. Человек, всю свою жизнь исполнявший предначертания своих начальников, не мог предположить, что Буркард, имея письменное распоряжение не подписывать капитуляцию, сделает это. Поэтому утром 19 (30) сентября он отправил к Риму десантный отряд под командованием полковника Скипора и лейтенанта Балабина, а также корпус неаполитанского войска под командованием полковника Чуди.

В тот же день, в 2 часа пополудни, Федор Федорович получил прошение от кардинала Руффо приехать к нему для важного сообщения. «Сообщение сие было паки, – вспоминал Италинский, – какого невозможно было ожидать». Кардинал сказал, что только что он получил известие о подписании командором Трубриджем и генералом Буркардом капитуляции о сдаче Рима и Чивитавеккьи, при этом французы не признавались военнопленными и с оружием покинут город.

Сообщение вызвало у русского адмирала законное возмущение, и он собрался прекратить поход на Рим своего отряда. Но Руффо обратился к нему с письменной просьбой продолжить его. Он писал: «Нужно, чтобы войска эскадры вашей продолжили марш свой, иначе невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить добрый порядок».

А тем временем в Чивитавеккью вошли английские моряки, а в Рим и замок Сант Анжело – неаполитанские войска под командованием генерала Декани Буркарда.

В благодарность за то, что замок Сант Анжело и Чивитавеккья не были формально осаждены и потому гарнизоны могли бы не сдаваться, командор Трубридж «оказал французам и римским якобинцам отличную благосклонность». Он позволил всему гарнизону в составе 1 400 человек отбыть на Корсику и не воспретил якобинцам покинуть пределы Римской области. Более того, он разрешил им продать свое имущество, что вызвало явное недовольствие остальных римлян.

Буркард по настоянию Трубриджа обнародовал приказ, «воспреещающий под смертною казною оказывать противность и претительство выполнению статей капитуляции, относящиеся до римских якобинцев... не оскорблять и не нападать на них, не делать скопищ и не производить грабежей и ограблений домов»⁶²⁶. При этом он приказал обезоружить

римских обывателей, вернуть награбленные им или купленные у французов драгоценности и «не обижать общества жидов», у которых были отняты церковные сосуды и тройная папская корона, проданные им французами. После изъятия корона «с великим умилением и процессиею ношена была по улицам города».

Однако неаполитанский генерал недолго выполнял рекомендации Трубриджа и вскоре прекратил либеральничать как с якобинцами, так и с евреями, «оказавшими преданность к французам и способствовавшим и им революционизировать город». Не прошло и месяца, как Буркард, «признав несносным злоупотребление, какое коварные евреи ввели во время бывшего развратного и тиранского республиканского правления, чтобы не носить более отличающего их от христиан знака, предписал обоюга пола жидам, чтобы с обнаружения сего предписания в 24 часа никто из оных не выходил из своих жилищ, не имев на себе видимого знака, какой прежде всегда носили; в противном же случае всякой будет подвержен строжайшему наказанию, как установленному, так и произвольному»⁶²⁷. Но при этом он и пригрозил, чтобы никто их понапрасну не беспокоил. Однако кто тогда выполнял указы и предписания? В Риме началось практически то же самое, что и в Неаполе.

Заключенная Трубриджем капитуляция вызвала бурные протесты и генерала Фрелиха, подошедшего к Риму. Не желая ссориться с англичанами, австрийское командование отправило раздосадованного генерала к Анконе, которую блокировали русские моряки.

«Три батальона войск Вашего Императорского Величества, – писал с донесением Аким Лизакевич, – были приняты от тамошних жителей с восторгом радости. Весь город был иллюминирован для освещения их входу в ночное время. Многочисленный народ, собравшийся их видеть, беспрестанно вопиял: «Виват Великой Павел Первый Всероссийской, защитник христиан и человечества!»⁶²⁸.

К этому времени генерал Бонапарт, находясь в Египте, 14 (25) июля разбил турок при мысе Абукир и, воспользовавшись удалением от берега эскадры командора Сиднея Смита, вместе с лучшими генералами и офицерами (всего около 800 человек) отправился во Францию, оставив свою 16-тысячную армию на генерала Клебера. Утром 28 сентября (9 октября) корабли Наполеона вошли в бухту Фержюс на южном берегу Франции. Сойдя на берег, он тут же спросил встречающих:

– Кто командует российскими войсками в Италии?

– Фельдмаршал Суворов оставил Италию и отправился в Швейцарию. В Италии одни австрийцы, – ответили ему.

– Бонапарт весьма счастлив! – воскликнул он и спросил еще: – Какие крепости взяты неприятелем?

– Все, кроме Генуи и Кони.

–То меня не удивляет, – ухмыльнулся Бонапарт, – но я возьму их обратно, тем более что положение французской армии в Италии не столь дурное, как я воображал себе по получаемым известиям⁶²⁹.

По дороге в Париж Бонапарт везде принимался с восторгом и радостью. Очевидец сообщал, что «с прибытием генерала Бонапарта головы все раскалены к войне, а особливо у молодых людей... все возлагают на него надежду и уповают победить под его руководством». Вскоре произошел знаменитый переворот 18 брюмера (9 ноября н.с.), в результате которого Наполеон Бонапарт стал первым консулом, сосредоточив в своих руках неограниченную власть.

Оставаясь в Неаполе, Ф. Ф. Ушаков в начале октября получил письмо из Палермо от российского посланника, в котором тот по просьбе лорда Нельсона извещал «о необходимой надобности иметь в Мальте отряд российских войск» для взятия Ла-Валлетты. Незадолго до этого Нельсон ходил с частью своих кораблей в Магон, где пытался убедить коменданта гарнизона дать ему несколько батальонов под предлогом назначения их в Неаполь «для устройства и восстановления порядка и тишины, дабы Их Величества могли возвратиться в столицу». На самом же деле он намеревался отправить их на Мальту, чтобы предупредить прибытие туда адмирала Ушакова, как то уже было сделано командором Трубриджем в Риме. Для сохранения в тайне своего намерения Нельсон приказал Трубриджу с восемью кораблями подойти к острову Маритимо и, встретив суда с войсками, идти к Мальте. Однако комендант магонского гарнизона, сославшись на скорую смену командования на острове, войск не дал⁶³⁰. Потому-то и пришлось лорду Нельсону вновь идти на поклон к Ушакову, намекая на возможную передачу острова во владение российского императора.

Взятие бывшей столицы Мальтийского ордена было бы несомненно приятно Павлу I. Однако участие в блокаде и штурме Мальты англичан заставляло сомневаться, что остров когда-нибудь попадет под российскую корону. Подозревая это, В. С. Томара тогда же писал А. Я. Италинскому: «Желал бы я весьма, милостивый государь мой, чтобы есть ли возможно только взять Мальту, то брал бы ее чем скорее наш добрый и честный Федор Федорович Ушаков, и для того... не удерживайте его сверх надобностей в Неаполе... Соседство французов в Мальте есть, мне кажется, гораздо опаснее неудовольствий тамошнего (неапольского. – Авт.) народу противу якобинцев»⁶³¹.

Федор Федорович, сознавая нецелесообразность своего дальнейшего пребывания в Неаполе, действительно собирался идти к Мальте, и на просьбу Нельсона в своем письме от 7 (18) октября ответил, что по возвращении войск, отправленных в Рим, он тотчас соберет эскадру для следования на Мальту. Тогда же в письме к Фердинанду IV он высказал свое сожаление по поводу заключенной в Риме капитуляции, «несовместной с высоким достоинством союзных держав и приведенной в действие по собственной воле кардинала Руффо, командора Трубриджа и генерала Буркарда»⁶³².

Надо ли говорить о том, как неприятно было прославленному русскому адмиралу присутствовать немногим позднее на церемонии вручения кардиналу Руффо высших знаков отличия Российской империи – орденов Андрея Первозванного, которого, кстати, не имел Ушаков, и Александра Невского, пожалованных ему Павлом I.

С прибытием 4 (15) ноября в Неаполь трех батальонов генерал-майора Д. М. Волконского Ушаков начал готовиться к экспедиции на Мальту. Но случившийся в конце месяца сильный шторм значительно повредил корабли. Корабль «Азия», дрейфуя по рейду, чуть не навалился на флагманский корабль Ушакова. Лишь во время обрубленные якоря позволили «Св. Павлу избежать тяжелого столкновения.

В связи со штормом планы командующего эскадрой были расстроены. Федор Федорович по этому поводу писал императору: «Я желал со всеми теперь находящимися со мною кораблями действовать против Мальты, но корабли «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елизавет» и «Мария Магдалина» от давнего времени имеют худости и великую течь, которая в случающиеся крепкие ветры весьма умножились, а особо в корабле «Петре», даже до великой опасности, ибо сии корабли, кроме «Св. Павла», четыре года уже не килеваны»⁶³³. Исправными оставались лишь три корабля и фрегат, которые Ушаков и собрался отправить к Мальте под командованием вице-адмирала Карцова с корпусом войск князя Волконского.

Исправив повреждения, 21 декабря (1 января 1800 года) российская эскадра, исключая трех фрегатов под командованием А. А. Сорокина, оставшихся для дальнейшего ремонта, пошла в Мессину. Кроме отряда Сорокина в Неаполе осталась небольшая часть войск под командованием Г. Г. Белли, а в Генуэзском заливе – отряд кораблей под командованием П. В. Пустошкина.

На этом, по существу, была поставлена точка в знаменитой Средиземноморской экспедиции российской эскадры под командованием Федора Федоровича Ушакова. Однако дорога домой оказалась неблизкой. Впереди ожидалось еще немало трудностей и разочарований.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭСКАДРЫ

В изменившейся обстановке, когда «Венский двор занимался единственно изгнанием из Италии французов и приобретением более половины оной себе... а Англия, находя более для себя выгоды в войне, чем в мирном положении, господствуя во всех морях и учреждая всеместно коммерцию, занималась единственно своими военными предприятиями, стараясь вооружать как можно более и долее все державы против Франции», Павел I принял решение на прекращение своего участия в антифранцузской коалиции и возвращение армии и флота в Россию. Но вернуть эскадру в Севастополь оказалось также непросто, как и отправить ее в Средиземное море через проливы. Дипломатам приходилось учитывать возможную реакцию всех сторон, и особенно турецкой. Но указы императора об отзыве эскадры и армии шли один за другим. Сначала они имели упредительный характер, а затем повелевающий. Он изменял свои намерения практически еженедельно. В рескрипте А. В. Суворову от 18 сентября 1799 года император высказывал мысль о проведении во Франции «инсurreкции» (контрреволюции); 25 сентября повелевал ему расположить войска по границам в случае возвращения в Россию; 2 октября подтверждал, что при первом признаке тайных переговоров Австрии и Франции возвращать в Россию войска; 11 октября уже повеление «конечно возвращаться к границам для их ограждения».

8 октября был подписан высочайший указ и Ф. Ф. Ушакову, в котором говорилось: «Когда из открывающихся в Италии обстоятельств усмотрите, что помощь флота уже более там не нужна, в таком случае, буде Мальта еще не будет взята от французов и скорой оной сдачи не предвидится, то забрать туда назначенной гарнизон под командою генерал-майора Волконского, равно и назначенной для охранительной гвардии королю неаполитанскому генерал-майора Бороздина, возвращаться к своим портам, дебаркируя (высадив. – Авт.) означенные войска в Одессе»⁶³⁴.

В. С. Томара, получив аналогичный указ, резонно заметил, что «отзыв всей эскадры весьма опасно предлагать туркам, а должно только говорить о возвращении одной части оной в черноморские порты для необходимого исправления кораблей и отвозу ненадобных войск в Италию». Василий Степанович здраво рассудил: «Зачем понапрасну беспокоить турок, когда время к проходу кораблей в Черное море все равно уже упущено до весны следующего года». А потому на встрече с реиз-эфенди объявил ему, что отзыв эскадры будет зависеть от надобностей ее в защите турецких владений.

Турецкого министра такая постановка вопроса вполне удовлетворяла, так как надобность в российской эскадре у Порты действительно была. Реиз-эфенди решил

воспользоваться случаем и попросил российского посланника написать Ушакову о присылке отряда кораблей к Египту в помощь эскадре Сеит-Али. Но Василий Степанович отписал Федору Федоровичу, чтобы тот сослался на необходимость срочной починки судов.

18 (29) ноября Томара получил высочайший указ от 23 октября, который значительно усложнил ситуацию в отношениях с турецкой стороной. В нем говорилось: «Вам предписываю предупредить Порту о возвращении эскадр Моих из Средиземного моря в Черное, дав сему такой вид, что по отходе их (турецкой. – Авт.) эскадры, не видя большой надобности для предохранения Италии иметь у ее берегов флот и войска, рассудил за благо возвратить оныя по сей причине и для починки»⁶³⁵. Кроме прочего Павел I добавил, что ему было бы приятно, если бы турки взяли на себя содержание гарнизона на бывших Венецианских островах.

Повеление императора повергло Василия Степановича в глубокое раздумье. Он, как никто, понимал, что как только Порты узнает об отзыве эскадры, «то почнет себя совершенно оставленною» и обвинит Россию в нарушении союзного трактата, в результате чего могут произойти «уничтожение навсегда доверенности турков к России, новые и теснейшие прежних связи их с Франциею и Австриею, разрыв союза и обращение Порты противу России». Под угрозой оказывался и вопрос об окончательном устройстве бывших Венецианских островов. Поэтому, поразмыслив, Томара сообщил Порте лишь об отзыве войск из Европы, умолчав о возвращении эскадры, немедленно изложив свои соображения императору.

Но следом уже летел указ от 1 ноября, подтверждающий намерение вернуть эскадру в Черное море, в котором говорилось: «Если Порте оная эскадра опять понадобится, то по исправлении ее я готов ее отправить на соединение с турецким флотом, но без десантного войска». В этом же указе была высказана новая и неожиданная идея Павла I. «Я, собрав все и став на месте, – писал он, – готов буду защищать себя и верных союзников Моих, а прочим державам мешать не буду или истощевать их силы, воюя между собою, или ополчась на Францию. Я уповаю установить Северный союз между Берлинским, Лондонским, Копенгагенским и Стокгольмским»⁶³⁶. Не оставалось никаких сомнений, что политический курс российского кабинета был круто повернут в другую сторону и держать эскадру Ушакова в Средиземном море не было смысла. Но сделать это надо было аккуратно, чтобы в максимальной степени можно было воспользоваться завоеваниями адмирала Ушакова в Средиземном море и, по возможности, удержать императора от опрометчивых поступков.

Прибыв 28 декабря (8 января 1800 года) в Мессину, Ф. Ф. Ушаков получил высочайшее повеление «забрать на эскадру войска, назначенные в Мальту, и следовать в

Черное море к российским портам для исправления судов». Сохраняя в тайне подлинную цель отзыва эскадры, 8 (19) января 1800 года она пришла на Корфу, что привело в нескрываемое разочарование Фердинанда IV и Нельсона. Всего пять с половиной месяцев отсутствовал Федор Федорович на острове, но за это время здесь произошло немало событий. Прежде всего он заметил перемену во взаимоотношениях нобилитета с русским командованием во главе с капитаном 1 ранга А. П. Алексиано.

После торжеств, связанных с приходом российской эскадры, Ушаков пригласил к себе Алексиано и российского генерального консула Л. П. Бенаки. Разговор был долгий и серьезный. От них Федор Федорович в подробностях услышал о намерениях «лицемерного и хитрого» Али-паши напасть на Корфу под видом сбора войск против французов. Поведали адмиралу и о прибытии на остров турецкой эскадры, покинувшей в сентябре 1799 года Ушакова в Палермо.

Тогда появление на рейде двух турецких линейных кораблей не на шутку встревожило жителей города. Опасения корфиотов были тем более оправданы, что предводительствовал ими патрон-бей, который в бытность на острове обеих флотов проявил себя человеком жестокосердным, коварным и «исполненным гнуснейшей злости». Два раза он устраивал облавы на жителей, защищающихся от грабежей его матросов, пока по настоянию Ушакова не возвратился на корабль и более с него не сходил до самого отбытия.

Капитан 1 ранга Алексиано по приближении турецких кораблей салютовал вице-адмиральскому флагу и на катере отправился поздравить его с прибытием. Во время встречи, узнав подлинную причину возвращения, он условился с турками о соблюдении порядка в городе. Через несколько дней появились и остальные шесть судов под флагом самого Кадыр-бея, которые все остались на Корфу в ожидании повелений султана.

Порта не стала удерживать свою эскадру в Архипелаге, тем более, что имела большую надобность в ее присутствии у берегов Египта. Поэтому 17 (28) октября турки покинули Корфу и отправились в Константинополь, где спешно стали предпринимать меры для укрощения возможного «своеволья» матросов эскадры. Но по мере приближения к столице почти вся команда, за исключением трех кораблей, опасаясь репрессий, разбежалась. Даже на корабле самого Кадыр-бея осталось всего 57 матросов. Угрожая командиру смертью и отняв у него все деньги, они сошли на берег. Так что для входа в столицу капудан-паше пришлось отправлять к Кадыр-бею своих чаушей и людей.

Тем не менее, вход турецкой эскадры в Константинополь был обставлен с помпезностью. Султан в награду за долговременную кампанию и за «подвиги в островах Венецианских» послал на корабли 100 мешков денег (50 тысяч пиастров). «К толикому

притворству, – писал В. С. Томара, – понуждает правительство порядок столицы». Но Кючук-Гуссейн был явно недоволен всем происходящим. Он сразу же напал на Кадыр-бея с обвинениями в разложении эскадры. Досталось и Федору Федоровичу. Капудан-паша начал высказывать претензии в якобы несправедливом разделе призов после взятия Корфу; в том, что Ушаков был награжден султаном бриллиантовым челенгом, а Кадыр-бей всего лишь часами в 700 пиастров, утаив о поднесенной ему бриллиантовой табакерке и крупной сумме денег, что адмирал Ушаков, принимая «довольно учтивым образом» Кадыр-бея, не допускал к себе прочих турецких офицеров, а если и встречался с ними, то не вставал, хотя доподлинно известно, что наоборот «ни один не только офицер эскадры турецкой, но ниже простой галонджи, сидя на месте, не привставал пред мимо ходившим нашим адмиралом».

Через месяц после ухода с Корфу турецкой эскадры туда прибыли суда под командованием капитана 1 ранга С. А. Пустошкина, доставившие из Одессы корпус войск под командованием генерал-майора М. М. Бороздина, предназначенных для «охранительной гвардии» неаполитанскому королю. С приходом русских войск уже ни у кого не появлялось желания прибрать Корфу к рукам. Но на островах к тому времени резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка.

Нобили (аристократы), отправив своих депутатов к Порте, пытались убедить турецких министров уничтожить ушаковскую конституцию или, как ее именовали, «Временный план» и вместе с ним лишить «второклассных» (нарождающуюся буржуазию) политических прав, что, естественно, вызвало ожесточенное сопротивление последних. Начались брожения, о которых генерал М. М. Бороздин неоднократно сообщал В. С. Томаре.

Хуже всех он оценивал обстановку на Корфу. «Сената никто не слушает, – писал Михаил Михайлович. – Президент человек умной и хороший, но по старости лет слаб всеми чувствами, что его в Сенате куклою считать можно, а прочие сенаторы большою частию имеют все свои интересы... Я беспутнее и слабее правления от роду не видывал. Всякий тянет в свою сторону, настоящего патриотизма ни в ком нету и, одним словом, сильно уверяю Вас, что Ионическая республика существовать сама собою ни под каким видом не может»⁶³⁷.

Однако воззрения Томары при попустительстве и равнодушии Павла I к делам Ионических островов были достаточно консервативными. В письме к А. Я. Италинскому по поводу политического устройства на островах он писал: «Первые правила кажутся мне все ясны. Новую республику составят семь соединенных островов. Правление должно быть аристократическое». А это в существе своем говорило о том, что Томара по этому вопросу придерживался иного мнения, нежели адмирал Ушаков.

Федор Федорович никогда не был республиканцем или сторонником каких-либо демократических преобразований, но здравый смысл подсказывал ему, что если лишить политических прав «второклассных», отдав всю полноту власти аристократам или, как их называли, нобилиям, то начнется неизбежное противостояние с непредсказуемыми последствиями. В годовщину штурма Корфу он с горечью писал: «Предвидимые из того следствия отвратить трудно, кроме силою войск, но то будет тщетно, всегда войска наши в островах быть не могут; острова сии предвижу я пропащими».

Российский император, что называется, подлил масла в огонь, отправив 8 февраля рескрипт Томаре, в котором писал: «С Моей стороны видов никаких быть ни к присвоению, ни к завладению властью правительства тех островов не может, тем менее, что Я не пожелал иметь и войск Моих в оных, предоставив хранение и соблюдение порядка единой Порте... Скажите, что Я советую Порте сии острова себе взять, что будет весьма хорошо в предосторожность от протчих соседей»⁶³⁸.

Слава Богу, у Томары хватило разума не давать ходу этому рескрипту, и 21 марта (1 апреля) им и реиз-эфенди была подписана так называемая Константинопольская конвенция по Ионическим островам⁶³⁹. На основании подписанного документа острова получили статус самостоятельного государства под вассальной зависимостью Турции с названием Республика семи соединенных островов, предложенным российским драгоманом (переводчиком) Иосифом Фонтоном. При этом Россия гарантировала целостность нового государственного образования и до окончания войны там могли находиться ее войска, равно как и турецкие. Однако факт заключения Конвенции решено было сохранить в тайне до момента ее ратификации (размен ратификации состоялся в Константинополе лишь 1 (12) октября 1800 года). Вместе с Конвенцией была принята и новая Конституция, восстанавливающая политическую власть аристократии. Таким образом, происками нобилей было попрано либеральное уложение, созданное на островах адмиралом Ушаковым, за что им в скором времени придется расплачиваться. Как бы там ни было, но результатом Средиземноморской экспедиции эскадры Ушакова стало создание, по существу, самостоятельного греческого государства нового времени.

В середине февраля Федор Федорович, к своему удивлению, получил рескрипт Павла I от 4 января с требованием идти к Мальте и отправить в Неаполь корпус генерал-лейтенанта Бороздина. К тому времени состояние дел на Мальте было действительно сложным. Еще в конце прошлого 1799 года мальтийские начальники просили прибывшего туда А. Я. Италинского передать адмиралу Ушакову, «что без него английский на Мальте

корпус не только не в состоянии что-либо предпринять, но и в великой найдется опасности, ежели Вобоа решится сделать вылазку нарочитым числом людей»⁶⁴⁰.

Ушаков оказался в весьма затруднительном положении, так как состояние его эскадры было действительно удручающее. Более менее способные к плаванию корабли находились при блокаде Генуи под командованием вице-адмирала Пустошкина и в крейсерстве по Средиземному морю между Африкой и Италией под командованием вице-адмирала Карцова для перехвата французских судов, следующих из Египта. Но императорский указ надо было выполнять. Для этих целей он решил отозвать от Генуи отряд Пустошкина и вызвать из Неаполя отряд Сорокина, чтобы на его судах переправить обратно в Неаполь корпус Бороздина. Его распоряжение было в точности исполнено. Корпус генерала Бороздина 21 апреля (2 мая) был доставлен в Неаполь. Прибыл к Корфу и отряд Пустошкина для перевозки войск генерала Волконского на Мальту. Однако отправление их на Мальту задерживалось.

К лету обстановка в Италии резко обострилась. 3 (14) июня при Маренго австрийцы потерпели сокрушительное поражение от войск Наполеона. В результате союзники потеряли контроль над большей частью Северной Италии. Им снова срочно потребовалась помощь русского императора, его армии и флота. Принц Кассаро, сменивший кардинала Руффо на посту главы временного правления в Неаполе, слезно просил адмирала Ушакова «поспешить на помощь со всею эскадрою и сухопутным войском».

Федор Федорович, повинуясь союзническому долгу, стал готовить эскадру к отбытию в Неаполь вместе с войсками, предназначенными на Мальту. Однако вскоре он получил предписание императора вместе с батальонами Волконского отправляться в Черное море, оставив в Неаполе корпус генерала Бороздина и отряд судов под командованием Сорокина.

Пребывание адмирала Ушакова на Корфу было непростым. Приходилось урегулировать конфликты местного правления с российской военной администрацией. И все же, расставание с жителями Ионических островов было весьма трогательным.

Отмечая заслуги русского адмирала, Сенат в письме к президентам соединенных островов сообщал: «Его высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Ушаков, освобождая сии острова геройственною своею рукою, учредив отеческими своими благорасположениями соединение их, образовав нынешнее временное правление, обратил он яко знаменитый освободитель все свое попечение на пользу и благоденствие искупленных им народов»⁶⁴¹.

Каждый остров счел своим долгом отблагодарить своего спасителя. Сенат острова Корфу поднес адмиралу золотой меч, осыпанный алмазами, с надписью: «Остров Корфу

адмиралу Ушакову». Его вручение сопровождалось лестными отзывами и такой речью: «За благодеяние, оказанное сильною благотворительною десницею августейших государей, избавителей и покровителей наших, отечество провозглашает Вас освободителем и отцом своим». Аналогичный подарок сделали жители Занте.

Острова Кефалония и Итака поднесли специально выбитые по этому поводу золотые медали. Надпись на лицевой стороне первой медали с профильным изображением самого адмирала гласила: «Федор Ушаков российский доблестный благочестивый адмирал. 1800». На обратной стороне было изображение крепости острова Корфу с надписью: «Спасителю всех Ионических островов – Кефалония».

В одном из эмигрантских изданий в Бизерте капитан 1 ранга М. Ю. Гаршин писал, что таких медалей было изготовлено шесть комплектов: одна золотая для адмирала и пять серебряных для его командиров. Автором медали был гравер Константин Вурвахис. К сожалению, писал автор, что золотая медаль, каким-то образом, попала в Британский музей; из пяти серебряных – одна в Эрмитаж, а судьба остальных четырех осталась неизвестной.

Медаль от острова Итака была ювелирной работы. Ее автором был Теанетос Арсенис. На ее лицевой стороне изображен Одиссей, а на обороте виньетка сокращенная надпись: «Слава итакийцев, Кавалер Федор Ушаков, прими дар в знак нашего уважения»*.

Кроме того, от президента Итаки Ушакову был подарен прекрасной работы серебряный щит с изображением подвигов и трофеев адмирала.

6 (17) июля при отходе российской эскадры казалось, что все жители Корфу вышли на берег. Они провожали русских моряков со слезами на глазах, напутствуя их словами благодарности и благословения. А Федор Федорович оставлял остров с чувством тревоги за его дальнейшую судьбу. Ведь жители еще не знали, что учрежденное им правление скоро будет сменено на основании заключенной в марте Константинопольской конвенции.

31 августа (11 сентября) на подходе к Дарданеллам Ушаков получил письмо от В. С. Томары, в котором тот извещал, что султан настоятельно рекомендовал ему, не задерживаясь в Константинополе, способным южным ветром пройти прямо в Буюк-Дере, чтобы не вызвать непредвиденных действий столичной «черни».

Подойдя к Константинополю, Федор Федорович был вынужден остановить свою эскадру из-за сильного встречного ветра. Расположившись около Семибашенного замка, он

* В «Русском архиве» за 1901 год была заметка о письме московского почтмейстера А. Я. Булгакова к своему брату о судьбе медалей, поднесенных адмиралу Ушакову жителями Ионических островов: «Вообрази, что вандалы сии, т.е. два племянника и наследника Ушакова, не согласились в дележе, рубили медали на две части; медали кои бы должно хранить в роде, яко похвальные грамоты. Больно сие слышать».

несколько дней прождал благоприятного к проходу канала ветра. В это время к нему на эскадру прибыл первый драгоман Порты с поздравлениями по случаю прибытия и для вручения от имени султана второго алмазного пера (челенга).

Адмирал, понимая настороженность турок в связи с тем, что вместе с ним следовали и балтийские корабли вице-адмирала Карцова, пригласил на них драгомана, объясняя ему их устройство и вооружение, а также причину следования в Черное море. К удивлению Ушакова, никаких протестов в связи с этим не последовало. На следующий день командующий эскадрой встретился с реиз-эфенди, с которым решал вопросы снабжения во время стоянки судов и для дальнейшего следования к своим портам. Здесь же он узнал о взятии 23 августа (3 сентября) крепости Ла-Валетта на Мальте английским генералом Пиго и вице-адмиралом Кейтом.

10 (21) сентября российская эскадра снялась с якоря и пошла к Буюк-Дере. При следовании мимо турецкой столицы произошел настоящий парад салютации. Первыми приветствие начали русские моряки, отсалютовав зимнему дворцу султана 21 выстрелом и 15 выстрелами – Топхане, откуда было отвечено равным количеством залпов. Поравнявшись с загородным дворцом Бешик-Таш, россияне салютовали султану 31 выстрелом. При этом экипажи были расставлены по вантам и шесть раз прокричали «Ура!». Четкость действий моряков эскадры адмирала Ушакова и необычное для султана приветствие вызвали в нем нескрываемое удовольствие. Он послал повеление капудан-паше первому приветствовать русского адмирала при его приближении. Гуссейн-паша исполнил волю султана, встречая Андреевский адмиральский флаг 17 выстрелами, на что получил равнозначный ответ⁶⁴².

Ровно месяц эскадра Ушакова еще простояла в Босфоре, ожидая обещанного снабжения. И вот, наконец, 12 (23) октября все было готово. Эскадра снялась с якоря и потянулась к выходу в Черное море. Но встречный ветер вновь вынудил Ушакова встать на якорь. Только через 11 дней русские моряки взяли курс к родным берегам и 26 октября (6 ноября) под гром орудийных салютов и несмолкаемые возгласы горожан вошли в Севастопольскую бухту.

Таким образом, Средиземноморская экспедиция русской эскадры под командованием адмирала Ушакова была завершена. В ходе ее Россия, используя свой флот в качестве действенного инструмента внешней политики, дала свободу народам Ионических островов и упрочила там свое влияние. В этой связи примечательным является факт, что впервые в отечественной истории представителю флота, адмиралу Ф. Ф. Ушакову, была поручена ответственная дипломатическая миссия – непосредственное руководство созданием новой государственности, с которой он блестяще справился, проявив себя талантливым политиком

и умелым дипломатом. В результате России удалось создать первое национальное греческое государство нового времени – Республику семи соединенных островов, явившейся прообразом независимой Греции.

Но, наверно, не только указы и рескрипты были определяющими в благородной миссии Ушакова. Федор Федорович любил греков и его действия были продиктованы искренним желанием помочь своим братьям во Христе.

Кроме того, подвиги наших моряков и солдат обессмертили имя русского воина в Европе. Средиземноморская экспедиция адмирала Ф. Ф. Ушакова и Итальянский поход генерал-фельдмаршала А. В. Суворова стали одними из самых блистательных страниц российской военной истории. «Такой яркой, торжествующей победы духа над материей не выпадало на долю ни одного народа, ни одной армии в мире»⁶⁴³.

«История сохранит память славного сего похода и передаст потомству блистательное мужество и непоколебимую твердость войск, участвующих в покорении Ионических островов. Они доставили целому свету, что повиновение и доверенность союзников, что любовь покоряемых народов и уважение самого неприятеля не приобретаются одними победами, но человеколюбием, бескорыстием, великодушием и твердостью; сии добродетели, особенно русских воинов украшающие, соделали в 1799 году память их незабвенною между греками, французами, итальянцами, турками, долматами и албанцами».

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

1. НЕ У ДЕЛ

По завершении Средиземноморской кампании адмирал Ушаков с присущим ему старанием приступил к починке флота и подготовке его к очередному походу в Средиземное море. Но 11 марта 1801 года император Павел I, инициатор нового похода, был убит заговорщиками. На престол взошел его сын Александр I, который резко поменял политическую ориентацию российского кабинета. В результате черноморская эскадра осталась в Севастополе, а Федор Федорович оказался не у дел.

Не получив в свое время покровительства убиенного императора, адмирал поздравил нового монарха со вступлением на престол и заверил его в своей преданности. Александр I, прочитав послание заслуженного адмирала, 4 октября ответил: «Господин Адмирал Ушаков, мне приятно было видеть усердие Ваше, изображенное в поздравлении Вашем со днем моей коронации, примите истинную благодарность мою и уверение, что я всегда пребываю Вам доброжелательный»⁶⁴⁴.

В конце мая 1802 года Ф. Ф. Ушаков был переведен в Санкт-Петербург с назначением главным командиром Балтийского гребного флота. Назначение на первый взгляд явно не соответствовало чину и заслугам адмирала, что впоследствии дало повод писателям и историкам истолковать этот факт как опалу. Но здесь надо основательно разобраться.

В отечественной литературе утвердилось мнение, что перевод Ушакова на Балтику для командования «потерявшим военную значимость» гребным флотом, явился, якобы, следствием его опалы, за самовольное создание республики на Ионических островах. На самом деле никакой опалы как таковой не было и объективно быть не могло. На создание Ионической республики, или так называемого Нового правления, Ушакову были даны полномочия, и его действия были одобрены Павлом I. Не было и неприязни со стороны Александра I и его двора. Поэтому причины надо искать в другом – в военно-политической обстановке и в взглядах самого императора на перспективы развития армии и флота.

Во время победоносного шествия наполеоновских войск по Европе основная ставка делалась на армию. Флот же в этих условиях, как «маловажный» атрибут государства, был значительно ограничен в решении военно-политических задач и отдан на откуп чиновникам и иностранцам, причем не лучшим их представителям, которые начали вершить судьбу флота по своему усмотрению. При дворе возобладало мнение о ненужности большого флота для «сухопутной» России. Вот что, например, по этому поводу говорил тогдашний исполняющий должность морского министра П. В. Чичагов: «Флот, как бы в доказательство своей бесполезности, оставался в полнейшем бездействии после смерти Петра I... Русский флот, созданный умом Петра I, мог существовать только им одним. Так как он ни в духе народном, ни в духе русского правительства, то на него не смотрят, как на необходимое для благосостояния или безопасности Империи, и он есть обременительная роскошь подражания, зависящая от доброй воли государей».

В анналах истории запечатлелось и еще одно изречение другого «морского деятеля – председателя Комитета «по образованию флота», графа А. Р. Воронцова. Он писал: «России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не представляется».

Вот так, ни больше, ни меньше... И результаты такой политики не заставили себя долго ждать: боевые адмиралы, в том числе и Ф. Ф. Ушаков, были поставлены на вторые роли, или вовсе оттеснены в сторону, а некогда могучий российский флот стал приходить в упадок.

С тяжелым сердцем покидал Федор Федорович Севастополь. Офицеры, матросы и горожане плакали, провожая своего благодетеля, надеясь, однако, на то, что вскорости он снова вернется сюда, если не к командованию флотом, то, по крайней мере, в свое имение на Северной стороне, где намеревался провести остаток своих дней.

К 24 декабря адмирал Ушаков прибыл в белокаменную, остановившись близ Сретенского монастыря, но пробыл там недолго. Не дожидаясь Нового года он отправился, как отмечалось в Московских ведомостях, в Петербург, куда вскорости и прибыл. 5 января 1802 года он был уже принят вдовствующей императрицей Марией Федоровной и в числе двенадцати других важных персон изволил с ней отобедать.

Первым, что сделал адмирал в Петербурге – распорядился об устройстве осиротевших после смерти родного брата Ивана его детях. Романовская опека определила их в попечительство капитана Василия Степановича Рылова – крестного отца одного из племянников (Николая), который по рекомендации адмирала 16 января 1802 года написал прошение на высочайшее имя о принятии в Морской корпус Николая и Федора Ушаковых. 7 мая оба недоросля были уже представлены царю и «Его Императорское Величество повелел соизволил определить в оный корпус с тем, чтоб об определении их в кадеты предоставляется на рассмотрение директора одного корпуса (вице-адмирала П. К. Карцова. – Авт.)»⁶⁴⁵. И 1 июня братья Ушаковы были определены кадетами в Морской корпус.

В это же время Федор Федорович подал прошение на имя благосклонно относящейся к нему Марии Федоровны о принятии племянницы Павлы Ивановны Ушаковой в училище Ордена Св. Екатерины. 21 августа он получил доброжелательный ответ:

«Господин адмирал Ушаков!

Уважив просьбу Вашу и объясненные в ней обстоятельства я предписала принять племянницу Вашу, дочь Коллежского Ассессора Ушакова, в училище Ордена Св. Екатерины пансионеркою на Вашем иждивении; почему и можете Вы представить ее к начальнице того Училища Госпоже Брейткопф»⁶⁴⁶.

Не забыл адмирал и об Иване, который после Средиземноморской кампании продолжал службу на Черноморском флоте. В 1805 году Федор Федорович снова заберет его под свое начало.

Так потекла столичная жизнь прославленного боевого адмирала. Поселился Федор Федорович на 10-й линии Васильевского острова в добротном деревянном доме на каменном фундаменте № 238 по соседству с домом адмирала Михаила Кондратьевича Макарова. С прилегающей территорией площадь дома составляла 380 кв. сажень, в том числе 165 – под садами и огородами; 48 – под дворами; 60 – под улицами; 5 – под реками и каналами⁶⁴⁷.

Не забывал адмирал заботиться о ближних своих: в его дом в часто приходили за помощью. Одних он снабжал деньгами, одеждой, за других, особо нуждающихся, ходатайствовал перед более имущими господами. Например, переписываясь с известным благотворителем графом Н. П. Шереметевым, построившим в Москве в память своей умершей жены Странноприимный дом, Федор Федорович не однажды обращался к нему с просьбами подобного характера. «Зная доброе расположение Ваше к спасительным делам и благодеянию, – писал ему Ушаков в одном из своих писем, – посылаю к Вашему Сиятельству двух странниц, пришедших из отдаленного края просить позволения о построении храма Божьего и устройении жилищ в пользу увечных и больных. По их бедности, я содержу их в своем доме и одел их»⁶⁴⁸.

27 сентября 1804 года Ф. Ф. Ушаков был назначен начальником Петербургских флотских команд с оставлением в должности главного командира Балтийского гребного флота. 30 октября того же года Указом Александра I он был назначен председателем квалификационной комиссии «по производству в классные чины шкиперов, подшкиперов, унтер-офицеров и клерков Балтийских и Черноморских портов», образованной при Морском кадетском корпусе⁶⁴⁹. Вроде бы для старого адмирала все складывалось неплохо. Но беспокойно было на душе. Флот приходил в упадок, а заслуженные адмиралы покидали службу. Все это угнетало Федора Федоровича.

В декабре 1806 года он подал прошение об отставке, ссылаясь на «телесную и душевную болезнь». В объяснении причин своей душевной болезни Ушаков писал императору: «Долговременную службу мою продолжал я от юных лет моих всегда непрерывно с ревностью, усердием и отличной и неусыпной бдительностью. Справедливость сего свидетельствуют многократно получаемые мною знаки отличий, ныне же по окончании знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море, частью прославившей флот ваш, замечаю в сравнении противу прочих лишенным себя высокомонарших милостей и милостивого воззрения. Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья, Богу известны – да будет воля Его святая. Все случившееся со мною приемлю с глубочайшим благоговением...»⁶⁵⁰.

Эти слова, венчающие ратный подвиг непобедимого адмирала, его славное и многотрудное служение Отечеству свидетельствуют о его покорности воле Божией и христианском смирении.

Заканчивая службу, 17 декабря 1806 года, Федор Федорович решил поднести в дар Отечеству алмазный челенг и пять медных пушек с припасами, пожалованных ему турецким султаном, а также две тысячи рублей⁶⁵¹. Узнав об этом, Александр I через Петербургского губернского предводителя дворянства обер-камергера графа А. С. Строганова просил передать адмиралу слова благодарности и вернуть челенг. В записке к Строганову он писал: «Отдавая полную справедливость благородным чувствованиям к такому пожертвованию его побудившим, почитаю я, что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов на водах Средиземного моря им оказанных. Посему и желаю я, чтобы вы объявили адмиралу Ушакову благодарность мою за столь знаменитое пожертвование, возвратили ему сию вещь, которая отныне будет свидетельствовать сверх военных его подвигов и примерное поревнование ко благу любезного Отечества»⁶⁵². Документ был датирован 2 января 1807 года. А 17 января последовал Указ об отставке.

Отойдя от службы, адмирал Ушаков не спешил удалиться из Петербурга, продолжая покровительствовать своим племянникам. Да и куда было ехать? В родовом имении Бурнаково проживала вдова двоюродного брата Александра Силыча Ушакова – Федосья Михайловна с большими семьями своих дочерей Мавры (Бердяевой) и Александры (Рыловой). Было еще несколько благоприобретенных в последние годы деревень в Романовском, Рыбинском, Пошехонском и Череповецком уездах, но это скорее для того, чтобы иметь недвижимость и хоть что-то оставить своим племянникам.

А потому для своего дальнейшего пребывания Федор Федорович купил землю в 160 десятинах в Тамбовской губернии в Темниковской округе в сельце Алексеевке близ Санаксарского монастыря, где настоятелем был когда-то его родной дядя – отец Феодор, на которой стояло всего лишь семь крестьянских дворов. Между ними отставной адмирал построил себе, как он выразился, «хижину», с твердым желанием провести там остаток своих дней. Земли, однако, было маловато, да и доходу с нее против севастопольской, отданной по доброй его воле в государственное пользование для надобностей города Севастополя на казенное устройство и на поселение там отставных от флота служителей.

По этой причине в апреле 1809 года Федор Федорович обратился к монарху с всеподданнейшей просьбой «вместо оной (севастопольской. – Авт.) земли в награждение пожаловать... просимую землю 400 десятинах Тамбовской губернии Темниковской округи состоящую по близости... сельца Алексеевки»⁶⁵³.

Пока решался этот вопрос Ф. Ф. Ушаков оставался в Петербурге и, как в прежние годы, бывал непременно участником церемониальных приемов в Зимнем дворце⁶⁵⁴. Жизнь в столице у отставного адмирала шла своим чередом, как вдруг случилось несчастье. По нелепой случайности 7 октября 1809 года утонул старший из племянников – Иван. При посадке на вельбот в штормовую погоду Иван «неосторожностью опрокинул оный» и упал в воду. Бросившиеся ему на помощь матросы тендера «Навигатор», стоявшего здесь же, «у пристани Английской набережной, против дому графа Румянцева», не успели помочь⁶⁵⁵. Тяжело переживал утрату Федор Федорович, ведь он, по сути, воспитал Ивана, сделал из него хорошего моряка.

После случившегося адмирал стал подумывать о том, что он оставит своим племянникам после себя? Всякое могло случиться – годы брали свое. В мае 1810 года Федор Федорович написал завещание. Читая завещание, понимаешь, с каким уважением и любовью относился адмирал к своим близким, ничего не жалея для их блага. Не имея своей собственной семьи и детей, он все без остатка отдал своим племянникам.

И вот перед нами этот исключительно интересный документ, раскрывающий высокие человеческие качества русского флотоводца. Не слишком богат был адмирал. Его капиталы и владения не могли равняться с недвижимостью менее прославленных его коллег. Унаследованные и приобретенные в последние годы чуть больше десятка деревень даже именьями-то можно было назвать с натяжкой. В них состояло всего около 200 крестьянских душ, а общая стоимость оценивалась в 200 тысяч рублей⁶⁵⁶. Для такого высокого чина, какой имел Ушаков, это было немного. И почти все Федор Федорович отдал племянникам, оставив для себя небольшое имение в Тамбовской губернии. Он сделал для своих близких все, что мог, и тем был доволен.

2. У СВЯТЫХ СТЕН

Исполнив долг перед усопшим братом и перед своей совестью, Федор Федорович мог подумать и о спасении своей души. Адмирал испытывал удовлетворение от того, что его племянники встали на ноги и вступили в самостоятельную жизнь.

Николай 24 декабря 1809 года был произведен в мичманы гребного флота, а в мае следующего года переведен в недавно сформированный (16 февраля 1810 года) Гвардейский Флотский экипаж. Попасть туда было непросто, с флота отбирали самых достойных и переводили в Экипаж за отличия, как бы в награду. С переводом в Гвардейский экипаж Николай был назначен на фрегат «Церера», на котором и продолжилась его офицерская

служба. Младший Федор к этому времени стал гардемаринном. А как сложилась судьба Павлы, нам не известно. Но, очевидно, старый адмирал не оставил и племянницу без своего участия.

Так что оставаться в Петербурге Федору Федоровичу не было уже никакой нужды, а душа просила покоя и умиротворения. Потому он продал свой петербургский дом, двухместную английскую карету и отправился к себе на Тамбовщину. С этого времени у отставного адмирала началась размеренная деревенская жизнь. По воскресным и праздничным дням Федор Федорович приезжал в Санаксарский монастырь.

Начало свое Санаксарский монастырь, или Санаксарская пустынь, получил в 1659 году, в царствование царя Алексея Михайловича. Житель города Темникова дворянин Лука Евсюков, владея землею на берегу Мокши, нашел это место удобным для иноческой жизни и задумал основать монастырь. Для этой цели пригласил он из опустелого Старо-Кадомского монастыря старца игумена Феодосия. Старец, пленившись красотой этого уединенного места, решил остаться здесь навсегда. С Божией помощью игумен Феодосий сначала построил часовню для отправления в ней молитвенного богослужебного чина. Потом стали расчищать лес и место для устройства монастыря и построили необходимые для жилья кельи. Собравшееся братство под руководством игумена Феодосия прожило таким образом около десяти лет.

Смирная благочестивая жизнь подвижников Санаксарской пустыни привлекла к ним внимание и любовь жителей города Темникова и близ живущих людей. Прибывали братья, любители пустынного жития. И вот, в 1669 году, было получено благословение Святейшего Патриарха Иоасафа II на постройку в Санаксарской пустыни церкви и создание монастыря. В 1676 году, по прошению игумена Феодосия с братиею, дана была грамота от Святейшего Патриарха Иоакима на освящение Сретенской церкви, а монастырь получил название Сретенской Санаксарской пустыни.

Старец игумен Феодосий прожил в Санаксарской пустыне до 1681 года. Затем, по именному повелению Федора Алексеевича, в 1681 году из Темниковского Сретенского Санаксарского монастыря он был взят с миссионерскою целью в Сибирь.

Значительным в истории двух обителей, Санаксарской и Саровской, является тот факт, что основатель и первоначальник Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн, будучи еще монахом Исаакием, подвизался сперва в Санаксаре. Его богоугодная жизнь приобрела к нему любовь Санаксарской братии, и они упросили его принять священный сан. В 1692 году Исаакий был рукоположен в Москве в иеромонаха и, вернувшись в Санаксарскую пустынь, положил начало своего священнического служения.

В последующее время сменилось несколько наместников монастыря. В их управление, по благословию Преосвященнейшего Стефана, Митрополита Рязанского, деревянная Владимирская Сретенская церковь, за ветхостью, была разобрана, и на ее месте построен новый деревянный храм. Затем, в 1730 году, дозволено было построить вторую церковь, деревянную теплую, во имя Усекновения главы святого Иоанна Предтечи.

В управление всех строителей Санаксарская пустынь была скудна во всех отношениях: братии было мало, церкви и келий деревянные, убогие, в украшении церковном и ризнице ощущался крайний недостаток.

В 1752 году в строители Санаксарской пустыни определен иеромонах Порфирий из Спасо-Евфимиева монастыря. Пробыв здесь один год, видя недостаток в братии и скудость во всем, он просил опять Суздальскую консисторию о возвращении своем в Спасо-Евфимиев монастырь, куда и уволен был в 1753 году. А Санаксарская пустынь, по причине крайнего своего оскудения, приписана была под смотрение и управление Саровской пустыни, как ближайшей к Санаксару и при том благоустроенной. Так продолжалось до 1759 года, когда впервые появился здесь, на берегах реки Мокши, монах Феодор Ушаков, который имел твердое намерение возобновить Санаксар. С молитвой о Господе он продолжал дело восстановления обители с невероятным старанием и заметно преуспел на этом поприще.

В 1774 году отец Феодор, оклеветанный местным воеводой Нееловым, впал в немилость властей. По указу Екатерины II он был лишен духовного сана и сослан в Соловецкий монастырь простым монахом. Через девять лет, молитвами и стараниями своего ученика отца Феофана, отец Феодор вернулся в родную обитель, где и продолжал свой молитвенный подвиг до последнего дня своей земной жизни – 19 февраля 1791 года. Захоронен был старец на северной стороне Санаксарского монастыря у воздвигнутого им храма. Не забытый своими учениками, он ежедневно был поминаем ими в молитве. Часто приходил помолиться на его могилу и Федор Федорович.

Современники вспоминали, что всю довольно продолжительную службу адмирал выстаивал наравне с монастырской братией. А в Великий пост по целой неделе жил в монастыре в своей келье. В общении с братией адмирал находил себе участие и поддержку. От них услышал он много рассказов и добрых слов в адрес своего дядюшки – иеромонаха Феодора. Монахи с восторгом рассказывали адмиралу о том, как старец с невыразимым благоговением совершал служение в церкви, как во время литургии сиял какой-то необыкновенною красотой и весь тот день находился в глубокой радости, ярко выражавшейся на его лице.

Продолжая богоугодные дела своего дяди, Федор Федорович с большим участием относился к бедным и страждущим, не жалея для них своих средств. Так, наполненная благотворительностью, протекала жизнь отставного адмирала.

Во многом похожей оказалась жизнь его боевого товарища вице-адмирала Пустошкина Павла Васильевича. Сохранились воспоминания о последних годах его жизни. Вот что писал Алексей Левшин в своих воспоминаниях о Павле Васильевиче во время поездки по Малороссии: «Вот истинный человек! Вот благородная, чувствительная, добрая душа! Храбрость и знание военного искусства, с которыми он поражал врагов России, доставили ему милости монарха, чин вице-адмирала и знаки отличия; ум, познания, кротость и добродушие приобрели ему всеобщее уважение и любовь; а открытие на острове Тамань камня, который разрешил всеобщий спор о местоположении Тмутараканского Княжества, принесло ему благодарность от всех любителей отечественных древностей...

Сей почтенный по чину и достоинствам своим старец, служивший Отечеству более 40 лет и украшенный орденами, кровью приобретенными... счастлив; счастлив потому, что добр сердцем, спокоен духом, доволен своим состоянием и уважением всеми, знающими его. Он оставил блестящее поприще славы и тихо проводит дни в укромном домике своем или в зеленеющем около него саде, где вспоминает минувшие бури жизни и ожидает конца потухающей зари своей. Гостеприимство обитает в жилище его. Все приезжие смело могут идти к нему, и верно будут от доброго сердца приняты»⁶⁵⁷.

Читая эти строки, невольно думаешь, что те же слова в полной мере можно отнести и к Федору Федоровичу Ушакову. И он в любое время с добрым сердцем принимал всех, кто к нему приходил и обращался с просьбами, и, чем мог, помогал.

Вот лишь один небольшой пример – письмо адмирала к своему соратнику, Московскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу:

*«Сиятельный Граф
Милостивейший государь!»*

Соседственная со мною из дворян бедная вдова титулярная советница Матрена Прокофьева Каблукова, имея взрослого у себя сына Ивана Ивановича, который в службу еще никуда не определен: она не имеет средств и покровительства к его определению, желая определить его в армейские полки, убедительнейше просит моего ходатайства к Вашему сиятельству о его определении, по Вашей воле и благо устроению. Всепокорнейше прошу, милостивейший государь, окажите высокую Вашу милость бедной сироте

вдовице, примите сына ея в милостивое Ваше покровительство и определите его по службе в армейский полк. В надежде высоких Вашего сиятельства ко мне милостей с глубочайшим моим высокопочитанием и совершенной преданностью имею честь быть навсегда

*Февраля 13 дня
1812 года
город Темников*

*Милостивейший государь Вашего
сиятельства всепокорнейший слуга*

Федор Ушаков»⁶⁵⁸

Скромный, но весьма примечательный документ и по форме, и по содержанию, и по дате написания...

А в Отечестве вновь было беспокойно. На юге шли ожесточенные бои с турками. С запада нависла угроза наполеоновского нашествия. С негодованием и волнением следил за происходящим Федор Федорович. Он как никто понимал, что если вывести Черноморский флот и ударить по оттоманской столице, то в кратчайшие сроки можно было бы вывести Турцию из войны и сконцентрировать все усилия на западной границе. Но командующий Черноморским флотом адмирал маркиз Жан-Батист де Траверсе (на русской службе – Иван Иванович. – Авт.), выисканный в 1791 году Екатериной II во Франции, был иных воззрений.

Как бы прочитав мысли Ушакова, генерал П. И. Багратион 14 сентября 1811 года писал М. Б. Барклаю-де-Толли: «...А мы свой Черноморский флот пошлем к Константинополю и велеть жечь; наш флот не слабее турецкого и лучше; что его гнить на месте без дела и без пользы, но дайте команду опытному старому Ушакову или Сенявину, я Вам отвечаю моею головою, что сия экспедиция исполнится, и в сем случае не слушаться никак маркиза (Траверсе. – Авт.)»⁶⁵⁹.

Здравые мысли услышаны не были. Русско-турецкая война протянулась еще полгода, и Россия не успела должным образом подготовиться к отражению наполеоновской агрессии.

На борьбу с завоевателями поднялся весь народ. В Тамбовской губернии, как и по всей России, стали создаваться ополчения для защиты Отечества. 17 июля Федор Федорович получил письмо от губернского предводителя дворянства Чубарова с приглашением принять участие в собрании, решающего вопрос о защите Отечества. Отмечая заслуги адмирала, Чубаров в частности писал: «Долговременная опытность службы вашей и отличное усердие ваше перед престолом Российской державы, вами доказанные, да попадут в присутствии всего дворянства твердые способы к ревностным подвигам на пользу общую подвигнуть всех к благодетельным пожертвованиям, и да вдохнут они готовность в сердце каждого из дворян принять на службу к спасению Отечества и к сохранению собственной своей безопасности...»

К своему сожалению Федор Федорович из-за болезни не смог принять участие в собрании, которое состоялось 25 июля. Но, несмотря на отсутствие адмирала, большинством голосов он был избран начальником внутреннего тамбовского ополчения. Отказываясь от почетного назначения по старости лет и слабости здоровья, Федор Федорович с глубоким сожалением писал: «За избрание меня губернским начальником над новым внутренним ополчением по Тамбовской губернии, за благосклонное обо мне мнение и за честь сделанную, приношу всепокорнейшую мою благодарность. С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу».

Но, и оставаясь в Алексеевке, адмирал смог принести пользу для Отечества. «Не отчаивайтесь! – Говорил он. – Сии грозные бури обратятся к славе России». На его средства в Темникове был построен госпиталь для раненых. 2 000 рублей внесено им на формирование 1-го Тамбовского полка. Помогал он и всем к нему обращавшимся.

Не посрамили в боях за Отечество его имя и племянники. Николай Ушаков в составе Гвардейского экипажа участвовал в боях на сухопутном фронте. За устройство переправ на Москве-реке, Днепре и Березине он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1813 году за отличие в Кульмском сражении награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Участвовал во взятии Парижа и 20 марта 1814 года под Георгиевским флагом, высочайше пожалованным Гвардейскому экипажу за Кульмское сражение, вошел в поверженную столицу Франции. Его брат Федор во время войны служил на корабле «Михаил» и крейсировал у берегов Англии, Голландии и Франции.

Адмирал был доволен своими питомцами. Пришло время определять на флотскую службу и внука, вернее, внучатого племянника Петра, жившего вместе с ним в Алексеевке. Петр, отданный отцом (Алексеем Степановичем) на воспитание к деду, часто слушал его рассказы о флоте и о жарких морских сражениях, и уже не мыслил для себя иной стези. К тому же перед глазами были примеры флотской службы его отца и родных дядьев. Да и старому адмиралу было приятно, что его фамилия не будет вычеркнута из флотских послужных списков. Со знанием дела готовил он к флотской службе своего внука. И вот 2 марта 1815 года положил перед ним чистый лист гербовой бумаги и начал диктовать прошение на высочайшее имя:

«Просит недоросль из Российских дворян Греческого исповедания Петр Алексеев сын Ушаков о нижеследующем...»

И тут, убуеленный седилами адмирал, вспомнил, как и сам вот также в феврале 1761 года подписал на втором смотре свою «скаску». Вся жизнь промелькнула перед глазами в одно мгновение. Вот уже и внук сидит за пером. Обмакнув его в чернила, Петр поставил посредине жирную единицу и внимательно смотрел на деда. Тот же, отведя задумчивый взгляд от окна, продолжал диктовать. «Ныне от роду мне Двенадцатый год. Российской грамоте читать и писать обучен, часть Катехизиса Священной истории и часть арифметики обучил. Но в службу Вашего Императорского Величества еще никуда не определен и желание имею вступить в Морской Кадетский Корпус.

Всеподданнейше прошу дабы высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое Прошение принять и меня именованного в Морской Кадетский Корпус в кадеты определить. А что я действительно состою из дворян и помянутому Надворному Советнику Алексею Степановичу Ушакову сын родной в том представляю свидетельство».

Продиктовав последние строки, Федор Федорович вдруг вспомнил, что когда-то не было у него такого свидетельства и что кроме честного слова не знал, чем доказать свое дворянство. Теперь все это было далеко позади и он с удовлетворением продолжал диктовать внуку:

«Поместья, дворовых людей и крестьян за мною не состоит, недвижимое имение с людьми и со крестьяны обещано мне по наследству от деда моего Адмирала и Кавалера Федора Федоровича Ушакова, по духовному Его Завещанию. Ныне жительство имею я в доме одного деда моего Адмирала Ушакова, состоящем Тамбовской губернии Темниковского уезда в сельце Алексеевке.

Господину Вице-адмиралу Корпуса Директору и Кавалеру Петру Кондратьевичу Карцову прошение в черне писал Адмирал и Кавалер Федор Ушаков и набело переписывал дворовый его человек Павел Петров, Недоросль из российских дворян Петр Алексеев сын Ушаков»⁶⁶⁰.

Еще раз прочтя прошение внука, Федор Федорович не без гордости подумал: «Ну вот, быть и тебе офицером флота российского».

Как знать, может, все именно так и было...

Недолго после этого прожил непобедимый адмирал и ушел из жизни также незаметно, как и появился на этот свет. Не сразу эта весть облетела Россию, потому как только два издания поведали об этом соотечественникам. Среди них была и заметка автора из Пензы, помещенная в «Русском вестнике» 30 октября 1817 года:

«К душевному сожалению всех тех, которые уважают славу и добродетели знаменитых соотечественников, 1 октября 1817 года скончался Адмирал Федор Федорович Ушаков... Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы... Имя Адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых Русских мореходцев, а добродетели его запечатлелись в сердцах тех, которые пользовались его знакомством в последние годы жизни его, посвященной Вере и благотворению»⁶⁶¹.

Отпевали усопшего адмирала в Спасо-Преображенской церкви города Темникова, в метрической книге которой осталась запись: «2 октября, адмирал и разных орденов кавалер, Федор Федорович Ушаков. Погребен соборне. Лета 75 (неверно. – Авт.). Болезнью натуральною. Исповедан и приобщен протоиреем Асинкритом Иоанновым. Погребен в Санаксарском монастыре»⁶⁶².

Гроб с телом покойного решено было вынести из города на руках, а потом положить на подводу. Но народ продолжал нести его до самого монастыря. Так окончил свой земной путь один из достославных людей России. Пройдут годы, и о нем вспомнят. Имя Ушакова вознесется высоко. О нем напишут книги. Особое место отведут флотоводческому наследию Ушакова военные историки. Но все это будет потом. А пока прах его тихо приняла Русская земля...

Узнав о кончине своего дяди, в Темников съехались его племянники. Федор Иванович 22 ноября взял годовой отпуск. «Московские ведомости» донесли до нас любопытное известие о передаче наследникам имущества и наград знаменитого адмирала. В № 97 от 5 декабря 1817 года сообщалось: «Тамбовской губернии, от Темниковского Земского суда объявляется лейтенанту и кавалеру Николаю (Иванову), подполковнику Алексею Степанову детям Ушаковым и прочим родственникам, дабы они сами явились или прислали бы с указанными доверенностями поверенных в оной Суд, для получения оставшегося после смерти родственника их темниковского помещика адмирала и разных орденов Кавалера Федора Федоровича Ушакова имения, то есть: денег наличных ассигнациями 57 075 рублей, серебром 142 рубля, билета Московской сохранной казны на 40 000 рублей, бриллиантовой шпаги, бриллиантового креста со звездою и прочего движимого и недвижимого имения в указанный срок».

4 февраля 1818 года имение Ф. Ф. Ушакова было поделено наследниками⁶⁶³. К великому сожалению, до нас не дошли эти бесценные реликвии и, скорее всего, они были распроданы так и не разбогатевшими на славе адмирала родственниками.

Через несколько лет после ухода в отставку Федор Иванович Ушаков, поселившись в Алексеевке, на могиле дяди поставил скромный памятник, на котором и сейчас можно прочесть:

«Здесь покоится прах Его Высокопревосходительства и высокопочтенного боярина флота, адмирала и разных российских и иностранных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года, сентября 4 дня, на 74 году от рождения»*.

Почти два столетия прошло после праведной кончины Федора Федоровича Ушакова. Его подвижническая жизнь и его добродетели не были забыты в родном Отечестве. Его заветами живут русские моряки. На его могиле служились панихиды. Многочисленные паломники, в том числе и военные моряки, приходили сюда поклониться Федору Федоровичу, память о котором побуждала и побуждает нас к столь же ревностному служению Отечеству.

РОДОСЛОВНАЯ УШАКОВЫХ

Сословность в России издревле занимала главенствующее место в системе социальных отношений. Происхождение, кровь родителей изначально определяли судьбу человека, его права и положение в обществе.

Как известно, российское дворянство в основной своей массе брало начало от княжеских родов сыновей великого князя Владимира Святославича и по древности своей не уступало древнейшим княжеским и дворянским родам других государств. Однако история дворянства на Руси совершенно отлична от истории дворянства Западной Европы, которое приобреталось, как правило, отвагою и личными качествами в рыцарских турнирах и крестовых походах. Русское дворянство, столь же доблестное, всегда было поземельным, наследственно владевшим населенною недвижимостью (уделами), и только отчасти было служилое. Русские дворяне делились на два разряда. В первый разряд входили благородные роды — великие и удельные князья и бояре; а во второй — служилые люди и выездные роды, пожалованные в бояре, окольные и получившие земли, вотчины и поместья за службу России. Разряд вел учет о всех дворянских службах, тщательно записывая все посылки, назначения, награды и прочее, до последней мелочи. Кроме того, велись особые списки, в которых кроме родословия определялось старшинство происхождения, что впоследствии породило множество местнических споров среди благородного сословия.

* Дата смерти и возраст указаны неверно.

На исходе XII столетия из дружин, окружавших великих и удельных князей, образовался двор. Лица, принадлежавшие ко двору, получили в наших древних летописях название «дворян». Однако название это еще не имело того обширного понятия, которое в него стало вкладываться много позднее. В иерархической лестнице они стояли ниже бояр и окольничих и употреблялись для придания двору большего блеска и значения при приемах, отпуске послов и других разного рода церемониях. Кроме того, они использовались по делам службы и для посылок. По мере того как росла сила Московского великого князя, увеличивалось и величие его двора и множилось число окружавших его дворян. Тогда появилась потребность размещать их по всем концам Руси. Им стали давать поместья из казенных и пустующих земель по месту службы.

В 1682 году царь Федор Алексеевич решил уравнивать все дворянские сословия и прекратить местнические распри и споры о старшинстве происхождения и родословца, о том, какой род от кого идет и, наконец, кто выше по разрядам, по пожалованию от государя и по службе. Для этой цели он коренным образом преобразовал службу и устройство войск. Затем Федор Алексеевич велел установить в Разряде общую родословную книгу, известную под названием «Бархатной». В ней он разрешил каждому роду по-прежнему вести свою родословную, а также велел внести в нее и те «честные» роды, которые при прежних царях занимали почетные места, то есть были боярами, окольничими и думными людьми, а также поместить и те старые роды, которые хотя и не были «в чести», но тем не менее в царствование Ивана Грозного бывали в посольствах, в полках, на воеводствах и других знатных посылках, или вообще были людьми близкими к государю. Ведение Родословной книги было поручено специально образованной Родословной палате. Внесение в эту книгу всех «честных» и «старых» родов, знатных по происхождению и по службе, должно было сплотить разрозненные до этого составные части российского дворянства. Таким образом, только в конце XVII века дворяне в России образовали из себя единое сословие.

Бурные преобразования, которые начались в стране при Петре I, привели в Россию большое количество иностранцев. Многие из них отличались образованностью, опытом и знатностью рода, а потому, приезжая в Россию, не хотели лишиться преимуществ, которые принадлежали им по происхождению. К тому же им было труднее найти мерилу для вознаграждения за службу, так как прежние российские чины не могли удовлетворить честолюбия иностранцев. Поэтому для уравнивания чинов и достоинств природных русских дворян с иностранцами Указом Петра от 24 января 1722 года была учреждена Табель о рангах, определяющая, какие права дарует ранг человеку и какие преимущества связаны с благородством, приобретенным службою. Табель о рангах положила твердое основание

составу русского дворянства, подробно определив, какие лица и каким путем приобретают право на благородство.

Вторая половина XVIII века ознаменовала собой заметное усиление роли и значимости дворянского сословия в государственном устройстве России. В это время был принят ряд законодательных актов, укрепляющих положение дворян в обществе. Так, 18 февраля 1762 года император Петр III издал Манифест, на основании которого дворяне освобождались от обязательной военной 25-летней службы. 21 апреля 1785 года высочайше была объявлена «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». В соответствии с этой Грамотой все дворяне вписывались в Дворянские родословные книги, которые делились на шесть частей:

1-я часть — «действительные дворяне» — имеющие герб и доказательство принадлежности к дворянству за 100 лет;

2-я часть — «военное дворянство» — все обер-офицеры и их потомки;

3-я часть — «восьмиклассное дворянство» — чиновники первых восьми классов Табели о рангах и их потомки;

4-я часть — «иностранные роды» — вступившие в подданство России;

5-я часть — «титулами отмеченные роды» — имевшие наследственные или приобретенные титулы князя, графа или барона;

6-я часть — «древние благородные дворянские роды» — берущие начало в далеком прошлом.

С родословных книг снимались копии, одна из которых хранилась в архиве губернского правления, а другая отсылалась в Герольдию Сената. Для составления и ведения Родословной книги в каждой губернии было создано постоянно действующее учреждение — дворянское депутатское собрание, в которое из каждого уезда на три года избирался один депутат. Председателем Собрания являлся губернский предводитель дворянства. Дворяне, по каким-либо причинам не имевшие жалованных грамот на дворянство, начали отыскивать доказательства принадлежности к благородному сословию. Позднее на основании именных Указов Павла I от 20 января и 27 июля 1797 года дворянам вменено в обязанность представлять эти доказательства за надлежащим свидетельством, а архивам высочайше повелено помогать им в отыскании доказательств дворянского достоинства, чтобы затем на основании найденных документов составить Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи.

Как нам известно, доказательств принадлежности к дворянскому сословию не было и у Федора Федоровича, о чем в его «скаске» за 1761 год было записано: «... а на дворянство

предков его герба и на деревни жалованных грамот не имеет, а более о дворянстве своем, в силу Табели о рангах 16 пункта, доказать чем не знает». Поэтому в начале 1798 года «Черноморского флота вице-адмирал и Кавалер Федор Федоров сын Ушаков», обратился в Государственную коллегия иностранных дел в московском архиве и, «предъявив поколенную роспись роду своему, изъясняя в оной о происхождении фамилии своей от Косожского Князя Редеги, просил о даче ему как о начальном происхождении от рода Редеги, так и о службах предков его, равно и о пожаловании родственника его Андрея Ивановича Ушакова графским достоинством выписи за надлежащим свидетельством».

Документов о пожаловании Андрея Ивановича графским достоинством обнаружено не было и даже не возникли сомнения «был ли Графом упомянутый Андрей Иванович Ушаков?». А о роде Редеги и о службе предков значилось: «... (Великий Князь Мстислав Владимирович на сражении) князя Редегу убил... сынов редегиных (крестил) и во крещении (дал) первому (имя) Юрия, а другому Роман, за Романа дал великий князь Володимер Мстиславович* дочь свою. — А у Романа сын Василий, редегин внук... А у Григория дети: Ушак, да Лапоть, да Крапотка, да Илья, да Алексей, да Иван большой, да Лев, да Иван меньшей, а о происшедшем от Ушака Григорьева в родословных книгах не показано». Выписка была датирована 12 июля 1798 года, то есть за месяц до отбытия Ф. Ф. Ушакова в знаменитую Средиземноморскую экспедицию.

В апреле 1804 года адмирал Ушаков, подготовив документы о своем дворянстве и, предъявив герб, обратился к Александру I с прошением о внесении герба рода Ушаковых в Общий Гербовник. В прошении он указывал: «... из рода моего Ушаковых многие служили всероссийскому престолу службы в разных чинах и жалованы от государей вотчинами... прадед Василий Дмитриев сын Ушаков писаны по разряду в дворянских списках, и за сим последним значились поместья в романовском уезде в сельце Бурнакове с деревнями. Дед мой Игнатий Васильев сын Ушаков также показан в разрядных списках, и как он так и отец мой Федор Игнатьев сын Ушаков владели, а ныне и я владею наследственно помянутым предков моих недвижимым имением. О таком дворянском моем происхождении доказано уже было в Герольдии в 1759 году, когда я от отца моего представлен к первому смотру недорослем, потом вступя в службу Вашего Императорского Величества и безвременно оную продолжая с отличностями России Отечеству моему известными достиг чина адмирала и других монарших милостей удостоен. Но как герб дворян дворянского моего рода Ушаковых не внесен в Гербовник, то представляя у сего справки разрядного архива и

* В тексте допущена ошибка. Речь идет о храбром Тмутараканском князе Мстиславе Владимировиче, сыне Владимира Святославича.

коллегии иностранных дел как мне, так и однородцу моему Василию Ушакову данныя, также родословную и герб за подписанием знатнейшего дворянства... всеподданнейше прошу. Дабы высочайшим вашего Императорского величества Указом повелено было сие мое прошение с доказательствами в Герольдии принять и герб рода моего Ушаковых с изъяснением происхождения от Князя Косуйския орды Редеги внести в Гербовник».

Из представленной родословной видно, что род Ушаковых был на Руси не из последних. Однако впоследствии он обеднел, и уже прадеды адмирала считались происходящими «не от славных бояр», то есть от небогатых и малоземельных дворян.

В июне 1807 года Федору Федоровичу по его просьбе из Герольдии в Москве была выдана копия родового герба, внесенного в VIII часть высочайше утвержденного Гербовника.

Герб являлся неотъемлемым атрибутом дворянина, который сопровождал благородного человека от колыбели до могилы. Он изображался на его печати, посуде, экипаже и наконец на памятнике.

Герб рода Ушаковых представлял из себя щит, по сторонам которого поставлены два воина, державшие в руках по копью. «В щите, имеющем горностаевую вершину, изображена Княжеская шапка; в нижней пространной части, в голубом и золотом полях, находится дерево дуб (символ крепости и силы) о двух кронах, сквозь которые видны проходящие в левую сторону две серебряные стрелы. Щит увенчан дворянским шлемом и короною; Намет на щите золотой, подложенный голубым».

Немало сил и времени положил адмирал Ушаков на то, чтобы получить жалованную грамоту на дворянство и утвердить герб своего рода. Но после этого возникли трудности другого рода. Ярославское дворянское депутатское собрание долго не могло решить, к какой части — 4-й или 6-й отнести род Ушаковых? Даже после определения дворянского собрания от 15 марта 1815 года, по которому адмирал Федор Ушаков и его родственники: Степан, Иван, Алексей, Николай, Федор и Петр были внесены в 6-ю часть Ярославской дворянской родословной книги, где приводилась родословная и доказательства о дворянстве их рода, еще долго велись споры по этому поводу.

Игнатий Васильевич (1670 — 1751/53),

помещик, был «определен в Ярославской провинции к соляным сборам»;

1-й брак с Ириной Васильевной (? — 14. 03. 1724);

2-й брак (6. 09. 1724 г.) с вдовой помещика Кузьмичева Параскевой

Ивановой (1695 — 1758/61)

Сила Игнатъевич (1702 — 1771/75),

с 1724 г. солдат, с 1733 г. сержант, а с 1737 г. подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка.

жена — Мавра Яковлевна (1704 — 1771/75).

Федор Игнатъевич (1710 — 22. 01. 1781),

с 26. 06. 1727 г. солдат лейб-гвардии Преображенского полка. 20. 02. 1747 г. отставлен от службы с пожалованием сержантского чина;

жена — Параскева Никитична (1713 — 25. 06. 1770).

Иван Игнатъевич (1718 — 19. 02. 1791),

(Святой Преподобный Феодор Санаксарский)

с 15. 06. 1735 г. бомбардирский кадет лейб-гвардии Преображенского полка, предположительно до 1742 — 1743 гг. последовательно проходил чинами: бомбардир, капрал; с 1745 г. послушник, а с 13. 08. 1748 г. — монах Александро-Невского монастыря; восстановитель и настоятель Санаксарского монастыря

Анна Игнатъевна (24. 01. 1724 — 4. 02. 1724).

Василий Игнатъевич (25. 12. 1724 —?).

Марфа Игнатъевна (1729 —?).

Иван Игнатъевич (18. 09. 1733 —?),

поручик лейб-гвардии Преображенского полка.

жена — Мария (1733 —?). —дочь капитана князя Федора Ивановича Маторина

Дмитрий Силыч (? — 4. 06. 1724).

0 Александр Силыч (8. 05. 1724 —?).

1. Александр Силыч (1741 — 23. 06. 1781),

Подпоручик

жена — Федосья Михайловна (1741 — 1821/22).

2. Алексей Силыч (? —?),

солдат лейб-гвардии Преображенского полка

женат (15. 01. 1744 г.) на Ефимии Михайловне (? —?).

3. Василий Федорович (? — 24. 12. 1732).

4. Гаврила Федорович (1740/41 —?),

капитан

5. Степан Федорович (1742 —?),

подпоручик.

жена — Федосья Ивановна (1744 —?).

6. Федор Федорович (1745 — 1817),

(Святой Праведный Феодор Ушаков)

адмирал

7. Андрей Федорович (23. 11. 1747 — 1748).

8. Дарья Федоровна (12. 03. 1749 —?).

9. Иван Федорович (1754 — 1800/1),

лейтенант флота, адъютант вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова, коллежский
ассессор.

жена — Наталья Андреевна в девичестве Соловьева (1757 — 1797/98).

0. Григорий Иванович (11. 11. 1750 — 1751).

Анна Ивановна (1756 — 1756).

1. Мавра Александровна (Бердяева) (1767 — 1896/98). 1

3. Александра Александровна (Рылова) (1782 — 1835/36). 1

4. Алексей Степанович (1766 — 1823/24), 5
родился в сельце Петрово Романовского уезда.

1780 г. 20 июня поступил в Морской кадетский корпус.

1785 г. 20 июня произведен в гардемарины. Участвовал в плавании по Балтийскому морю на корабле «Три святителя» под командованием капитана 2 ранга А. Денисова; в 1786 г. — на корабле «Пантелеймон» под флагом контр-адмирала Л. А. Повалишина; в 1787 г. — на фрегате «Гектор» под командованием капитан-лейтенанта М. Коковцева; в 1788 г. — на корабле «Богослов» под командованием бригадира Л. Б. Берха, после чего командирован на корабль «Мечеслав» под команду капитана 2 ранга М. И. Борисова.

1788 г. 6 июля на корабле «Мечеслав» участвовал в Гогландском сражении со шведским флотом.

1789 г. Находился в крейсерстве на корабле «Двенадцать Апостолов» под командованием бригадира Н. С. Федорова. На этом же корабле под флагом контр-адмирала А. Г. Спиридова участвовал в Эландском бою, после чего был командирован на корабль «Кириан» под команду бригадира Е. Тета.

1790 г. 2 мая на корабле «Страшный» под командованием капитан-лейтенанта А. С. Бабаева участвовал в Ревельском бою, после чего переведен на пленный шведский корабль «Принц Карл» под команду капитан-лейтенанта К. Греве, а затем на катер «Лебедь» под команду капитан-лейтенанта Ф. Т. Быченского. Далее назначен на призовой шведский корабль «София Магдалина» под команду капитана А. И. Денисова (с коим уже служил на корабле «Три Святителя») при Ревельском порте.

1791 г. На фрегате «Венус» под командованием капитана И. Штенгеля перешел из Ревеля в Кронштадт, где проходил службу на катере «Гагара» и

фрегате «Патрик». В том же году сухим путем отправлен в Архангельск, где по прибытии был назначен на корабль «Пимен» под команду капитан-лейтенанта И. М. Колокольцева.

1792 г. На корабле «Пимен» совершил переход из Архангельска в Кронштадт. По свидетельству командира «Пимена», Алексей Ушаков «при берегу у города Архангельска вел себя отчасти слабо, а на корабле порядочно».

Аттестован: «Поведения весьма слабого, при том и нерачителен и повышения недостойн, вследствие чего в собрании господ флагманов и капитанов признан в поведении сумнителен».

1793 г. Уволен от службы. По свидетельству его сына Петра, при увольнении был пожалован чином капитан-лейтенанта. Затем служил по инженерной части «при делании Мариинского канала и по заслуге уволен с чином Надворного советника»⁶⁶⁴

5. Мария Ивановна (1779 —?).

9

6. Иван Иванович (1783 — 7. 10. 1809),

9

лейтенант флота. Родился в сельце Дергалово Романовского уезда.

1791 г. Вступил волонтером на Черноморский флот. Участвовал в Средиземноморской кампании объединенной русско-турецкой эскадры на корабле «Св. Павел» под флагом адмирала Ф. Ф. Ушакова. 2 августа 1799 года произведен в мичманы.

1802 г. На корабле «Ягудил» под командованием капитана 1 ранга Леонтовича крейсировал в Черном море.

1804 г. На корабле «Варахаил» под командованием капитана 1 ранга Ф. Ф. Мессера совершил переход из Севастополя на Корфу и обратно. Капитаном 1 ранга Мессером аттестован: «Поведенья благородного, в должности знающ и рачителен, к повышению чина достоин».

1805 г. Переведен на Балтийский гребной флот.

1806 г. На канонерских лодках ходил в Рочесальмских шхерах.

1807 г. Находился на Неве в Петербурге. При прошении адмирала Ф. Ф. Ушакова об отставке в Адмиралтейств-коллегию им был подан рапорт, в котором он дает лестную оценку служебной деятельности своего племянника: «Свидетельствую в особенности же об отличной ревности и успешной

деятельности в выполнении как по эскадре матросской, так и по другим по службе должностям».

1808 г. 1 января произведен в лейтенанты. Назначен командиром плавбатареи № 6.

1809 г. 7 октября утонул в Неве. 21 октября исключен из флотских списков⁶⁶⁵.

7. Павла Ивановна (1789 —?).

9

8. Николай Иванович (2. 03. 1791 — 1827),

9

капитан-лейтенант.

Родился в сельце Дергалово Романовского уезда.

Крещен 8 марта в церкви Архангела Михаила. При крещении «восприемник был сельца Аристова капитан Василий Степанов сын Рылов» — по прошению которого Николай и Федор Ушаковы были приняты 1 июня 1802 г. в Морской кадетский корпус.

1802 г. 16 января Николаю и Федору Ушаковым из Ярославского дворянского депутатского собрания были выданы дворянские грамоты*.

1807 г. 6 марта произведен в гардемарины.

1808–1809 гг. Участвовал в плаваниях по Балтийскому морю.

1809 г. 24 декабря произведен в мичманы гребного флота.

1810 г. 2 мая зачислен в Гвардейский флотский экипаж. Аттестован: «Поведения хорошего, очень хорошего, отличного, благородного. В должности рачителен, исполняет весьма хорошо, прилежен». Назначен на фрегат «Церера», на котором находился в плавании между Петербургом и Кронштадтом.

1811 г. 28 января объявлена высочайшая благодарность за усердие в службе.

В Отечественную войну 1812 г. с экипажем участвовал в сухопутном походе при действующей армии. За устройство переправ на Москве-реке, Днепре и Березине награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

1813 г. за отличие в Кульмском сражении награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. 16 июня произведен в лейтенанты.

* На основании Указа Павла I Сенату от 31 января 1799 г. в военную службу принимались недоросли только по представлении ими доказательств о дворянском происхождении, выданных губернскими предводителями дворянства – ПСЗ РИ. Т. XXV. № 18.877.

1814 г. участвовал во взятии Парижа, после чего на фрегате «Архипелаг» вернулся в Кронштадт.

1816–1817 гг. На том же фрегате курсировал у берегов Англии, Голландии и Франции.

1819 г. 28 февраля уволен от службы в чине капитан-лейтенанта и поселился в сельце Бурнаково Романовского уезда, доставшегося ему по завещанию от дяди — адмирала Ф. Ф. Ушакова⁶⁶⁶.

Ежегодно до 1826 г. (включительно) посещал церковь Богоявления-на-Острове для исповеди. С 1827 г. Бурнаково перешло во владение его брата Федора Ивановича. Дальнейшая судьба Николая Ивановича неизвестна. Очевидно, что в 1827 г. он умер.

Надежда Ивановна (9. 09. 1792 — 1793).

9.

9

Федор Иванович (1793 — 1854),

0.

9

капитан-лейтенант.

Родился в сельце Дергалово Романовского уезда.

1802 г. 1 июня поступил в Морской кадетский корпус.

1809 г. 1 мая произведен в гардемарины. Участвовал в практических плаваниях по Финскому заливу на фрегате «Феодосия» под командованием капитан-лейтенанта Подчеркова.

1810–1811 гг. Участвовал в практических плаваниях на фрегате «Малый» под командованием капитан-лейтенанта Штурма, затем капитан-лейтенанта Елманова.

1812 г. 17 февраля произведен в мичманы. На корабле «Михаил» под командованием капитана 2 ранга Быченского находился в плавании по маршруту: Петербург — Свеаборг — Ревель — Кронштадт; с 15 мая по 15 октября — до Свеаборга; с 19 октября по 1 января 1813 г. — из Свеаборга в Готенбург и к берегам Англии. На корабле «Не тронь меня» под командованием капитана 1 ранга Миткова вернулся в Кронштадт.

1815 г. На бриге «Феникс» под командованием лейтенанта Дохтурова с 9 августа по 8 сентября находился в плавании у Красной Горки.

1816 г. с 23 июня по 3 сентября на транспорте «Каледония» под командованием капитан-лейтенанта Полторацкого совершил переход из

Кронштадта в Архангельск.

1817 г. С 17 июня по 20 сентября на том же транспорте вернулся в Кронштадт. С 22 ноября по 1 сентября 1818 г. Находился в отпуске по болезни в Темниковском уезде Тамбовской губернии.

1818 г. 4 февраля в г. Темников вместе с братьями Николаем Ивановичем и Алексеем Степановичем участвовал в разделе имений, оставшихся после смерти их дяди адмирала Ф. Ф. Ушакова. 1818 г. Проходил службу в 1-м флотском экипаже при берегу.

1819 г. 3 февраля уволен от службы с чином капитан-лейтенанта и поселился в дер. Алексеевка Темниковского уезда. Во время службы «повсегодно от командующих в поведении и должности аттестован хорошо»*.

В начале 20-х годов Федор Иванович установил памятник на могиле своего дяди адмирала Ф. Ф. Ушакова.

1825 г. 3 февраля утвержден почетным смотрителем Темниковского уездного училища.

1832 г. В декабре аттестован ректором Московского университета «способным и к повышению чина достойным».

1833 г. Переехал для жительства в г. Рыбинск Ярославской губернии, где поселился во втором квартале по Волжской набережной улице в деревянном доме с мезонином и надворными службами.

1834 г. Пожалован чином надворного советника. К 1839 г. за ним состояло 335 душ крестьян в Ярославской, Тамбовской и Калужской губерниях⁶⁶⁷.

1-й брак с дочерью генерал-поручика Юрия Богдановича Бибикова Марией (? — 1829). Похоронена в Санаксарском монастыре.

2-й брак с дочерью Рыбинского уездного судьи, коллежского асессора Василия Григорьевича Забудского Екатериной (11. 09. 1813 —?). До 1867 г.

* Массовый исход офицеров из армии после Отечественной войны 1812 года объясняется рутинной, которая стала засасывать войска и флот. Происходящее ярко живописует историк А. Керсновский: «Возвращающиеся в Россию победоносные полки и не подозревали вначале об уготованной им участи... все походные лишения показались райским блаженством... «Гатчина» воскресла. И новая «Гатчина» далеко оставила за собой старую... Вязкая тишина «мелочей службы» стала с 1815 года засасывать наши бесподобные войска и их командиров. Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным на долгие, тяжелые годы. Все начальники занялись лишь фрунтовой муштрой... В 1815–1817 годах не проходило месяца, чтобы не издавались новые правила, усложняющие и без того столь сложный «гатчинский строевой устав».

проживала в городе Рыбинске, после чего продала два дома другу семьи, надворному советнику И. А. Дебольскому и переехала с детьми в С. -Петербург.

Петр Алексеевич (1804 —?).

1.

4

До поступления в 1815 г. в Морской корпус жил в доме своего деда адмирала Ф. Ф. Ушакова в деревне Алексеевка. В 1824 г. числился в гардемаринах, однако, в списках выпускников не значится**.

Дмитрий Федорович (17. 10. 1824 —?),

2.

0

лейтенант флота.

Родился в дер. Алексеевка Темниковского уезда. 18 октября крещен в Загородной Всех Святых церкви г. Темникова. При крещении восприемником был Темниковской округи князь Василий Петрович Ишеев.

1839 г. 28 февраля по прошению отца, будучи обрученными «по-русски, по-французски читать и писать, арифметике, грамматике и географии», вместе с братом Федором был принят в Морской кадетский корпус.

1842 г. 10 января произведен в гардемарины.

1842 г. Находился в практическом плавании на корабле «Орел» и фрегате «Александр Невский» по маршруту: Кронштадт — Ревель — Свеаборг — Кронштадт.

1843–1844 гг. Находился в практических плаваниях по Балтийскому морю на фрегатах: «Ольга», «Александр Невский», «Прозерпина».

1844 г. 9 августа произведен в мичманы.

До 1847 года проходил службу в г. Николаеве в 37-м флотском экипаже при берегу. Был при проводке корабля «Святослав» от Николаева до Севастополя.

1847 г. На бриге «Птоломей» находился в практическом плавании из Севастополя до Новороссийска, откуда ходил к восточным берегам Черного моря. В июле переведен в Петербург в 18-й, а затем в 12-й флотский экипаж. Сухим путем отправлен в Архангельск.

1848 г. С 9 мая по 29 августа на корабле «Память Азова» перешел из

** М. Г. Бороздинским (г. Новомосковск), были найдены документы в ГАТО, на основании которых можно говорить о том, что у Петра Алексеевича была родная сестра Параскева Алексеевна (жена коллежского регистратора С. С. Филисова), проживавшая в Тульской губернии.

Архангельска в Кронштадт.

С 31 августа по 24 марта 1850 г. находился в Ревеле в 12-м флотском экипаже.

1849 г. 6 декабря произведен в лейтенанты.

1850 г. 8 февраля назначен адъютантом штаба 2-й бригады 1-й флотской дивизии с переводом в 5-й флотский экипаж.

29 ноября уволен со службы (с чином капитан-лейтенанта).

Аттестован в поведении и должности хорошо.

После 1852 г. вместе с братом Федором выкупил находящуюся под залогом (5 580 руб.) деревню Алексеевку Темниковского уезда и обосновал в ней свое жительство⁶⁶⁸.

Елена Федоровна (1826 —?).

3.

1-й брак с младшим ординатором доктором медицины 1-го Петербургского военно-сухопутного госпиталя А. Билетовым. Дети от первого брака воспитывались у родственников мужа.

2-й брак с польским дворянином, судебным следователем Калужской губернии К. Л. Циборовским. Владела имениями в Калужской губернии, доставшимися от матери Марии Юрьевны.

0

Федор Федорович (4. 08. 1827 — 12. 03.

4.

1903),

контр-адмирал. Родился в дер. Алексеевка Темниковского уезда.

10 августа крещен в Загородной Всех Святых церкви г. Темникова.

1839 г. 28 февраля принят в Морской кадетский корпус.

1844 г. 19 августа произведен в гардемарины.

1846 г. 21 августа произведен в мичманы. В период учебы участвовал в практических плаваниях по Финскому заливу и Балтийскому морю на кораблях: «Лефорт», «Орел», «Россия» и фрегате «Прозерпина».

1847–1852 гг. участвовал в плаваниях по Балтийскому морю на кораблях: «Березина», «Память Азова».

1849 г. в марте переведен в 12-й флотский экипаж.

1852 г. 30 марта произведен в лейтенанты.

1854–1855 гг. на корабле «Память Азова» находился на Кронштадтском

0

рейде при защите от нападения англо-французского флота, за что в августе 1856 г. награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853 — 1856 гг.

1857 г. в декабре прикомандирован к Морскому корпусу.

1858 г. 14 июня зачислен в штат Морского корпуса.

1859 г. 16 февраля «назначен состоять по флоту и переведен на Белое море старшим офицером пароходо-фрегата «Соломбала».

Аттестован: «Усерден по службе, способности хорошие, в нравственности, в хозяйстве, по фронту — хорош».

1860—1861 гг. на пароходо-фрегате «Соломбала» плавал в Белом море.

1862 г. 1 января произведен в капитан-лейтенанты. На том же пароходо-фрегате перешел из Архангельска в Кронштадт.

1863 г. в апреле назначен командиром 3-пушечной винтовой лодки «Град».

1865 г. 9 октября переведен в Сибирскую флотилию.

1866 г. 16 июня прибыл в Николаевск-на-Амуре и зачислен в Амурский экипаж с исполнением должности помощника капитана над портами Восточного океана. 2 сентября назначен начальником южных гаваней Восточного океана.

1867 г. 22 июня назначен презусом комиссии военного суда в портах Восточного океана.

1868 г. в мае назначен командиром парохода «Уссури». Участвовал в перевозке войск и транспортов во время беспорядков в Южно-Уссурийском крае, учиненными китайскими элементами. 17 мая — 6 июля был «при разбитии шайки разбойников».

1868 г. в ноябре награжден орденом Св. Анны 3-й степени «за отлично усердную и ревностную службу».

1869—1871 гг. командовал пароходами «Буксир» и «Успех». Ходил по Амуру и его притокам.

1870 г. 1 января произведен в капитаны 2 ранга.

1871 г. в мае переведен на Балтийский флот. Причислен к 4-му флотскому экипажу.

1872 г. 25 марта назначен председателем экипажного судна. За 25 лет службы в офицерских чинах награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с

бантом.

1873 г. 1 января произведен в капитаны 1 ранга.

1875 г. 7 марта назначен временным членом Кронштадтского военно-морского суда.

1879 г. произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

1903 г. 12 марта скончался в Петербурге. Похоронен на Смоленском православном кладбище⁶⁶⁹.

жена — Мария Кирилловна — дочь купца Карпова. По сведениям на 1875 г. — бездетны.

Варвара Федоровна (1829 —?).

5.

0

Вера Федоровна (11. 09. 1831 —?).

6.

0

Родилась в дер. Алексеевка Темниковского уезда. 15 сентября крещена в Загородной Всех Святых церкви города Темникова.

Василий Федорович (21. 02. 1835 —?).

7.

0

Родился в городе Рыбинске Ярославской губернии.

23 февраля крещен в Преображенском соборе.

1850 г. 10 августа его брат Дмитрий подал прошение о принятии Василия в Морской корпус, однако в списках Корпуса не значился.

1854 г. 1 марта принят на службу в войска 6-го пехотного корпуса.

Надежда Федоровна (19. 06. 1836 —?).

8.

0

Родилась в Рыбинске. 26 июня крещена в Преображенском соборе

Наталья Федоровна (18. 08. 1837 —?).

9.

0

Родилась в городе Рыбинске. 22 августа крещена в Преображенском соборе

Леонид Федорович (21. 07. 1843 —?).

0.

0

Родился в г. Рыбинске

Николай Федорович (7. 05. 1844 —?).

1.

0

Родился в г. Рыбинске.

Владимир Федорович (4. 07. 1846 —?).

2. Родился в г. Рыбинске. 16 июля крещен в Крестовоздвиженской церкви. 0
Анна Федоровна (14. 02. 1847 — 14. 02.
 3. **1848).** 0

16 февраля крещена в Крестовоздвиженской церкви. Восприемниками были: Забудский Илья Васильевич — рыбинский помещик, флота капитан-лейтенант и Львова Евлампия Федоровна — дворянка, девица

- 4 **Аполлиария Федоровна (20. 11. 1849 —** 0
после 1914).

Родилась в г. Рыбинске. 3 декабря крещена в Крестовоздвиженской церкви. Восприемники те же, что и у Анны Федоровны.

1913 г. обратилась с прошением на высочайшее имя о выдаче ей пенсии, как единственной оставшейся в живых внучке адмирала Ф. Ф. Ушакова. Прощение было удовлетворено.

5. **Дмитрий Дмитриевич (после 1850 года —** 2
?).

Родился в деревне Алексеевка Темниковского уезда. Окончил гимназию и военное училище.

С 1890 г. работал земским начальником 5-го участка Темниковского уезда. До 1917 года жил в дер. Алексеевка.

жена — дочь полковника С. П. Пневская

6. **Владимир Дмитриевич (1889 —?).** 5
 Родился в деревне Алексеевка Темниковского уезда.

ТРАДИЦИИ УШАКОВА

1. «И В МЕДАЛЬОНЕ УШАКОВ...»

Не стало боевого адмирала, но остались его традиции. Остались на флоте его система подготовки, глубокое духовное наследие воспитания подчиненных на идеалах православия и патриотизма. Остались и носители его идей — его ученики и последователи, питомцы знаменитой черноморской школы выучки. Они сохранили и приумножили славу ушаковских побед. Они не дали придать забвению имя своего прославленного учителя.

Одним из наиболее талантливых флотоводцев ушаковской плеяды был Дмитрий Николаевич Сенявин. Непросто складывались отношения между ними, но, несмотря на это, Ушаков ценил Сенявина как талантливого моряка, видел в нем своего преемника. И Дмитрий Николаевич с честью оправдал доверие Ушакова. С началом новой войны с Францией в 1805 году вице-адмирал Сенявин с эскадрой Балтийского флота был направлен в Ионический Архипелаг, где, приняв командование над морскими и сухопутными силами, ему надлежало овладеть побережьем Адриатики. Здесь в полной мере раскрылись его незаурядные способности: талант флотоводца. Дмитрий Николаевич внес еще одну яркую страницу в отечественную военно-морскую историю своей активной блокадой Дарданелл и победой в знаменитом Афонском сражении (19 июня 1807 года). Поражения союзных армий в Европе свели на нет достижения русского флота на Средиземном море и деятельность его талантливого флотоводца. Но Афонское сражение осталось в истории вершиной русского военно-морского искусства эпохи парусного флота. Сбылись пророческие слова Потемкина, сказанные им Ушакову: «Со временем он (Сенявин. — Авт.) будет отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя».

Но заслуги Д. Н. Сенявина не будут должным образом отмечены властью. Сенявин окажется «виновным» в победе над флотом и армией Наполеона, тогда как Александр I потерпел поражение при Аустерлице. По возвращении на родину его постигла та же участь, что и его учителя — Ушакова. Он будет уволен со службы и лишь в 1825 году принят вновь с пожалованием адмиральского чина и назначением командующим Балтийским флотом.

В начале XIX века русский флот стал приходить в упадок. Но семена, посеянные Ушаковым, упали на благодатную почву. Новаторские идеи флотоводца поддержали моряки нового поколения: Лазарев, Корнилов, Нахимов, Истомин, принявшие боевое крещение в Наваринском сражении (8 октября 1827 года). Они продолжили славу русского флота своими деяниями и подвигами. Их имена заняли почетное место в российской истории и стали близкими для нашего народа.

Заключительным победным аккордом русского парусного флота явилось Синопское сражение (18 ноября 1853 год). Его исход был уничтожающим для турок. Эскадра Осман-паши была полностью разгромлена, взорваны береговые батареи и сожжена часть Синопа. При этом эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова не потеряла ни одного корабля. Оценивая итоги сражения, Сергеев-Ценский писал: «Синопский бой показал, что несокрушимы среди черноморцев боевые традиции, создавшиеся еще при адмиралах Ушакове и Сенявине».

Суворовский принцип «врагов не считают, их бьют», поддержанный Ушаковым, стал определяющим в русском флоте. Не случайно поэтому в статуте ордена Ушакова, учрежденного 3 марта 1944 года, было записано: «Орденом Ушакова награждаются офицеры Военно-Морского Флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом».

Вопрос о боевых наградах для Военно-Морского Флота СССР возник сразу же после учреждения орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. Желание моряков иметь свои награды были справедливы. С первых же дней Великой Отечественной войны флот, единственный из всех видов и родов вооруженных сил, встретил ее организованно. Боевые операции флота непрерывно велись на море, на суше и в воздухе. Уже в 1941 году авиация Балтийского флота подвергла бомбардировке Берлин.

В середине 1943 года народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов в одной из бесед с Верховным Главнокомандующим высказал мысль о целесообразности учреждения специальных военно-морских наград. Отказа не последовало, и Николай Герасимович поручил тогда капитану 1 ранга Б. М. Хомичу заняться этим вопросом.

После очередной беседы со Сталиным нарком ВМФ конкретизировал задачу. По его мнению, необходимо было создать два ордена имени великих русских флотоводцев, по аналогии с уже учрежденными сухопутными наградами. Кого именно? Предстояло решить. Нарком предложил Нахимова, а Хомич — Ушакова, о жизни которого он прочел когда-то в одной из старых книг.

Борис Михайлович вспоминал, что Кузнецова заинтересовало его предложение и он после этого советовался с историками. В результате было решено, что ордена будут носить имена этих двух флотоводцев. Но возник вопрос: какой орден будет высшей военно-морской наградой?

В предвоенные годы имя П. С. Нахимова было больше знакомо советским людям, ибо его деятельность относилась к событиям менее отдаленным, а его гибель на бастионах Севастополя была известна практически каждому человеку. Ф. Ф. Ушаков окончил же свою

жизнь в безызвестности. Однако в ходе обсуждения по справедливости было решено на первое место поставить орден Ушакова.

Создатели будущих флотских орденов и медалей находились в то время практически на казарменном положении. Работа над проектами наград продолжалась зачастую круглосуточно. Высказывались различные варианты тех или иных деталей. Сразу же всем понравилась компоновка якоря и медальона с изображением Ушакова. В дальнейшем этот вариант, взятый за основу, совершенствовался.

Интересная идея оформления медали Ушакова была подсказана капитаном 1 ранга С. Ф. Юферовым. Он предложил на колодку с орденской лентой навесить якор-цепь.

Наконец последние варианты орденов и медалей Ушакова и Нахимова были представлены Верховному Главнокомандующему. Орден Ушакова Сталину понравился.

— Хороший орден сделали, — заметил он. — Но вы же моряки! А где же здесь море? Попробуйте поместить изображение Ушакова на голубую эмаль.

Фон медальона изменили, и орден стал еще более «морским». В своем законченном виде он представлял лучистую звезду из платины для ордена 1-й степени и из золота для 2-й степени с наложенным на нее якорем и круглыми медальонами с изображением флотоводца в фас — золотым в первом случае и серебряным во втором.

Появление флотских наград с одобрением было встречено моряками. Вскоре после указа Борис Пастернак посвятил этому событию стихотворение:

Непобедимым многолетье,
 Прославившимся исполать!
 Раздолье жить на белом свете,
 И без конца морская гладь.

И русская судьба безбрежной,
 Чем может грезиться во сне,
 И вечно остается прежней
 При небывалой новизне.

И на одноименной грани
 Ее поэтов похвала,
 Историков ее преданья
 И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
 И русских сказок закрома,
 И гении ее полета,
 И небо, и она сама.

И вот на эту ширь раздолья
 Глядят из глубины веков
 Нахимов в звездном ореоле
 И в медальоне — Ушаков...

Первым кавалером ордена Ушакова 1-й степени стал командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц. Дважды этой награды удостоивались наши прославленные адмиралы: Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, Л. М. Галлер, С. Г. Горшков, Ф. С. Октябрьский и другие. Всего за годы Великой Отечественной войны было произведено награждений: орденом Ушакова 1-й степени — 50; 2-й степени — 200, медалью Ушакова 15 000, что является ярким примером преемственности боевых традиций знаменитого флотоводца.

2. ИМЯ УШАКОВА НА БОРТУ

Живет на флоте и другая добрая традиция — называть корабли именами прославленных флотоводцев. В 1893 году имя адмирала Ушакова засияло на борту броненосца береговой обороны.

С момента спуска на воду и торжественного поднятия Андреевского флага экипаж броненосца был одним из лучших на флоте. Негласно среди членов экипажа присутствовал и сам адмирал Ушаков, следящий за всем происходящим своим недремлющим оком с живописного портрета, подаренного экипажу одним из родственников Федора Федоровича. На корабле считалось, что в зависимости от обстоятельств адмирал даже менял выражение лица. Причем никто не сомневался в том, что так оно и было на самом деле, и относились к портрету флотоводца с глубочайшим почтением. При принятии каких-либо ответственных решений командир и офицеры порой мысленно обращались к образу Ушакова, как бы спрашивая у него совета.

В 1904 году, оставив Либавский порт, «Адмирал Ушаков» ушел в свой первый и последний боевой поход на Тихий океан. Весь экипаж броненосца от командира до матроса,

в отличие от многих других экипажей, пошел в этот дальний и неизвестный поход по собственному желанию. Ушаковцы были полны решимости сразиться с врагом и в течение всего тяжелейшего длительного тропического перехода напряженно готовились к встрече с неприятелем. На корабле был заведен порядок ежедневно проводить учения по приготовлению к отражению минных атак. При этом выполнялся полный комплекс мероприятий: заdraивались все переборки, орудийные башни поворачивались на траверзы, а остальные пушки ставились в должных направлениях, причем один борт назначался дежурным.

Командир корабля капитан 1 ранга В. Н. Миклуха был в полной уверенности, что при встрече с врагом, его корабль останется достойным своего славного имени. Об этом он неоднократно говорил своим офицерам, рассказывая им о жизни и боевой деятельности Ф. Ф. Ушакова и обращая их взоры на портрет. Таким образом, дух адмирала как бы напутствовал экипаж броненосца на ратный подвиг.

Первый день Цусимского сражения 14 мая 1905 года для экипажа «Ушакова» начался в 5 часов утра с молебна и окропления броненосца святой водой. Эскадра, держа курс на Владивосток, готовилась к встрече с противником. В 8 часов, следуя примеру флагмана, на корабле наряду с обычным флагом подняли и стеньговые. Их подъем соответствовал и дню коронации императора, и нахождению в виду неприятеля — пять японских крейсеров и броненосец. Японцы эскортировали русскую эскадру, не собираясь ее атаковать. Огонь по противнику был открыт случайным выстрелом с броненосца «Орел». «Адмирал Ушаков» стрелял из обеих башен главного калибра и 120-мм орудий левого борта фугасными снарядами. Командир японского отряда крейсеров не стал испытывать судьбу и отвернул.

Кратковременная перестрелка не причинила японцам каких-либо существенных повреждений, но она значительно подняла боевой дух русских моряков. Свободные от вахты офицеры и матросы «Ушакова» выстроились на шканцах, где перед ними выступил командир. Поблагодарив команду и поздравив с праздником, он произнес: «Помни ж, братцы, что я на вас надеюсь и уверен, что каждый из вас исполнит честно свой долг». И экипаж сполна оправдал доверие командира. Они не подвели его, не уронили чести русского моряка и не посрамили в бою имени прославленного флотоводца.

В 13 часов 15 минут на русской эскадре обнаружили появление основных сил противника, пересекающих курс эскадры справа налево. Общее сражение стало неизбежно. Вице-адмирал З. П. Рожественский незадолго до этого дал команду на перестроение. «Адмирал Ушаков» оказался замыкающим боевой порядок главных сил, вытянувшись в длинную кильватерную колонну. Однако смысл и «достоинства» такого построения были

весьма сомнительны и остались непонятными для многих командиров русской эскадры, которым приходилось отвлекаться на соблюдение назначенной дистанции, что при постоянных изменениях направления движения и скорости хода оказалось очень не легким. В результате русские корабли при общей скорости 9–10 узлов оказались хорошей мишенью для японцев. И адмирала Х. Того не замедлил воспользоваться выгодным для себя положением. Позднее лейтенант Н. Н. Дмитриев вспоминал по этому поводу, что «в важный момент боя был произведен неудачный маневр, и все наше дело сразу оказалось проигранным».

В начавшемся сражении «Ушаков» вел огонь по концевым японским броненосцам «Ниссин» и «Касуга». Старший артиллерийский офицер лейтенант Дмитриев управлял им с мостика, отдавая команды лично в носовую башню, а в кормовую — через ординарца Ивана Чернова, который весь бой «с полнейшим самообладанием и невозмутимостью» бегал по открытой палубе.

Из-за неточностей в показаниях кормового дальномера пришлось пользоваться только носовым, с которым работали мичманы Я. В. Сипягин и А. А. Транзе. Их место на площадке над крышей боевой рубки было самое опасное, поэтому Дмитриев приказал им вести измерения поочередно. «Но мичмана поспорили между собой за честь быть первым под огнем и, не сговорившись, пошли на площадку оба».

Ожесточенность боя нарастала с каждой минутой. Японцы стреляли более метко и эффективно, накрывая цели залпами с хорошо заметными столбами разрывов. В то же время, русские артиллеристы с трудом различали всплески своих снарядов, зачастую стреляя «на глаз».

В 14 часов 50 минут японцы потопили эскадренный броненосец «Ослябя». Гибель 13 000-тонного исполина, перевернувшегося в 5–6 кабельтовых от «Адмирала Ушакова», угнетающе подействовала на русских моряков. Сигнальщик «Ушакова», изумленный и испуганный ужасающим зрелищем, воскликнул: «Господи, «Ослябя» гибнет... »! Пучина чужого моря равнодушно поглотила свою первую жертву, и на сомкнувшейся поверхности воды чернели лишь плавающие и тонущие люди...

Сам «Адмирал Ушаков» еще не имел ни одного попадания вражеских снарядов. Но в 16 часов, проходя мимо подвергнувшегося расстрелу броненосца «Александр III», и «Ушаков» получил два прямых попадания больших снарядов, в результате чего в носовой части корабля был пробит борт и все носовое отделение жилой палубы было заполнено водой. Через несколько минут третий снаряд ударил в борт против носовой башни, проник в кубрик и взорвался. На броненосце появились первые убитые и раненые.

Дальнейший ход событий и обстановку на корабле ярко живописует лейтенант Н. Н. Дмитриев. «Спустившись после 5 часов вечера на несколько минут вниз, — пишет он, — я прошел в кают-компанию, где на полу, прикрытые брезентом, лежали, вытянув окостеневшие ноги, четыре покойника, а раненые сидели и лежали на диванах. Тут же на носилках, весь залитый кровью, лежал смертельно раненый осколком в горло матрос, и с его тихими стонами сливалось какое-то глухое, страшное рокотание в перебитой гортани.

С непонятным теперь и возможным только среди боя и сопровождающей его атмосфере смерти спокойствием и с каким-то тупым равнодушием смотрел я на эти трупы, на стонущих, страдающих раненых, на куски мозга, прилипшие к изголовью носилок. Сознание того, что каждую минуту сам можешь превратиться в такую же кровавую массу, повергало в состояние оупления...

Ощущение страха, которое случалось часто испытывать в жизни, здесь абсолютно не имело места, и лишь с течением времени все существо охватывалось сознанием сильнейшей физической усталости и апатии».

Очередной снаряд ударил броненосец в кормовую башню, оставив в ней вмятину, но не повредив ее. Осколки этого и других вражеских снарядов изрешетили шлюпки и трубы. Один из них срезал гафель на грот-мачте, на котором развевался Андреевский флаг. Бесстрашный квартирмейстер Василий Прокопович, находящийся во время боя часовым у флага и от множества разрывов совершенно оглохший, перенес его на правый нок грота-рея.

Около 18 часов с окончательно расстрелянного «Князя Суворова» эсминцем «Буйным» был снят раненый командующий русской эскадрой вице-адмирал З. П. Рожественский, который при этом передал командование контр-адмиралу Н. И. Небогатову с приказанием прорываться во Владивосток.

Примерно в это же время заливаемый водой через большие пробоины из общего строя вышел «Император Александр III». Имея большие повреждения, он попал под еще более убийственный огонь крейсеров отряда Х. Какимур. Командир «Ушакова», прикрывавший до того его своим бортом, отдал команду старшему артиллеристу перенести огонь на японские крейсера. Дмитриев перенес на «Идзумо» огонь кормовой башни, стрелявшей на предельном угле возвышения. Но, к сожалению, снаряды все равно не долетали до цели.

Примерно в 18 часов 40 минут «Александр III» с нарастающим креном стал склоняться прямо на борт «Ушакова». Увеличив ход, В. Н. Миклуха уклонился от столкновения, пропустив его за кормой. Через несколько секунд 14 000-тонный эскадренный броненосец перевернулся верх килем и еще через 10 минут ушел под воду. При этом все 865

человек, находившиеся на борту «Императора Александра III», разделили судьбу своего корабля.

Еще через 20 минут от взрыва кормовых погребов перевернулся и погиб эскадренный броненосец «Бородино». После гибели этого героического корабля результат сражения был уже очевиден. Через шесть часов боя все ядро русской эскадры было уничтожено, и теперь в голове колонны шел избитый и сильно разрушенный эскадренный броненосец «Орел», через некоторое время вставший в кильватер флагманского «Императора Николая I». Следовавший за «Орлом» «Адмирал Ушаков» зарывался носом в воду, так как имел затопленное носовое отделение. Вследствие этого его маневренные качества значительно ухудшились. Максимальный ход был ограничен 10 узлами. Серьезно ослаблена огневая мощь броненосца. Настроение экипажа было подавленное. Лейтенант Дмитриев вспоминал: «Трудно выразить и передать то тяжелое, удручающее чувство, которое охватило людей, измученных как физически долгим непрерывным боем, так и нравственно целым рядом обрушившихся несчастий».

Уверенный в победе адмирал Того уступил поле сражения многочисленным отрядам истребителей и миноносцев, которые с трех сторон окружили остатки второй Тихоокеанской эскадры.

Около 21 часа от флагмана стали отставать корабли, поврежденные в дневном бою. Отстал и севший носом «Адмирал Ушаков». После 23 часов он остался совсем один. Не было видно и японских миноносцев, ушедших вслед за основной частью русской эскадры, вернее того, что от нее осталось. Люди на «Ушакове» буквально валились с ног. «Апатия ко всему происходящему была такая, — писал в последствии Дмитриев, — что о кишаших вокруг миноносцах, делающих свое грозное дело, я вовсе и не думал. Было лишь одно желание — отдохнуть хоть немного и забыться от ужасной действительности того несчастного дня». Он уснул прямо на мостике. Мичман И. А. Дитлов, спустившись в кают-компанию, где были убитые, прилег на палубе. Сигнальщик П. А. Васильев посоветовал ему лечь на носилки между покойниками и затем прикрыл его пальто.

Казалось, что все на корабле замерло. Не до сна было лишь командиру и старшему штурману Е. А. Максимову, пытавшемуся определить место по звездам. К полуночи В. Н. Миклуха, получив доклад штурмана о месте корабля, собрал на совет офицеров. Показав место корабля на карте и изложив положение дел на броненосце, командир попросил высказать мнения по дальнейшим действиям. Все единодушно решили следовать прежним курсом во

Владивосток и стараться догнать ушедшую вперед эскадру.

После совещания свободные от вахты разошлись отдыхать. лейтенант Дмитриев спустился в кают-компанию, где рядом с покойниками спали на диванах офицеры. «Сурово смотрели в полумрак с портрета пристальные глаза Федора Федоровича Ушакова, как бы осматривая эту послебоевую картину».

Утром 15 мая вокруг остатков эскадры, следовавшей за Небогатовым, вновь собрался весь японский флот. Около 10 часов пять русских кораблей оказались в полукольце от боевых отрядов противника, и вскоре в них полетели вражеские снаряды. На русских кораблях были готовы сражаться до последнего. С «Орла» и «Апраксина» по противнику было сделано несколько залпов, но неожиданно для всех от флагмана поступило приказание прекратить огонь. Его броненосец застопорил ход и поднял японский флаг... Остальные корабли, за исключением «Изумруда», который прорвался на север и ушел во Владивосток, последовали примеру флагмана. Таким образом, к большим потерям, которых еще никогда не нес российский флот, добавилась и потеря чести...

Иначе сложилась судьба небольшого броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков». В 5 часов утра с мостика на нем были обнаружены дыма оторвавшегося вперед отряда Небогатова. Догнать его уже не представлялось возможным. К тому же было ясно видно как со всех сторон к нему стягиваются главные японские силы, не обращающие внимания на отставший и зарывавшийся форштевнем в воду «Ушаков». Тем не менее, на броненосце была объявлена боевая тревога и орудия направлены в сторону неприятеля.

С удалением противника В. Н. Миклуха отвернул на восток, обходя вероятное место японской эскадры. В 6 часов он распорядился произвести погребение четырех погибших моряков. Священник Иона, во время боя квалифицированно помогавший судовому врачу П. В. Бодянскому, совершил обряд отпевания покойных, после чего их тела, по-морскому обычаю, были преданы морю.

Идя восточным курсом к корейскому берегу, в начале одиннадцатого часа на «Ушакове» услышали отдаленную кратковременную перестрелку. Это и было последнее столкновение остатков русской эскадры под командованием Небогатова с окруживших их японским флотом.

До 14 часов «Адмирал Ушаков» шел вполне благополучно. У его команды начала даже появляться надежда, что удастся до ночи пройти незамеченными и как-нибудь прорваться во Владивосток. Но, к сожалению, эта надежда вскоре рухнула.

В начале третьего часа сигнальщик с марса доложил о появившихся справа по носу дымах. Изменяя курс, командир Миклуха пытался уйти от столкновения с неприятелем, но

все было тщетно. Через некоторое время от японской эскадры отделились два корабля и взяли курс на «Ушаков». Броненосец стал готовиться к бою и, так как в окончательном его исходе ни у кого не было сомнений, командир отдал приказ минному офицеру Б. К. Жданову заминировать труды кингстонов и циркулярной помпы. Команде же поступило приказание выбросить за борт все лишнее дерево, парусину, койки, оставив лишь одни пробковые матрацы. Повернув на юг, Миклуха решил собрать офицеров на совет, на котором все единогласно решили драться, пока хватит сил, после чего уничтожить броненосец. При этом никому и в голову не пришла мысль о возможности избежать боя ценой позора своего флага. На этом корабле люди были иных взглядов на воинский долг, нежели в отряде Небогатова. Командир корабля Владимир Николаевич Миклуха, все офицеры и команда оказались на высоте положения. Совершенно очевидно, что сказалось влияние и еще одного человека, незримо присутствующего на борту броненосца...

Вот как об этом повествует А. С. Новиков-Прибой в своем романе «Цусима»: «Начиная с самого младшего чина, все офицеры твердо говорили об одном — драться, пока хватит сил и снарядов. Миклуха, убеждаясь в готовности каждого умереть на посту, светлел в лице... Он был доволен. Все высказывания были проникнуты преданностью родине и долгу. Его беседы о героическом прошлом русских моряков, его система воспитания на боевых традициях адмирала Ушакова не прошли даром. Люди были готовы на подвиг... Японцы не допускали мысли, что такой маленький русский броненосец будет с ними сражаться. Но они ошиблись. Люди корабля жили боевыми традициями знаменитого флотоводца Ушакова. И сам командир Миклуха был его последователем... Ушаков», обреченный на гибель, был непреклонен перед своим врагом. Ничто не могло сломить мужества моряков. Они исполняли свои обязанности с таким упорством, точно среди них присутствовал сам великий флотоводец».

Расходясь на боевые посты, командир, офицеры и матросы прощались друг с другом, ибо никто не надеялся уцелеть в неравной схватке с двумя японскими 10 000-тонными крейсерами «Ивате» и «Якумо», имевших многократное превосходство над «Ушаковым» в скорости и вооружении, что позволяло им занять наиболее выгодную позицию для атаки и буквально в упор расстрелять русский броненосец.

В 16 часов 50 минут японский младший флагман Х. Симамура, возглавивший атаку на «Ушакова», приказал на «Ивате» поднять сигнал: «Советую вам сдать ваш корабль. Ваш флагман сдался». Сигнальщики русского

броненосца не сразу разобрали сигнал, поднятый японцами, и командир даже распорядился набрать ответ по международному своду. Но когда ему доложили первую часть этого сигнала, сказал: «Ну а продолжение и разбирать нечего, долой ответ, открывайте огонь!» Несмотря на всю тяжесть обстановки, В. Н. Миклуха твердо решил, что имя адмирала Ушакова не будет запятнано и Андреевский флаг на броненосце его имени опозорен не будет! Вместо ответа с «Ушакова» прозвучал залп обеих башен и орудий правого борта, повернувшего на сближение с противником.

«Японцы не допускали мысли, что такой маленький русский броненосец будет с ними сражаться. — Писал А. С. Новиков-Прибой. — Но они ошиблись. Люди корабля жили боевыми традициями знаменитого флотоводца Ушакова. И сам командир Миклуха был его последователем».

Дальнейший ход боя ярко описывает лейтенант Н. Н. Данилов. «Около десяти минут японцы не могли пристреляться, и их снаряды часто давали недолеты, хотя и ложились довольно близко от борта. Затем пошла небольшая серия перелетов, а за ними огонь неприятеля стал до такой степени прицельным и метким, что каждый залп приносил нам все новые и новые разрушения.

После нескольких выстрелов гидравлическая горизонтальная наводка носовой башни прекратилась. Башню стали вращать вручную, но это было настолько трудно при появившемся на правый борт небольшом крене, что стрельба из нее замедлилась и оказалась малодейственной. Кормовая же башня вполне исправно работала до самого конца боя. Что касается огня батареи, то его временами приходилось совершенно прекращать из-за полной его бесполезности, так как дистанция все время значительно превосходила дальность стрельбы 120-мм пушек (японские корабли постоянно отходили от «Ушакова», не давая ему возможность использовать всю артиллерию, как в свое время поступал сам адмирал Ушаков. — Авт.).

Кроме того, через 20 минут после начала боя было разбито правое носовое 120-мм орудие, а после нескольких последовательно попадавших в

батарею неприятельских снарядов взорвались три беседки с 120-мм патронами, из-за чего начался сильный пожар. Этими же снарядами и взрывом беседок были произведены большие разрушения на правом борту батареи. Да и левый борт был весь завален кусками и обломками от разбитой динамо-машины и развороченного камбуза. Местами попадались залитые кровью и изуродованные до неузнаваемости трупы убитых матросов.

Через полчаса стрельбы огонь обоих неприятельских крейсеров уже по сильно подбитому «Ушакову» был ужасен по своим результатам. Кроме пожара, в батарее от взрыва снаряда в жилой палубе загорелась обшивка борта и рундуки с командными вещами.

К концу получасового боя броненосец получил следующие повреждения: 8-дюймовый снаряд произвел большую пробоину по ватерлинии под носовой башней. Несколько менее значительных пробоин зияло по всему борту. И, наконец, огромная пробоина в борту под кают-компанией от снаряда, взрыв которого был огромен по своей силе. После этих разрушений «Ушаков» накренился на правый борт так сильно, что стрельба из башен стала недействительна из-за уменьшения дальности, а затем и полной невозможности вращать их против крена».

Но «Ушаков», обреченный на гибель, был непреклонен перед своим врагом... — Писал Новиков-Прибой. — Ничто не могло сломить мужества моряков. Они исполняли свои обязанности с таким упорством, точно среди них присутствовал сам великий флотоводец».

Исчерпав все боевые возможности броненосца и его экипажа, командир приказал затопить корабль. В открытые кингстоны и подорванные трубы циркулярной помпы в бомбовые погреба и машинное отделения хлынула вода. Оставшиеся в живых ушаковцы, помогая друг другу, стали выбрасываться за борт.

«Вплоть до прекращения огня стояли на площадке у дальномеров мичманы Сипягин и Транзе с помогающими им сигнальщиками... — Продолжал описание последних мгновений жизни броненосца лейтенант Дмитриев. — Когда почти вся команда была в воде, на мостик пришел старший офицер доложить командиру о том, что вода быстро прибывает и что «Ушаков» сейчас перевернется.

Никогда не забуду я спокойствия и полного самообладания, с каким держал себя в это время А. А. Мусатов. На кителе, с надетой поверх португеей, с револьвером на боку, самым невозмутимым голосом отдавал он с мостика какие-то приказания плававшей за бортом команде и затем также спокойно доложил командиру о положении корабля...

Простившись со всеми, я снял сапоги и тужурку, пробежал под свист осколков по мостику и, миновав несколько изуродованных трупов, благополучно спустился на ют. Здесь у кормовой башни в последний раз увидел я своего товарища Бориса Константиновича Жданова, погибшего с кораблем, и, как мы — его сослуживцы думаем, погибшего по своей воле. В это время снова раздался страшный взрыв снаряда у кормовой башни и «Ушаков» начал крениться еще быстрее... Офицер, видевший последним портрет в полуразрушенной кают-компании, утверждал, что лицо Адмирала было, хотя грустное, но довольное...

Спустившись за борт, я с огромными усилиями отплыл от гибнущего броненосца, точно притягивавшего меня к себе. Минуты через три после этого избитый корабль лег на правый борт, перевернулся кверху килем, а затем вниз кормой пошел ко дну под крики «Ура» плавающей вокруг команды. И пока не скрылось под водой острие тарана, японцы ожесточенно добивали своего врага, гордо отвергшего их позорное предложение о сдаче... Видя перед собой до конца развевающийся Андреевский флаг, японцы старались выместить злобу на виновниках своей неудачи, осыпая беспомощно плавающих в воде людей жестокой шрапнелью».

В этом кромешном аду погибли геройский старший офицер капитан 2 ранга Александр Александрович Мусатов и командир корабля капитан 1 ранга Владимир Николаевич Миклуха, не сдавший свой броненосец сильнейшему врагу и последним его покинувший.

Все они: и оставшиеся в живых, и павшие в бою, до конца выполнили свой долг перед Богом и Отечеством, не уронили чести русского моряка и имени флотоводца — адмирала Федора Федоровича Ушакова. Слава им и вечная память!

После гибели флота в Цусимском сражении все русское общество буквально всколыхнуло. Разгорелись бурные дискуссии о необходимости вообще иметь флот. Как и после Крымской войны, появилось множество сторонников избавиться от рода войск, тяжелым бременем лежащем на государственном бюджете. Но были и умные люди, которых к счастью для нашего Отечества оказалось большинство, которые отстаивали необходимость строительства нового флота.

Так Александр Нимитц в своей статье в «Морском сборнике» того времени писал: «Нужен ли России флот? Вот вопрос, над которым русское общество и русские

государственные люди задумывались каждый раз, когда внешнее политическое положение было трудным. Теперь этот вопрос опять нас мучает. Но замечательная вещь, что, несмотря на несколько случаев в истории России, когда флот ее бывал уничтожен или почти уничтожен, как теперь, каждый раз правительство и общество, в конце концов, снова принимались за его создание. И эти воссоздания флота Всегда совпадали с наиболее высокими подъемами русской государственности — с лучшими «возрождениями» России».

В то время разум восторжествовал, и в 1911 году был принят Закон о императорском российском флоте и программа усиленного судостроения. В соответствии с этой программой на Черноморском флоте была создана так называемая «Ушаковская бригада», т. е. бригада эсминцев, носящих имя славных побед адмирала: «Фидониси», «Керчь», «Гаджибей», «Калиакрия», «Цериго», «Занте», «Левкас» и «Корфу».

По планам морского командования должен был строиться и линейный корабль «Адмирал Ушаков», но этим планам не суждено было сбыться. По этому от легендарного броненосца, героически погибшего в Цусимском сражении, его название перешло уже к советскому артиллерийскому крейсеру, заложенному на том же Балтийском заводе Ленинграда 31 августа 1950 года.

Через три года после закладки, 19 апреля 1953 года, на «Адмирале Ушакове» был поднят Военно-Морской флаг. Первым местом его базирования стал Североморск.

В 1955 году «Адмирал Ушаков» под командованием капитана 1 ранга С. Бандура завоевал приз Главнокомандующего ВМФ по артиллерийской стрельбе. Характерно, что перед каждым стрельбам командир собирал всех офицеров и как Ф. Ф. Ушаков, собирая совет капитанов, выслушивал доклад каждого о готовности его подразделения, после чего ставил боевую задачу.

Позднее на «Адмирале Ушакове» впервые на флоте была подготовлена самодельная вертолетная площадка и произведена ее практическая апробация, после чего вертолетные площадки стали разрабатываться на заводах изготовителях и штатно устанавливаться на кораблях. Первым был «Ушаков» и в организации приема топлива на ходу.

5 октября 1963 года «Адмирал Ушаков» был переведен на Черноморский флот, где и прошла вся основная его служба. С этого времени корабль неоднократно участвовал в боевых службах на Черном и Средиземном морях. Совершал дружеские визиты в средиземноморские порты: Латакия (Сирия — 6–12. 3. 1973 г.), Таранто (15–19. 10. 1973 г.), Мессина (19–22. 10. 1973 г.), Варна (7–10. 8. 1981 г.)

Офицеры, мичманы и матросы гордились службой на «Адмирале Ушакове». А те из них, кто отслужил свой срок, всегда с теплотой отзываются о годах, проведенных на

крейсере, отмечая особый дух веселости, царивший на корабле. И автор тому был свидетелем.

Будучи курсантом Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища, в 1980 году я напросился у замполита корабля прибыть на крейсер для знакомства и сбора материалов по истории корабля. Визит одиночного курсанта вызвал недоумение среди офицеров. Помнится, седой инженер-механик, вытирая замасленные руки, с легкой иронией обратился ко мне с вопросом:

— Студент, ты как сюда попал? Здесь атомной установки нет!

Немало пройденных миль осталось за кормой крейсера «Адмирал Ушаков». Но корабли, как и люди, стареют, и потому в 1987 году он был выведен из состава Военно-Морского Флота.

В 1992 году имя прославленного флотоводца принял на себя тяжелый атомный ракетный крейсер Северного флота, построенный на Адмиралтейском заводе в Ленинграде в 1980 году. Это головной корабль новой серии атомных крейсеров.

За время службы крейсер участвовал в боевых службах в северных широтах и Средиземном море, в оперативно-тактических учениях «Север-81» и «Атлантика-84», оказывал помощь терпящим бедствие атомной подводной лодке «К-219» в Атлантическом океане и подводной лодке «Комсомолец» в Норвежском море.

За высокие показатели в боевой учебе корабль занесен на Доску почета передовых частей и кораблей Министерства обороны, награжден вымпелом Министерства обороны «За мужество и воинскую доблесть». Неоднократно завоевывал призы Главнокомандующего ВМФ по ракетной и зенитной подготовке.

Но спустя некоторое время, корабль сам потерпел аварию. Находясь на боевой службе в Средиземном море, в атомной энергетической установке «Адмирала Ушакова» произошла течь теплоносителя первого контура. К счастью тяжелых последствий для экипажа не последовало, однако сам корабль оказался надолго «прикованным к стенке». 6 декабря 1992 года крейсер был выведен в резерв 2-й категории. Однако усилиями ветеранов флота, общественных и государственных учреждений было принято решение о ремонте и модернизации крейсера, для чего в сентябре 1999 года корабль был переведен в Северодвинск. А 14 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы и день памяти Федора Федоровича Ушакова, Совет Федерации так же принял Постановление «О сохранении в боевом составе Военно-Морского Флота тяжелого атомного ракетного крейсера «Адмирал Ушаков».

Неоценимую помощь в этом благородном деле оказывают шефы корабля: Архангельская область и Республика Мордовия. В 1995 году, в день 250-летнего юбилея адмирала Ф. Ф. Ушакова, первыми подписали договор о шефской помощи архангелогородцы, а следом — и Республика Мордовия, которая шефствовала до этого над его предшественником — черноморским крейсером «Адмирал Ушаков». Кроме прямой материальной помощи и поставки на корабль молодого пополнения срочной службы, шефы первыми откликнулись на призыв о сборе средств на восстановление и модернизацию крейсера. К сожалению, этих усилий оказалось не достаточно... Но есть надежда, что скоро имя святого праведного воина — адмирала Феодора Ушакова засияет на борту нового боевого корабля!

Имя прославленного флотоводца чтут и гражданские моряки. Его носит теплоход Мурманского морского пароходства. С 1979 года его экипаж напряженно трудится на всех просторах Мирового океана. Труд «ушаковцев» по достоинству оценен: теплоход занесен в Книгу Почета Мурманской области, неоднократно отмечался в числе лучших по отрасли.

Удивительной оказалась моя первая встреча с этим кораблем. Как-то в последний день августа 1988 года на выходе нашей подводной лодки из Кольского залива, когда весь экипаж находился на боевых постах по готовности № 1, по корабельной трансляционной сети ко мне обратился командир:

— Владимир Дмитриевич, зайди в Центральный пост, тут твой земляк объявился.

Прекрасно помня, что из Рыбинска, да и вообще из Ярославской области, кроме меня в экипаже никого нет, я в полном недоумении шел в Центральный. Никакого земляка в Центральном, естественно, не было. У перископа стоял командир и загадочно улыбался, испытывая явное удовольствие от непонимания мною текущей ситуации. С такими же хитрыми улыбками стояли вокруг и все прочие офицеры ГКП. Наконец, кивая на перископ, командир сказал:

— Смотри.

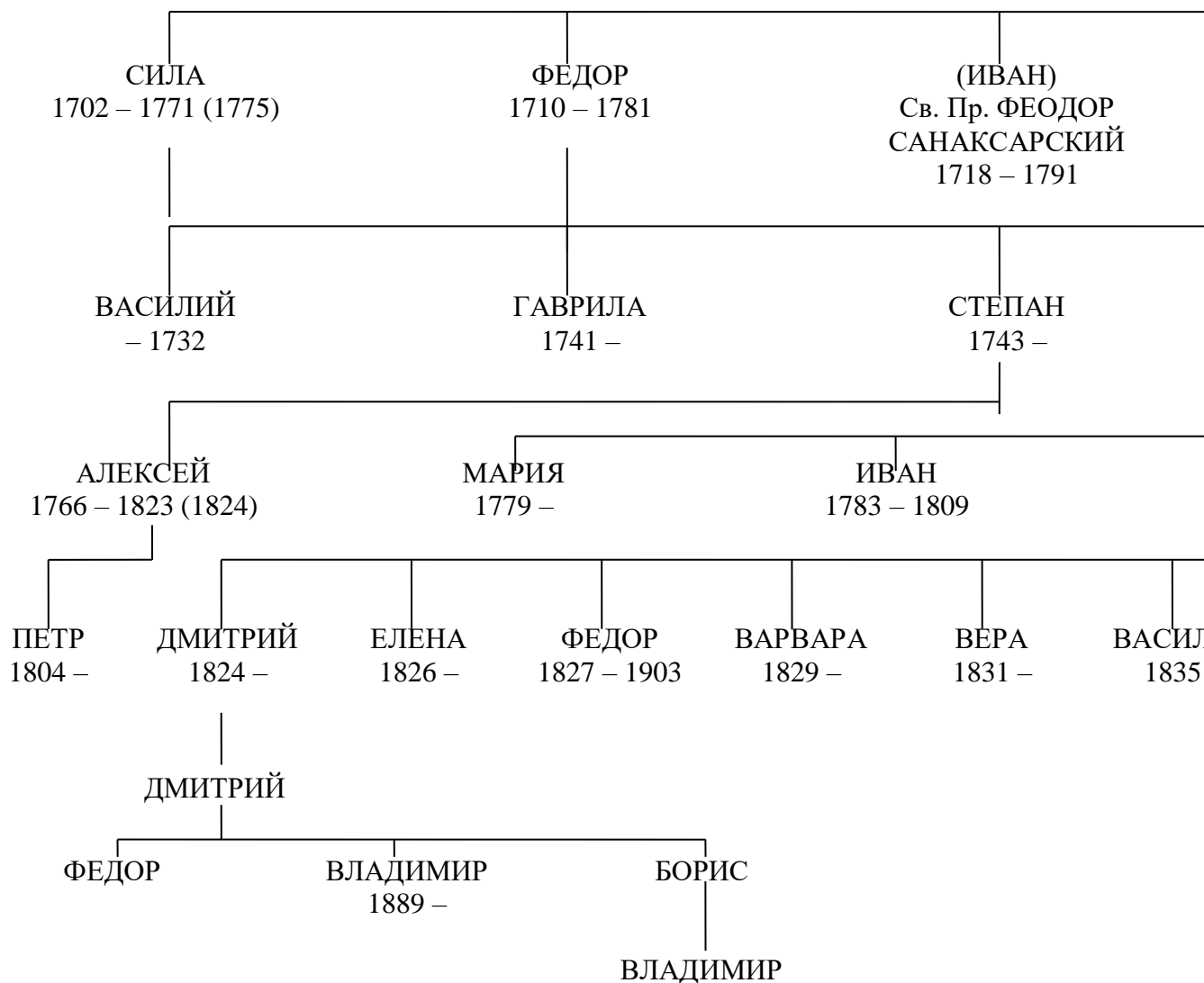
Прильнув к окуляру, я увидел идущий впереди сухогруз, на корме которого большими буквами было написано «АДМИРАЛ УШАКОВ»... Выйти на связь с сухогрузом на открытой волне командир мне, конечно, не разрешил, но сфотографировать теплоход, мне все же было позволено.

Позднее я специально съездил в Мурманский морской порт, где посетил теплоход, носящий имя адмирала Ушакова. Подаренные мне материалы по истории корабля заняли свое место в экспозиции Ушаковского музея, созданного в поселке Ермаково Рыбинского

района Ярославской области. Не менее интересный музей адмирала находится в городе Темникове. Образ флотоводца воплотился в бронзе, в художественной и исторической литературе, документальных и художественных фильмах. По всей стране действует юношеские флотилии и клубы, которая также носит имя Ушакова.

РОДОСЛАВНАЯ УШАКОВЫХ

III

ПРОСЛАВЛЕНИЕ АДМИРАЛА

Христолюбивое российское воинство на протяжении всей своей истории всегда было надежной опорой своему Отечеству и Православной Церкви. Русский воин, чаще других находясь перед лицом смерти, непременно обращался к Богу, равно как и Православная Церковь всегда сугубо молилась о своих защитниках. Воин с мечом и священник с крестом всегда стояли в одном строю.

Год 2000-летия Рождества Христова был ознаменован для всех нас поистине знаменательным событием: 30 ноября Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви сочла возможным канонизировать адмирала Федора Федоровича Ушакова, а в декабре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил прославить его в лике праведных местночтимых святых Саранской епархии.

Принятое решение было непростым. Пожалуй, впервые в истории Русской Православной Церкви да и всего Христианства рассматривался вопрос о канонизации воина-моряка. По этому поводу было много сомнений и у мирян и у священнослужителей. Федор Федорович Ушаков всегда ассоциировался у россиян, в том числе и у служителей Церкви, как выдающийся флотоводец, поэтому закономерно возник вопрос: «А в чем же его святость»? В связи с этим, к вопросу о канонизации воина Феодора Ушакова Комиссия приступала несколько раз и несколько раз откладывала его рассмотрение, дабы сделать паузу, и еще раз убедиться в правомерности самой постановки столь необычного вопроса.

Впервые идею канонизации Ф. Ф. Ушакова в 1995 году высказал председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев. Идея была одобрена иерархами Церкви, но тогда, по вышеозначенным причинам, не получила своего развития. Немногим позднее стараниями православной братии Санаксарского монастыря Саранской епархии, у стен которого покоились честные останки знаменитого адмирала, вопрос о его канонизации был вновь поднят. Инициативу Саранской епархии поддержал Благотворительный фонд по восстановлению и модернизации крейсера «Адмирал Ушаков». 25 октября 1999 года на имя Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II было отправлено соответствующее обращение за подписями Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина, председателя Правления Фонда В. Н. Лопатина и Вашего покорного слуги. Промыслом Божиим вопрос о канонизации адмирала Ушакова был включен в повестку дня Комиссии. 19 октября 2000 года это предложение поддержал и главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал флота В. И. Куроедов.

Подробно описывая предысторию канонизации Феодора Ушакова, хотелось бы особо подчеркнуть, что прославление совершается на Небесах, а мы грешные являемся лишь послушным инструментом в руках Божиих. И дело совершенно не в том, что кто-то что-то написал или к кому-то обратился. Здесь куда важнее отметить духовный порыв людей, способствующих свершению этого удивительного акта.

В ходе длительного и скрупулезного рассмотрения вопроса члены Комиссии пришли к единодушному мнению, что Федор Федорович Ушаков является не просто наиболее почитаемым российским флотоводцем. Своей праведной земной жизнью он явил миру ярчайший образец верного служения Церкви Христовой, Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия.

Одним из наиболее ответственных и волнующих моментов явилось обретение мощей святого праведника, проводимое по благословению архиепископа Саранского и Мордовского — Варсанофия.

Место погребения адмирала было точно известно, так как в 1944 году оно уже вскрывалось по решению наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова специальной комиссией под руководством антрополога М. М. Герасимова. Тогда, по объективным данным, было установлено, что оно действительно принадлежало адмиралу Ушакову. Исследованы останки, составлен акт вскрытия, и Ваш покорный слуга его публиковал в своей более ранней работе*. И, наверное, в настоящей книге не стоило бы об этом еще раз говорить. Но не точные данные Герасимова в описании святых останков, и особенно размеров и формы честной главы, ввели многих в заблуждение. Выполненная им антропологическая реконструкция облика флотоводца оказалась неверной. Поэтому результаты работы Герасимова многих смущают и сейчас.

Следует сказать и о другом. В рамках существующего тогда строя, деяния Герасимова и иже с ним, как всем казалось, были благими — найдена утерянная могила выдающегося флотоводца. По недомыслию так думал я. Но сегодня надо признать, что действия комиссии были богохульными: работы никто не благословлял, они проводились без священства и без молитвы.

В последнем случае обретенные святые останки до прославления были помещены в Воскресенскую часовню Санаксарского монастыря. Их изучение одним из ведущих ученых в области идентификации личности профессором В. Н. Звягиным вскрыло многие ошибки в

* Овчинников В. Д. Федор Ушаков. – М., 1998. С. 396–399.

выводах М. М. Герасимова. В частности, оно показало, что дошедший до нас живописный портрет адмирала является прижизненным, написанным, примерно, в 1804–1810 годах.

Прославление адмирала Феодора Ушакова состоялось 4–5 августа 2001 года в Санаксарском монастыре. Событие было грандиозным и по значимости, и по масштабам. В монастырь приехали около 10 тысяч человек: заслуженные адмиралы, командующие всеми флотами, включая главкома ВМС Украины, многочисленные паломники со всех концов СНГ и духовенство.

Великое действо началось с того, что гроб со святыми останками адмирала был вынесен командующими флотами из часовни, где незадолго до этого проходила последняя панихида памяти воина Феодора Ушакова. Пользуясь тем, что к началу церемонии не успели поднести Андреевский флаг, заготовленный представителями Главного штаба ВМФ, командующий Черноморским флотом адмирал В. П. Комоедов накрыл гроб флагом Черноморского флота. Затем гроб со святыми останками флотоводца на руках командующих флотами был вынесен из часовни. После этого процессия, символизирующая земную жизнь адмирала, направилась на площадь перед входом в монастырь.

На центральной площади для отдания последних воинских почестей выстроился почетный караул. На митинге выступили Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин и начальник Главного штаба ВМФ адмирал В. А. Кравченко. Прозвучал ружейный салют и гимн России. После вручения командующим освященных Андреевских флагов уже архиереи понесли раку к главному храму монастыря, где началась церемония прославления, которую возглавлял митрополит Смоленский и Калининградский владыка Кирилл.

Архиепископ Саранский и Мордовский Варсанофий зачитал деяние о канонизации праведного воина Феодора Ушакова и провозгласил впредь считать честные останки святыми мощами.

Торжественным и волнующим был момент приложения к святым мощам угодника Божия. Среди присутствующих на церемонии не было видно ни одного равнодушного лица, включая многочисленных омоновцев из числа оцепления. Это было поистине торжество русского духа!

На следующий день, 5 августа, митрополитом Кириллом, в сослужении первосвященных архипастырей и многочисленного духовенства была совершена божественная литургия. По ее окончании совершен крестный ход со святыми мощами Феодора Ушакова вокруг соборного храма. Затем зачитано первосвятительское обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, в котором говорилось: «Феодор Федорович Ушаков, прославленный воинскими доблестями и не побежденный ни в одном сражении

адмирал великого Российского флота, ныне убожается Святой Церковью Христовой как муж праведный и благоверный, как один из примеров для подражания верующим, как угодник Божий. Мы прославляем Феодора Ушакова как местночтимого святого, однако значение этого события выходит далеко за рамки местного торжества Саранской епархии. Для всей нашей Церкви нынешний день — особый, он навсегда останется в истории церковной, в истории нашего отечества. Мы знаем немало воинов, святость которых признана Церковью и имена которых горячо почитаются благочестивым верующим народом. Таковы, например, святые благоверные князья Александр Невский, Димитрий Донской. Однако впервые за долгое время Церковь прославляет в лике праведных воинов подвижника, жившего в сравнительно недавнем прошлом. И впервые среди имен угодников Божиих появляется имя великого флотоводца... Молитвами праведного флотоводца его нынешние последователи да будут столь же непобедимыми защитниками достоинства Андреевского стяга».

В конце празднества Главнокомандующему ВМФ от Русской Православной Церкви была вручена хоругвь с изображением святого праведного Феодора Ушакова. Подводя итог торжеству, адмирал Кравченко сказал, что прославление адмирала Ушакова стало особым событием в истории отечественного флота, важность которого, может быть, не все еще ясно сегодня осознают, но оно, несомненно, будет способствовать возрождению российской морской силы.

По просьбе командующих флотами архиереи обещали передать на флоты частицы святых мощей воина Феодора Ушакова. Выполняя обещание, 24–25 ноября 2001 года прошла торжественная передача частицы святых мощей на Балтийский флот. Это был настоящий праздник для моряков флота и жителей города Балтийска. Переданная святыня и икона Феодора Ушакова были пронесены по улицам города. Первыми их встретили экипажи эсминцев, морских десантников, тральщиков, которые были выстроены на главной набережной.

С утра над городом стояла низкая облачность. Но когда священнослужители вынесли ковчег с частицей мощей, тучи разошлись, и луч солнца осветил освятил лик праведника. Очевидец отмечал: «Засияло золото крестов и хоругвей. Воссиял лик святого Федора Ушакова на большой храмовой иконе, вынесенной на площадь». Под звон колоколов кафедрального Свято-Георгиевского собора ковчег с мощами, сделанный в виде старинного корабля, поплыл вдоль экипажных колонн. Святой праведный адмирал вновь «принимал» парад у Балтийцев...

Затем на катере командующего Балтийским флотом ковчег обошел корабли Балтийского флота, салютующие непобедимому адмиралу в соответствии с положенным в XVIII веке ритуалом.

Как-то профессор В. Н. Звягин объяснил мне, что если человек первые 16 лет своей жизни проживет в одной местности, то по биохимическому составу костей это можно определить место его рождения через любое время. Может быть, именно по этому жители одной местности издавна называют себя земляками. Есть в простонародии и другое изречение — соль земли. Так вот, адмирал Федор Федорович Ушаков впитал в себя соль Ярославской земли. Неслучайно поэтому 13 января 2002 года, по благословению наместника Санаксарского монастыря архимандрита Варнавы, частицы мощей святого праведного Феодора Ушакова и его родного дяди — святого преподобного Феодора Санаксарского с подобающими почестями были перенесены на их историческую родину — в город Рыбинск Ярославской области, в самый крупный на Волге Спасо-Преображенский собор.

Как и в Балтийске, к необыкновенной красоты серебряному ковчегу со святынями был нескончаемый людской поток. Земляки святых праведников, большинство из которых люди далекие от флота, пришли поклониться им и попросить заступничества, кто в делах земных, кто предстательства в делах душеспасительных.

23 февраля частицы святых мощей Феодора Ушакова были торжественно переданы и на Черноморский флот, во Владимирский собор родного для него города Севастополя.

Все вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что почитание святого праведника распространилось далеко за пределы Саранской епархии и, представляется, что недолго то время, когда святой праведный Феодор Ушаков будет прославлен уже как всероссийский святой.

И в заключении, хотелось бы сказать еще об одном. Как верно подметил писатель Н. Черкашин, девиз начертанный на свитке иконы святого праведного адмирала Феодора Ушакова: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России», удивительно созвучен со словами, капитан-лейтенанта Дмитрия Колесникова: «Не надо отчаиваться!» — написанными им в полузатопленном отсеке гибнущего атомохода «Курск». А значит, прервалась связь времен! Значит, молитвами святого праведного воина Феодора Ушакова, иконы которого находятся сегодня на многих боевых кораблях, будет жить и Российский флот! Значит, выстоит и поднимется с колен и наше Отечество!

* * *

«Державе Российской архистратиг непобедимый явился еси, агарянскую злобу нивчтоже вменив и разорив: ни славы мирекия, ниже богатства взыску я, но Богу и ближнему послужил еси. Моли, святе Феодоре, воинству нашему даровати на враги одоление, Отечеству во благочестии непоколебиму пребыти и сыновом Российским спастися».

К чему призывают нас святые?

(вместо послесловия)

В VI веке в Палестине подвизался о Господе преподобный Старец Варсонофий, названный Великим по жизни своей и подвигам. Однажды отцы, безмолвствующие в знаменитой тогда обители аввы Серида, видя постигшие мир великие бедствия, просили святого Старца сотворить молитвы к Богу, дабы прекратился гнев Его. «Мир бедствует, – говорили они, – и мы все умоляем тебя, помолись благости Божией, да отъимет руку и возвратит меч... Усильно молимся и просим тебя: помилуй мир погибающий». Отвечал святой Варсонофий: «Братия! Я нахожусь в плаче и рыдании, видя грядущий на нас гнев, потому что мы делаем все противное Богу – наше беззаконие гораздо больше, нежели у язычников. Многие молят человеколюбца Бога о том, чтобы прекратился гнев Его на мир, и нет никого человеколюбивее Бога, но Он не хочет помиловать нас, ибо сопротивляется сему множество грехов, совершающихся в мире. Есть же три мужа совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть решить и вязать, отпускать грехи и удерживать их. Они-то стоят между губительством и миром, чтобы Господь не вдруг истребил весь мир, и по молитвам их Он растворяет наказание милостию; им сказано, что гнев сей пребудет на малое время. Итак, молитесь с ними... Бог мой да укрепит вас услышать и вместить сие, что для

неразумевающих непостижимо».

Отцы понимали, что одним из этих трех мужей, совершенных пред Богом, был сам преподобный Варсонофий, по великому смирению не называвший себя. Вот что такое святые. Им дана Богом власть удерживать мир от гибели.

А между тем, святость – это то состояние, к которому мы все призваны. Этот призыв дан нам в Евангелии – благой вести о нашем спасении. Смысл и цель этой временной земной жизни в том, чтобы каждый из нас, по дарованной нам Богом свободе, определился в путях своих и выбрал из них единственно верный, единственно исполненный истинного смысла – путь совершенства, путь святости о Христе Спасителе. «Будьте святые, яко Аз свят есмь», – говорит всем нам Господь (см.: Лев. 11, 44).

Внешнее в человеке определяется его внутренним состоянием. Человек страстный поступает иначе, чем человек, в душе которого мир Христов. Мирянин он или монах, ученый или предприниматель, политик или военный – если его внутренний мир питается страстями, низменными потребностями или чем иным, противящимся христианской совести, то его дела не приведут ни к чему богоугодному.

Православное святоотеческое учение говорит нам, что мы должны заботиться о чистоте наших мыслей, ибо неправильная, греховная мысль, укоренившись, приводит в итоге к неправильному поступку. Святой человек – это тот, у кого внешняя жизнь богоугодна, но она богоугодна потому, что внутренне чиста.

Почва примет любое семя: и взрастет злак, хлебный колос, либо – колючий репейник, называемый в народе чертополохом. Но богосозданный разум человека не должен принимать *любые* семена, а только те, которые от Создателя своего. Каждый христианин, т. е. человек, вставший на путь святости, знает и внимательно заботится о чистоте своих помыслов – начатков будущих дел, тех плодов, по которым узнается и будет судим или оправдан

человек. «Аще корень свят, то и ветви», – учит апостол Павел (Рим. 11, 16).

Знал это и святой праведный Феодор. Послушания могут быть разные, – ему определил Господь быть моряком, воином, флотона начальником, архистратигом морских сил России и вместе дипломатом, политиком, человеком государственным, – но чтобы дела при этом совершались во славу Божию, во славу Отечества, необходимо всегда пребывать послушным Богу и, прежде всего, в малом, изначальном быть верным Ему, ибо когда мы уже взялись за совершение дел, возросших и созревших в нас, поздно сетовать на то, что плод не тот, что он не богоугоден и что все дела наши на том или ином поприще вс, идут и идут наперекосяк.

Пример тому, чем и как надобно предварять наши дела, являет святой адмирал Феодор Ушаков. Сохранилось драгоценное свидетельство о его жизни в Севастополе, когда, будучи командующим Черноморским флотом и осуществляя начальствование над городом и портом, он (цитируем его биографа Д. Бантыш-Каменского) «к вере отцов своих оказывал чрезвычайную приверженность... каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных, а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного, и был исполненный доброты необыкновенной...» Нам это кажется удивительным – как минимум четыре часа ежедневной молитвы! – а для него это было нормой. Будучи человеком чрезвычайно занятым, причем важнейшими государственными делами, он предварял их усиленным молением, закладывая прочное основание всех своих последующих дел. Естественна при этом и его «необыкновенная доброта», – она была проявлением его внутреннего пребывания с Богом, его внутренней чистоты, того самого мира Христова, о котором свидетельствует преподобный Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи».

В жизни нашей нет ничего случайного. Искать во всем великого смысла призывают нас святые. Приходилось уже слышать такие речи, что вот, из

каких-то, например, политических соображений церковное священноначалие, обсудив некоторые проблемы с государственной властью и Российским военно-морским флотом, решило прославить великого адмирала, известного к тому же своей благочестивой жизнью, – ну, чтоб поднять дух российского воинства, вручить как бы такой штандарт... Но в духовном смысле так не бывает. Через Святую Церковь угодника Божия прославляет Господь. А у Него – все премудро, своевременно и абсолютно точно. И то, что в России, именно в нынешнем ее трагическом состоянии, именно в 2001 году, после потопления «Курска» и перед потрясением 11 сентября и всеми дальнейшими событиями, указуя именно на Российские вооруженные силы, а в них – на военно-морской флот, и даже – скажу со всею серьезностью – не на кого иного из славных моряков, как именно на представителя высшего состава, флотоводца, командующего, истинного патриота своего Отечества, благочестивейшего христианина, совместившего, с Божией помощью, военный гений и политическую мудрость и ставшего отцом для своих подчиненных, – в том, что именно адмирала Феодора Ушакова, архистратига Российской державы, прославил через Святую Церковь Господь, – есть глубочайшая закономерность, и всем нам надлежит внимательно взглядеться и вдуматься в происшедшее, ибо бывает, к сожалению, что важнейшие смыслы общественного бытия, явленные, казалось бы, каждому, проходят мимо нас, как бы неузнанные.

Есть замечательная сцена, которую оставил нам адъютант адмирала в период Средиземноморской кампании капитан-лейтенант Егор Метакса в своих «Записках...» Когда под натиском ушаковского десанта пала неприступная крепость Корфу, взятие которой привело в шок всю Европу, то во время штурма наши моряки защищали своих противников – французских республиканцев от кровожадных турок, тогдашних наших союзников. Отряд наших десантников составил каре и, окружив сдавшийся французский гарнизон, вывел его в безопасное место от жаждавших крови турок. Казалось бы, наши действия должны были быть прямо противоположными, тем более,

что и тогдашняя государственная дипломатия предписывала адмиралу Ушакову нечто весьма политически выгодное: «пушай турки что хотят делают с французами, а вам обременяться пленными не следует...» – передавал наш посол для адмирала «намерение Высочайшего Двора». Адмирал поступал иначе... Вспоминает Егор Метакса: «Уважение неприятелей к адмиралу было столь же неллицемерно, сколь любовь к нему русских. На четвертый день после взятия штурмом неприступной крепости Корфу французские генералы Шабо, Дюбуа и Пиврон просили у адмирала Ушакова позволения прибыть к нему на корабль для отдания должного почтения. Они были приняты с особенною вежливостью и угощены обеденным столом, после коего начался разговор о действиях, происходивших перед Корфою. Французские генералы, отдавая должное храбрости русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы... что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видана. Отдавая победителю полную справедливость, французские генералы прибавили, что храбрость есть свойство довольно обыкновенное в солдате, особливо когда видит он необходимость защищать собственное свое бытие, но что они еще более были поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обязаны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнутой силою от рук лютых мусульман, и что первым для них долгом, возвратясь во отечество, будет всегда и при всяком случае воздавать Российскому воинству всю должную честь и благодарность...

Русские и здесь доказали, – пишет далее Метакса, – что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны».

Вот суть, вот причина, по которой прославлен Феодор Ушаков: «неразлучность звания воина и христианина». Но только христианина по существу внутреннего делания, по внутренней евангельской чистоте, которая

становится вместилищем всепобеждающего Духа Божия. И тогда... вот почему те же турки в панике рубили канаты, ставили паруса и пускались наутек, как только малочисленная черноморская эскадра Феодора Ушакова появлялась на горизонте!

Перед военно-исторической наукой ныне встает задача серьезного переосмысления всего наследия великого адмирала, чья флотоводческая гениальность и непобедимость была следствием всецелого упования и несомненной доверчивости Творцу. «Бог с вами! – писал в боевой инструкции Феоодору Ушакову князь Потемкин. – Возлагайте твердую на Него надежду. Ополчась Верою, конечно победим».

Прославляя воина Феоодора, Святая Церковь напоминает нам, что воинское служение, защита Отечества – священны, и что воинское делание – столь сложное и трагическое – не только совместимо с высокой христианской нравственностью, праведностью, святостью, но и обязано таковым быть – при соблюдении единственного условия: вот этой неразлучности воина и христианина. Для нынешнего времени это указание Церкви – чрезвычайно важно.

Жизнь наша земная венчается исходом в жизнь вечную. Как важно то последнее, что оставляет человек на земле! Иной раз последняя минута становится решающей в деле спасения человеческого, – вспомним евангельского благоразумного разбойника... Итог жизни праведника обладает особой назидательностью для оставшихся. Феоодор Ушаков, исполнив с помощью Божией свой ратный подвиг во славу любезного Отечества, окончил свою земную жизнь в подвиге поста, молитвы, милосердия и благотворительности. Монашеское братство, собранное Господа ради в стенах святой обители его родным дядей преподобным Феоодором, старцем Санаксарским, стало для великого флотоводца родным домом – последней и тихой гаванью. Здесь, у стены соборного храма, он и завещал похоронить себя.

С 1991 года, когда Санаксарский монастырь был возвращен Русской

Православной Церкви, братия ежедневно, в течение десяти лет, возносила молитвы ко Господу о упокоении раба Божия воина Феодора; с 5 августа 2001 года каждый день в нашей обители начинается с братского молебна, на котором мы обращаемся к угоднику Божию – святому праведному Феодору с молитвенной просьбой о помощи: России, флоту, каждому из нас. «Архистратиге державы Российской, непобедимый воине Феодоре! Моли Христа Бога воинству нашему даровати на враги одоление, Отечеству во благочестии непоколебиму пребыти и сынам Российским спастися».

Итак, к чему же призывают нас святые земли Русской? Они призывают нас прежде всего к покаянию, т. е. к изменению, очищению внутреннего нашего человека, который есть побудитель наших внешних поступков; призывают нас к чистоте мыслей, к чистоте сердца, чтоб вознесено оно было к Небесному, а не укоренялось в земных пристрастиях; призывают нас к молитве, которая должна быть чиста и угодна Богу, – и Господь всегда будет с нами, во всех наших делах, ибо и дела наши будут тогда богоугодны. «Не призвал нас Бог на нечистоту, но во святость», – сказано у апостола Павла (1 Сол. 4, 7).

Так было всегда, но – мы с болью видим это – нынешнее время для России особенно тревожное. Мы сдаем и сдаем позиции – и кажется, что мера отступления исчерпана. И ныне, как никогда, должно служить Отечеству так, как служил ему Феодор Ушаков. Кто бы ты ни был: политик, дипломат, военный, – всякий человек, подвизающийся на поприще государственном, должен сознавать, что Отечество – это категория священная, и служить ему надобно не за страх и не за выгоду ту или иную, а с чистою совестью. России нужен не безответственный чиновник, на своем посту заботящийся лишь о себе, и даже не просто честный, добропорядочный исполнитель тех или иных заказов или политической конъюнктуры, а нужен христианин, который несет свое государственное служение как врученное ему Богом.

Образом и примером в этом, ходатаем и скорым помощником да будет нам непобедимый адмирал, славный сын России, отдавший всего себя без

остатка служению Отчизне, великий ее молитвенник, святой праведный Феодор Ушаков.

**Иеромонах Венедикт,
Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь**

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Абордаж – сцепление неприятельских судов с целью захвата судна и уничтожения противника в рукопашном бою.

Авангард – передовая часть боевого порядка флота или эскадры.

Авизо – парусное судно, используемое для посылок и разведки.

Адмиралтейство – место на берегу моря, залива или реки для постройки, вооружения, снабжения и ремонта судов.

Адмиралтейств-коллегия – центральный орган управления флотом, созданный Петром I в 1718 году; она ведала всеми делами флота и была составлена из флаг-офицеров и капитан-командоров, из которых под председательством генерал-адмирала и вице-президента составлялось присутствие Адмиралтейств-коллегии; при Екатерине II Адмиралтейств-коллегия была разделена на шесть экспедиций: комиссариатскую, интендантскую, казначейскую, артиллерийскую, счетную и инспекторскую; при Александре I заменена морским министерством, но еще некоторое время сохраняла свои хозяйственные функции под тем же названием.

Арматор (капер) – частное судно, которое во время войны вооружалось судовладельцем и получало от правительства свидетельство на право вредить морской торговле неприятеля; иногда под арматором (капером) понимают члена экипажа этого судна.

Арьергард – концевая часть боевого порядка флота или эскадры.

Барка – речное плоскодонное беспалубное судно для перевозки грузов.

Барказ – большая мореходная шлюпка.

Бейдевинд – курс корабля самый близкий к линии ветра.

Бизань-мачта – третья с носа мачта.

Бомбардирский корабль – судно с небольшой осадкой, вооруженное осадной артиллерией и мортирами для обстрела с моря крепостей и городов.

Бот – небольшое одномачтовое судно с вооружением 4-10 пушек для ближнего боя; часто использовался для несения дозорной службы и подвоза на линейные корабли припасов, грузов и воды.

Брамсель – парус, поднимаемый над марселем (верхняя часть парусов).

Брандер – судно, начиненное горючими и взрывчатыми веществами, предназначенное для сожжения неприятельского флота.

Брандскугель – зажигательный снаряд с негасимой водой жидкостью.

Бриг – двухмачтовое судно с прямыми парусами на прямых мачтах, водоизмещением 200-400 тонн, с вооружением 10-24 пушек, использовался для крейсерской, разведывательной и посыльной службы.

Бригантина – двухмачтовое судно с прямым парусом на передней мачте и косым на задней с вооружением 6-8 пушек малого калибра, использовалось в военных флотах Европы для разведывательной и посыльной службы.

Бриз – ветер, дующий ночью с берега на море, а днем с моря на берег вследствие перепада температур.

Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выставляемый с носа корабля для вынесения на нем вперед парусов с целью улучшения маневренных качеств судна.

Ванты – пеньковые снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков и сзади мачты, стеньги и брам-стеньги.

Вельбот – пяти-шестираспашная шлюпка с заостренными носом и кормой, служащая для перевозки экипажа с берега на корабль и с корабля на берег.

Верп – небольшой якорь, преимущественно употребляемый для завозов.

Ветер: а) брамсельный – ветер, сила которого позволяет судну нести брамсели без вреда рангоуту; б) марсельный – ветер, при котором можно нести только марсели; в) противный – ветер, дующий против курса корабля; г) попутный

– ветер, дующий по одному направлению с курсом; д) выиграть ветер – пройти на ветер другого судна; е) круче к ветру – команда держать курс ближе к ветру.

Галера – гребно-парусное судно с треугольными и четырехугольными парусами в качестве вспомогательного движителя и вооружением до 20 пушек.

Галс – курс корабля относительно ветра; если, например, ветер дует с левой стороны, то говорят, что судно идет левым галсом.

Гардемарин – кадет старшего класса Кадетского корпуса.

Грот-мачта – вторая мачта с носа.

Дек – артиллерийская палуба парусного судна.

Дуббель-шлюпка – одномачтовое судно русского гребного флота второй половины XVIII века для действий в шхерах, лиманах и у берегов.

Кабельтов – мера расстояния на море, равная 0,1 мили, или 185,2 метра.

Кадет – воспитанник младших классов Кадетского корпуса.

Каик (кайка) – самая большая шлюпка на галере.

Кампания морская – период плавания флота в мирное время, а в военное, как оперативный термин, – период действия флота на театре боевых действий.

Канонерская лодка – относительно небольшое артиллерийское судно, предназначенное для ведения боевых действий в прибрежных районах.

Капер – см. арматор.

Капудан-паша – главнокомандующий всего турецкого флота.

Катер – преобладающий тип шлюпок на флоте с более острыми обводами и более легкое, чем барказ.

Килевание – наклонение судна на бок для производства с днищем ремонтных работ.

Кильватерный строй – строй кораблей, при котором они следуют друг за другом в кильватерной струе.

Киоск – турецкое увеселительное судно.

Кирлангич – турецкое быстроходное гребно-парусное одно- или двухмачтовое судно с косыми парусами.

Команда – экипаж корабля, исключая командный состав.

Командор – начальник отряда судов, не имеющий адмиральского чина.

Комендор – морской артиллерист.

Компас – прибор, по которому определяют курс корабля.

Контр-марш – поворот, при котором суда, идущие в линии, последовательно поворачивают, приходя в кильватер поворотившего корабля.

Корабль (линейный корабль) – трехмачтовое парусное судно с вооружением 50-120 пушек, расположенных на двух-трех орудийных палубах (деках), водоизмещением 700-1100 и более тонн, предназначался для боя в линии и являлся главным классом кораблей. Способ ведения боя линейных кораблей дал название линейной тактики.

Корвет – трехмачтовое судно с открытой батареей палубой, предназначенное для разведки и крейсерских операций.

Кордебаталия – центральная (основная) часть боевого порядка флота или эскадры.

Корсар – морской разбойник.

Крамбол – кран или кранбол-брус прикрепленный к скуле корабля, служащий для подъема якоря. Выражение "По крамболу" означает положение судна относительно того судна, на котором находятся. К примеру: "Судно видно на правый крамбол", – значит, что оно находится на той линии, которая мысленно продолжена по направлению крамбола (около 45°).

Крейсерское судно – всякое судно, назначенное в крейсерство с целью нарушения морских перевозок противника, разведки и т.п.

Крюйт-камера – погреб на корабле для хранения пороха.

Куттер – двухмачтовое грузовое судно с косыми парусами и вертикальным форштевнем.

Лаг – в данном случае – бор судна; говорят, например, встать лагом, залп лагом.

Линейный корабль – см. корабль.

Марсель – парус, который ставится между марса-реем и нижним реем (средняя часть парусов).

Миля – мера расстояния на море, равная 1852 метрам.

Мичман – первый офицерский чин в русском военном флоте, дававшийся гардемаринам, сделавшим на море две летние кампании после сдачи экзаменов.

Мол – насыпь вроде стенки у гавани или рейда, защищающая суда от волн.

Оверштаг – поворот, при котором изменение направления движения производится путем пересечения линии ветра носом.

Ордер – порядок построения кораблей при его движении в море.

Пакетбот – небольшое двух-трехмачтовое почтово-пассажирское судно с пушками малого калибра.

Пинк – небольшое трехмачтовое транспортное судно.

Полака – небольшое трехмачтовое судно, употребляемое на Средиземном море.

Прам – плоскодонное парусное судно, вооруженное пушками большого калибра для действия в прибрежных районах.

"Прибавить парусов!" – команда увеличить площадь стоящих парусов или ставить другие, кроме стоящих.

Равендук – род парусины, заменяющей иногда клавендук и брамсельдук; выделывалась в Таммерфорсе, в Вязьме, Муроме, Переславле, Костроме, Ярославле и Романове.

Рангоут – круглые деревянные приспособления (мачты, стеньги, реи и проч.) для постановки и растягивания парусов.

Рей – рангоутная деревянная планка, подвешенная за середину к мачте и служащая для привязывания паруса.

Рейд – часть моря, защищенная от ветра берегом, островами или молотом, предназначенная для стоянки судов.

Репетичное судно – судно, предназначенное для передачи команд флагмана.

Румб – всякое направление от центра видимого горизонта к точкам его окружности; из множества румбов 32 носят особые названия, в их числе два (Ост и Вест) называются главными; иногда под румбом понимают величину угла между двумя румбами равного 11 градусам 15 минутам.

Салют – отдавание почести лицу, событию, месту и флагу установленным числом выстрелов.

Скампавея – малая быстроходная галера, предназначенная для перевозки войск, abordажного боя и разведки.

Стеньга – часть рангоута, служащая продолжением мачты.

Такелаж – общее наименование всех снастей, составляющий вооружение (оснастку) судна; такелаж подразделяется на стоячий и бегущий.

Траверз – направление, перпендикулярное к курсу корабля.

Филюга – небольшое турецкое двухмачтовое судно.

Флагманский корабль – корабль, на котором находится флагман и держит свой флаг.

Флагман – адмирал, командующий эскадрой.

Флейт – большое судно, употребляемое для перевоза грузов.

Фок-мачта – первая мачта на судне.

Фордевинд – поворот, при котором изменение направления движения производится путем пересечения линии ветра кормой.

Форштевень – деревянный брус, составляющий переднюю оконечность судна.

Фрегат – трехмачтовое судно с закрытой батарейной палубой с вооружением 20-50 пушек.

Цейхмейстер – генерал, управляющий частями морской артиллерии; главный начальник морской артиллерии называется генерал-цейхмейстер.

Шебека – гребно-парусное судно с тремя мачтами с вооружением до 30 пушек.

Шканцы – часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты.

Шпринг – заведенный с кормы верп или трос, привязанный к становому якорю, на котором судно стоит таким образом, что при всех переменах ветра оно остается одним и тем же бортом к крепости или флоту.

Шхуна – судно с двумя или тремя наклонными мачтами и косыми парусами.

Эволюция – назначенное командиром или флагманом изменение в движении корабля или эскадры.

Эскадра – отряд военных судов, идущих в море под командованием флагмана.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Ф. Ф. УШАКОВА

1745 г. 13 февраля родился в родовом имении, сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции Московской губернии.

1761 г. 15 февраля поступил в Морской шляхетный кадетский корпус.

1763 г. 12 февраля произведен в гардемарины.

1764 г. 10 апреля произведен в капралы.

1766 г. 1 мая произведен в мичманы. На пинке «Наргин» совершил переход из Кронштадта в Архангельск.

1767 г. На том же судне вернулся из Архангельска в Кронштадт.

1768 г. На корабле «Три Иерарха» под командованием капитана 1 ранга С. К. Грейга находился в практическом плавании по Финскому заливу.

23 декабря откомандирован на Дон в команду контр-адмирала А. Н. Сенявина.

1769 г. Участвовал в достройке прама № 5 на Икорецкой верфи. Назначен его командиром. Участвовал в его проводке к низовьям Дона.

30 июля произведен в лейтенанты.

1770 г. Командовал прамом «Гектор» на Дону.

1771 г. Участвовал в проводке фрегата «Первый» от Новохоперской крепости до Азовского моря. Доставлял по Дону лес и другие материалы в Таганрогский порт.

1772 г. Командуя палубным ботом «Курьер», вместе с фрегатом «Первый» ходил от Таганрога до Кафы и далее до Балаклавы.

1773 г. В сентябре назначен командиром «новоизобретенного» 16-пушечного корабля «Морея», затем – командиром такого же корабля «Модон».

1774 г. Командуя кораблем «Модон», в составе эскадры курсировал по Черному морю.

1775 г. Переведен в С.-Петербургскую корабельную команду.

20 августа произведен в капитан-лейтенанты.

1776 г. 15 июня – 12 сентября на фрегате «Северный Орел» совершил переход из Кронштадта в Средиземное море. По прибытии в порт Ливорно назначен командиром фрегата «Св. Павел».

1779 г. 24 мая возвратился в Кронштадт. Назначен командиром корабля «Георгий Победоносец». Командирован в С.-Петербургскую корабельную команду.

В декабре по поручению Адмиралтейств-коллегии командирован в Рыбинск и Тверь для доставки в С.-Петербург каравана с корабельным лесом.

1780 г. В августе назначен командовать придворными яхтами на Неве.

1781 Г. Назначен командиром 66-пушечного линейного корабля «Виктор», на котором в составе эскадры Я. Ф. Сухотина совершил переход на Средиземное море.

1782 г. 1 января произведен в капитаны 2 ранга.

Летом возвратился из Средиземного моря в Кронштадт.

В июле назначен командиром опытного фрегата «Проворный», обшитый белым металлом, для проведения его испытаний.

1783 г. В июле переведен в Херсон командиром строящегося 66-пушечного линейного корабля. Октябрь – ноябрь принял деятельное участие в борьбе с эпидемией чумы.

1784 г. 1 января произведен в капитаны 1 ранга.

1785 г. Май – август совершил переход на вновь выстроенном 66-пушечном корабле «Св. Павел» из Херсона в Севастополь.

22 сентября за успешную деятельность по борьбе с чумой в Херсоне награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

1787 г. 16 мая произведен в капитаны бригадирского ранга.

1788 г. 3 июля в сражении с турецким флотом у о. Фидониси в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича решительными действиями своего авангарда нанес поражение противнику.

За отличное руководство в сражении у о. Фидониси награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

22 октября за храбрость и мужество, проявленные в сражении у о. Фидониси, награжден орденом Св. Георгия 4-го класса (однако в списках кавалеров Георгия 4-го класса не числится).

1789 г. 14 апреля произведен в контр-адмиралы. Вступил в командование корабельным Черноморским флотом, базирующимся на Севастополь.

1790 г. 14 марта назначен командующим Черноморским флотом.

8 июля одержал победу над турецким флотом в Керченском сражении.

29 июля за победу в Керченском сражении награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

28–29 августа одержал победу над турецким флотом в сражении у о. Тендра.

16 сентября за победу у о. Тендра награжден орденом Св. Георгия 2-го класса.

- 1791 г. 11 января назначен старшим членом Черноморского адмиралтейского правления.
- 31 июля одержал победу над турецким флотом в сражении у м. Калиакрия.
- 14 октября за победу у м. Калиакрия награжден орденом Св. Александра Невского.
- 1793 г. 2 сентября произведен в вице-адмиралы.
- 1793–1797 гг. Находился в Николаеве в должности старшего члена Черноморского адмиралтейского правления. Ежегодно участвовал в практических плаваниях Черноморского корабельного флота.
- 1798 г. 12 августа вышел с эскадрой Черноморского флота в Константинополь. 24 августа – 8 сентября находился в Константинополе и участвовал в разработке соглашения о совместных действиях с турецким флотом по освобождению Ионических островов.
- 20 сентября, командуя соединенной русско-турецкой эскадрой, отправился из Константинополя в Ионический архипелаг.
- 28 ноября за взятие о. Цериго награжден бриллиантовыми знаками к ордену Св. Александра Невского.
- 21 декабря за взятие о. Занте награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского.
- 1799 г. 20 февраля, овладев штурмом крепостью Корфу, заставил французское командование подписать капитуляцию.
- 25 марта за взятие крепости Корфу произведен в адмиралы.
- Турецким султаном награжден бриллиантовым членгом и собольей шубой.
- Март – июнь организовал на Ионических островах новое правление.
- 25 июля – 3 августа совершил переход из Корфу в Мессину для оказания помощи английской эскадре под командованием контр-адмирала Нельсона в действиях взятию Мальты.
- 7 сентября – 21 декабря находился в Неаполе для поддержания порядка и отправки десантно-штурмового отряда в Рим.
- 1800 г. 8 января вернулся с вверенной ему эскадрой на о. Корфу.
- 14 сентября за освобождение неаполитанских областей королевства Обеих Сицилий награжден Фердинандом IV орденом Св. Януария 1-й степени.
- 26 октября с эскадрой вернулся в Севастополь.
- 1802 г. 21 мая назначен главным командиром Балтийского гребного флота.
- 1804 г. 27 сентября назначен начальником Петербургских флотских команд с оставлением в должности главного командира гребного флота.
- 1807 г. 17 января уволен со службы с мундиром и пенсией.
- 1809 г. Приобрел дер. Алексеевка в Темниковском уезде Тамбовской губернии.
- Конец 1810 – начало 1811 г. Поселился в приобретенной дер. Алексеевка.

1817 г. 2 октября скончался в своем поместье и захоронен у стен Санаксарского монастыря.

2001 г. 4–5 августа прославлен Русской Православной Церковью в лике местночтимых святых праведных воинов Саранской епархии.

ВЫПИСКИ ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ
РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ

Безбородко Александр Андреевич (1747–1799)

Родился в городе Глухове в семье генерального судьи малороссийского казачьего войска. Образование получал в киевской духовной Академии.

1765 г. оставил Академию, но продолжал совершенствовать знание иностранных языков: владел французским, изъяснялся на немецком и итальянском. С назначением П. А. Румянцева правителем Малороссии, стал заведовать его канцелярией в качестве «бунчукового товарища», ведал главным образом, дипломатической перепиской.

1768 г. оставляет гражданскую службу и поступил в действующую армию. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., последовательно командуя Нежинский, Лубенским и Компанейским полками. Участвовал в сражениях при Ларге и Кагуле, штурме Силистрийских укреплений. Затем прикомандирован к штабу армии П. А. Румянцева, где ведал делами фельдмаршала. За участие в военной кампании произведен из коллежских ассессоров сразу в полковники.

1775 г. сопровождает фельдмаршала Румянцева-Задунайского в Москву для участия в торжествах по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

С 1775 г. начал службу при дворе «у принятия челобитен».

1776 г. опубликовал свою книгу: «Краткая летопись Малыя России, с 1506 по 1775 год...».

1779. Принимает деятельное участие в разработке материалов «О вооруженном нейтралитете».

1780 г. 24 ноября причислен к Коллегии иностранных дел в звании «полномочного для всех переговоров» и произведен в генерал-майоры.

1781 г. 31 декабря назначен присутствовать в Коллегии по секретной экспедиции.

1784 г. сопровождал Екатерину II в ее поездке по Белоруссии для встречи с австрийским императором Иосифом II, где на него было возложено ведение «дневной записки».

1784 г. 2 февраля назначен вторым присутствующим в Коллегии иностранных дел и произведен в тайные советники.

С 1786 г. руководил подготовкой задуманного Екатериной II путешествия в Крым и затем сопровождал ее в поездке.

1787 г. с началом русско-турецкой войны назначен императрицей докладчиком по военным делам.

1791. 9 декабря с российской стороны подписал Ясский мирный договор с Турцией.

1797 г. назначен канцлером.

Бенаки Лимберан (1750–)

Из морейских уроженцев.

Вступил в службу волонтером во флот во время первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., где исполнял письменные переводы с итальянского и греческого языков при контр-адмирале С. К. Грейге.

1774 г. Будучи в Ливорно, пожалован от графа А. Орлова чином поручика и послан через Константинополь в С.-Петербург.

1783 г. 19 июля именным указом определен генеральным консулом в Корфу.

За ревностную службу в войну с Турцией 1787–1791 гг. на Черном море пожалован орденом Св. Владимира 4 ст., произведен в подполковники и переименован в надворные советники.

Уволен от службы с пенсионом.

По именному указу вторично определен генеральным консулом в Корфу.

Воронцов Семен Романович (1744–1832)

Начал службу в 1753 г. при высочайшем дворе пажом, затем – камер-пажом.

1761 г. высочайшим именным указом пожалован в поручики лейб-гвардии Преображенский полк

1762 г. по кончине Петра III был послан в Вену кавалером посольства.

1764 г. выпущен из гвардии в 4-й гренадерский полк премьер-майором.

1766 г. вышел в отставку с чином подполковника.

1768 г. во время турецкой войны тем же чином вошел в службу в армию и командовал первый год кампании гренадерским батальоном и был в баталиях под Ларгою, за что получил крест Св. Георгия 4 кл., в баталии под Кагулом, где первым вошел ... с гренадерским батальоном в неприятельский деташемент и овладел более как 40 неприятельскими пушками, за что в 1770 г. произведен в полковники и получил орден Св. Георгия 3 кл.

1774 г. при заключении с Портою мира пожалован в бригадиры.

1776 г. вышел в отставку с чином генерал-майора.

1782 г. 14 июня по высочайшему указу принят в службу и отправлен в Венецию полномочным министром.

1783 г. пожалован генерал-поручиком.

1784 г. из Венеции переведен в Лондон чрезвычайным посланником и полн. министром и исполнял эту должность до 1806 г.

1796 г. 16 ноября пожалован в генералы от инфантерии.

Когда в 1806 г. возобновилась война между Россией и Турцией, Воронцов добился разоружения английского флота, снаряжавшегося в помощь Турции, и возобновил действие торгового трактата 1793 г. между Россией и Великобританией. Воронцов расходился с русским правительством и по вопросам о вооруженном нейтралитете, который считал невыгодным для России; о польских разделах, которые считал противными идее справедливости и возмущающими мнение Западной Европы; о заселении британскими каторжниками Крыма, которое ему удалось предупредить; о замещении дипломатических должностей лицами иностранного происхождения, которых он называл невеждами и проходимцами. С воцарением Павла I Воронцов был возведен в звание чрезвычайного и полномочного посла. Только натянутые отношения с Англией в конце царствования Павла I привели к увольнению Воронцова с дозволением остаться в Лондоне и конфискацией всех его имений в России «за недоплату казне денег лондонскими банкирами и за пребывание его в Англии». По воцарении Александра I это распоряжение было отменено, а Воронцов вновь был назначен послом в Лондон, где он почти безвыездно прожил до своей кончины.

Италинский Андрей Яковлевич

1783 г. 11 сентября по высочайшему именному повелению, находясь доктором в Париже, определен в Неаполь к российской миссии с чином асессора.

1785 г. 20 февраля пожалован в надворные советники.

1793 г. 2 сентября – в коллежские советники.

В отсутствие министров был в разные времена поверенным в делах.

1797 г. 14 октября по высочайшему именному указу пожалован в статские советники.

Колычев Степан Алексеевич (1746–1805)

В 1760 г. вступил в службу в лейб-гвардии Измаиловский полк капралом.

1765 г. переведен в конную гвардию вахмистром.

1769 г. выпущен армейским прапорщиком и определен в КИД.

1770 г. по именному повелению был отправлен в Голландию для обучения и употребления при министерской канцелярии.

1773 г. 11 сентября по возвращении в Россию произведен в титулярные советники и отправлен в Париж.

1778 г. пожалован в советники посольства и по бытности его в Неаполе в 1779 г. переведен в Мадрид.

- 1781 г. пожалован к высочайшему двору в камер-юнкеры.
- 1783 г. отправлен в Гаагу чрезвычайным посланником и полномочным министром.
- 1788 г. пожалован действительным камергером.
- 1794 г. переведен из Гааги в Берлин в том же характере.
- 1797 г. 5 апреля пожалован в тайные советники и повелено его отправить обратно в Гаагу в том же качестве.
- 1799 г. 2 января пожалован орденом Св. Анны 1 ст. и командором Св. Иоанна Иерусалимского и направлен чрезвычайным и полномочным послом в Вену.
- 1800 г. 10 февраля пожалован орденом Св. Александра Невского.
- 5 ноября по высочайшему указу пожалован в действительные тайные советники и в вице-канцлеры.
- Женат на дочери действительного статского советника Захара Хитрово – Наталье.

Константинов Андрей Дмитриевич.

Из греческих уроженцев.

- 1757 г. Состоял в войске запорожских казаков казаком.
- 1759 г. – войсковой атаман.
- 1764 г. – переводчик с татарского и турецкого языков и употреблялся в заграничные секретные посылки.
- 1768 г. С началом турецкой войны послан из Киева в Ногайскую орду с комиссией.
- 1771 г. Употреблен генерал-поручиком Щербининым в переписке татарской негоциации с союзными ордами.
- 1772 г. Именным указом пожалован в переводчики с чином поручика.
- 1775 г. – надворный советник. Определен в Крым резидентом, где находился до 1780 г. После назначения туда чрезвычайным посланником Веселицкого, возвращен в Россию и определен при КИД.
- 1788 г. пожалован в коллежские советники.
- 1799 г. пожалован в статские советники.

Лизакевич Аким Григорьевич.

- 1758 г. вступил в службу в КИД студентом и послан в Стокгольм к министерской канцелярии.
- 1760 г. Переведен в Копенгаген.
- 1761 г. Произведен в актуариусы.

1762 г. По именному указу был с министром на конгрессе в Берлине.

1765 г. Произведен в переводчики.

1768 г. По именному указу находился с министром в свите короля датского во время путешествия его в чужие края.

1771 г. Произведен в титулярные советники.

1774 г. Был поверенным в делах при датском дворе и в том же году отозван в Россию.

1775 г. Произведен советником посольства и отправлен в Дрезден поверенным в делах.

1780 г. Отозван в Россию.

1781 г. Пожалован канцелярии советником и помещен в коллежский штат. В том же году определен в должность обер-секретаря.

1786 г. Пожалован в статские советники и определен в Геную поверенным в делах.

1796 г. 28 июня пожалован в действительные статские советники.

Лошкарев Сергей Лазаревич (1739–1814)

Выходец из грузинских дворян.

1762 г. Вступил в службу в КИД студентом и потом отправлен в Константинополь.

1772 г. По возвращении в Россию, за порядочное содержание в своем присмотре оставшейся свиты тайного советника Обрескова через все время бытности его в заточении, произведен в переводчики. Затем находился при чрезвычайном и полномочном после князе Репнине в Константинополе, откуда по возвращении одного в Россию оставлен был при тамошней миссии 2-м драгоманом.

1779. Пожалован в коллежские асессоры и велено было отправить его в качестве консула в Синоп, но 7 декабря именным указом отправлен в качестве генерального консула в Молдавию, Валахию и Бесарабию.

1782 г. Пожалован в надворные советники и отправлен в Крым к хану крымскому резидентом.

1783 г. По присоединении Крыма пожалован орденом Св. Владимира 4 ст. и 400 душ крестьян Белоруссии. Отправлен князем Потемкиным в Константинополь с комиссией.

1787 г. Возвратился в Новороссию и был при дворе во время пребывания императрицы в Екатеринославской губернии.

Мордвинов Александр Семенович.

1766 г. определен в Морской корпус гардемаринном.

1768 г. 24 ноября по именному указу пожалован в мичманы.

20 декабря – флигель-адъютант.

1770 г. Пожалован в генеральс-адъютанты и во все оное время находился во флоте для экзерциции в Балтийском море.

1776 г. Произведен в капитаны 2 ранга и определен в интендантскую экспедицию Адмиралтейств-коллегии.

1779 г. Произведен в капитаны 1 ранга и переведен в комиссариатскую экспедицию.

1781 г. По именному указу назначен поверенным в делах в Генуэзскую республику.

1782 г. Произведен в капитаны бригадирского ранга и переименован полномочным министром в Генуэзской республике.

1783 г. Произведен в генерал-майоры.

1785 г. 12 октября переведен к республике Венецианской полномочным министром.

1790 г. 6 июля пожалован в тайные советники.

Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович (–1836)

Полномочный министр в Королевстве Обеих Сицилий.

1778 г. вступил в службу в лейб-гвардии Семеновский полк капралом и проходил чинами:

1779 г. – каптенармусом; 1780 г. – сержантом, после того пожалован по высочайшему именному указу в прапорщики; по прошествии 4-х лет – в подпоручики; спустя год – в поручики; 1790 г. – в капитан-поручики; 1793 г. мая 10 – в камергеры к Его Императорского Высочеству великому князю Александру Павловичу; 1794 г. произведен в капитаны.

1787 г. уволен в отпуск для излечения болезней в чужие края; по возвращении в 1793 г. продолжил службу в том же полку.

1796 г. вторично отпущен был в чужие края для поправления здоровья.

1797 г. высочайшим именованным указом определен полномочным министром в Неаполь.

Пизани Николай Антонович.

Из венецианских дворян.

1772 г. Находясь на английской службе переводчиком, по приглашению бывшим в Константинополе министром Обресковым, оставя оную службу, за известную высочайшему двору службу, принят в российскую к константинопольской миссии первым драгоманом, где находился при после князе Репнине и бывших в Константинополе прочих министрах.

1779 г. Пожалован в секретари посольства 8 класса.

1782 г. Пожалован в надворные советники.

1787 г. По объявлении туками войны приехал в Россию.

1790 г. Пожалован в канцелярии советники.

1793 г. Послан в Константинополь при чрезвычайном и полномочном после М. И. Голенищеве-Кутузове.

1797 г. 5 апреля пожалован в статские советники.

Разумовский Андрей Кириллович (1752–1836)

1762 г. Вступил в службу во флот офицером.

1771 г. Пожалован камер-юнкером.

1775 г. Пожалован генерал-майором.

1784 г. Отправлен министром в Копенгаген.

1786 г. Пожалован в тайные советники и переведен в Стокгольм.

1788 г. По случаю объявления шведами войны выехал в Россию.

1790 г. Определен в Вену в помощь к послу князю Голицыну в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра.

1792 г. 9 апреля определен при этом же дворе чрезвычайным и полномочным послом.

1797 г. 5 апреля пожалован в действительные тайные советники.

Чрезвычайный и полномочный министр в Вене.

Северин Иван

Из мещанских детей.

1767 г. Принят в КИД студентом.

1770 г. Произведен актуариусом.

1773 г. – Переводчик.

1775 г. Отправлен в Царьград при чрезвычайном и полномочном после князе Репнине и после него оставлен там при бывшем министре Стахиеве в должности секретаря посольства.

1776 г. 23 декабря пожалован титулярным советником.

1779 г. 7 сентября – Секретарь 8 кл.

1782 г. По высочайшему ЕИВ указу переименован в надворные советники и 31 октября определен генеральным консулом в Молдавию на место Лошкарева. Находился там до объявления войны.

1790 г. 26 июня пожалован в канцелярии советники.

1792 г. 1 марта отправился обратно в Молдавию в той же должности.

1797 г. 5 апреля пожалован в статские советники.

Симолин Иван Матвеевич

Эстлянский уроженец.

1743 г. 26 сентября вступил в службу КИД коллегии юнкером в ранге прапорщика.

1748 г. Произведен в секретари посольства.

1758 г. 15 марта пожалован надворным советником и аккредитован резидентом в Регенсбурге.

1762 г. Произведен в канцелярии советники.

1772 г. 31 июля пожалован действительным статским советником и отправлен в Копенгаген чрезвычайным посланником и полномочным министром.

1774 г. 1 августа переведен в Швецию в том же характере.

1799 г. 5 мая отправлен в Лондон чрезвычайным посланником и полномочным министром.

1783 г. 21 апреля пожалован в тайные советники.

1784 г. Переведен в Париж в том же характере.

Томара Василий Степанович (1747–)

Из малороссийских дворян. В Херсонской губернии имел 1 100 душ.

1767 г. По высочайшему именному указу принят на службу в Вологодский пехотный полк прапорщиком.

1768 г. переведен в КИД переводчиком.

1776 г. Произведен в титулярные советники и в этом чине был употреблен в негоциации с турками на конгрессе при заключении мира в Кючук-Кайнарджи и тотчас потом в Царьграде помощником поверенного в делах. Вел особую при Порте негоциацию, в следствие коей тот мирный трактат был ратификован.

1777 г. Пожалован советником посольства.

1779 г. Переведен в военную службу подполковником и был послан два раза в Польшу и в Грузию для предложения царю Ираклию и нации грузинской трактата о подданстве всероссийскому престолу, по заключении которого в 1783 г. произведен в полковники и послан был с инвестициею к царю Ираклию, с которым разменял ратификацию трактата, и был свидетелем присяги его на верность. Тотчас был послан два раза в Имеретию и Персию.

1789 г. Пожалован бригадиром и, командуя карабинерным Лубенским полком, был при разбитии турок и татар в Тунгуре и Салкуце, при урочище Сальче, под Измаилом и при взятии Бендер.

1790 г. Пожалован генерал-майором и был назначен для пребывания в союзной цесарской армии против пруссаков.

1791 г. Назначен к командованию флотилиями на Средиземном море, где и был до заключения мира.

1796 г. Отставлен от службы.

1797 г. Переименован в действительные тайные советники и назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром к Порте.

21 июля пожалован тайным советником и орденом Св. Анны 1 ст.

1799 г. 22 января пожалован командором Св. Иоанна Иерусалимского.

Яковлев Иван

Из обер-офицерских детей.

1764 г. Вступил в службу в Астрахани губернским учеником ориентальных языков. По представлению астраханского губернатора определен в КИД студентом.

1772 г. Определен на Фокшанский конгресс при Обрескове, а по разрыве оногo также и Бухарестского и по заключении мира послан в Царьград.

1775 г. Произведен актуариусом.

1779 г. Произведен переводчиком и помощником первому драгоману.

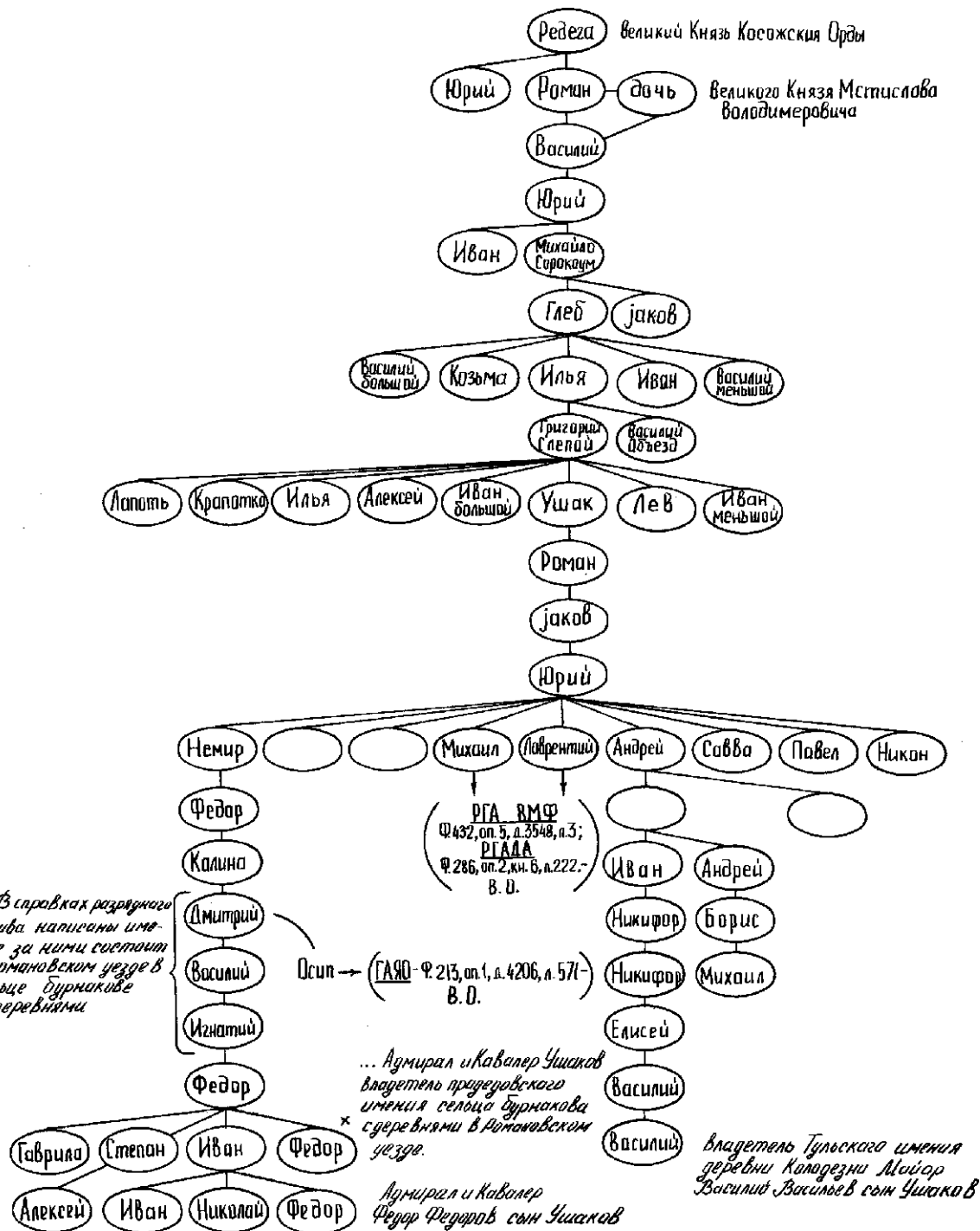
1782 г. Произведен в секретари 8 кл.

1790 г. Произведен в надворные советники.

1797 г. 5 апреля пожалован в коллежские советники.

АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 106. Л. 8 об.; Д. 110. Л. 26–27 об., 28 об., 30–31 об., 36, 39 об., 41 об., 47 об., 55, 79 об., 132 об., 140; Д. 138. Л. 80–90; Д. 141. Л. 7–10; Д. 143. Л. 125 об., 126; Брокгауз. Эфрон. Энциклопедический словарь. Биографии. Т. 3. – М., 1993. С.486.

РОДОСЛОВНАЯ УШАКОВЫХ

В справках разрядного Архива написаны имена за ними состоит в Романовском уезде в селце бурнакове 3 деревнями

Мы ниже подписавшиеся свидетелствуем, что Адмирал и Капитан Федор Федорович Ушаков и майор Василий Васильевич Ушаков происходят действительно от потомков Ушакки Григорьевичи из Каченных в сей родословной написанных по справкам шестнадцати и герольдии архивов и герб употребляем в раде их такой, каков от них представлен.

*Адмирал и Капитан Петр Иванов сын Ханыков
Вице-адмирал и Капитан Гавриил Кузьмин сын Толемкин
Вице-адмирал и Капитан Николай Алексеев сын Моклов
Темерал-лейтенант и Капитан Алексей Ушаков сын Тимошайев
Секретарь и Капитан Александр Васильев сын Алябьев*

436

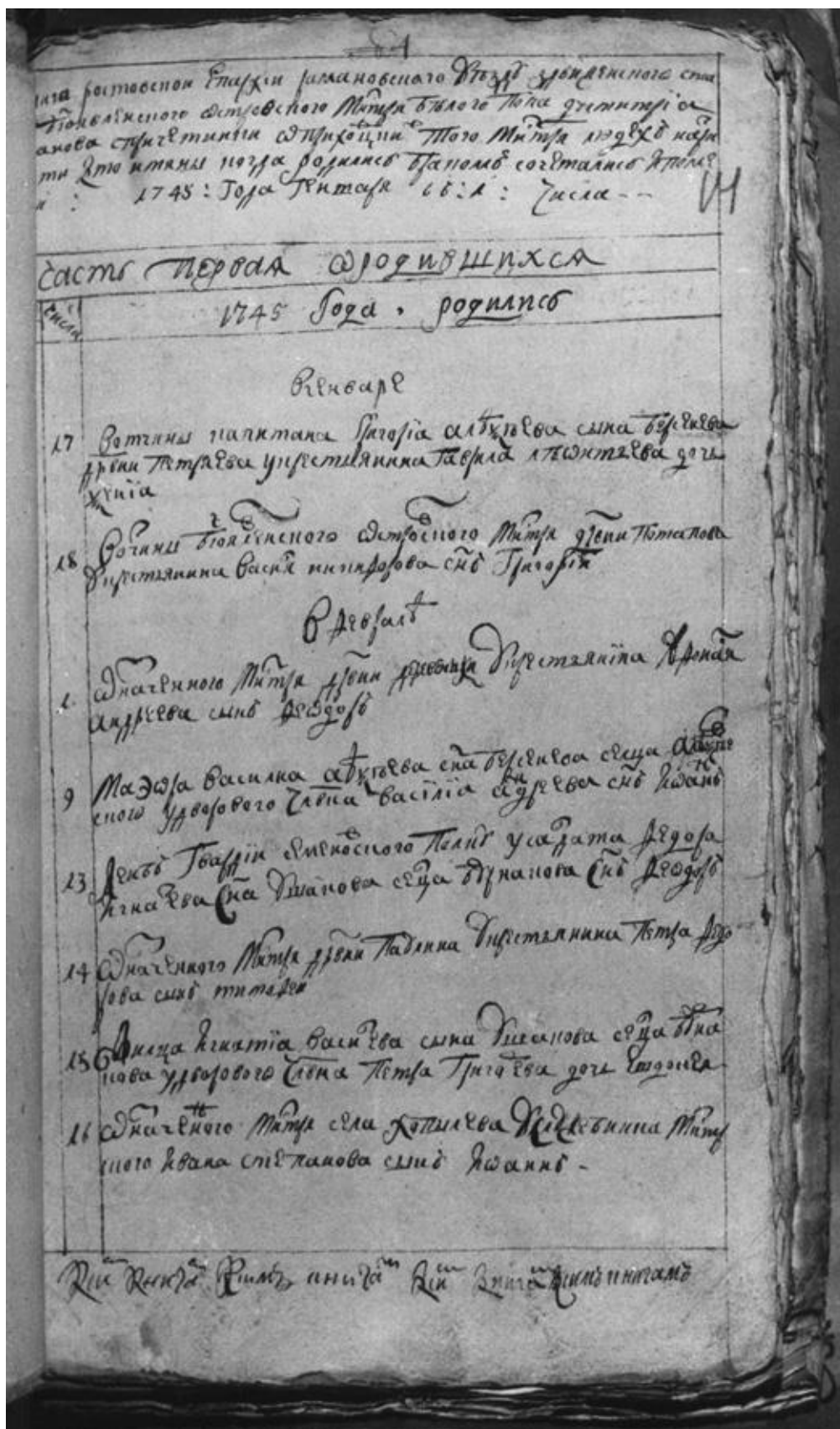
РОДОСЛОВНАЯ УШАКОВЫХ

Файл (Rod.doc)

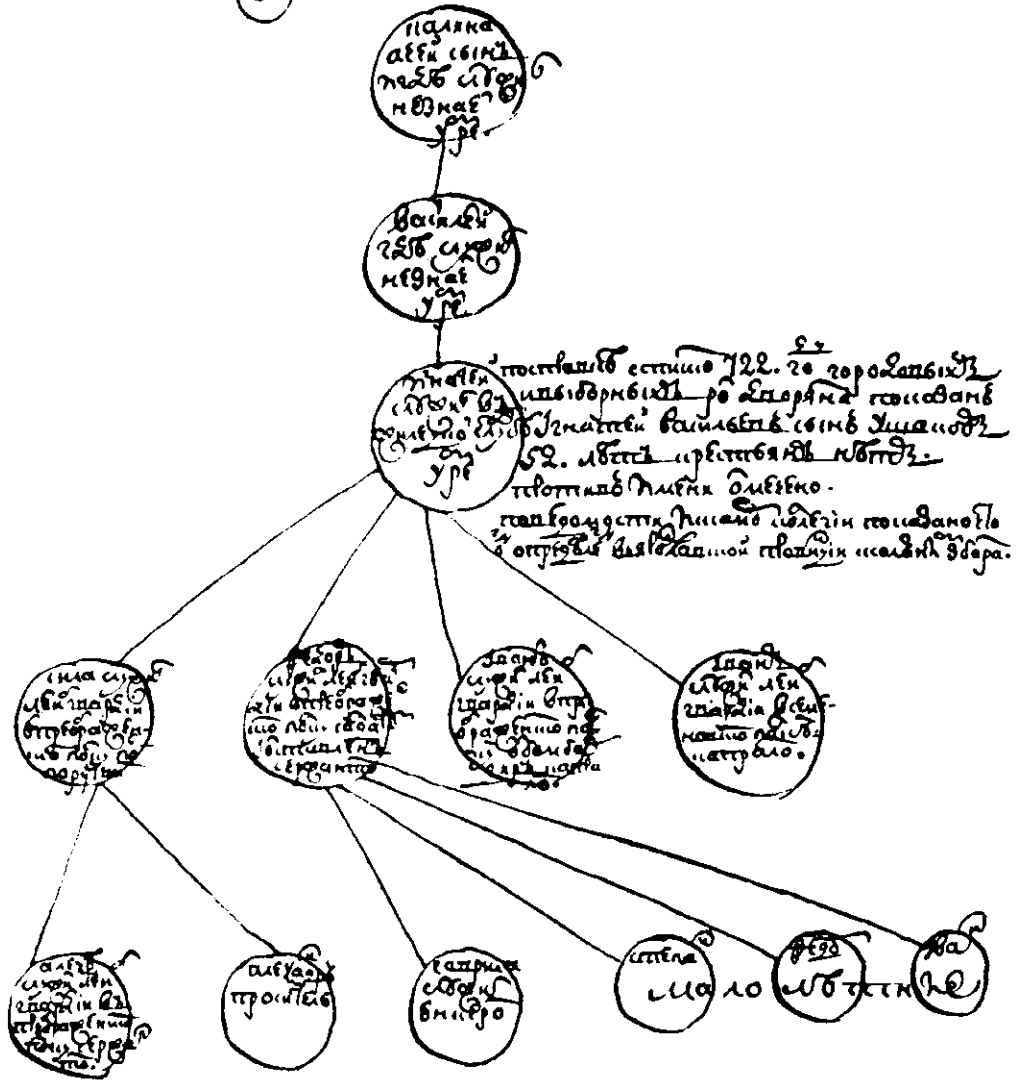
СОСТАВИЛ: В Овчинников

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА ЦЕРКВИ БОГОЯВЛЕНИЯ-НА-ОСТРОВУ
С ЗАПИСЬЮ О РОЖДЕНИИ Ф. Ф. УШАКОВА

13 февраля 1745 года

Родъ Ушаковыхъ

21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

РГАДА. Ф. 286. Кн. 512. Л. 237.

УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II
АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ
О ПРИВЕДЕНИИ В ПОРЯДОК ПОСЛЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ СУДОВ НА ЧЕРНОМ И
АЗОВСКОМ МОРЯХ

По благополучному окончанию дел с Портою Оттоманскою... нужно есть распорядить относительно судов на Черном и Азовском морях ныне находящихся. Мы сокращаем сие распоряжение на два главных и неперемных правила: 1) сохранение всевозможное в целости и исправности всего заведенного; и 2) радетельное и успешное исполнение основанного и предпринятого Нами в том крае, повеления Нашей Адмиралтейств-коллегии во всех ее к подчиненным ей там даваемых повелениях и представлениях к Нам наиточнейше сими правилами руководствоваться: в следствие чего бывшие до ныне на Черном море суда, выведенные из Азовского моря, оставя потребное для охранения Керченского пролива, кои удобнее содержаны быть могут в Херсоне, препроводить туда; а которые чрез пролив в Азовское море без затруднения могут возвращены быть, доставить оные в Таганрог; и как те так и другие стараться привести в самое исправное состояние. Для почты же между Херсоном и Царь Градом, тако ж между сим последним и Керчью и Таганрогом содержать от 4-х до 6-ти пакетботов, или другого звания легких судов, на коих пересылки товаров может много заменять их расходы.

Санкт-Петербург

Июля 21 дня. 1779 года

Екатерина

ПРОШЕНИЕ Ф. Ф. УШАКОВА НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ
О КОМПЕНСАЦИИ ЗА ИМЕНИЕ МАТЕРИ

4 ноября 1779 года

1779го года Ноября 4 дня Я нижеподписавшийся поддан-
ной мне отец Отца и ерштыне моимъ подвѣренности
симъ объявлю что принимая съ десктодолжничимъ благою
вѣнчимъ и благодарностию матерней Ея Император
снано величества милосердіе Опасанномъ подало-
ваніемъ намъ тысячъ тысячъ рублей въдоволеваніемъ
претенсіи нашей о Ярославскомъ имѣніи отданномъ
по Имманулу Указу Опасанному Лаврдіи майору Ба-
тющиную снъ и снѣ намъ претращивъ обязываяся за-
себя и наследниковъ нашихъ никогда оного неозвожно-
плати, подволевствования снѣ щедротомъ монаршию, въ
силъ и подписавшюся при шедствіи снѣ.

Александръ Фёдоровъ Ушаковъ

Въ Санктпетербургѣ 1779 года

С. М. Ушаковъ
Всѣмъ увѣренъ снѣ по ружью до Ордена обвѣсти
ружью на ружьи *Жанъ Боканьянъ*

СООБЩЕНИЕ

ФЛОТА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА УШАКОВА
В РЫБИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ МАГИСТРАТ

Города Рыбнова Афонасей и Иван Сыроежиновы, Гаврило Крашенинников, Михайло Репин, Андрей Ильинской, Гаврило Жилой, Илья Крашенинников, Семен и Иван Тюменевы, Михайло Ильинской; мещане: Григорей Сыроежин, Афанасей Рышков с товарищи мологскими купцами и мещанами, всего семнадцать человек, поданному дня прошлаго 1779 года июля 24 дня, прибывшему тогда в город Рыбной снизу Волгою рекою с корабельными дубовыми лесами и мачтовыми сосновыми лесами флота капитан лейтенанту Милюкову договору состояли в обязательстве по оному все те леса, прибывшие под его препровождением с низу, поставить своими лоцманами и коноводами до Вышнего Волочка ценою с каждой барки по сто двадцати рублей; и с которыми тридцать четыре с теми лесами барки в прошлом 1779 году отправленные под командою лейтенанта Обольянинова ими доставлены только до Твери и зимовали в Тверце реке; а доставленные того ж каравана с дубовыми лесами барки зимовали при городе Рыбном в Шексне реке. Все ж то доставление лесов оные купцы и мещане разными их между собою письменными переводами поверяли и отдавали один другому, а напоследок считали все оное в данных рыбенских же купцах Афанасию и Федору Ильинским и Никите Роговикову, но как по прибытии моем к сему доставлению на место капитан лейтенанта Милюкова по силе Государственной Адмиралтейской Коллегии указа, со всех доходящих у них к нему Милюкову письменных их прошений верующих писем и обязательств представленные от меня в ту Коллегию на рассмотрение точные копии, то в резолюцию на оные Коллегиею определено и письменными ко мне из оной минувшего марта 20-го числа указом велено зимующей оставшейся в городе Рыбном с дубовыми лесами караван препровождение ж до Санкт Петербурга по заключенному капитан лейтенантом Милюковым контракту оставить на рыбинских купцов Афанасия и Федора Ильинских и Никиту Роговиковского, который ныне состоит за ними. А прежде в продленной в прошлом 779 году под командою лейтенанта Обольянинова в тридцати четырех барках с дубовыми лесами караван велено оставить. По прежнему договору за вышеписанными семнадцатью человеками и в подтверждение онаго, не исключая ни одного человека, вновь обязать подписками, что непременно в настоящее время нынешнею весной до Вышнего Волчка доставили. Во исполнение сего указа оные купцы и мещане по присланному из городских магистратов сообщения явились ко мне в подтверждение сего договора непременно в свое время тврескаго каравана до Вышнего

Волочка доставление подписками вновь обязались. Почему оное доставление и состоит за ними сходно... определен на их счет... Присланный же ко мне лейтенант Обольянинов рапортом объявил, что к доставлению тех лесов подрядчики к нему нынешнею весною не явились, а только явился к нему Обольянинову поверенный в Рыбинске купца Афанасия и Федора Ильинских, но и то ж заявил, что за неимением у него на то доставление денег на барки, лоцманов и коноводов поставить он не в состоянии, о чем им Обольяниновым и донесено было его превосходительству господину Тверского наместничества губернатору, на которое получа он повеление те леса до Вышнего Волочка доставил на подрядчиками счет... Но как оные подрядчики семнадцать человек и туда не явились, то и расчету с ними еще и по сие время не учинено, а посему остались они немалою суммою денег должны казне; о чем сих сообща требую, дабы соблаговолено было оных рыбинских купцов и мещан для сделания с ними надлежащего расчета и для внесения в казну денег в самое скорейшее время прислать их ко мне в Тверь или в Вышний Волочек или где я находиться буду при доставлении реками тех лесов; а о неисполнении по тому данному оным договору и обязательству и о причиненных ими тем в упущении времени казне убытка и замешательств имею представить в Государственную Адмиралтейскую Коллегию. А в указе их в Коллегии предписано мне, что оба сии каравана непременно в нынешнее лето в настоящее время к Санкт Петербургскому Адмиралтейству стараться доставить.

А как в проезде моем ныне рекою усмотрено мною, что последнего каравана барки, состоящие на подряде у купцов Афанасия и Федора Ильинских и Никиты Роговиковского, следуют без всякаго у них присмотра и старания, весьма неспешно и припасами неисправны, в чем имеет великие остановки. Вода же в реках уже весьма убывла, по сему... также предвижу быть в доставлении нынешним летом остановке. К отвращению сего, предупреждая, требую, чтоб благоволено было их купцов Афанасия и Федора Ильинских в самое скорейшее время выслать к тому доставлению лесов и велеть явиться ко мне или, в случае моего убытия, к определенному у меня при том офицеру. В случае же какого либо в оном замедлении предвижу непременною в том доставлении остановку, и леса в свое время доставлены быть не могут.

Мая 3-го дня
1780 года

Капитан лейтенант
Федор Ушаков

ИЗВЕСТИЯ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

1783 год

АВГУСТ

16. Смененный визирь пожалован сераскиром, но еще не известно куда. Подтверждено повеление в Молдавии, Валахии и Румелии наполнять магазейны провизантом.

Народ ропщет на султана, что он только забавляется в серале, а о государственных нуждах не печется. Разглашают также, что в наступающий рамазан Порты объявит России войну.

В адмиралтействе все корабли вычинены, кроме трех кораблей, признанных совсем к службе не годных.

17. Обвещено пушечною пальбою наступление байрама.

21. Отправляемые на Дунай войска великие делают наглости даже в самом городе, нападая по улицам на прохожих, и особливо на женщин.

Сегонди должно быть производству по случаю байрама. Но астрологи сказали, что надлежало оное учинить в воскресенье /20 августа/, а когда того не сделади, то ждать надобно до четверга, потому что все сии дни не предвещают добра. Сия отсрочка заставила рассуждать, что султан умышленно оную учинил, дабы переменить визиря и выписывает тайно нового, но сие, кажется, неосновательно.

27. Из Козлова пишет купец, что Крым еще не совсем России покорился; что от российского двора обещано не держать у них более 2 тыс. войска и что когда сие обещание здержано будет, то ...им воспользуется и с семьею своею сюда выедет. Здесь же разглашают, что Порты конечно на Крым покушение сделает; что теперь она всячески ласкает Джанькли Али пашу; что Франция и Гишпания за Порту вступятся; что о том уже объявлено России, и она прислала великие подарки, дабы, подкупя министерство, уверить, что с Портою никаких больше споров не имеет и от войны удалена.

По представлению отставного хана Сагиб Гирея, что он и себя с нуждою содержа, не может содержать прибывшего из Крыма сына своего, Шагин-Гирева племянника. В следствие чего Порты определила последнему самой посредственной тайн.

СЕНТЯБРЬ

1. По недостатку в Смирне хлеба турецкое тамошнее правительство просило российского консула, чтоб привезенной из Херсона шкипером Рено, был продан в Смирне, а не французским купцам.

3. Уверяют, что султан, осматривая построенные капитан пашой казармы морские на своем иждевении, в награждение за понесенные им убытки бгилербич ромедийской, дабы он содержа там наместника, доходы с него получал.

Джаныкли Али паша сделан сераскиром всей Азии и султан к нему посылает соболью шубу и богатую саблю, с повелением будто итти в Ахалцик сражаться с грузинцами.

5. Татары, оставившие Крым, коих число здесь полагают до 15 тыс, душ, находятся теперь в Ираклии на Черном море. Порта послала повеление сюда их не пропускать, а провезти в Бесарабию.

Крымские здесь известии гласят следующее: в Таганроге спущено на воду пять больших фрегатов, кои поплыли в Ахтиар. Хан Шагин-Гирей находился в Тамане и имел ехать а Султан-Базар. Состоит в нем генерал Суворов с корпусом. В Кафу вступил генерал Бальмен с четырьмя полками очень болеют. Господин Лошкарев отправился с тремя знатными мурзами в Петербург.

Бывшие в Таганроге и Херсоне арнауты поселены в Ахтиаре, где и весь флот находится. В Крыму простые татары весьма довольны своим преобразованием и хулят хана за худые его поступки. Нагайцы туда переселяются с кубанской стороны в великом множестве.

6. Севодни капитан-паша был в Кавакских крепостях, где производилась пальба с новопостроенных каменных батарей, Ядры не только перерезываются, но и на другой берег долетают. Присеем опыте находился инкогнито сам султан, приехав на восьмивесельной простой шлюпке. Он намерен был ехать в капитан-пашинской фелюге, но бостанжи баши сделал представление визирю, а сей султану, что прежде никогда не было, чтоб государь ездил вместе с капитан-пашою; почему то и отменено.

8. На бывшем у муфтия /31 августа/ совете положено, сказывают, чинить к войне всевозможные приготовления. Духовенство на оном с жаром говорило, что поступок российского двора в рассуждении Крыма совсем противен трактату и что магометанская вера не может видеть крымцов и татар подданными России, которая сим присвоением не удовольствуется и от времени до времени будет чинить новые требования и на последок пожелает может быть иметь в своих руках и самой Константинополь; почему лучше теперь погибнуть, нежели видеть сего события.

Город занят одними только разговорами о войне, которая по его мнению непременно откроется будущею весною. Носится также по всюду молва, что 1) Франция, Англия и Гишпания согласилась между собою не впускать российских военных кораблей в Средиземное море в случае с турками войны. 2) что Франция дает Порте 12 линейных кораблей и 7 бомбард для блокирования крепостей. Оные все суда придут на Черное море

под турецким флагом.

К последнему подало может повод прибытие в Дарданеллы одной французской корветы, отправленной для крейсирования по Белому морю.

11. Известной французский корабельный потник Туссен, которой строил батареи в Кавакских крепостях, призван был к капитан-паше и приказано ему сделать рисунок зажигательных судов; но как он рисовать не умеет, то отвечал что сделает модель. Сказывают, что после исполнения сей комиссии, пошлетя он в Варну для исправления крепости в надлежащее состояние.

15. Моровая зараза не только не уменьшается, но часу от часу сильнее становится в городе.

ОКТЯБРЬ

3. Капитан-паша продолжает быть болен. По городу его ругают, и неоднократно разносился слух, что он отравлен, что отравили было его ядом, и прочее тому подобное, доказывающее упадок кредита его между чернью.

4. Находившейся в Очакове ренегат прусской профессор для осмотра крепости и обучения артиллеристов, сюда возвратился, браня всех и ища способа отсюда уйти; но вскоре потом найден он в своей гостинице мертвой и при осмотре явилось, на теле его несколько ран кинжалом деланных.

6. В адмиралтействе умер второй корабельный мастер Осман-Ага.

8. Министерство капитан-пашою недовольное. В народе разглашают, что он причиною недостатка в пшенице и кофе...

О Крыме распушен слух, что оной взят Россией только под секвестр на семь лет для выплачения издержек на него употребленных; а по окончании сего времени возвратится он в прежнее состояние и Порте будет по старому подсуден. Знатные же отзываются, что о Крыме спорить нечего, дело сделано, лишь бы бог позволил только с Императором разделаться без брани и без потрясения земли.

11. У султана родился сын Мурат.

12. В народе слух о войне уменьшается и после размена ратификаций торгового трактата город говорит, что опасность миновала и дела все окончены.

13. Английский ренегат Мустафа построил в Кетхане на горе из досок крепость и сделал под нею подкоп, для показанию султану и обучения топчиев сей части инженерства.

15. Моровая язва начинает чувствительно уменьшаться, но зараженные скоропостижно однако же упирают.

17. Визирь прогуливаясь инкогнито по полю около Сан-Дмитрия нашел двух армян, ловящих птицей как они на вопрос его отвечали, что не имеют другого способа к пропитанию, кроме сей ловли, то он сослал их на галеру, яко тунеядцев.

19. канониры продолжают обучаться стрелять из пушек на перском кладбище и уже дошли до того, что делают в минуту 4 выстрела.

23. В Крыму настает великое изобилие и по всюду тишина.

26. Близ крепости Св. Дмитрия Ростовского на место спущенных и в Ахтиар отправленных 6 фрегатов, заложено 6 новых, кои с поспешностью строятся. Шагин-Гирей находится в Тамани. Крымские жители невозбранно переезжают в Азию и Бесарабию. Все военные суда находятся в Ахтиаре. Ожидают туда военный корабль, спущенный в Херсоне 5 сентября. Генерал-поручик граф де Бальмен находится в Кафе, где улицы приводят в порядок.

Получая такие известия янычарские начальники молят бога, чтоб от войны избавил, яко они только и бывают неотлучны при своих отрядах, когда видят, что чорбаджи имеют еще деньги в руках и их хорошо кормят.

НОЯБРЬ

1. В Измаил отправлен корпус войск, который не имея пропитания по частям разбегается.

22. На держаном у муфтия совете по Крыму улемы советуют, что может быть какая европейская держава не оставит своею помощью Порту. Муфтий возражал, что лучше дело кончить, не доводя до крайности, ибо в случае войны и то статья может, что нация воединог Иисуса с другою верующею и теперь Порту помощью обнадеживающая, может предпочитая ей свои выгоды, ее покинуть втаща в пламень, которой придется ей одной тушить.

25. Порта не может собрать денег на оплату войска.

30. Духовенство поныне никак не соглашается на отторжение Крыма и решилось лучше приступить к войне, нежели добровольно признать Крым за Россией, быв к тому подущаемо французским послом, который обещает ей в случае разрыва помощь деньгами и кораблями.

ДЕКАБРЬ

3. Присланные в Очаков из Азии войска все разбежались и в крепости кроме гарнизона никого не осталось и в случае нападения крепость не в состоянии защищаться.

8. Вчера на держаном совете, уверяют, решились на войну. Визирь уверяя духовенство,

что Порты в настоящей внутренней слабости не в состоянии предпринять войны, и что давать голос на войну хорошо тем, кто живучи в Константинополе не чувствует ее бедствий. Духовенство кроме муфтия возразило, что они никогда голоса не подадут, чтоб Крым и прочие татарские земли добровольно уступлены были России и что лучше вступить в войну, ища в оной благополучия или совершенного падения. Впрочем, говорят; что между духовенством состоялся заговор о низвержении государя и о возведении на престол его племянника Селима.

10. Порты на войну не решится, пока с российской стороны не увидит явного на себя нападения, а дело об уступке Крыма стараться будет тянуть, поколе не обеспечиться от других дворов, что Россия, присвоив себе Крым, ничего уже от Порты требовать не будет, иначе де, говорят, что без сего постороннего обеспечения нельзя положиться на обещание Российского двора, ибо оной, вынудив уже столько важных дел от Порты, со временем пожелает сделаться на верном море самовластным повелителем и учинит вновь какие либо на оттоманские области притязания.

Прусский поверенный внушает духовенству и министерству, чтоб Крыма не уступали и пустились на войну, чтоб для себя при случае отхватить какую ни есть область.

24. В ночь выпал снег и начались морозы с превеликой метелью.

28. В Аинали-Каваке держана конференция между турецким министерством и российским посланником. А сколь скоро он возвратился в Перу, пронеслось известие, что мир восстановлен. Оное причинило такую радость, что сей и следующие дни походили на ярмонку. Купцы бегали с поздравлениями друг к другу и торговля начала оживляться.

АВИРИ Ф. 89. Оп. 8. Д. 622. Л. 11–20, 27–38; Д. 623. Л. 22–28, 54–60; Д. 624. Л. 16–19; Д. 625. Л. 44–161.

СОСТАВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА

1785 год

Классификация испанских кораблей, фрегатов, шлюпов и бомбардирских судов турецкого флота, в подразделение в котором — воду имеет по флоту приписаны, с датой постройки, длиной и шириной и по количеству и качеству пушек, изготовлены в конце июля 1785.

Класс кораблей, фрегатов и шлюпов	Классификация	От постройки или в последнюю пору (или в последнюю и податную)	Взр. по флоту	Длина по 19. шлюпов	Ширина по флоту	по количеству и качеству пушек
	КЛАССА					
1.	Мелисса-Сакри, Царь Морисон	В Лондон	1776	57½	70	
2.	Алиа Сакри, Морисон царь птица	таинств	1772	55½	66	
3.	Фретага-Фиттав, Миссис подвдв	таинств	1774	53½	62	
4.	Фрива Суда, Сладодатъ Свѣтѣ	таинств	1777	51½	58	
5.	Миссия, шатмановъ	В Лондон	1772	51½	58	
6.	Миссия-Сакри, Морисон Сакри	таинств	1777	51½	58	
7.	Медилу Дрѣвдв, Миссия Митилимисон	В Лондон	1761	51½	58	
8.	Пудад-Сакри, Морисон Сунатъ	В Лондон	1782	51½	54	
9.	Хвфдв Суда, Морисон Свѣтѣ	В Лондон	1777	51½	58	
10.	Медилу-Класс, ружьяодитависон Свѣтѣ	таинств	1777	51½	58	
11.	Медилу-Фретага, Свѣтѣ подвдв	В Лондон	1776	51½	58	
12.	Ерѣдв-Сакри, Морисон Драновъ	В Лондон	1782	51	58	
13.	Класс-Сакри, Миссия Морисон	В Лондон	1783	51	58	
14.	Классъ Кавъ, Миссия Свѣтѣ	таинств	1773	47½	54	
15.	Керѣтв Суда, Помашв Свѣтѣ	В Лондон	1782	47½	54	
16.	Кудад-Сакри, Миссия Морисон	таинств	1783	47½	54	
17.	Фриван-Сакри, Сона Морисон	В Лондон	1783	47½	54	
18.	Мандви-Сакри, Морисон Катманови пришивъ	таинств	1783	47½	54	
19.	Ерѣдв-Миссия, Дарв Миссия	В Лондон	1777	46½	54	
20.	Сакри-Сакри, Свѣтѣ подвдв	В Лондон	1784	46½	54	
21.	Фриван-Сакри, Миссия Морисон	В Лондон	1777	45	52	
22.	Миссия-Сакри, Морисон Помашови	таинств	1778	45	52	
23.	Миссия Керѣт-Сакри, Миссия Морисон Помашови	В Лондон	1783	45	52	

24.	Тбилисскіи багряи , морини тбилисскіи	Въ родогѣ	1783	45	52
25.	Бурд-Зафаръ , Шейтнскіи пододъ	таибъ ѿ	1783	45	52
26.	Бурдѣн Зафаръ , тибскіи пододъ	Въ Калактѣ	1778	43½	46
27.	Мградіе , Шланіе	Въ родогѣ	1776	43½	46
28.	Бурд-Башли , Шалагаити драгого	Въ Калактѣ	1776	43½	46
29.	Мадларъ твфнскіи , пододѣиіа одрѣно рункодѣткѣ	Отъ Франц. Іако подарокъ	1774	43½	46
30.	Шани багряи , морини финскіи	въ родогѣ	1776	43½	46
31.	Бур-Багряи , морини пододъ	таибъ ѿ	1767	43½	46
32.	Шаланд-Багряи , морини младѣи	таибъ ѿ	1779	43½	46
33.	Квѣнъ багряи , морини каша	Въ Шибгѣ	1783	43½	46
<p>На грахъ 43½ пудъ илѣтѣиш, илѣтѣиш , въ курѣнскіи сѣтѣиш искутъ илѣтѣишъ по А. Пруси .</p> <p style="text-align: center;">Фрѣлатѣи и Шибгѣи .</p>					
34.	Братис-Багряи , морини пододѣтѣи	Въ Шибгѣ	1779	41½	42
35.	Шани-таи , Шейтнскіи	Въ Калактѣ	1780	41½	42
36.	Мадларъ Шадѣтѣи , пододѣиіа Шалагаити	Отъ Шибгѣи	1778	41½	42
37.	Морѣ-Багряи , морини пткѣи	въ родогѣ	1775	41½	42
38.	Шибгѣи-Зафаръ , пододѣиіа прилѣтѣиш	Въ Шибгѣи	1782	41½	42
39.	Бур-Зафаръ , по пододѣиіа Шибгѣи	Шибгѣи и Шибгѣи	1784	41½	42
40.	Шад-Каша , Шибгѣи данѣи	Шибгѣи-таибъ	1784	41	42
41.	Шибгѣи Зафаръ , пододѣиіа Шибгѣи	таибъ ѿ	1778	37½	32
42.	Бурѣи багряи , морини Шибгѣи	таибъ ѿ	1772	37½	32
43.	Бурд-Фитнѣи , Шейтнскіи пододѣи	таибъ ѿ	1772	37½	32
44.	Бурдѣи-Шибгѣи , Шибгѣи пододѣи	Въ Шибгѣи	1784	37½	32
45.	Шибгѣи Каша , Шибгѣи Шибгѣи	въ Шибгѣи	1784	37½	32
46.	Шибгѣи-Зафаръ , тибскіи пододѣи	таибъ ѿ	1784	37½	32
47.	Мадлар-Шадѣтѣи , пододѣиіа Шалагаити	Отъ Шибгѣи	1778	35½	28
48.	Шибгѣи-Башли , Шалагаити багряи	Въ Шибгѣи	1774	33½	28
<p style="text-align: center;">Шибгѣи-Шибгѣи Шибгѣи .</p>					
49.	Бурд-Багряи , Шибгѣи морини	въ Шибгѣи	1778	29	20
50.	Шибгѣи-Шибгѣи , Шибгѣи Шибгѣи	таибъ ѿ	1785	29	20
51.	Шибгѣи-Багряи , морини Шибгѣи	таибъ ѿ	1785	29	20

455
УКАЗ
ЕКАТЕРИНЫ II
О НАГРАЖДЕНИИ Ф.Ф. УШАКОВА
ОРДЕНОМ
СВЯТОГО ВЛАДИМИРА

Нашего флота капитану первого ранга Ушакову.

Усердная Ваша служба, особливое в делах радение и искусство и точное исполнение должностей с успехом и пользою государственною обращает на себя Наше внимание и милость. Мы, желая изъявить оные пред светом, всемилостивейше пожаловали Вас кавалером ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира четверной степени, котораго знаки, при сем доставляя, повелеваем Вам возложить на себя и носить установленным порядком. Удостоверены Мы совершенно, что Вы, получа сие со стороны Нашей ободрение, потщитесь продолжением службы Вашей вящще удостоиться Монаршего Нашего благоволения.

В Санктпетербурге

Сентября 22 дня 1785 года.

Екатерина

РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 1.

СОСТАВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

25 декабря 1786 года

Наименование судов	Количество пушек	Где находится
КОРАБЛИ		
Слава Екатерины	66	в Севастополе
Святой Павел	66	—"
Мария Магдалина	66	—"
Страшный (бомбардирский)	2-морт., 2-гауб., 10-пуш.	—"
ФРЕГАТЫ		
Святой Георгий	54	в Севастополе
Святой Андрей	50	—"
Херсон	32	—"
Осторожный	40	—"
Поспешный	40	—"
Крым	40	—"
Храбрый	40	—"
Стрела	40	—"
Победа	40	—"
Перун	40	—"
Легкий	40	—"
Скорый	40	—"
Вестник	30	—"
Почтальон	24	—"
Кинбурн	40	у

Наименование судов	Количество пушек	Где находится
Берислав	40	Рогожского Хутора —"
Фанагория	40	—"
Таганрог	40	—"
Святой Николай	26	в Збуривском заливе
ШХУНЫ		
Победослав	18	в Севастополе
Вещеслав	18	—"
Измаил	18	—"
ШХУНАРЫ		
Курьер	12	в Севастополе
Сокол	12	в Керчи
яхта Пчела	—	в Марегле
яхта Милая	—	в Херсоне
БОТЫ		
Новопавловск	12	в Керчи
Калмиус	12	—"
Елань	12	в Таганроге
Карабут	—	в Севастополе
Битюг	12	в Лимане

Наименование судов	Количество пушек	Где находится
Санбек	12	в Херсоне
№ 7	—	—"
ПОЛАКИ		
Святая Екатерина	12	в Таганроге
ПИНКИ		
№ 1 № 2	—	в Севастополе
ТРАНСПОРТЫ		
Кричев, Дубровна, Межа, Десна, Днестр, Ревка	—	в Херсоне
Намбал, Черепаха, Таганрог	—	в Таганроге
Александр, Бористень	—	у Глубокой пристани
ФЛАШХОЙТЫ		
№ 1, № 2	—	в Херсоне
Палтус, Морж, Каракатица, Кит	—	в Таганроге
ГАЛИОТЫ		
Верблюды	—	в Севастополе
Слон,	—	в

Наименование судов	Количество пушек	Где находится
Тарантул, Дрофа, Темерник, Цапля Лебедь	—	Таганроге в Лимане
КАЗАЧЬИ ЛОДКИ		
№ 1, 2, 3	—	в Таганроге
ПОСТРОЕННЫЕ НА СТАПЕЛЕ В ХЕРСОНЕ		
корабль № 5	66	
фрегат № 3	50	
СТРОЯЩИЕСЯ В ХЕРСОНЕ		
корабль № 6	80	
фрегат № 4	50	

РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 399. Ч. 5. Л. 125 об.–126 об.

ЯНВАРЬ

21. Сменен реис-ефендия Ата-бей и оставлен без места. В реис-ефендии возведен Нишаджи Сулейман-ефенди, известной сумасбродством своим . по делу генерального консула Лошкарева. Он, потеряв тогда место реис-ефендия, послан в Египет, был дефтердарием, кегея-беем и проч. Родом грузинец и вышел из невольников бывшего здесь таможенного откупщика Исак-аги.

22. Находящийся в Измаиле сменной визирь Киор-Али паша сделан сераскиром с повелением там остаться и с приданием уму очаковского губернатора.

26. Разосланы по всюду фирманы, суть которых следующего содержания: «Державы дружественные и соседняя, одна с другою, следуя древнему обыкновению, должны наблюдать и примечать взаимные движения и когда одна из них делает приготовления, надлежит чтоб и другая тоже чинила, дабы быть в положении равновесия и защиты. А как ныне оправдалось, что российской двор, которой есть дружественной и соседний с империею оттоманскою, вверил от 40 до 50 тысяч войска генералу Потемкину и наименовав его фельдмаршалом /сераскиром/ отправил на границы против Очакова и в Крым, а императрица российская, желая будущю весною осмотреть свои владения, прибудет с знатным числом войска в Херсон и в Крым и как непредвиденное и безвременное приближение к нашим границам помянутого генерала с тяжелым корпусом войск заставляет думать, размышлять и принять предосторожности и проч». В связи с этим определено: придвинуть войска к Очакову и Измаилу.

Определено отправить на Черное море флот, состоящий в 22 кораблях и фрегатах под командою капитан-паши, ежели из Каира высвободится, и с оным больше 10 орт янычар. Сему флоту положено держаться в Килии или в устье Дуная и оттуда чинить распоряжения и движения по обстоятельствам.

МАЙ

1. Флот турецкий, состоящий из 8 линейных кораблей, 4 фрегатов, шебеки, 3 бомбард, галиотов, бриг, 5 галер, 6 канонерских шлюпок, 2 кирлангичей, 4 купеческих вооруженных суден под командою капудании Хассан-бея, сделанного на сей случай поверенным капитан-паши, учинил церемониальной свой выезд и не останавливаясь против долма-бахче, где обыкновенно в присутствии адмирала чинится угощение визирю с муфтием и

министерством, поплыл в пролив к черноморскому устью, хотя еще ни припасами, ни людьми достаточно не снабден. В последних також был недостаток, что на галеры и канонирские шлюпки принуждены были из платы брать вольных людей.

Уверяют, что сие неожиданное к проливу флота отправление воспоследовало с одной стороны наиболее чрез превеликие в столице наглости наряженными в поход, кои могли бы необузданностью и стоянием в долма-бахче причинить явной бунт, а с другой пред публикою доказывая визирю на деле свою расторопность, обратить часть оног или весь флот с лучшею скоростью в ту сторону, где нужда настоять имеет.

2. От Челеби-капитана командующего эскадрою, выступившею в Черное море 4 апреля, получено Портою извещение, что он по причине противных ветров быв принужден лечь на якорь с эскадрою в Каварне, старался по возможности удержать от переезда там на берег бывших у себя на корабле 64 орт янычар, которые поставив то себе в досаду, против него взбунтовались и принудили его переехать на другое судно, на котором вслед за мятежниками принужден продолжить свой путь к Очакову.

5. В адмиральском 74-пушечном корабле, Капудания называемом, и других трех судах оказалась сильная течь, из коих о первом судят, что без нового килевания выйти в море почти не в состоянии. Визируя сие сильным образом встревожило, которой удерживаясь стыдом обратно возвратить оные в адмиралтейство, рекомендовал командующим стараться сколь возможно и без огласки починиваться в Буюк-Дере.

Порта наняла на свои корабли несколько знающих французских матросов.

7. Нация сия /французы/ где только можно разглашает, что версальский двор конечно Порту в настоящих сих худых обстоятельствах без помощи не оставит и что на сей конец в Тулоне уже во всей готовности стоит 22 корабля, высылая оную в случае нужды в Архипелаг для крейсирования.

Капитан-паша представляет, что не приведя в Египте в порядок всех дел, никоим образом выходить оттуда не может.

Приближенные реис-эфендия отзываются, что Порте дабы единожды избавить себя от бедствий и притязаний со стороны России, непременно нужно иметь Крым в прежней своей зависимости и что, по мнению их, ободренные войска нечаянным нападением сие исполнит хотя б правительство и командующие оными в наружности до того их не подпускали.

С другой стороны, следуя миролюбивым склонностям султана, министерство пребывает в молчании.

9. Назначенный в Багдаде 25 апреля Еграбозлы-Оглу капуджи-баши Бекир-бей, пожалован трехбунчужным пашею и капитан-пашинским заместником для командования

судами на Черное море высылающихся. Оного Бекир-паши отец в свое время был капитан-пашею, брат его Мегмет-паша також при окончании прошлой войны отправляя сию должность на Черном море, следовательно естли не по достоинствам, то по меньшей мере наследственно удостоен сим чином.

10. По полученным из Салоника 20 апреля известиям отправленные сюда из тамошнего города 150 человек матросов в бытность свою там до отъезда убили до 30 человек турок и подданных христиан, исключая других причиненных насилиях и грабежах и что вновь наслано туда повеление о высылке такого же числа матросов.

11. Новопожалованной Бекир-паша приезжал с церемониальным визитом к визирю, которой при отпуске почтил его обыкновенною лошадью с убором.

12. Заключают, что калудания Хассан-бей с некоторым числом судов останется в Буюк-Дере, а с остальными отправится Бекир-паша в Черное море, поспешая оным по воле визирьской потому, что непослушание янычар, отправленных с первою эскадрою.

14. По сведеньям русских купцов австрийский император прибыл в Херсон, осмотрел за два дня лагерь, крепости, госпитали и проч. здания и отправился на встречу ЕИВ.

ИЮЛЬ

1. Шагин-Гирей в препровождении адрианопольского бостанджи-баши повезен из Адрианополя в Галлиполи.

3. Корабельный мастер Лероа с двумя своими подмастерьями Лаббе и Оливierre занимается теперь в адмиралтействе в делании трех моделей, а именно на один бомбардирский корабль и два фрегата 36- и 34-пушечные.

4. В публике беспрестанно толкуют, что в рассуждении нынешних Блистательной Порты замешательствах и скудости в деньгах, не в состоянии она ни против какой державы, буде всевышний совершенно не лишил разума министерство турецкое что либо неприятельское совершить.

Возвещено пушечною пальбою наступление большого байрама.

10. 2 июля на кирлангич посажен для отвозу в ссылку на о. Родос Шагин-Гирей хан с 20 человеками свиты, под присмотром одного капуджи-башия, имевшего при себе людей около 30 человек.

11. Примечают, что здешняя чернь уже начинает роптать на бесплодные приуготовления. Виновником оных, полагая визиря с реис-эфендием, судят, что первый может быть за свои затеи заплатить головой.

12. Находящиеся здесь французские мастеровые не получают от Порты уже 5 месяцев

заработанных денег.

На Черном море теперь находится следующее число военных разного рода судов, а именно: 4 линейных корабля, 6 фрегатов, 5 шебек, 4 бомб. галиотов, 2 брига, 4 галеры, 17 канонерских шлюпок, 16 вооруженных купеческих судов, 2 кирлангича и несколько полугалер.

20. Уверяют, что к капитан-паше отправлен нарочной с повелением, дабы он каким бы то образом ни было, помирясь с бунтующими боями, как наискорее сюда следовал.

21. На сих днях преемник престала Султан Селим имел жестокий припадок, заставлявшей многих думать, что не дан ли ему яд; но теперь оказывается, что следствием сего была горячка.

26. Почти вся турецкая подлость единодушно желает или войны, или свержения султана.

АВГУСТ

5. В двенадцатом часу повели Якова Ивановича Булгакова в Едикуль и с ним господин Пизаний, Яковлев и Дандрии все поехали верхами.

7. Публикован фирман, которым повелено всем российским купцам /подданным/ выехать из Турции в шесть месяцев.

8. Здешние войска вслух говорят, что ежели им противу россиян будет неудача, то они бросятся за пограничные польские места и, ограбя оные, возвратятся в Азию.

9. Все десять российских купеческих судна взяли в адмиралтейство, корабельщики с их экипажем посадили в башню.

Буюк-Дерская эскадра получила повеление наискорейше выехать вытащится, но нордовый ветер и противное течение препятств.

Все турецкие купеческие суда укомплектованы быть имеют для транспорту.

10. В Таврической области турки имеют многих шпионов, посланных от сель для возмущения татар.

11. Сего дня публикован хати-хуманм о объявлении войны с обыкновенною церемонию, надевая кафтаны на чиновных людей и проч. Здесь большая часть народа... не довольны объявлением войны.

12. Французский и английский послы послали мемориал об освобождении Булгакова из Едикуля.

13. Сегодня всем иностранным министрам объявлен манифест объявлении войны

14. Египетские жители не выпускают капитан-пашу из Каира.

15. Все вообще иностранные министры подали мемориалы к Порте об освобождении

российского министра из семи башень, но бесполезно.

16. Вчерашний совет у Порты был единственно о освобождении российского министра из Едикуля. Почти весь совет склоняли к освобождению его, включая верховного визиря и Реиз-эфендия, сии последние представляли, что Порте больше чести вручить онго фельдмаршалу или в случае, когда россияне возьмут пашу или сераскира, то можно будет онго выменять.

19. Наистрожайше запрещено грекам и армянам иметь в доме и носить оружие.

Турки выкрасили и вооружают захваченные российские купеческие суда для транспортировки.

23. Опубликован фирман, повелевающий россиянам в 15 дней выехать из столицы, в противном случае взяты будут в Терсану и посажены в бойницы.

В Метелин, Родос, Лемнос, Стакио и на прочие архипелагские о-ва послано повеление, дабы все находящиеся в морской службе наискорейше в Самсон и Синоп и явились бы во флоте.

29. Назначенные орты янычар не хотят итти в поход, визирь назначил каждому из них до 60 пиастров, однако и сие не имело желаемого успеха, что наносит великие заботы визирю.

30. Порта приказала французским корабельным строителям Лероа и Дуресту, дабы в скорости выстроены были 50 канонерских шлюпок. Лероа должен построить 10 больших, которых пушки должны быть 42-фунт. калибру, в каждой шлюпке одна мортира в 17 дюймов диаметру, 40 поменьше построены будут Дурестом в Архипелаге и в Коромание, куда Дурест отправляется на сих днях.

СЕНТЯБРЬ

2. Вчерась 4 янычара из разных орт явились к визирю и говорили, что они и их товарищи не намерены воевать по разным причинам, из коих трех ночью задавили, а четвертого содержится под караулом.

4. Сего дня прибыла галера из Черного моря с весьма малым числом людей, да и тем запрещено выходить на берег. Они говорят, что едва успели уйти от российской эскадры. Сия новость встревожила турок.

7. Всем янычарам от 14 до 60 лет приказано итти в поход.

Янычары представляли Порте, что жалования их по 7 аскур весьма мало, что россияне более того имеют. А как просьба их не имела желаемого успеха, то многие из них убегают в Азию, последние ж ласкаются надеждою, что в октябре месяце кончится первой поход.

8. Сегодня сильной зюйдовой ветер и Буюк-Дерская эскадра получила повеление

отправиться. Начальники и матросы противятся ехать в рассуждении наступающей зимы. Визирь сам ездил в Буюк-Дере и отправил 5 кораблей, патрона и еще два корабля остаются в Буюк-Дере.

9. Правление опасалось бунта, ибо чернь намеревалась истребить всех европейцев, некоторые из заговорщиков открыли сие 4-м старшинам, а сии донесли Порте, советуя ей выслать всех европейцев присовокупляя, что они все суть шпионы неприятелей Порты, в противном же случае не воспоследовало бы чего дурного. Визирь говорил речь в собрании, доказывая, что Порта имеет между европейцами сущих приятелей, поставляя примером Англию, Пруссию и проч. державы и тем усмирил 4-х предложителей. Для общего же покоя объявлены начальники сего заговора и той же самой ночью некоторые казнены, а прочие содержаться под караулом.

10. Некто Сулейман капитан посыпан был в Родос, которой говорят задавил Шагин-Гирея и на сих днях привез всех людей его и вещи. В награждение пожалован капуджи башием. 8-го сего месяца был великий шторм или буря. Визирь находился близ Буюк-Дере на 6-весельной лодке по средь канала. Он был в великой опасности, но по счастью догребли его до одного корабля, которой носом был к каналу и на оной вытащили. Сей шторм причинил великую тревогу буюк-дерской эскадре. Корабли не держались на якорях, один фрегат бросило на берег, одно транспортное судно понесло берег тудаж, но привязанной на берегу канат одной галеры удержал, кое сомнясь с гадерою несколько человек убило и весьма повредило оную. По прошествии сей бури, которая не более часа продолжалась, сколько не старались стащить с берегу фрегат, но бесполезно. Многие уверяют, что у него киль переломился.

14. Вчерась слух разнесся, что в Буюк-Дере привели с устья канала российской линейной корабль, занесенной бурейю.

15. Сей слух действительно утвержден... Приехал курьер из Синопа с известием, что туда занесло один военный российской фрегат и что ведут его сюда.

Один лаз (турецкий матрос), прибывший на несчастном корабле Марии Магдалине, приведен был к Порте и в допросе показал следующее: «Нас 10 человек на Мелексе. По среди моря увидели мы российских 10 кораблей. Они призвали нас к главнокомандующему, которой взял Реиза к себе и разделил прочих на другие корабли, судно ж наше с товарами потопили. На другой день сделался шторм, потеряли мы из ВИДУ другие корабли. На сем же корабле разломались мачты, бушприт и руль повредило, в интрюме ж показалось несколько футов воды. Капитан старался вехать в Варну или бросить корабль на берег, дабы спасти людей. Я уверял его, что сей берег крут и каменист, почему никто не избавится и соглашал

удалиться от оногo дабы войти в течение Константинопольского канала, что и удалось. Когда ж увидев мы на рассвете третьего дни фонарь на устье канала, капитан и все офицеры закричали на меня, куда ты нас привел? Я уверял их, что ничего им не сделается. Между тем, подъехали к крепостям, с которых выпалили по одной пушке, мы дали знак, вспыля немного пороху. Один гренадер, встав на шканцы, поздоровался и бросили якорь, куда подошли вооруженные лотки».

Сего лаза одели с ног до головы и назначили ему вечную пенсию. Сегодня привели нещасной корабль Марию Магдадину в Терсану. На носу вниз опущен был российской Кайзер-флаг.

16. Прошедшую ночь французский конструктор Дурест умер в гошпитале моровою язвою.

Из нещасного корабля Мария Магдалина выгружают всю амуницию, и приказано конструктору Лероа поспешить починку оногo, дабы чрез месяц был готов выйти в Черное море.

30. Турецкий флот имел повеление возвратиться и зимовать здесь, но секретно уверяют, что он весьма много претерпелся от россиян и от погоды и не в состоянии рисковаться. Во всем флоте оказывают не более 8 кораблей, которые без опасности могут плавать в море, прочие ж все, не выключая ни одного, в весьма худом состоянии и без большой починки выехать не могут и так флот их зимовать будет в Герзе.

Еще рассказывают, будто очаковский паша прислал арзмарзар, прося Порту непременно возвратить России корабль Марию Магдалину, в противном же случае опасаются, что светлейший князь Потемкин строго поступит с турецкими идейными.

ОКТЯБРЬ

1. Порта, услыша, что в последних аглицких газетах пишут о прибытии российского флота, требовала о сем изъясниться от аглицкаго посла, которой отвечал, что Россия имеет в Англии людей, которым она платит за то, чтоб всегда, когда слышно о разрыве с Портою, должны поставить сей артикул в газеты.

2. Порта отменила арсенал в Буюк-Дере, опасаясь, что при замирении Россия не потребована б оную гавань, как то... в 1780 году.

Когда Порта получила вести, что Бекир-паша с оставшимся кораблями его эскадры находится в Герзе близ Синопа, визирь помолившись вышел из мечети, принес жертву, перерезав 36 овец. Другие говорят, что жертва воспоследовала тартара от очаковского паши, которой пишет, что другого оружия не имеет противу неприятеля, кроме здешних молитв.

3. Из Очакова получены обстоятельные вести. По сие время уверяют, что там большого сражения не было и что только 5-го сего месяца н.ш. под Очаков подошли из Кинбурна две водяные батареи, бросили в крепость бомбы, ядра и картечи дождю подобной, несколько турок убили, потянулись опять к кинбурнскому берегу, и стали в таком положении, что туркам не можно переправиться чрез Лиман и сделать десант около Кинбурна.

Сего дня призван был к Порте патрона, командующий оставшихся судов в Буюк-Дере, он получил приказ, чтоб не медля быть со всеми судами готовым к походу.

В предместье Терсаны многие женщины воют и плачут кто о сыне, кто о муже, другая о брате своем, которые как они говорят с Бекир-пашинскою эскадрою все пропади и что паша возвращается сюда.

Уверяют, что линейной корабль, о котором прежде говорено было, на устье Дуная потерянной на мели, точно российский. И сказывают, что тот, которым командовал контр-адмирал Войнович.

4. Все жители местечек и деревень около Измаила, Бендер и Хотина, сказывают уши по причине бедности и тиранства турецкой армии.

Корабль Мария Магдалина починили корму, оставшуюся починку приказано Лероа с превеликою поспешностию изготовить.

20 дней тому назад как здешняя математическая школа заперта, ибо французские учителя не могли далее терпеть нахальств турок. Тож воспоследовало с адмиралтейским рисовальным домом и где делают модели судов.

5. Порта запретила всем судам и лодкам выезжать в Черное море. Две недели тому назад как здесь началась великая дороговизна в съестных припасах.

Порта приказала сыскать в архивах все бумаги касательные до последней войны с Цесарию, а которых найдено, что турки имели армию, состоящую из 70 000 войск. Сие дало повод многим заключать, что Порта намерена иметь войну и с императором.

6. Французские корабельные мастера помимо королевского жалования получают по 45 пиастров на месяц.

7. Турецкий флот точно потерял в Черном море 17 судов без известных, за которыми для сведения посланы были кирлангичи, а теперь Порта еще отправила нарочного сухим путем по берегам Азии и Румелии.

13. В Очакове тамошний паша убит или отравлен. Капуджи баша отрубил ему голову.

14. Хасан-бей командующий турецкой эскадры говорят в Очакове по приказанию Порты велел отрубить голову командующему второй эскадры по причине, что он по сие время не атаковал Кинбурн. Многие турки между собою секретно говорят, что россияне взяли Очаков.

Визирь каждый день ездит к крепостям на устье Черного моря. В патриаршей и во всех греческих и армянских церквах наложено проклятие на того, кто только говорить будет хорошее или худое о войне.

17. Из Черного моря возвращаются многие военные суда. Час от часу ожидают Бекир-пашу с эскадрою.

В Кинбурне уверяют, что около 4-х или 5 тыс. турок сделали десант, из коих не более как 200 избавилось, прочие же все сказывают убиты и взяты в полон. Многие здесь говорят, что турок било до 10 000 человек.

Шевалье Лафит пишет из Очакова своему послу, чтобы забрал его от туда, ибо турки не следуют его плану.

18. Капитан-пашинский кирлангич приехал сюда сегодня, он сказывают оставил капитан-пашу в Хио с 16 судами. Многие говорят, что капитан-паша прибыл уже сюда инкогнито.

Сего ж дня прибыл Бекир-паша с эскадрою в Буюк-Дере. Теперь там слишком 30 военных больших и малых судов. Из Бекир-пашинской эскадры сказывают 6 судов не достает.

Все прибывшие суда весьма текут и непременно должны быть кренены и конопачены. Бекир-паша вероятно назначен будет нашею а Синоп.

Четыре судна прибыло из Очакова. Они привезли много раненых турок, которые избавились от кинбурнского десанта.

20. К вечеру задавили капитана-бея.

23. Привели капитана 2 ранга Веревкина и посадили в Терсану.

25. В Буюк-Дере отправлены 3 000 войск, которые разделены по судам на место потерянных в Кинбурне.

26. Прибыл капитан-паша. Египетское правление он оставил своему калге и новым боям. Эскадра его состоит в 10 судах: 2-х 60-пуш. кораблей, 2-х 30-пуш. фрегатов, 2-х бомбард, 2-х кан. шлюпок и 3-х кирлангичей. Он привез 6 000 мешков денег, множество сарачинского пшена и кофею.

29. Алтыкучаг Углу в Анапе имеет повеление построить суда для десанта.

31. Бекир-паша отправился в Варну, где он назначен сераскиром. Капитан-паша разделяет флот на две части, меньшую в Белое море, а большую в Черное море. Сиею последнею капитан-паша сам будет командовать.

8. В Терсане сильная моровая язва. Нещастные россияне умирают по 4, 5 и 6 человек в сутки. Турки весьма бесчеловечно их содержат. Французский министр имеет часто конференции с капитан-пашою и реис-эфендием.

Лероа сделал несколько моделей плоскодонных судов канонерских и бомбардирских шлюпок, которые отправлены в Архипелаг и в Бодрун, где скоро велено построить 100 подобных судов.

В литейном дворе французам зелено скоро вылить 20 больших походных пушек. Сия работа весьма поспешно исправляется, ибо французы даже по воскресеньям работают.

Здесь ожидают 100 французских офицеров, которые назначены говорят с визирем в поход.

20. 6 кораблей отправились в Черное море. Они назначены в Очаков или Хаджибей.

28. Здесь в гавани всех военных судов 82 больших и малых. Порта приказала скоро готовить и вооружать флот, но почитай весь требует починки и до апреля месяца никак не может быть готов, также в матрозах здесь великой недостаток; намерены, их вооружив, весь флот оставить в Буюк-Дере и только часть оного рисковать а Черное море, а большая часть должна ожидать успеха, а потом смотря по обстоятельствам отправляться. Плоскодонные суда и паромы, которые здесь строятся» назначены будут для защиты Дарданелл и устья Черного моря. Здесь на верфи вновь заложены 22 бомбардирские шлюпки, они имеют будут по одной бомбе от 6 до 10 дюймов диаметру и по 24 фунт. пушке. Также здесь в канале или на Мраморном море на верфи 10 кан. шлюпок; они имеют будут по одной 30-фунт. пушке. Еще три плоскодонные и суда здесь на верфи; они длиною как 24-пуш. фрегат.

ДЕКАБРЬ

4. Турки весьма бесчеловечно обходятся здесь с пленными, они даже больных принуждают на адмиралтейскую работу, и варварски бедных наказывают.

6. Приведен сюда капитан Ломбард, которой взят на батарее капитана Веревкина. Его посадили с прочими офицерами в Терсану, где язва продолжается. Поручик Алексиано и лекарь корабля Марии Магдалины умерли, мичман де Галето как и множество пленных заражены.

Визирь строго запрещает в народе говорить о мире или перемирии с Россиею.

Из Кандии и всего Архипелага набрано матрозов только 700 человек, прочие согласились лучше заплатить по 50 левков, нежели итти в поход; также по каналу находящиеся и здешние матрозы почти ни один не соглашается итти добровольно. Они вслух говорят, что лучше отрубить им головы здесь, нежели принудить их на жертву в Черном море.

Линейной корабль Патрона оставшийся за починкою в Буюк-Дере возвратился сюда в гавань. Люди все с него разбежались.

Визирь ездил по Канаду, где в разных местах назначил построить казармы для войск.

Капитан-паша весьма заботится узнать, будет ли российская эскадра в Белое море или нет, ибо он не знает, каким образом разделить флот. План его, сказывают, набрать 23 000 матроз и 60 000 морского войска, без чего он не намерен выехать в Черное море.

14. Кораблестроитель Лероа и прочие французы, как то плотники и канапачные мастера, на сих днях представили послу, что все корабли весьма в худом состоянии и как турки не позволяют им настоящее перечинить их, а только с поспешностию чинить и как-нибудь готовить, то корабли будут весьма слабы. Они опасаются несчастья в море и объявили сие, дабы в таком случае, на них не взыскивались.

В последнем совете у Порты, сказывают, большая часть советовали морскую силу вооружать не для атакования России, а единственно для обороны, а на таковой конец укрепить все места, а всего больше устье Черного моря. Визирь и капитан-паша вседневно разъезжают по каналу и спешат работою крепостей.

Визирь старается прежде выезда своего отправить флот в Черное море. Капитан-паша с визирем в ссоре. Еще уверяют, что капитан-паша всячески ищет, а особливо под видом болезни, остаться здесь и не итти в поход.

23. В Измаиле был бунт. Многие убиты и ранены, 150 домов и несколько магазейнов сожжены.

25. Греческий и армянский патриархи имеют повеление каждый дать по 2 000 человек матрозов. Армяне намерены откупиться деньгами.

Здесь полагают, что как скоро визирь выйдет из столицы, то капитан-паша намерен его свергнуть.

1789 год

ОКТЯБРЬ

16. Доношении прибывшего из армии чауш-баши, учиненные самому султану, столь неприятны, что оной весь тот день был в не себя, бегая по городу переодетой, и, встретя одного грека в желтой обуви, отрубая ему голову, несмотря на то, что сей сказывался принадлежащим неаполитанскому посланнику.

Следствия поражения визирьского день ото дня открываются больше, те кто смерти или плена избавился, разбежались и всякой старается пробраться домой, так что визирь принужден был перейти Дунай. Небольшое число войска находящегося с ним в Мачине

взбунтовалось, требуя жалования. Визирь хотел отправить, в силу султанского повеления, Санджи Шериф в Адрианополь; бунтующие объявили, что не выпустят его прежде, нежели получат свое жалование. Визирь, сказывают, представил султану мнение свое, что полезно взять зимние квартиры в пределах, где еще есть пропитание, а над Дунаем все разорено и во всем недостаток.

По причине отправленных прежде двух капуджи-баши заключают, что визирь потеряет голову. Находящийся теперь в Искачи сераскир Гассан-паша требует денег и людей и наслал сюда повеления отправить к нему все деньги, кои могут найтись в его доме. О флоте турецком продолжают говорить, что оной выгнан с немалую потерю из Хаджибея и на дороге разсыпан бурей, 6 судов в канал вошло, а к капитан-паше в Каварну послано повеление сюда возвратиться.

20. По разбитии турецкой армии прибыли ее оставшиеся части в Браилов, где, не останавливаясь, переправились в Мачин, оставя одну крепость без гарнизона.

На сих днях дошло сюда известие, будто сераскир Гассан-паша и татарской хан одержали немалые выгоды над русскими: сему даже и в первый день не хотел никто верить, а больше веры подают другому известию, что русские начали стрелять по Синопу.

24. При Порте обнародован султанский хати-хуманм, коим повелеется всем мусульманам итти на войну и собраться в начале марта под Адрианополем, куда и сам султан отправится, дабы вести их против неприятельской веры, ежели в том нужда настоять будет: чтобы никто неведением не отговаривался и неисправностию не извинялся.

26. Обнародованным хати-хуманом о походе султана так же все войски мира предаются проклятию и уничтожаются яко первые побежавшие при поражении визиря, а на место оных повелевается умножить янычарской корпус, как то было во времена султана Махмуда. И прибавлено, кто на войну не пойдет, будет проклят от бога и пророка.

Получено известие, что шведская флотилия разбита князем Нассау и взято несколько судов и более тысячи пленных.

28. Султан ездил инкогнито с 5-ю человеками за город мимо Едикуля и, встретив двух военных возвращающихся из армии, спросил, для чего уши? Они отвечали: за непроизводство таима и за неимением денег, чем кормиться. Султан промочал и дал им по два червонных.

По поражении визирьского лагеря, российское войско от 50 до 60 тысяч подступило под Измаил, имело сражение с сераскиром Гассан-пашою, его разбило, забрало всю артиллерию, припасы и много пленных, так что при нем осталось не более 150 человек.

Как здесь, так и по провинциям народ в крайнем унынии и начинает сильно роптать.

29. Теперь говорят, что отправленный прежде капуджи-баши послан не для отрубления головы визирю, а для отобрания у него печати и отдании оной сераскиру Гассан-паше. К сему прибавляют, что последний не хотел ее принимать, ежели визирю не возвратится его прежняя сила и власть, которая теперь совсем ограничивается и стесняется советом Порты даже в военных операциях, что султан на то согласился и следовательно старой кадитан-паша теперь визирем с неограниченной властью делать все, что заблагорассудит в войне или для заключения мира, ежели увидит обстоятельства, к тому благоприятные.

31. В серале султан велел отворить все кладовые, где хранилось серебро и золото, состоящее в посуде, конских уборах, в подарках от чужеземных дворов и пр. собранное прежними султанами от многих лет и отослал все на монетной двор. Сказывают, что найдено не больше 4 тысяч ок серебра /около 700 пудов/. Как примеру его никто не последовал, то выдал он хатти-шериф повелевающей всем зажиточным туркам приносить серебро свое на монетной двор и довольствоваться платою 10 пар за драхм. На сих днях султан отзывался, что был бы счастлив ежели б умер два года назад, ибо не нашелся бы в столь плачевном состоянии, но в хатти-шерифах говорит однако, что не кончит сей войны прежде, нежели отомстит неприятелям.

НОЯБРЬ

4. Отдан фирман о выпуске российского посланника, которому велено объявить, что нанятое судно подойдет к Едикулю. В самом деле, около полуночи на оное сел и отправился в Триест.

АВИРИ Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 21–24; Д. 691. Л. 17–26, 54–61; Д. 692. Л. 39–44; Д. 698. Л. 62–65; Д. 701. Л. 11–12, 24, 58–65, 72 84–85; Д. 702. Л. 17–70; Д. 722. Л. 108–112 об.

473
УКАЗ
ЕКАТЕРИНЫ II
О НАГРАЖДЕНИИ Ф.Ф. УШАКОВА
ОРДЕНОМ
СВЯТОГО ГЕОРГИЯ 2 КЛАССА

Нашему контр-адмиралу Ушакову.

Усердная Ваша служба, особливое искусство и отличная храбрость, оказанная Вами в сражении 28 и 29-го августа сего года, где Вы командуя флотом Нашим Черноморским, одержали над неприятельскими морскими силами, капитан-пашою предводимыми, знаменитую победу, учиняют Вас достойным ордена Нашего военного Святого Великомученика и Победоносца Георгия на основании установления его. Мы Вас кавалером сего ордена большого креста второго класса всемилостивейше пожаловали и знаки сего ордена, при сем доставляя, повелеваем Вам возложить на себя и носить узаконенным порядком.

Удостоверены Мы совершенно, что Вы, получа сие со стороны Нашей ободрение, потщитесь продолжением ревностной службы Вашей вящше удостоиться Монаршего Нашего благоволения

В Санктпетербурге

Сентября 16 дня 1790 года.

Екатерина

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОНТР-АДМИРАЛА УШАКОВА В КОНТОРУ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА**

27 сентября 1790 года

Осматривая я морские госпиталя также и из рапортов госпитальных усматриваю, что служители беспрестанно умирают поносом; нахожу, что в содержании пищи и питье состоять некоторые недостатки, посему предлагаю конторе Севастопольского порта, для лучшего содержания их употребить всевозможное старание, приказать отпустить для варения им киселя и на печение булок достаточное число пшеничной муки, также и все что к лучшему их содержанию потребно приказать, откуда следует отпускать и надобности искупать, дабы лучшим содержанием людей подкрепить и привести в здоровье, и тем отвратить великую убыль в людях, какая ныне происходит; тож и для прочих больных служителей, для которых следует на варение щей покупать капусту и прочее, что необходимо нужно, по сходству указа черноморского адмиралтейского правления, и стараться о здоровье служителей.

Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1895. Ч. XV. С. 336.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ П.СКАВРОНМКОГО И. А.ОСТЕРМАУ
ИЗ НЕАЛОНЯ.

12 октября и 16 ноября 1790 года

О сражении бывшем на Черном море 28 августа / 8 сентября и 29 августа / 9 сентября дня Порты не пустила в народе справедливых известий, напротив обманывает оный разными письмами, полученными будто от английских офицеров, во флоте ее служащих, в коих они превозносят храбрость и подвиги капитана паши и уведомляют о победе, одержанной над российским флотом. Другие, однако ж, неподозрительные письма, полученные частными людьми, сверх того, три корабля, прибывшие с Черного моря без мачт и весьма много поврежденные, напоследок неизвестность, где прочие суда, составляющие флот капитан паши, находятся, обнажают довольно обман, употребленный правительством для отвращения всякого в народе смущения и шаткости. В пособие сему обману, те кому от Порты приказано, разносят по городу слух, что после сражения жестокая случилась буря, от которой флот турецкой пострадал...

По присланным к Порте донесениям от разных начальников Черноморского флота является, что число убитых и раненых в сражении бывшем 28 и 29 августа / 8 и 9 сентября простирается до пяти тысяч пятисот человек; что частью от битвы, частью от бурных ветров все суда чрезвычайно повреждены; что из 12 линейных кораблей на одном только остались все мачты в целости. 2 линейных корабля отряжены а Синоп для препровождения оттуда в ЦАРЬГРАД 74-пуш. корабля, который тамо скоро спущен будет на воду. 15 фрегатов, 40 кан. барок и несколько мелких судов остались в Черном море в разных пристанях для защищения берегов от предприятий российского флота.

АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 109 об.–118 об.

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВОЗВРАТИВШЕМСЯ ТУРЕЦКОМ ФЛОТЕ
ИЗ ЧЕРНОГО МОРЯ ПОСЛЕ КАМПАНИИ 1790 ГОДА И ЕГО ПОТЕРЯХ

ВОЗВРАТИВШИЕСЯ ИЗ ЧЕРНОГО МОРЯ:

12 линейных кораблей о 50 и 60 пушках.

14 фрегатов о 20 и 40 пушках.

4 бомбарды,

11 кирлангич.

12 канонерских лодок.

1 бригантин о 16 пушках.

1 бриг

ИТОГО – 55 парусов.

НАХОДЯЩИЕСЯ НЫНЕ В АРХИПЕЛАГЕ:

2 линейных корабля о 56 и 60 пушках.

11 Фрегатов о 20 и 32 пушках.

4 канонирские лодки.

6 кирлангичей.

ИТОГО – 78 парусов

2 галеры, находящиеся в здешнем арсенале нынешний год не выехали.

1 новый фрегат, который ожидают, он строится в Синопе.

1 фрегат построен в Бутрунто в Архипелаге.

3 линейные корабля, которые по словам капитан паши оставлены в Синопе для препровождения нового реченного фрегата.

ИТОГО – 85

В сем состоит вся сила оттоманская для будущей кампании назначенные. Капитан же паша подал записку Порте, что недостающую флотилию оставил он в разных черноморских гаванях.

В устье Дуная, называемом Килли Богаси:

30 канонерских лодок.

20 кирлангичей

В другом устье Дуная, называемом Сунне Багаси:

15 канонирских лодок

15 плоских лодок

В другом устье Дуная, называемом Портица Багаси:

2 бомбарды

16 кирлангичей

8 канонирских лодок

В Измаиле:

10 канонирских лодок

4 бригантины

В Варне и Каварне:

7 канонирских лодок

5 кирлангичей

2 бригантины

4 кирлангича и другие транспортные суда в разных пристанях черноморских.

ИТОГО –138.

Сие есть число судов во флотилии, которую капитан паша оставил в Черном море, выключая правды.

Теперь донесу я Вам об ущербах турецкого флота, пострадавшего от двух сражений в Черном море и от случившихся бурь.

Из возвратившихся 12 кораблей с двух сбиты мачты, а у прочих мачты должны быть поставлены новые.

Из трех первых ранговых кораблей в одном новом здесь в прошлом году построенном, на коем сам капитан паша командовал, 160 пробоин. В капитанском корабле так называемом, после пожара в последнем сражении, пробоин не много меньше. Корабль, называемой Фермандей не меньше пострадал также, еще два корабля потрачены, у одного отбит нос весь, а у другого оторвана половина каюты, сверх того у двух

кораблей кроме незначущих утрат, у руля ближе самой воды прошиблено большим ядром. Фрегаты же мало в боках потерпели, хотя мачты на оных все почти повреждены.

По отправлении 3-х эскадр в Черное море заметил я при возвращении их, что не достает двух кораблей, естли то правда, что, по словам капитан паши, три корабля в Синопе. Из фрегатов не достает шести, а в рассуждении флотилии ссылаюсь я на реченную записку, представленную Порте капитан пашою, что он в Черном море оставил оную.

Три месяца уже тому назад, как в здешнем арсенале начат 70-ти пушечной корабль, оный ближе 2-х лет окончен не будет, со всем сим начали еще строить новую галеру, но малое число мастеров, здесь находящихся, употреблены для починки возвратившегося поврежденного флота, из коего один корабль и фрегат за негодностью оставлены.

23-го прошлого н.с. /октября/ месяца у султана был совет, думают, что визирь будет сменен и может быть, что и повеление уже о том к нему послано.

АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 85 об.–88.

*Приказ контр-адмирала Ушакова по эскадре***23 марта 1791 года**

Флота капитан 1 ранга Баранов, как означено вчерашнего числа приказом, с непристойным азартом отговариваясь от принадлежащей ему должности, о исполнении которой с должным объяснением я ему напоминал, но все он настоял в одном положении, что он разных должностей исполнять не будет, а требовалось от него то только, что должно во всем по вверенному ему кораблю иметь рачительный присмотр и распоряжение, причем по долгу службы также приказывал я ему и о рачительном сбережении вверенных ему служителей в рассуждении весьма умножившихся в команде его больных людей, а на противоречия его об оных напоминал также, что недосмотрением его сбережения, многие служители, во время командования его кораблем Св. Павлом, из оной команды померли, потому и подтверждал ему впредь иметь прилежнейший присмотр; но он г. Баранов вместо того, чтоб принять оное приказание к исполнению, несправедливо поданным ко мне сего числа рапортом объясняет, яко бы я его порицал неприличными чести его словами, что он переморил своих подчиненных, и просит, чтоб приказал я исследовать и поступить по закону. Я удивляюсь, что подчиненный приказания своего начальника принимает в противную сторону и называет объяснения оных порицанием, ибо я справедливый долг имел сказать ему в подтверждение в рассуждении, что с сожалением видел двоекратно в команде его, г. Баранова, необыкновенное против прочих множество больных людей, как то прежде на корабле Павел в короткое время его командования выбыло умершими служителей более, нежели во время моего командования оным кораблем в четыре года; почитаю ж я, что тогда начало болезни в той команде последовало от неосторожной его посылки людей за камышом в Акерман (Инкерман. – Авт.) и в перевозе оногo на строящийся тогда его в южной бухте хутор; а посылка в Акерман в тогдашнее время за камышами в рассуждении заразительного и гнилого там в летнее время воздуха было от меня письменными приказами весьма запрещена. Объявляя о сем ему, г. Баранову, в подтверждение моих приказаний, сим письменно еще подтверждаю, дабы употребил он всевозможное старание безотговорочно о исполнении упоминаемых должностей; к исследованию ж его во оном собою без особого позволения Е. Св. в рассуждении знатного его чина, приступить не осмеливаюсь, а в свое время обо всем оном не премину донести Е. Св.

ПРИКАЗ КОНТР-АДМИРАЛА УШАКОВА ПО ФЛОТУ**7 апреля 1791 года.**

Отданным от меня 4 числа сего месяца генеральным приказом велено, назначенное число с кораблей и фрегатов служителей командировать и представить ко мне для отсылки к определению на вновь построенные корабли в Херсон и Таганрог; в котором рекомендовал я господам командующим по сему назначению служителей командировать из лучших и в своем звании исправных, здоровых и способных к исполнению должностей, объясняя необходимую в том надобность тем, что сие малое число людей посылается к определению на такие суда, на которых они только и будут составлять главную часть команды, а прочие докомплектуются большей частью рекрутами, предписав господам эскадренным командирам по сочинении оных списков при оных представить служителей ко мне для осмотра. Прописано ж в оном приказе, что верную надежду полагаю я в том, что конечно в перемене их не буду иметь необходимости; но за всем тем с корабля Наварахия в числе командированных, некоторые служители по осмотру моему оказались командированы ни мало не сходно с объяснением моего повеления; из них при фронте на опрос мой объявили они свою неспособность и видимую открыто болезнь в ногах, руках и в корпусе слабость, а у некоторых при том и большую опухоль, при которой верховой матросской работы исправлять никак не могут. Господину командующему кораблем Наварахия штаба Е. Св. генеральс-адъютанту флота капитану 2 ранга и кавалеру Сенявину приказывал я вчерашний день при моем осмотре (где и эскадренные командиры со мною случились), переменить оных служителей способными; но он господин Сенявин исполнения по долгу службы следующего по команде на приказание мое не учинил и отозвался, что он других на место их не пошлет, хотя я ему подтвердительно и сего числа еще приказывал исполнить оное повелите, но все он и на последний мой осмотр сего числа представил тех же служителей не переменя. Видев я с прискорбностию таковое его непослушание, за долг почитаю, в предупреждение худых и несходных с военной дисциплиною примеров, сим письменным приказом подтвердить ему господину Сенявину по сходству моего приказания оказавшихся весьма неспособных к посылке трех матрос, за имеющимися в них болезнями и слабостью в здоровья, переменить здоровыми и способными сходно с объяснением моего приказа, а как я не впервые уже вижу его господина Сенявина прискорбности от неохотного повиновения к команде, потому подтверждаю впредь по повелениям моим чинить исполнение безотговорочно, как долг службы требует, в противном случай в свое время не премину я отнестись жалобою моею Е. Св. Перемену ж оных служителей исполнить непременно сего ж

числа, ибо напрасными переписками и подобными неприятными переговорами принужден я терять напрасно время, чрез что происходит упущение важно надобных дел к исполнению.

Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1895. Ч. XV. С. 378, 379.

РАПОРТ

КОНТР-АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА

ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ Н. В. РЕПНИНУ

Сего числа с вверенным мне Черноморским флотом с Севастопольского рейда при первом начинающемся благополучном ветре вышел на море, и со всевозможной поспешности пойду к стороне Анапа и Еникальского пролива, где по уведомлению, полученному мною от господина генерал-аншефа и кавалера Михайлы Васильевича Каховского, показался главный и весь флот неприятельской, который при продолжающихся от западной и юго-западной стороны ветрах должны быть ныне в той стороне, по сему и пойду искать его, где окажется, соображая случай и обстоятельства, употреблю всевозможное старание сыскать его, и, призвав Бога в помощь, атаковать и исполнить все предписанные мне повеления Его сиятельства и Вашего сиятельства.

Флот мне вверенный, с которым я сего числа вышел на море, состоит в числе 16 кораблей, двух фрегатов, двух бомбардирских, двух брандерах, одного репетичного и 22 крейсерских, всего 45-ти судах, о чем Вашему сиятельству сим и донести честь имею.

10 июля 1791 года

К. Рождество Христово
вышел на море с Сев. рейда

Контр адмирал и кавалер
Федор Ушаков

Рапорт контр-адмирала Ушакова князю Потемкину
5августа 1791 года

По сходству повеления В. Св., июля 29-го со флотом мне вверенным вышел я на море в числе 16 кораблей, 2-х бомбардирских, 2-х фрегатов, одним репетичным, одним брандером и 17-ю крейсерскими судами, для поисков флота неприятельского, и продолжая плавание к румельским берегам, 21 числа усмотрел оный стоящий на якоре в линии при Калиакрии против мыса Калерас-Бурни под прикрытием сделанной на оном береговой батареи; я со флотом под выстрелами оной прошел близь самого берега и отрезал его от берега, будучи на ветре спешил атаковать. Неприятель уstraшенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветр, отрубил якоря, лег под парусами и, будучи в замешательстве, некоторые корабли, при довольно крепком ветре; сошлись между собою, и на двух тотчас оказалось повреждение: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт; поврежденный без бушприта ушел к стороне Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял в числе 18 больших кораблей, (из которых 9 под флагами на брам-стенгах), 10-ти линейных фрегатов, 7-ми малых, и многочисленных разного сорта мелких судов. Капитан-паша со флотом бежал под ветр и начал строить линию баталии, переменяя галс. Я, пользуясь сим замешательством, нагонял его, со флотом мне вверенным, будучи в порядке марша трех колонн. Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линии правого галса, но известный алжирский паша Саит-Али, пошед с отделенной частию флота, состоящего под красными флагами, передовым, оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша. Я, гнавшись за ними, учиненным сигналом приказал с поспешностию строить линию баталии при ветре северо-восточном параллельно флоту неприятельскому, и оною спускался на него со всевозможной поспешностию же; при том же заметил я, что Саит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага, и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер; потому для предупреждения его намерений погнался я с кораблем Рождеством Христовым за ним, следуя вперед нашей лиши, и сигналом подтвердил флоту исполнять повеленное, и сомкнуть дистанцию. Построя ж линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской, и догнав передовой корабль паши Саит-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим Рождество Христово, приближась к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя

несколько с носу, и по учиненному сигналу всю линию началось жестокое сражение, и продолжалось от 5 до половины 9 часа пополудни. В сие время с помощью Божиею прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саит-Али от производимого непрерывно жестокого на него огня, тот час остался поврежденным, без фор-стенги, без грот-марселя, с расстрелянными нижними парусами, и в прочих частях разбит до крайности, поворотился в закрытие в средину своего флота; место ж, его заступил вице-адмирал красного флага, с помощью еще одного большого корабля и 2-х фрегатов, но и оные сбиты ж и с немалым повреждением, также оборотились в соединение ко флоту, защищая однако от последующих за мною кораблей пашу Саит-Али. Передовые наши корабли, бывшие за мною Александр, Предтеча и Феодор Стратилат, исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовых бегущих неприятельских кораблей, и с великой живостью производили по ним и вдоль всего флота непрерывный огонь, а между тем корабль Рождество Христово, спустясь за корму корабля Феодора Стратилата, спешил приблизиться к бегущему в средину флота кораблю паши Саит-Али, дабы его не опустить, и производил сильный огонь по оному и вдоль всего неприятельского флота, который от последующей за передовыми всей нашей лиши был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими выстрелами: Наш же флот всю линию передовыми и задними кораблями совсем его окружил, и производил с такою отличной живостию жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другого, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал, от стесняющих его беспрестанно, стесненной кучею под ветер, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал, и непрерывным огнем бил его носовыми пушками, а которым способно и всеми лагами. Особо разбиты и повреждены более всех пашинские корабли. При таковой дарованной от Всевышнего совершенной победе, неукосненно надеялись мы несколько кораблей взять в плен, но от сего спасла их перемена ветра и совершенная густая темнота ночи. В половине 9-го часа при сгустившейся от дыма ночной темноте, флот неприятельский, будучи весь в дыму, начал закрываться из виду, ветер затихая совсем заштилел, и сделалось переменное маловетрие, от стороны северо-запада, при котором неприятель остался на ветре, а корабли нашего флота переменным маловетрием и течением склонило под ветер в разные стороны и оставались долгое время без действия парусами; напоследок ветер сделался от севера-северо-запада, при котором весь флот приведен бейдевинд левого галса и лег к северо-восточной стороне, дабы поворотясь на другой галс быть у неприятеля на ветре. В 12 часов пополудни, поворотясь лег я со флотом

на правый галс, и шел с поспешностию, уповая прямо на флот неприятельский, ибо в темноте ночи при мрачной еще погоде было его невидно. Сверх же чаяния при рассвете августа 1-го дня в виду его не оказалось, а хотя при погоне за ним в 6 часов пополуночи и оказался виден он от нас с салинга в отдаленности моря под ветром бегущий к стороне Константинополя, я прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий и развело великое волнение, при котором, имея я на флоте также повреждения, в стеньгах, реях и парусах и на корабле Александр от подводных прострелов пушечных великую и опасную течь, при том не имея в той стороне безопасного убежища к исправлению, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил и подошел со флотом в закрыте под берега мыса Эмене, не в дальнем расстоянии остановился на якорях, где все повреждения флота исправлены; разбития стеньги, рей и лонга-саленги переменены новыми, подводные пробоины пушечные заделаны и исправлены благонадежно, и флот, мне вверенный, состоит в хорошем состоянии. По рапортам командующих оказалось во время бою убитых на всем флоте унтер-офицеров 1, рядовых 16, раненых капитан-лейтенант Ганзер, лейтенант Головачев, штурман прапорщичьего ранга Жмузин, унтер-офицеров 2, рядовых 23, всего 28 человек. Во время исправления флота посланные от меня крейсер под препровождением Макроплеи Св. Марка, при румельских берегах, а особо при Эмене, Мисемрии, Фаросе и Сизополе, многие суда, в том числе некоторые транспортные, с хлебом везомым в армию, загнали на берега и выстрелами при оных затопили; людей бежавших с них при сопротивлении во множестве побили и потопили и 4 малые судна, взяв в плен, привели ко флоту, а как оные оказались взять с собою неспособны, то также затоплены; пленных людей на оных взято 14 человек; а прочие все на барказах бежали, и в погоне за ними побиты и потоплены, 2-го числа сего месяца шедшая от стороны Варны большая турецкая шебека под военным флагом, хорошо вооруженная, крейсерскими судами и Макроплиею, не могучи уйтить, загната на каменный подводный риф мыса Эмене, где, став на мель, от волнения налилась водою; люди бывшие на оной в великом множестве большею частию алжирские и дульцениоты, чрез бурун каменного рифа побросались вплавь на берег, но в волнении большей частию потонули, также некоторые побиты с наших барказов выстрелами, а прочие спаслись, и взошед на крутость горы, взяв от обывателей ружья, стреляли по нашим барказам, и препятствовали взойти на судно, но выстрелами ж от наших отбиты. С одной шебеки на крейсерское судно Панагия Апотуменганы лейтенантом Звороно, сняты две модные 12-фунт. пушки и флаг кормовой, догнал сие судно, от которого оно и побежало на берег; более ж с него за крепостию ветра, ничего снять было невозможно, потому совсем его экипажем сожжено, 4-го числа флот

был к походу и действию готов, но при противном переменном ветре и течении в желаемый путь следовать было невозможно; с утра ж оно число подошли в близость к нашему флоту от стороны Варны 4 шебеки под алжирскими флагами и 12 индриотских лодок с косыми парусами, похожие на вид кирлангичей, и заметно ошибкою почитали они наш флот своим, но, осмотрясь, побежали к стороне Константинополя, и всеми нашими крейсерскими судами под препровождением Макроплии Св. Марка весь день чинена за оными погоня; а как они были далеки еще на ветре, потому рассыпавшись в разные стороны успели уйти, некоторые к стороне Константинополя, а другая к Варне. По уведомлению ж от пленных узнал я, что кроме оных в Варне находится флотилия в немалом числе судов, под командою алжирского начальника, потому, не мало не мешкав, с флотом и отправился к Варне, дабы все оные суда заставь там истребить, а оттоль пойду к стороне Константинополя искать флот и судов неприятельских. Во время бывшего июля 31 дня сражения все командующие судов, и разные чины флота черноморского служители находящиеся во оном, с крайним рвением и беспримерной храбростию и мужеством выполняли долг свой, а паче отличились начальники эскадр: авангардии генерал-майор флота капитан Голенкин, арьергардии бригадир флота капитан Пустошкин, которые по учиненным от меня сигналам, устроив части им вверенные, первые спустились на ближнюю дистанцию к неприятелю, и, подавая пример прочим, производили бой, беспрестанно теснили неприятеля, с таким отличным искусством, рвением, мужеством и храбростию, что на бывших против их кораблях тотчас заметны были повреждения, и неприятель бежал и укрывался от поражения; равно и командующие кораблей, следуя примеру начальствующих, отличились таковым же успешным по долгу своему исполнением производимого действия рвением, мужеством и храбростию: флота капитаны 1 ранга: Св. Павла Шапилов, Рождества Христова Ельчанинов, Св. Александра Языков, Иоанна Предтечи Баранов, Федора Стратилата Селивачев, Преображении Кумани, Св. Георгия Эльфинстон, 2-го ранга: Царь Константин Ознобишин, Св. Андрея Сарандинаки, Св. Николая генеральс-адъютант Львов, Иоанна Богослова Шишмарев, Марьи Магдалины Ишин. Командующие кораблей флота капитаны 1 ранга: Петра Апостола Заостровский, Леонтия Обольянинов, Наварахии генеральс-адъютант Сенявин, хотя во время бою, также оказали храбрость и мужество, но спускаясь от ветра не столь были близки к линии неприятельской, как прочие. Командующие бомбардирских судов капитаны 2 ранга Иеронима Демор и фрегата Нестора Преподобного Ларионов, во время боя находились в резерве против передовой части, и с ревностию исполняли долг свой; командующий Макроплии Св. Марка флота капитан 2 ранга Великошапкин с отдельным резервом: малым бомбардирским и крейсерскими судами, находился также при определенном ему месте,

исполнял долг свой рачительно, и во время погони за судами со оными многие суда неприятельские загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве ж побиты и потоплены; при чем он Великошапкин употребил отличное старание, храбрость и мужество, равно и все командиры крейсерских судов, при оном употребили ревность, храбрость и мужество. Репетичного судна Полоцк командующий флота капитан-лейтенант Белле, во время бою с отменной храбростию, искусством и расторопностию выполнял долг свой; артиллерии капитан 2 ранга Юхарин, исправляя должность цейхмейстера на корабле Рождество Христово, находился во всех деках при действии и распоряжении пушками и с отличной храбростию и искусством, ободряя людей, действовал во все время бою весьма исправно. Я за долг почитаю всем им отдать справедливость, и представляю все сие дело и оных, на милостивое уважение В. Св. Также многие подкомандующие штаб- и обер-офицеры будучи на кораблях употреблены были к важным должностям, а особо при командовании деками и отдельными частями пушек с отличным же рвением, мужеством и храбростию исполняли повеленное, и действия производили весьма успешно, о которых В. Св. особо представить не премину.

Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1895. Ч. XV. С. 400-404

ПЕРЕВОД ПИСЕМ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
О МОРСКОМ СРАЖЕНИИ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

1791 год

№ 1

13-го сего месяца (2 августа по старому стилю. – Авт.) с кирлангича, нарочно отправленного с турецкого флота, получено известие о морском сражении, впоследствии в день Курбан-Байрама 11-го сего же месяца (31 июля по старому стилю. – Авт.). Что ж из оногo по ныне уведано в народе, состоит в следующем, а именно, что капитан-паша в продолжении двух недель, разъезжая то на фордевинте, то под ветром российского флота, не мог найти удобного случая для вступления с оным в бой; что напоследок российский флот вошел обратно в Севастополь, и тогда де он, капитан-паша, направил паруса свои в Калегару (Калиакрию. – Авт.), обширный порт, лежащий между Варною и Каварною, для запаса пресной воды, в которой оскудел его флот; что флот российский по получении ведомости о входе турецкого флота в Калегару для помянутого намерения, неукоснительно поднялся опять из Севастополя накануне Байрама и при помощи дующего с Севера сильного ветра прибыл по полудни в день Байрама на высоту Калегарскую; оттуда оный был усмотрен стражею, и капитан-паша уведомлен о столь неожиданном посещении; что сей адмирал без потери времени велел отрубить на своих судах якорные канаты и, придвинувшись вперед с своим флотом, не успел построить его всего в боевую линию, но поставил в оную токмо несколько кораблей, как российский флот настигнул их и принудил к сражению, что сия атака началась в три часа по полудни, и бой продолжался даже после полуночи при лунном сиянии. Тут прибыл чаус, отправленный с таковым известием, будто б было затоплено несколько российских судов, но Порта не открывает о том иного как токмо, что оба флота до крайности повреждены и сделаны почти неспособными к действиям. Подлинно же то, что вице-адмирал Сеит-Али смертельно ранен в бою, который он выдержав с своим кораблем, с тремя другими линейными кораблями и с двумя меньшими судами и что за сею эскадрою гнался отряд российского флота даже на расстояние немногих миль от устья, куда она эскадра прибыла вчера по утру без мачт и весьма поврежденная. В самой день прихода ея в устье, отправился туда каймакан с терсане-эмини для освидетельствования оной. Он неукоснительно приказал набрать сколько можно войска для посылки в оное место к охранению там крепостей и устья. Напоследок же сведано, что турецкой флот рассеян был в сражении, что может быть несколько судов досталось в плен и что капитан-пашинский корабль взорван; а что же приключилось остальному флоту, не знают еще ничего.

15 августа (по новому стилю) 1791 года

№ 2

О турецком флоте есть уже точные известия, удостоверяющие, что кроме двадцати одного корабля, из коих было 12 линейных, а прочие фрегаты, другие суда не имели соучастия в сражении, бывшем 11-го числа сего месяца (31 июля по старому стилю. – Авт.); что и сам капитан-паша не мог вступить в бой; что флот сражался без всякого устройства в линию и без наблюдения порядка и что кроме одного турецкого корабля (который чаятельно после баталии потонул, потому что нет поныне об оном никакой вести) не произошло иного в кораблях урона ни с той, ни с другой стороны. Помянутый Сеит-Али тяжело ранен в руку, в щеку и в горло, он в сражении потерял 700 человек из своего экипажа, а сему соразмерна и трата на прочих линейных кораблях. Особливо отличился он в сем деле, так что султан восхотел его посетить лично. Корабль его с 7 другими линейными и многими фрегатами, поднесь в устье появившимися стоят там починиваясь и набирая матросов, дабы вытти в море, как скоро возможно будет. Разные фрегаты, унесенные сего утра страшною бурей, пришли под самый БуюкДере. Капитан-паша же с остальным флотом находится вне устья, удерживаясь на море и токмо пресной воды, за которую он отрядил 40 кирлангичей, ожидая для атакования российского флота, который весь вместе обретается и исправляет починки в Эмине Бурне, лежащем на мало миль расстояния от устья.

18 августа (по новому стилю) 1791 года

АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 218. Л. 70–71 об.

СВЕДЕНИЯ О КОРАБЛЯХ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА, ВЕРНУВШИХСЯ
В КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

4 сентября 1791 года

Невнято кораблей отъ
саль въшедшихъ.

Возвратившіеся судна.	Недостаткиіе судна.	Л у щ и ш
13. Англійскіхъ кораблей.	2. Англійскіхъ кораблей.	60 x 76.
6. фрегатовъ.	18. фрегатовъ болшихъ и малыхъ. — — —	40 x 16.
20. канонерскіхъ шлюбовъ	2. Болшіе Александрій скіе судна. — — —	20. — —
6. крланецехъ	2. Болбарды. — — —	16. — —
1. Болбарда	2. малые трехъ маета вые судна. — — —	16. — —
46 судовъ возвратившихся	6. Болшихъ фрегатовъ	20. 24.
	2. Маленькіе судна взятые у маибра на ггюнк. — — —	
	6. канонерскіхъ шлюбовъ	
	2. крланецга.	
	2. Органтхкы.	
	44 судна недостають.	

Перевдхлб студентъ Алентънъ Маэревеліхъ?

АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 194. Л. 25.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА ЕКАТЕРИНЕ II

19 ноября 1791 года

Всемогущи́ишая государыня!

Монаршую Вашего Императорского Величества всевысочайшую милость: в награждение, усердной моей службы и преданости: высочайшую грамоту и звание ордена святого Александра Невского, имел я щастие получить; пріемля отне съ пачеубо гайннми. благоволеніемъ припадаю на окаященнншнмъ стопамъ ВАШЕГО Императорскаго Величества, и оти истиннаго чрѣдѣхъ приношу всеподданнншнми благодарности.

Милую опичную Монаршинъ щедротъ матерною милостію наусердннше се респондно мою потнщнхъ заключнпатъ, и спредъ спазать себя оти достойннми.

Всемогущи́ишая государыня! при свѣ гудстееуемой мойи благодарности осплншююсе всеподданннше донести: продолжая респонднщю мою службу имел я щастіе бнть попроснтельстееуемъ милостію Его спатлостк ннлхъ Фрнторхъ Алексндровнга Потемннка-таврнтеннаго, и всеуденной бурзех на степенъ достойннства нагалнннн:а Флота Черноморскаго и старшаго чина Чужнчннн Адмнралтеенскаго подъ его попроснтельстееуемъ и дащнтееу не сосполннх.

были бы пощады и идя естественнаго. мнѣтъ, при вса
 бышшея мероприятнаго содержать, исправлять, и пр
 готовалъ зимажающаго флота линъ вѣдѣнной, и
 мундштисельно и пользу дѣйствиюпати противъ н
 прѣтеля. Нынѣмъ вѣстии всепшного лишаго и
 прозорливѣшаго спого мнѣстнаго гавалына, мнѣ
 и той надежди зпѣвъ безъ сильнаго попроситѣльства
 вѣстостии былъ выталанъ паноува вѣстии на м
 вѣморогѣи, разпе славы мои снѣ подрѣвпите и ва
 ставовитъ. собственная мнѣстность и попроситѣльства
 вѣшего императорскаго величества, потерп
 при паноува снѣтъ осмѣливаюсь въподданнѣиши
 просить, рашио и той мнѣстности дабы вснѣталъ подѣ
 либо необходимости возмнѣ снѣлоствѣ и позволѣ
 чѣстостѣ вѣшему императорскому вели
 честву, въ надеждѣ снѣ щедротѣ припадаю на
 щепнѣишиши. спѣпалъ

всеавгустѣиша мнѣста

государвнѣ всемнѣстивѣ

вѣшего императорскаго вели

чѣства въподданнѣиши О

Контр адмиралъ

Фѣдоръ Ушановъ

19. мая
 1791. года
 вѣстостѣиши.

СПИСОК КОРАБЛЕЙ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА

9 февраля 1793 года

/п	Имена	Примечания	Длина (аршины)	Количество о пушек
КОРАБЛИ				
	Бахар Зафар		55 ½	82
	Макдемеи Нусрет		59 ½	68
	Фейзи Худа		51	60
	Фатих Бахри		49	64
	Худа Верды (Мария Магдалина)		53	58
	Гилал Зафар		49	56
	Инает Хак		47	56
	Бурдж Зафар		45	48
	Бидай Нусрет		44	48
0	Укаб Бахри		41 ½	46
1	Невид Фетух	За ветхостью назначены в ломку	51	54
2	Теуфик Иллаг		39 ½	44
3	Хывзи Худа		39 ½	44
4		В адмиралтействе на стапеле	57 ½	
5		В Будруме на стапеле	51 ½	
ФРЕГАТЫ				
	Пулад Бахри		53	46
	Нусрет		43	38

	Джеиран Бахри		41 ½	38
	Сергенк Бахри		37 ½	36
	Кабиль Зафар		33 ½	30
	Мазгар Сендет		37 ½	34
	Мазгар Гидает		37 ½	36
	Гюмай Бахри		39 ½	46
	Дад Хак		35 ½	34
0	Каплан Башлы	Употреблен для перевозки леса	33	26
1	Бешир Зафар		31 ½	26
2	Шегаб Бахри	Употреблен для экзерциций	29 ½	28
3	Нусрет Нума		29 ½	28
4	Тылсым Бахри	Употреблен для экзерциций	29 ½	28
5	Тухветул Мулюк	В походе на Белом море	29 ½	26
6	Сеняд Бахри	Там же	29	28
7	Негенк Бахри		27 ½	24
8	Пирр Бахри		27 ½	24
ШЕБЕКИ				
	Пенк Зафар		33 ½	32
	Хысны Газат		33 ½	32
	Мюрг Бахри		30	26
ПОЧТОВЫЕ СУДА				
	Мектуб Кебир		19	16
	Такое ж		19	16
	Мектуб Сагыр		17	14

	Такое ж		17	14
ТРАНСПОРТНЫЕ СУДА				
	Актырма		25	18
	Такое ж		25	18
	Актырма	Из бывшего фрегата	31 ½	28
	Актырма	Из бывшей шебеки	29	28

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 763. Л. 40–41.

ДЕКАБРЬ

17. Капитан-паша велел двум фрегатам представить в виду сераля со стороны Мраморного моря морское сражение, почему оные делали разные морские эволюции. При пальбе из пушек и мелкого ружья; видевшие сие турки вообще изъявляли удовольствие и капитан-паша поручил на месте начальство своего корабля отличившемуся более из них капитану. Сии экзерциции повторены несколько раз.

22. Бывший верховный визирь Юсуф-паша переведен из Трапезона в Джиду.

24. В знатных турецких домах разговоры обращаются на дела Франции... уповательно, что французы будут прилагать старания к заключению с Портою наступательного и оборонительного союза, в коем де будет постановлением главнейший пункт, чтоб соединенными силами стараться возвратить Порте Крымский полуостров.

26. Французы за большим столом праздновали здесь мнимую свою вольность. Стол украшен был знаками их вольности.

ЯНВАРЬ

2. Празднование по случаю бракосочетания капитан-паши.

5. Капитан-паша продолжает в присутствии Государя экзерцировать морские войска и отличающимся чиновникам и рядовым раздает великие награды.

9. Живущие здесь французы праздновали торжество мнимого своего равенства и восстановили в день сей дерево их вольности с навешенными на оном разными знаками, как то красной шапки, пики и проч. Кругом плясали около дерева и оное обнимали, говоря пред собранием речь о вольности и равенстве с поздравлением о насаждении дерева вольности на земле государя самовластного. При поднятии произведен 21 выстрел с французского купеческого судна. В вечеру был бал и весь дом освещен и украшен лавровыми ветками, в продолжение празднества буйное своевольство и совершенный беспорядок занимали главное место... Некоторые драгоманы имели даже шапки, из трех цветов составленные.

13. Английской службы полковник Шмит надеется иметь успехи в помышляемом им проежете об обучении турецких войск военному искусству.

17. Вооружения флота в здешнем адмиралтействе продолжается; недавно посланы повеления о наборе знатного числа матрозов. Эволюции ж и военные экзерциции на кораблях продолжаются в присутствии капитан-паши и прочих флотских начальников, также

и Его Величество султан для обозрения эволюций часто приезжает в увеселительный свой дворец Айнали-Кавак.

Уверяют, будто 60 французских офицеров имеют вступить в службу Порты для обучения ее войск военному порядку, некоторым из них ассигновано от Порты по 4 тыс. пиастров.

29. В следствие именного повеления обнаружено, что военные суда турецкого флота флаги имеют быть красные и точно такие, каковые по ныне алжирцами употреблялись, купеческие же турецкие суда, чтоб употребляли красные с синею вдоль по флагу по середине полосую.

ФЕВРАЛЬ

10. Маневры и эволюции на фрегатах производятся с успехом, доставляющим капитан паше благоволение своего государя.

В адмиралтействе скоро будет спущен один линейный корабль, хотя оный построен довольно крепко, но во всех своих частях надлежащей пропорции не имеет. Сему причина то, что начат и совершается третьим капитан пашою, из коих каждый подавал противные друг другу наставления. К сему же недостаток в лесах и неискусство корабельных мастеров.

14. Порта начала обнажать негодование свое на шалости французов; недавно велено им объявить, что она наконец принуждена будет запретить сим сумасбродам носить национальные банты, яко причиняющие между народом беспорядки, ссоры и смущение.

18. В следствие вводимого здесь в войска регулярства начинает Порта оное с корпуса бомбардиров, минеров и пионеров, яко само наималейших в равенстве между прочими военными.

Генерал Келлер окончил в Киатхане модель измаильской крепости и имеет все в готовности, дабы представить государю регулярную оной атаку.

МАРТ

7. Спущен в адмиралтействе по утру 74-пушечный корабль. А потом ездил Его Величество в Киатхану с двором своим, где чинили разные эволюции турки, бывшие числом около 200 человек под руководством генерала Келлера делали тако ж примерную атаку крепости Измаил. Султан почтил Келлера горностаевою шубою и подарил ему 100 червонцев.

8. В государственном совете трудятся над сочинением нового воинского уложения, имеющего предметом искоренить закоснелые в войсках предрассудки и неустройство и вселять в них добрый порядок и благочиние.

Фрегаты Франции, в следствие объявления войны европейским державам, начали уже в Леванте неприятельские действия против флага российского и австрийского.

14. Вице-адмирал Сеит-Али – алжирский адмирал ожидает сюда один французский корабль, на коем везут для употребления в турецком флоте 100 искусных канониров и 100 матросов*.

16. Генерал Келлер поехал в Англию для набору волонтеров, с коими он намерен произвести в действо проект генеральной реформы оттоманских войск.

Полковник Шмит, который взялся за исправление флота, ожидает решительного положения.

Помышляют уничтожить древнее положение янычар и учредить их на основании новых уложений. Артиллерийский корпус уже одет в униформу со знаком, отличающим их. Намереваются составить их до 12 тысяч и построить им казармы.

АПРЕЛЬ

7. Янычары, коих хотели реформировать, наконец своими угрозами одержали, чтоб их оставить на прежнем основании.

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 763. Л. 7–68.

* К тому времени искусных канониров и матросов не так много оставалось и в самой Франции. –Авт.

РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II

ВИЦЕ-АДМИРАЛУ Н. С. МОРДВИНОВУ О ПОДГОТОВКЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА К
ВОЙНЕ С ТУРЦИЕЙ

В конце 1792 года предварены Вы были рескриптом Нашим о намерении турков разорвать с Нами мир. Угрожение войною от стороны вероломной Порты Оттоманской явилось со дня заключения мира; тогда ж размножены арсеналы для поспешного по разным местам строения кораблей; принято твердое намерение всеми способами увеличить морские силы их и довести оные до 30 линейных кораблей; свободная лесами торговля пресечена и государственные доходы знатно возвышены. Теперь, по последним уточненным известиям, делают они наивеличайшие усилия поставить нам твердые препоны и сильно вооружаются для поражения нападательною войною, в намерении и сухим путем, и водою нечаянно на пределы областей наших. К тому же явное пристрастие их тайные связи и сношения с извергами, бунтующими против всеобщего покоя, Франциею опустошающими, подтверждают те известия и более придают вероятия, что, не токмо желают они, но и действительно разорвут мир; быв побуждаемы французами, и особливо, когда узнают турки о выходе союзных сил из Тулона и о успехах, одержанных на Рейне.

Самая необходимость требует противоположить таковым дерзостным намерениям все способы, коими Всевышний щедро одарил Нам порученную от Него империю, дабы восстать противу толь сильного ополчения и преткнуть оное при самом начале; следует обратить внимание на флоты черноморские, начальству Вашему вверенные.

Корабельный: ограждает знатную часть пределов южной России, изъежает от нападения Тавриду вступлением в Черное море, разрывает на оном связь и сообщение, приносит с собою страх и поражение от берегов Дуная в Азию и до гор Кавказских. Когда сухопутные войска коснительно обращаются в движениях своих и, превозмогая трудности многих испытаний, прийти должны до торжественного успеха, флот поспешною стезею достигнет и чесменским пламенем царьградские объять может стены, но как известно Нам, что настоящее положение оного не соответствует еще судьбе его – и сему предположению, то за благо признали Мы, чтобы для наилучшего исправления и приведения в готовность черноморских наших сил, немедленно отправились Вы к месту своему и заблаговременно употребили бы все способы так изготовить и снабдить сколь можно более надежнейших кораблей, тамо существующих, чтобы непременно в первых числах мая месяца, естли разрыв последует, в море выступить могли и не токмо бы отразить силы турецкие, но и обратить оружие Наше наступательно. Для чего польза дел наших, а паче слава оружия и

честь флага Нашего требуют, чтобы Мы скорыми приуготовлениями предупредили турок и в случае войны, выведя в море флоты Наши прежде вступления и соединения турецких эскадр, располагать могли плавание Наше далее устьев дунайских, чем закроете не токмо все берега российские, но и обеспечите действия гребного флота. Если же удастся предупредить выходом флот турецкий, то плаванием между Бургаса и пролива царьградского, воспрепятствуется соединение флота, вооруженного в константинопольской гавани с частью, обыкновенно находящеюся в Бургасе, а тем самым удобовозможно приобрести способы и выгоды по частям поражать и истреблять силы турецкие. Нет сомнения, что при начале вынужденной со стороны Нашей войны, единою скоростью в приуготовлениях и повсеместною быстротою в действиях воспользоваться можно неготовностью турков и при самом начале удивить их такими предприятиями, коих во все не ожидали. И к отвращению коих не найдутся в готовности, предупредя таким образом турков, приобрести можно с меньшими издержками и с малою потерей выгоды несравненные, по средством коих и прочного мира скорее достигнем. По сим причинам, желаем Мы, чтобы Вы обратили все силы и способы Ваши к наилучшему снабжению всем потребным и к скорейшему приведению в готовность Вам от Нас порученных сил империи Российской, не теряя из виду того, что когда флоты Наши приведены будут в желаемую исправность и совершенную готовность выступить в море и поражать противников тот час после разрыва, то успехи оружия Нашего будут непосредственным того последствием...

Турки столь дерзки и опрометчивы, столь, напротив того, робки и потому от побед, в начале одержанных, зависят почти все последующие. Пораженный же неприятель, а особливо при открытии военных действий, когда новонабранные и еще неопытные мореплаватели его не обыхли к огню и к трудам воинским, есть уже полупобежденный...

Повелеваем достроить начатый 90-пушечный корабль и вооружить его; для будущего времени построить два 70-пушечных...

Возложив оборону берегов... на флоты Черноморские и войска, порученные генералу графу Суворову-Рымникскому... заблаговременно сообщая принять меры, чтобы нигде противники не могли коснуться пределов империи...

Дан в Санкт-Петербурге

Января в 16 день. 1794 года

Екатерина

ПРИКАЗ ВИЦЕ-АДМИРАЛА УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ**17 июля 1794 года**

В предуведомление имею честь командующим рекомендовать, в ходу под парусами всякая надлежность сама по себе видна, как и в каком месте должно содержать суда; стараться всегда по удобности быть ближе корабля командующего флотом, не стесняя только один другого, чтобы не быть в опасности и не сойтись между собою.

Исполнение по сигналам чинить ту ж самую минуту не отложено, как скоро какой сигнал поднят будет. Касательно ж о прибавке парусов, никогда не дожидаться сигнала, лучше иметь их излишнее число, нежели недостаток; никогда не полагаться на ход своих судов, и парусов не убирать до тех пор, пока прямо придут в свое место; подходить же к оному ближе, а потом, убавя паруса, можно сделать всякую сноровку к остановлению хода; ежели оно взнадобится, буде же сигналом требовано будет прибавить парусов, в таком случае не разумеется, чтобы поднять один какой либо парус должно показать весь вид полным числом, что прибавка учинена. Кто имеет все паруса, таковому о прибавке другой сигнал быть уже не может, разве особо замутится какая либо неисправность, и для того на требование по сигналу паруса прибавлять или иметь их все поднятыми, хотя бы и невелика в них была надобность, можно чрез 5–6 или и чрез 3 минуты их подобрать, а вид делать всегда в полном числе, то что исполнение учинено. При всякой эволюции, или ордере каком бы ни было, нижние паруса отнюдь не должны быть закреплены; иметь их на гитовых готовыми, дабы в одну минуту исполнение можно было ими учинить. Коли нам содержать себя одна от другой в умеренной дистанции по свойству пятого ордера де марша, а особо передовым надветренной и подветренной колонн, иметь осторожность быть всегда в своих местах безотлучно, а прочим выравнивать дистанцию, не распространяя оную между другим, сколько можно ближе и не далее 100 сажень один от другого, содержать себя всегда в линиях не выходя из оных.

Ежели где потребуется целыми колоннами спуститься параллельно один другому, начинать исполнение всем вдруг, словом сказать всякое требование показать исполнением полным видом, чтобы было заметно, а потом уже делать сноровку, прибавляя и убавляя паруса, где надобность требует быть под малыми парусами, такой и вид делать, чтобы излишних не было, а что должно исполнять подо многими парусами поднимать все и потом делать уже сноровку. Примыкаться всегда к передовым ежели они в своих местах, не распространяя дистанцию, разве особо надобность потребует ожидать задних, ежели они, идучи в своих местах под всеми парусами, ходом успевать не могут, во всяком случае их

должно несколько ожидать и не весьма разрывать линию, но заметно было, что некоторые, не имея во время доильного числа парусов, отстают и заставляют себя дожидаться, таковых ждать нельзя, а паче сказать с неудовольствием должно принуждать их сигналами. Особо даю заметить, чтобы в отдаленности назади находящимся всегда иметь все паруса или сколько возможно и не убавлять, пока не будут точно в своих местах или близко корабля командующего, буде не в ордере, а наипаче упавшим под ветер никогда парусов не должно убавлять, пока не войдут в свои места, придерживаясь к ветру или поворотом через контр-марш, проходя далее вперед, чтобы одним оборотом можно попасть в свое место, так как и в прошлые годы я об оных писал объяснительно; все оное наблюдать с точностию. Заметил я корабль Св. Троица часто убавляет паруса, далеко еще не дошед до своего места, и большей частью отделяется далеко, также и по сигналам прибавку парусов чинит медлительно; рекомендую командующему оного корабля, корабль содержать всегда ближе в надлежащем месте и по сигналам исполнение чинить туж минуту, не дожидаясь повторения. Эскадра под начальством моим в море находится для обучения практики и эволюции; не есть уже эволюция, ежели исполнение начинается медлительно, или неполным видом. Я объясняюсь обо всем оном подробно и не в какое либо неудовольствие, но желая исполнить долг, возложенной на меня надобности, и паки напоминаю, никто не должны считать своим неудовольствием, ежели кому деланы будут или повторены сигналы; кто все надлежащее исполнит сам собою по предусмотрительности, или по первоучиненному сигналу, таковому повторение делано не будет, а кто, либо не скорым исполнением понудит повторять сигналы, тот сам себе наведет неудовольствие и не на кого другого пенять не может, или будет оно несправедливо.

ПРИКАЗ ВИЦЕ-АДМИРАЛА УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ

7 августа 1794 года

При эволюции 5 числа сего месяца в двух колоннах в линиях, сохраняя дистанцию, во все время держались хорошо, при поворотах; также и экзерциция пушечною пальбою в боевых линиях произведена исправно и в лучшем виде и положении; долгом почитаю командующим и прочим штаб- и обер-офицерам засвидетельствовать мое удовольствие и благодарность; надеюсь также и на будущее время в прочих движениях флота иметь удовольствие.

РЕСКРИПТ ПАВЛА I Ф. Ф. УШАКОВУ
О ПОДГОТОВКЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

4 февраля 1798 года

Повелеваем вооружить из линейного флота двенадцать кораблей, включая в то число большие от 50 до 40 пуш. фрегаты, коими и назначаем командовать вам, а для отделяемой эскадры контр-адмирал Овцын. При флоте надлежит быть нужное число малых фрегатов и авиз, притом доколе флот вооружен будет, учредить крейсерство около крымских берегов для дозоров и по берегам извещательные сигналы. Линейного же флота, доколе не получится прямого известия о входе в Черное море турецкого флота, не экспозировать, а инаково в бурный сезон. Когда же надобность и востребует оному войти, то держаться гораздо севернее Севастополя, дабы при северных крепких ветрах можно было в своих портах иметь убежище; равным образом иметь наблюдение и к Еникальскому проливу, учредя крейсерство. Между тем, приведя себя в готовность, надеюсь, что обезопасены будут все берега Наши от сюрприза; при том без причины не нарушимо будет то доброе согласие, в каком мы пребываем с Портою.

P. S. Хотя поныне со стороны Порты не поданы причины к нарушению доброго согласия, но так как завладение французами берегов, прилежащих к Турции, равно и островов от Венецианской республики, а потому и опасно, дабы не возбудили турок противу нас, почему и делаются сии предосторожности, дабы не быть сюрпрированными.

Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1952. Т. 2. С. 5.

ДОНЕСЕНИЕ В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ОТ ИСПРАВЛЯЮЩЕГО В ПЕРСИИ КОНСУЛЬСКУЮ ДОЛЖНОСТЬ
КОЛЛЕЖСКОГО АСЕССОРА СКИБЫ НЕВСКОГО

9 марта 1798 года

Получил я верное сведение, что в первых числах февраля сего 1798 года по повелению Оттоманской Порты прислан был посланец к лезгинским владельцам... с объявлением им от имени турецкого султана, что вскоре должен будет он иметь войну с россиянами. То, ежели посланы будут российские войска через Дербент в Грузию, старались бы они, яко единоверцы, не только единодушно препятствовать проходу оных войск, но и овладеть пограничными им местами, которые отняты россиянами у предков их, в чем помогать им всемерно будут со своей стороны. На что сии владельцы письменно отвечали султану, что всею душою готовы ему служить.

АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 595. Л. 57.

РАПОРТ Ф. Ф. УШАКОВА

В ЧЕРНОМОРСКОЕ АДМИРАЛТЕЙСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

С ПРОСЬБОЙ О ВОЗМЕЩЕНИИ ЕМУ РАСХОДОВ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ ИЗ
СОБСТВЕННЫХ СРЕДСТВ,НА ПИТАНИЕ БОЛЬНЫХ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
МОРСКОГО ГОСПИТАЛЯ

6 февраля 1798 года

Не безызвестно оному правлению, что я в бытность мою в Севастополе в необходимых случаях и надобностях, когда в Контору Севастопольского порта денег из Черноморского Адмиралтейского правления по неимуществу присылаемо не было, многократно вспомоществовал заимообразно казне выдачею собственных моих денег и тем удовлетворял и поддерживал всякую необходимость, что и сим правлением принимаемо было с удовольствием; по таковым же крайним и необходимым неудобностям в прошлых 1796 и 1797 годах, когда госпитальному подрядчику севастопольскому купцу Крицыну по договору следуемых получать ежемесячно за поставляемые на госпиталь съестные и прочие припасы для содержания больных служителей, денег за многие месяцы в присылке и в выдаче не было, а он содержать госпиталь без получения денег был не в состоянии, по даваемыми ко мне и в Контору Севастопольского порта прошениями о том отзываю и просил моего вспомоществования о продовольствии больных служителей, объявляя, что без того необходимо служители останутся без продовольствия пищею, по таковым крайним необходимостям единственно для их продовольствия выдавал я ему собственные мои деньги, которыми больные служители и довольствованы были; о выдаче ему от меня денег предлагал я многократно в сведение Конторы Севастопольского порта и от него во оную прошения подаваны были, чтобы оные деньги из следуемых ему в выдачу за доставленные им съестные припасы, не выдавая ему, возвратить выдачею мне по сем и состоит он мне должным денег 1 000 рублей. Конторою Севастопольского порта в сие правление и комиссариатскую экспедицию об оных неоднократно тогда ж доносимо было и прошено, чтобы сии деньги, принадлежащие мне из следуемых в выдачу означенному подрядчику Крицыну, удержать и доставить ко мне и резолюцию об оном в Конторе Севастопольского порта указом знать дано, что оные деньги 1 000 рублей из следуемых в выдачу госпитальному подрядчику Крицыну удержаны и в выдачу ко мне доставлены будут. Сверх сего и от меня во оное правление в прошлом 1797 году мая 25 дня, под № 541-м рапортом [о] выдаче мне оных денег прошено, при котором и с прошения подрядчика Крицына копия от меня представлена,

но я и по сие время оных денег из сего правления не получал и по таковому неполучению претерпеваю в собственном моем содержании крайнюю нужду и необходимость и прошу покорнейше Черноморское Адмиралтейское правление оные деньги мне выдать, ибо за поставляемые в госпиталь съестные припасы подрядчику деньги следовали в выдачу ежемесячно, потому в долговых таковые деньги мне принадлежащие с прочими в отлагательство почитаться не должны. Как мне не безызвестно, что подрядчику Крицыну не только после неоднократных донесений Конторы Севастопольского порта, но и после уже моего прошения еще за те поставляемые в госпиталь съестные припасы выдача неоднократно была, да и ныне на содержание госпиталя производится ежемесячно, а я следуемых мне в возврат денег и поныне выдачи не имею и, повторяя, покорнейше прошу означенные деньги повелеть мне без умедления выдать, ибо сии деньги, равно как и прежде даваемые мною, почитаются одолженными от меня в пособие казенных необходимых надобностей, и по вышеозначенным обстоятельствам с давнего времени состоят и почитаются уже за казною, а не за подрядчиком Крицыным и в резолюцию на оное, что определено будет, прошу и ожидаю повеления.

Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1952. Т. 2. С. 5–7.

УКАЗ ПАВЛА I Ф. Ф. УШАКОВУ
О СЛЕДОВАНИИ С ЭСКАДРОЙ К КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ ПРОЛИВУ НА
СОЕДИНЕНИЕ С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ
ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ФРАНЦИИ

Господин вице-адмирал Ушаков!

По отношению к нам пребывающего в Константинополе министра Нашего тайного советника Томары о желании Блистательной Порты вступить с нами в теснейший союз и требовать от Нас помощи противу зловердных намерений Франции, яко буйного народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и богом установленное правительство и законы, водимого единым хищением и граблением чуждого, разрушившего все правила честности и все связи общежития, но и у соседственных народов, которые, по неучастию, были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями, чему показали очевидный пример, сделав ныне впадение во владении Блистательной Порты, в Египте, на порт Александрию.

Вследствие чего и повелели Мы приступить к таковому союзу министру Нашему, но доколе все нужные статьи утверждены будут, повелеваем Вам со вверенною в команду вашу частию флота, согласно повелению, данному от Нас от 25 июля, следовать немедленно к Константинопольскому проливу и, остановясь у входа оного, тотчас послать легкое судно или берегом нарочного с уведомлением о приходе Вашем Нашего министра, и буде Порты требовать будет, то Вы тотчас следовать должны будете туда, где Ваша помощь нужна будет, о чем и получите извещение от Нашего министра.

Вошед в Константинопольский канал, должны Вы иметь всевозможную осторожность от заразительных болезней, по случаю чего Наш министр не оставит Вас известить о нужных мерах сей предосторожности и где должны Вы чего опасаться.

Буде нужда потребует, можете действовать соединенно с турецким флотом как у Дарданелльских крепостей в Мраморном море, так и в самом Архипелаге; равномерно, имея Мы союз и с Великобританией и одну цель с нею, благосостояние соседних держав, дозволяем Вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английскою эскадрою, находящеюся в Средиземном море и делающею поиски над хищным французским флотом.

Пределы, до которых плавание Ваше быть должно в Средиземном море, имеют распространиться не далее Египта, Кандии, Мореи и Венецианского залива, смотря по нужде и обстоятельствам; проходить же каналы не прежде, пока получите на беспрепятственное

возвращение назад в Черное море от стороны Порты через министра Нашего удостоверение.

Донесения Ваши к нам о плавании и действиях эскадры, коль скоро войдете в канал или уже и пройдете оный, имеете доставлять через министра Нашего с купеческими судами, пакетботами или нарочною авизою, смотря по важности дела.

Впрочем, надеемся Мы на Вашу благоусмотрительность, осторожность, храбрость и усердие к службе Нашей. Пребываем к Вам благосклонны.

Павловск

Августа 7 дня 1798 года

Павел

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1289. Л. 25–26.

РЕЛЯЦИЯ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I
О ПРЕБЫВАНИИ ЭСКАДРЫ УШАКОВА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

1 сентября 1798 года

Прошедшего августа 25 числа эскадра Вашего Императорского Величества под начальством вице-адмирал Ушакова при поспешном северном ветре, в ясный полный день вступила в канал Константинопольский и стала на якорь против министерского Вашего Величества дома в Буюк-Дере. Того же дня каймакан паша присылал к вице-адмиралу драгомана адмиралтейства с фруктами и цветами, а 26-го драгоман Порты именем султана поздравил его с благополучным приездом и в знак удовольствия за скорое прибытие эскадры повес ему богатую осыпанную бриллиантами табакерку, вручая при том Декларацию Порты за подписью и печатью реис-ефендия в ответ на Ноту мою о невозбранном проходе обратно эскадры и прочее, с которой турецкую копию представляю.

В тот же день султан объезжал эскадру инкогнито. Он, придворные и гребцы на шести с ним лодках были в боснякском одеянии.

Публика более еще ею обрадована, нежели я полагал. Правление удивляется строгой дисциплине. Юсуф-ага на собрании у визиря говорил, что 12 линейных кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка. Вице-адмирал запретил было петь песни матрозам кораблей, близ домов на рейде стоящих: сие всех изумило; и ныне к общему удовольствию публики на всех кораблях петь дозволил. Формы обхождения министров переменились: драгоман Порты был у меня на бале, а потом на обеде и вечеринке.

Сверх сношений вице-адмирала Ушакова с драгоманами Порты и адмиралтейства, о беликчи /обер-секретарем Бл. Порты/ и лиман-рейсом /капитаном здешнего порта/, назначенным к отведению флота а Дарданеллы, и чрез которых Порта наведывалась о предложениях вице-адмирала в рассуждении следующей кампании, имел он еще конференцию с Измет-беем, реис-ефендием и терсана-эмини /генерал-интендатом/ в присутствии английского министра; я был на всех сих сношениях.

Предложение вице-адмирала, не теряя нимало времени следовать соединенными эскадрами к островам Венецким, и при появлении тамо, атаковать во всех пунктах твердой земли со стороны Албании французов весьма Порте понравилось, которая в сие время встревожена известием, полученным чрез патриарха, об усилении тамо французов войсками, посылаемыми из Анконы. При сближении эскадр к островам положено предварить обывателей объявлениями о соединении сил российских, турецких и английских для освобождения их от ига французов. Проект такового объединения, сообщенный мною

турецким и английскому министрам, здесь высылаю.

Неведение мое виною, что до прибытия эскадры Вашего Императорского Величества не предуведомил я министерство турецкое, что общему обыкновению европейских держав вспомогательная эскадра должна содержание получать от Порты Оттоманской. Но, увидя теперь из письма вице-адмирала Кушелева противное, я с драгоманом Порты о том объяснился и господин вице-адмирал Ушаков вследствие высочайших к нему повелений тоже исполнил. Князь Ипсиланти отвечал, что, по-видимому, договоры союза вскоре начнутся и что сие положительно учредится, а между тем Порта все надобное для эскадры доставлять будет.

Вследствие высочайшего повеления от 28 июля и отзыва генерала от инфантерии гр. Гудовича от 14 августа, предъявил я Порте помощь Вашего Величества на сухом пути армией более 70 тыс. человек, если нужно противу французов, или отрядом в подкрепление войск Порты, держащих в осаде Видин. Предложения сии приняты как должно с наичувствительнейшей признательностию. В армии противу французов Порта не предвидит еще надобности, надеясь, по средствами вышесказанного плана соединенных эскадр выгнать французов из Венецких островов, а противу Видина, сколь ни желает падения оногo, христианские войска употребить министры опасаются. Позван-Оглу повсеместно меж чернью слывет защитником древнего обычая...

... Фирманы от Порты отправляются во все пристани Средиземного моря о вспомоществовании и доставлении всего нужного эскадре российской и таковые же в острова Родос, Метелин и Бурдрум, где имеются верфи для строения военных кораблей на случай нужной какой починки...

Манифест объявления войны с Францией мне уже сообщили, но оный так длинен, что несколько дней надобно для переводу.

Обстоятельное известие адмирала Нельсона об истреблении эскадры французской на рейде Абукир или, как адмирал Нельсон называет, при реке Нил, здесь влагаю, тако ж и план оной рейды и баталии.

Бонапарте, по известиям, находится в лагере под Каиром, которым повелевает. Он потерял много на последнем сражении при Джизе, сие утверждается точно. Коммуникация его с Александриею арабами пресечена.

Эскадра Вашего Императорского Величества окружаемая беспрестанно переменяющимися зрителями на лодках и на берегу собирающимися.

Его Величество султан прислал чрез драгомана Порты для раздачи нижним чинам эскадры 10 тыс. пиастров...

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 1–8.

СЕНТЯБРЬ

1. Патриарх Константинопольский призвал к себе находящихся здесь прежде бывших Венецианских островов жителей, обнадеживая их покровительством Порты, что принято было ими с изъявлением удовольствия. Советовал при том им также ежели они хотят вступить во флот турецкой в службу и с оным отправиться в Отечество свое.

2. Уверяют, что французы всячески старались произвести здесь бунт внушением разных нелепых разглашений по поводу прибытия сюда российской императорской эскадры и что некоторые из них, разъезжая по каналу, даже записывали даже турецких вельмож. Правительство потому сильно умножило полицию.

Смененный верховный визирь /Изет Мегмет паша/ сослан в остров Хио.

6. Прибыл из Синопа линейный новый корабль под командою освобожденного из ссылки Сеит-Алия, командовавшего эскадрою турецкою на Черном море в последнюю войну.

8. Российская императорская эскадра при благополучном ветре, снявшись с якоря из Буюк-Дере, отправилась в свой путь. В проходе ее каналом и мимо столицы берега и дома наполнены были обоюга пола зрителями. Проходя эскадру турецкую, салютировал господин вице-адмирал Ушаков капитан-пашинскому флагу 17-ю выстрелами. Бешикташу, где его Величество Султан присутствовать изволил, 31-м выстрелом при кричании матрозами ура и при игрании на трубах и барабанном бое. Топхане 15-ю, и Зимнему Дворцу 21-м выстрелом же. На что с эскадры ответствовало ему было 17-ю, а от Топханы 15-ю выстрелами. Протчие же военные корабли и фрегаты отдавали только одному султану честь ружьем, барабанным боем, игранием на трубах и кричанием ура.

9. Снялась турецкая эскадра, против порта Киоя стоящая, и отправилась в след за российской к Дарданеллам.

Турки и вся публика занимаются теперь разговорами о строгой дисциплине и послушании российских войск в бытность их в Буюк-Дере. Они служили примером и турецким матрозам, ибо никто из жителей здешних не запомнит, чтоб здешние матрозы при нынешнем выступлении своем столь были кротки, не причиняя жителям никаких по улицам обид.

По письмам из Санта Мавры острова, венецианцам принадлежащего, гласит, что тамошние жители присланного туда из Корфу эмиссара для собрания контрибуции,

состоящей из 4 тыс. реал /12 тыс. пиастров/ убили, а другого в след за ним приехавшего палочьями изувечили.

Другие письма с Венецианских островов извещают, что по получении там известий о повелении здесь не носить французам кокарды и проч. республиканцы на островах и на твердой земле в Албании бывшие, во множестве начали ретироваться для защищения себя в Корфу. Что там считают теперь французского гарнизона до 5 тыс., в Заяте до 400, в Цефалонии до 300 и в Цериго до 50 человек.

10. Патриарх Константинопольский по приказанию Порты выдал в публику свое пастырское к народу, обитающему на прежде бывших Венецианских островах, увещание. Приглашал оных свергнуть с себя иго французского порабощения и учредить у себя под покровительством трех союзных дворов правительство наподобие рагузского, или какое ими за благо признано будет. Обнародование сие в островских жителях, здесь находящихся, производит великое удовольствие, кои полагают, что при появлении Российского Императорского флага около тамошних мест, жители непременно против французов восстанут и что главная будет трудность в завладении крепости Корфу, особливо, ежели она достаточно снабдена военными и съестными припасами.

26. Бывший в Дарданеллах Осман-ефенди весьма хорошо отзывается Порте на счет вице-адмирала Ушакова по поводу принятого обхождения его с начальствующими там как морскими, так и сухопутными.

28. По известиям из Корфу, французы с бывших Венецианских островов туда съезжаются, что гарнизон их там уже за 7 тыс. человек, не имея, однако же, достаточного числа провианта. Прибыл туда корабль из Александрии.

РЕСКРИПТ ПАВЛА I
ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ПОСЛУ В ВЕНЕ
А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Решившись с союзниками Нашими составить общее дело для укрощения неприятеля, подвигнувшегося на испровержения всякого благоустроенного Правительства, Мы первым почитали долгом обратить как морские, так и сухопутные силы Наши, поелику положение Наше дозволяло и обстоятельства требовали, предоставляя времени согласиться с державами, в войне участвующими, о следствиях ее, а смотря по успехам и другим уважениям об удовлетворениях, полагая главным и существенным, достижение вышесказанной цели, то есть приведение в надлежащие границы неприятеля, и наблюдая, чтоб в таковых союзниками предполагаемых для себя удовлетворениях отдален был и малейший повод к раздорам, на которых и все превозможение французов до ныне основано было: а дабы более облегчить дело, завременно объявили Мы как Порте Оттоманской, так и Англии и другим Державам нежелание Наше искать новых приобретений.

По первым известиям о Нашей решимости, и когда уже успехи аглинской морской силы, да и самим объявлением Портою войны французам, уничтожены все на Средиземном море препятствия сих последних, Мы получили от стороны короля великобританского дружеское уверение, что относительно помянутого моря и лежащих на нем земле разделяет он с Нами удаление от всякого собственного вида, а желает только вступить в согласие о будущем жребии тех областей, которые из под несправедливого владения французов исторгнуты будут: хотя Мы отнюдь не имеем намерения прекословить пользам и выгодам, котрые император римский союзник Наш может приобрести себе войною на щет французов и так называемых их союзных республик, а прямо сказать, провинции в Италии им подвластных, на противу ж того, искренно желаем, да и действиями наших морских сил в Средиземном море способствуем, чтоб он таковыми приобретениями, награждая свои в другом крае потери, опровергнул там всякое французское влияние, и тем стеснил сферу злодействий сего народа в собственных его пределах; но не может оставить без внимания дошедшие к Нам сведения, что по отзыву некоторых из жителей островов бывших венецианских, венский двор дозволил им поднять флаг австрийский, и тем ознаменовать свое над нами владычество.

Многие уважения встречаются, кои подобную решимость, естли она существует, делают неудобною. Мы обыкли говорить с союзниками Нашими искренно, и изъясняться не

обинуясь по общим Нашим интересам. Мы знали заранее, что Порта ощущала опасение, дабы острова сии не достались какой либо сильной державе, ввергая ее в большую еще заботу, нежели в какой она себя прежде почитала. Без сомнения она имела цель на сии земли, но Мы, находя приличным успокаивать ее в первом, отвращали колико можно исполнение последнего; а потом и видим с удовольствием, что она вместо присвоения островов в свое непосредственное владение, органичивала свои желания в одном только угле со стороны Албании, который по трактату в Кампо-Формио заключенному, присвоен был французам; об островах же бывших венецианских отзывалась она, что охотно видела бы устройство их в образе республики по примеру Рагузской или иному, как то и обнародовано по ее собственному признанию грамотою Константинопольского патриарха к единоверным жителям тамошним: Мысль сию одобрили Мы в полной мере, с таковым только дополнением, чтоб свобода их природной веры, и существование сей новой области обеспечены были Нашим и прочим в войне участвующих держав ручательством. Ежели Мы по сие время не снеслися с венским двором, то причиною тому было самую убедительную, что, имея от него частые отзывы, что он сохранит свой мир в Кампо-Формио заключенный, покуда явно побужден не будет разорвать оный, не могли Мы потому ожидать, чтоб в самое то время, когда Черноморский Наш флот вместе с турецким отправилися на действия противу неприятеля и направили путь свой к островам для изторжения их из под ига французского, венский двор без предварительного с Нами сношения и прежде вступления своего в войну, согласился на предложение частных людей и дал повеление, которое тем более может навлечь затруднения, что вице-адмирал Ушаков, обращаясь к островам с Нашими и турецкими морскими силами, объявил жителям оных намерения обеих союзных держав, ограниченные в освобождении их и восстановлении их вольности.

Сего ради, поручаем вам изъясниться с министерством Его Императорского Королевского Величества сообщением в точности всего вышесказанного, присовокупя, что Мы от доброй веры и дружбы союзника Нашего ожидаем, что он, соглашаяся с Нами в устройении жребия сих островов на помянутом основании, отымет всякий повод к недоразумениям с Портою, которую удерживать в добрых расположениях и в продолжении ее действий требует общая Наша польза: При чем повторите, что относительно распоряжений при общем мире на твердой земле в Италии, всякое выгодное и к безопасности австрийской монархии служащее положение о границах ее, встретит с Нашей стороны всевозможное и взаимной дружбе Нашей сходствующее пособие.

За тем предлежит еще дело, касающееся до острова Мальты. Из доставленных вам от министерства Нашего бумаг вы видели акты, состоявшиеся в собрании кавалеров ордена

Святого Иоанна Иерусалимского Российского великого приорства и других тут случившихся, по поводу предосудительных поступков бывшего гроссмейстера того ордена Гомпеша и прочих в правлении и делах участвовавших, обезславивших себя безобразною отдачею неприятелю крепостей и всего владения. Приняв главное начальство над благонамеренным обществом сего ордена, которое не быв причастно малодушию или и корысти бывшего гроссмейстера и его единомышленных не предполагал отнюдь простирать владычество Наше на Остров Мальту, яко принадлежащей к империи Всероссийской, но почитая оный как собственность кавалерского общества, предполагаем, когда с помощью Божиею он у неприятеля отнят будет, восставить в нем от имени того ордена, по средством членов его, надлежащее управление, сходственное с установлениями их и предохраняя все те права, которые в рассуждении веры там существовавшей до сем и отношений, бывших к другим державам, исключая тех, кои учинилися уже неприятельскими Нашими и союзников наших настояли; о чем вы также предуведомите венский двор, в ожидании покуда Мы подробнее о сей материи сообщим вам Наши намерения; но при том завременно уверьте, что в оных ничто предосудительное чьему либо достоинству или интересам заключаться не будет.

Дан в С.П.бурге

Октября 30 1798 года

Павел

УКАЗ ПАВЛА I
О НАГРАЖДЕНИИ Ф. Ф. УШАКОВА
ОРДЕНОМ
СВЯТОГО ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Нам любезному вице-адмиралу Ушакову.

Усердная служба и храбрые против неприятеля подвиги Ваши, приобретенные Наше Императорское особливое благоволение дают Вам право к причислению Вас в число кавалеров знаменитого ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Мы потому пожаловали Вас кавалером сего ордена, присовокупляя к оному командорство в 2000 рублях ежегодного дохода состоящее и знаки к тому принадлежащие для возложения на Вас доставляем, Божию препоручая Вас сохранению.

В С.Петербурге

Декабря 21 дня 1798 года.

Павел

ПЕРЕВОД ПИСЬМА ЛОРДА НЕЛЬСОНА ЛОРДУ СЕН-ВИНЦЕНТУ

29 декабря (н.с.) 1798 года

Милорд,

22-го числа я писал к командору Дукворту, уведомляя его, что королевская фамилия Обеих Сицилий съехала благополучно на корабль Вангард, и просил его уведомить при первом случае Ваше Превосходительство о сем происшествии. За несколько дней пред их сюда приездом нетрудно было предвидеть, что сие могло последовать, почему я и послал за Голиафом, находящимся возле Мальты, и за капитаном Трубриджем на корабле Куллоден, и его эскадру, бывшею у северного и западного берегов Италии, ибо один только Вангард был в Неаполитанском заливе. 14-го, по прибытии сюда маркиза де Ница с тремя кораблями португальской эскадры из Ливорны, а капитан Гоп с фрегатом Алкмен из Египта; с сего времени опасность для личного сохранения их сицилийских величеств начала умножаться всякий день, и новые измены были открываемы даже военному министру. Вся переписка, касательно важного сего дела, производима была с величайшим искусством королевою и леди Гамильтон; ибо как они беспрестанно между собою переписывались, то и не можно было иметь от сего никакого подозрения. Весьма бы неблагоприятно было ходить во дворец или кавалеру Гамильтону, или мне, ибо известно нам было, якобинцы примечали, и что даже они по глупости своей думали арестовать нас как аманатов против атаки Неаполя, буде французы овладеют оным. Леди Гамильтон от сего времени по 21-е число получала всякую ночь алмазы королевской фамилии и проч. и проч. и столько одеяния, сколько потребно было для великой партии, имеющей садиться на корабль, что простиралось, как я уверен, до двух миллионов пяти сот тысяч ф. стерл. 18-го генерал Мак писал, что он не имеет никакой надежды остановить успехи французов и просил Их Величества удалиться из Неаполя с августейшею фамилиею как возможно скоро. Весь неаполитанский флот, состоящий из трех линейных кораблей и трех фрегатов, выведен был из гавани; матросы двух линейных кораблей в гавани оставили свои корабли и пошли на берег. Несколь английских матросов с офицерами были посланы с Вангарда для провождения оных в безопасное место. От 18-го выдумывали разные способы для переведения из дворца королевской фамилии к берегу. 19-го я получил записку от генерала Актона, что королю угодно было апробовать мой план сесть им на корабль сей день. 20-го и 21-го великие собрания народа были в движении, многие были убиты, и одного тащили за ноги ко дворцу. 20-го чернь настояла, чтоб королевская фамилия не оставляла Неаполя, однако успокоена была речью короля и королевы. 21-го в 8 часов утра три шлюпки со мною и капитаном Гоп пристали к углу

арсенала. Я пошел во дворец и вывел королевскую фамилию, посадил их в шлюпки и в половине девятого они благополучно прибыли на Вангард. Потом я уведомил немедленно всех британских купцов, что они будут приняты на какойнибудь корабль в эскадре. Лучшее их имение положено было прежде на три английские транспортные судна, которые от части были пусты, и я приказал бросить в воду всю негодную провизию, дабы очистить место для их пожитков. Кавалер Гамильтон приказал также нанять для принятия французских выходцев двое судов и снабдить их провизиею из наших транспортов. Словом сказать, все было сделано для утешения всех севших на суда. Я не забыл в сии важные минуты, что долг мой требовал не допустить неапольские военные корабли впасть в руки французов, следовательно для созжения оных прежде моего отправления; но причины представленные от их сицилийских величеств заставили меня отложить сие намерение до последнего часа; почему я приказал маркизу де Ница поставить все неаполитанские корабли перед эскадрою, под его командою находящеюся, и, ежели возможно, снабдить некоторые из них какиминибудь мачтами и послать их в Мессину, в случае приближения французов к Неаполю, или народного бунта против законного правления, истребить тотчас военные корабли и соединиться со мною в Палерме, оставив один или два корабля для крейсирования между Капри и Исхия, дабы не допустить, чтобы английские корабли входили в Неаполитанский залив. 23-го в 7 ч пополудни Вангар, Самнит, Архимед и около 20 других судов оставили Неаполитанский залив. На другой день встал такой ветер, которого я не видал во все мое пребывание на море. Ваше Превосходительство, поверьте, что беспокойство мое не было уменьшено великою клажею, которая находилась сл мною, но ни слова о беспокойстве не слышно было из уст королевской фамилии. 25-го в 9 ч утра принц Альберт их величеств младший сын, позавтракавши весьма сильно сделался болен и в 7 ч пополудни скончался на руках у леди Гамильтон. Здесь я должен сказать Вашему Превосходительству, что вся королевская фамилия и я весьма обязаны в сем несчастном случае ее превосходительству. Они по необходимости прибыли на корабль без постелеи, да и нельзя было сделать никакого приготовления для их принятия. Леди Гамильтон снабдила своею постелью, бельем и проч. и сделалась их рабою, ибо, выключая одного человека, никто из принадлежащих Его Королевскому Величеству не помогал королевской фамилии. Леди Гамильтон не ложалась в постель все время, что они были на корабле. Добрый кавалер Вильям жертвовал также всем для доставления утешения августейшей фамилии, находившейся с ним на корабле. Я должен донести Вам о добросердечии капитана Гарди и прочих офицеров на Вангарде, которые все охотно отдали свои постели в угождение многочисленной свиты королевской фамилии. В 3 ч пополудни, будучи в виду Палермы, королевский штандарт Его Королевского Величества

был поднят барм-стенге Вангарда, который до тех пор на оной висел, пока Его Величество не сошел на шлюпке, куда помянутый штандарт перенесен, и оному отдаваема была из корабля приличная почать. Как сроко Его Королевское Величество вышел на берег, то штандарт сняли с шлюпки. Вангард стал на якорь в 2 часа по утру 26-го числа. В 5 ч я проводилна берег королеву и всех принцев. Ее Величество была столь тронута смертью принца Альберта, что не могла снести ийти на берег публичным образом. В 9 ч утра Его Величество отправился на берег и был принят с громчайшими восклицаниями и видимою радостию.

АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 508. Л. 66–69.

СИГНАЛЫ ДЛЯ АТАКИ КРЕПОСТИ КОРФУ,
СОСТАВЛЕННЫЕ Ф. Ф. УШАКОВЫМ

№ Флага	Ф	№ Уста- новки	Сигналы для Атаки Острова видо и крепости Корфу.
0		616	Приготовиться и попытаться атаковать остров видо.
1		617	Попытаться атаковать первую батарею, и стараться забить снаряды пушки, и людей отогнать от пушек.
2		618	Подойти на близкую дистанцию.
3		619	Подойти на картежной выстрел.
4		620	Стать на якорь штринголь чтобы удобно дей- ствовать в течение лета <small>Пришгане.</small> Иметь прозорливостъ тащить восте те лета ели можно уловить прикрѣтѣа и спрятавшася, не терять.
5		621	Стать на якорь штринголь, и наперть не напе- гивая штрингов, завести съпостышностѣю съ корами кабальтою закрепить заборъ и его разорвать и отплатить прогъ.
6		622	Завести перилья или кабальтою на берегъ, за- крепить за нахиданнѣ деревя на берегу, и ихъ от- таскивать прогъ и окестить мѣсто для дранта.
7		623	Подойти еще ближе къ берегу, что бы можно картежно все лета очищать.
8		624	Подвинуться направо.
9		625	Подвинуться на лѣво.

ПРИКАЗ

Ф. Ф. УШАКОВА ПОДПОЛКОВНИКУ СКИПОРУ

13 февраля 1799 года

Приказ

13. февраля
1799. год

Во исполнение подполковнику Скипору
и командиру Давид, и командиру Штиль
рова Ратманова.

и капитанов назначенных Давид, Штиль
рова Ратмановых в уездные
штатские воеводы,

Скарабелю полагая в том же
Скарабелю в б. 7- здесь находн

шукля по 50 человек рядовых
артиллерии и фуражиров. в форсирован

казанском и писанная по 25. 25
ловлей по 1000 человек в
кавалерии рядовых 350. человек

в кавалерии в б. 10. в. По донесению
Штиль Ратманова урядников и офицеров
на кавалерии в кавалерии корабель и форсирован

кавалерии в б. 10. в. По донесению
Штиль Ратманова по в. х. в. По донесению
покорение здесь по в. х. в. По донесению

в б. 10. в. По донесению Штиль Ратманова
о в. х. в. По донесению Штиль Ратманова
о в. х. в. По донесению Штиль Ратманова
о в. х. в. По донесению Штиль Ратманова

Виссарион Ратманов

Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. – СПб., 1856. Ч. 1, С. 296.

РАПОРТ

Ф. Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I

О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ

21 февраля 1799 года

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: сильными действиями соединенных эскадр, атакующих крепости Корфу, принудили мы напоследок к сдаче оные на договоре. По стечению разных обстоятельств, понуждающих к скорой решительности, предпринял я обще с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем атаковать оные всеми силами с моря и сухого пути решительно. 18 числа сего месяца, по приуготовлении всех надлежностей к штурмованию крепостей и острова Видо с северной и восточной стороны, остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближайшую дистанцию, даже на действительный картечный выстрел, став на якоря, шпрингом оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных кругом всего берега; произведена сильная канонада ядрами и картечью по местоположению. Сколь ни выгодны были к защищению себя, батареи все оные сбиты, французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частью со оных мест бежать во внутрь острова, в другие укрепленные места, а прочие полегли на берегу в траншеях; в ту ж минуту по учиненным сигналам свезен от нас десант на берег, и храбростию победоносных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой же храбростию бросились во все места острова, неприятель разбит и побежден. Из бывших в сие время на острове до осьмисот французов со всем их подкреплением из крепости едва успели немногие только на гребных судах возвратиться в крепости, прочие побиты и потоплены. В плен взяты генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, многие офицеры и солдат до двухсот, о убитых и потопленных обстоятельно еще неизвестно. С нашей стороны с обеих эскадр убитых и раненых весьма малое число: российской эскадры не более 15 человек, с турецкой сколько, обстоятельно также еще неизвестно. Во время ж производимого действия на острове войска наши, соответствием, по данным им повелениям, находящиеся на батареях, соединясь с албанцами, атаковали наружные укрепления крепостей и из оных штурмом, производя сильный бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и оным овладели; французов при оном сражении также убито и ранено немалое число, а с нашей стороны вверенной мне эскадры убитых 21, раненых до 55 человек, турок и албанцев также небольшое количество, да на батареях при

деревне Мандукьо и на мысу Св. Пантелеймона убитых и раненых российских войск до 20-ти человек.

19 числа из крепости Корфу от командующих генералов прислано ко мне письмо с просьбою на малое время, на сколько я положу, прекратить военные действия и пролитие крови храбрых войск обоюдных сторон и приступить к договорам о сдаче крепостей. Я по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем положили сроку на 24 часа и в сие время с обеих сторон договоры нами кончены и подписанные от французов нами получены, таковой же и с нашей стороны им дан. Крепости Корфу с артиллериею и со всеми их принадлежностями сданы будут нам чрез один день от подписания договоров, какого содержания письмо, присланное ко мне от генералитета французского, и договор, между нами сделанный, точные копии вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу. Морские войска вашего императорского величества и все командующие оными порученные на них дела и исполнения производили с беспримерной храбростию и радением, о которых и об отличившихся ревностию и усердием, по собрании сведений обо всех обстоятельствах, с подробностию всеподданнейше донесу вашему императорскому величеству особою реляциею, а теперь по экстренному случаю отправляющагося на судне курьера в Триест никаких подробностей и обстоятельств, требующихся к донесению, описать не успел.

Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1952. Т. 2. С. 385, 386.

ПИСЬМО В. С. ТОМАРЫ А. К. РАЗУМОВСКОМУ В ВЕНУ

О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ

7/18 марта 1799 года

Имею честь поздравить Ваше Сиятельство с совершившимся приобретением соединенными эскадрами островов, прежде бывших венецианских. Известие о сем получил я от вице-адмирала Ушакова вчерашний день, но весьма сокращенное по многоделию его и при обещании вскоре пространнейшего и знаю только из писем его ко мне и верховному визирю, что 18-го прошедшего февраля защищающие со стороны моря пристань острова Корфу, остров Видо, сильно французами укрепленный, был обложен кораблями и фрегатами и по сильной канонаде, повредившей его укрепления, был взят приступом с весьма малою потерей людей. Французы с крепости сикурсовали оной, но сикурс был разбит. Вице-адмирал пишет, что при сем деле спасли только генерала Пиврона, командующего сикурсом, несколько офицеров и до 200 рядовых; прочие в скоропостижном сем деле были побиты или потонули. Того же дня было атаковано большее и сильнейшее из наружных укреплений С. Сальвадор и взято приступом же. В последнем деле отличился патрона-бей – контр-адмирал турецкой эскадры. 19 комиссар правления дивизионный генерал Сравор командующие французские предложили сдаться на договоры, которые и были подписаны 20-го о сдаче чрез 24 часа всех укреплений. Важность сего приобретения и образ, коим оно последовало, усугубляет удовольствие всякого сына Отечества, и я спешу сообщить оное на сей почте Вашему Сиятельству.

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1466. Л. 7, 7 об.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ

Милостивый государь

Василий Степанович!

Крепости острова Корфу старая и новая и особо к новой крепости множество наружных пристроек укрепления имеют бесподобные и необходимо надобно, чтобы оные крепости караулом и содержанием заняты были регулярными войсками, которого при эскадрах, чтобы оставить во оных крепостях, у нас совсем нет, ежели оставим мы их без войска и буде французы оными крепостями по отсутствию нашему овладеют вновь и ежели содержать будут в них до десяти тысяч войска, то в другой раз весьма трудно будет от них отнять, посему и представил я об оном Его Императорскому Величеству: Со всеподданнейшего рапорта моего при сем прилагаю точную копию, не благоугодно ли будет Вам объяснитьсь об оном с Блистательной Портою оттоманскою и что определено будет меня не оставить Вашим уведомлением. Турок же и албанцев жители здешние никак в крепостях и в городе иметь не желают, опасаяся разорения, какое уже часто с ними случается, а особо, что церкви их как иконостас и образа все разбито и истреблено обыватели. Обыватели всего острова чрез сие столько озлоблены, ежели бы наиприлежнейшие мои старания не удержали их единоверие наше с ними, то давно бы они все взбунтовались. С тех пор как албанские войска хотя они и в небольшом количестве перебрались сюда к нам на вспоможение и турки на батареях с нашими больше и против вылазок в сикурс от нас посылаемые поделали в деревнях великие разорения и (...) в церквах, всего, как выше объявлено, жители озлобились даже противу нас. Во всем нам уже ничем не помогали. Сколько раз я их на помощь не призывал, никогда уже не пришли. С тех пор показали себя более преданными к французам, и теперь даже заметно боятся, чтобы не остались здесь турецкие и албанские войска, желают лучше быть у французов, не знаю, могу ли я их успокоить и привлечь к нам по-прежнему, пока не было здесь албанцев. Пожалуйтесь об оном, объяснитесь и как сие расположить должно будет и откуда войска мы возьмем, чтобы сие место предохранить на будущее время от французов. Не угодно ли Вам будет писать от себя к Его Императорскому Величеству в ожидании благосклонного уведомления.

С наивсегдашним моим почитанием и совершенною преданностью имею честь быть.

13 марта
1799 года

Милостивейший государь
Вашего превосходительства

Благополучный корабль
Св. Павел в Корфу состоящий

Покорнейший слуга
Федор Ушаков

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 141–142.

РЕЛЯЦИЯ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I

16/27 марта 1799 года

Взятие крепостей на острове Корфу произвело несказанное удовольствие в публике. С начала прихода эскадры в острова скорое покорение разных малых укреплений острова Корфу французы противится не станут и мнение сие подтвердили известия о малом запасе провианта; но когда потом сведения, что крепость снабжена довольном количеством пшеницы в зерне и военною амунициею и что имеем 3 тысячи гарнизона сверх судов; то многие из министров, а именно Челеби Мустафа эфенди открыто в последнее время говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может. Султан посылает вице-адмиралу один из своих членгов без пера, как лорду Нельсону, и такую же соболью шубу, тысячу червонец на мелкие его расходы и 3 500 червонцев для раздачи отличившимся под его командою и приказал верховному визирю написать к нему от имени своего письмо и фирман с похвалою, который имеет быть читан публично в эскадре турецкой.

Я приметил ноту Порты на донесение, а между тем заведутся в островах Венецианских сходственные с высочайшею волею Вашего Императорского Величества производимые вице-адмиралом Ушаковым, сделают первое основание новой Республики...

Капитан паша возвратился сюда 9-го сего течения. Кючук Гуссейн принял первого драгомана Фонтонна, посланного к нему поздравить с приездом, выхвалял подвиги вице-адмирала Ушакова и заметил с неудовольствием беспорядочную поставку провианта, о чем уведомил его Кадыр-бей.

ПИСЬМО

В. С. ТОМАРЫ Ф. Ф. УШАКОВУ
О ДАЛЬНЕЙШИХ ЗАДАЧАХ ЭСКАДРЫ

Радостное известие о покорении Вашим Превосходительством славных крепостей О-ва Корефу, получил я 5-го сего течения, и того же часа с нарочною Естафетою отправил всеподданнейший рапорт Ваш к Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю нашему. Примите, Милостивый Государь мой, всеискреннейшее мое поздравление, изъявляемое Вам с чувствами подданнейшего единого с Вами Государя и сына единого же Отечества. Одержанная Вами победа утвердит упование все благомыслящей Эвропы, что оружие наше превозможет и силы, и козни извергов, устремившихся на порабощение рода человеческого. И в самом деле завоевание островов Егейских, довершенное Вами без Армии, без Артиллерии и, что больше, без Хлеба представляет не токмо знаменитый воинский подвиг, но и первое в столь долговременную войну отторжение целого члена Республики, наименовавшейся единою и нераздельною.

Его Величество Султан шлет Вам Челенг (перо даваемое победителям) как Лорду Нольсону, соболью шубу, тысячу червонных на мелкие издержки и приказал Верховному Визирю написать к Вам от имени своего письмо и при том фирман с похвалою Вашею, который имеет быть читан публично в Эскадре Турецкой; сверх того для раздачи по благоизволению Вашему, кто из подкомандных Ваших более отличился, 3500 червонных...

Касательно употребления соединенных Эскадр впредь в рассуждении занятия по требованию Его Величества короля Обоих Сицилии Мессины; блокирования Анконы; очищения Адриатического пролива от разбойников, с той же Анконы выходящих; содержания отряда Эскадры при О-ве Кандии для сообщения и, в случае нужды, усиления Англичан в Египте; равномерно и об учреждении правления в островах Венецких, старался я убедить Министерство турецкое, снабдя Эскадры в самоскорейшем времени всем нужным и усиля Эскадру турецкую некоторым числом албанцов, предать все сие на распоряжение Вашего Превосходительства... С Министрами турецкими предполагали мы, что Ваше Превосходительство, обратя надежнейшую часть обеих Эскадр к Мессине, Анконе и к Кандии, оставите другую для потребной починки после столь многотрудной кампании в О-ве Корфу, где должны находиться к тому средства изготовленные еще Венецианцами. В таковой отдаче на распоряжение Ваше всего, имел я в виду, чтобы под руководством и в присутствии Вашего Превосходительства обыватели островов положили начало действия к образованию себя в правление, сходное воли Всемилостивейшего Государя нашего

Императора, в Республику на подобие Рагузской и с таковою же политическою зависимостью от Порты. Приступом к сему должно послужить со стороны обывателей обнародованной Портой известной Вам Святейшего Патриарха Манифест, в котором Правление таковое сама Порта апробует, и открытое дозволение с Вашей стороны, основанное на том же Манифесте, и согласных оному Высочайших Его Императорского Величества повелениях. В случае какого либо затруднения со стороны турков, прошу объявить наотрез, что и я таковые же имею повеления, что Порта об оных ведает и что сие так должно быть. Я о сем настою по тому, что Порта предизбирает ныне другой род правления, для нее угоднейший; но представление о сем Высочайший Двор отверг. Местные обстоятельства удерживают меня на малое время сходственным образом с Портою объясниться; но как терять времени не следует дабы дела иногда не взяли течения не по желанию нашему и что на волю Государя должна наконец Порта приступить, то для предупреждения излишних уверток и толков, надлежит обывателям, взяв наименование Республики им удобное, избрать Сенат и прислать к Порте для установления дел своих по примеру рагузейцов одного или двух Послов людей рассудительных, спокойных и не трусов; тако ж отправить двух послов к Высочайшему Двору. В наказ послам не должно забыть требовать не иметь отнюдь никакого Гарнизона в Островах и запрещения кому либо из магометан приобретать недвижимые имения и иметь жительство в краю. Сие преимущества не только Рагуза, но Молдавия и Валахия имеют. Место пребывания нового правления должно быть непременно в городе острова Корфу; крепости к тому же. Правлению поручены и все сие, Милостивый Государь мой, прежде отправления Вашего так учредить или таким образом другому учреждению поверить, чтобы непременно и в скором времени исполнено было...

Пера 17 Марта. 1799 года.

Василий Томара.

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 103–106.

РЕЛЯЦИЯ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I

1/12 апреля 1799 года

Когда на свидании с капитан пашой говорил я, что вице-адмирал Ушаков рекомендует поведение Кабыр-бея и при взятии С. Сальвадора контр-адмирала турецкого, то Кючук Гуссейн ответил, что яко союзники и потому искренние друзья должно нам говорить откровенно между собою; что Кадыр-бей есть его креатура, человек добрый и, думает он, храбрый, также и патрона бей: но что другой заслуги оба они иметь не могут, как слепое послушание вице-адмиралу Ушакову, и что сие самое Кадыр-бею он в письмах своих всегда подтверждал; что для службы государя и пользы дел, естли бы он был на его месте, то подал бы пример послушания к командующему Российской эскадрою. А в рассуждении Тенеделенли Али-паши поручил мне писать к вице-адмиралу, что он есть один из невернейших пашей; всегда был друг французам и что войск его ни под каким видом не должно впускать в крепость острова Корфу.

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 890. Л. 6 об., 7.

Переводъ Копіи Статутей, содержащихъ въ Планк-
времянаго семн соединенныхъ Острововъ Правленія,
выпущенныхъ подъ Сенатскихъ протоколовъ.

№ 1.

21.) Сенатъ избираетъ гла-
вною Президентна., не изъ своихъ
словесія, которыя представлятъ
первенствующую главу; но
имеетъ одинъ и равныи въ про-
снни головъ; оубал же долѣнъ
его главною фотать. Будетъ
въ томъ, етобы соблюдеи
всемъ законъ во вѣдѣ прѣтума-
лаъ, етобы введене фноквѣрдіе
и воеліе небыло нарушено,
въ противуставіи неправоудію.
и въ сограденіи нурного равно-
васіе между, етими корпура-
ми. Сенъ президентъ будетъ иди-
раетъ вновь по даннотривіа
смакнѣ или утверденіи кажда
18 мѣщовѣ и про.

22.) Военныи Командантъ —
Острововъ принимаетъ приказанія
отъ Сенатскаго Правленія.
Прогіе же военныи Команданты
дружнн Острововъ, вѣнносал
Корорчу, принимаютъ обѣзюот-
нве приказн отъ старшаго
Президента по командова-
нію.

и про

Френге Шамбелли.

12 мая 1799 года.

Переводъ копій въ Подлиннаго.
№ 2.

Президентомъ Сената —
вырастая Т. Мотле Орио про-
ше же въ избраны будущи мѣ-
сяцѣ оффиціальны жители,
которые въ качествѣ Гену-
эатовъ — наподостоу здѣсь.
И избраныя должны не мѣ-
дянно довести обо всемъ, какъ
должно уредить все, при о-
крѣтитъ прибутии.

Маія 12го 1799го года.

На корабль С. Павла.

Подписано Адмиралъ Ушаковъ.
Подлиннаго Вручена Мотле
Орио, по его прешенію, а на-
столицѣ копій оффициально
при Секретарскихъ бумагахъ.

Александръ Корнѣй Секретарь.

Копія сія дана въ Зава-
дательствованной копій, гра-
матей въ Сенатской Кан-
целярїи

Срелии Царь Великаго.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ

Милостивый государь

Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства июля от 14/25 числа имел честь получить. Объясненное в оном известие с купеческого судна из Кандии будто бы от семидесяти до осмидесяти судов больших и малых проходили меж того острова и Африки, направляя путь от запада на восток, за верное почестъ можно весьма несправедливо, и быть сего не могло. Я многими уже письмами уведомил Ваше Превосходительство, что флоты французский и гишпанский оба еще в июне месяце из Средиземного моря ушли обратно. Гибралтар прошли они около 10-го или 11-го числа июня, а против Каповинценти они были 13-е число. А английский флот в тридцати шести кораблях, пошедший за ними в погоню, Гибралтар прошел 19-е число. В Средиземном море неприятельских судов не осталось. Лорд Нельсон объявил мне, гишпанцы в Кадисе оставили семь кораблей, в Картахене четыре, в Тулоне три корабля, из них два ветхие бывшие венецианские, а третий Женероз весь расстреленный и разоружен. Как я уже прежде уведомлял, в Мальте три корабля: один французский 84-пушечный и два прежде бывшие мальтийские, также три или четыре фрегата. Мальта не в таком состоянии, как Вы известить меня соизволили. По известиям от лорда Нельсона я от него же здесь и от прочих узнал обстоятельно, в Мальте французский гарнизон в месте с морскими служителями состоит до четырех тысяч человек и немалое число якобинцев тамошних обывателей, преданных французам, провианта имеют еще достаточно, и не почитаю надежды иной, как брать их штурмом или, по крайней, оным устрашить. Но с малым числом войска сего сделать нельзя, посему как эскадра, мне вверенная, в раскомандировке, и теперь со мною налицо солдат малое число и недостаточно. Поэтому согласился я на усиленную и убедительнейшую просьбу Его Величества короля неаполитанского по крайним необходимым надобностям с эскадрою иттить в Неаполь, о чем обстоятельнее соизволите усмотреть из другого моего письма. В прочем

С наивсегдашним моим высокопочтанием и совершенною преданностью имею честь быть.

29 августа

1799 года

С благополучного корабля

Милостивейший государь мой

Вашего превосходительства

Покорнейший слуга

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 483, 483 об.

ПИСЬМО

КОРОЛЯ ОБЕИХ СИЦИЛИЙ ФЕРДИНАНДА IV

АДМИРАЛУ Ф. Ф. УШАКОВУ

Господин адмирал Ушаков!

Оказанные Вами со времени многих месяцев важные услуги, возбудили во мне живейшую признательность. Я поспешил уже принести Его Императорскому Императору Всероссийскому Августейшему Государю Вашему засвидетельствование сей моей чувствительности, а по оказанным ныне стараниям Вашим ощущаю я особое удовольствие, ибо оные произвели в Неаполитанском моем королевстве важные следствия, разверзд около провинции Адриатического залива соединенной эскадры российской и турецкой в тот час вселил в моих верноподданных одобрение, и тем противостать они могли стремлению прельщения и возмутительным козням; покровительство, доставленное моим верноподданным от российского корпуса, высаженного в Марфедонию, заставило их присоединиться к оному, каковому примеру последовали и в трех моих провинциях, где вооружение жителей воспоследовало, а потом и выступление в поход как многих корпусов, так и армии калабрийской к столице совершилося. Услуги этих же самых россиян, соединенных со многими моими союзниками, оказанные в атаке Неаполя и крепостей оного, в осаде Сант-Ельма и крепости Кпуи, были сколь отличны, столь и полезны. Я должен отдать справедливость кавалеру Белле, командующему сим корпусом храбрых Ваших морских войск, за употребленное им всепопечительное старание и прозорливость, дабы утвердить успехи таковых действий. Со времени даже как королевство совершенно освобождено от ига неприятельского, не менее были важны прилежность и бдительность сего корпуса. Оный корпус содержит спокойствие, которое столь нужно теперь всем в столичном городе. Благоустройство сего корпуса принято там в пример, которым и строгое наблюдение военного порядка (...) между вновь набранными войсками, там соединившимися. Сии услуги, господин адмирал, в нынешнее время возыметь будут важные следствия на восстановление там благочестия, разрушенного по поводу бывших обстоятельств, которые лишь только одною военною силою приведены быть могут в порядок. Я требую о продолжении и приращении тех же самых способов, которые должны ускорить возвращение благоустройства, по толиким причинам столь желательное и необходимо нужное. Вы видите, сколько я имею причин быть к Вам признательным, равно и ожидать и требовать от превосходного духа, которым Вы одарены, и личных Ваших добродетелей дальние действия

добрых Ваших услуг в пользу Обеих Сицилий, и Италии, и общего праведного дела, в котором ныне все мы соучаствуем, примите, господин адмирал, уверения о почитании, которое я Вам посвятил, я молю Всемогущего Бога, дабы сохранил Вас пред святым и божественным Своим Покровом.

Палермо

Сентября 5-е н.с. 1799 года.

Фердинанд

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 501–502.

ПИСЬМО

Ф. Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ

Милостивый Государь мой

Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства от 2/13 ноября и приложенные при оном высочайший рескрипт и указ Государственной Адмиралтейств-коллегии, тож два письма ноября от 2/13 и от 12/23 октября сего течения 11-е число я получил. Имею честь уведомить, в рассуждении рескрипта, Италия почти вся освобождена от неприятелей, остается только Генуя, которая блокирована с сухова пути австрийскими войсками, а с моря отделенною от меня эскадрою под командованием господина вице-адмирала Пустошкина; Неаполитанское королевство и Римская область свободны, но в Неаполе чрез бывшую большую революцию, в которой замешано множество разных людей и преступники забраты в великом множестве и содержатся в тюрьмах, делают им следствия и наказание, а чрез то как заметно более и более приходит все в сумнительство, родственники и друзья их, безумствуя, предпринимают некоторые дерзости, и двоекратно открыты уже заговоры и перерваны; на представление мое, от высочайшего двора Неаполитанского обещано генеральное прощение, но еще не последовало. Ежели войск наших не будет при Неаполе, то Неаполь, наверное, пропасть может от худых и наиважнейших последствий.

Мальта в блокаде англичанами, Нельсон неотступно требовал и требует нашей помощи; предвидя в том необходимую надобность, я спешил туда итти с эскадрами, забрав назначенные в Мальту три батальона под командою князя Волконского третьего состоящие, но противные крепкие ветры, весьма давнее время к походу нашему туда препятствуют, а при том корабли «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елисавет» и «Мария Магдалина», будучи весьма давнее время не исправлены, имеют великую течь, за гниlostью требуют перемены нескольких бимсов и в обшивке несколько вставок подкрепление стандарсами и кницами, ибо в случившиеся крепкие погоды еще несколько их поразбило больше, поэтому сейчас забираю я войска на корабли и со всеми ими иду в Мессину, откуда оные войска переправлю в Мальту, и оную блокировать будет вместе с англичанами вице-адмирал и кавалер Карцов с тремя Балтийского флота кораблями и одним фрегатом, я сделаю все к тому распоряжение, буду всевозможно помогать и войска действовать будут на Мальте против крепостей; Сколько могу слышиться по известиям есть надежда, что Мальта сдастся на договоры, когда утеснят ее с сухого пути осадю; учредя я все к тому потребное

и снабдя надобностями с выше означенными четырью кораблями из Мессины или из Агусты пойду в Корфу для исправления кораблей, между тем батальоны охранительной гвардии (...) присланные, по прибытии в Корфу отголь перевезутся в Бриндичи или в Отрант и отголь сухим путем пойдут в Неаполь; из Неаполя послан для препровождения и снабдения их министр по военным делам кавалер Мишуру. Три фрегата «Михаил», «Николай» и «Григорий Великия Армении» для исправления килеванием стоят в Неаполе потому, что чрезвычайную течь имеет верхняя обшивка, съеденная червями, почти вся с них спала и при исправлении обошьются снова, корабли «Св. Петр» и «Захарий и Елисавет» также исправление килеванием требуют, обо всем то чего требует необходимость и без чего никак обойтись нельзя буду стараться делать, что необходимо нужно; сии исправленные не могут кончить прежде по меньшей мере к апрелю месяцу, ко оному времени, а может быть и прежде, думаю, Мальта будет взята, а Генуя с часу на час ожидают сдачи. Какие обстоятельства при том откроются и когда во флоте мне вверенном большой и необходимой надобности в здешних местах не будет исполнение учиню сходно с высочайшим предписанием и обо всем, что в сие время происходить будет, Вас уведомлять не примину, сходно как в объяснении письма Вашего значит. К Шукри ефендию писал я письмо и требовал провианта, чтобы как наивозможно доставлено было его большее количество в Корфу. Я писал, чтобы от сего времени не менее как на восемь месяцев, ибо, полагаю я, может, что бытность наша в здешних краях продлится, и может быть в таком случае другие еще действия вознадобятся в пользу Порты Блистательной и в рассуждении Сардинии и Корсики, которые, уповаю я, чрез сие время могу получить еще высочайшие повеления, какие последовать могут.

По письмам Вашего Превосходительства и по письму ко мне капитана паши требовалось, чтобы я со своею эскадрою шел к Александрии. Капитан паша писал, что и он со всем флотом будущей весною будет со мною вместе; зимнее теперь время, вышеозначенные обстоятельства и что все суда требуют исправления, да провизии на эскадре почти нет, по сим обстоятельствам я иду в Корфу, там исправляясь, надеюсь получить от Государя Императора вновь повеление, и что будет предписано то и исполнять буду. О провизии прошу требовать, чтобы ее достаточно было в Корфу, и непременно она в скорости надобна; прежде сего писать соизволили, что ее туда доставлять велено на целый год, но в доставке и по сие время в Корфу почти ничего нет, к Шупри ефендию посылаю я письмо чрез Алексиано, чтобы из Корфу доставлено было к нему с нарочным; я боюсь, таковой же участи, как прошлого года, провиант две эскадры теперь покупают другой ценою, эскадра вице-адмирала Пустошкина в Ливорне, а эскадра капитана Войновича в

Триесте. Как сии великие издержки почтены будут, я не знаю; провианта в наличии нет, да и судов для перевозов оных нет же, ежели не покупать эскадрам в тех местах, то надлежало бы воротиться и быть в бездействии. Анконы ныне взята, но такие крайне обидные неприятности австрийским генерал-лейтенантом Фреллихом произведены против наших войск, что бесподобно, я уведомлю Вас после обстоятельно, а теперь не успел. В прочем, с почтением моим к Вам навсегда имею честь быть.

Милостивый Государь мой
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
Федор Ушаков

13 декабря
1799 года

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 51–52 об.

ПРОЕКТ РЕСКРИПТА В. С. ТОМАРЕ
С РАСПОРЯЖЕНИЕМ О СООБЩЕНИИ ТУРЦИИ
МОТИВОВ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ

21 декабря 1799 года

Донесение ваше от 25 ноября Я получил. Полагав, что рескрипт от 1 ноября к Вам отправленный сообщен уже министру турецкому и что оно ... могло видеть из содержания оного, что намерения Мои отзывать войска и флот обратно в Россию имеют единственно предметом сохранение собственных Моих сил на Мою и союзников Моих пользу; что адмирал Ушаков имеет повеление возвратиться в Черноморские порты для необходимого исправления флота: после чего вышед он иметь с оным в Средиземное море, часть употребить на крейсерствоване, а другую на содействие с флотом турецким в Египте, естли Порте то потребно будет. Вступив в войну противу Франции и быв главным орудием воспоследовавшей коалиции между Мною, Римским императором и королем великобританским, Я желал иметь восстановить монархическое во Франции правление, и через сие покой в Европе. Но вместо достижения сей цели, жертвуя Моими войсками Венской двор занимался единственно изгнанием из Италии французов и приобретением более половины оной себе, назнача во удовлетворение за понесенные убытки в Швейцарии, Новаре, часть Пьемонта, остальные от Венецианской республики владения, Миланскую область, Ломбардию и три /Легации Рилукия/. Англия находя более для себя выгоды в войне чем в мирном положении, господствуя во всех морях и учреждая всеместно коммерцию, занималось и занимается единственно своими военными предприятиями, стараясь вооружать как можно более, и далее все державы противу Франции. Почему дальнейшее продолжение войны со стороны Моей, не принеся никакой пользы общему делу, обратилось бы в общий вред, способствуя австрийскому дому достигнуть до исполнения его корыстолюбивых намерений. Теперь же, отставая от коалиции, оставляю вещи в первобытном их положении до приступления Моего к оной, и через сие Австрии и Англии даю свободу достигать каждой до исполнения их намерений, /Принятое вами в виде угроз с Моей стороны Порте/ о возбранении плавания другим народам в Черном море, происходит от попечения как о Моих равномерно и Порты Оттоманской выгодах по торговле и для предупреждения опасных следствий от сближения через коммерцию с разными людьми, коих намерением часто она служит единственно личиною.

На сообщения сделанные вам от турецкого министра по повелению самого султана отвечайте, что Я единственно желая общего блага и спокойствия, с удовольствием увижу

все, что к восстановлению оных споспешествовать может, и для сего, не входя ни в какие связи со двором берлинским, сблизился с оным восстановлением сношений через действительного статского советника Криденера при берлинском дворе ныне от меня аккредитованного. Касательно же до предложения о мире с Франциею, Я буду ждать, чтобы другие сии начали и исполняли, полагая сие в теперешнем сомнительном положении настоящего правления весьма неверно. В Дрездене находящейся гишпанец Дюк Дел Парк, тот самый, который послом назначен был к Моему двору, сделал за неимением при Дворе Саксонском Моего министра, отставному камергеру Кашелеву разные откровения о желании Его двора сблизиться со Мною и узнать колико Я удален от мира с Франциею. По сему Я и предписал камергеру Кашелеву, принимая все сообщения Дюка Дед Парк на донесение, доставлять ко Мне. Естественное расположение умов во Франции, привычка и страх нанесенный от тиранского правления их равных, обращает общее желание к восстановлению власти королевской, но как сие произведено будет в действо, покажет время. Предоставя турецкому министерству сделать подобное вам предложение к прусскому министру, заметьте, что во всем предпринимаемом в теперешнем положении дел должно пещись о сохранении крепости держав и обуздании желания двора венского. При сем препровождаю к вам копии происшедшего в Анконе и что по сему писано к послу Кольчеву в Вену, и что здесь сказано послу графу Кобенцелю по случаю непристойной капитуляции Анконы, в коей апробована была первая статья содержащая, что комендант французских войск город Анкону сдает единственно австрийцам, потому что русская и турецкая нации не имеют понятия о праве народов и военном. А в другом месте, что дружеское обхождение между цесарскими и французскими войсками должно быть взаимно в рассуждении уважения и дружбы между двумя нациями существующих.

Все сие можете сообщить турецкому министру. Старайтесь содержать его в непоколебимом признании, что связь со Миою Порте необходима, что Я, пришед к ним на помощь собственным Моим подвигом, всегда готов буду итти и быть с ними по их желанию, и если обстоятельства того востребуют, следовательно, вселяйте, страх против видов венских, спокойствие на щет Франции; уговаривайте, обещайте и закупайте тех, кои полезны для успеха дел быть могут.

ЯНВАРЬ

15. Капитан-паша приказал украсить каюту своего 100-пушечного корабля полученными в подарок картинами и штампами, представляющими победы адмирала Нельсона при Абукире и других местах.

24. Командующий эскадрою турецкою в Александрии Сеит-Али-бей с восьмью судами прибыл в Дарданеллы, в проходе коих корабль его снесло на мель. Сераскир Осман-бей, узнав о том, послал к нему на помощь несколько больших барок, и Сеит-Али-бей принужден был для облегчения корабля выгрузить пушки, и успели корабль сдвинуть с мели. После малой починки Сеит-Али-бей ожидается в Константинополе.

ФЕВРАЛЬ

1. Одна из последних затруднений (в вопросе статуса Ионических островов. – Авт.) есть имя новой области. Наименование одного острова присовокупить целой Республике Томара отверг безвозвратно. Никакое греческое название не нравится Порте. Назвать Венецианскими островами не хотят, потому что Кандия, Кипр и Негропонт были некогда венецкие владения. Адриатическими – потому что австрийский дом имеет острова в Адриатике, которое также правильно называть можно. Наконец, Иосиф Фонтон (первый драгоман. – Авт.) предложил наименовать новую область Республикою Семи Соединенных островов, что, кажется, довольно всем полюбилось и, вероятно, останется.

4. Капитуляция об упразднении Египта (о сдаче французских войск в Египте. – Авт.) заключена была в лагере верховного визиря при Эль-Арише 13 января. Капитуляция была отослана султану. Турки не скрывают восхищения скорым возвращением себе Египта и хотят учредить там губернию. Мамелюки могут быть уничтожены. Реис-эфенди просил у российского и английского послов по четыре фрегата для конвоирования французов (Клебер выговорил в капитуляции эскортирование). Французов в Египте 14 тысяч человек, 50 собственных судов, в том числе три линейных корабля и несколько фрегатов.

МАРТ

1. В пятницу 24 февраля султан возвратился из мечети и заболел. В краткое время припадок сделался таким сильным, что начали подозревать отравление. Яким-баши главный доктор лечил его в самом деле как бы от отравы миндальным маслом и другими подобными

лекарствами. Женщины в Серале были допрошены и некоторые удушены. 26-го числа в воскресенье стали было отчаиваться о его выздоровлении, но с понедельника начал оправляться и теперь находится в не опасности.

Англия пыталась помешать французам выехать из Египта. Порта возражала. Англичане предложили Клеберу сдаться им военнопленными и остаться в Александрии до мира.

АПРЕЛЬ

3. Пронесшийся здесь слух о лишении жизни Сеит-Али-бея несправедлив. Он недавно пожалован капитаниею (адмиралом. – Авт.) и сего числа прибыл с тремя кораблями, остановился на якоре близ Семибашенного замка. Отправление его к Александрии медлит единственно за недостатком людей на флоте.

5. Пришло известие о разбитии визиря в Египте. Клебер с шестью тысячами напал на лагерь и с 35 тысячами бежал в Гизу. Порта подозревает англичан, а чернь грозит убивать каждого англичанина, которого встретит.

11. Капитан-паша сам будет командовать флотом из десяти кораблей и нескольких фрегатов.

15. Слух пронесся, что капитан-паша, призвав к себе адмирала Сеит-Али приказал его удушить. Вчера целый день публика занималась сею вестью, а сего дня открылось, что Сеит-Али не удушен, но содержится под арестом на старом корабле и капитан-паша посещал его ныне по утрам. Впрочем дозволено ему приносить из дому своего кушанье и с помощью лиман-рейса друзья его посещают всякий день.

МАЙ

18. Капитан-паша уведомляет, что прибыл с эскадрой в Родос и останется там до новых повелений.

21. Капитан-паша уведомляет, что отправился в Александрию.

27. Капитан-паша прибыл к Александрии и вступил в переписку с генералом Клебером.

РЕЛЯЦИИ В. В. МУСИНА-ПУШКИНА-БРЮСА ПАВЛУ I ИЗ ПАЛЕРМО

1800 год

3 / 14 января

Адмирал Ушаков, по прибытии своем в Мессину, писал ко мне оттуда 28 декабря с.с., уведомляя меня, что необходимая надобность и обстоятельства побуждают его с эскадрами идти в Корфу для исправления кораблей...

Король намерен послать нарочное судно к адмиралу Ушакову с просьбой высадить в Мальте, прежде удаления его с эскадрами от сих морей, десантные войска под командованием генерал-майора Волконского.

Лорд Кейт назначен главнокомандующим всеми морскими силами Англии на Средиземном море.

6 / 17 января

Писанное от адмирала Ушакова из Мессины того же числа 28 декабря с.с. письмо извещает меня, что по полученному в тот же день вторичному высочайшему повелению, забрав на эскадру войска, назначенные в Мальту и которые направлены для охранительной гвардии Его Неаполитанского Величества, имеет следовать в Черное море к российским портам для исправления судов, что в силу такого повеления возвращается он в Корфу, где пробудет до апреля в ожидании соединения всех кораблей, также для нужной им починки, потом предпримет путь в Черное море. Адмирал Ушаков сильно препоручил мне известие сие хранить в глубоком секрете.

13 / 24 января

Лорд Кейт вступил с английским флотом в Средиземное море. Лорд Нельсон немедленно отправился отсюда... Лорд Кейт организовал блокаду Генуи.

27 января / 7 февраля

В прошлый понедельник стали на якорь здесь 110-пушечный корабль лорда Кейта и 84-пушечный – Нельсона. Оба приехали из Ливорны, учредивши блокус Генуи. Были неоднократные конференции между ними и вице-адмиралом Пустошкиным. Через три дня Кейт и Нельсон собираются отбыть к Мальте для осмотра укреплений и для решительного учреждения осады. Известие, что корпус российских войск не будет на Мальте, привело мальтийцев в совершенное уныние.

14 / 25 февраля

7 / 18 февраля лорды Кейт и Нельсон прибыли к Мальте. Завидев неприятельскую эскадру, Кейт отрядил за ней Нельсона с двумя другими линейными кораблями и фрегатом. Французская эскадра состояла из пяти судов: линейного корабля «Женере», трех фрегатов и корвета, которые шли из Тулона в Валету с войском и припасами. Английский фрегат догнал «Женере» и, не ожидая приближения английских кораблей, атаковал его с тылу и по маловременном сражении нанес ему нарочитый вред. Между тем, Нельсон приблизился и учинил два выстрела из нижней батареи. «Женере», видя себя в невозможности сражаться с большею силою, принужден был сдаться, после чего отведен был в Сиракузу. На пути умер от ран командовавший всею французскою эскадрою контр-адмирал Перей. Сверх того, взят один французский фрегат и отведен в Мальту. Прочие два фрегата и корвет преследуемы Нельсоном. На «Женере» находилось 1 200 человек, в числе коих 600 человек десанта. Также и на фрегате состояло часть войска. Вскоре взяты были и ушедшие фрегаты и корвет.

АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 287. Л. 1–28 об.

1800 год

5 / 16 февраля

Все начальники на Мальте желают, чтобы я изустно представил адмиралу Ушакову, что без его английский на Мальте корпус не только не в состоянии что-либо предпринять, но и в великой найдется опасности, ежели Вобоа решится сделать вылазку нарочитым числом людей. Командор Трубридж дал мне бриг эскадры своей, на котором я прибыл на третий день в Мессину, где находился адмирал Ушаков с эскадрою и тремя батальонами. Он сообщил мне денное ему Вашим Императорским Величеством повелении следовать в Одессу. Я по поводу сего сообщения оставил Мессину и 213 января возвратился в Палермо, где нашел двор и лорда Нельсона в великом огорчении, хотя они по письмам Ушакова не полагали, что он не оставляет воды Средиземного моря, а только удаляется в Корфу...

5/16 февраля прибыл курьер с письмом с уверениями Вашего Императорского Величества Его Величеству королю дружественной приязни. Высочайший указ адмиралу Ушакову следовать в Мальту, а в Неаполитанское королевство генерал-лейтенанту Бороздину...

Господин Гамильтон отозван, на его место приедет господин Пажет.

18 / 30 апреля

Лорд Нельсон по особой дружбе с кавалером Гамильтоном огорчен отзывом его и, сверх того, поставляя себе в обиду быть подчиненным лорду Кейту, решился возвратиться в Англию. 23 апреля н.с. поехал он в Мальту (вместе с Гамильтоном и его женой) проститься с приятелями своими.

Генерал-лейтенант Бороздин прибыл в Неаполь 21 апреля / 3 мая.

2 / 14 мая

Получил из Корфу письма от адмирала Ушакова от 10/22 и 11/23 апреля. Господин адмирал желает знать, можно ли ожидать сдачи Валеты в следствие тех действий, которые учинены уже...

Командующий на Мальте английскими войсками генерал Грегам, пишучи 7 мая н.с. о положении своем, щитаает оное опасным и требует прислать к нему в усиление три английские роты, оставленные им в Мессине, которые без замедления отправлены будут. Голод только генерала Вобоа принудить может к сдаче.

Господин адмирал спрашивает меня, возможно ли будет в Мальте довольствоваться три батальона генерал-майора Волконского, ежели оные отправятся туда из Корфу и эскадру, которую в таком случае туда же послать должно будет.

Его Неаполитанское Величество непременно укажет приготовить для содержания эскадры и батальонов все необходимое.

Адмирал Ушаков, показывая сими осведомлениями намерение предпринять экспедицию на Мальту, с сожалением извещает меня, что не имеет кораблей, дабы послать на них туда батальоны. Что могущие служить корабли: два под командою вице-адмирала Пустошкина, три под командою вице-адмирала Карцова находятся в крейсерстве для заграждения французам в прохождении их из Египта во Францию; что корабли, находящиеся с ним в Корфу, все великой починки требуют, для которой им должно быть в Черном море; что препровождение их туда не сеет он приостановить на несколько времени экспедициею на Мальту, ибо по отнесению к нему Томары признает он за нужно следовать в Константинопольский канал.

Представил я к адмиралу Ушакову, что крейсирование помянутых эскадр не нужно в силу представления лорда Кейта о запрещении возвращаться французам из Египта с вооружением, что оные могут быть употреблены для отвозу батальонов на Мальту и потом частью для блокирования того острова, частью для охранения Сицилии...

Господин Пустошкин крейсирует между Сиракузою и Калабриею; господин Карцов – между Трапани и Кап Бон (Африкою).

4 / 16 июня

Господа вице-адмиралы Пустошкин и Карцов пошли с эскадрами своими в Корфу. Господин Пустошкин на возвратном пути был 19/31 мая здесь и представлен Его Неаполитанскому Величеству. Возвращение обеих эскадр есть следствие возобновления военных действий в Египте между турками и французами.

РЕЛЯЦИИ С. А. КОЛЫЧЕВА ПАВЛУ I ИЗ ВЕНЫ

1800 год

15 / 27 марта

Английский адмирал Нельсон, взяв в берегах мальтийскиххв плен французский корабль Le Genereux с одним фрегатом, прислал шпагу, которую лорд Минто (английский посол в Вене. – Авт.) поручил мне передать к посланнику Витворту для поднесения Вашему Императорскому Величеству от имени адмирала Нельсона и которую я посылаю. Взятие корабля и фрегата последовал 7/18 февраля. Неприятель, сверх помянутых корабля и фрегата, имел 4 корвета и шел из Тулона в Мальту с разной военной амунициею и тремя тысячами высадного войска, коего на взятом корабле находилось 800 человек. Французский адмирал Пере при встрече готовился абординовать корабль Нельсона, но в самую ту минуту убит и сего неприятельского адмирала Нельсон посылает к Вашему Императорскому Величеству шпагу. Прочие неприятельские суда ушли.

В одно время уведомляют, что Нельсон, спознав чрез Сиднея Смита о капитуляции генерала Клебера, которому визирь дозволяет возвратиться во Францию, принял достаточные меры не пропускать его в Европу.

К крайнему сожалению спознали здесь, что в близи Ливорнской гавани взорвало корабль английский «Королева Шарлота» о 110 пушках, коего командир лорд Кейт находился в то время на берегу. Весь экипаж, исключая 153 человек, погиб.

20 марта / 3 апреля

Эскадра адмирала Кейта расположилась так, что порты Марсель и Тулон заперты, и, уповают, что Генуя вскоре сдастся, дабы предупредить несчастья вследствие от атаки , коя в противном случае должна была ныне начаться.

23 апреля (н.с.) 1800 года

Palermo, April 23, 1800.

Monsieur,

J'ai eu votre honneur de la lettre de
 Votre Excellence du 4e Mars, dont j'ai vu
 recevoir bien sincèrement. Les braves actuels
 pour l'occasion Britannique sont devenus les
 français, provenant de l'Egypte, sans quelle
 protection qu'elle puisse être donnée, & déjà plusieurs
 navires ont été pris, non obstant les pavillons
 de paix qui leur avaient été accordés par Sir
 Sidney Smith. Je ne pense donc pas que
 les français continuent à venir de l'Egypte,
 maintenant que qu'ils ont connaissance de
 la détermination de l'Allié d'empêcher leur
 retour en Europe. Je suis de suite passé
 à trouver M. le Comte de Saxe, & de lui
 le missionnaire de la France, & de lui
 de Bonaparte & de lui arracher ce qu'il a pu
 de ses conquêtes. M. le Comte de Saxe
 d'une trahison & de sa coopération avec les
 Amiraux, Koutzoff & Parustachkine & de son
 empressement de leur donner tous les secours
 en mon pouvoir & j'ai été pris d'une envie
 de M. le Comte de Saxe & de lui arracher ce qu'il a pu

Bronte Nelson of the Nile

Ton Excellence
 L'Amiral Ushakoff

ИЗ ПИСЬМА В. С. ТОМАРЫ ВИЦЕ-КНСЛЕРУ ГРАФУ ПАНИНУ

6 июня 1800 года

Поведение Федора Федоровича Ушакова за получением всех известных бумаг доказывает добродетельную откровенность его характера. Такая защита, которую найдете в его письме людям, во зло употребившим его доверенность, ничуть не умаляет доброты его поступка, изложенного в конфиденциальной записке о последовавшей перемене... Г-н адмирал Ушаков оставил Корфу и следует к Дарданеллам с кораблями.

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 926. Л. 1.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ

Милостивый государь

Василий Степанович!

По бумагам, присланным ко мне от Вашего превосходительства, усматриваю жалобы трех президентов, в Занте находящихся, и секретаря Хориати на господина Тизенгаузена вознесены бесподобными клеветами и несправедливостию; Секретарь Хориати и с ним товарищ бывший в Корфу даже против меня напутали не только неприличные, но чрезвычайно дерзкие несправедливости и принять бы их, казалось, весьма трудно, ибо сами себя обличают бесподобно дерзкими. Я ни в каком случае не предпринимал и ничего не пропустил в содержании спокойствия, нет ни одного моего решения дел по жалобам, иначе как только предложены в судебные места к рассмотрению и решению по законам. Никто ни в чем не могут на меня пожаловаться в какой либо неправости. Дерзость сего секретаря заслуживает по законам всякую важность, напротив объяснения его объявить имею кой час жалобу от трех президентов получил я на господина Тизенгаузена и о возмущениях народных, в Занте случившихся, в то самое время предложил Сенату послать туда одного сенатора, предписать собрать общий Большой Совет и оным исследовать все, что должно, привести в тишину порядок и примирение и уведомить меня о последующем, кто в чем окажутся. Генеральным консилиумом все там исследовано и от оногo мне знать дано, что оказались виноваты те три президента и секретарь Хориати; общим консилиумом сделаны некоторые смены, но я как скоро об оном получил сведения, тот час послал письма не делать в сие время никаких перемен, но все прекратить миром и согласием, так как я и всегда писал только об оном, чтобы сохраняли все между собою мир и доброе согласие, тишину и порядок, и что я ничего другова и не желал и ни во что не вхожу; тоже писал и к президенту, которым по прибытии в Занте возмущения народные отвращены и успокоено, и затем приказал ему возвратиться немедленно в Корфу. Надеюсь, что в сие время в Занте уже спокойно; всякие перемены должны быть отложены. С Генерального Совета дворянства воли я ни в чем не снимаю и сам ни во что не вхожу и не мешаюсь, и Тизенгаузену предписано, чтобы не мешался ни во что, а возвратился бык команде; а после сего, получа письма Вашего Превосходительства и копию с высочайшего повеления, Вам последовавшего, и еще повторительно писал тоже, чтобы ничего отнюдь не предпринимали, ожидали бы нового плана. **При всяком случае стараюсь я о совершенной пользе и спокойствии сих островов, теперь наиболее усугубляю мое старание расположить всех, чтобы принято**

было новое сие уложение с уважением и благодарностию за высочайшую милость и благоволение государя императора (выделено мной. – Авт.). Сожалею, что Ваше Превосходительство изволите верить трем или четырем несправедливым людям, которые по особым обстоятельствам наносят клевету, увеличивают дела, переменя их из добрых худыми против Тизенгаузена, даже и против меня. Тизенгаузен настоящим исследованием всего дворянства оправдан. Я не желаю распространяться теперь ни об чем до меня касательном, личное иметь буду удовольствие с Вами видеться, тогда изволите узнать. При теперешних обстоятельствах ни время, ни польза дел, как им быть должно, не позволяют. **На сей случай всякую обиду, мне причиненную, почитаю за лучшее перенести терпеливо и не показать при теперешнем открытии и о новом плане никакого удовольствия, а паче долгом поставляю сделать и вид всякого благоприятства и доброжелательства и не было надобности, чтобы кто напоминал мне об оном** (выделено мной. – Авт.), я обо всем буду иметь честь объясниться лично. Скажу только, что господа депутаты, в Константинополе находящиеся, пишут во множестве писем великие непристойности, оскорбляющие важных особ. За неудобность почитаю теперь вступаться в защищение наносимой ими клеветы, а дам знать об оном Вашему Превосходительству лично, что они заслуживают за неосторожность свою всякое взыскание. Получающие от них письма не оставили их разглашать повсюдова под видом будто бы несколько скрытным но неприличным. Я все это доставлю Вашему Превосходительству в сведение лично. Вы гневаться соизволите на меня понапрасну, ежели что в пользу островов писал я к Вам, это делал я из единственного доброжелательства к островам, не считая Вас оскорбить. Мне казалось, что все вообще, кроме некоторых, желали двух или трех пунктов из прежнего Плана, потому по просьбе многих к Вам и писал. **Я ничего другого не желал и не желаю, как только, чтобы выполнять усерднейше высочайшую волю Его Императорского Величества** (выделено мной. – Авт.). Писал я к Вам в рассуждении Плана некасательно положения о Республике, а об одной только внутренности. За сим обо всем и о прочем представляю лично Вашему Превосходительству, бумаги какие я имею. **Ничего никогда не желал и не желаю, как только миру, тишины и спокойствия в островах** (выделено мной. – Авт.). С тем их оставляю. В прочем с наивсегдашним моим к Вам почтением и совершенною преданностию имею честь быть

28 июня

1800 года

Благополучный корабль

Милостивейший государь

Вашего превосходительства

Покорнейший слуга

Св. Павел при Корфу

Федор Ушаков

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 926. Л. 2–3 об.

ПИСЬМО В. С. ТОМАРЫ Ф. Ф. УШАКОВУ

12 августа 1800 года

Порта Оттоманская, занимаясь приуготовлениями, касаясь скорого прибытия сюда эскадры под командованием Вашего Высокопревосходительства состоящей, просила меня предложить Вам, таким образом учредить поход Ваш чрез канал Константинопольский, чтоб вся эскадра, нигде на оном не останавливаясь, могла при свежем южном ветре одним разом дойти до Буюкдере; в противном же случае, не сближаясь к Константинополю, во ожидании ветра лечь на якорь в окружностях Принцевых островов или другом способном месте по Вашему благоусмотрению. Я отвечал, что Вы Милостивый Государь мой предупредили уже желание Порты, расположа поход эскадры чрез канал требуемым ныне от нее образом. Должно приметить, что объяснениях сих Порта ни слова не упомянула о эскадре господина вице-адмирала Карцова; по чему и следует теперь не только не прятаться с балтийскими кораблями, но напротив показать оные, ибо в Турции пример есть важное дело, могущее послужить, когда бы паки встретилась надобность прохода чрез канал балтийских кораблей и для того не угодно ли будет Вашему Высокопревосходительству, естли то Морскому регламенту не противно, чтоб при проходе эскадры в местах, где салютация производится, приказать салютовать флагманским кораблям, дабы эскадра господина вице-адмирала Карцова могла быть ясно примечена как султаном, находящимся ныне в Бешик-Таше, так и министерством турецким, которое собрано будет в одном из Киосков, находящихся в канале.

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 17, 17 об.

РЕЛЯЦИИ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I

1 сентября 1800 года

Господин адмирал Ушаков прибыл уже под Константинополь и намерен держаться в Мраморном море чем можно ближе города, ожидая способного ветра для прохода канала в один раз до Буюкдере. В рассуждении стойки при летнем дворце, в коем находится ныне султан, отряд эскадры турецкой, требовал я, чтобы оной был он салютован прежде, на что Порты согласилась; Эскадра турецкая будет салютовать ему 17-ю выстрелами. Прочие салюты произведены будут тем же порядком, как и прежде.

16 сентября

С 10-го сего течения эскадра Вашего Императорского Величества находится в Буюкдере. Как за прибытием оной к Константинополю господин адмирал, расположась между Семи-башень и Принцевых островов, ожидал несколько дней способного ветра, то послан был к нему драгоман Порты поздравить его с приездом и подарил ему от имени султана богатое алмазное перо (челенг). Адмирал показывал драгоману балтийские корабли, объявляя о силе их вооружения и причинах следования в Черное море. Для переговоров о надобностях эскадры господин адмирал виделся с реис-эфенди.

Третьего дня получено здесь известие о взятии английским генералом Пиго крепости Ла-Валета в Мальте 23 августа / 5 сентября. Гарнизон французский сдался военнопленными с отвозом во Францию.

10 сентября эскадра господина адмирала и кавалера Ушакова, стоящая на якоре неподалеку Семибашенного замка, прибыла в Буюкдере. Проходя мыс Сералья, салютовано было зимнему дворцу султана 21-м пушечным выстрелом, а потом и Топхане 15-ю, откуда ответствовано ей равным числом выстрелов. Султану, находящемуся в загородном дворце Бешик-Таше, салютовано 31-м выстрелом; экипажи расставлены были по вантам и кричали шесть раз «Ура». Сближась деревни Орта-Киой, турецкая эскадра, на рейде стоящая, учинила первый салют 17-ю выстрелами и ответствовано было ей тем же числом.

ИЗВЕЩЕНИЕ
О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ
НА НУЖДЫ ОПОЛЧЕНИЯ

Его Императорское Величество, изъявляя Свое благоволение и воздавая от лица признательного Отечества должную благодарность усердным сынам оною, принесшим ему в жертву часть своего достояния на составление и вооружение земского войска, повелеть соизволил передать во всенародное известие и в память потомству имена их, с означением сделанных ими приношений, кои по полученным по оные сведениям состоят в следующем:

...

Декабря 17-го дня. Адмирал Балле – до окончания настоящей войны в месяц по двести рублей.

Декабря 17-го дня. Адмирал Ушаков – единовременно две тысячи рублей; сверх того пять медных пушек с припасами и алмазную челенгу, от турецкого султана ему пожалованную...

Санктпетербургские ведомости. 1807. № 2. 4 января. С. 11.

ИЗ ДНЕВНИКА ЧИНОВНИКА

6 февраля 1807 года

Сегодня удалось мне видеть богатую брильянтовую челенгу, подаренную некогда султаном адмиралу Ушакову. Старый моряк пожертвовал было ее в пользу милиции, но государь пожелал, чтоб она осталась навсегда в семействе Ушакова памятником его подвигов, а за усердие приказал удостоить его в постоянном своем благоволении.

Жихарев С.П. Записки современника. – Л., 1989. Т. 2. С. 123.

ПРОШЕНИЕ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ
АДМИРАЛА УШАКОВА

К докладу 29 апреля 1809 г.

Всемиловейший Государь!

По требованию от меня для города Севастополя необходимо надобной в казенное употребление земли, отдал я собственную мою землю, полученную для моих выгод в немалом количестве, состоящую Таврической губернии на северной стороне Севастопольского рейда, которая не будучи еще в устройстве приносила мне ежегодного дохода по 1000 рублей. Ныне же имею необходимую надобность вместо оной иметь землю при селении моем, где я намерен препроводить последние дни моей жизни Тамбовской губернии в Темниковской округе, состоящую по близости моего дому сельца Алексеевки, сенокосную пустошь с небольшим количеством дровяного и строевого лесу, в которой земли сенокосной и лесу состоит 400-та десятин, и с нее получается в казну доходу не более по пяти сот рублей или менее в год. Всеподданнейше прошу повели, Всемиловейший Государь, сию землю отдать мне в награждение вместо отданной мною в казенное употребление земли. А по каким обстоятельствам собственная земля моя отдана и о засвидетельствовании об оном справедливого показания означено в прилагаемой при сем записке.

Всемиловейший Государь
Вашего Императорского Величества
всеподданный Ушаков адмирал
Апреля 20-го дня
1809-го года.

РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1859. Л. 1.

О земле в Тамбовской губернии

Для пребывания моего купил я в Тамбовской губернии в Темниковской округе землю в сельце Алексеевке 160 десятин, на ней поселены семь дворов крестьян, между которыми построил я себе хижину, где желаю провести последние дни моей жизни. Но как сия земля с малыми ея угодьями состоит вся под теми крестьянами, и я для себя и дворовых моих людей, для хлебопашества и сенокосу там земли не имею, посеми и желал бы иметь хотя малое количество на сию надобность. Известно ж мне, что поблизости сего места есть сенокосная пустошь, казне принадлежащая 400 десятин, на ней есть небольшое количество дровяного и строевого лесу. Жительство мое состоит в пустынном месте, окруженном полями почти на бесплодной земле и сия пустошь на том грунте и весьма мало приносящая казне прибыли, за верное полагаю не более ежегодно по пяти сот рублей или менее. А я в минувших годах, когда потребовано было от меня правительством, по доброй своей воле отдал в казенное ведомство самое выгодное место, где я в будущее время устроиться и жить намеревался, в Таврической губернии состоящее, землю близ Севастополя на северной стороне Севастопольского рейда, в немалом количестве, в пользу города Севастополя: с которой тогда получил я доходу ежегодно по 1000 рублей. Справедливость сего показания моей засвидетельствовать бывший в то время в Таврической губернии гражданским губернатором его превосходительство Дмитрий Борисович Мертваго, который ныне находится здесь в С.Петербурге, он сию собственную мою землю тогда по доверенности моей, от меня ему данной, принял в свое распоряжение.

Всеподданнейше прошу вместо оной в награждение пожаловать мне, мною просимую землю 400 десятин Тамбовской губернии Темниковской округи состоящую по близости моего селения сельца Алексеевки.

Апреля 20-го дня

1809-го года

Адмирал Ушаков

О земле в Таврической губернии

Земля, мне принадлежащая в Таврической губернии, состоящая по северную сторону Севастопольского рейда, отдана мною в казенное употребление по требованию, по надобности для города Севастополя на казенное устройство и на поселение отставных от флота служителей, кто из таковых остаться и жить там пожелают; она состоит с одной стороны отделенною от Севастополя Севастопольским рейдом, с другой окруженная Черным морем, с третьей рекою Бельбеком и четвертою граничит с казенною землею. От Севастопольского рейда к стороне Бельбека, из одной купленной мною земли отрезана она межею без малого полторы версты полосою во всю длину берега Севастопольского рейда, в которой заключается около 500-т десятин. Она по местному положению состоит покатою горы к югу: к стороне Севастополя, во всю длину рейда по подгорью на низменных местах и в лощинах наилучшая удобная земля для разведения виноградных садов, и удобная к хлебопашеству, а на высокости горы наипрекраснейшее место для устройства господскаго дому, на таковую надобность сия земля мною и была куплена, где я намерен был провести последние дни моей жизни: Таковое намерение мое было потому, что после окончания с Портою Оттоманскою войны, в бытность мою в С.Петербурге, блаженной и вечно достойной памяти Государыня Великая Императрица Екатерина Вторая, оказав мне Высокомонаршее милостивейшее благоволение, лично мне обещать соизволила, сказав, что Она намерена меня обселить и утвердить на всегда в тамошнем краю. По сим обстоятельствам я и имел в предмете, устройства мои сделать на вышеозначенном купленном мною месте, в виду командуемого мною флота. А когда я от того краю отделен и оставлен в С.Петербурге, тогда, переменя мое намерение, поселился Тамбовской губернии близ города Темникова, но тут удобной земли для хлебопашества и сенокосов на мою надобность в покупку отписать я не мог, по сему и осмеливаюсь землю по необходимой моей надобности просить от казны в замену мною отданной. В бытность же мою в Севастополе я не только ни в чем не препятствовал на означенной земле моей делать казенные устройства, но поощряя исполнять надобности наиусерднейше старался производить и все возможно моими пособиями помогать оным. И по сей земле моей по берегу рейда в удобных местах устроены батареи со многими орудиями, охраняющие рейду от стороны Черного моря и все прочие, что было надобно. Таковые устройства казенные не препятствовали собственному моему устройению, какие я для себя иметь предполагал и употреблял всевозможное усердие в пользу службы и свою надеялся приобрести заслуженную верного и ревностного моего служения.

Апреля 20-го дня

1809 года.

Адмирал Ушаков

РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1859. Л. 2, 3, 3 об.

ИЗВЕСТИЕ О ПРОДАЖЕ ДОМА АДМИРАЛА УШАКОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

21 июня 1810 года

Продается деревянный дом адмирала Ушакова, хорошо устроенный около всего двора, с небольшим двухэтажным каменным флигелем и с двумя особо отделенными вновь построенными домиками. Все строения на каменном фундаменте прочные и при нем красивый садик, хорошо расположенный, наполненный разными деревцами и с двумя беседками в оном, состоящий на В[асильевском] О[строве] в 10 линии, близ Большого проспекта под № 238; о цене спросить в оном доме. Тут же продается аглинская двуместная прочной и крепкой работы карета.

Санктпетербургские ведомости № 49. 1810.

ИЗВЕСТИЕ ИЗ ТАВМОВА О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ

АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА

6 июля 1811 года

Его Высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Федор Федорович Ушаков пожертвовал в пользу Тамбовского дворянского училищного корпуса единовременно денег тысячу рублей, почему Управление непременно обязанностию почитает таковой благотворительный поступок, истинную любовь к общему благу доказующий, соделать чрез сие известным всей почтенной публике.

Московские ведомости. № 57. 19 июля 1811.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВА
МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ И. В. ГУДОВИЧУ

13 февраля 1812 года

Святельнѣйшій Графъ

Милостивѣйшій полковникъ!

Сослѣдственная вѣтнов изъ дворянъ бѣдная
вдова титулярная советница маірина
прокофьевна каблукова, и тѣя въ зреломъ
уелѣ сына ивана ивановича, котораго въ
слѣдствіи еще никуда не опредѣлили: она не
имѣетъ средствъ и прокормительства и въ
его опредѣленіи, желая опредѣлить его
въ артиллерійскія полки, убедительнѣйше про
ситъ моего ходатайства и въ вашему свѣдѣ
тельству о его опредѣленіи, то вашимъ воле
и благоустроеніемъ все покорнѣйше прошу
Милостивѣйшій полковникъ, оказать въ случаѣ
вашу милость бѣдной вдовѣ и въ довереніи
прийти сына ея въ милостиво ваше
прокормительство и опредѣлите его по службе
въ артиллерійскомъ полкѣ въ надеждѣ высокоихъ
вашего свѣдѣтельства и о томъ милостиво съ вами
танцевать противъ высокопознаніемъ и со
вѣршенною преданностію и тѣмъ же съ вами
наведеда

Милостивѣйшій полковникъ вашего
свѣдѣтельства всепокорнѣйшій
слуга фредоръ ушаковъ.

февраля 13 дня,
1812 года
городъ Петербургъ.

ОБРАЩЕНИЕ

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФОНДА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ И
МОДЕРНИЗАЦИИ КРЕЙСЕРА «АДМИРАЛ УШАКОВ» К ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II О КАНОНИЗАЦИИ

Ф. Ф. УШАКОВА

25 октября 1999 года

Ваше Святейшество !

Среди многочисленных подвижников и мучеников Русской Православной Церкви, прославленных в лике святых, была традиция прославлять и православных воинов, отличившихся не только ратными заслугами в защите православного Отечества, но и личным благочестием, верностью уставам и законоположениям Русской Православной Церкви. Таким примером может служить канонизация великого князя Дмитрия Донского.

Подобным благочестивым воином является и племянник преподобного Феодора Санаксарского – адмирал Федор Ушаков, честные останки которого находятся в Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре Саранской епархии, при котором он провел несколько лет после оставления своего ратного поприща.

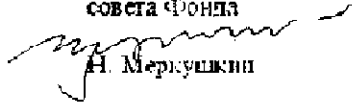
О земном пути воина Феодора Ушакова проведено историческое исследование, опубликованное в книге Владимира Овчинникова "Федор Ушаков" (М.: Новатор, 1998. - 419 с.). Результаты указанного исследования, по нашему глубокому убеждению, дает полное основание говорить о праведной жизни

Феодора Ушакова, проявившего себя в мирской жизни поборником Православной веры, пламенным патриотом своего Отечества, выдающимся флотоводцем, умелым политиком и дипломатом, а также великим милосердием.

Ваше Святейшество, обращаясь к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о возможности канонизации Феодора Ушакова в лике местночтимых святых Саранской епархии.

С глубочайшим почтением,

Глава Республики Мордовия,
председатель попечительского
совета Фонда

Н. Меркушкин

Председатель правления Фонда,
депутат Государственной Думы
Российской Федерации

В. Монагин

Биограф адмирала Ф.Ф. Ушакова,
старший научный сотрудник
Института военной истории МО РФ,
кандидат исторических наук
капитан 1 ранга

В. Овчинников

571

ОБРАЩЕНИЕ

К ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II
С ПОДДЕРЖКОЙ ИДЕИ КАНОНИЗАЦИИ Ф. Ф. УШАКОВА

19 октября 2000 года

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

Личный состав Военно-Морского Флота России и ветераны флота, земляки Ф.Ф. Ушакова, Благотворительный фонд по восстановлению и модернизации крейсера "Адмирал Ушаков" с глубоким воодушевлением восприняли информацию о намерении Русской Православной Церкви рассмотреть вопрос о канонизации прославленного русского флотоводца адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Федор Федорович Ушаков является не просто наиболее почитаемым российским флотоводцем. Своей праведной земной жизнью он явил миру ярчайший образец беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия.

Свидетельством этой помощи является небывалый во всей военной истории факт, когда в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. флот под командованием Федора Ушакова, вдвое уступавший противнику по численности, имел в сто раз меньшие потери в личном составе. Небесным Промыслом, не потеряв в сражениях ни одного судна, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон более чем в 50 судов, отвоевав для России целый Черноморский регион. Так Господь прославил своего праведника за его Веру и Верность.

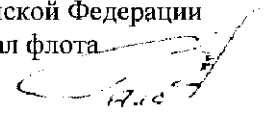
Адмирал, воспитанный в благочестии, сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины - воинов Христовых, которые, не щадя живота своего, всегда до конца стояли за Веру и Отечество. По нравственным заповедям адмирала Ушакова Российский Военно-Морской Флот живет и ныне.

После оставления своего ратного поприща Ф.Ф. Ушаков, "уклонясь от светского шума", обосновал свое жительство близ Санаксарской обители (Республика Мордовия), где когда-то подвизался в молитвенном подвиге его родной дядя - преподобный Феодор Санаксарский. В конце жизненного пути Федор Федорович сознательно пришел к Храму Господнему, видя в служении Ему истинный смысл жизни православного человека.

Ваше Святейшество, от имени российских военных моряков, Благотворительного фонда по восстановлению и модернизации крейсера "Адмирал Ушаков" и многих православных мирян мы поддерживаем идею канонизации Федора Ушакова и просим Вашего благословения на скорейшее рассмотрение этого вопроса в Комиссии по канонизации.

С глубочайшим почтением,

Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
Российской Федерации
адмирал флота

В.И. Куроедов

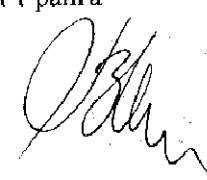
Глава Республики Мордовия,
председатель Попечительского
Совета Фонда

Н.И. Меркушкин

Председатель Правления Фонда
по восстановлению и модернизации
Крейсера «Адмирал Ушаков»

В.Н. Лопатин

Биограф адмирала Ф.Ф. Ушакова
капитан 1 ранга

В.Д. Овчинников

ПРИВЕТСТВИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ П
УЧАСТНИКАМ ТОРЖЕСТВ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ПРОСЛАВЛЕНИЮ АДМИРАЛА

ФЕОДОРА УШАКОВА

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка Варсонофий, Преосвященные архипастыри, честные отцы, братья и сестры, уважаемые участники торжеств, посвященных прославлению в лике местночтимых святых адмирала Феодора Ушакова!

Хотел бы повторить слова святого Апостола Павла: Хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами (Кол. 2, 5), разделяя радость нынешнего праздника. Феодор Федорович Ушаков, прославленный воинскими доблестями и не побежденный ни в одном сражении адмирал великого Российского флота, ныне ублажается Святой Церковью Христовой как муж праведный и благоверный, как один из примеров для подражания верующим, как угодник Божий.

Мы прославляем Феодора Ушакова как местночтимого святого, однако значение этого события выходит далеко за рамки местного торжества Саранской епархии. Для всей нашей Церкви нынешний день - особый, он навсегда останется в истории церковной, в истории нашего отечества. Мы знаем немало воинов, святость которых признана Церковью и имена которых горячо почитаются благочестивым верующим народом. Таковы, например, святые благоверные князья Александр Невский, Димитрий Донской. Однако впервые за долгое время Церковь прославляет в лике праведных воинов подвижника, жившего в сравнительно недавнем прошлом. И впервые среди имен угодников Божиих появляется имя великого флотоводца.

Феодор Ушаков, как хорошо всем вам известно, был выдающимся государственным деятелем. Вся его жизнь была отдана России. Он преданно служил благу своего народа, державному достоинству своей Родины. И вместе с тем он всегда оставался человеком глубокой веры во Христа Спасителя, строго приверженным православным нравственным началам, человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви.

Именно это гармоничное сочетание личной праведности и ревностного общественного служения, и стало шавным побуждением к прославлению Феодора Ушакова Церковью Христовой.

Совершая это прославление, мы молитвенно обращаемся к угоднику Божию с прошением о его духовном содействии и покровительстве по отношению не только к жителям Мордовии, где почивают его святые мощи, но и к воинам Российского Военно-Морского флота, которые продолжают ушаковские нравственные традиции доблести, чести и милосердия.

Молитвами праведного флотоводца его нынешние последователи да будут столь же

непобедимыми защитниками достоинства Андреевского стяга. Святой праведный Феодоре, моли Бога о нас!

Москва

3 августа 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		3
ДЕТСТВО	1. УШАКОВЫ	5
	2. В МОРСКОМ КОРПУСЕ	17
ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ	1. ПОХОД В АРХАНГЕЛЬСК	29
	2. НА АЗОВСКОЙ ФЛОТИЛИИ	33
ОТ БАЛТИКИ ДО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ	1. «ТОРГОВАЯ» ЭКСПЕДИЦИЯ	47
	2. В РЫБИНСК ЗА ЛЕСОМ	70
	3. «ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»	77
«НОГОЮ ТВЕРДОЙ ВСТАТЬ ПРИ МОРЕ»	1. БОРЬБА ЗА КРЫМ	89
	2. СОЗДАНИЕ ФЛОТА НА ЧЕРНОМ МОРЕ	126
	3. НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЦКОЙ ВОЙНЫ	139
	4. ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА	142
ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА	1. НАЧАЛО ВОЙНЫ	149
	2. КИНБУРН	155
	3. СРАЖЕНИЯ В ЛИМАНЕ	165
	4. ФИДОНИСИ	179
	5. КАМПАНИЯ 1789 ГОДА	194
СЛАВНЫЕ ПОБЕДЫ УШАКОВА	1. РЕЙД НА СИНОП	203
	2. КЕРЧЬ	209
	3. ТЕНДРА	215
	4. КАЛИАКРИЯ	228
	5. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ	253
В КОНЦЕ «ЗОЛОТОГО» ВЕКА	1. НА ФОНЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	268
	2. НЕОБЫЧНЫЙ СОЮЗ	288
ПРОТИВНИКИ И СОЮЗНИКИ НА МОРЕ	1. ФЛОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ	311
	2. ФЛОТ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ	326

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПАНИЯ	1. ОККУПАЦИЯ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ	335
	2. ТАЙНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БОНАПАРТА	340
	3. АБУКИР	358
СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	1. КОРФУ	384
	2. ИОНИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА	407
	3. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ	410
	4. БЛОКАДА АНКОНЫ	436
	5. ЗАВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	442
	6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭСКАДРЫ	474
НА СКЛОНЕ ЛЕТ	1. НЕ У ДЕЛ	490
	2. У СВЯТЫХ СТЕН	496
РОДОСЛОВНАЯ УШАКОВЫХ		507
ТРАДИЦИИ УШАКОВА	1. «И В МЕДАЛЬОНЕ УШАКОВ...»	526
	2. ИМЯ УШАКОВА НА БОРТУ	530
ПРОСЛАВЛЕНИЕ АДМИРАЛА		547
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ		554
ПРИЛОЖЕНИЯ		561

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 2, 2 об.

² Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого, состоявшимся с 1714 по генваря 28 дня 1725 г. – Без тит. С. 286, 287.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 244. Л. 4, 36, 39 об.

⁴ Там же. Д. 205. Л. 47, 49 об.

⁵ Там же. Д. 251. Л. 47, 60 об.; Д. 255. Л. 5 об., 33; Д. 257. Л. 5, 5 об.

⁶ Листвицын В. И. Село Богоявленское-на-Острове (Романовский уезд). // Ярославские губернские ведомости. 1872. № 1. С. 2.

⁷ Филиал Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 364. Л. 48.

⁸ Филиал (ГАЯО) г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 809. Л. 121 об.–122 об.

⁹ Там же. Д. 781. Л. 14.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 335. Л. 49 об.

¹¹ Указы Петра Великого... С. 238, 239.

¹² Лакиер А. Русская геральдика. – СПб., 1855. С. 349, 350.

¹³ Указы Петра Великого... С. 630.

¹⁴ Там же. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 45.

- ¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Д. 499. Л. 549.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Берх В. Жизнеописания первых российских адмиралов. – СПб., 1834. Т. 3. С. 28, 29.
- ¹⁹ Там же. – СПб., 1833. Т. 2. С. 281.
- ²⁰ Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. – СПб., 1856. Ч. 1. С. 7.
- ²¹ Гост П. Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях. / Пер. с фр. – СПб., 1764. С. 185.
- ²² Там же. С. 2.
- ²³ Цит. по: Аренс Е.И. История русского флота: Екатерининский период. – СПб., Николаев, 1897. С. 125.
- ²⁴ Регламент о управлении адмиралтейств и флотов. – СПб., 1766. С. 105, 106.
- ²⁵ Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию. – СПб., 1847.
- ²⁶ Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1886. Ч. XI. С. 319.
- ²⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Д. 428. Л. 15–16.
- ²⁸ Там же. Д. 430. Л. 32–37.
- ²⁹ Там же. Л. 52 об., 53 об.
- ³⁰ Там же. Д. 253. Л. 5–8 об.
- ³¹ РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 63. Л. 52.
- ³² Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1877. Ч. VI. С. 314, 315.
- ³³ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 257 а. Л. 2–3 об.
- ³⁴ Аренс Е. И. История Русского флота: Екатерининский период. – СПб.; Николаев, 1897. С. 256, 257.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 6. Л. 7–8.
- ³⁶ Цит. по: Сацкий А. Г. Федор Федорович Ушаков. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 53.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 65. Л. 41.
- ³⁸ Материалы для истории Русского флота. Ч. VI. С. 429.
- ³⁹ Там же. С. 437.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 633. Л. 6, 6 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 7, 7 об.
- ⁴² АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 4391. Л. 9–11.
- ⁴³ Там же. Л. 4–6.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 484. Л. 10–13.
- ⁴⁵ Записки адмирала Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. – СПб., 1834. С. 6.
- ⁴⁶ Там же. С. 47.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 482. Л. 21, 21 об., 31, 31 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 64 об.
- ⁴⁹ М. И. Кутузов. Документы. – М., 1950. Т. 1. С. 14, 15.
- ⁵⁰ Записки адмирала Шишкова... С. 29.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 494. Л. 21 об.
- ⁵² Там же. Л. 25–26.
- ⁵³ Записки адмирала Шишкова... С. 41.
- ⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 494. Л. 41–42.
- ⁵⁵ Там же. Д. 491. Л. 59–60.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 678. Л. 101 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 110 об.
- ⁵⁸ Мазюкевич М. Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. – СПб., 1874. С. 227, 228.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 633. Л. 1–5.

- ⁶⁰ Рыбинск: документы и материалы по истории города. С. 46.
- ⁶¹ Указы блаженные и вечнодостоинья памяти государя императора Петра Великого, состоявшимся с 1714 по генваря 28 дня 1725 г. – Без тит. С. 74,75.
- ⁶² Там же. С. 759–772.
- ⁶³ Берх В. Жизнеописания первых российских адмиралов. В 4 ч. – СПб., 1836. Ч. 4. С. 88–89.
- ⁶⁴ Там же. – СПб., 1834. Ч. 3. С. 41.
- ⁶⁵ Врангель В. История лесного законодательства Российской империи. – СПб., 1841. С. 27.
- ⁶⁶ Там же. С.38–40.
- ⁶⁷ Филиал ГАЯО г. Рыбинск. Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.
- ⁶⁸ Цит. по: Сацкий А.Г. Федор Федорович Ушаков. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 55, 56.
- ⁶⁹ Филиал ГАЯО г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 7836.
- ⁷⁰ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 1158. Л. 1–3.
- ⁷¹ Филиал ГАЯО г. Рыбинск. Ф. 432. Оп. 9. Д. 6. Л. 2, 4 об.; РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 2 об.
- ⁷² АВПРИ.Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 263. Л. 13–15 об.
- ⁷³ О вооруженном морском нейтралитете. – СПб., 1859. С. 64–66.
- ⁷⁴ Там же. С. 7.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591. Ч. 1. Л. 8.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ⁷⁸ Там же. Л. 122–127 об.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 595. Л. 186.
- ⁸⁰ Сацкий А.Г. Федор Федорович Ушаков. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 56.
- ⁸¹ Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1888. Ч. XII. С. 615.
- ⁸² Мазюкевич М. Прибрежная война... С. 237–243.
- ⁸³ Материалы для истории Русского флота. Ч. XII. С. 719.
- ⁸⁴ Там же. С. 721.
- ⁸⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 118. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Д. 280. Л. 76–78 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 36, 36 об.
- ⁸⁸ Там же. Д. 265. Л. 2, 2 об.
- ⁸⁹ Там же. Д. 482. Л. 42.
- ⁹⁰ Там же. Л. 57.
- ⁹¹ Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 11.
- ⁹² Там же. Д. 2. Л. 7–9.
- ⁹³ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 491. Л. 26–31 об.
- ⁹⁴ Там же. Д. 514. Л. 42 об., 43.
- ⁹⁵ Там же. Л. 43, 43 об.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 14, 14 об.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 517. Л. 2–4.
- ⁹⁸ Там же. Л. 97 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 99.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 41.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 519. Л. 46, 47.
- ¹⁰² Там же. Л. 66–67.
- ¹⁰³ Там же. Л. 92.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 520. Л. 38 об., 39.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 43.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 2–3.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 521. Л. 15.

- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 16.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 521. Л. 16 об., 17.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 46–47.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 521. Л. 89 об.
- ¹¹² Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 45 об.
- ¹¹³ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 521. Л. 58 об.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 149–150, 175.
- ¹¹⁵ Масловский Д. Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.). // Военный сборник. 1894. № 2. С. 228.
- ¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 22, 23.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 522. Л. 5, 5 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 28.
- ¹¹⁹ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 43–44.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 184–185.
- ¹²¹ Там же. Л. 192, 192 об.
- ¹²² Там же. Л. 222, 222 об.
- ¹²³ Там же. Л. 224–226 об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 231–232.
- ¹²⁵ А. В. Суворов. Письма. / Сост. – Лопатин В. С. – М., 1986. С. 511.
- ¹²⁶ АВПРИ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 40. Л. 240, 240 об.
- ¹²⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 592. Л. 353.
- ¹²⁸ Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1992. Т. 1. С. 142.
- ¹²⁹ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591. Ч. 1. Л. 132–150.
- ¹³⁰ Переписка Екатерины II с императором Иосифом II. // Русский архив. 1880. Кн. 1. Л. 290.
- ¹³¹ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 888. Л. 171, 171 об.
- ¹³² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 592. Л. 356, 356 об.
- ¹³³ Там же. Д. 591. Ч. 1. Л. 190–195.
- ¹³⁴ Там же. Д. 592. Л. 236.
- ¹³⁵ Там же. Д. 585. Л. 10 об.–13 об.
- ¹³⁶ ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15708.
- ¹³⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 631. Л. 53.
- ¹³⁸ Там же. Д. 632. Л. 14, 14 об.
- ¹³⁹ Грамота на права, вольности и преимущества российского дворянства. – СПб., 1785.
- ¹⁴⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 631. Л. 8–19.
- ¹⁴¹ Там же. Д. 617. Л. 93.
- ¹⁴² Там же. Д. 631. Л. 43.
- ¹⁴³ Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1895. Ч. XV. С. 7.
- ¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 274. Л. 1, 2.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 631. Л. 102, 102 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 145. Л. 17–20.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 664. Л. 30 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 632. Л. 14, 14 об.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 622. Л. 32, 33.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 6 об., 7.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 623. Л. 17–19 об.
- ¹⁵² Там же. Д. 624. Л. 89, 90.
- ¹⁵³ Там же. Д. 625. Л. 134–135 об.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 96–98.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 953. Л. 4.

- ¹⁵⁶ Военно-морская идея России. / Российский военный сборник. Выпуск 11. – М., 1998. С. 42.
- ¹⁵⁷ Новиков Н. В. Значение флота в связи с задачами национальной политики России в царствование Екатерины II. Меры для возрождения русской морской силы. // История русской армии и флота. – М., 1912. Т. 8. С. 37.
- ¹⁵⁸ Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1877. Ч. VI. С. 693–696.
- ¹⁵⁹ Сацкий А. Г. Начало создания Черноморского. // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 177.
- ¹⁶⁰ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 5 об.
- ¹⁶¹ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 494. Л. 11.
- ¹⁶² Там же. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 264. Л. 1.
- ¹⁶³ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. – М., 1959. Л. 81.
- ¹⁶⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 554. Л. 336.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 702. Л. 17 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Д. 554. Л. 32, 336 об.–34 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591. Ч. 1. Л. 99.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 614. Л. 4–5.
- ¹⁶⁹ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 10, 11.
- ¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 71. Л. 2, 101–102 об.
- ¹⁷¹ Данилов П. А. Жизнь моя (1759–1806). // Кронштадтский вестник. 1913. № 83. С. 3.
- ¹⁷² РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 282. Л. 103.
- ¹⁷³ Ильинский В. К биографии адмирала Ф. Ф. Ушакова. Борьба с чумой в Херсоне (1783 г.). // Морской сборник. 1914. № 4. С. 12.
- ¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 1.
- ¹⁷⁵ Ильинский В. К биографии адмирала Ф. Ф. Ушакова. Борьба с чумой в Херсоне (1783 г.). // Морской сборник. 1914. № 4. С. 15.
- ¹⁷⁶ ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15920.
- ¹⁷⁷ Там же. № 15929.
- ¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 640. Л. 52 об.
- ¹⁷⁹ Цит. по: Сацкий А. Г. Федор Федорович Ушаков. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 58.
- ¹⁸⁰ ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16.240.
- ¹⁸¹ Там же. Т. 44. С. 182–186.
- ¹⁸² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 638. Л. 70–90.
- ¹⁸³ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 279. Л. 110, 110 об.
- ¹⁸⁴ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 71–75.
- ¹⁸⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 656. Л. 45–46.
- ¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 206–211.
- ¹⁸⁷ Там же. Д. 399. Ч. 5. Л. 125 об.–126 об.
- ¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 23 об., 24.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 4.
- ¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 413. Л. 4 об.
- ¹⁹¹ Брикнер А. Г. Потемкин. – М., 1996. С. 97.
- ¹⁹² Там же. С. 101.
- ¹⁹³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 431. Л. 5–13.
- ¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 17–26.
- ¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 413. Л. 12, 14.
- ¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 17.
- ¹⁹⁷ Там же. Д. 697. Л. 10.
- ¹⁹⁸ Там же. Д. 691. Л. 74 об.–75 об.
- ¹⁹⁹ Там же. Д. 692. Л. 1–4.
- ²⁰⁰ Там же. Д. 698. Л. 28–29.

- 201 Там же. Д. 697. Л. 92.
- 202 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.
- 203 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 701. Л. 57 об.
- 204 Там же. Д. 698. Л. 63.
- 205 Там же. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 6842. Л. 23–28 об.
- 206 Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1895. Ч. XV. С. 57, 58.
- 207 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 698. Л. 64.
- 208 Там же. Д. 702. Л. 21 об.
- 209 Там же. Д. 701. Л. 65.
- 210 Масловский Д. Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.). // Военный сборник. 1894. № 2. С. 230.
- 211 А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. С. 115.
- 212 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 40–44.
- 213 Ковалевский Ф. М. О памятнике Суворову в Кинбурне. // Военный сборник. 1902. № 2. С. 58.
- 214 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 702. Л. 18.
- 215 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 282. Л. 44.
- 216 Там же. Д. 428. Л. 2, 2 об.
- 217 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 16–18.
- 218 Там же. Д. 702. Л. 22 об., 23.
- 219 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 2. Л. 4.
- 220 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 702. Л. 47, 52, 57.
- 221 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 2. Л. 60.
- 222 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 1–9, 10–11 об., 25.
- 223 Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 54. Л. 3–4, 7, 15–17.
- 224 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 33.
- 225 Там же. Л. 41, 41 об.
- 226 Там же. Л. 44 об.–47.
- 227 Там же. Л. 50 об.
- 228 Там же. Д. 716. Л. 25.
- 229 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 76.
- 230 Веселаго Ф. Ф. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. – СПб., 1871. С. 44.
- 231 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 78–86.
- 232 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 72 об., 73.
- 233 Там же. Л. 78.
- 234 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 156, 157.
- 235 Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1951. Т. 1. С. 63.
- 236 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 166, 167.
- 237 Там же. С. 163.
- 238 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 82.
- 239 Там же. Л. 83 об.
- 240 Там же. Л. 85 об.
- 241 Там же. Л. 99.
- 242 Висковатов В. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 год. – СПб., 1828. С. 26.
- 243 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 99 об., 100.
- 244 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 160–170.
- 245 АВПРИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 713. Л. 1, 1 об.
- 246 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 118.

- ²⁴⁷ Там же. Д. 856. Л. 57 об.–58 об.
- ²⁴⁸ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 2. Л. 16–17 об.
- ²⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 856. Л. 64 об.
- ²⁵⁰ Там же. Ф. 41. Оп. 3. Д. 176. Л. 4, 4 об.
- ²⁵¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 3. Л. 138.
- ²⁵² Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. – М., 1997. С. 342, 343.
- ²⁵³ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 257.
- ²⁵⁴ Цит. по: Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791 гг. – СПб., 1880. Т. 2. С. 7.
- ²⁵⁵ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 3. Л. 51 об, 52.
- ²⁵⁶ Цит. по: Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791 гг. – СПб., 1880. Т. 2. С. 101.
- ²⁵⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 37, 37 об.
- ²⁵⁸ Там же. Ф. 41. Оп. 3. Д. 183. Л. 28 об.
- ²⁵⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 54 об.
- ²⁶⁰ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790–1793 гг. – СПб., 1895. С. 16.
- ²⁶¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1768–1791. – М., 1997. С. 405.
- ²⁶² АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 359 об.
- ²⁶³ Там же. Л. 325.
- ²⁶⁴ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 16.
- ²⁶⁵ Тульчин. Описание походов россиян против турков. 1787–1791 гг. – 1827 (Рукопись). / РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 306–307 об.
- ²⁶⁶ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 307.
- ²⁶⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 301 об.
- ²⁶⁸ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 511. Ч. 1. Л. 8.
- ²⁶⁹ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 311.
- ²⁷⁰ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 92.
- ²⁷¹ Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1951. Т. 1. С. 239.
- ²⁷² Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 423.
- ²⁷³ Там же. С. 425.
- ²⁷⁴ АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 7–9 об.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 19, 19 об.
- ²⁷⁶ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 108.
- ²⁷⁷ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 50 об.
- ²⁷⁸ Там же. Ф. 41. Оп. 3. Д. 186. Л. 15.
- ²⁷⁹ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... С. 247.
- ²⁸⁰ АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 71.
- ²⁸¹ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 135.
- ²⁸² РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 560. Л. 94.
- ²⁸³ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 320.
- ²⁸⁴ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 560. Л. 127.
- ²⁸⁵ Там же. Л. 119, 119 об.
- ²⁸⁶ Там же. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 315.
- ²⁸⁷ Цит. по: Сацкий А. Г. Федор Федорович Ушаков. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 64.
- ²⁸⁸ Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 1. С. 314.
- ²⁸⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 430, 431.
- ²⁹⁰ Цит. по: Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774–1792. – М., 2001. С. 360.
- ²⁹¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 435.

- ²⁹² Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 334.
- ²⁹³ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 185, 186.
- ²⁹⁴ АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 109 об., 110.
- ²⁹⁵ Там же. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 61 об., 62.
- ²⁹⁶ Там же. Л. 87.
- ²⁹⁷ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 118.
- ²⁹⁸ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 438.
- ²⁹⁹ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 156.
- ³⁰⁰ Там же. С. 174.
- ³⁰¹ Там же. С. 191, 192.
- ³⁰² РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 432. Ч. 3. Л. 155, 156.
- ³⁰³ Там же. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 338 об.
- ³⁰⁴ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 310.
- ³⁰⁵ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 197, 198.
- ³⁰⁶ АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 191. Л. 10.
- ³⁰⁷ Там же. Л. 26.
- ³⁰⁸ Там же. Л. 30.
- ³⁰⁹ Там же. Л. 70, 81, 81 об.
- ³¹⁰ Там же. Л. 114–116 об.
- ³¹¹ Там же. Л. 117.
- ³¹² Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 217. Л. 31.
- ³¹³ Там же. Д. 212. Л. 126–127.
- ³¹⁴ Там же. Л. 41–46 об.
- ³¹⁵ Там же. Д. 191. Л. 76, 76 об.
- ³¹⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 53.
- ³¹⁷ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 217. Л. 69 об., 79 об.
- ³¹⁸ Цит. по: Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791 гг. – СПб., 1880. Т. 2. С. 193, 194.
- ³¹⁹ Памятные записки А. В. Храповицкого. – М., 1862. С. 242.
- ³²⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 53–54 об.
- ³²¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 945.
- ³²² Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 387.
- ³²³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 219.
- ³²⁴ Там же. Л. 308.
- ³²⁵ Там же. Л. 318.
- ³²⁶ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 397, 398.
- ³²⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 326.
- ³²⁸ АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 194. Л. 23.
- ³²⁹ Там же. Д. 193. Л. 123 об., 124.
- ³³⁰ Там же. Л. 125 об.
- ³³¹ Там же. Д. 194. Л. 31 об.
- ³³² Там же. Д. 193. Л. 125.
- ³³³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 312.
- ³³⁴ Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 1. С. 521.
- ³³⁵ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 580.
- ³³⁶ Цит. по: Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774–1792. – М., 2001. С. 369.
- ³³⁷ Скаловский Р. Указ. соч. С. 164, 165.
- ³³⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 752. Л. 18–19.
- ³³⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 173.

- 340 Там же. С. 278.
- 341 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 17.
- 342 АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 112 об.
- 343 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 47.
- 344 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 399. Ч. 5. Л. 125 об.–126 об.
- 345 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 702. Л. 24.
- 346 Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 230.
- 347 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 65, 96–98.
- 348 АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 270–271.
- 349 Екатерина II и Г. А. Потемкин. Указ. соч. С. 248.
- 350 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 337.
- 351 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 288, 289.
- 352 Там же. С. 289, 290.
- 353 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 1. С. 211.
- 354 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 289.
- 355 Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. – М., 1836. С. 197.
- 356 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 47.
- 357 Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 288, 290.
- 358 РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 318.
- 359 Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1951. Т. 1. С. 593.
- ³⁶⁰ РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1859. Л. 3, 3 об. (Документ обнаружен И. С. Тихоновым).
- 361 АВПРИ.Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 297. Л.3–5 об.
- 362 РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 344.
- 363 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 789. Л. 69, 69 об.
- 364 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1071. Л. 1.
- 365 Там же. Л. 2.
- 366 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 763. Л. 33 об.
- 367 Там же. Л. 56.
- 368 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1071. Л. 5.
- 369 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 763. Л. 47.
- 370 Там же. Д. 802. Л. 1.
- 371 Обзор кампаний 1796 и 1797 г. в Италии и Германии. // Международная военно-историческая библиотека. Пер. с франц. – СПб., 1890. Т. VI. С. 3.
- 372 АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 588. Ч. 2. Л. 260–264.
- 373 Там же. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 660; Д. 6007. Л. 70, 72.
- 374 Цит. по: Отечественная война и русское общество. 1812–1912. – М., 1911. Т. 1. С. 36.
- 375 История человечества. /Пер. с нем. – СПб., 1896. Т. 8. С. 27, 28.
- 376 Россия и Европа: Дипломатия и культура. – М., 1995. С. 26.
- 377 Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... С. 634.
- 378 АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 4391. Л. 37.
- 379 Лависс Э., Рамбо А. История Французской революции 1789–1799 гг. / Пер. с франц. – СПб., 1902. Ст. 286.
- 380 РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 365. Л. 154–175.
- 381 АВПРИ Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 6007. Л. 67 об.–68.
- 382 Цит. по: Отечественная война и русское общество. 1812–1912. – Т. 1. С. 65.
- 383 Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1992. Т. 1. С. 181.
- 384 РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1859. Л. 3, 3 об.
- 385 Материалы для истории Русского флота. – СПб., 1902. Ч. XVI. С. 47.
- 386 Данилов П. А. Жизнь моя (1756–1806). // Кронштадтский вестник. 1913. № 97. С. 2.

- 387 Скаловский Р. Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова. – СПб., 1856. Ч. 1. С. 200.
- 388 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 313. Л. 2–3.
- 389 Там же. Д. 2160. Л. 4 об.
- 390 Там же. Д. 865. Л. 22–23.
- 391 Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1952. Т. 2. С. 3.
- 392 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 864. Л. 18.
- 393 Там же. Д. 871. Л. 1 об.–4 об.
- 394 Там же. Д. 865. Л. 92–96 об.
- 395 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 32.
- 396 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 871. Л. 61, 61 об.
- 397 Там же. Л. 12–19 об.
- 398 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 42.
- 399 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 873. Л. 3 об.
- 400 Там же. Л. 30–40.
- 401 Там же. Ф. 66. Оп. 6. Д. 39. Л. 1–2.
- 402 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 595. Л. 101 об.
- 403 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 115. Л. 12 об.
- 404 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 53.
- 405 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 874. Л. 52 об.
- 406 Там же. Д. 870. Л. 28–29.
- 407 Там же. Д. 874. Л. 104.
- 408 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 81.
- 409 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 1 об.
- 410 Там же. Л. 64 об.
- 411 Там же. Л. 2.
- 412 Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 116. Л. 2–4.
- 413 Там же. Л. 12.
- 414 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 874. Л. 47, 47 об.
- 415 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 84.
- 416 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 65 об.
- 417 Там же. Л. 23 об.
- 418 Там же. Л. 64.
- 419 Там же. Л. 27.
- 420 Там же. Д. 877. Л. 16 об.
- 421 Там же. Д. 876. Л. 69.
- 422 Материалы для истории Русского флота. Ч. XVI. С. 264.
- 423 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 29.
- 424 Там же. Л. 24 об., 26 об.
- 425 Там же. Д. 876. Л. 5, 5 об.
- 426 Там же. Д. 870. Л. 38–40 об.
- 427 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1333. Л. 308–315 об.
- 428 Висковатов А. В. Союз России с Турцией и русский флот в Константинополе в 1798 г. // Северная пчела. 1833. № 48. С. 187.
- 429 АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 348.
- 430 Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 549. Л. 76–82.
- 431 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 887. Л. 31.
- 432 Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... – М., 1995. С. 739.
- 433 АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 547. Л. 16–22.
- 434 Журьен де-ла-Гравьер. Воспоминания адмирала. // Морской сборник. 1860. № 10. С. 108.

- ⁴³⁵ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю 1793–1812 г. / Пер. с англ. – СПб., 1898. Т. II. С. 419.
- ⁴³⁶ Цит. по: White D. Французский флот времен великой французской революции. // Морской сборник. 1917. № 4. С. 21.
- ⁴³⁷ Журьен де-ла-Гравьер. Указ. соч. С. 108.
- ⁴³⁸ White D. Указ. соч. С. 23.
- ⁴³⁹ Журьен де-ла-Гравьер. Указ. соч. № 9. С. 398, 399, 403, 423.
- ⁴⁴⁰ Там же. № 10. С. 109, 110.
- ⁴⁴¹ White D. Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁴² Кладо Н. Л. Организация морской силы. Ч. II. Организация французского флота. – СПб., 1901. С. 23.
- ⁴⁴³ Шабо-Арно Ш. История военных флотов. / Пер. с франц. – СПб., 1896. С. 265.
- ⁴⁴⁴ White D. Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁴⁵ White D. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁴⁶ Журьен де-ла-Гравьер. Указ. соч. № 11. С. 281.
- ⁴⁴⁷ Джемс Д. История великобританского флота от времен Французской революции по Наваринское сражение. / Пер. с англ. – Николаев. 1845. С. 55.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 54.
- ⁴⁴⁹ White. D. Матросские движения в английском флоте в конце XVIII века. // Морской сборник. 1917. № 9. С. 61.
- ⁴⁵⁰ Джемс Д. Указ. соч. Т. 2. С. 73.
- ⁴⁵¹ White. D. Матросские движения в английском флоте в конце XVIII века. С. 60.
- ⁴⁵² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2159. Л. 5 об.–10.
- ⁴⁵³ Ф. Ф. Ушаков. Документы. – М., 1951. Т.1. С. XXIII.
- ⁴⁵⁴ Цит. по: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. – М., 1983. С. 33.
- ⁴⁵⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2159. Л. 22, 22 об.
- ⁴⁵⁶ Там же. Ф. 41. Оп. 3. Д. 452. Л. 9.
- ⁴⁵⁷ Там же. Л. 9 об.
- ⁴⁵⁸ Там же. Л. 10.
- ⁴⁵⁹ Там же. Л. 32 об.
- ⁴⁶⁰ Там же. Л. 25.
- ⁴⁶¹ Там же. Л. 26 об.
- ⁴⁶² Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 113. Л. 22–24 об.
- ⁴⁶³ Там же. Л. 71 об.
- ⁴⁶⁴ Там же. Л. 83 об.
- ⁴⁶⁵ Янсон А. Внезапное нападение через море – как способ начала военных действий. // Морской сборник. 1911. № 4. С. 77
- ⁴⁶⁶ Харботл Т. Битвы мировой истории. / Пер. с англ. – М., 1993. С. 194.
- ⁴⁶⁷ Минье. История Французской революции. / Пер. с франц. – СПб., 1901. С. 322.
- ⁴⁶⁸ Янсон А. Указ. соч. № 5. С. 51.
- ⁴⁶⁹ Там же. С. 52.
- ⁴⁷⁰ Там же.
- ⁴⁷¹ АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 113. Л. 97.
- ⁴⁷² Там же. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 4391. Л. 181.
- ⁴⁷³ Там же. Л. 188.
- ⁴⁷⁴ Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 113. Л. 119 об.
- ⁴⁷⁵ Там же. Л. 70.
- ⁴⁷⁶ Там же. Д. 114. Л. 19, 19 об.
- ⁴⁷⁷ Там же. Л. 20.

- 478 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 264. Л. 36.
- 479 Там же. Ф. 66. Оп. 6. Д. 174. Л. 59.
- 480 Там же. Л. 63.
- 481 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1364. Л. 6–7.
- 482 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 114. Л. 107 об.
- 483 Там же. Д. 115. Л. 26, 36. 36 об.
- 484 Там же. Л. 37 об., 49 об.
- 485 Там же. Л. 54 об., 73.
- ⁴⁸⁶ Джемс Д. История великобританского флота от времен Французской революции по Наваринское сражение. / Пер. с англ. – Николаев. 1845. Т. 2. С. 173.
- 487 Нельсон и его капитаны. // Морской сборник. 1917. № 1. С. 43.
- 488 Там же. С. 44.
- 489 АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 264. Л. 89–90.
- 490 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 874. Л. 18–19.
- 491 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1356. Л. 7.
- 492 Нельсон и его капитаны. // Морской сборник. 1917. № 1. С. 54.
- 493 Экинс Ч. Описание сражений английского флота с 1690–1827. С критическим разбором. / Пер. с англ. – СПб., 1840. С. 62, 65.
- 494 Клерк Д. Движение флотов. В 2 ч. / Пер. с англ. – СПб., 1803. Ч. 1. С. 122.
- ⁴⁹⁵ Гост П. Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях. / Пер. с франц. – СПб., 1764. С. 382.
- 496 АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 264. Л. 111.
- 497 Там же. Л. 112.
- 498 Журьен-де-ла-Гравьер. Морские войны времен Французской республики и империи. / Пер. с франц. – СПб., 1851. Ч. 1. С. 151, 152.
- 499 АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 116. Л. 53 об.
- 500 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 6–8.
- 501 Джемс Д. История великобританского флота от времен Французской революции по Наваринское сражение. / Пер. с англ. – Николаев. 1845. Т. 2. С. 212, 213.
- 502 АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 116. Л. 74, 74 об.
- 503 АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 116. Л. 104.
- 504 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 65.
- 505 Там же. Д. 876. Л. 6 об.
- 506 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 73 об.
- 507 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 876. Л. 71.
- 508 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 194.
- 509 АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 22 об.
- 510 Там же. Л. 64.
- 511 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 244.
- 512 Журьен-де-ла-Гравьер. Морские войны времен Французской республики и империи. В 2 т. / Пер. с франц. – СПб., 1851. Т. 1. С. 183.
- 513 Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. – М. 1948. С. 133.
- 514 Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. – СПб., 1856. Ч. 1. С. 322.
- 515 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 26–28 об.
- 516 Там же. Л. 28 об.–29 об.
- 517 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 878. Л. 76.
- 518 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 125–128 об.
- 519 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 378–380.
- 520 Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. – Петроград, 1915. С. 212.
- 521 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 381.

- 522 РГА ВМФ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 15. Л. 36–38.
- 523 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 129–130.
- 524 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 426.
- 525 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 145.
- 526 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 424, 425.
- 527 А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. С. 705.
- 528 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 441.
- 529 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 143.
- 530 Там же. Л. 107, 107 об.
- 531 Там же. Л. 108, 118.
- 532 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 890. Л. 6 об., 7.
- 533 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 125–129 об.
- 534 Там же. Д. 1417. Л. 38.
- 535 Там же. Д. 1466. Л. 7, 7 об.
- 536 Там же. Д. 1417. Л. 38.
- 537 Скаловский Р. Указ. соч. С. 320.
- 538 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 40, 40 об.
- 539 Скаловский Р. Указ. соч. С. 321.
- 540 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 472.
- 541 Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. – М., 1994. С. 213.
- 542 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 108 об.
- 543 Там же. Д. 1409. Л. 56.
- 544 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 877. Л. 15 об.
- 545 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 130.
- 546 Ф. Ф. Ушаков. Документы. Т. 2. С. 520–526.
- 547 АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 295.
- 548 Там же. Д. 1364. Л. 50, 50 об.
- 549 Там же. Д. 1479. Л. 294.
- 550 Там же. Д. 1409. Л. 80.
- 551 Гашо Э. Первая кампания французов в Италии (1795–1798). / Пер. с франц. – СПб., 1902. С. 246, 247.
- 552 Лависс Э., Рамбо А. История Французской революции 1789–1799 гг. / Пер. с франц. – СПб., 1902. С. 510.
- 553 АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 263. Л. 26, 27, 32, 44.
- 554 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 113. Л. 116.
- 555 Там же. Л. 118.
- 556 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 264. Л. 93 об., 94.
- 557 Там же. Д. 265. Л. 37.
- 558 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1364. Л. 10 об.
- 559 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 73, 81 об.
- 560 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 870. Л. 86–87.
- 561 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 348.
- 562 Там же. Д. 265. Л. 88 об.
- 563 Там же. Д. 272. Л. 1.
- 564 Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 508. Л. 70 об.
- 565 Там же. Л. 67–68.
- 566 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 272. Л. 3–4.
- 567 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 4.
- 568 Там же. Д. 1364. Л. 30 об., 31.
- 569 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 887. Л. 31.

- 570 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 272. Л. 13.
- 571 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 86.
- 572 Там же. Д. 1412. Л. 108 об.–111 об.
- 573 Там же. Д. 1364. Л. 30.
- 574 Филиал ГАЯО г. Рыбинск. Ф. 182. Оп. 1. Д. 3 (нечисловано).
- 575 АВПРИ.Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 333–335 об.
- 576 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 123. Л. 55.
- 577 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 319.
- 578 Там же. Л. 320–321.
- 579 Dupont M. Le raid de Bruix. // *Revue historique des armees*. 1990. № 4. P. 20.
- 580 Коломб. Морская война. / Пер. с англ. – СПб., 1894. С. 224.
- 581 Dupont M. Le raid de Bruix. // *Revue historique des armees*. 1990. № 4. P. 23.
- 582 Коломб. Морская война. С. 226–228.
- 583 АВПРИ.Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 306, 306 об.
- 584 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 123. Л. 99, 120 об.
- 585 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1381. Л. 26.
- 586 А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. С. 333.
- 587 АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 887. Л. 74, 74 об.
- 588 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 324–325.
- 589 Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1203. Л. 36–37.
- 590 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 160.
- 591 Там же. Л. 164–165 об.
- 592 Там же. Д. 1479. Л. 471.
- 593 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 124. Л. 1, 1 об.
- 594 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1469.
- 595 Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 56.
- 596 Там же. Л. 56–59 об.
- 597 Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 5 т. – СПб., 1852–1857. Т. 2. Ч. 5. С. 98.
- 598 АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 42–45.
- 599 Минье. История Французской революции. / Пер. с франц. – СПб., 1901. С. 323.
- 600 АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 547. Л. 50–55.
- 601 Там же. Л. 65–65 об.
- 602 Там же. Л. 81.
- 603 Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 116. Л. 19–20. Примерно также описывает этот план и Д. А. Милютин. Т. 2. Ч. 5. С. 106.
- 604 АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 99–106; Милютин Д. А. Т. 2. Ч. 5. С. 107–108.
- 605 Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 115. Л. 46–51 об.
- 606 Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 153–156 об.
- 607 Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 547. Л. 136–137; Милютин Д. А. Т. 2. Ч. 5. С. 108–109.
- 608 Милютин Д. А. Т. 2. Ч. 5. С. 112.
- 609 Там же. С. 113.
- 610 АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 172–176.
- 611 Там же. Л. 177–178 об.
- 612 А. В. Суворов. Документы. – М., 1953. Т. 4. С. 437.
- 613 АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Д. 1380. Л. 1.
- 614 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 124. Л. 29 об.–30 об.
- 615 Там же. Л. 82, 82 об.
- 616 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 478–479 об.
- 617 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 275. Л. 48 об.

- 618 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 483 об.
- 619 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 123. Л. 125 об., 126, 141.
- 620 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 275. Л. 49.
- 621 Там же. Д. 273. Л. 1–6.
- 622 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 109–110.
- 623 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 124. Л. 29 об.–30 об.
- 624 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 501–502.
- 625 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 274. Л. 92.
- 626 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 124. Л. 74, 85 об.–86 об.
- 627 Там же. Ф. 78. Оп. 2. Д. 100. Л. 77.
- 628 Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 125. Л. 9.
- 629 Там же. Д. 124. Л. 97 об., 98.
- 630 Там же. Д. 125. Л. 53–54.
- 631 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1364. Л. 57 об., 58.
- 632 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 273. Л. 36–38.
- 633 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 526, 526 об.
- 634 Там же. Л. 525.
- 635 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 886. Л. 60.
- 636 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 118 об.–119 об.
- 637 Там же. Д. 1434. Л. 7–13.
- 638 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 905. Л. 5–6.
- 639 Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1246. Л. 1–6.
- 640 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 286. Л. 7.
- 641 Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.
- 642 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 918. Л. 26, 33.
- 643 Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1992. Т. 1. С. 192.
- 644 РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 9.
- 645 РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 6. Д. 30. Л. 50.
- 646 РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 10.
- 647 РГИА. Ф. 513. Оп. 168. Д. 326. Л. 14.
- ⁶⁴⁸ Цит. по: Машков В. А. Ушаков – благодетель. / Адмирал Ушаков. Материалы и документы. – СПб., 1998. С. 44.
- 649 РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1976.
- 650 Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. – М., 1948. С. 223.
- 651 Санкт-петербургские ведомости. 4 января 1807 г. № 2. С. 11.
- 652 РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 37.
- 653 РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1859. Л. 2.
- ⁶⁵⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал государыни императрицы Марии Федоровны 1810 года, январь – июнь. – СПб., 1909. С. 310–313.
- 655 РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 299. Л. 10–11.
- 656 ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 3002. Л. 25–27.
- 657 Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков, 1816. С. 19, 25, 28.
- 658 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 4743. Л. 84 (Документ найден И. С. Тихоновым).
- 659 Материалы ВУА. Т. 5. С. 77.
- 660 РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 1861.
- ⁶⁶¹ Известие о кончине адмирала Ф. Ф. Ушакова. // Русский вестник. 1817. № 23, 24. С. 15–19.
- 662 ГАМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 19.
- 663 ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 3002. Л. 27–28.
- 664 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 31. Л. 128–129; Д. 36. Л. 897 об.–898.

-
- ⁶⁶⁵ Там же. Оп. 1 Д. 54. Л. 429 об.–430; Ф. 432. Оп. 5. Д. 335.
- ⁶⁶⁶ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 102. Л. 631–632; Ф. 432. Оп. 5. Д. 335.
- ⁶⁶⁷ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 185. Л. 1020–1021; Ф. 432. Оп. 5. Д. 336; 3721. Л. 1.
- ⁶⁶⁸ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 367. Ч. 4. Л. 714; Ф. 432. Оп. 5. Д. 3721. Л. 2.
- ⁶⁶⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 704. Л. 500–512; Ф. 432. Оп. 1. Д. 4159. Л. 1, 5, 7–8.